В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

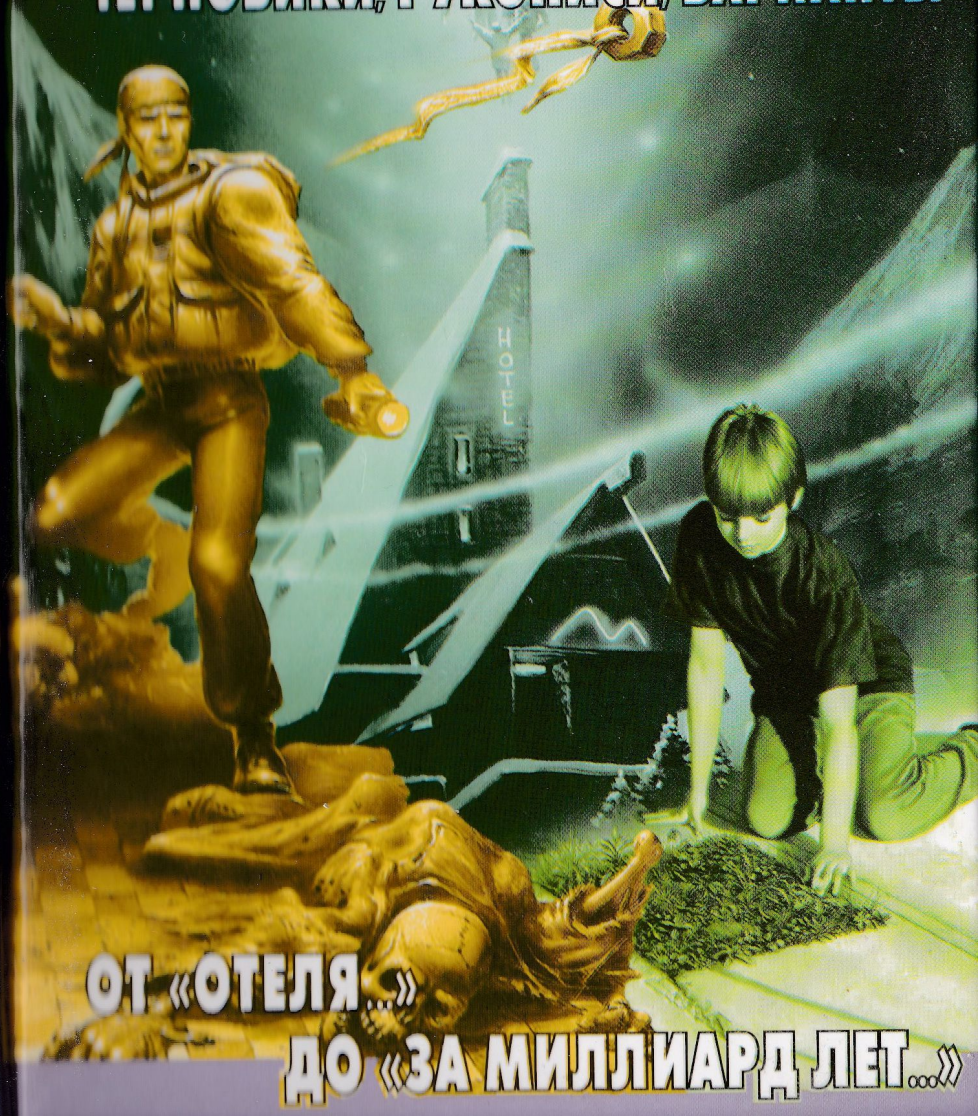
Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

ISBN 966-09-0049-X
9 789660 900493

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

ЧЕРНОВИКИ, РУКОПИСИ, ВАРИАНТЫ

ОТ «ОТЕЛЯ...»
ДО «ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ...»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

Черновики, рукописи, варианты

От «Отеля...» до «За миллиард лет...»

2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н45

Серия «Миры братьев Стругацких» основана в 1996 году

Серийное оформление С.Н. Герцевой и А.А. Кудрявцева

Иллюстрации А.Н. Стругацкого, Б.Н. Стругацкого

Художник А.Е. Дубовик

Подписано в печать 30.05.06. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 1576.

Неизвестные Стругацкие. От «Отеля…» до «За миллиард
Н45 лет…» : черновики, рукописи, варианты / сост. С. Бондаренко. — Донецк: Сталкер, 2006. — 636, [4] с., 16 л. ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 966-09-0049-X

В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сост. С.П. Бондаренко, 2006
© ИКФ «ТББ», 2006
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2006

ВСТУПЛЕНИЕ

Первая книга исследования «Неизвестные Стругацкие. Черновики. Рукописи. Варианты» была посвящена началу творчества АБС[1]. В ней рассматривались черновики и варианты изданий СБТ, «Извне», ПНА, ПХХIIВ, «Стажеров», ПКБ, ДР, ТББ, приводились тексты неизданных рассказов, в том числе незаконченных. Во второй книге рассматривались черновики и варианты изданий ПНВС, ХВВ, УНС, ВНМ, ГЛ, СОТ, ОО.

Эта книга продолжает рассматривать творчество АБС в хронологическом порядке. Тому, кто читал первую или вторую книгу, позвольте напомнить, а тому, кто не читал, сообщить, что:

— это ни в коей мере не литературоведческий труд, это не исследование о влиянии личной жизни и жизни общества на произведения Стругацких; это не исследование темы текстов, их идеи и прочих литературоведческих «штучек»; здесь не будет поиска взаимосвязи между произведениями — как хронологическо-тематической, так и в плане идейного роста писателей... Это даже не исследование сотворения Стругацкими своих произведений, это только МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать будут позже и исследовать будут другие, я же даю только толчок: «Посмотрите, сколько тут интересного для вашей работы!»;

— здесь не будет напоминаний читателю фабулы, сюжета произведений и имен главных и второстепенных героев, не будет также приводиться и основной (окончательный) текст для срав-

---

[1] В данном исследовании использованы сокращения, принятые среди почитателей творчества братьев Стругацких. Список сокращений см. в конце книги. — *С. Б.*

нения с тем, что было первоначально задумано Авторами; эта книга для читателя-«людена» (не обязательно относящегося к нашей группе «Людены», изучающей творчество АБС вот уже более пятнадцати лет; «людена в душе», который знает, любит и перечитывает тексты АБС) и читателя — исследователя загадки творчества вообще (кому интересен не только окончательный текст, но и КАК к нему шел писатель; этот читатель сам, ежели чего не знает или не вспомнит, найдет нужную книгу, прочитает и поймет);

— текст книги состоит на три четверти из текстов АБС. Однако БНС отказался поставить на обложке имена авторов («Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий»), и хочется предостеречь читателя: не торопитесь, прочитав какую-то часть черновика, восклицать: «И правильно, что они убрали этот отрывок, это же совершенно дубово написано... И правильно, что они не повели сюжет в этом направлении — это же банальщина... Только посмотрите, какой неправильный оборот... А здесь вот явный фактический ляп...» Это действительно именно черновики. Это действительно было выброшено, или исправлено, или переписано со вкусом. Не ради придирок читателей (а уж тем более — критиков) публикуются эти тексты — пусть читатель придирается к окончательным текстам. Цель этой книги — показать, как создавалось, задумывалось, переписывалось, исправлялось произведение, чтобы в итоге получилось талантливо, ново, свежо, оригинально[1].

---

[1] Как знают читатели двух первых книг «Неизвестных Стругацких», я помогал С. Бондаренко с редактурой и корректурой. Читая замечательные тексты, подготовленные Светланой, и ее комментарии, я не смог удержаться от некоторых замечаний, часть из которых мы рискнули предложить вниманию читателей книги. В третьей книге эти замечания было решено продолжить.

Напомню, что эти замечания-примечания — мнение читателя АБС, а ни в коем случае не претензия на сколько-нибудь серьезное комментирование. Причем это именно мое мнение, а не истина в какой бы то ни было инстанции.

С сожалением должен сказать, что не все материалы группы «Людены», помещенные в книгу, показались мне достойными этого.

Но это уже совсем другая история. *В. Дьяконов*

ОДНА ВСТРЕЧА И ОДНО ПРОЩАНИЕ

(Об Аркадии Натановиче Стругацком и группе «Людены»)

Группа «Людены» создалась в начале 1990 года, а летом этого же года Борис Стругацкий, заботящийся о сохранности архива, договорился с Аркадием Стругацким о передаче папок с материалами, касающихся совместного творчества, ему — из Москвы в Петербург, тогда еще Ленинград. Вообще, как утверждает БНС, его старший брат тяготился этим архивом — занимает много места да уже и не нужен никому. Хотя договоренность братьев оставалась в силе (ни один черновик, ни одна бумажка из архива не должна быть выкинута), АНС иногда позволял себе вольности с архивом, некоторые черновики он дарил друзьям, а однажды даже отдал черновик в издательство для публикации (речь идет о ПНО, но об этом ниже).

Может быть, если бы не болезнь, АНС интересовался бы еще итогами своего творчества, тоже желал бы как-то восстановить по этим архивам исковерканные цензурой произведения, но возраст (а он был старше брата на восемь лет) и болезни сделали свое дело: в то время интерес к этому у него упал, и даже для собрания сочинений (первого собрания сочинений!) в издательстве «Текст» он предлагал любые опубликованные тексты, а не те, что наименее пострадали при публикации. Когда Алексей Кервин сообщил Яне Нагинской (редактору этого собрания сочинений) о том, что предложенную АНом редакцию ТББ ни в коем случае нельзя публиковать в собрании, ибо это — наиболее ис-

кореженный вариант (об этом подробно рассказано в первом томе этого исследования), и Яна прибежала к АНу за разрешением заменить этот вариант другим, АН ответил: «Яночка! Это совершенно неважно. Главное — что собрание выйдет вообще». Хотя в некотором он оставался тверд — ненавистная после многочисленных правок и кажущаяся убогой по сравнению с дальнейшим творчеством СБТ была запрещена им для печати в этом собрании. Поэтому начиналось «текстовское» собрание сочинений с «Извне» и «ПНА», а «СБТ» и некоторые рассказы, казавшиеся ему откровенно слабыми, смогли поместить в это собрание только в один из дополнительных томов, уже в 1992 году.

Итак, Борис Стругацкий договорился с Аркадием о передаче ему части архива и предложил перевезти папки из Москвы в Ленинград Юрию Флейшману и Михаилу Шавшину, которые давно посещали семинар БНа, являлись для него надежными людьми и одновременно — состояли в недавно организованной группе «Людены». Поездка выпадала как раз на конец августа, когда у Аркадия должно было состояться немаловажное событие — юбилей, шестидесятипятилетие, поэтому было решено собраться группой в Москве и одновременно напроситься к писателю в гости — не просто так, а группой «Людены», провести хотя бы короткую беседу с мэтром. Разрешение было получено.

Первая встреча с любимым писателем всегда пугает. Невольно, высоко почитая его творчество, читатель начинает идеализировать и самого писателя, а при встрече великий образ диссонирует с реальным человеком, и читатель часто разочаровывается. Я об этом неоднократно читала и поэтому, идя на первую встречу с мэтром, более всего боялась разочарования. Однако же вид «живого» писателя превзошел все мои ожидания.

Рост у меня, вообще-то, немаленький, я отношусь к разряду так называемых «крупных женщин», привыкла, что собеседники обычно моего роста, чуть выше, чуть ниже. Однако же почти двухметровый АН, с великолепной седой гривой, с мягким раскатистым голосом, с великосветскими манерами обаял меня мгновенно, и только уже много позже, прослушивая не в первый раз беседу с мэтром, я поняла, что во время всего разговора он надо мною, да и над другими, часто подтрунивал, ловил на неточном слове или определении... (Беседа с мэтром — основные ее мо-

менты — представлена в Приложении в конце книги.) Вопросы задавались общие и частные, конкретные и философские. Вместо разрешенного часа беседа длилась почти три часа, и уходили мы оттуда окрыленные и вдохновленные... С надеждой на дальнейшие встречи.

Но, увы, немногим более года прошло, и группе «Людены» снова пришлось собраться в Москве, теперь уже совсем с другими чувствами — провожать АНа в последний путь.

Прошедший год для группы «Людены» действительно был полон вдохновения, энтузиазма и радости. Зимой на первом «Интерпрессконе» группа впервые встретилась с БНом (многие встречались с ним и раньше, но как группа — впервые). Весной прошли первые Стругацкие чтения, тогда еще не вполне удачные — подкачала организация этого мероприятия: то ли оно будет, то ли нет, некоторые то брали, то сдавали билеты... Но Стругацкие чтения состоялись. Потом была уже вторая встреча на «Аэлите» в Свердловске. Начали выходить «Понедельники» Борисова... Эх, Интернета не было тогда! Но зато была почта и была телефонная связь. И писались многочисленные письма по разным адресам — с интересными находками, идеями, с мучающими вопросами. «Людены» перезванивались: изредка, но все же так приятно было услышать голоса единомышленников, тех, кто так тебя понимает в твоем «сумасшествии» (по оценке окружающих).

Алексей Керзин из Москвы звонил регулярно — раз в месяц, иногда — чаще. С каким-то вопросом или просто узнать, как дела. Позвонил он мне и на этот раз — сначала домой, затем, потому что не отвечала,— на работу. А на работе (в Центральной Харцызской библиотеке — тогда я работала там и жила в небольшом городе Донецкой области, Харцызске) в то время как раз проходило очередное заседание клуба любителей фантастики, на котором присутствовали и представители КЛФ двух других городов. Алексей кратко сообщил печальную новость и о том, что подробности неизвестны, и попросил передать это известие Виктору Курильскому, ибо он к нему не может дозвониться. Заседание, конечно, было прервано. И только услышав голос Виктора по телефону, я поняла, как трудно было Алексею говорить всем эти страшные слова: «Аркадий Натанович умер».

Потом было много телефонных звонков: звонила я, «людены» звонили мне. Обсуждался, собственно, один вопрос — име-

ем ли мы право туда ехать. Этот извечный вопрос сомневающегося: «А не буду ли я там лишним?» Там будут родственники, ближайшие друзья, соратники... А кто мы? Но если умом кто и сомневался, то душа требовала — ехать, ибо не ехать было нельзя. Некоторые не приехали из-за того, что пересилила составляющая «буду лишним», некоторые просто не смогли (Владимир Борисов двое суток провел в Красноярском аэропорту, но из-за нелетной погоды так и не смог прилететь). Мы снова встретились.

Я мало что помню из самой панихиды. Были слезы, была горечь утраты, была страшная мысль: «А как же сейчас Борис Натанович? Потерять в одночасье брата, друга, соратника...»

В то время, когда знакома уже была с обоими братьями, всем задавала вопрос: видел ли кто их вдвоем? Ведь так интересно было узнать, как они обращаются друг к другу: два уже немолодых солидных человека, но — братья, но — соавторы. Увы, никто, ибо встречались они, в общем-то, чтобы работать, а не на различных мероприятиях. Не увидела. И теперь уже не увижу.

Горечь утраты, как говорится во многих умных книгах, чаще проявляется в жалости к себе (как же я без него-то буду), чем в жалости к почившему. Может быть. Не знаю. Но тогда почему-то осознала, что добрый десяток лет, еще до знакомства с «людьми», мне просто легче становилось при мысли, что где-то там, в Москве и Ленинграде, живут два очень хороших человека, которым я безмерно благодарна за счастливые часы чтения и изучения их книг. Казалось, что Стругацкие передали меня с рук на руки «людям», чтобы не чувствовалось так одиночество...

Сама панихида была немноголюдной, скромной. Без телевидения, без представителя от Московской мэрии. Уже потом выяснилось, что таково было желание самого Аркадия. Но были представители от когорты писателей, от переводчиков. Говорили добрые слова, произносили речи, возлагали цветы. И Борис Натанович в конце сказал: «Я вас тут многих не знаю, но знаю одно — он вас всех любил».

Трудно рассказывать об этом. Да и нужно ли? У каждого свои потери, свои горечи. Но Аркадий Натанович мне до сих пор еще иногда снится. Большой. Веселый. Обаятельный. Живой...

«ОТЕЛЬ “У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА”»

Название этой повести в процессе создания менялось. Задумывалась она как повесть «В наше интересное время» (сейчас так называется один из ранних рассказов АБС), затем, как пишет БНС в «Комментариях»: «...мы изменили у нашего детектива название — теперь повесть называлась «Дело об убийстве. Еще одна отходная детективному жанру»...» Но издатели заставили снова изменить название, и до последнего времени она выходила под названием «Отель “У Погибшего Альпиниста”». В последние годы БНС попытался восстановить прежнее название, под ним повесть вышла в «Мирах братьев Стругацких» и в собрании сочинений «Сталкера», но все ее помнят и знают как «Отель “У Погибшего Альпиниста”». Прикипело название, и теперь уж — не восстановить, не вернуться к тому, которое считали правильным сами Авторы.

В первом собрании сочинений АБС (в издательстве «Текст») ОУПА почему-то потерял свой знаменитый эпиграф: «Как сообщают, в округе Винги, близ города Мюр, опустился летательный аппарат, из которого вышли желто-зеленые человечки о трех ногах и восьми глазах каждый. Падкая на сенсации бульварная пресса поспешила объявить их пришельцами из космоса... (Из газет)». А в издании «Миров братьев Стругацких» (о многочисленных изменениях в этом издании еще будет рассказано ниже) БУЛЬВАРНАЯ пресса была заменена на БУРЖУАЗНУЮ.

Текст самой повести подвергался многочисленным исправлениям как до печати, так и в разных изданиях.

ЧЕРНОВИК

Детектив, по мнению Авторов, требовал особенной тщательности в описании деталей, в разбивке по времени отдельных эпизодов, поэтому, предварительно обдумав последовательность событий, Авторы составляли хронологические цепочки с указанием времени и действий определенных персонажей повести. В архиве сохранилась разбивка действий по часам — с кем и в какое время одной из ночей разговаривал основной персонаж — Глебски:

1-й допрос Хинкуса — 1 ч.— 1 ч. 30 м.
допр. Барнстокра — 1 ч. 30 м.— 2 ч. 00 м.
допр. Симонэ — 2 ч.— 2 ч. 30 м.
в сейф и Кайса — 2 ч. 30 м.— 3 ч. 00 м.
хозяин и раздумья — 3 ч. 00 м.— 3 ч. 30 м.
Брюн будит — 3 ч. 15 м.
Хинкус свихнулся — 3 ч. 40 м.
Мозесы — 3 ч. 40 м.— 4 ч. 20 м.
проснулся Луарвик в 6 ч. 30 м.

Более в архиве рукописей материалов по созданию текста ОУПА нет, ибо к тому времени АБС уже вели свой рабочий дневник и все разработки сюжета писали именно в нем. Но в архиве сохранился черновик с рукописной правкой, приближающей текст к окончательному — опубликованному — варианту.

Различия в черновике и опубликованном тексте ОУПА чаще всего выражаются в дополнениях (в рукописи что-то описано более подробно, потом Авторы посчитали это несущественным и убрали), либо в правке стиля. При сравнении черновика и первого издания ОУПА (в журнале «Юность») видно, что Авторы, отдав в печать повесть, еще дорабатывали ее, поэтому некоторые ранние (черновые) варианты отдельных слов, предложений и какие-то дополнения, позже убранные из текста, еще присутствуют в журнале.

Можно лишь предполагать, почему Авторы убрали ту или иную подробность из черновика: то ли посчитали ее несущественной и отвлекающей читателя от основной линии повествования, то ли

предпочли оставить какую-то неясность или недоговоренность для фантазии читателя, а то и решили, что фрагмент будет «зарублен» редактором или цензором при подготовке к изданию.

Было вычеркнуто дополнение к описанию Кайсы: кроме «этакая кубышечка», еще и «пышечка этакая». Деятельность Кайсы в номере Глебски («Чемодан был раскрыт, вещи аккуратно разложены») ранее была описана более подробно: вещи не только были РАЗЛОЖЕНЫ, но РАЗЛОЖЕНЫ И РАЗВЕШАНЫ. Размышления Глебски по поводу Кайсы во время рассуждений Алека Сневара о непознанном были более пространными: «Я смотрел на Кайсу и, при всей моей нетерпимости к такого рода похождениям, понимал Згута. Пышечка-кубышечка, взбивающая подушечки, выглядела необычайно заманчиво — было в ней что-то неизвестное, что-то еще непознанное». И несколько позже, после описания, во что была одета Кайса («Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке») идет добавка: «...РУКИ У НЕЕ БЫЛИ ГОЛЫЕ, СДОБНЫЕ, И ГОЛУЮ СДОБНУЮ шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин».

После оценки Глебски своего быстро прошедшего восторга на лыжной прогулке («Просто удивительно, как быстро проходят волны восторга. Грызть себя, уязвлять себя, нудить и зудеть можно часами и сутками, а восторг приходит — и тут же уходит, и ничего от него не остается») в рукописи тоже было продолжение: «...кроме неловкости, мокрой спины и дрожащих от миновавшего возбуждения мышц».

Нос дю Барнстокра описывается не только как «аристократический», но и как нос «феноменальной формы».

Одно из выражений лица, которые опробует Глебски перед выходом на обед, называлось им более детально: «простодушная готовность к РЕШИТЕЛЬНО любым знакомствам».

В рукописи после замечания Глебски, когда они со Сневаром сидят у камина и туда приходит жалующееся на одиночество и ночные страхи чадо («Черт возьми, Алек,— сказал я.— Вы хозяин или нет? Неужели нельзя приказать Кайсе провести ночь с бедной девушкой?»), было продолжение диалога:

— Гм...— сказал хозяин с сомнением, и мне почудилось, будто дитя хихикнуло.

— Или что-нибудь в этом роде...— добавил я с уже меньшим энтузиазмом.

А уже потом идут слова Брюн: «Эта идея мне нравится,— сказало дитя, оживившись.— Кайса — это как раз то, что надо. Кайса или что-нибудь в этом роде».

В очереди в душ Симонэ начинает рассказывать анекдот «про холостяка, который поселился у вдовы с тремя дочками». Затем появляется госпожа Мозес, и Симонэ прерывает рассказ. В рукописи об этом Глебски рассказывает более подробно: «С первой дочкой он разделался быстро, а об остальных мы, к счастью, так ничего и не узнали, потому что в холле объявилась госпожа Мозес...»

Во время игры в бильярд, когда Симонэ и Глебски обсуждают приехавших новичков, Симонэ рассказывает об Олафе: «Если бы вы видели, как он прижал Кайсу — прямо на кухне, среди кипящих кастрюль и скворчащих омлетов...» Почти то же самое о втором приехавшем, Хинкусе, рассказывает Брюн: «Ну а Кайсу тискать — это не по мне,— закончило чадо, торжествуя победу.— Кайсой занимался этот ваш Хинкус». И далее по этому поводу замечание Глебски о Хинкусе: «Вот уж никогда бы не подумал... В чем душа держится, а туда же».

Когда Глебски проводит тайный обыск в номере у Хинкуса, то думает: «Пора было удирать».

Разговор Глебски с дю Банрстокром и чадом, когда они направляются в столовую, был описан более подробно. На замечание дю Барнстокра («Какой-то у вас озабоченный вид, инспектор») Глебски не только реагирует мысленно («Я посмотрел в его ясные старческие глаза, и мне вдруг пришло в голову, что всю историю с этими записками устроил он. На секунду меня охватило холодное бешенство, мне захотелось затопать ногами и заорать: «Оставьте меня в покое! Дайте мне спокойно кататься на лыжах!» Но я, конечно, сдержался»), но и отвечает:

— Нисколько,— сказал я бодро.— Просто меня заботит перспектива введения в организм эдельвейсовой настойки.

— Мы будем есть или мы будем торчать здесь в дверях до ночи? — раздраженно спросило чадо.

— Да-да, дитя мое, мы, конечно, будем обедать,— откликнулся дю Барнстокр, и мы вошли в столовую.

Когда Симонэ клянется, что не убивал госпожу Мозес, он сбивчиво бормочет: «Ведь должны же быть мотивы... Никто же не убивает просто так... Конечно, существуют садисты, но они ведь сумасшедшие...» Здесь в рукописи продолжение монолога: «...а я... Правда, врачи... Но вы сами понимаете, нервное переутомление, чувственные удовольствия... Это же совсем, совсем другое!..»

Когда Мозес высказывает все свои претензии к отелю, к хозяину отеля, к проживающим в отеле и к полиции, он добавляет: «...этот сброд с полицией во главе, КОТОРЫЙ ТОЛОКСЯ ПО МОЕЙ ТЕРРИТОРИИ».

Когда Глебски беседует с чадом, последнее не так быстро прекращает вопросы о дяде:

Чадо помотало головой.

— Ничего не понимаю. При чем здесь Олаф? Что с дядей?

— Дядя спит. Дядя жив и здоров. Когда и где вы в последний раз виделись с Олафом?

— Да вы же сказали, что дяде плохо!

— Я ошибся! Когда и где вы в последний раз виделись с Олафом?

В черновике чадо позволяет себе грубости, говоря Глебски: «Хрен с вами». И потом, рассказывая о вечеринке, называет Глебски не «пьяным инспектором», а «в дрезину бухим инспектором», и далее — более подробно и тоже с хамовитостью:

— Тут, на мое счастье,— продолжало чадо злорадно,— подплывает Мозесиха и хищно тащит инспектора танцевать. Они пляшут, а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге. Потом он хватает Мозесиху пониже спины и волочит за портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в том же Гамбурге. Смотрю я на эту портьеру и думаю: чем же это они там занимаются? И стало мне инспектора жалко, потому что парень он, в общем, неплохой, просто пить не умеет, а старый Мозес тоже уже хищно поглядывает на ту же портьеру.

Тогда я встаю и приглашаю Мозесиху на пляс, причем инспектор рад-радешенек — видно, что за портьерой он протрезвел... И то сказать, лапались они там, наверное, минут двадцать...

<...>

— Ну, пляшу я с Мозесихой, она ко мне хищно прижимается — та еще шлюха, между прочим, ей все равно — кто, лишь бы не Мозес — и тут у нее что-то лопается в туалете. Ах, говорит она, пардон, у меня авария. Ну, мне плевать, она со своей аварией уплывает в коридор, а на меня набегает Олаф...

<...>

— Значит, госпожа Мозес вышла в коридор?

— Ну, я не знаю, в коридор, или к себе пошла, или в пустой номер — там рядом два пустых номера... Я же не знаю, какая у нее была авария, может быть, вы ей за портьерой весь корсет разнесли...

— Вы не должны говорить такие вещи, Брюн,— строго сказал я.

— Ну ладно, ну не буду... Дальше рассказывать?

Глебски в рукописи тоже выглядит более грубым. Обращаясь к Симонэ, он говорит: «Какие вам тут, в задницу, адвокаты?» и «Вы были пьяны, ошиблись дверью и вместо прекрасной возлюбленной обняли хладный каркас ее супруга». Думая о Мозесе, Глебски называет его не «алкоголиком Мозесом», а «хреном Мозесом, который разваливается от пьянства». И об убийце Олафа: «Теперь уж ничего больше не остается, кроме Карлсона с пропеллером В ЗАДНИЦЕ». «Кайса глупа»,— думает Глебски в изданиях, в рукописи: «Кайса — дура». О смехе Симонэ тоже более грубо: «Симонэ заржал, словно дворняга загавкала».

О Симонэ, который преобразился после разговора с инопланетянином Мозесом, Глебски думает так: «Куда девался унылый шалун, еще вчера беспечно бегавший по стенам?» В рукописи более обстоятельно: не только «бегавший по стенам», но и «тискавший Кайсу». После рассказа Симонэ об инопланетянах Глебски говорит: «Я вас слушал даже с интересом. И обязательно расскажу своим детям эту вашу побасенку. Но дело не в этом». А после попытки Симонэ оправдать Мозеса («Он не ведал, что творил!»), Глебски заявляет: «А на мой взгляд он давно уже совершеннолетний, чтобы понимать, что к чему».

Слегка хамит Глебски даже дю Барнстокру. Говоря ему: «Дети растут, дю Барнстокр. Все дети»,— он добавляет: «...даже дети покойников».

Луарвик, после разговора с Мозесом, рассказывал о себе не только то, что он эмигрант, но и:

— Откуда вы сюда приехали? Из какого города?
— Из города рядом. Не знаю названия. Меня проводили.
— Кто?
— Не знаю. Секретно. Тоже изгнанники.
— Вы хотите сказать, что вы — член тайного общества?
— Не могу сказать. Честь. Надо скорее. Можно погибнуть.

А после предложения купить чемодан Олафа Луарвик добавляет: «И это не есть ваше преступление. Вы не на работе, вы в отпуске».

О Кайсе было еще дополнение (выделено): «В столовой еще никого не было. Кайса расставляла тарелки с сандвичами. Я поздоровался с нею, ОТНАБЛЮДАЛ СЕРИЮ УЖИМОК, ВЫСЛУШАЛ СЕРИЮ ХИХИКАНИЙ И выбрал себе новое место — спиной к буфету и лицом к двери, рядом со стулом дю Барнстокра».

После речи Алека Сневара («Наши погреба полны, господа! — торжественно продолжал хозяин.— Все мыслимые и даже некоторые немыслимые припасы к вашим услугам. И я убежден, что, когда через несколько дней спасательная партия прорвется к нам через обвал, она застанет нас...») в рукописи было дополнение: «...всех такими же здоровыми и бодрыми, если не такими же счастливыми, как вчера и позавчера».

О том, почему решил завязать Вельзевул, Хинкус в рукописи высказывает предположение: «...говорят, поцапался он с самим Чемпионом». О магических штучках и разных фокусах Вельзевула Хинкус добавляет: «Вельзевул на них был мастер. <...> Вельзевул — он и есть Вельзевул, не зря его так прозвали».

Стилистическое сокращение, поиск лишних слов и оборотов тоже часто встречается в правке Авторов. К примеру, сначала это звучало так: «Хозяин кивнул и, не сказав ни слова, пошел вниз». Авторы правят: «Хозяин молча кивнул и пошел вниз». Убирается из текста о Хинкусе (убранное выделено): «Он кашлял долго, с

надрывом, с сипением, он отплевывался во все стороны, ОН ОБЛИВАЛСЯ СОПЛЯМИ И СЛЮНОЙ, он охал и хрипел». В вопросе Глебски «А теперь расскажите, что вы делали, начиная с того момента, как Мозесы ушли спать» НАЧИНАЯ убирается.

Когда мимо Глебски проносится мотоциклист, мысль Глебски сначала передается так: «...и я едва успел заметить тощую согнутую фигуру, развевающиеся черные волосы и торчащий, как доска, конец красного шарфа». Затем Авторы изменяют И Я ЕДВА УСПЕЛ ЗАМЕТИТЬ на НО Я ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕТИЛ. Фразы в общем-то похожие, но различие в том, что ВСЕ-ТАКИ ЗАМЕТИЛ — это когда есть желание за чем-то следить, а вот УСПЕЛ ЗАМЕТИТЬ — невольное, без умысла.

Мозес, придя в столовую, «уселся, без малого не промахнувшись мимо сиденья». Авторы изменяют устаревшее (хотя и както очень подходящее к одежде Мозеса — «нелепое подобие средневекового камзола цвета семги с полами до колен») БЕЗ МАЛОГО на ЕДВА.

В столовой чадо, растопырив на столе локти, овощной суп не «уплетало», а «стремительно мело». Право же, здесь невозможно даже выбрать, какое из описаний лучше... И о чаде же Глебски думает не «Черт знает что!», а: «Черт знает что, смотреть на него было невозможно». А уже далее следует пассаж о чередовании ви́дения чада то как девушки, то как расхлябанного нагловатого подростка. О подростке же Глебски далее замечает: в издании — «...из тех, что разводят блох на пляжах...», в рукописи — «их тех, что захватывают университеты...».

Описание смеха Симонэ: РЕГОЧЕТ изменяется на ГОГОЧЕТ. Действие Хинкуса описывается в рукописи как «хлопнул третью рюмку», позже Авторы изменяют на «опрокинул третью рюмку».

Первоначально госпожа Мозес заявляет, что «господин Олаф прекрасен как зрелый бог». Затем Авторы изменяют ЗРЕЛЫЙ на ВОЗМУЖАЛЫЙ — более непривычно и странно для слуха и одновременно звучит литературным штампом, чем часто отличается речь госпожи Мозес.

Глебски о Хинкусе говорит: «Вы бы посмотрели, как он то и дело зеленеет и покрывается потом...» Позже Авторы изменяют ТО И ДЕЛО на ПОМИНУТНО.

Глебски, отперев дверь в номер Олафа, видит его труп и думает: «Это был Олаф Андварафорс, истый потомок конунгов и

возмужалый бог. Он был явно и безнадежно мертв». Первоначально в рукописи было определение Олафа не ИСТЫЙ ПОТОМОК КОНУНГОВ И ВОЗМУЖАЛЫЙ БОГ (определения, которыми Олафа наградили Симонэ и госпожа Мозес), а ВЕЛИКАН ВИКИНГ, ПРИРОЖДЕННЫЙ КУМИР И БАБНИК.

«Что вы расклеились, как старая баба?» — спрашивает Глебски у Хинкуса. Авторы правят: РАСКЛЕИЛИСЬ заменяют на РАСКИСЛИ.

«Хинкуса надо было трясти поосновательней»,— замечает себе Глебски и добавляет: «...как это умеет делать старина Згут». Потом Авторы правят вторую часть фразы: «...на манер старины Згута».

Посредине холла Луарвик торчал: в рукописи — «покосившимся столбом», в «Юности» — «покосившейся верстой», в книжных изданиях — «покосившимся чучелом».

Хинкус говорит об ошибке определения им дю Барнстокра как Вельзевула: «Да, осекся я, конечно...» Затем Авторы изменяют ОСЕКСЯ Я на ОСЕЧКА ВЫШЛА.

О связи Мозеса с Чемпионом Симонэ говорит сначала: «Его обманули», затем Авторы правят: «Его запугали», и снова правят: «Его запутали».

СТРАННОСТИ ЧИСТОВИКА

Когда готовилось издание «Сталкера», текст каждого произведения правился по вариантам различных изданий и по черновикам. Каждое изменение-дополнение (слово, словосочетание, фраза, отрывок) предлагалось для утверждения БНу, он и решал, стоит ли в каждом конкретном случае изменять текст на предложенный в варианте.

Начиная с УНС, Авторы старались оставлять для архива и тексты чистовиков, еще не правленных редакторами и издателями (или ими самими же, но позже — уже при работе над изданием).

Сохранились чистовики не всех произведений, да и возможность поработать с ними возникла только в середине 2005 года.

По идее, чистовик должен иметь меньше отличий от опубликованного текста, чем черновик, поэтому сверка чистовиков с

основным текстом производилась скорее для проформы: чтобы не оставлять какие-то варианты текстов несверенными. В основном, это так и есть. При сверке можно было порадоваться тому, что, к примеру, основная часть отрывков текста, вставленных в «Малыш» из черновика, присутствует и в чистовике: значит, Авторы так и представляли себе этот текст.

Чистовик же ОУПА заставляет задуматься: а чистовик ли это? Возможно, этот вариант был написан ранее даже, чем имеющийся в архиве черновик. АБС отличались тщательностью работы с текстом и в конце каждой распечатки крупного произведения обычно ставили дату работы (с такого-то по такой-то месяц такого-то года) или окончания работы (такой-то месяц такого-то года) с этой рукописью. В конце текста, хранившегося в черновиках, значится дата: «Комарово-Ленинград. Январь-апрель 69». В конце текста, помещенного в чистовики: «Комарово, 4.02.69». То есть получается, что оба текста готовились одновременно. Возможно, один из них дорабатывался одним из соавторов, а другой — другим или обоими?

Так или иначе, но в публикацию попал измененный черновик, вариант же чистовика так нигде и не публиковался.

Стилистически чистовик отличается от черновика даже более, чем опубликованный его вариант. Различия эти (не только некоторые слова изменяются, выбрасываются или добавляются, но и целые предложения меняются местами, убираются вовсе или дописываются другие) присутствуют не то что на каждой странице текста, а буквально в каждом абзаце. В этом варианте часто употребляются другие слова, чем в черновике и изданиях: не НОМЕР (в отеле), а КОМНАТА, не ОДНОРУКИЙ (о Луарвике), а НЕЗНАКОМЕЦ. Хинкус называет инспектора не ШЕФ, а НАЧАЛЬНИК. Чаще всего в этом тексте Брюн называется не ЧАДО, а ДИТЯ, иногда даже ДИТЁ (в производных формах: кого — ДИТЯТЮ, чьей — ДИТЯТИНОЙ).

Брюн говорит дю Барнстокру о его фокусах не «Хилая работа, дядя!», а «Ясно, как шоколад».

Симонэ, представляясь инспектору, называет себя старшим лейтенантом не ОТ КИБЕРНЕТИКИ, а ОТ МАТЕМАТИКИ и рассказывает анекдоты не о левожующих коровах, а о синхрофазотронах.

Диалоги с Кайсой там еще более бессмысленны:

— Кто у вас тут сейчас живет? — спросил я.
— Зачем? — спросила она.
— Почему — зачем? — удивился я.— Не зачем, а кто!
— А, живет...— пролепетала она.— Живет у нас кто... Да живут здесь.

Относительно душа Глебски думает: «Для чего я сюда приехал, в конце концов? Души принимать?» На вечеринке Глебски решает: «...напьюсь сегодня, как зюзя».

«Тоже мне, Эркюль Пуаро...» — думает о себе Глебски в черновике и изданиях. В этой версии Глебски сравнивает себя с Перри Мэйсоном.

Обыскивая одежду Луарвика, Глебски удивляется, что в карманах ничего нет: ни денег, ни документов, ни сигарет,— и добавляет: «...даже обычного мусора, который обычно скапливается со временем в любом кармане».

Рассказ Сневара о зомби был более подробен:

— Это явление реального мира — мертвый человек, имеющий внешность живого и совершающий, на первый взгляд, вполне осмысленные и самостоятельные действия,— носит название зомби. Строго говоря, зомби не есть мертвец, ибо он не мертв в обычном смысле слова. С другой стороны, он и не живой человек, ибо не живет, как это мы понимаем. Функционально зомби представляет собой очень точный биологический механизм, выполняющий волю своего творца и господина. В терминах современной науки это — биоробот, самоорганизующееся кибернетическое устройство на биологических элементах...

— Слушайте, Алек,— утомленно сказал я.— Всю эту теорию я уже знаю: я смотрю телевизор и время от времени хожу в кино. Все эти чудовища Франкенштейна, Серые Девы, Джоны Кровавые Пузыри, Дракулы...

— Все это — порождения невежественного воображения,— с достоинством возразил хозяин.— А Дракулы — это вообще не из той оперы.

— Мне все это неинтересно,— сказал я.— Меня все это не касается. Пусть будут зомби, но тогда скажите мне, кто здесь

зомби? Симонэ? Вы? Госпожа Мозес? Кто? И откуда вы это знаете? Какую из этого можно извлечь пользу?

Присутствуют в этом варианте и размышления Глебски по поводу Симонэ и инопланетян: «На мой взгляд венериане и оборотни одним миром мазаны, и то и другое невозможно. Впрочем, для Симонэ это, конечно, не так. Физик, конечно, считает, что одно совершенно невозможно, а второе допустимо, хотя и маловероятно».

Кроме этого, текст содержит и фактические изменения в биографии персонажей или в происходящих событиях, на которых остановимся подробней.

Мотоцикл Брюн называет не Буцефалом, а Самсоном.

Трагедия с Погибшим Альпинистом, как говорит Алек Сневар, произошла не шесть, а двенадцать лет назад.

Вечером у камина Глебски отмечает, что пьет не УЖЕ ТРЕТИЙ, а УЖЕ ПЯТЫЙ стакан портвейна.

Хинкус, как он представился, был в отпуске не ПО БОЛЕЗНИ, а ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ.

Люгер в этом варианте не сорок пятого, а сорок шестого калибра.

Когда Глебски спрашивает Луарвика, на чем он приехал, тот отвечает: «Машина», в этом варианте ответ более детален: «Лимузин».

Сумму, которую инспектор конфисковал у Луарвика, Глебски оценивает так: «...мое жалованье за восемь лет беспорочной службы...» В этом варианте зарплата инспектора меньше: не ВОСЕМЬ, а ДЕСЯТЬ лет.

Пункт «це» семьдесят второй статьи (чистосердечное признание до начала официального следствия) в этом варианте — пункт «б», а в «Мирах» — «д».

Когда Мозес приводит пример того, что Олаф и госпожа Мозес не могут питаться одним и тем же источником энергии, он сравнивает эти два типа роботов с трактором и телевизором. В этом же варианте: «грубый трактор и... я не знаю... самолет, например»[1].

---

[1] Так значительно интересней. Трактор и телевизор — совсем не стыкуются, а трактор и самолет оба питаются жидким топливом. Но использовать тракторный соляр вместо авиационного бензина или реактивного керосина никак не получится.— *В. Д.*

После всей этой истории отель Сневара по-прежнему называется «У Погибшего Альпиниста», а не «У Межзвездного Зомби», как в остальных вариантах ОУПА.

Изменилась немного биография Глебски. В этом варианте он — не семейный, а одинокий человек. Его размышления по прибытию в отель: «Когда работаешь, не замечаешь одиночества, да его, наверное, и нет, а вот в такие минуты чувствуешь, что ты опять один и при своем дурацком характере всегда будешь один. И никто не подойдет к тебе, и не встанет рядом, и не положит голову на плечо. И не надо. Есть сигарета, есть рюмка бренди у горящего камина, и есть мое тело, еще нестарое, еще крепкое, и его можно поставить на лыжи и бросить вон туда, через всю равнину, к сиреневым отрогам, и это будет хорошо. А эти головы, которые склоняются на плечи,— на чьи только плечи они не склоняются...» О Кайсе он думает: «...была совсем не похожа на Ингу, и это было хорошо». Во время лыжной прогулки: «...а ведь я уже три года не ходил на лыжах, с тех пор как ушла Инга... с тех пор, как я прогнал Ингу... на кой черт я это сделал, высокоморальный дурак, а, да черт с тобой, Инга, черт с тобой, Петер, Петер Глебски, законолюбивый чиновник!» Думая о чаде («Ну конечно же, это была девушка. Очень милая девушка. И очень одинокая»), Глебски добавляет: «Совсем как я». А когда на вечеринке Глебски пытается флиртовать с Брюн, он замечает: «...очаровательная пикантная девушка, которая, слава богу, ну совершенно не походила на эту предательницу Ингу».

После сообщения о том, что сошла лавина, Глебски и Сневар, попивая портвейн, рассуждают об одиночестве, о том, что их завалило, а затем хозяин отеля заявляет, что ему, видимо, суждено жениться на Кайсе. Инспектор его разубеждает и добавляет, что сам был женат дважды, так что, видимо, исчерпал лимит хозяина. В этом варианте из-за холостячества Глебски персонажи меняются местами: Глебски говорит о женитьбе на Кайсе, а Сневар — о двух женах. Тут же есть любопытная вставка: «Эта любовь, добавил он туманно, зачастую приводит прямо-таки к фантастическим последствиям. Некоторое время я пытался представить себе, к каким фантастическим последствиям может приводить любовь. Почему-то я вспомнил, что я — полицейский инспектор и вообразил, что такого рода загадки должен разгадывать самостоятельно».

Сневар встречает Глебски не в нейлоновой рубашке, а в лыжном костюме, а вот Глебски во время всего повествования одет не в пиджак, а в куртку. Здесь инспектор вообще более груб и решителен. Насчет шутников он думает не «По физиономии, по щекам...», а: «Все зубы повышибаю...» В перечислении дел, которыми занимается на работе Глебски (должностные преступления, растраты, подлоги), вместо «подделки государственных бумаг» говорится: «...иногда шантаж...» Когда во входную дверь скребется замерзший Луарвик, Глебски предполагает, что это медведь, спрашивает у Сневара ружье и храбрится: «Я его сейчас...» Точно так же после предположения, что Луарвик ехал не один и, возможно, под завалом находятся еще люди, Глебски не говорит Сневару: «Придется вам ехать...», а заявляет: «Поеду...» Но одновременно он и более впечатлителен, сентиментален. К примеру, говорит Мозесу: «Я могу обещать вам только одно, Мозес. Если Чемпион явится сюда раньше полиции, я буду защищать вас по долгу службы с оружием в руках». Или, вспоминая о Барнстокрах: «Я даже застонал про себя. Еще один камень мне на шею. Девчонка и этот знаменитый старик... Ведь Чемпион церемониться не станет. Никогда в жизни Чемпион не церемонился, здесь он — чемпион».

Мозес, когда ему объясняют, что до его прихода речь шла о вероятности наблюдения инопланетянами за Землей, говорит не «Вздор. <...> Чепуха. Математика — это не наука...», а «Знаю. <...> Две трети», хотя этого числа, произнесенного Симонэ, он не слышал.

Во время обеда, когда Брюн завела свой мотоцикл, все ели молча. В этом варианте пробовали кричать:

Некоторое время все мы обменивались знаками. Симонэ, придвинувшись ко мне вплотную, кричал что-то про какую-то женщину. Мозес в сильнейшем раздражении неслышно стучал кружкой по столу, а дю Барнстокр, прижав растопыренную пятерню к сердцу, расточал направо и налево немые извинения. Тут Самсон взревел совсем уже невыносимо и тронулся наконец с места. За окнами взлетело облако снежной пыли, рев стремительно удалился и превратился в едва слышное стрекотание.

— ...такие ноги! — прокричал напоследок унылый шалун.

— ...ананасный сироп! — прорычал Мозес.

— ...совсем ребенок! — проблеял дю Барнстокр.

— ...старому болвану,— закончил какую-то мысль хозяин, обращаясь к Кайсе.

Затем все замолчали и уткнулись в тарелки.

Когда за обеденным столом обсуждаются загадочные случаи, связанные, как предполагают, с Погибшим Альпинистом, Мозес вдруг заявляет:

— Не забивайте мне голову,— сказал Мозес хозяину.— Здесь только один мертвец, который что-то может. А за него я ручаюсь.

— Разумеется, сударь! — почтительно произнес хозяин.— Разумеется, только один. Но раз вы ручаетесь...

И в конце обеда описывается странность, которой ни в каких вариантах не наблюдалось.

Пора было вставать из-за стола, но никто не шевелился. Мозес задумчиво прихлебывал из кружки. Кайса утицей ходила вокруг стола, собирая грязную посуду. Симонэ, облизываясь, глядел на госпожу Мозес. Ему явно хотелось пошалить. Госпожа Мозес кушала остывшее жаркое. <...>

Госпожа Мозес отставила тарелку, приложила к прекрасным губам салфетку и, подняв глаза к потолку, сообщила:

— Ах, как я люблю красивые закаты! Этот пир красок!

И тут произошло странное. Заявление госпожи Мозес повергло меня в смущение, и я потянулся за десертной ложкой, чтобы что-нибудь съесть. Однако ложки не оказалось на том месте, где я ее оставил. Я пошарил глазами по столу и увидел, что она в компании с другими десертными ложками медленно ползет к вазе с искусственными цветами. Ага! — подумал я и укоризненно взглянул на дю Барнстокра. Но знаменитый престидижитатор, казалось, был сам изумлен не менее, чем я. Глаза наши встретились, он едва заметно пожал плечами и, осторожно повернув голову, поглядел на господина Мозеса. Но и

господин Мозес не был в этом повинен. Поднеся кружку к губам, он с пьяным изумлением следил за ложечным шествием, а потом со стуком опустил кружку на стол и уставился на хозяина. Хозяин знать ничего не знал. Повернувшись к обществу боком, он весь ушел в разливание бренди по рюмкам. И тут я услыхал хихиканье. Кайса стояла за спиной Симонэ, пунцовая, и поводила плечом, прикрывшись ладонью. Симонэ, задумчиво глядя в потолок, держал ее за коленку.

— Ах, какое столовое серебро у графа де Пё! — произнесла госпожа Мозес, безмятежно глядя на самодвижущиеся ложки.

Позже, когда Глебски спрашивает об этом фокусе у дю Барнстокра, последний отвечает: «Я сам очень хотел бы знать, кто это. Этого я сам не понимаю. Должен вам признаться, это возбуждает во мне профессиональную ревность. Я внимательно осмотрел стол, но там нет никаких магнитов, никаких моторов...»

Реакция Хинкуса на фокусы дю Барнстокра выглядит совершенно другой: «...тут к нам присоединился Хинкус, который немедленно принялся раздражаться в том смысле, что деньги вот дерут, а душ работает только один. Господин дю Барнстокр успокоил его, извлеча у него из-за пазухи двух леденцовых петушков на палочке. Малыш Хинкус как завороженный принял петушков, засунул их себе в рот и уставился на великого престидижитатора с каким-то странным выражением. Как будто он что-то обрел после долгих поисков, причем не там, где ожидал». И позже он не покидает очередь у душа, а остается до финала:

— Безобразие,— сказал Хинкус.— Сколько можно занимать душ?

Дю Барнстокр хотел ответить что-то успокаивающее, но я остановил его.

— Послушайте,— сказал я.— Кто-нибудь приехал сегодня утром?

— Только вот эти господа,— сказал дю Барнстокр.

— Мы приехали вчера вечером,— сварливо возразил Хинкус.— И уже вчера вечером не было горячей воды... Я спрашиваю, сколько можно сидеть в душе? Постучите!

Тут дю Барнстокр повернулся и посмотрел на меня. По-видимому, он тоже сообразил, что в душе быть некому.

— В самом деле, инспектор,— проговорил он нерешительно.— Может быть, действительно, постучать?

На секунду в воображении моем возникло видение скелета, мурлыкающего песенки и моющего у себя под мышками. Я рассердился и толкнул дверь. И конечно же, дверь открылась. И конечно же, в душевой никого не было. Шумела пущенная до отказа драгоценная горячая вода, пар стоял столбом, на крючке висела знакомая брезентовая куртка погибшего альпиниста, а на дубовой скамье под нею бормотал и посвистывал старенький транзисторный приемник.

— Кэ дьябль! — растерянно произнес дю Барнстокр.

Олаф отнесся к происходящему совершенно индифферентно, а Хинкус открыл рот, закрыл рот, затопотал ножками, задергался и заверещал высоким голосом:

— Хозяин! Хозяин!

Бухая тяжелыми башмаками, прибежал хозяин; вынырнул, словно из-под земли, Симонэ; перегнулось через перила, заглядывая вниз, чадо с окурком, прилипшим к нижней губе.

— Что это значит! — не переставая топотать и дергаться, верещал Хинкус.— Как прикажете это понимать? Мы полчаса здесь торчим!..

Хозяин заглянул в душевую и прежде всего отключил воду. Затем он снял с крючка куртку, взял приемник и повернулся к нам. Лицо у него было торжественным.

— Да, господа,— сказал он глухо.— Это его куртка. Это его приемник.

— Чей? — взвизгнул Хинкус.

— Его. Погибшего.

Хинкус потерял дар речи. В глазах у Симонэ запрыгало дьявольское веселье. Дитя сверху сообщило: «А у меня опять кто-то на постели валялся. И полотенце мокрое».

— Уходя в свой последний траверс,— продолжал хозяин,— он даже не успел принять душ.

Придя в свой номер, инспектор Глебски обнаруживает там не лозунг за стене и залитый клеем стол с запиской, а:

Какая-то скотина подобрала, надо понимать, ключ, сорвала со стены натюрморт и истоптала весь диван. На кой черт ей

понадобилось ходить по дивану? Что за идиотство, в конце концов? Кипя от ярости, я быстро оглядел номер. И только тут я заметил на столе сложенный листок бумаги, придавленный моим портсигаром. Это была записка.

<...>

Я закурил сигарету и снова оглядел номер. На этот раз со всевозможной тщательностью. Я вернулся к поруганному дивану и осмотрел сорванный натюрморт. Картина была именно сорвана, она слетела со стены вместе с гвоздем, а не была аккуратно снята, как это сделал бы шутник. И вообще все это мало походило на шутку. Мистификатор мог подбросить записку, но вряд ли он стал бы топтать диван и срывать картину. Как-то это не сочеталось. Если не предположить, конечно, что мистификатор — маньяк. Вот тебе и отпуск, подумал я. Я изо всех сил затянулся и подошел к окну.

После обнаружения тела Олафа хозяин еще храбрится и пытается шутить:

— Вы полагаете, это убийство, Петер? — спросил хозяин глухим голосом.

— Идите к черту,— грубо сказал я.— Нашли время паясничать...— Это было хамство, но я просто не сумел сдержаться: все шло к черту — отпуск, отдых, удовольствие — все катилось в тартарары. Впрочем, хозяин не обиделся. Он понимающе покивал и, не сказав больше ни слова, пошел вниз.

Глебски, пытаясь узнать, кто был на крыше вместе с Хинкусом, спрашивает об этом у всех постояльцев. Ответы некоторых отличаются от основного текста. К примеру, дю Барнстокр говорит:

— Куда? На крышу? Но мой милый инспектор! Мне скоро семьдесят лет, я не обладаю блестящими способностями нашего друга Симонэ, и я, право...

— Понимаю вас,— сказал я. Правда, понял я только, что дю Барнстокру неизвестно даже о существовании чердачной лестницы. Но и это было уже кое-что.

Хозяин рассказывал, что Мозес принял известие о смерти Олафа безразлично, в этом же варианте: «По-моему, он страшно перепугался. Я думал, его удар хватит. Но ничего, справился. Отхлебнул из кружки и убрался к себе. С тех пор сидит тихо».

Первый допрос Брюн более подробен:

— При чем здесь невеста...— пробормотал я.

— А как же? — сказало чадо.— Вы же сделали мне предложение. Нет, каков? Уже все забыл!

Чадо явно проснулось и пришло в веселое настроение. В конце концов, это было мне даже на руку. Я потупился и мерзко хихикнул. Для большей убедительности я даже затрещал суставами пальцев.

— Вот вы каков, инспектор! — произнесло чадо.— Однако! Полицейский Отелло... Ну что ж, дайте мне сигаретку, и я вам скажу, когда мы расстались с Олафом.

Я дал ему сигарету и щелкнул для него зажигалкой.

— Так вот,— сказало оно, повиливая плечами и выпуская дым колечками.— Прямо с танцев мы пошли к Олафу в номер и там премило провели время до часу... нет, до двух!

А когда инспектор стращает Брюн, то сам же замечает: «Редко мне в моей практике приходилось наблюдать такую благоприятную реакцию на свои действия».

Лже-Хинкус, которого видели на лестнице Брюн и госпожа Мозес, первоначально был одет не в шубу. Брюн вспоминает: «В какой шубе? В своем этом костюмчике за двенадцать пятьдесят». Госпожа Мозес на вопрос Глебски, как был одет Хинкус: «Неважно. Какой-то дешевый костюмчик, очень дурно на нем сидящий...»

После допроса Мозесов дополнение: «Закрывая за собой дверь, я услыхал, как она сказала своим серебристым голоском: «А правда, он очень милый, Мозес?» По-моему, это было предназначено специально для моих ушей».

Несколько по-другому здесь излагается и история Мозеса в банде Чемпиона. Она ближе к основному варианту, чем, к примеру, журнальный вариант, но кличку Мозесу дали другую:

— Значит, так,— начал Хинкус.— Меня послал сюда Чемпион. Знаете Чемпиона? Еще бы не знать... Так вот, год назад

попал к нам в компанию один тип. Как он попал, я не знаю, и настоящего его имени тоже не знаю. Звали его у нас Чародей. Работал он самые трудные и невозможные дела. Например, он работал Второй Национальный Банк, помните это дельце? Музей Грэнгейма тоже его рук дело. Или, скажем, захват броневика с золотыми слитками, это вы тоже должны помнить. Ну, много еще чего было.

<...>

— Тут я, как вы правильно сказали, дал маху. Грешил я на этого фокусника, на Барнстокра. Во-первых, вижу — магические штучки. Разные фокусы, Чародей на них был мастер. А во-вторых, подумал: если Чародей захочет под кого-нибудь замаскироваться, то под кого? Чтобы без лишнего шума? Ясно, под фокусника...

<...>

— Как же ты его, Филин, выследил, если заранее не знал, в каком он обличии?

Несмотря на свою зеленоватость, Хинкус самодовольно усмехнулся.

— Это мы тоже умеем,— сказал он.— Не хуже вас. Во-первых, Чародей хоть и колдун, но дурак. Всюду за собой таскает свой кованый сундук, таких во всем свете больше ни у кого нет. Мне одно и оставалось — расспрашивать, куда этот сундук поехал. Второе — деньгам счету не знает. Сколько из кармана достанет, столько и платит. В нашей стране такие люди, сами понимаете, не часто попадаются. Где он проехал, там одни только о нем и разговоры. Не фокус. Третье — пьяница. Пьян повседни. И все время сосет. Как я Мозеса по этому признаку не усек — ума не приложу. Я, правда, подумал, что он ведь знает про слежку, наверное, будет сдерживаться... и опять же кружка. У нас он все из фляги сосал. Роскошная такая, серебром оплетенная фляжка...

<...>

— Когда должен был приехать Чемпион?

— В начале одиннадцатого, не позже.

— Почему не позже?

— Этого я не знаю. Чемпион нам ничего не рассказал. Он только предупредил, что где бы мы Чародея не настигли, кон-

чать с ним нужно до полуночи. Он так и сказал: «Если я не успею к половине одиннадцатого, стреляйте без разговоров». Не знаю, почему так. Тоже, наверное, какая-нибудь дьявольщина.

— И ты бы застрелил?

— А куда мне деваться? — буркнул Хинкус.— За то мне деньги платят.

Когда Глебски и Сневар слушают новости местной радиостанции в надежде услышать о лавине в Бутылочном Горлышке, они слышат:

Радиоприемник хрипел и потрескивал, передавая местные новости. Какой-то вздор насчет вечернего приема у губернатора Мюра. Потом диктор вдруг сказал, откашлявшись: «Только что получено сообщение из городского управления мюрской полиции. Владелец магазина спортивных товаров, улица Святого Марка, двадцать восемь, Олаф Таммерфорс, тридцати четырех лет, член магистратуры, найден сегодня утром мертвым в своей постели. Обстоятельства смерти нашего доброго гражданина представляются весьма загадочными. По-видимому, он был отравлен огромной дозой формалина и до наступления смерти подвергался пыткам, потому что руки и ноги его неестественно вывернуты в суставах. Кто мог столь зверским образом покуситься на жизнь честного и добропорядочного гражданина? Начальник отдела убийств лейтенант Стеттер заявил, что никогда еще ему не приходилось встречаться с таким сложным делом. Впрочем, по его словам, полиция уже располагает кое-какими данными. Слушайте наши дальнейшие сообщения».

Я посмотрел на хозяина. Глаза у хозяина были круглые.

— Я не ослышался? — спросил он тихонько.

— Олаф Таммерфорс,— сказал я.— Отравлен формалином, руки-ноги вывернуты.

— Я вас предупреждал, Петер,— сказал хозяин глухим голосом.

В эпилоге Глебски вспоминает об этом случае: «...об Олафе Таммерфорсе, загадочно скончавшемся в своей спальне над ма-

газином спорттоваров. Вскрытие обнаружило, что он действительно отравился формалином, после чего его и похоронили, а следствие по его делу было прекращено. Симонэ в свое время требовал эксгумации, мюрская полиция, однако, восприняла это как вмешательство некомпетентного лица в свои прерогативы, и мюрская церковная община горой встала за своих, бургомистр поднял страшный шум в столице, и затея Симонэ, как и все остальные его затеи, захлебнулась в потоке переписки».

Помимо этого, многие эпизоды и мелкие факты, имеющиеся в черновике и в изданиях, еще не описаны, о них есть лишь замечания на полях: «Хинкус в шубе», «Мозес захватил плетку», «Если даже найден убийца, то как доказать в условиях закрытой комнаты», «450 серебр. пуль в разрытом снегу».

Откуда появился этот чистовик — непонятно. БН вспоминает так:

Эта повесть подвергалась серьезной чистке как минимум три раза:

— в Детгизе потребовали убрать все спиртное, а равно и все крепкие выражения, используемые героями;

— в «Юности» потребовали переделать гангстеров в неонацистов и смягчить крепкие выражения;

— в «МолГв» (там как раз начиналась борьба за сборник «Неназначенные встречи», куда ОуПА изначально входил) опять же потребовали убрать крепкие выражения и, главное, основательно переделать образ Симонэ, чтобы он более походил на физика и менее — на альпиниста-любителя.

Не помню, в каком именно порядке шла эта переработка (надо смотреть переписку и дневник), но помню, что переработка для МолГв была самой основательной — мы перелопатили и вычистили весь текст. Может быть, именно так возник «второй чистовик» — исправленный и исчерканный первый чистовик перепечатан машинисткой?

ИЗДАНИЯ

Впервые ОУПА вышел в 1970 году в трех осенних номерах журнала «Юность». Издание это имело популярность среди чи-

тателей долгие годы, ибо было широко доступно (мало какая библиотека не выписывала этого молодежного журнала, да и индивидуальных подписчиков «Юности» было в то время чрезвычайно много). До сих пор многие любители творчества АБС считают этот вариант текста наилучшим, объясняя это тем, что сокращенный текст получился более концентрированным, не размытым необязательными подробностями. А сокращен текст был весьма значительно.

Затем было издание 1982 года в издательстве «Знание». И хотя тираж был по сегодняшним временам огромен (сто тысяч), в то время это означало: может быть, в Москве или в Питере кто-то и мог случайно увидеть эту книгу в свободной продаже, но в областных центрах она уже шла из-под прилавка, а в районных городках ее и в библиотеке было не достать.

Третье издание ОУПА (М.: Детская литература, 1983) характеризовалось такой сильной «адаптацией» текста в расчете на детей, что вызвало много нареканий от любителей, а Вадим Казаков даже разразился по этому поводу гневной и саркастической статьей.

Следующие два издания ОУПА (М.: Юридическая литература, 1989 — с ПНО — и Л.: Киноцентр, 1991 — с ТББ, ПНВС и ПНО) мало чем отличались от текста второго издания и последующей публикации в собрании сочинений «Текста», разве что в питерском издании изобиловали опечатки, пропуски текста и некоторые фактические (числовые) изменения, которые нельзя назвать уточняющими. К примеру, после первой ночи Глебски обтирается снегом, «чтобы нейтрализовать остаточное воздействие трех стаканов портвейна». В этом издании стаканов не три, а четыре, хотя по тексту четвертого стакана не видится (Кайса приносит очередной стакан Глебски, о котором он замечает: «Все-таки это был уже третий стакан», затем следует непрерывный разговор с Алеком Сневаром и появившимся чадом, во время разговора с последним Глебски в замешательстве «опорожнил стакан», а затем в отель прибывают Андварафорс и Хинкус, Сневар отправляется их устраивать, а Глебски «взял свой стакан и направился в буфетную»), разве что предположить, что Глебски не просто относит свой в стакан в буфетную (ему, как представителю закона да и семейному человеку, свойственна любовь к порядку), а идет

за этим самым четвертым стаканом, который уже выпивает в одиночестве в своем номере (что, скорее, ему не свойственно). Точно так же в этом издании десятимильная утренняя пробежка на лыжах Глебски изменяется на пятимильную, а в размышлениях Глебски о мотоцикле Брюн и о том, что десять лет назад мировая промышленность не выпускала еще Буцефалов, убирается слово МИРОВАЯ.

А вот публикация в «Мирах братьев Стругацких» отличалась кардинально. Не было в ней каких-либо крупных изменений в тексте, но стилистическая правка присутствовала в изобилии...

Теперь об этих вариантах публикаций — подробнее.

ИЗДАНИЕ «ЮНОСТИ»

Это издание, как и многие другие первые журнальные публикации произведений Стругацких, имеет несколько типов отличий текста[1]. Это сокращения, вызванные малыми объемами журнала. Это варианты слов, словосочетаний и предложения, оставшиеся такими же, какими были в рукописи (то есть последняя доводка текста была проведена Авторами уже после журнальной публикации). Но есть в этой публикации и своя особенность — изменение гангстерской группы Чемпиона на неофашистскую организацию.

О сокращениях. Мелкие сокращения присутствуют по всему тексту довольно часто. Иногда убирается слово-два, иногда — предложение-два. Чаще всего это касается характеристик фона, окружающего главного героя, или его размышлений-предположений. К примеру, рубашка Алека Сневара на первой же странице повествования теряет определение «ослепительная». Или там же, на первой странице, убрана часть повествования хозяина отеля («глухим голосом») о погибшем альпинисте: «Потом он достиг склона, и мы здесь услышали лавину, рев разбуженного зверя, жадный голодный рев...» Иногда вырезались части диало-

[1] Анализируя внутренние различия изданий, надлежит помнить, что часть — и немалая! — этих различий есть результат неконтролируемой деятельности РЕДАКТОРОВ! Особенно это важно, когда анализируются ЖУРНАЛЬНЫЕ варианты — журнальные тексты авторами, как правило, не корректировались вообще! — *БНС*.

гов («— Чего ради его туда понесло? — спросил я, разглядывая зловещую стену.— Позвольте мне погрузиться в прошлое,— проговорил владелец, склонил голову и приложил кулак со штопором к лысому лбу»), но чаще всего — размышления и наблюдения Глебски («Все было совершенно так, как рассказывал Згут. Только вот собаки нигде не было видно, но я заметил множество ее визитных карточек на снегу возле крыльца и вокруг лыж. Я полез в машину и достал корзину с бутылками»). Вырезание отрывка часто приводило к тому, что приходилось изменять и что-то в последующем тексте. Приведенная выше вырезанная фраза Алека Сневара «Позвольте мне погрузиться в прошлое» потребовала замены последующего описания «владелец тут же вынырнул из прошлого» на «владелец тут же охотно прервал себя». Более крупные сокращения (к примеру, то, что Глебски в конце первой главы не ищет душ, а сразу решается прогуляться на лыжах) тоже вызывают в дальнейшем сюжете мелкие изменения... Пожалуй, перечислять такого рода сокращения нет особого смысла (это заняло бы половину всей книги), хотя можно себе представить, что такая работа (с перечнем всех таких сокращений, с характеристикой их и выводами, где это пошло на пользу восприятию читателя, а где — обедняет «картинку») была бы весьма интересна.

Пожалуй, существенными для сюжета можно принять только купюры, в которых Лель метит роботов (Андварафорса и госпожу Мозес) как неживые предметы[1].

О правке стиля. Иногда в этом издании появляется замена слов и выражений, не встречающаяся ни до, ни после этой публикации. К примеру, тот самый «погибший альпинист», падая вместе с лавиной, не ГРЯНУЛСЯ о землю, а ГРОХНУЛСЯ. Последнее слово — просторечие, поэтому в высокопарной речи Алека Сневара оно не совсем уместно. А вот Лель около сейфа («вдруг с грохотом, словно обрушилась вязанка дров») не ПАЛ, а УПАЛ, что убивает не только поэзию этой фразы, но и сам смысл — впечатление такое, что упал он случайно, не желая этого.

[1] Да, Авторы, несомненно, имели в виду именно это: Олаф и госпожа Мозес — не живые. Но ведь Лель пометил не Олафа, а пьексы. Псы довольно часто так делают, особенно любят пахучие резиновые сапоги, в том числе и надетые на вполне живых людей.— *В. Д.*

Появление Мозеса в столовой описывается так: «На пороге появилась удивительная фигура». В журнале (и только в журнале) — не ПОЯВИЛАСЬ, а ВОЗНИКЛА. Странное исправление, ибо создается впечатление, что Мозес возникает из ничего, из воздуха.

«Вздор»,— замечает Мозес на рассказ Симонэ о вероятности обитаемых миров, в журнале исправлено: «Чушь».

Некоторые правки в журнальном варианте были не стилистического, а фактического характера. Когда мимо Глебски проносится мотоциклист, у инспектора возникает картинка будущего о том, что отель будет называться «У Погибшего Мотоциклиста» и Алек Сневар будет рассказывать приезжающим о катастрофе, когда в стену отеля врезался мотоциклист: «...когда он ворвался в кухню, увлекая за собою четыреста тридцать два кирпича...» В журнале количество кирпичей существенно уменьшается: СОРОК ДВА КИРПИЧА. Если прикинуть площадь кирпичной кладки из такого количества кирпичей... Хотя, конечно, как одно, так и другое количество кирпичей в пафосном рассказе Сневара можно считать возможным.

Иногда в тексте встречаются объяснения (вероятно, из-за предположения, что широкий читатель не знает смысла данного слова): «...пикуль — маленький маринованный огурчик...» (Хотя, смею заметить, что «пикуль» — это вообще мелкий маринованный овощ, а не именно огурчик.) Или изменяется внушающий сомнение термин: Симонэ, спрыгнув из проема двери, становится перед Глебски не «во фрунт», как во всех изданиях и в рукописи, а «по стойке "Смирно"». Тому же подвергается в этом издании и анекдот Симонэ о ШТАБС-КАПИТАНЕ — здесь он МАЙОР. А в вопросе Глебски («Кто-нибудь приехал сегодня утром?») СЕГОДНЯ правится на НЫНЧЕ. Изменяют и известную фразу «Wanted and listed» на «Под розыск».

Дописали Авторы и пояснения Сневара о зомби (вероятно, все по той же причине — объяснить читателю): «Можно сказать, что зомби — это третье состояние живого организма. А если использовать терминологию современной науки, то зомби функционально представляет собой очень точный биологический механизм, выполняющий...»

В поисках Хинкуса в номере-музее Глебски слышит шум под столом. «— Вылезай! — яростно приказал я». В этом издании ПРИКАЗАЛ отчего-то изменяют на РЯВКНУЛ.

Допрашивая Алека Сневара, Глебски спрашивает о госпоже Мозес: «Вы что, тоже залезали к ней в постель? И тоже претерпели, мягко выражаясь, разочарование?»

Большая полемика разразилась в обществе группы «Людены» относительно оружия Хинкуса (но об этом — позже). Во всех изданиях упоминается люгер калибра 0,45. В «Юности» это парабеллум[1], иногда называемый просто пистолетом.

Особо остановимся на замене в этом издании гангстеров неофашистами. Расколовшийся Хинкус говорит о Чемпионе, и Глебски думает:

Вот оно как. Чемпион. Я даже глаза зажмурил — так мне вдруг захотелось оказаться где-нибудь за сотню миль отсюда, например, у себя в кабинете, пропахшем сургучом, или у себя в столовой с выцветшими голубыми обоями. И что мне дома не виделось? Раззавидовался на россказни старого осла Згута — природа, мол, покой, эдельвейсовая настойка... Насладился покоем. Чемпион — это ведь наверняка «Голубая свастика», а «Голубая свастика» — это почти наверняка белоглазый сенатор. Смутное время, странное время. Нипочем нынче не разберешь, где политика, где уголовщина, где правительство. Ну что тут делать честному полицейскому? Ладно, пусть честный полицейский делает дело.

— Так вот,— продолжал Хинкус.— Год назад пригребся к нам в компанию один тип. Как он к нам заехал, я не знаю, и настоящего имени я тоже не знаю. Звали его у нас Вельзевулом. Работал он самые трудные и неподъемные дела. Например, он работал Второй Национальный банк, помните это дельце? Или, скажем, задрал он броневик с золотыми слитками — это вы опять же должны помнить, шеф... В общем, работал Вельзевул красиво, чисто, но вдруг решил он завязать.

<...>

---

[1] Полемика — полемикой, но осталось неясным, зачем Авторам вообще понадобилось вооружать профессионального убийцу Филина пистолетом фирмы «Люгер». Пистолет, конечно, красивый, но ведь неудобный в ношении и низкоскорострельный... Как говорил О. Бендер: «Я дам вам парабеллум».— *В. Д.*

— Ну, положим, Чемпиона темным и невежественным не назовешь,— сказал я.— Матерая сволочь, фашист. Гитлеровец. Фюрер тоже не дурак был. Ну и этот...

— Точно! — подхватил Хинкус.— Чемпион — парень ушлый, обращение понимает. Он до майской заварушки с сенаторами за ручку здоровался, на приемы разные ходил, чуть ли не к самому президенту... Да и сейчас... Денежки. Он их не жалеет.

Он вдруг запнулся, отвел глаза и сунул в рот большой палец.

<...>

— Так,— сказал я. Очень мне все это не нравилось, но предстояло еще допросить Мозеса, и я сказал: — Ну-ка, быстренько, перечисли все дела, в которых участвовал Вельзевул.

Хинкус с готовностью принялся загибать пальцы:

— Краймонская пересылка — раз, Второй Национальный — два, золотой броневик — три... Теперь дальше... Архивы Грэнгейма, Вальская выставка...

— Архивы Грэнгейма?

— Да. А что?

Об этом деле я знал мало и уж никак не ожидал, что здесь замешан Чемпион. Грэнгейм собрал богатейшую картотеку нацистских преступников, укрывшихся после 1945 года в нашей стране, это дело было полностью политическое, и в Управлении были убеждены, что организовал ограбление сенатор Гольденвассер[1], хотя никаких улик против него, конечно, как всегда, не было. Но Чемпион... Впрочем, если учесть, что Чемпион — на самом деле не Чемпион, а бывший гауптштурмфюрер СС Курт Швабах, скрывающийся у нас... И все равно...

— На кой черт Чемпиону эти архивы?

— Этого я не знаю,— сказал Хинкус уже несомненно искренне.— Я человек маленький.— Он помолчал.— Надо понимать, политика. У нас многим не нравится эта политика, да только с Чемпионом не поспоришь.

— А где ты был в мае прошлого года? — спросил я.

---

[1] Между прочим, Голденвассер — это настоящая фамилия известного в свое время американского «ястреба» сенатора Барри Голдуотера. Он, конечно, не был неонацистом, но, видимо, вызвал у Авторов определенно негативные ассоциации.— *В. Д.*

Хинкус задумался, вспоминал, затем хитро осклабился и помахал пальцем.

— Нет, шеф. Не выйдет, шеф. В этой заварушке я не участвовал. Тут мне просто повезло — на операции лежал, ничего не знаю. Могу доказать...

С минуту мы молча смотрели друг на друга.

— Ты в «Голубой свастике» состоишь?

— Нет,— отозвался он.— Чего я там не видел, в «Свастике» этой? Политикой мы сроду не занимались...

— А Вельзевул состоял?

— Откуда мне знать? Я же говорю, политикой мы...

— Кто Кёнига убил? Вельзевул?

— Какого еще Кёнига? А, профсоюзника этого... Нет, Вельзевул его не убивал. Здесь все наоборот. Из-за этого Кёнига, говорят, Вельзевул с Чемпионом и поцапались. Сам я не видел и не слыхал, а ребята рассказывали, будто Чемпион хотел Вельзевула на это дело пустить. Ну, Вельзевул на дыбы. Ему же убивать — себе дороже... Слово за слово, говорят, так и пошла между ними трещина.

— Гольденвассер знал о Вельзевуле?

Хинкус поджал губы, оглянулся на хозяина и проговорил, понизив голос:

— Знаете, шеф, зря вы об этом-то. Не наше с вами это дело. Я — честный вор, вы — легавый, между собой мы всегда договоримся, и сколько мне дадут, столько я и отсижу. А о таких делах нам с вами лучше знать поменьше. Ни к чему это нам, шеф. Опасно это. И мне, и вам. Темно это.

Подонок был прав.

Когда готовилось собрание сочинений «Сталкера», мною было предложено вставить эти отрывки в окончательный текст, но БНС отказался. Да и правильно, в общем-то, отказался, ибо они не писали и не хотели писать о политике, их заставили. Мне тоже так думалось. Но хотелось вставить эти отрывки, собственно, из-за одной финальной фразы: «Подонок был прав». Очень уж верно тут было написано, по-стругацки, от души.

Изменился немного и рассказ Симонэ об инопланетянах. Вместо «Примерно полтора месяца назад он попал в лапы к гангсте-

рам. Они его шантажировали, непрерывно держали на мушке. Ему еле-еле удалось вырваться и бежать сюда» в журнале: «В земных делах он, естественно, разобраться не сумел. Первыми, кого он встретил, были гангстеры. И они использовали его в своих целях... В конце концов Мозес во всем разобрался. А разобравшись, решил немедленно бежать и бежал». Симонэ тоже рассказывает со слов Мозеса о преступлениях Чемпиона:

— Они хуже бандитов! — сказал я.— Вам известно, что они разграбили архив Грэнгейма? Вы что, за нацистов?

— Мне все известно,— сказал Симонэ.— Мозес мне все рассказал. Чемпион — правая рука сенатора Гольденвассера, начальник его штурмовиков. В мае прошлого года, когда эта сволочь затеяла путч, Чемпион был одним из главных организаторов, его чуть не сцапали солдаты, но тут вмешался Мозес. Он же ни черта не понимал в наших делах... да и сейчас не понимает... Он решил, что это не путч, а народное восстание, вытащил Чемпиона и еще двух мерзавцев и сам себя убедил, что имеет дело с солью земли, с цветом человечества... Вот тогда они к нему и присосались, как пиявки...

Рассказывает об этом и сам Мозес:

— Я всего год на Земле,— сказал он.— И всего лишь два месяца назад я впервые понял, что помогаю отщепенцам и убийцам. Да, я им помогал. Я вскрывал сейфы, нападал на банки, захватывал золотые грузы. Я помог им ограбить архив. Я спасал преступников от возмездия. Верьте мне, я не ведал, что творю. Я считал, что эти гангстеры-политики и политики-гангстеры ведут борьбу за социальную справедливость. Я считал сенатора Гольденвассера вождем революционеров, а он оказался бешеным человеконенавистником и лакеем денежных тузов. Я считал Чемпиона героем, а он оказался организатором массовых избиений женщин и детей в десятке стран и инициатором политических убийств в этой стране. Я считал Филина и его приятелей... Ведь я считал их идейными борцами. Я понимаю, мои ошибки дорого обошлись вам, но едва я все понял... При первом удобном случае я бежал. Если бы не эта

проклятая авария, меня бы здесь уже не было. Не было бы никакого убийства... Я клянусь, что все убытки, которые принесло вам мое пребывание здесь, будут возмещены. Частично я даже возмещаю их — я готов вручить вам ассигнации Государственного банка общей суммой на миллион крон. Это все, что мне удалось изъять у Чемпиона. Остальное ваше государство получит золотом, чистым золотом. Я уже отослал в ваше правительство подробную записку об омерзительной деятельности сенатора Гольденвассера, которая мне теперь ясна... Что вам еще нужно?

В эпилоге тоже есть дополнение по этому поводу:

А Гольденвассер, конечно, вывернулся. Одним гауптштурмфюрером больше, одним меньше — это для него не имело значения. Тем более что архивы Грэнгейма исчезли бесследно, а сообщение Мозеса никакого действия не возымело. Оно было написано слишком странным языком, содержало ссылки на слишком странные обстоятельства и было, как я слыхал, признано просто бредом сумасшедшего. Особенно на фоне газетной шумихи, которая была поднята вокруг пришельцев. Может быть, Гольдервассеру вспомнились тогда трупы расстрелянных в России и во Франции, в Польше и в Греции, и мертвый Кёниг с черной дырой над переносицей, и другие мертвецы... Вряд ли.

Почему-то в этом издании все самолеты, упоминавшиеся в тексте, были заменены вертолетами. Еще тогда, когда Хинкус говорит о Чемпионе, он стращает: «Самолеты не только у полицейских есть». В «Юности» — вертолеты.

Глебски после драки с Хинкусом немного дремлет на полу, а затем поднимается «хрустя зубами от боли». В журнальном варианте не ХРУСТЯ, а СКРИПЯ.

И опять же — пояснения глупому читателю. К фразе Симонэ была добавка, вероятно, чтобы лучше поняли: «Мозес и Луарвик — это не земляне, НЕ ЛЮДИ». Яснее в журнале подается и смысл случившегося, опять же с помощью повторения и разъяснения. После слов «Вот тебе и первый контакт,— пробормотал он.— Вот тебе и встреча двух миров» Симонэ добавляет: «Это

же надо — прилететь на Землю черт-те откуда и встретить гангстеров, а в конце концов такого хранителя закона, как вы, Петер».

Вместо высказанного недоверия Глебски к рассказу Мозеса («Ну какой же вы к чертовой матери пришелец? Вы просто негодяй. Богатый, развратный, до предела обнаглевший негодяй. И притом еще пьяница...») здесь Глебски говорит: «Роботы у вас не роботы, а какие-то, понимаете, половые неврастеники, а сами вы для пришельца из другого мира слишком уж похожи на негодяя, Мозес. На богатого, до предела обнаглевшего негодяя. И притом еще на пьяницу». И позже Мозес объясняет эту странность роботов не «Это довольно точные копии людей, которые существуют на самом деле. Почти двойники...», а «Что ж, стереотип поведения этих роботов моделирует стереотип поведения среднего человека соответствующей социальной группы...»

Размышляя о нереальности происходящего, Глебски думает: «Представить было страшно, что станут говорить в Управлении об этой истории. Ловец Привидений, Охотник за Пришельцами...» И несколько раз вместо «пусть будет что будет» — «пусть смеются», «пусть смеются, сколько душе угодно», «смейтесь, черт побери, смейтесь».

ИЗДАНИЕ «ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Это издание было адаптировано, как уже было сказано выше, к детскому восприятию. Причем издатели предполагали, что в любой книге, о чем бы в ней не рассказывалось, не должно было быть ни грубых слов и выражений (даже просторечий!), ни описаний (или даже упоминаний) употребления спиртного, ни намеков на какие-то взаимоотношения между полами.

Вадим Казаков, в начале девяностых годов часто писавший литературные эссе о творчестве АБС, был так потрясен специфическими правками в текстах АБС, связанными с пропагандой трезвого образа жизни, что не смог пройти мимо своеволия редакторов. Ниже приводится статья, где он обобщил наиболее вопиющие ляпы в изданиях предыдущих лет, уделив особое внимание как раз изданию ОУПА в «Детской литературе». Статья касается многих произведений АБС и С. Ярославцева, а не только ОУПА, но

ниже мы приводим ее полностью, так как, по сути, все ее примеры относятся к теме этой книги — исследованию различий в текстах АБС. (Общая оценка текстологической подготовки книг Стругацких дана в статье на момент ее написания — 1992 год.)

Вадим КАЗАКОВ

ПОСЛЕ ПЯТОЙ РЮМКИ КОФЕ[1]

О некоторых последствиях редактирования повестей братьев Стругацких

> — Виктор, у тебя все цело? Я видела, как тебя били ногами.
> — Главное цело,— ответил Виктор.— Я специально прикрывал.
>
> *А. Стругацкий, Б. Стругацкий*
> *«Гадкие лебеди»*

Более чем 30-летние усилия целой плеяды советских редакторов по неуклонному совершенствованию авторских текстов братьев Стругацких не пропали даром. Ныне существует изрядное число опубликованных вариантов одних и тех же произведений, отличающихся (и порой — весьма резко) друг от друга и от исходных авторских версий. Частенько именно отредактированные (читай — искаженные) версии берутся за основу для новых перепечаток практически один к одному, авторская же правка присутствует при этом далеко не всегда. Отсюда и результаты.

Повесть «Волны гасят ветер» сейчас благополучно существует в четырех вариантах, из коих лишь ленинградский («Советский писатель», 1989 и 1990) является действительно полным, а все прочие изобилуют редакторскими поправками и купюрами, да еще в каждом случае — разными.

---

[1] Наиболее полная публикация: Казаков В. После пятой рюмки кофе: О некоторых последствиях редактирования повестей братьев Стругацких // Апейрон (Барнаул).— 1992.— № 1.— С. 76—78. При подготовке текста к новому изданию автором сделана небольшая стилистическая правка.

Повесть «Парень из преисподней» в первый (и последний) раз была напечатана более или менее полно в журнале «Аврора» в 1974 году. При подготовке в издательстве «Детская литература» сборника «Незримый мост» редакция настоятельно попросила «несколько приблизить повесть к читателю детской литературы» и учесть возрастную специфику. В результате этого во всех без исключения книжных изданиях повести (а это либо издания «Детской литературы», либо перепечатки с них) массовый читатель (в том числе и далеко не подросткового возраста) имеет дело с сокращенным и адаптированным для школьников вариантом.

Полного издания повести «Обитаемый остров» на данный момент вообще не существует. Все книжные публикации повести имеют в основе до крайности изуродованную редактурой (опять же, естественно, в интересах советских детей) версию издательства «Детская литература», изданную в 1971 году. Первоначальная авторская версия была со значительными сокращениями опубликована лишь в журнале «Нева» в 1969 году и для широкого читателя сейчас просто недоступна.

Повесть «Жук в муравейнике» все-таки была опубликована полностью, но лишь в Молдавии, Киргизии и в Томском книжном издательстве. В Москве (кроме журнальной публикации в «Знание — сила») повесть не издавалась вовсе, а в Ленинграде вошла в сборник «Белый камень Эрдени», где иные «улучшения» текста (вроде «облагораживания» стишка Левы Абалкина) вызывают просто оторопь.

Таких примеров много. Разумеется, ведется большая работа по изданию действительно полноценных авторских текстов Стругацких (как это делается, скажем, при подготовке выходящего сейчас 12-томника издательства «Текст»). Однако проблема вариантов-«калёк» остается, и она вовсе не так безобидна, как это может кому-то показаться. Вот лишь одно подтверждение этому.

Повесть «Сказка о Тройке» существует, как известно, в двух достаточно различных авторских версиях. В 60-е годы был опубликован лишь так называемый «ангарский вариант», который был вновь издан только в 1986 году, а затем стал (с некоторыми дополнениями из другого варианта) основой для книж-

ных публикаций повести. Другая же (так называемая «китежградская») версия повести после многолетнего хождения в Самиздате увидела свет в 1987 году в журнале «Смена» и была встречена поклонниками Стругацких с энтузиазмом. Однако редакция журнала скромно умолчала, ценой какого числа поправок и изъятий обошлась эта публикация (кстати, по сей день единственная публикация этой версии). Даже при сопоставлении фрагментов, имеющихся в обеих версиях повести, нетрудно уловить масштабы разрушений авторского текста — счет идет не на строчки и фразы, а на целые абзацы. Да и сам характер купюр оказывается порой весьма своеобразным. Так, в авторской версии отставному полковнику мотокавалерийских войск, принадлежат слова: «Так точно, товарищ генералиссимус! Так точно, старый дурак!» В журнальной публикации «генералиссимус» был аккуратно заменен на «генерала» — и эпизод поблек.

А в ряде случаев сокращения просто обессмыслили текст. Как помнят читатели «Сказки», идея нейтрализации Тройки совокупными усилиями научной общественности предполагала, что к огромному числу не рассмотренных Тройкой дел надо добавить бездну новых заявок. Но если следовать журналу, то этих старых дел вроде бы почти и нет. Имеющиеся в авторской рукописи «пятьдесят три старых дела» превратились в «три», а замечание о «существовании богатейших залежей дел двух-, трех- и четырехлетней давности» было просто опущено. В данном случае даже неважно, на каком этапе подготовки текста произошло изъятие — при редактуре, верстке либо корректуре. Результат один — полная потеря сюжетной логики из-за внешне малозначащей детали.

Речь не идет, разумеется, о том, что исходные тексты произведений Стругацких априорно столь совершенны, что вообще исключают всякое редакторское вмешательство. (Хотя и об умении Стругацких редактировать собственные рукописи забывать нельзя.) Речь идет не о нормальной практике литературного редактирования, а его специфической отечественном форме, когда функции редактора становятся почти неотличимы от обязанностей цензора, а результаты подобной редактуры дают сто очков вперед самой кровожадной цензуре.

В одной из своих статей о творчестве Стругацких бывший наш соотечественник М. Лемхин, ныне живущий в США, написал:

«Самая страшная цензура — редакторская. Начинается она, впрочем, с самого автора, который — увы, нередко — сам приспосабливает свою рукопись, чтобы не испугать редактора. А дальше уже редактор корежит рукопись, добиваясь соответствия текста своим представлениям — о нынешних цензурных веяниях, о правде, о вкусах начальства. При этом он зачастую представляется вашим же другом — и даже, вероятно, искренне: «Старичок, это мы с тобой должны смягчить. Вот здесь — ну, ты дал, это настолько откровенно! Они же не дураки. Раз — и привет, зарежут повесть!»

После этого у цензора, возможно, и повода не будет вытащить из стакана свой красный карандаш.

Редактура зависит и от личности редактора, и от статуса редакции. Есть редакторы (и редакции) запуганные и фрондирующие, умные и глупые, тонкие и кондовые, злобные и либеральные.

И если какое-нибудь произведение выходит в двух, в трех издательствах, нередко случается, что под разными обложками и тексты существенно разные. Особенно когда произведение незаурядное, а репутация у автора — «подмочена»» («Грани», № 139, 1985).

Отношение братьев Стругацких к подобного рода редактуре можно проиллюстрировать хотя бы примером из их переписки с издательством «Молодая гвардия» по поводу издания там сборника «Неназначенные встречи», включавшего вызвавшую резкое неприятие тогдашних «молодогвардейских» функционеров повесть «Пикник на обочине»:

«Авторы сочли возможным удовлетворить целый ряд требований редакции — в тех случаях, когда эти требования были достаточно мотивированы и конкретны <...>, и даже в тех случаях, когда требования редакции казались авторам нелепыми и произвольными, но не нарушали идейно-художественной ткани произведения» (17 ноября 1975 г.).

Иначе говоря, всевозможные претензии, включая самые вздорные, могли учитываться авторами, пока стремление уви-

дет произведение опубликованным не приводило к заведомому разрушению замысла и сюжета. Поэтому, скажем, на достаточно абсурдное требование главного редактора редакции фантастики «Молодой гвардии» Ю. Медведева «переименовать Хармонт, Хармонтское радио, заменить прозвище «Катюша Мосол»» последовал внешне лояльный, хотя и преисполненный издевки ответ: «Охотно переименуем выдуманное название «Хармонт» на любое столь же выдуманное, напр. «Мармонт», а прозвище «Мосол Катюша» хотя бы на «Мосол Лизавета», «Мосол Абраша», «Мосол Абдурахман» и так далее» (письмо А. Н. Стругацкого от 14 февраля 1977 года).

Истории почти 10-летнего прохождения по редакторским инстанциям сборника «Неназначенные встречи» или публикации в издательстве «Детская литература» повести «Обитаемый остров», когда число претензий исчислялось сотнями, их абсурдность была беспредельной, а обоснованность — нулевой, при всей своей наглядности все же являют собой примеры крайние, нетипичные, ибо объем и характер претензий здесь всецело подчинялись главной задаче — вообще сорвать публикацию данной книги, заставить авторов забрать из редакции рукопись. Хотелось бы рассмотреть более благополучные случаи, относящиеся уже к достаточно благоприятным для издания книг Стругацких 80-м годам, причем проанализировать не все последствия редакторских претензий, а, к примеру, лишь результаты достаточно специфических замечаний, связанных с отношением героев Стругацких к употреблению спиртных напитков.

В публикациях 60–70-х годов выраженных следов «отрезвления» рукописей Стругацких не так уж много. Здесь выделяются разве что усилия в этом направлении уже упомянутого Ю. Медведева, в списке замечаний которого по «Пикнику на обочине» раздел «замечания, связанные с аморальным поведением героев» (под этим эвфемизмом скрывалось все, что было хоть как-то связано с алкоголем) занимал почетное первое место, но практически целиком был оставлен без внимания авторами за полной абсурдностью. Не всем редакционным работникам пришлись по нраву и соответствующие моменты

повести «За миллиард лет до конца света». Вот фрагмент одной из рецензий: «Замечу еще, что герои повести употребляют чрезмерное количество разного рода спиртных напитков, так что подозрения одного из персонажей, что все происходящие чудеса — результат алкогольного бреда, не так уж далеки от истины»[1]. Впрочем, при публикации в журнале «Знание — сила» внимание редактора куда более привлекли фрагменты, могущие вызвать политические аллюзии. Публикации же, в которых совершенно сознательно (и даже главным образом) была элиминирована именно алкогольная тематика, появились уже в первой половине 80-х (то есть — и это очень важно отметить — *до* начала печально известной антиалкогольной кампании в СССР).

Повесть «Отель "У Погибшего Альпиниста"» была принята издательством «Детская литература» к публикации по необходимости: она призвана была заменить уже включенную в тематический план 1983 года, но отвергнутую редакцией повесть тех же авторов «Жук в муравейнике». К этому времени фантастический детектив Стругацких был опубликован дважды.

Первая — журнальная — публикация («Юность», 1970, №№ 9–11) и сейчас памятна многим любителям фантастики. Долгие годы она была единственной в СССР, так что именно ей, собственно говоря, «Отель...» и обязан в первую очередь известностью среди читателей. В журнальной версии были по необходимости сделаны значительные сокращения. Кроме того, по настоянию главного редактора «Юности» Б. Полевого была значительно «политизирована» концовка повести. Однако значительных вмешательств редактуры в язык произведения, каких-либо серьезных корректировок «морального облика» персонажей не отмечено.

В 1973 году, готовя повесть для сборника «Неназначенные встречи» (куда она, правда, так и не вошла) авторы, идя на-

---

[1] А что? Очень даже реалистичный вариант. Жена на курорт, а Малянов пропил все, что было в доме. Без закуски, занюхивал рукавом в собственном поту. Остальное — глюки белочки пушистой, и не такое бывает. Ведь рукопись-то он пишет потом, после событий. И «странные обстоятельства», при которых она найдена,— это не под кроватью ли в психлечебнице? — *В. Д.*

встречу требованиям редакции, несколько смягчили лексику своих персонажей (порой, похоже, даже чрезмерно). Именно этот вариант текста и лег в основу первого отдельного издания повести (М.: Знание, 1982). Он же стал исходным и при редактировании повести для «Детской литературы».

Претензии к тексту были сформулированы жесткие и совершенно специфические. Лишь в очень малой степени они касались лексики персонажей и отдельных «неприличных» мест (кроме замены «кобеля» Леля на «пса», превращения «морд» в «физии», умолчания о привычке дю Барнстокра складывать губы «куриной гузкой» и так далее). Основные же претензии, как рассказывал впоследствии об этом Б. Н. Стругацкий, вполне укладывались в формулу: «Ни грамма алкоголя!»

Всякий желающий может произвести мысленный эксперимент и представить себе данную повесть в варианте, где это условие соблюдено на сто процентов. Видимо, для работников издательства сие оказалось непосильным, авторы же сочли такой императив просто неприемлемым. Тогда возник компромиссный вариант. Все обитатели отеля были разделены на две категории. Первая из них (это Мозес и Хинкус) была оставлена на произвол судьбы — им даровалось право продолжать свои моральные занятия почти без помех. А вот со второй категорией (это все прочие обитатели отеля) дело оказалось сложнее. Ввести здесь полный «сухой закон» по-прежнему не получалось — необратимо деформировалась сюжетная логика и психологическая убедительность произведения. Но и отступать представители издательства не желали. В результате обоюдных уступок и родился на свет печатный вариант, явивший читателям повести картину странную и удивительную.

Наиболее пострадавшей в этой истории стороной оказался почему-то хозяин отеля Алек Сневар. Его превратили в образцового абстинента, сохранив лишь право на хранение фирменной эдельвейсовой настойки. Жизнь несчастного Сневара стала столь тяжела, что даже при первой встрече с инспектором Глебски он получил в презент отнюдь не «корзину с бутылками», а некий достаточно неопределенный «объемистый сверток». Хуже того — даже выйти к инспектору Сневару дозволили отнюдь не со штопором в руках (как это было раньше), но исключительно с сигарой.

Все это роковым образом сказалось и на судьбе самого инспектора. Ни о каком распитии на пару с хозяином горячего портвейна с лимоном и специями теперь не могло быть и речи. Портвейн неуклонно был заменен на кофе с лимоном, а поскольку число доз напитка осталось прежним, Глебски и Сневарy предстояло — к вящему изумлению читателей — напиваться кофе в совершенно непотребных количествах. Из этого факта воспоследовали и другие занятные результаты.

Так, в начале седьмой главы повести приводятся темы, которые неспешно обсуждают у камина инспектор с хозяином. В авторском тексте все психологические нюансы соблюдены точно: только после употребления кувшина портвейна можно серьезно дискутировать о разумности хозяйского сенбернара, а потом организовывать практикум по подделке лотерейных билетов. Даже бочка кофе к такому эффекту, право же, не приведет.

Но ладно бы дело ограничилось только этим! Когда в отеле начинают происходить странные и зловещие события, бедняге инспектору, дабы сохранить силы и ясность ума, *действительно* приходится пить кофе, причем в немалых количествах, да еще превозносить на первых порах его высокие вкусовые качества. А поскольку основные события повести происходят в течение одной ночи, то способность Глебски поглощать (вкупе с уже выпитым у камина) такие объемы кофеина должна просто приводить в трепет. И здесь особо забавный смысл приобретает заявление инспектора в самом конце повести: «Не мог я больше пить кофе. Меня уже тошнило от кофе». Ну еще бы — питье у камина даром не проходит...

Итак, выезжать на одном кофе далее было уже невозможно, а между тем у обитателей отеля на повестке дня имелась еще вечеринка, которой посвящена целая глава и проигнорировать которую невозможно — сюжет попросту развалится. Как быть? Здесь потребовался более тонкий ход — индивидуальная дозировка количества и качества выпивки. Давайте немного проследим, как это делалось и к чему привело.

...Вечеринка начинается. Инспектор за столом и жаждет чувственных удовольствий. В авторской версии следует: «Напьюсь, решил я, и мне сразу станет легче. Я пошарил глазами по столу

и переменил рюмку на стакан». В варианте для детей решительный порыв Глебски несколько поумерен: «Не выпить ли мне немного бренди? В кои-то веки, а? Я пошарил глазами по столу и пододвинул к себе большую рюмку».

Теперь необходимо с максимальной быстротой довести инспектора до кондиции, чтобы больше этой нехорошей темы не касаться. Было так: «Я залпом проглотил полстакана бренди и налил еще. В голове зашумело». Стало по-иному: «Я залпом проглотил бренди. В голове зашумело». Все логично: подрастающему поколению совершенно ни к чему знать точное количество бренди, способное вызвать шум в голове и иные нехорошие последствия.

Затем инспектор направляется к Брюн. Но в исправленном варианте Глебски уже не должен нести с собой бутылку и стакан, а посему никто не будет, как это было прежде, хлобыстать это бренди. Молоденьким девушкам пить ни к чему! И убегающую бутылку теряющий координацию инспектор ловить тоже не будет. Ему найдут что подхватить. «Вся посуда на столе находилась в движении — я едва успел подхватить убегающую чашку кофе и облил себе брюки». Славно, конечно, что теперь из этой чашки никого нельзя заставить пить. Но вот облитые бренди брюки высохнут сами собой с минимальным ущербом, а про брюки, залитые кофе, этого не скажешь. Естественно, напрасно искать упоминания о том, как вообще-то достаточно аккуратный инспектор чистил или менял эти самые брюки.

Вот, пообщавшись с госпожой Мозес (а в авторском варианте еще и слегка при этом протрезвев), Глебски направляется играть на бильярде с физиком Симонэ. Но тому хочется странного. В прежней редакции следовало: «Потом, помнится, у Симонэ вышел, как он выразился, запас горючего, и я сходил в столовую за новой бутылкой бренди, решивши, что и мне пора пополнить кладовые веселья и беззаботности». В варианте «Детской литературы» все куда проще. «Потом, помнится, Симонэ захотел пива, и я сходил в столовую». Необходимо уточнить: за *одной* бутылкой пива, ибо дальше события (в своем прежнем варианте) развиваются так: «Когда в бутылке осталось чуть больше половины, я мощным ударом выбросил за борт сразу два шара и порвал сукно на бильярде. Симонэ пришел в

восхищение, но я понял, что с меня достаточно». В новой редакции инспектор уже не пьет ничего, а великий физик балуется исключительно пивом. А посему: «Когда Симонэ уже приканчивал пиво, я мощным ударом...» и далее по тексту. Все правильно: ежели уж так хочется портить бильярдный стол, это отлично можно сделать и в трезвом виде.

Затем инспектор выходит на крыльцо и, как подобает трезвому человеку, вступает в беседу с сенбернаром Лелем, выслушивает его мнение по всяким животрепещущим вопросам и тщетно уговаривает «огласить долину воем или, в крайнем случае, лаем» на пару с ним, инспектором. Тут внезапно Глебски ощущает, что наступило самое время выпить... нет-нет, вовсе не горячего портвейна (портвейн безоговорочно отменяется), а так, вообще, «чего-нибудь горяченького». Имеется в виду, естественно, кофе. О дальнейшем уже говорилось.

Справедливости ради надо заметить, что в одном месте повести горячий портвейн все же уцелел. Это когда инспектор с хозяином (только что от камина) втаскивают в дом полу замерзшего Луарвика. И вот здесь милосердие редакторов восторжествовало над их профессиональными принципами: в качестве первой помощи пострадавшему моментально вливают в рот все же не чашечку кофе, а неизвестно откуда объявившийся стакан горячего портвейна. Во-первых, несчастный случай, во-вторых, что с пришельца возьмешь...

Для полноты картины осталось сказать несколько слов о визите инспектора (уже в ходе расследования) к Брюн. Чадо дю Барнстокра рассказывает, чем занималось в последние часы. Раньше его (ее) поползновения были никуда не годными: «Все настроение пропало, скукотища. Одно и оставалось — пойти к себе, запереться и напиться до чертиков». «И вы напились?» — интересуется инспектор. Ответ утвердительный. В модернизированном варианте ни о каком «напиться» речь уже не идет: всего лишь «запереться» — и только. «И вы заперлись?» — глубокомысленно осведомляется инспектор, которому только что открывали запертую дверь. Но тут он замечает в номере Брюн бутылку и берет ее в руки. В прежнем варианте состав преступления налицо: «Бутылка была основательно почата». В новом варианте все куда как безобиднее: «Бутылка была раскупоре-

ла». Надо понимать, что после этого с ней решительно ничего не делали и держали в комнате исключительно как предмет интерьера.

Очень хочется привести одно высказывание Брюн, позволяющее безошибочно определить эволюцию редактирования «Отеля...»,— настолько оно наглядно. Итак, чадо вспоминает перипетии вечеринки.

Вариант 1970 г. («Юность»): «Тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции».

Вариант 1982 г. («Знание»): «Тут подсаживается ко мне пьяный инспектор полиции».

Вариант 1983 г. («Детская литература»): «Тут подсаживается ко мне инспектор полиции».

Или вот еще один пример, где для наглядности хватит даже двух вариантов — первого и последнего.

«Они пляшут, а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге. А потом он хватает Мозесиху и волочит ее за портьеру, а я смотрю на эту портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в том же Гамбурге».

Это журнальный вариант. А вот версия «Детской литературы»:

«Они пляшут, а я смотрю. А потом они оба ныряют за портьеру, а я смотрю на эту портьеру».

Было — хорошо. Стало — никак.

Подобные текстологические упражнения полезны и вот в каком смысле. Легко убеждаешься, что даже попытка изменить сущую мелочь (не влияющую непосредственно на идею или сюжет) может, однако, привести к неприятнейшим последствиям. Скажем, к ощущению психологической недостоверности происходящего. К ощущению, что нормальные люди в подобной ситуации так себя вести и так говорить не могут и не будут. Авторский текст мстит за неуважение к себе. Нарушая его внутреннюю соразмерность, редактор, между прочим, обесценивает и всю собственную работу, по существу расписываясь в профессиональной несостоятельности.

Сходная с вышеописанной картина наблюдается в журнальной публикации рассказа «Подробности жизни Никиты Во-

ронцова» («Знание — сила», 1984, №№ 6 и 7). Положение усугубляется тем, что публикация с искажениями текста была первой для данного произведения, а довольно длительное время — и единственной. Впрочем, даже когда текст журнала еще не с чем было сопоставить, уже возникало ощущение некоей несообразности происходящего в начале рассказа. Вот собрались вместе два достаточно пожилых человека и проводят вдвоем вечер, причем темы разговоров этих немолодых мужчин (да и тональность разговоров) совершенно не укладываются в понятие беседы, что называется, «всухую». Но ни малейших признаков спиртного в тексте нет. От прочтения остается досадное ощущение: «Что-то тут не то...»

С выходом в свет в 1990 году 2-го издания сборника «Поселок на краю Галактики» все сразу же встало на свои места. Там рассказ напечатали без прежних купюр. И, конечно, вовсе не «Дождливым вечером» называлась первая глава, а «Холостяцкий междусобойчик». И застолье там присутствовало надлежащее, и все, что к застолью этому полагалось. И все мысли и интонации сразу же обрели достоверность, потому что была восстановлена внутренняя логика текста, ранее грубо нарушенная редактурой. Да, друзья закусывают, пьют квантум сатис, поют песни — и все это естественно, и небо не валится на землю, и рассказ не превращается в смакование пьяного безобразия. Вот только не покидает раздражение тем, с какой бесцеремонностью читателей отлучили (кого на шесть лет, до появления сборника, а кого и насовсем) от первозданного авторского слова. Впрочем, с неменьшей лихостью журнальный текст был освобожден от малейших намеков на сталинский террор, хотя для идеи рассказа это очень важно: ведь Никита Воронцов каждый раз начинает новую жизнь именно в 1937 году. Но для публикации 1984 года это, конечно, вовсе не удивительно...

Следы специфической редактуры содержит и журнальная публикация «Хромой судьбы» («Нева», 1986, №№ 8 и 9), но подробно останавливаться на ней вряд ли следует. Она появилась по свежим следам грозных антиалкогольных указов и уже в силу этого крайне уязвима для критики. Да и прочие огрехи, отяготившие этот текст, столь велики, что не стоит копаться в

частных дефектах. Все здесь предсказуемо. Разумеется, совершенно немыслимые для трезвой аудитории собеседования ведутся исключительно в непьющих коллективах. Разумеется, главный герой, отнюдь не равнодушный к спиртному, превращен редакторской волей едва ли не в пламенного пропагандиста абстиненции. Разумеется, всякие следы спиртного затенены и затоптаны, водка превращена в пиво, пиво в «пепси», а графинчики — в кофейнички. Здесь есть смысл отметить лишь одно забавное обстоятельство. Существуют, оказывается, такие вещи, по сравнению с которыми даже упоминание спиртного — меньшее зло. В полном варианте «Хромой судьбы» есть гипотеза, что «страшный Мартинсон у себя в нужнике за скелетами тайно гонит наркотики». В журнальной версии наркотики заменены на табуретовку. Стало быть, лучше уж про выпивку, чем про то, чего в СССР по совсем недавним воззрениям не могло существовать в принципе...

Можно, конечно, допустить, что в каждом из рассмотренных случаев (и еще в десятках случаев нерассмотренных) редакторы были преисполнены в отношении авторов наилучших чувств и героически облегчали публикацию той или иной повести Стругацких, заодно всемерно усиливая ее, повести, художественные достоинства. Можно признать, что сохранение произведения в целом стоило все же жертв по частностям, сколь бы обидны эти частности ни были. Можно поверить, что ни в одном из опубликованных вариантов авторский текст не получил в ходе редактуры смертельные раны, то есть не произошло то, что сами Стругацкие назвали «деградацией текста». Можно согласиться, что и для самих авторов анализ всевозможных — пусть и самых диких — замечаний стал хорошей школой для самостоятельного совершенствования своих рукописей. Можно помечтать о том, что нынешние текстологические монстры когда-нибудь будут навсегда вытеснены из читательского обихода публикациями полноценными и безусловно соответствующими исходному авторскому замыслу.

Можно. Все это можно сделать. Но есть одно обстоятельство. Да и не обстоятельство даже, а так... несбыточная фантазия. Если бы Стругацкие не потратили столько сил, времени и

нервов на преодоление *такого* редактирования, как знать — их книг могло бы стать и больше. Пусть даже на одну-две повести — но больше. А теперь уже не станет никогда. И вот в этом случае сделать нельзя уже ничего.

25 марта 1992 г.
Саратов

После пламенной статьи Казакова как-то неловко ощущаешь свой текст, но все равно позволю себе остановиться еще на нескольких моментах правки ОУПА в этом издании.

Еще к вопросу о трезвости персонажей: даже Мозес в ней выглядит непьющим, хотя и ходит все время с кружкой. Сневар рассказывает инспектору: «О, господин дю Барнстокр — это совсем другое дело. Он приезжает ко мне ежегодно вот уже тринадцатый год подряд. Впервые он приехал еще тогда, когда отель назывался просто «Шалаш». Он без ума от моей настойки. А господин Мозес, осмелюсь заметить, постоянно навеселе, а между тем за все время не взял у меня ни бутылки». В издании «Детской литературы» конец рассказа звучит так: «А господин Мозес, осмелюсь заметить, за все время не взял у меня ни бутылки».

Даже у Хинкуса редакторы снижают тягу к спиртному. Убирается разрешение Глебски: «Бутылку можете взять с собой». Убирается в описании Хинкуса: «Он ничего не ответил И ТОЛЬКО НЕЖНО ПРИЖАЛ БУТЫЛКУ К ГРУДИ ОБЕИМИ РУКАМИ».

Обращают редакторы внимание и на другие отрицательные привычки. О Глебски: в фразе «...сунул в карман сигареты для чада...» ДЛЯ ЧАДА убирается: молодежь и курение несовместимы в детской книжке. Если уж совсем нельзя было убрать курение чада, то оно хотя бы облагораживается: не «чадо с окурком, прилипшим к нижней губе», а «чадо с сигаретой, прилипшей к нижней губе».

Убираются и некоторые нюансы женского-мужского. Убрано то, что платье Кайсы «топорщилось на ней спереди и сзади». Из рассказа Сневара убрана подробность, что Барнстокр ущипнул Кайсу ЗА ЗАД. (Кстати, в издании «Юности» Барнстокр щиплет Кайсу ЗА ПОДБОРОДОЧЕК, что более подходит благородному седовласому джентльмену.) Убирается и то, что Симонэ облизнулся, томно глядя на госпожу Мозес.

Даже выпив, Глебски не сравнивает Брюн со своей супругой («...девушка, которая, слава богу, ну совершенно не походила на мою старуху...»), МОЮ СТАРУХУ здесь изменяется на ДРУГИХ и ни о каких невестах в данном издании речь не идет, и об обручении тоже (Брюн говорит Глебски не «Мы же с вами обручились», а «Мы же с вами условились»). И позже Глебски думает не «судьбу свою мне надлежит связать с госпожой Мозес, и только с нею», а «отныне я всегда буду танцевать с госпожой Мозес, и только с нею».

О Кайсе как о возможной жене Сневара Глебски говорит, что она «слишком любит мужчин, чтобы сделаться хорошей женой». В этом издании — «слишком инфантильна».

Убрано даже определение ДЕВСТВЕННАЯ во фразе: «...пеленица снова сияла девственной чистотой».

Ну, и конечно, просто грубые слова и выражения: НАДРАЛСЯ заменяется на более культурное НАБРАЛСЯ, НАВОЗНАЯ куча на МУСОРНУЮ (фраза: «Во всей этой навозной куче я обнаружил две жемчужины»). И убираются грубые слова ОТДУЛСЯ, ЗАГАЖЕННЫЙ (о столе, залитом клеем), убирается обращение Глебски к Симонэ: «Заткнитесь на минуту».

ИЗДАНИЕ «МИРОВ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ»

Издание ОУПА в «Мирах» отличается от остальных более ранних изданий своей стилистической правкой (впервые этот вариант появляется в издании библиотеки фантастики «Дружбы народов», 1996 г.). Правка это мелкая (слово-два — где убрано, где добавлено, где изменено), но очень частая. Изменения эти носят характер, скажем так, современный и присущий, скорее, позднему творчеству Стругацких (усложненность, литературность и т. п.). К примеру, «лавсановая» рубашка Алека Сневара превращается в «нейлоновую», «прекрасно» изменяется на «превосходно», «и» — на «да еще, пожалуй», «повторил» — на «констатировал», «очень уж» — на «на редкость», «быть где-то здесь» — на «где-то здесь наличествовать», «очень» — на «чрезвычайно», «было» — на «оказалось», «лучше» — на «приятнее», «работа» — на «службу», «вероятно» — на «судя по всему», «ответил» — на «откликнулся», «быть» — на «случиться», «бедный» — на «убо-

гий», «разбойник» — на «бандита», «иностранные» — на «экзотические», «пошел» — на «отправился», «просто» — на «попросту», «засучил рукава» — на «поддернул рукава», «воришка» — на «форточника», «перепил» — на «перебрал», «встал» — на «поднялся», «найдутся» — на «обнаружатся», «гнусный» — на «омерзительный», «случилось» — на «произошло», «про обвал» — на «про сам факт обвала», «но» — на «однако»...

Исчезает, к примеру, НАБОР АВТОРУЧЕК, но появляются: БЕЗ ВСЯКОГО СОМНЕНИЯ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ, САМАЯ СУТЬ, ЗНАЕТЕ ЛИ, и вполне современные В ОТКЛЮЧКУ, БАНАНЧИКИ (о пулях), а арифмометр приобретает определение ДОПОТОПНЫЙ.

Можно предположить, что БНС, вдохновившись изданием всех произведений в серии «Миры братьев Стругацких», сам произвел в середине 90-х стилистическую правку ОУПА, осовременив его, чтобы повесть была лучше принята и понята молодым читателем. Одновременно, сам того не осознавая, он придал ОУПА поздний стиль АБС.

ТЕКСТОЛОГИЯ ИЛИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ?

Планируя работу под названием «Неизвестные Стругацкие», я старалась по возможности как можно меньше давать оценку неизвестным отрывкам или текстам (особенно — архивным материалам). Нет ничего хуже, чем подавать новые, ни разу не читанные тексты и рядом же заявлять: «это плохо», «это лучше» — или даже проводить литературоведческий разбор с указанием читателю, как правильно понимать тот или другой вариант. По моему мнению, это ограничивало бы как мнение самих читателей, так и дальнейшую судьбу стругацковедения. Литературоведческие оценки, как правило, субъективны, и чем больше различных мнений по тому или иному варианту, тем лучше для самого произведения. Поэтому — пусть в этом исследовании будут только факты: отличия текста, варианты, отрывки, а далее уже каждый желающий читатель сам будет по-своему оценивать это. Или — литературоведы будут спорить о значении и смысле убранного отрывка. Насколько субъективен может быть такой разбор, хотелось бы показать на тщательном и эмоциональном ис-

следовании опубликованных текстов ОУПА, сделанным Павлом Поляковым[1]. В большинстве случаев с ним можно согласиться, иногда — поспорить, а изредка — и покритиковать (теперь уже его работу). Так, собственно, и рождается литературоведение...

Павел Поляков

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ВАРИАНТОВ ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ «ОТЕЛЬ "У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА"»

После выхода в свет текст какое-то время продолжает жить своей жизнью. По воле авторов и требованиям редакторов (и, возможно, цензоров), мнениям и ошибкам наборщиков и корректоров он меняется. Читатели, за редким исключением, не замечают этих перемен, и иногда к их неожиданности вдруг всплывает: «А почему в фильме «Отель "У погибшего альпиниста"» нет кадра про чадо, которое мело овощной суп?» — «А этой фразы уже и в книге нет». Впрочем, иногда подсознательно, и они что-то замечают. «Вот перечитал текст, и он оказался на удивление лучше (или хуже), чем раньше». Мелкие изменения, которым подвергаются такие тексты, также вносят свою лепту в процесс читательского восприятия.

Итак, здесь пойдет речь об эволюции текста повести братьев Стругацких «Отель "У погибшего альпиниста"». Использовались следующие издания.

«Юность», 1970 г. (первое и на добрые двенадцать лет единственное издание повести) — далее «Ю».

«Детская литература», 1983 г. (прославившаяся своей пуританской редактурой) — далее «Д».

«Текст», 1992 г. (первое собрание сочинений братьев Стругацких) — далее «Т».

«АСТ» (второе собрание сочинений, у меня более поздняя допечатка текста, но первое издание оного тома с/с вышло в 1997 г.) — далее «А».

---

[1] Из-за большого объема работы приводится лишь малая ее часть. — *С. Б.*

«Сталкер», 2001 г. (третье, «эталонное», собрание сочинений) — далее «С».

Все тексты (в том числе и эталонный вариант «С») будут критиковаться и иногда достаточно резко. Но не потому, что я считаю «Отель “У погибшего альпиниста”» слабой книгой (наоборот, я ее достаточно высоко оцениваю). Вообще ценность повести, по-моему, заключается именно в наличии ее достоинств, а не в отсутствии недостатков, тем не менее чем меньше недостатков, тем лучше для читательского восприятия книги. А если учесть, что, как мне кажется, братья Стругацкие специально не делали окончательной редакции своих повестей (кроме, возможно, самых последних; дело в том, что они понимали, что при редактировании вся тонкая правка может совершенно непредсказуемо измениться, и потому оставляли ее именно на совести редакторов), то простое восстановление черновых вариантов текстов не гарантирует однозначно самого лучшего. Тексты Стругацких из-за этого нуждаются в редактировании, и мои оценки являются кроткими советами нынешним и будущим редакторам Стругацких. Если они признают мою правоту хотя бы в одном из десяти (ста, тысячи) случаев, значит, мой труд пропал не зря.

А теперь с места в карьер.

1–2) (Указанные номера — это номера разночтений. Рассматриваться, конечно же, будут далеко не все, поэтому будут пропуски номеров.) С самого начала повесть называлась «Отель “У погибшего альпиниста”», с различными подзаголовками («приключенческая повесть» — «Ю», «фантастическая повесть» — «Д», просто «повесть» — «Т»).

Начиная с «А» повесть получает истинно авторское название «Дело об убийстве, или Отель “У погибшего альпиниста”» и подзаголовок «еще одна отходная детективному жанру».

Спрашивается, выиграл ли текст повести от перемены названия и подзаголовка? И, главное, по какие критериям это сравнивать? Критерии будут самые разные, и по мере анализа мы будем их приводить. Здесь же два первых критерия.

А. Текст печатается для читателя. Поэтому не должен его без толку запутывать. Само название «Дело об убийстве» в 60-е

годы, когда эта повесть писалась, имела оттенок интригующий (детективы выходили достаточно редко) и слегка ироничный (сравните с написанной примерно в те же годы пьесой Рязанова и Брагинского «Убийство в библиотеке»). В наши дни (последнее десятилетие XX века — первая декада века XXI) оное название этих оттенков напрочь лишилось. Поэтому мне как исследователю творчества Стругацких, конечно, страшно интересно узнать истинное название повести, но для читателей, увы, поезд ушел и лучше сохранить прежнее, гораздо лучше запоминающееся название. (Тем более что словосочетание «Дело об убийстве» уже «заиграно» в одном из сценариев братьев Стругацких.)

Несколько сложнее дело обстоит с «еще одной отходной...».

Насколько я понимаю, идея братьев Стругацких, состоит в еще одном слиянии «комического и серьезного», как это блистательно получалось у них, например, в «Сказке о Тройке» или «Жуке в муравейнике». И явно пародийный подзаголовок служит этому замыслу. Но, как признает и сам Борис Натанович в «Повторении пройденного», этот замысел не удался. Несмотря на отдельные блистательные комедийные сценки, общего комического настроя повесть не содержит. (И вообще, как будет потом показано, эти сценки часто выпирают из нее.) Так что (если учесть, что «приключенческая повесть» — несколько не соответствует истине, а в ярлыке «фантастическая повесть» братья Стругацкие давно не нуждаются) мое мнение — оптимальным заголовком и подзаголовком будет вариант «Т»:

«Отель "У погибшего альпиниста"» (Повесть).

3 (сокр.) Эпиграф о происшествии «в округе Винги, близ города Мюр» в «Т» отсутствует (либо ляп наборщиков, либо «Т» имел дело с рукописью, еще не содержащей данного эпиграфа). В остальных изданиях эпиграф наличествует, только в «А» имеется оригинальный вариант: «Падкая на сенсации буржуазная пресса...» При всем своем великолепном звучании это опять-таки ляп, ибо никакого противостояния коммунистическая — буржуазная в повести нет. Так что, очевидно правильный вариант был опубликован в «Ю» и «Д» и восстановлен в «С»:

«Падкая на сенсации бульварная пресса...»

Глава первая.

Здесь разночтения начинаются буквально с первого слова.

5) В варианте «Ю» повесть начинается несколько выспренно: «Я оставил машину, вылез и снял черные очки». И снова, кажется, красивый ляп. Уже в «Д» он исправлен и далее данная фраза однозначна:

«Я остановил машину, вылез и снял черные очки».

6) Окончательный вариант следующей фразы («А» и «С»): «Здесь все было именно так, как рассказывал Згут». И вот тут появляется второй критерий оценки.

Б. Текст должен содержать как можно меньше слов, не несущих информационной нагрузки («чтобы словам было тесно, а мыслям просторно»). Тут дело в психологии. Автор читает свой текст очень медленно и «в конце фразы забывает начало», поэтому ему часто хочется усилить то или иное слово. Однако для читающего сколько-нибудь быстро человека никакого «усиления» и «выделения» не получается, а оказываются только лишние длинноты. Впрочем, подобной перегрузкой служебными словами Авторы, возможно, хотели подчеркнуть, что Глебски — зануда (а инспектор зануда первейший). Однако в данном случае, как мне кажется, овчинка не стоит выделки. Поэтому я за вариант, приведенный в «Ю», «Д» и «Т»:

«Все было так, как рассказывал Згут».

7) Следующая фраза и в «А» новый ляп: «Отель был двухэтажный, желто-зеленый...» Все хорошо, но расцветка больно уж, по-моему, ядовитая. Поэтому во всех остальных вариантах гораздо лучше:

«Отель был двухэтажный, желтый с зеленым...»

8 (сокр.) В «Ю» дальше было несколько расплывчато: «...над входом красовалась траурная вывеска», далее во всех вариантах от «Д» до «С» уточнено:

«...над крыльцом красовалась траурная вывеска».

13) А затем впервые вступает в действие пуританская редактура «Д». «В руке была сигара», во всех остальных вариантах — «В руке был штопор» (в дальнейшем Алек Сневар соответственно приложит к лысому лбу не «кулак со штопором», а «кулак с сигарой»). Правда, честно говоря, никакой разницы я здесь не вижу.

Потом хозяин отеля высокопарным слогом излагает нам историю смерти Погибшего Альпиниста. Сразу сообщу, что в «Ю» эта история существенно сокращена, и это первое, но не последнее сокращение текста «Отеля...» в «Ю», связанное, очевидно, с недостатком места в журнале.

20) Разговор заходит о Згуте. И снова во всех вариантах от «Д» до «С» идет фраза с «лишними словами»: «Я вижу, он не забыл вечера, которые провел у моего камина». И только в «Ю» все коротко и ясно:

«Я вижу, он не забыл наши вечера у камина».

23) Пуританство «Д» не дремлет. Во всех остальных вариантах далее эта фраза звучит так: «...как этот кобель с женским именем будет разгружать мой багаж», а в «Д» «кобель» переименован в «пса». А вот здесь я уже вижу четкий критерий, отличающий эти варианты.

В. При прочих равных условиях употребление более редко встречающегося слова лучше, чем слова стандартного. Поэтому, на мой взгляд, в варианте «Д» фраза стала хуже.

28 (сокр.) И вот перед нами появляется новый персонаж: Кайса. В разных вариантах она обрисована несколько по-разному.

В «Ю» совсем коротко: «В дверях с моим чемоданом в руке стояла этакая кубышечка, пышечка этакая лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку».

В «Д» и «Т» выпала (или была отредактирована?) «пышечка этакая», зато добавлено: «...с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами».

Наконец в «А» и затем в «С» «пышечка» восстановлена в правах, и фраза окончательно звучит следующим образом:

«В дверях, с моим чемоданом в руке, стояла этакая кубышечка, пышечка этакая лет двадцати пяти, с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами».

Разве что добавим от себя, что я с большим трудом могу поверить, что такая девушка, как Кайса (как она обрисована в повести), в двадцать пять лет не вышла замуж.

И еще скажем, что в «Ю» сцена с Кайсой также была немного сокращена.

35) Маленький ляп в «А»: «На спинке кресла висела чья-то брезентовая куртка». В остальных вариантах точнее:

«На спинке кресла посередине комнаты висела чья-то брезентовая куртка».

39 (сокр.) И снова лишние слова. Фраза в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет вообще) звучит и так длинно и выспренно (в соответствии с образом Алека Сневара):

«Мне до сих пор не удалось выяснить, что это означало».

А в «А» и «С» еще добавили: «Мне до сих пор так и не удалось выяснить, что это означало».

Мало того, что фраза стала длиннее, но словосочетания «до сих пор» и «так и» значат примерно одно и то же, так что получилась тавтология.

43–45 (сокр.) А потом в «Ю» следует новая лакуна, которая на сей раз имеет серьезное отношение к сюжету. Приведем ее:

«— Инспектор Згут как-то рассказывал мне,— произнес хозяин после короткого молчания,— что его специальность — так называемые медвежатники. А у вас какая специальность, если это, конечно, не секрет?

<...>

— У меня скучная специальность,— ответил я.— Должностные преступления, растраты, подлоги, подделка государственных бумаг...»

Тем самым в «Ю» не сказано, чем именно занимается инспектор Глебски, и возникает ощущение, что он имел дело с кражами и убийствами. Во всех остальных вариантах у инспектора действительно «скучная специальность». И даже немного удивляет, как такой человек вообще пытался раскрыть убийство и не дать свершиться новым преступлениям.

49) Редкий случай, когда фраза в «Ю» полнее всех остальных вариантов. И так повсюду: «Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены...», а в «Ю»:

«Чемодан мой был раскрыт, вещи аккуратно разложены и развешаны...»

По-моему, все логично.

56) И снова мы имеем дело с божественными силами.

«Благословенное небо, всеблагий Господи, наконец-то я был один!» — радуется Глебски (варианты «А» и «С»).

Но вот уверены ли редакторы, что инспектор молится? Поосму, так это просто «поминание бога всуе», а поэтому должно писаться с маленькой буквы, как это делают «Ю», «Д» и «Т». Кстати, в противном случае неплохо бы и «небо» написать с большой буквы, а то какой-то странный компромисс получается.

59) «...Но вот сын мой утверждает...» — снова «А» и «С» и снова лишнее слово. Чей же еще сын? Лучше как в остальных вариантах:

«...но вот сын утверждает...»

60) (сокр.) Далее следует длинное и достаточно занудное размышление Глебски о счастье свободы выбора (правда, в «Ю» этого размышления нет). На мой взгляд, чем короче будет эта мысль, тем лучше (ибо ничего особенного она не выражает, а для выражения характера инспектора хватит самого сокращенного варианта). Итак, фраза про сигарету, которую он может не закурить, короче в «Д» и «Т»:

«И [сигарета], которую я не закурю, если мне не хочется, а не потому, что мадам Зельц не выносит табачного дыма».

Не понимаю я, зачем тут еще что-то добавлять.

А про рюмку бренди (которую в варианте «Д», как обычно, заменила чашка кофе), как мне кажется, лучше всего сказано в вариантах «А» и «С»:

«Рюмка бренди у горящего камина — это хорошо».

А в «Т», например, совершенно скучнейшая фраза:

«Рюмка бренди у горящего камина — именно в тот момент, не раньше и не позже, когда мне придет в голову, что выпить рюмку бренди у горящего камина — это хорошо».

63) И наконец, заканчивается это рассуждение тем, что вот если пробежаться на лыжах, то «станет совсем уже прекрасно» («Ю», «Д», «Т»). А в «А» и «С» сказано немного получше:

«...станет совсем уж превосходно».

64–65) Затем снова следует описание Кайсы. В «Ю» оно было чуть сокращено, а в «Д» (где снова бдила пуританская редактура) и за ними в «Т» и «А» от него буквально остались «рожки да ножки»:

«Была она в пестром платье в обтяжку, в крошечном кружевном фартуке, шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин».

И только в «С» сокращения восстановлены и Кайса предстает перед нами во всей красе.

«Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке, руки у нее были голые, сдобные, и голую сдобную шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин».

66) И снова общий вывод о Кайсе. В «Д» и «Т» (в «Ю» он опущен) сказано просто: «...и это было хорошо». В «А» и «С» добавлено одно слово:

«...и это тоже было хорошо».

На сей раз слово добавлено по делу и логически цепляет рассуждения инспектора о Кайсе к его размышлениям о счастье свободы воли, где часто встречается слово «хорошо».

68) В разговоре о Симонэ в варианте «Ю» Кайса опускает слово «Ученые». И это не случайное искажение текста, а именно редакторская политика «Ю». По мнению этого варианта, Глебски не подозревал об ученых заслугах Симонэ. (И далее все подобные упоминания будут убираться из текста.)

81) Безобидная фраза:

«...пепельница на столе снова сияла девственной чистотой».

В «Д» слово «девственной» отсутствует. Господа пуритане! Чем пепельница-то перед вами провинилась?

82) В «Д»: «...пахло трубочным табаком, как в номере-музее».

В остальных вариантах чуть иначе:

«...пахло трубочным табаком, совсем как в номере-музее».

Честно говоря, ввиду многозначности понятия «как», слово «совсем», напоминающее о конкретном недавнем случае, все-таки нужно.

83) А вот здесь в «Д» точнее:

«Я взглянул на пепельницу».

А добавленное в более поздних вариантах слово «немедленно» только, как ни странно, уменьшает скорость процесса. (Слово «немедленно» и так подразумевалось, а с ним фраза читается явно дольше.)

На сем глава заканчивается.

И начинается вторая глава. Чтобы не писать слишком больших чисел, я веду нумерацию разночтений по главам и потому опять начинаю с первого номера.

Начинается вторая глава с лыжной пробежки Петера Глебски. Снова заметим, что в «Ю» она изрядно сокращена, и за клавиатуру, друзья!

7) Речь заходит о Згуте. И тут снова разные варианты. Окончательный вариант «А» и «С» длинноват: «хоть ты и лупишь, говорят, своих «медвежатников» по мордам во время допросов...»

Во-первых, весьма странно звучит слово «говорят». Згут представлен в повести, как один из близких друзей Глебски. А судить о друге с чужих слов... как-то нехорошо, да и на Петера Глебски непохоже.

Во-вторых, добавка «во время допросов», наверное, лишняя. Когда еще Згут может лупить «своих медвежатников»?

Поэтому здесь оптимальны варианты «Ю» и «Т»:

«...хоть ты и лупишь своих «медвежатников» по мордам...»

А в «Д» вариант по длине такой же, только морды снова заменены «физиями».

17) А здесь в «Ю» несколько стандартно: «Я снял перчатку, вытер лицо...»

В остальных вариантах точнее:

«Я снял перчатку, сунул мизинец в ухо, повертел...»

Тем более что в предыдущей фразе у Глебски «уши ветром заложило».

18) И снова во всех текстах, от «Д» и «С» лишние слова: «...словно по соседству шел на посадку спортивный биплан». И только в «Ю» коротко и ясно:

«...словно шел на посадку спортивный биплан».

26 (сокр.) В пародии Глебски про гибель «Погибшего Мотоциклиста» увеличилось число кирпичей. В «Ю» было всего-навсего «увлекая за собой сорок два кирпича», то есть только те, что закрывали дыру в стене, которую (достаточно аккуратно) пробил мифический «Мотоциклист». В остальных текстах разрушения стены гораздо глобальнее (что, по-моему, лучше):

«...увлекая за собой четыреста тридцать два кирпича».

Главное — кто-то же их сосчитал!

27 (сокр.) И снова маленькая длиннота в «А», «С»: «...настойка из мухоморов, три кроны за литр».

В «Д», «Т» (в «Ю» этой фразы нет) чуточку точнее:

«...настойка из мухоморов, три кроны литр».

32) Перед нами новый герой — дю Барнстокр. От варианта к варианту его портрет обретает все новые черты. В «Ю», «Д» и «Т» было коротко и простовато: «...лицо, украшенное аристократическим носом».

В «А» интереснее: «...лицо, украшенное аристократическими брыльями и не менее аристократическим носом».

И наконец, в «С» портрет дю Барнстокра полностью готов:

«...лицо, украшенное аристократическими брыльями и не менее аристократическим носом феноменальной формы».

39) Забавный ляп в «А»: «Это <...> хилая работа. Хотя и недостойная такого знатока, как господин Глебски».

В остальных текстах (кроме «Ю», где нет последней фразы) все становится понятнее:

«Это <...> хилая работа. Хилая и недостойная такого знатока, как господин Глебски».

45–47 (сокр.) А вот здесь, как мне кажется, Авторы сами запутались и нас запутали. Говорит дю Барнстокр:

«...это Брюн, единственное дитя моего дорогого покойного брата...»

Чуть ниже соответственно:

«Дитя равнодушно улыбнулось мне...»

Но посередине в размышлениях Глебски впервые проскакивает одно из самых запоминающихся словечек в «Отеле...»:

«...я бы предпочел, чтобы дю Барнстокр представил ч а д о своего дорогого покойника...»

С чего бы это инспектору употреблять архаизмы? Ни до, ни после этого эпизода за ним такого не замечено. Он всегда говорит нормальным современным книжным языком.

И только в «Ю» с логикой сюжета все нормально:

«это Брюн, единственное чадо моего дорогого покойного брата... <...> Чадо равнодушно улыбнулось мне».

(Третья фраза в «Ю» сокращена.)

На мой взгляд, старому и манерному дю Барнстокру куда более пристало говорить архаизмами.

57–59 (сокр.) Далее идет тема «ужасных звуков». Сначала, в основном, все в порядке почти во всех вариантах:

«Разбудил меня чей-то взвизг...»

Только в «А» «взвизг» переименован в «визг».

Но, увы, далее во всех вариантах от «Д» до «С» визг вступает в свои права: «а потом снова короткий визг и призрачный хохот».

А затем там же: «Мне даже послышалось бряканье ржавых цепей». Это уже натужно смешно, а не страшно весело. И только в «Ю» «готическая тема» сохраняется во всей полноте:

«...а потом снова короткий взвизг и призрачный хохот. Мне даже послышалось бряцанье ржавых цепей».

60) А вот здесь от сокращения текст несколько потерял. Среди выражений лица, которые Глебски опробует перед зеркалом, в текстах «Д», «Т» и «А» значится «простодушная готовность к любым знакомствам...» И только в «Ю» и «С» уточняется:

«...простодушная готовность к решительно любым знакомствам...»

62) И снова лишние слова. Перед нами Симонэ:

«Поза его при всей неестественности казалась вполне непринужденной». (Варианты «Ю», «Д» и «Т».)

Все ведь, кажется, понятно. Тогда зачем в «А» и «С» добавлено «однако же»?

63) Первая из двух фраз во второй главе «Отеля...», касающаяся темы «старая армия». В «Ю» было незатейливо: «...встал передо мною по стойке "Смирно"».

В остальных же текстах интереснее:

«...встал передо мною во фрунт».

Вторая фраза гораздо красивее, вот только какое отношение к сюжету «Отеля...» имеет эта ретро-тема? Кажется, никакого, но и явственно она тоже не выпирает.

71) Сцена в столовой. В «Т» фраза простенькая: «...сидели дю Барнстокр и чадо».

Во всех остальных вариантах явственно виден зануда-Глебски.

«...сидели дю Барнстокр и чадо его покойного брата».

72) Та самая фраза, про которую я писал в предисловии. Во всех текстах от «Д» до «С» она простовата: «...чадо <...> уплетало овощной суп».

И только в «Ю» звучит до сих оставшееся в памяти читателей:

«...чадо <...> стремительно мело овощной суп».

74) А здесь с занудством уже, кажется, перебор. Восхищаясь красотой госпожи Мозес, инспектор размышляет в «Ю»:

«Таких женщин я видел раньше только на фото в великосветских журналах и в супербоевиках».

И этого, по-моему, более чем достаточно. И не нужно никаких «да еще, пожалуй», вместо «и», как в остальных текстах.

76) А теперь «Ю» занимается популяризацией. Если в остальных вариантах все просто «и положил пикуль», то «Ю» далее разъясняет: «— маленький маринованный огурчик». Не знаю, кому как, но мне это объяснение понадобилось, поэтому полагаю, что оно к месту.

78–80) А вот дальше это объяснение становится уже слишком занудным. Ибо «Ю» снова и снова употребляет слово «огурчик». Глебски сначала «откусил половину огурчика», затем «засунул в рот вторую половину огурчика» и наконец огорчился, «что они [то есть огурчики] не бывают величиной с дыню». Теперь слово «пикуль», как в текстах от «Д» до «С», кажется, гораздо более интересно:

«...откусил половину пикуля. <...> засунул в рот вторую половину пикуля, горько сожалея, что не бывает пикулей величиной с дыню».

83 (сокр.) Опять маленький, но интересный нюанс. В вариантах «Ю», «Д» и «Т» говорится так: «...она улыбнулась, и мне [инспектору] сразу стало легче».

А в «А» и «С» чуть иначе:

«...госпожа Мозес улыбнулась, и мне сразу стало легче».

Госпожа Мозес явно нравится Глебски, и ему, стало быть, хочется лишний раз мысленно повторить ее имя.

89) Снова небольшое и удачное изменение. Алек Сневар заверяет своих постояльцев в текстах «Ю», «Д» и «Т», «что ночами кто-то бродит по дому». А в «А» и «С»:

«...что ночами кто-то, несомненно, бродит по дому».

И это «несомненно» явно добавляет убедительности его словам.

95) А здесь, наоборот, текст замедляется. Чадо ругает неизвестных шутников. И как замечает Глебски по «А» и «С»: «При этот оно свирепо целилось в меня своими окулярами, и я порадовался, что приехал только сегодня».

А в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) от маленькой недоговоренности фраза становится гораздо динамичнее:

«При этом оно так целилось в меня своими окулярами, что я порадовался, что приехал только сегодня».

За эту динамику, как мне кажется, можно простить два «что» подряд.

96–97) Недосказанный анекдот Симонэ. Вначале в «Ю» все как обычно: «Приезжает как-то один майор...», а в остальных вариантах «в стиле ретро»:

«Приезжает как-то один штабс-капитан...»

А далее, наоборот, в текстах от «Д» до «С» этот самый офицер «велит позвать хозяина...» А в «Ю» присутствует некая недоговоренность:

«...велит позвать...»

Если вспомнить, что анекдот незаконченный, то он, по-моему, и должен быть прерван на полуслове и несколько двусмысленно.

98) Маленький перебор. Конечно, чадо желает выглядеть взрослее и циничнее, чем оно есть. Но все высказано уже в более ранней фразе: «А, дурацкий анекдот». Поэтому дальше лучше просто нейтральный вопрос, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Этот?»

А вопрос вариантов «А» и «С» «Этот, что ли?», по-моему, уже перебор.

101) Лакуна в «Ю», которая уцелела во всех остальных вариантах, даже в пуританском «Д»:

«Но стоило смягчиться душою, и девушка пропадала, а вместо нее самым непристойным образом появлялся расхлябанный нагловатый подросток — из тех, что разводят блох на пляжах и накачивают себя наркотиками в общественных уборных».

Про девственно чистую чернильницу нельзя, а про подростков-наркоманов, выходит, можно?

104) И снова пример многословия, которое воспринимается не как черта того или иного героя, а именно как занудство Авторов.

В «Ю» дю Барнстокр говорит:

«Будь я математиком, господа, я бы попытался...»

В остальных текстах старый фокусник куда более зануден: «Если бы я был математиком, господа, я бы на основании этих данных попытался...»

106 (сокр.) А вот размышления Глебски об отношениях дю Барнстокра к чаду грешат занудством во всех четырех вариантах (в «Ю» этой фразы нет).

Вначале инспектор полагает, что фокусник о поле чада (по версиям «Д» и «Т»), «по-моему, и сам не знает».

А в «А» и «С» добавили «толком» (кстати, а что можно знать об этом без толку?) и субъективное «по-моему» заменили более объективным «пожалуй».

Зато «А» и «С» вовремя останавливают размышления Петера Глебски:

«Откуда ему знать? Дитя и дитя...»

А остальные тексты добавляют, как мне кажется, лишнюю фразу: «И дело с концом».

107) А здесь я за то, чтобы называть вещи своими именами. И вместо обтекаемого «Кайса глупа», как в вариантах от «Д» до «С», лучше прямо и честно, как в «Ю»:

«Кайса — дура».

108 (сокр.) А сейчас дополнительные слова опять неплохо подчеркивают занудство Глебски. Если в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы снова нет) фраза очень проста: «Кайса, конечно, глупа, но в кулинарии толк знает...», то в «А» и «С» гораздо интереснее:

«Кайса, без сомнения, глупа, но в кулинарии, без всякого сомнения, толк знает...»

111 (сокр.) Снова говорит дю Барнстокр и опять слишком длинно.

Даже в «Д» и «Т» (в «Ю» этого отрывка нет) длинновато:

«...эта мысль уже сама по себе занимает воображение».

А в «А» и «С» «эта мысль» уже не просто «занимает», но «способна занимать».

112) Теперь говорит Симонэ, за которым, хоть он был и ученый, прежде не наблюдалось педантизма. В «Ю» все коротко и ясно:

«Если они [то есть пришельцы] умеют отличать населенные системы от ненаселенных...»

В остальных текстах добавлено (как будто это и так не ясно): «...и наблюдают только населенные...»

113) В «Д» убрали забавную характеристику, да так надежно, что ее восстановили только в «С». Итак, в «Д», «Т» и «А» сказано примитивно: «Симонэ заржал».

И только в «Ю» и «С» подлинная авторская мысль:

«Симонэ заржал, словно дворняга загавкала».

119) Перед нами появляется господин Мозес, а я за чуть более нестандартный вариант. Во всех остальных текстах: «На пороге появилась удивительная фигура».

И только в «Ю»:

«На пороге возникла удивительная фигура».

Как мне кажется, удивительные фигуры не появляются. Они именно возникают.

131) Мозеса знакомят с Глебски. И сразу возникает забавное расхождение. Если в «Ю» Глебски кажется ниже по чину своего нового знакомого: «Господин Мозес — инспектор Глебски», то в остальных вариантах от «Д» до «С» Алек Сневар (знакомящий героев) ведет себя как на дипломатическом рауте:

«Господин Мозес — господин инспектор Глебски».

И здесь же, при знакомстве Мозеса и Глебски, возникает тот забавный нюансик, о котором я говорил при анализе первой главы.

«— Инспектор...— проворчал Мозес.— Фальшивые квитанции, подложные паспорта...»

В «Ю» (где, напомню, мы ничего не знаем о специализации Глебски) это выглядит тупым наездом. Зато в остальных вариантах господин Мозес оказывается на удивление точен. А так как узнать это он мог только от хозяина отеля, то невольно возникает подозрение, что Сневара и Мозеса связывают какие-то особые отношения.

134) Редкий случай, когда лишнее слово оказывается к месту. Симонэ рассказывает новый (и опять-таки незаконченный) анекдот. По всем вариантам от «Д» до «С» там звучат слова: «...чревоугодник в ожидании любимого блюда», а вот в «Ю» добавлено:

«...чревоугодник в ожидании своего любимого блюда».

«Своего» словечко, конечно же, лишнее, вот только мне кажется, что так Симонэ специально тянет время, дабы подогреть интерес к анекдоту.

135) А теперь замена оказалась весьма удачна. В текстах «Ю», «Д» и «Т» было незамысловато: «Опасения,— удовлетворенно повторил господин Мозес».

А в «А» и «С» поинтереснее:

«Опасения,— удовлетворенно констатировал господин Мозес».

148–149 (сокр.) Мысли Глебски о Мозесе. Вначале в «Ю», «Д» и «С» точная цитата слов Мозеса, однако фраза получилась чуть легкомысленна: «...чем все это кончится, если Мозес тоже начнет шутить». Зато в «А», «С» занудное «тоже» убрали, зато добавили почтительности:

«...чем все это кончится, если господин Мозес начнет шутить».

Впрочем, «А» и «С» отыгрались уже на следующей фразе инспектора. Если в текстах от «Д» до «Т» (в «Ю» этой фразы нет) было: «...у меня картина получилась очень уж безотрадная», то в окончательных вариантах:

«...у меня лично картина получилась на редкость безотрадная».

Какой же Глебски зануда!

149–150 (сокр.) И наконец пара слов о пуританской редактуре «Д». Сначала «Д», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы все нет) говорится, что Мозес прикладывался к своей кружке «раз сто», а «Д» сокращает это количество ровно вдвое «раз пятьдесят». А затем по всем остальным текстам:

«Госпожа Мозес <...> приложила к прекрасным губам салфетку...»

Но в «Д» слово «прекрасным» отсутствует. Ужели и красота под запретом?

На сем вторая глава заканчивается.

Третья глава в некотором смысле представляет собой кульминацию. Во всяком случае, это кульминация сокращений «Ю» (они уже составляют страницы) и пуританства «Д».

С него, кстати, и начнем.

1) В «Д» сказано лишь: «...произнес хозяин», а из остальных вариантов мы узнаем:

«...произнес хозяин, разглядывая стакан на свет».

Впрочем, все еще только начинается.

3) В «А», «С» экономно снижают накал пламени камина: «Жарко пылал уголь...», а вот в «Ю», «Д», «Т» уголь

«Жарко полыхал...»

Это, очевидно, преувеличение, но слово интересное, да и настроение героев, по-моему, хорошо передает.

6) А вот здесь, пожалуй, «Ю» удачнее. В вариантах от «Д» до «С» Мозес поджег стокроновый билет зажигалкой и «раскурил от него сигарету...», а в «Ю» точнее:

«...раскурил от него сигару».

Мозес — миллионер и курить сигары ему как-то больше пристало.

21) Речь заходит о шалости дю Барнстокра в отношении Кайсы. И снова источники расходятся между собой. И, как всегда, наиболее скуп в описании «Д»: «...дю Барнстокр <...> ущипнул ее вчера». Остальные тексты более подробны. В «Т», «А» и «С» говорится грубовато: «...ущипнул ее вчера за зад». Все-таки дю Барнстокр, по-моему, слишком утончен для подобной шутки. В «Ю», мне кажется, сказано точнее всего:

«...дю Барнстокр <...> ущипнул ее вчера за подбородочек».

22 (сокр.) А здесь «Ю», наоборот, грубее и снова, наверное, лучше. Речь заходит о Симонэ. В текстах Глебски говорит слишком расплывчато: «...наш физик имеет в виду прежде всего госпожу Мозес». А в «Ю»:

«...наш физик положил глаз на госпожу Мозес».

Прямо и четко, как у нормального человека навеселе.

35) Таксист продолжает говорить, а Авторы постепенно расцвечивают его речь. В «Ю» он просто объясняет: «Вы что, не видели, какая дорога?» Во всех же остальных вариантах (даже, к моему удивлению, в пуританском «Д») он более экспрессивен:

«Черт бы вас подрал, вы что, не видели, какая дорога?»

41) И снова лишние слова в «А» и «С»: «В холле я задержался — входная дверь распахнулась, и на пороге...» И так, кажется, понятно, какая дверь открылась. Поэтому лучше как «Ю», «Д» и «Т»:

«В холле я задержался — дверь распахнулась, и на пороге...»

42) А дальше уже гораздо лучше в «А» и «С». Если в остальных текстах читаем: «...оказался светловолосым викингом. Румяное лицо его было мокрое, на ресницах белым пухом лежали

снежинки». А в эталонных вариантах точнее и стилистически, и фактически:

«...оказался светловолосым румяным викингом. Лицо у него было мокрое, на бровях белым пухом лежали снежинки».

46) Напоследок встрепенулось «Д»: «...продолжая кричать про разбитые в кровь физии и про полицию...» В остальных текстах вместо «физий», конечно же, «морды».

48) И, наконец, снова блестящий пример правильной расстановки слов в «А» и «С». Они не сразу выдают все факты на гора, как остальные тексты: «Только чуть колыхалась портьера...», а блистательно держат паузу:

«Только портьера, закрывающая вход в коридор, который вел в каминную и к номерам Мозеса, слегка колыхалась».

В конце концов, это детектив или что?

Начинается четвертая глава.

2) Глебски растирается снегом, чтобы, согласно «Д», «встряхнуться ото сна». И только из остальных вариантов мы узнаем истину:

«...чтобы нейтрализовать остаточное действие трех стаканов портвейна».

«Д» не откажешь в пунктуальности. Нет пьянки — нет похмелья.

3) А здесь снова занудство Глебски переходит (с моей читательской точки зрения) в занудство Авторов. В «Ю» все просто:

«Солнце едва высунулось из-за хребта...»

Остальные же тексты иронически добавляют «на востоке». Право, не воспринимается это как черта характера Глебски (тем более что на тех же страницах инспектор раскрывается в полный рост).

5) И снова маленькая, но точная добавка. В текстах «Ю», «Д» и «Т» инспектор просто «сбежал в буфетную». А в «А» и «С» он:

«...сбежал в буфетную, прыгая через ступеньку».

6) Начало одновременно двух тенденций. В «Ю» и «Т» в этой самой буфетной Кайса поднесла Глебски

«кружку какао и сандвич».

Так вот, в «Д» слово «сандвич» упорно именуют на иностранный манер «сэндвич» (практически по всему тексту). А в «А»

и «С» кружки интеллигентно заменены чашками (и также далее по всему тексту). Смысл замен остался мне непонятен.

Далее в «Ю» следует лакуна на полторы страницы, а нам предстоит морока с цифрой «10».

10а) В «Д» и «Т» говорится: «Все население вывалило погреться на солнышке». В «А» и «С» все же несколько помягче:

«Все население вывалилось погреться на солнышке».

10б–в) А здесь в «Д» и «Т» фраза несколько лучше:

«...блистательная госпожа Мозес <...>, господин Мозес <...> и хозяин, что-то им втолковывающий».

В «А» и «С» госпожа Мозес перестала быть «блистательной», зато хозяин втолковывал уже что-то «им обоим». На мой взгляд, слово «блистательный» гораздо лучше стандартного «обоим».

Впрочем, далее «эталонные тексты» почти безупречны.

10г–д) А вот и до занудства инспектора дело дошло.

В «Д» и «Т» простовато: «Великий физик должен был быть где-то здесь <...> И он здесь был...»

В «А», «С» интереснее:

«Великий физик должен был где-то здесь наличествовать... И он здесь наличествовал...»

10ж–з) В «Д» и «Т» снова просто и общо: «...госпожа Мозес спросила, не надо ли меня растереть, господин Мозес ворчливо посоветовал растереть этого горе-спортсмена в порошок...» В «А» и «С» опять интереснее:

«...госпожа Мозес испуганно спросила, не следует ли меня растереть, господин Мозес ворчливо посоветовал растереть этого горе-лыжника в порошок...»

10и–к) Но вот трос подхватывает Олаф Андварафорс и, по «Д» и «Т», «тогда меня бросили, <...> изменчивая толпа восторженно приветствовала нового кумира». А в «А» и «С» не без некоторого самоедства:

«...меня тут же бросили, <...> изменчивая толпа уже восторженно приветствовала нового кумира».

10л) Но вмешивается Лель, и инспектор отомщен. Согласно «Д» и «Т»: «...я человек не злорадный, я только люблю во всем справедливость». «А» и «С» снова точно ловят характер Глебски:

«...я человек не злорадный, я только люблю справедливость. Во всем».

Заметим кстати, что в «Ю» вообще ничего не говорится об особом отношении Леля к роботам.

13) Редактура «Д» бдит. Опущена простая фраза:

«Мы закурили».

Кстати, и дальше в этой главе «Д» не раз помешает закурить инспектору Глебски.

17) «Д» всегда на посту. Во всех вариантах:

«Симонэ, облизнувшись, впился в госпожу Мозес томным взором...»

«Д» недрогнувшей рукой вычеркивает «облизнувшись».

20) А здесь поправка не по делу. В «Ю», «Д» и «Т» госпожа Мозес рассказывает, что у них есть две ванны:

«...одна золотая, другая платиновая...»

«А» и «С» добавляет «кажется». По-моему, госпожа Мозес слишком глупа для «интеллигентного стеба» и слишком умна, чтобы не знать обстановку в собственном особняке.

22) Теперь лишнее слово в варианте «Ю»: «Симонэ, гоготнув, тут же вызвался сопровождать» госпожу Мозес.

В остальных вариантах нет слова «гоготнув», ибо, как мне кажется, Симонэ сдерживал свои грубые шутки в присутствии «дамы сердца».

25) В очередь встает Хинкус. Причем в текстах от «Д» до «С» об этом говорится так: «...к нам присоединился Хинкус...»

А в «Ю» излагается более пространно (и более типично для Глебски):

«...к нам присоединился господин Хинкус, ходатай...»

26) Хинкус ругается, что в этом отеле, согласно «А» и «С», «деньги вот дерут как с двоих...» Как мне кажется, это слишком правильно сказано для малограмотного бандита. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус выражается «попростонароднее»:

«...деньги вот дерут за двоих...»

27–28) Дю Барнстокр показывает Хинкусу небольшой фокус. Но если вначале лучше варианты «А» и «С»: «Господин дю Барнстокр ловко успокоил его...» (в остальных текстах нет слова «ловко»), то далее, пожалуй, лучше вариант «Ю»:

«...извлек у него из полотенца два леденцовых петушка на палочке».

(Начиная с «Д» дю Барнстокр извлекает «двух петушков», а в «А» и «С» фокусник извлекает петушков «из его полотенца», и «его» встречается дважды за четыре слова.)

30) Опять лишние слова. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус взял этих петушки и «сунул их в рот...»

А в «эталонных вариантах» Хинкус «засунул их себе в рот...»

33) Появляется Олаф и от варианта к варианту о нем говорится все подробнее.

«Ю»: «белокурый викинг Олаф».

«Д» и «Т»: «опозоренный собакой кумир дня Олаф».

«А» и «С»: «опозоренный невоспитанной собакой кумир дня Олаф».

Последний вариант, как мне кажется, лучше.

38 (сокр.) Наконец, Глебски не выдерживает и врывается в душевую. Снова в «Ю» все просто:

«В душевой никого не было».

А в остальных вариантах «все страньше и страньше». В итоге в эталонных «А» и «С» эта фраза звучит: «И конечно же, дверь открылась. И конечно же, в душевой никого не оказалось».

41) Дю Барнстокр возмущен шуткой с душем и изрекает свое знаменитое «Кэ дьябль!» Но далее он почему-то продолжает возмущаться лишь в «Ю»:

«Мы стоим здесь и ждем никак не менее четверти часа!..»

В остальных текстах тон фокусника делается вдруг заискивающим: «Мы стоим здесь и ждем никак не менее четверти часа, не правда ли, инспектор?»

Даже если Авторы таким образом намекают, что (как выяснится позже) автором шутки был сам дю Барнстокр, старый иллюзионист достаточно опытен, чтобы отыграть гнев.

43) А вот действия хозяина лучше всего отражены в эталонных вариантах. Если в «Ю», «Д» и «Т»: «Он заглянул в душевую...», то «А» и «С» гораздо экспрессивнее:

«Он нырнул в душевую...»

46 (сокр.) А теперь Глебски в самый неподходящий момент интеллигентничает. Инспектор подозревает, что шутку с душем устроил Симонэ, и в отместку занимает без очереди этот самый душ, говоря про себя по «Ю», «Д» и «Т»:

«Он же и устроил, подумал я со злостью».

В «А» и «С» Глебски добавляет «наверное». И как это слово сочетается со злостью?

49) Снова полуфантастическая картинка, которая чудится Глебски. По «Ю» инспектору кажется, что Симонэ

«прыгает <...> с трубы на трубу и регочет».

В «Д», «Т» Симонэ уже «гогочет», а в «А» и «С» гогочет на всю долину. А мне почему-то жалко, что редкое словечко пропало.

63) Опять моя вкусовщина. В «Д», «Т» и «С» (в «А» этого эпизода нет) Хинкус «опрокинул третью рюмку», а мне больше по душе фраза из «Ю»:

«Он хлопнул третью рюмку...»

69) «Ю», «Д» и «Т» слишком разжевывают: «Хинкус тупо разглядывал свою рюмку с бренди». В «А» и «С» короче и яснее:

«Хинкус тупо разглядывал свое бренди».

77) Глебски уговаривает себя поиграть на бильярде в одиночку. В «Ю», «Д» и «Т» инспектору кажется, что так: «Даже еще лучше». А в «А» и «С» точнее:

«Даже еще приятнее».

96) В «Д» и «Т» (в «Ю» нет этого эпизода) Симонэ предупреждает: «...вы имеете дело с чемпионом...» Два Чемпиона — это уж слишком. Поэтому в «А» и «С» исправлено:

«...вы имеете дело с гроссмейстером...»

101) А вот эта фраза впервые появилась только в «С». Речь идет об Олафе:

«Если бы вы видели, как он прижал Кайсу — прямо на кухне, среди кипящих кастрюль и скворчащих омлетов...»

104) На вопрос инспектора, какой удар он собирается наносить, Симонэ в текстах «А» и «С» отвечает: «От двух бортов в середину». И передо мной встает призрак Антона Павловича Чехова и его героя Гаева. Поэтому, кажется, лучше как в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«От трех бортов в угол».

125) Забавное противостояние. В текстах от «Д» до «С» сцена входа Глебски в номер-музей описана неплохо и даже экспрессивно: «Не теряя ни секунды, я рванул дверь, влетел в номер и едва не сшиб с ног самого господина Мозеса».

А простенькая фразочка в «Ю» имеет только одно преимущество: она короткая и, значит, заведомо лучше передает быстро меняющуюся ситуацию, ибо читается гораздо быстрее:

«Я заглянул в номер и обнаружил там господина Мозеса».

135) Еще одно удачное слово. В «Ю», «Д» и «Т» Мозес в ответ на просьбу написать формальное заявление идет на компромисс: «...утром я напишу это заявление».

А в «А» и «С» точнее:

«...утром я напишу вам это заявление».

140) Здесь же «Ю» слишком четко высказывается: «Один из тех дурацких лозунгов, которые французские студенты писали на стенах Сорбонны». В остальных вариантах более расплывчато (ведь Глебски явно не специалист по студенческим волнениям):

«...которые французы писали на своей Сорбонне».

144) И, наконец, триумф пуританства. В «Ю» было написано:

«На крыше, запрокинув голову и присосавшись к бутылке, по-прежнему торчал <...> Хинкус».

«Д» упрощает эту фразу до «На крыше по-прежнему торчал...» А остальные варианты лакуны не заметили и оставили текст по «Д».

Глава пятая.

2) В «Ю» фраза донельзя проста: «Дю Барнстокр и Олаф сидели в номере Олафа». В остальных же вариантах она более информативна:

«Дю Барнстокр продолжал чистить [то есть обыгрывать в карты] Олафа в номере Олафа».

3) Также по делу небольшое изменение во фразе о Хинкусе, который (согласно «Ю», «Д» и «Т») «намерен, наверное, дышать чистым воздухом по крайней мере до обеда». Так как Глебски, обыскивая номер Хинкуса, рискует собственной репутацией, то слово «наверное» здесь действительно слишком слабое и лучше, как в «А» и «С»:

«...намерен, судя по всему, дышать свежим воздухом...»

4б) А вот когда Глебски объясняет мотивы своего беззаконного поступка, это объяснение оказывается слишком смутно. Уже в «Д» и «Т» оно излишне выспренно и двусмысленно:

«...иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить».

Возникает ощущение, что Глебски едва не покончил с собой. Однако добавка в «А» и «С» делает фразу гротескной и почти юмористической:

«...иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить в ближайшее время».

То бишь инспектор умрет, но воскреснет. А если серьезно, то, выходит, в отдаленное время он вполне сможет и спокойно спать, и спокойно жить. Тогда, быть может, проще сделать так, чтобы это отдаленное время настало как можно быстрее?

8) По «Ю» содержимое первого баула Хинкуса Глебски «сразу насторожило». Однако инспектор и так насторожен. Поэтому лучше, как в остальных текстах:

«Содержимое первого, более тяжелого баула насторожило меня еще сильнее».

11) Следует описание содержимого одного из баулов. Например, в нем лежит пачка денег и, как замечает Глебски по «А» и «С», «солидная пачка, побольше моей...» Не слишком ли легкомысленное для напряженной обстановки замечание? Мне кажется, здесь лучше простая констатация факта, как в вариантах от «Ю» до «Т»:

«...солидная пачка, больше моей...»

13) Наконец, одна из основных находок — часы. В «Ю» это просто «массивные золотые часы», а в остальных текстах описание интереснее:

«...массивные золотые часы со сложным циферблатом...»

16 (сокр.) Также при обыске найден пистолет. В «Ю» его описание достаточно скупо:

«Никелированная безделушка с перламутровой рукояткой, строго говоря, вообще не оружие».

В вариантах же от «Д» до «С» описание это гораздо более красочно:

«Безделушка с перламутровой рукояткой, никелированный ствол, калибр 0,25, оружие для рукопашного боя и, строго говоря, вообще не оружие».

Авторы явно разбираются в оружии.

17) В вариантах «Ю», «Д» и «Т» маленькая тавтология:

«...гангстеры не воруют часов, даже таких тяжелых и массивных»...

В «А» и «С» удачно исправлено:

«...даже таких старинных и массивных...»

19) Снова напряженный момент, и снова лишние слова замедляют действие и выглядят почти гротескно. По «Ю», «Д» и «Т» Глебски размышляет над находками:

«Давай-ка быстренько сформулируем».

А в эталонных вариантах в противовес «быстренько» зачем-то еще и уточняется «сформулируем самую суть».

20) Глебски делает вывод, что, скорее всего, Хинкус не гангстер и что, по «Ю», «Д» и «Т», «кому-то хочется выдать его за гангстера». В «А» маленькая, но точная поправка:

«...кому-то хочется выдать его за такового».

А вот в «С», по-моему, зря добавлено слово «очень».

26 (сокр.) Эпизода, где дю Барнстокр рассказывает о своей карточной победе, в «Ю» нет. В остальных же текстах два забавных разночтения. Во-первых, «Д» снова на высоте. Согласно этому тексту, Олаф добродушно бурчит: «Пройдусь перед обедом...» В «Т», «А» и «С» желание Олафа ужасно низменно:

«Выпить перед обедом...»

А чуть выше: собственно рассказ дю Барнстокра. В «Д» и «Т» он говорил просто: «...это тот самый туз червей, которым я окончательно сразил беднягу Олафа».

«А» и «С» удачно добавляют еще одно слово:

«...нашего беднягу Олафа».

Этакий тоненький намек на толстое происшествие, кое случилось с Олафом в прошлой главе.

35) Глебски вновь проявляет характер. Если в «Ю» они со старым фокусником просто идут «в столовую, захватив по дороге чадо», то в остальных текстах добавлено:

«...и так и не сумев уговорить его помыть руки».

Зануда!

37) И почти тут же новый пример. Согласно «Ю», «Д» и «Т», «Симонэ зловещим шепотом рассказывал Олафу...» А в «А» и «С» интереснее:

«Симонэ зловещим шепотом читал Олафу лекцию...»

Честно говоря, не представляю, как можно читать лекцию «зловещим шепотом», впрочем, у Глебски весьма богатое воображение.

43 (сокр.) Еще один урок «школы джентльменов». Если в «Ю» Олаф говорит чаду просто: «Олаф Андварафорс, детка», то в других текстах он вежлив как никогда:

«Олаф Андварафорс, к вашим услугам, детка».

45, 47 (сокр.) Речь хозяина отполирована до блеска. Во-первых, споры гостей не просто, как в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Все это пустяки». В эталонных «А» и «С»:

«Все это сущие пустяки».

Фраза гладковатая, но это уже явно не экспромт, а проверенная заготовка хозяина отеля.

Во-вторых, по «Ю», «Д» и «Т», хозяину «весьма желательно, чтобы все были в сборе». Такая Алек Сневар большая шишка! «А» и «С» несколько смягчают его командный тон:

«...весьма желательно, чтобы все мы были в сборе».

Правда, и здесь не обходится без «ложки дегтя». В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы также нет) читаем:

«...и Кайса сейчас приведет его».

А вот «А» и «С» добавляют «сюда». О благословенное небо, куда еще же?

50) И здесь «А» и «С» не на высоте:

«Фанерная дверь, ведущая наружу, была приоткрыта».

Слово «наружу» слишком расплывчато, да и означает оно скорее «во двор». В «Ю», «Д» и «Т» все и понятно, и конкретно:

«Фанерная дверь, ведущая на крышу, была приоткрыта».

52) В «Ю», «Д» и «Т» снова все «просто и простодушно»: лицо Хинкуса «было закрыто воротником шубы и козырьком меховой шапки».

В «А» и «С» слово «закрыто» меняют на «скрыто», что вообще-то к лучшему, но еще лучше, по-моему, было бы:

«...скрыто за воротником шубы...»

56 (сокр.) «Д», не находя повода для беспокойства, начинает чудить: «Я приблизился и сунул руки в карманы».

Что-то же здесь пуритане скрывают от нас. Как ни странно, ничего. В остальных текстах читаем:

«Я выдохнул клуб пара, приблизился и сунул руки в карманы».

Бедняги!

64) Удачная замена слова в «А» и «С». Если в остальных вариантах было: «...громогласно спросил Симонэ», то у них интереснее:

«...громогласно вопросил Симонэ».

67) А теперь, наоборот, в «Ю», «Д» и «Т» проявление эмоций несколько не к месту: «Я налил себе хорошую порцию супу, и тут появился Хинкус». В эталонных «А» и «С» проще и лучше:

«Я наливал себе суп, когда в столовой появился Хинкус».

74) Фраза Хинкуса в «Ю», «Д» и «Т» звучит стандартно: «...инспектор, вы, говорят, полицейский...» В «А» и «С» она и лучше звучит, и хорошо характеризует туповатого Хинкуса:

«...инспектор, вы, я слышал, полицейский...»

78) А здесь «А» и «С» дают шанс проявить себя Глебски. Он отвечает Хинкусу не просто, как в «Ю», «Д» и «Т»: «Тут все шутят», а чуть подробнее:

«Тут, знаете ли, все шутят».

Шестая глава начинается с большой лакуны в «Ю», в которой «Д» и «Т», с одной стороны, и «А» и «С» — с другой, принципиально не могут договориться между собой. Причем чаще всего не правы именно «А» и «С».

1 (сокр.) Глебски переживает за Хинкуса, боится, что его несправедливо обвинят в краже. «У меня даже возникла идея <...> извлечь все-таки из баула эти проклятые часы» («А» и «С»). Зачем же так сухо? В «Д» и «Т» больше похоже на человеческую речь:

«У меня мелькнула мысль, что хорошо бы сейчас...»

Далее из-за этих часов, как полагает инспектор, «у него [Хинкуса] могут случиться серьезные неприятности» («А» и «С»). Как мне кажется, случиться может скорее «с ним», чем «у него», поэтому лучше, как «Д» и «Т»:

«...у него могут быть серьезные неприятности».

А дальше снова «А» и «С» искусственно удлиняют фразу. В «Д» и «Т» же все ясно:

«Хватит с меня этих неприятностей, этих шуток и моей собственной глупости».

Зачем добавлять второе «хватит с меня»?

2) А здесь замена в «А» и «С» интереснее. Глебски вдруг приходит в голову, что, согласно «Ю», «Д» и «Т», «у Хинкуса слишком уж бедный лексикон». «А» и «С» чуть поправляют:

«...слишком уж убогий лексикон».

Чуть ниже, по «Д» Глебски «двинулся к этой разбойнице... к этому разбойнику».

«Ю», «Т» и «С» поправляют: «...понес к этой разбойнице... к этому разбойнику бутылку и стакан».

Но лично мне больше нравится вариант «А»:

«...понес к этой разбойнице... к этому бандиту...»

Глебски часто повторяет одни и те же слова и словосочетания, но, по-моему, не стоит, чтобы он это делал на каждой странице.

8, 9) В очередной раз вмешивается «Д». В словах чада редактор аккуратно вырезает «Бросьте трепаться» (что, кажется, пошло тексту на пользу, так как чадо говорит «лениво» и, значит, явно немногословно), а чуть ниже скрывает, что инспектор «хватил еще бренди» (видимо, решили, что с него уже достаточно).

14) Но от ответов чада у инспектора, по «А» и «С», голова «пошла кругом». Весьма самокритично, но, с учетом выпитого бренди, чуть-чуть поздновато. Поэтому лучше написано в «Ю», «Д» и «Т»:

«Голова у меня шла кругом...»

23 (сокр.) При виде пьющего чада Глебски испытывает муки совести и изо всех сил пытается их заглушить. И если свои далеко не бесспорные аргументы в «Ю», «Д» и «Т» инспектор повторяет «несколько раз», то в «А» и «С» все очень четко:

«Трижды повторив не без вызова эту мысль...»

Глебски вряд ли, конечно, точно все посчитал, просто пьяному и море по колено, и все его цифры — железны.

34, 35) Между тем «Д» продолжает «резвиться на воле». Теперь под его строгий взор попадают «опытные» Глебски и Симонэ. Эта редакция утверждает, что Глебски говорит о себе и Симонэ так: «Мы с ним пожилые воспитанные люди...» Во всех же остальных текстах (кроме «Ю», где этой фразы нет) чуть иначе:

«Мы с ним пожилые опытные люди...»

А следующий отрывок фразы в «Д» попросту опущен:

«...мы предавались чувственным удовольствиям по совету врача...»

То есть никакой опыт не заменит воспитания. И вообще, береги платье снову, а честь смолоду. И долой чувственные удовольствия!

37, 39 (сокр.) «Д» не сходит с авансцены редактирования. И само себя загоняет в тупик. Во всех остальных текстах, от «Ю» до «С», Глебски чистосердечно сознается:

«Потом я как-то внезапно протрезвел и обнаружил, что нахожусь с госпожой Мозес за портьерой у окна».

В «Д» же эта фраза звучит так:

«Потом я как-то внезапно осознал...»

То есть, согласно «Д», Глебски остался пьян (ибо даже эта редакция не отрицает, что инспектор пил) и ведет себя поджентельменски наедине с Ольгой Мозес он именно в пьяном виде. Это что, реклама алкогольных напитков и пьянства как образа жизни?

Чуть ниже Глебски отчаянно пытается убрать руку с талии госпожи Мозес (вот оно, джентльменское поведение), по «Д»: «...пока нас тут не обнаружили». В остальных же вариантах несколько интереснее:

«...пока нас тут не застукали».

42, 43 (сокр.) Далее речь у инспектора и Ольги заходит о Хинкусе. Глебски говорит в редакции «Д», а также в «Ю», о нем: «Просто несчастный одинокий человек». В «Т», «А» и «С» удачно исправлено:

«Просто несчастный одинокий человечек».

Дальше в «Ю» Хинкус «то и дело зеленеет и покрывается потом...» В остальных же текстах снова чуть интереснее:

«...поминутно зеленеет...»

44 (сокр.) Ответ госпожи Мозес, пропущенный в «Ю», тоже весьма занимателен:

«— Граф Грейсток тоже, бывало, поминутно зеленел. До того забавный!»

Вообще-то, граф Грейсток — это Тарзан. Интересные знакомые у госпожи Мозес. А вот Глебски этого явно не понял.

49, 50) Еще две удачных замены в «эталонных редакциях». Оставшись без обеих дам, Глебски ушел играть с Симонэ на бильярде. В ходе игры Симонэ, согласно «Ю», «Д» и «Т» рассказывал анекдоты о «профессорах с иностранными именами», а инспектор «исполнялся торжества». В «А» и «С» удачно исправлено:

«...профессорах с экзотическими именами...» и «...исполнялся неумеренного торжества».

59–61 (сокр.) А теперь ради чести Глебски «Д» решила опорочить великого физика. Сначала, что об этом писали другие тексты (с незначительными вариациями):

«Потом, помнится, у Симонэ вышел, как он выразился, запас горючего, и я сходил в столовую за новой бутылкой бренди, решивши, что и мне пора пополнить кладовые веселья и беззаботности. <...> Я просто взял с буфета бутылку и на цыпочках вернулся в бильярдную. <...> Когда в бутылке осталось чуть больше половины...»

А теперь та же история по версии «Д»:

«Потом, помнится, Симонэ захотелось пива, и я пошел в столовую. <...> Я просто взял с буфета бутылку с пивом и на цыпочках вернулся в бильярдную. <...> Когда Симонэ уже приканчивал пиво...»

То есть Глебски и так выпивши (вспомним, что, согласно «Д», инспектор не протрезвел), а Симонэ, скорее всего, смешивает пиво с более крепким алкоголем. В свете этих фактов неудивительно последующее поведение Симонэ.

64 (сокр.) «Д» не успокаивается и даже «Т» вовлекает в свои проделки. Глебски выходит на улицу и видит Леля. Снова призовем сперва эталонные варианты этой сцены «А» и «С» (в «Ю» этого эпизода нет).

«...но он наотрез отказался огласить долину воем или в крайнем случае лаем вместе со мной. В ответ на мои уговоры он <...> отошел недовольный и лег у крыльца».

«Д» и «Т» же порезали не только компрометирующую инспектора добавку «вместе со мной», но и слово «недовольный». Видимо, собака по определению должна быть всем довольна.

65) А теперь маленький пример о тяжелом редакторском хлебе. В «Ю» все начиналось просто и простодушно. Глебски «прошелся взад-вперед по расчищенной дорожке перед фасадом отеля».

В «Д» и «Т» фразу украсили и добавили:

«...поглазел на залитый голубой луной фасад».

Все хорошо, но только в одном предложении оказалось сразу два «фасада». И лишь «А» и «С» покончили, наконец, с этим вопиющим злоупотреблением:

«Я прошелся взад-вперед по расчищенной дорожке перед отелем, поглазел на залитый голубой луной фасад».

68 (и далее) Далее Глебски и Сневар вновь встречаются в каминной за стаканом горячего портвейна, а «Д» уверенно гнет свою линию. Из окончания шестой главы аккуратно вырезаны все упоминания портвейна вообще и стаканов в частности (в принципе можно даже дать как опечатку по всему тексту главы вместо «кофе» — читай «портвейн», а вместо «чашки» — «стакан»). Заодно достается на орехи спиртным напиткам и сигаретам. И аминь.

88, 89 (сокр.) Ознакомимся же с примерами красноречия Алека Сневара. Он уже понял, что случилось, но не торопится рассказывать все Глебски. По «А» и «С» их диалог звучит так:

«— До которого числа у вас отпуск, Петер? <...>

— Скажем, до двадцатого. А в чем дело?

— <...> Больше двух недель... Да, у вас, пожалуй, есть шанс вовремя вернуться на службу».

В «Д» и «Т» же (в «Ю» этого эпизода нет) хозяин говорит: «Почти двадцать дней...» Но так как времени именно достаточно, то слово «больше» здесь предпочтительнее, нежели слово «почти». (И соответственно, далее в разговоре также упоминаются «две недели», а не «двадцать дней».)

Чуть ниже на вопрос, не вернулся ли Погибший Альпинист, Алек Сневар, согласно «Д» и «Т», отвечает: «До этого, к счастью, не дошло. <...> ОН был на редкость сварливый тип, и если бы ОН вернулся...»

«А» и «С» делают две удачные поправки:

«До этого, к счастью, пока не дошло. <...> ОН был на редкость сварливый и капризный тип...»

91) А Глебски в ответ продолжает нудить. «Воды у нас хватит,— задумчиво сказал я». («Ю», «Д», «Т») И еще занудней в «А» и «С»:

«— Воды у нас хватит с избытком,— задумчиво сказал я».

92) Теперь уже «А» не разобралась в ситуации. На вопрос инспектора о возможном каннибализме в отеле в этом тексте: «Нет,— ответил хозяин самодовольно». Правильно же в остальных вариантах:

«— Нет,— сказал хозяин с видимым сожалением».

97 (сокр.) А Глебски все гнет свою линию. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) он просто «обдумывал возникшие перспективы», а в «А» и «С» гораздо интереснее:

«Я обдумывал возникшие только что перспективы».

Нет на инспектора угомону!

Дальше все малоинтересно, только последний пропуск в «Ю» любопытен.

107) В этом тексте фраза заканчивается словами «у Хинкуса есть друзья», а в других вариантах важная добавка:

«...что у Хинкуса есть друзья, которые согласны разделить с ним его одиночество».

Ничего не напоминает?

Седьмая глава.

5 (сокр.) А теперь пропуск в «Ю». Опущено, что Брюн, по словам Сневара — «это зомби, то есть оживленный магией мертвец...»

Первое упоминание хозяина о зомби.

Дальше большая лакуна в «Ю», в коей происходит масса интересных событий.

6б) В «Т», «А» и «С» Глебски утверждает, что «Кайса слишком любит мужчин, чтобы сделаться хорошей женой». У «Д» другое мнение:

«Кайса слишком инфантильна...»

Редкий случай, когда пуританская редакция совершенно права. Ведь Кайса менее всего похожа на роковую женщину, охотницу за «мужскими скальпами». Она именно «инфантильна», то есть просто не может никому отказать.

6в) В вариантах «А» и «С» хозяин недоумевает, «на ком же ему тогда жениться, если мы теперь навеки замурованы в этой долине». А в «Д» и «Т» маленькая добавка:

«...если все мы теперь...»

Слово «все» здесь нелишнее, так как неплохо показывает сбивчивую речь пьяного человека.

6д) Инспектор учит Сневара, как подделывать лотерейные билеты, но явно недоволен результатами урока. В эталонных вариантах «А» и «С» он говорит:

«Протрезвеете и забудете».

«Д» как всегда скромен:

«Заснете и все забудете».

А «Т» ищет компромисса:

«Протрезвеете и все забудете».

И если слово «все» в «А» и «Т» убрано по делу (это словечко неоднократно встречается в начале седьмой главы), то насчет «протрезвеете», как мне кажется, право опять именно «Д». Во-первых, имеется в виду именно «протрезвеете после сна», то есть «заснете». Во-вторых, нетрезвый человек редко осознает себя (и своего собутыльника) таковым.

7) Редкий случай, когда вариант «Ю» полнее. В остальных текстах просто: «Кажется, именно в эту минуту сенбернар Лель вдруг вскочил и глухо гавкнул». А «Ю» добавляет:

«...сенбернар Лель, дремавший у наших ног, вдруг вскочил...»

Если вспомнить, что последний раз «кобель» упоминается четыре страницы назад, то добавка, как мне кажется, уместна.

19) Опять о лишних словах. В «Ю» все и так понятно:

«Тут я понял: он ехал сюда на автомобиле...»

В остальных же редакциях, кажется, напрасно добавлено «совершенно ясно».

20) И еще одно изменение не идет на пользу повести. Глебски приходит к выводу, что изможденный незнакомец — друг Хинкуса, он ехал в отель на машине и попал в аварию. Далее, согласно «Д» и «Т», ход его мысли несколько сбивчив, но понятен:

«Может быть, в машине остались еще люди, искалеченные так, что они не могут двигаться. Может быть, были жертвы... Хинкус должен знать...»

В «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) жертвы не «были», а «уже есть». То есть «Хинкус должен знать», есть ли жертвы или их нет. Откуда, собственно? К тому же изменение времени действия превращает слово «жертва» из значения «раненый» в «убитый», а погибшие в автомобильной катастрофе (в отличие от раненых) вряд ли серьезно заботят инспектора.

28) Вскоре выясняется, что Хинкуса на крыше нет. И реакция инспектора разнится от варианта к варианту. В «Ю» и «Т»:

«Вот в этот момент я и протрезвел окончательно».

«А» и «С» соглашаются с этой версией с небольшой «занудной» поправкой:

«Вот в этот момент я протрезвел уже окончательно».

А пуританское «Д» выдает совсем оригинальный и, на мой взгляд, самый лучший вариант:

«Вот в этом момент я всем нутром ощутил, что дело дрянь».

34) В «Ю» этой фразы нет, в «Д» и «Т» все просто и понятно. Еще одно свидетельство серьезности дела: «Хинкус счел возможным выбросить коту под хвост бренди на сумму не менее трех крон...»

«А» и «С» же придали фразе забавную концовочку:

«...на сумму не менее пяти крон...»

«Из-за пятерки удавиться готов!»

60) После короткого разговора с потерпевшим Глебски доволен. Согласно «Ю», «Д» и «Т», «мрачная при всем ее изяществе схема [готовящегося преступления] <...> развалилась сама собой».

По «А» и «С» инспектор (и это верно) не любитель всего ужасного, а всего лишь циник:

«...мрачная при всей ее убедительности схема...»

71) В «А» и «С» Глебски указывает: «Я расчистил путь для ключа...»

В «Ю», «Д» и «Т» уточняется:

«Я расчистил путь для своего ключа...»

Так как в эпизоде наличествуют два ключа от номера, эта поправка, кажется, имеет смысл.

73) И, наконец, предпоследняя фраза главы, одна из самых важных. В «Ю» она очень простая:

«На полу лежал Олаф Андварафорс».

А в «Д», «Т», «А» и «С» фраза гораздо красивее:

«Это был Олаф Андварафорс, истый потомок конунгов и возмужалый бог».

Вот только как гармонирует эта красивость с безобразным фактом смерти человека? Не знаю, не уверен.

Начинается глава восьмая, самая длинная глава в повести и в ней, соответственно, больше всего вариантов.

6) К моей вящей радости, из фразы Глебски от варианта к варианту постепенно убираются все «лишние слова»:

«Ю»: «Алек, оба ключа от номера я забираю себе».

«Д» и «Т»: «Оба ключа от номера я забираю себе».

«А» и «С»: «Оба ключа я забираю себе».

Спасибо!

15 (сокр.) Большая лакуна в «Ю» с тремя интересными разночтениями. Вначале еще одно лишнее слово. По «Д» и «Т» Глебски начинает рассуждать:

«Что мы имеем, инспектор Глебски?»

Добавочное «же» в «А» и «С» опять-таки, по-моему, не нужно.

А чуть ниже уже удачная редакция «А» и «С». Инспектор жалеет, что не может, согласно «Д» и «Т», «лежать между свежими простынями и крепко спать». В эталонных же вариантах маленькое уточнение:

«...и сладко спать».

Наконец еще ниже, как утверждают «Т», «А» и «С», Глебски также не может

«вечером уютно устроиться у камина со стаканом горячего портвейна».

«Д» уверенной рукой этот скромный «стаканчик портвейна» вырезает.

17–18) Забавная смена логики. Среди вещей в номере покойного инспектору бросаются в глаза, по «Ю», «Д» и «Т», чемодан, «каковой <...> был единственным багажом, принадлежащим убитому», и «ожерелье из деревянных бус, принадлежавшее <...> доброй гражданке Кайсе». То есть чемодан, пока нет наследников, по-прежнему принадлежит убитому, а ожерелье, очевидно, Кайсе больше не принадлежит, и соответственно расставлены времена в причастиях.

В эталонных же «А» и «С» все «сермяжнее»: Олаф Андварафорс умер, а Кайса жива, поэтому «принадлежавшее убитому» и «принадлежащее <...> Кайсе».

Такое вот столкновение «права собственности» и «банальной правды».

22) Описание продолжается. Естественно, Глебски утверждает, что всевозможные специальные исследования и экспертизы провести, согласно «Ю», «Д» и «Т», «не представилось возможным».

В «А» и «С» поправка, более соответствующая деловому стилю мысленного отчета инспектора:

«...не представляется возможным».

26 (сокр.) Продолжение темы. Подозревается Хинкус. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) все коротко и ясно:

«...хотя Хинкус на вид жидковат... А может быть, [убийца] тот, кто подбросил мне записку о Хинкусе?..»

А теперь сравните, насколько длиннее стало в «А» и «С»:

«...хотя Хинкус на вид, пожалуй, жидковат для таких упражнений... А может быть, не Хинкус, а тот, кто подбросил мне записку о Хинкусе?..»

Фраза искусственно увеличилась почти в полтора раза.

29) Забавный пример из серии «парадоксов редактирования». Сневар докладывает о поисках Хинкуса. В «Ю» самый разговорный вариант:

«На крыше валяется его шуба и шапка...»

В «Д» зачем-то потеряли слово «его», а дальнейшие редакции тщетно пытались восстановить прежнюю фразу.

«Т»: «На крыше валяются шуба и шапка...» (грамматически правильно)

«А» и «С» (вспомнив, как было раньше): «На крыше валяются его шуба и шапка...»

Одна буква изменилась, а текст из разговорного превратился в деловой.

30) Маленькая промашка в «Ю». Хозяин впервые видит «загаженный стол» в номере Глебски: «...и потрогал пальцами натеки клея на столе». В остальных вариантах исправлено:

«...и потрогал пальцем...»

Кто же трогает подозрительные натеки сразу всеми пальцами?

32) Снова непонятная добавка. Дабы жильцы отеля ничего не узнали, хозяин в «Ю» предлагает:

«А Кайсу я запру...»

В остальных же текстах добавлено: «...она у меня дура». Кайса, разумеется, не светоч разума, но при чем здесь это? Может случайно проболтаться об убийстве? Так была б умная, наверное, проболталась бы намеренно...

38 (сокр.) Глебски слышит удары в стену в номере-музее. Реакция инспектора, по «Ю», «Д» и «Т»: «Я сбросил пиджак, засучил рукава и осторожно <...> вышел в коридор».

«А» и «С» чуть уточняют:

«Я сбросил пиджак, поддернул рукава...»

В принципе, верно, не было у инспектора времени тщательно засучить рукава.

59) А здесь «А» и «С», сокращая текст, допускают небольшую двусмысленность. Хинкус передает инспектору свои часы. Согласно этим текстам, «часовая стрелка отломилась». Можно подумать, что она отломилась только что, в момент передачи часов. Поэтому точнее все-таки в «Ю», «Д» и «Т»:

«Часовая стрелка была отломана...»

69) И снова я о лишних словах. Глебски делает вывод о Хинкусе. По «Ю», инспектор полагает: «То есть с ним, конечно, явно не все было в порядке...»

«Д» и «Т» удачно сокращают текст:

«То есть с ним явно не все в порядке...»

«А» и «С» вновь удлиняют фразу:

«То есть с ним явно было не все в порядке...»

Я, как обычно, за самый короткий вариант.

89) Чуть-чуть корявая фраза в «А» и «С»: «Я оставил его наедине с его совестью...» Два раза подряд «его» да еще, с чьей, собственно, совестью Хинкус может находиться наедине? Так что лучше, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Я оставил его наедине с совестью...»

95 (сокр.) Дю Барнстокр признается Глебски, что он многих в этом отеле мистифицировал. Реакция инспектора, по «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Я не ожидал, что этим занимался именно дю Барнстокр» (то есть что именно старый фокусник совершал ряд конкретных, иногда жестоких проделок).

В «С» и (с небольшими изменениями) «А» уточнено:

«...что этим занимается именно дю Барнстокр».

Иначе говоря, что старик вообще способен на такие шутки.

96, 98) Покаяние дю Барнстокра явно отрепетировано заранее, к тому же он вообще неплохо говорит. Поэтому более корявые фразы в «Д» и «А»: «Все это маленькие розыгрыши по поводу тени Погибшего Альпиниста» — и в «Д», «Т» и «А»: «Шутки с душем...» (вообще-то в повести рассказывается только об одной такой шутке) в «Ю» и «С» (а в первом случае — и в «Т») заменяются на более гладкие и точные:

«Все эти маленькие розыгрыши...»

«Шутка с душем...»

106) Речь заходит о записке с угрозами. Глебски, согласно «Ю», интересуется: «...а почему вы, собственно, решили, что эта записка адресована именно вам?» В остальных текстах красивее:

«...что это угрожающее послание адресовано именно вам?»

118, 119) Глебски по-прежнему расспрашивает дю Барнстокра. Он задает один вопрос, старик начинает отвечать, инспектору тут же приходит на ум другое, и он перебивает. От редакции к редакции слова инспектора делаются все литературнее:

«Ю»: «Скажите сначала мне вот что».

«Д» и «Т»: «Тогда скажите сначала мне вот что».

«А» и «С»: «Тогда расскажите сначала мне вот что».

Но разговорная, особенно спонтанная, речь отличается от литературной. Поэтому я на стороне короткой и более корявой версии «Ю».

И следующая фраза Глебски в «Ю» звучит реальнее:

«Кто находился в столовой между половиной девятого и половиной десятого?»

В остальных же текстах напрасно, по-моему, добавлено вежливое «не можете ли вы припомнить».

126) Про свои карточные фокусы дю Барнстокр, по «Ю», «Д» и «Т», рассказывает так: «Иногда в задумчивости я даю волю своим пальцам...» «А» и «С» делают удачную добавку:

«...я, знаете ли, даю волю своим пальцам...»

Для фокусника объяснять, как он показывает фокусы,— это как для сороконожки рассказывать, как она ходит на таком большом количестве ног. Отсюда и заминка в речи.

156) Новая борьба с алкоголем. В остальных текстах Симонэ так объясняет свое решение отправиться на «романтическое свидание» с госпожой Мозес:

«А в этот раз вы накачали меня бренди, и я решился».

То есть всю вину сваливает на бренди и инспектора. В «Д» эта фраза гораздо забавнее:

«А в этот раз пропустил стаканчик бренди и решился».

Симонэ скромно забывает добавить, что это был не просто «стаканчик бренди», но еще и «бутылка пива» (вспомните седьмую главу), и героически берет всю вину на себя.

165) Симонэ приходит в номер госпожи Мозес и — о ужас! — видит ее мертвой. Шок. Симонэ рассказывает, по «Ю», «Д» и «Т»: «Я не помню, как я оттуда вылетел». «А» и «С» аккуратно убирают лишнюю «я»:

«Я не помню, как оттуда вылетел».

И правильно делают. Я — это последняя буква в алфавите, а Симонэ — положительный герой.

168) Глебски и Симонэ идут к номеру госпожи Мозес, и видят в холле хозяина. Дальше в «А» и «С» дело происходит так: «Я знаком предложил ему оставаться на месте». Каким, интересно, образом? В «Ю», «Д» и «Т» все понятнее:

«Я знаком приказал ему оставаться на месте».

182) Великий физик не понимает, как он мог принять госпожу Мозес за мертвую. Зато инспектору все ясно. Но ясно поразному. В «Ю» Глебски пытается успокоить Симонэ:

«Вы были пьяны, ошиблись дверью...»

В «Д» и «Т» тон инспектора становится обвинительным:

«Вы были омерзительно пьяны».

А в «А» и «С» — это уже прокурорский вердикт.

«Просто вы были омерзительно пьяны».

Какой лучше, я, право, не знаю.

183) В ответ великий физик частично признает правоту Глебски. Но если в «Т», «А», «С» и, с незначительной вариацией, в «Ю» он заявляет:

«Я был пьян, это верно...»

То «Д» смягчает степень его опьянения:

«Я был навеселе, это верно...»

И я опять не знаю, кто прав, ибо на тему «пьян человек или навеселе» можно писать диссертации (или читать Гашека).

197) Физик никак не может сосредоточиться, и Глебски резким, на грани оскорбления, заявлением приводит Симонэ в чувство. В результате, по «Ю», «Д» и «Т», «все его эмоции тут же исчезли». А в «А» и «С» чуть интереснее:

«...все его эмоции тут же испарились».

205 (сокр.) В «Ю» на вопрос о своих действиях Симонэ отвечает предельно кратко: «Дальше я пошел в туалетную комнату, побрился, вымылся до пояса...»

В остальных вариантах (с небольшими изменениями) великий физик весьма саркастичен. Приводим его ответ по варианту «С»:

«Дальше я пошел в туалетную комнату. Я тщательно вымылся до пояса. Я тщательно вытерся махровым полотенцем... Я тщательно побрился электрической бритвой... Я тщательно оделся...»

214) Новый вопрос инспектора. В разных вариантах изменения невелики, но тенденция едина — от частного к общему.

«Ю»: «Кто, по-вашему, разыгрывал все эти штучки с душем, с пропавшими туфлями...»

«Д» и «Т»: «...разыгрывал все эти штучки — с душем, с пропавшими туфлями...»

«А» и «С»: «...все эти штучки? С душем, с пропавшими туфлями...»

Лично мне больше нравится самая «частная» редакция «Ю», ибо в разговорной речи люди обычно говорят именно о частностях.

235 (сокр.) Симонэ недоумевает, почему Глебски занимается этим делом сам и один. Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет), он спрашивает: «Вы — энтузиаст своего дела?» «А» и «С» удачно уточняют:

«Вы что — энтузиаст своего дела?»

Девятую главу можно было бы назвать так: «Слишком много подробностей».

4) Глава начинается с допроса Кайсы. В «Ю» эта сцена серьезно сокращена. Для примера приведем главное сокращение:

«Во-вторых, она, казалось, совершенно неспособна была говорить об Олафе. Каждый раз, когда я произносил это имя, она заливалась краской, принималась хихикать, совершать сложные движения плечом и закрываться ладонью».

Кайса есть Кайса. Но, в отличие от первой главы, в ней больше нет «неизвестного, еще не познанного».

Далее Глебски разговаривает с хозяином, и Алек Сневар от варианта к варианту говорит все более гладко и велеречиво. Несколько примеров.

10) По «Ю», «Д» и «Т»: «...но ведь к частному мнению владельца пресса не может не прислушаться...» В «А» и «С» маленькая добавка:

«...но ведь и к частному мнению...»

11 (сокр.) Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «...у меня есть некое ощущение, которого у вас, по-моему, пока нет». В «А» и «С» снова точная поправка:

«...у вас, по-моему, пока еще нет».

14) В «Ю» опущена фраза, венчающая рассуждения хозяина о различных образах мысли:

«Так-то вот, Петер...»

Рассуждения Глебски от варианта к варианту все более занудны.

26) По «Ю», «Д» и «Т»: «...хозяин отеля, как никто другой, располагал возможностями отравить любого из нас». В «А» и «С» добавка:

«...располагал реальной возможностью...»

28 (сокр.) Согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет): «Но тогда преступление <...> запланировали давно и с совершенно непонятной целью...» «А» и «С» чуть редактируют:

«...давно, тщательно и с совершенно непонятной целью...»

29) Настоящая война редактур. На вопрос хозяина о причинах ночного визита в номер госпожи Мозес Глебски почти всегда отвечает по-разному:

«Ю»: «Физик перепил, и ему почудилось бог знает что...» (Симонэ вновь отказано в величии.)

«Д»: «Великому физику почудилось бог знает что...» (Гм, что Симонэ «был навеселе», текст «Д» вроде бы не скрывал.)

«А» и «С»: «Великий физик слегка перебрал, и ему почудилось Бог знает что...» (Инспектор слишком интеллигентничает, да и молитвенное упоминание бога здесь, кажется, не к месту.)

Так что мне больше всех нравится вариант «Т»:

«Великий физик перепил, и ему почудилось бог знает что...»

35) Здесь, согласно «А» и «С», хозяин не просто велеречив, но зануден: «Я бы на вашем месте подумал об этом самым серьезным образом».

Лучше (хоть я и не люблю уменьшительных суффиксов) написано в «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«...подумал об этом хорошенько».

37) Дурной пример заразителен, особенно для Глебски. И его язык во всех изданиях превращается в сплошную канцелярщину: «Я просто склонен думать, что Хинкус того [псих]...» И только «Ю» не поддалась всеобщему «ослеплению»:

«Просто Хинкус того...»

Инспектор, конечно, зануда, но не до такой же степени!

52) А это уже моя придирка и одновременно маленький ляп в «А» и «С»: «Я охватил голову руками и стал думать». Мне почему-то слово «охватил» крайне редко встречалось в своем буквальном смысле. Поэтому я предпочитаю более знакомое слово из текстов «Ю», «Д» и «Т»:

«Я обхватил голову руками...»

63) В «Ю», «Д» и «Т» чадо выражается обыкновенно: «Что вам от меня надо». Эталонные же «А» и «С» наконец-то перешли на живую разговорную речь:

«Чего вам от меня надо?»

66, 67) И снова бенефис «Д». В остальных текстах чадо говорит инспектору: «А мне на вас плевать!» В «Д» же фраза звучит чуть-чуть иначе:

«А мне на вас наплевать!»

Фраза неправильная, но люди, особенно в запальчивости, часто говорят неправильно.

68–70) В «Ю» инспектор почти не ругается: «Хватит болтать! <...> Олаф убит. Я знаю, что после вас никто не видел его живым!» А теперь сравните с остальными вариантами и почувствуйте разницу:

«Хватит болтать, скверная девчонка! <...> Олаф убит! Я знаю, что ты — последняя, кто видел его живым!»

74) И еще одна лакуна в «Ю». Глебски от слов переходит к угрозам:

«Если вы будете лгать и изворачиваться, <...> я надену на вас наручники и отправлю в Мюр».

В «Ю» фраза заканчивается, и в воздухе повисает новая угроза. Примерно такая: «И там остаток своих дней вы проведете в тюрьме».

В остальных же вариантах угрожающая фраза продолжена:

«Там с вами будут говорить совсем уже посторонние люди».

Ничего себе угроза. Знаком с девушкой меньше двух дней, а уже мнит себя «не совсем посторонним»!

84) А здесь в трех соснах (между женихом, невестой и Брюн) заплутали сразу «Ю» и «А»: «Сначала шутки: жених и невеста...» «Жених и невеста» — это тоже шутка, но не та. А нужная и встречающаяся в остальных вариантах опять-таки касается пола чада:

«Сначала шутки: жених или невеста...»

Затем следует веселый и искрометный рассказ чада о событиях вчерашнего вечера. Он всем хорош, но вызывает один законный вопрос: чадо что, совсем бездушное существо, раз так веселится над гробом небезразличного ей человека? И никакого надрыва или смеха сквозь слезы я в ее истории не замечаю, а вижу только бесшабашный флирт. Сцена чудесная, но как будто совершенно из другой повести.

И никакие косметические поправки не помогают. Судите сами:

98, 99) Согласно «Ю» и «С», интересующая нас сцена начинается словами:

«Тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь и насчет немедленного обручения».

В «Т» и «А» инспектор просто «пьяный», а «Д» убирает и «в дрезину бухого», и «насчет немедленного обручения».

100) В «Ю» этой фразы нет:

«При этом он то и дело пихает меня в плечо своей лапищей и приговаривает: "А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой..."»

101) Во всех текстах, кроме «Ю», инспектор полагает:

«Я скушал эту тираду, не моргнув глазом».

«Ю» меняет «эту тираду» на просто «это».

102) Глебски и госпожа Мозес «пляшут, а я смотрю»,— продолжает Брюн в варианте «Д». Остальные дополняют:

«...а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге».

103) А здесь без сокращений не обошелся ни один вариант, поэтому привожу полную цитату:

«Потом он хватает Мозесиху пониже спины и волочет за портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в том

же Гамбурге. А я смотрю на эту портьеру, и ужасно мне этого инспектора жалко...»

Впрочем, ей-богу, никакие сокращения здесь ничего не меняют.

104) Брюн выручает инспектора, и сама приглашает «Мозесиху на пляс»:

«...причем инспектор рад-радешенек — видно, что за портьерой он протрезвел...»

В «Д» инспектор просто «присмирел» (не был он пьяным!).

105–106) В «Ю», «Д» и «Т» эта фраза по-разному сокращена, но сути дела ничто не меняет. Речь идет о госпоже Мозес:

«...она ко мне хищно прижимается — ей ведь все равно кто, лишь бы не Мозес...»

107) Ответ на вопрос инспектора о времени. Здесь кокетливее всех «Ю»:

«Ну уж пардон! Часы мне были ни к чему».

Остальные тексты фразу чуть смягчают, заменяя «уж пардон» на «знаете».

115) И, наконец, пропущено в «Ю» и «Д».

«Только и оставалось — от тоски глушить водку».

Третье и последнее упоминание водки в повести. Забавно, кто же оказался главным алкоголиком.

На этом, в принципе разбор данной главы можно заканчивать. Чисто из педантизма пройдусь по некоторой микроправке текста.

133) Согласно «Т», «А» и «С»:

«Хинкус сжимал в руках одну из ножек [сломанного стула]».

Не слишком ли жирно держать ножку стула сразу двумя руками? Кажется, лучше в «Ю» и «Д», где: «Хинкус сжимал в руке...»

Десятая глава начинается с короткого разговора Глебски со Сневаром и непродолжительных размышлений инспектора. В «Ю» эта часть опять сокращена. Представляю самое интересное сокращение:

6 (сокр.) «У нас же здесь все-таки не Лувр и не Зимний дворец — у нас здесь "маленький уютный отель на двенадцать номеров; гарантируется полная приватность и совершенно домашний уют"...»

Забавны исторические познания инспектора. Ведь даже если иностранец и знает это известное здание в Петербурге-Ленинграде, он, скорее, скажет «Эрмитаж», ибо зимние дворцы есть, видимо, у каждого монарха.

8) Мозес не желает пускать Глебски в свой номер. В «А» и «С» инспектор отвечает на это просто: «Тогда пойдемте в контору».

В «Ю», «Д» и «Т» эта фраза звучала чуть интереснее:

«Тогда пройдемте в контору».

Вот только слово «пройдемте» ассоциируется с «милицейским беспределом». Так что снова не знаю, что выбрать.

12 (сокр.) Теперь «лишние слова» возникают в речи Мозеса. В «Д» и «Т» (в «Ю» этого отрывка нет) вопрос о пропавших часах приводит его в негодование:

«— А вы что, <...> надеялись, что они сами как-нибудь найдутся?»

Эталонные «А» и «С», по-моему, напрасно пишут «сами собой» и «обнаружатся» вместо «найдутся». (И, соответственно, в ответной реплике Глебски «нашлись» в «А» и «С» меняется на «обнаружились».)

13) Отповедь инспектору продолжается. Из уст господина Мозеса звучит сакраментальное: «Мне не нравится наша полиция». Вот только ремарки здесь разные. Во всех вариантах эта ремарка стандартна: «...заявил Мозес, пристально глядя на меня». Но мне больше нравится версия «Ю»:

«...немедленно объявил Мозес, уставясь на меня».

14) Нет конца обвинительной речи старого миллионера. В «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет) она звучит так: «...весь этот коридор мой <...> Как вы осмелились нарушать договор?»

«А» и «С» удачно подправило:

«...весь коридор мой <...> Как вы осмелились нарушить договор?»

19 (сокр.) Мозес произносит речь, упивается своими словами и «растягивает удовольствие». В «Д» и «Т» (в «Ю» этих фраз также нет), миллионер спрашивает о человеке, которого поселили в его номере: «Или он тоже вор?» — а на отрицательный ответ инспектора негодует, почему его сторожит «гнусный пес». «А» и «С» удачно удлиняют эти фразы:

«Или он тоже какой-нибудь вор? <...> Почему <...> его сторожит <...> омерзительный пес?»

26) Снова удачное добавление. Речь Мозеса в «Ю», «Д» и «Т» заканчивается просто: «...сказал он и поднялся». В «А» и «С» интереснее:

«...сказал он нравоучительно и поднялся».

33) А здесь «А» и «С» изменяют и сокращают новую отповедь Мозеса, и напрасно, ибо в «Ю», «Д» и «Т» она звучит красиво и чуть старомодно:

«...если дело идет о женщине, о супруге, сударь, о супруге Мозеса, Альберта Мозеса, инспектор!»

43) А здесь господин Мозес говорит слишком книжно:

«Вернувшись в свой номер, я...»

Я предпочитаю «Ю» и ее разговорный язык:

«А дальше я вернулся в свой номер...»

50) Еще одна филиппика. Миллионер разоблачает замыслы инспектора, которые, согласно «Ю», «Д» и «Т», направлены против «чести, достоинства, имущества, а также физической безопасности Мозеса, сударь, не какого-нибудь пса...»

«А» и «С» усугубляют эту инвективу:

«...не какого-нибудь мерзкого пса...»

53) Наконец, Глебски оправдан. Но как оправдан? В «Ю», «Д» и «Т» Мозес говорит так: «...смешно — приписывать такой мелкой личности столь хитроумные замыслы». Обидно? Разумеется. Впрочем, в «А» и «С» еще обиднее:

«...смешно — приписывать такой обыкновенной личности...»

65) Госпожа Мозес вспоминает, что видела на лестничной площадке Брюн и Олафа. В «Ю», «Д» и «Т» слова стандартные: «Они стояли, держась за руки, и очень мило беседовали». В «А» и «С» маленькое, но точное изменение:

«...и очень мило ворковали».

67 (сокр.) Теперь инспектор понимает причину заминки в словах чада. Согласно «Ю», «Т» и (с небольшой вариацией) «Д» дело было так. Чадо «не успело ничего сообразить, а потому принялось врать, надеясь, что пронесет».

Фраза и так занудная, но в «А» и «С» ее еще «перекрутили»:

«...потом принялось врать в надежде, что как-нибудь да пронесет».

По-моему, это уже слишком.

82) Снова находится место для приложения «Д» своего редакторского пера. В этом варианте жена миллионера признается: «...я чувствовала себя возбужденной».

Но почему? Отвечают тексты «Т», «Д» и «С» (в «Ю» этой фразы нет):

«...вероятно, выпила немного больше, чем следовало...»

Интересно, а почему в «Д» героиня была возбуждена? Неужели ждала Симонэ?

87) А вот господин Мозес и здесь находит повод вставить свое веское словечко. На вопрос, заданный его жене о шуме, он отвечает, что ничего не слышал и далее, по «Ю»: «Если не считать отвратительной возни, поднятой этими господами...» В остальных вариантах миллионер еще более красноречив:

«...отвратительной возни, поднятой этими господами вокруг нищеброда...»

89) Глебски устал от голоса миллионера, но все еще пытается иронизировать. По «Д»: «Господин Мозес зарычал совсем как Лель...» А в «А», «С» и, с небольшими изменениями, в «Т» (в «Ю» этой фразы нет) говорится:

«Господи Мозес зарычал — совсем как рассерженный Лель...»

91, 92) А сейчас госпожа Мозес рассказывает о своем путешествии на крышу. В этот рассказ «А» и «С», в сравнении с другими вариантами добавляют два слова. Сначала во фразе:

«...увидела вдруг перед собой дверь, какие-то доски...»

Слово «какие-то» здесь, по-моему, уместно.

98, 99) Глебски размышляет над словами госпожи Мозес. В «Ю», «Д» и «Т» написано: «Либо она спала мертвым сном, и тогда непонятно, почему она проснулась и почему она врет, что почти не спала». «А» и «С» преспокойно обходятся без третьего «она»:

«...почему врет, что почти не спала».

Но в следующей фразе уже «А» и «С» выражаются слишком книжно: «Либо она не спала, и тогда непонятно, почему она не слышала ни обвала, ни возни в соседней комнате». Мне по душе более разговорный вариант, предложенный «Ю», «Д» и «Т»:

«...почему она не слышала обвала и возни в соседней комнате».

102) «Д» находит новое основание для вмешательства. «Слишком много сумасшедших в этом деле»,— вяло думает инспектор, и на этом в «Д» сентенция заканчивается. В остальных же текстах мысль инспектора развита:

«Сумасшедших, пьяных и дур».

104) А чуть ниже «Д», пожалуй, право. Инспектор ругает себя за то, что слишком много возится, по «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет), «со старым алкоголиком Мозесом...» «Д» смягчает фразу:

«...со старым полоумным Мозесом...»

И дело здесь даже не в том, что, строго говоря, Мозеса нельзя назвать алкоголиком (никто ведь не знает, что он пьет из своей знаменитой кружки). Просто инспектор по тексту не раз и не два обзывает его «пьяницей» и «алкоголиком», можно бы и «разнообразить меню».

109) Последнее (в этой главе) занудство Глебски. Хозяин начинает разглагольствовать о неприменимости критериев логики к данным конкретным обстоятельствам, и инспектор, по «Ю», «Д» и «Т», горько и бессильно спрашивает: «Это ваше ощущение?»

В эталонных же «А» и «С» он находит в себе силы поныть:

«Это и есть ваше ощущение?»

114) А вот дальше по вопросу «кто и что сделал» в текстах большие расхождения. Проще всего с «Ю». У него и дальше вместо «великого физика» идет «сумасшедший физик». А вот что сделал:

«Д» (скромно потупя глазки): «...вошел к госпоже Мозес...»

«Т» (откровеннее): «...полез в постель к госпоже Мозес...»

«Ю», «А» и «С» (совсем прямо): «...залез в постель к госпоже Мозес...»

Вообще, если честно, ни в какую постель Симонэ не залез: «Я даже поцеловать ее не успел!» Поэтому ближе всех к истине вариант «Т».

Одиннадцатая глава начинается с моих любимых лишних слов.

3) Разговор хозяина и Глебски продолжается. Хозяин говорит, согласно «Д» и «Т» (в «Ю» этой фразы нет):

«Впрочем, это ясно было по вашему обалделому виду, Петер».

«А» и «С» добавляют два, по-моему, лишних слова «и так».

23) Хозяин начинает произносить длинную речь о существовании зомби, но Глебски опять его перебивает. Начнем со второй фразы.

«Ю»: «Понимаю: вы репетируете свою речь перед газетчиками».

«Д» и «Т»: «Все понятно: вы репетируете...»

«А» и «С»: «Я понимаю: вы...»

Пожалуй, лучше здесь эталонные «А» и «С», ибо лишний раз сказать «я» человеку приятно.

24) Следующая фраза инспектора:

«Ю»: «Но меня-то все это не касается».

«Д» и «Т»: «Но мне все это неинтересно!»

«А» и «С» (чуть-чуть изменив фразу в сторону «Ю»): «Но мне-то все это неинтересно!»

Но что ему «неинтересно», Глебски уже говорил. Поэтому мне больше нравится более разнообразный вариант «Ю».

25) А теперь из «Ю» убираются лишние слова. По «Ю», инспектор говорит: «Вы обещали мне рассказать что-то интересное насчет госпожи Мозес и Симонэ».

В остальных текстах короче и яснее:

«Вы обещали рассказать что-то насчет госпожи Мозес и Симонэ».

28) Снова в «Ю» длинновато: «Некоторое время он [Сневарп] смотрел на меня грустными глазами». В остальных вариантах снова сказано короче:

«Некоторое время он грустно смотрел на меня».

31) А теперь лишние слова есть не только в «Ю», но и в «Д» и «Т». По этим редакциям, хозяин соглашается: «Пусть будут одни факты без теории». В «А» и «С»:

«Пусть будут факты без теории».

36) И, наконец, в «Ю», «Д» и «Т»:

«...бедняги измучились, затаскивая этот сундук в дом».

Эталонные же «А» и «С» правильно убирают слово «этот».

38) А теперь лучше написано в «Ю», «Д» и «Т»:

«Я слыхал о миллионере, который повсюду таскал за собой коллекцию ночных горшков».

«А» и «С» зря добавляют «свою». А что, можно повсюду таскать за собой чужую коллекцию?

48) Опять самый полный вариант представляет вариант «Ю». Глебски недоумевает, зачем хозяину «это нужно — крутить мне голову, забивать мне мозги всей этой африканской чепухой?»

В остальных же текстах слова «крутить мне голову» отсутствуют, а фраза, ей-богу, получилась хорошая.

51) А вот здесь опять возникает лишнее слово. В «Ю», «Д» и «Т» инспектор выговаривает Сневару:

«Вы мне мешаете, Алек. Сидите здесь, а я пойду в каминную».

Эталонные же «А» и «С» добавляют смягчающее выговор слово «пожалуй». Но эта вежливость все же затягивает фразу...

66) Здесь уже дополнительное слово придает фразе разные значения. Инспектор рассуждает:

«Ю», «Д» и «Т»: «Ни снизу, ни справа, ни слева к окну подобраться было нельзя».

«А» и «С»: «...к окну подобраться нельзя».

«Ю», «Д» и «Т» имеют в виду, что нельзя подобраться, не оставив следов, а следов не было, и именно поэтому «нельзя было подобраться». «А» и «С» же говорят о том, что нельзя подобраться в принципе, что, по-моему, маловероятно. Что мешает человеку залезть снизу в окно, например, по веревке? Или с помощью альпинистских приспособлений? Так что мне больше по душе варианты «Ю», «Д» и «Т».

69 (сокр.) Снова лишние слова в «А» и «С». У инспектора осталось всего две версии, и далее, по «Ю», «Д» и «Т»:

«Оба предположения указывают прямо на владельца дома...»

И зачем «А» и «С» добавлять «между прочим» да еще рядом со словом «прямо»?

78 (сокр.) Инспектор снова допрашивает чадо. В «А» и «С» все просто:

«...я сел напротив и сказал...»

«Ю», «Д» и «Т» совершенно зря добавляют «нее».

84) Брюн понимает, что последняя видела Олафа живым, ее губы дрожат, глаза то и дело наполняются слезами. И вот как она рассказывает о своей встрече с Олафом, по версии «А» и

«С»: «Я чуть не грохнулась». Она что, не понимает, как бестактны эти слова, или нормальным языком говорить не умеет? Понимает, умеет и в «Ю», «Д» и «Т» говорит правильно:

«Я едва не упала...»

103, 104) Две удачные редакторские правки. В «Д» и «Т» Глебски спрашивает девушку: «А вы уверены, что он кинулся от вас к окну?» «Ю», «А» и «С» добавляют:

«...что он кинулся от вас именно к окну?»

И снова вопрос стал более четок.

В ответе же чада есть, казалось бы, незначительная разница:

«Д»: «— Ну, как вам сказать...»

Остальные тексты: «Н-ну, как вам сказать...»

И тем не менее... Ведь последние слова инспектора были «к окну», и если в ответ звучит просто «ну», то получается паразитный каламбур, и редакторы правильно от него уходят.

106) А дальше в ответе опять возникают лишние слова.

«Ю»: «...я просто в комнате ничего не видела, кроме окна...»

Все ясно, и дополнительное «больше», имеющееся в остальных вариантах, совершенно ненужно.

107 (сокр.) На вопрос о посторонних шумах Брюн отвечает, что сперва слышала какие-то звуки, и далее в «Д»:

«А больше ничего».

«Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) напрасно добавляют «не было».

111) Снова очень маленькая редактура и интересная разница. Ошарашенный услышанным дю Барнстокр говорит инспектору, согласно «Ю», «Д» и «Т»:

«Вы, конечно, понимаете, что я понятия не имел...»

«А» и «С» чуть редактируют: «...я и понятия не имел...» и сразу превращают экспромт в отрепетированную речь. Вот только в задуманной речи вряд ли опытный оратор поставил бы рядом «понимаете» и «понятия», поэтому это все-таки экспромт и правы «Ю», «Д» и «Т».

113) Глебски читает мораль старому фокуснику: «Дети растут, дю Барнстокр». А дальше по-разному. В «Д» и «Т» очень скупо:

«Все дети».

В «А» и «С» несколько формально:

«Все дети. В том числе и дети покойников».

Мне больше по душе версия «Ю»:

«Все дети, даже дети покойников».

127 (сокр.) И напоследок еще маленькое слово с большими последствиями. Инспектор рассуждает:

«Ю», «Д» и «Т»: «...всегда лучше выглядеть добросовестным болваном, чем блестящим, хватающим вершки талантом».

«А» и «С»: «...чем блестящим, но хватающим вершки талантом».

Маленькое «но» превратило фразу из иронической в занудную. По мне, так пусть лучше инспектор пошутит. Позанудствовать он всегда успеет.

Двенадцатая глава содержит меньше всего вариантов. Но они и там есть.

3) Во всех вариантах от «Д» до «С» довольно забавная фраза. Луарвик один свой глаз закатил под лоб, «так что его почти не стало видно». Кого «его»: глаз или лоб? Оба ответа, по-моему, одинаково абсурдны. Поэтому лучше сказано в «Ю»:

«...так что на виду остался один белок».

13) Неточность в «Д» и «Т»: «...бурчал Мозес, вытесненный в коридор». Так как в этот момент инспектор только закрывал дверь, то лучше написано в «Ю», «А» и «С»:

«...бурчал Мозес, вытесняемый в коридор».

19) В эталонных «А» и «С» Глебски напирает на Луарвика: «Рано или поздно вам обязательно придется рассказать все». Но из контекста: «Олаф Андварафорс мертв. Его убили. Я расследую убийство. Ищу убийцу» — следует, что Глебски не давит, а все объясняет своему собеседнику, как ребенку. Поэтому лучше более разговорный оборот, используемый в «Ю», «Д» и «Т»:

«Рано или поздно вам все равно придется рассказать все». (Несмотря на два «все» подряд.)

33) В версиях «Ю», «Д» и «Т» инспектор говорит: «Ваши ботинки еще не высохли». Но ведь на Луарвике были «модельные туфли». Поэтому «А» и «С» поправляют:

«Ваши туфли еще не высохли».

38 (сокр.) В «Ю» этой фразы нет, а в «Д» и «Т» она звучит очень странно: «...меня вдруг ослепила на мгновение дивная мысль...» «А» и «С» правильно ее редактируют:

«...меня вдруг осенила на мгновение...»

40) Луарвик торопится войти в комнату к Олафу Андварафорсу. Так торопится, что на пороге:

«А» и «С»: «Луарвик довольно чувствительно толкнул меня между лопаток».

«Ю», «Д» и «Т»: «Луарвик довольно чувствительно ткнул меня в поясницу».

В «А» и «С» Луарвик толкается рукой или плечом и явно намеренно. В «Ю», «Д» и «Т» он, о чем Стругацкие сообщают с необычной для себя скромностью, дал инспектору под зад коленом, и, скорее всего, нечаянно, из-за плохой координации. Мне больше нравится этот вариант.

41, 42) Луарвик осматривает труп и удивляет инспектора своим «профессионализмом». По «Ю» Глебски констатирует: «С совершенно равнодушным лицом он остановился над трупом». Зачем же так конкретно? Не только же в лице дело. Остальные тексты верно поправляют:

«С совершенно равнодушным видом...»

А чуть ниже «А» и «С» слишком уж сгущают краски: «Ни брезгливости, ни страха, ни благоговения — деловой осмотр». Луарвик все же не врач и не служитель морга. Поэтому более подходят варианты «Ю», «Д» и «Т»:

«...деловитый осмотр».

52) И, наконец, предпоследняя фраза главы, которая меня немного удивила. В «Ю», «Д» и «Т» она звучит так: «Во рту было такое ощущение, как будто я много часов подряд жевал сырую вату». «А» и «С» еще кровожаднее: «...жевал сырое сукно» (вата — она хотя бы мягкая).

Какой необычный опыт у господина инспектора!

Начиная с тринадцатой главы, действие постепенно разворачивается. И работы — ура! — прибавляется.

8) Зануда инспектор продолжает нудить. Особенно, в «А» и «С»: «Из кухни доносились обычные кухонные звуки...»

«Думатель будет думать», так, что ли? Пусть лучше, как в «Ю», «Д» и «Т»:

«Из кухни доносился звон кастрюль...»

18) И еще один пример на ту же тему. Глебски находит место, где лежал этот «черный пистолет», и делает вывод: «...пис-

толет зашвырнули сюда либо с дороги, либо из отеля». И далее в «Ю», «Д» и «Т» все просто:

«И это был хороший бросок».

В «А» и «С» инспектор снова ноет:

«И это в любом случае был хороший бросок».

За что его так?

22) А здесь, наоборот, речь Глебски от варианту к варианту более естественна. Значит, «Хинкуса надо было трясти поосновательней...» И затем:

«Ю»: «...как это умеет делать старина Згут».

«А»: «...в манере старины Згута».

«Д», «Т» и «С»: «...на манер старины Згута».

Не безнадежен еще инспектор!

26) Еще один редакторский пример диалектической триады:

Теза («Ю» и «Т»): «...дела Олафа и Хинкуса связаны между собой...»

Антитеза («Д»): «...дело Олафа и Хинкуса связано между собой...»

Синтез («А» и «С»): «...дело Олафа и дело Хинкуса связаны между собой...»

«Мы диалектику учили не по Гегелю», а по Стругацким!

28) Отрывок в «Д» и «Т» (в «Ю» этих фраз нет) немного сбивчив, так как это размышления. Речь идет о Хинкусе:

«Почему его противник пользовался исключительно гуманными средствами борьбы — донос, пленение?.. Впрочем, Хинкус, видимо, наемный человек...»

Все равно длинновато, не правда ли? То ли еще будет в «А» и «С»:

«Почему его противник пользовался такими исключительно гуманными средствами борьбы, как донос и пленение?.. Впрочем, это как раз было бы нетрудно объяснить, Хинкус...»

Ну и зачем такая «железобетонная» конструкция?

30) Короче всех данная фраза в «Д» и «Т»: «Пока я жевал, он разглядывал меня...» Чуть подробнее в «А» и «С»: «Пока я торопливо жевал...» Но самая полная и самая мне понравившаяся — в «Ю»:

«Пока я жевал и глотал, он внимательно разглядывал меня...»

38) Бедный, несчастный инспектор! По «А» и «С», он рассуждает: «...как сказал какой-то писатель, потусторонний мир — это ведомство церкви, а не полиции...»

Так и выясняется, что Глебски уже Конан Дойля и его знаменитую «Собаку Баскервилей» забыл. А еще инспектор, а еще бляху надел!

Более же ранние варианты «Ю», «Д» и «Т» милосерднее к Глебски:

«...как сказал один писатель...»

То есть писателя он прекрасно знает, просто называть его сейчас не время. И не место.

39) Теперь удачное уточнение. В «Ю» сказано:

«Посреди холла, весь какой-то корявый и неестественный, торчал покосившимся столбом господин Луарвик Л. Луарвик».

Если «корявый», то почему торчал «столбом»? Точнее и лучше — в остальных редакциях:

«...торчал покосившимся чучелом господин Луарвик Л. Луарвик».

40) И сразу еще одна поправка. В «Ю», «Д» и «Т» Луарвик «быстро заковылял мне навстречу и загородил дорогу». Но если двигался навстречу, то и дорогу загораживал с самого начала... Все объясняют «А» и «С»:

«...он быстро заковылял мне наперерез и загородил дорогу».

64) Инспектор предлагает подвезти Луарвика с его чемоданом (напоминаю, что машина самого Луарвика «застряла в лавине»). В «Ю» Глебски говорит просто: «У меня хорошая машина». В остальных же вариантах добавляет:

«У меня хорошая машина марки «Москвич»».

И хотя Борис Натанович несколько раз цитировал, что шведы действительно закупили партию «Москвичей» для своей полиции, но, во-первых, действие повести происходит явно не в Швеции (Олаф и Карлсон названы «соотечественниками»), во-вторых, это далеко не первый «русский след»...

70) Уговаривая инспектора продать чемодан (раз не смог получить его даром), в «Ю» Луарвик по-своему красноречив:

«— Я даю деньги, много денег. Вы не на работе, вы в отпуске. Вы нашли чемодан, я его купил. Все».

Здесь, кстати, единственный на все версии раз упоминается, что инспектор, по сути дела, узурпировал власть в отеле.

В остальных же вариантах (и это логично) нет фразы про отпуск, и Луарвик выражается гораздо наивнее:

«Вы даете мне чемодан. Никто не узнает, все довольны».

84) Маленькое, но забавное изменение. Дабы Луарвик подписал «протокол», инспектор в «Ю», «Д» и «Т» протягивает ему просто «ручку», а согласно «А» и «С» — уже «авторучку». Вот она, незримая поступь научного прогресса в массах.

91) И еще одно небольшое добавление. Глебски вспоминает все о постояльцах отеля и среди прочего, что, как утверждают «Ю», «Д» и «Т», «дю Барнстокр, орудуя вилкой, всегда отставляет мизинец...» «А» и «С» предлагают лучший вариант:

«...элегантно отставляет мизинец...»

92) Версии «Ю» и «С» здесь несколько забавны: «Во всей этой навозной куче я обнаружил только две жемчужины». А надеялся отыскать целое ожерелье? По-моему, для «навозной кучи» и одна жемчужина — истинная удача. «Д» снова впадает в пуританство, да еще допускает опечатку: «Во всей это мусорной куче я обнаружил две жемчужины». (Почему-то вспомнилось, что у великой Астрид Линдгрен тоже были заморочки с этим злосчастным словом.) Лучший же вариант предлагают «Т» и «А»:

«Во всей этой навозной куче я обнаружил две жемчужины».

93) Итак, снова события конца третьей главы. Только что прибывший в отель Олаф «стоял посередине холла и оглядывался» и далее, по «А» и «С», «словно ожидал торжественной встречи». Но инспектор здесь соображает логически, и ирония несколько неуместна. Поэтому лучше «более занудный» вариант, предложенный «Ю», «Д» и «Т»:

«...словно ожидал, что его встретят».

Действие кульминационной четырнадцатой главы поначалу течет до невозможного медленно.

6) Глебски входит в столовую и видит Кайсу. В «Д», а затем по эстафете в «Т» и «А» фраза о Кайсе сильно редуцирована: «Я поздоровался с нею и выбрал себе новое место...» И только в «Ю» и «С», первой и последней редакции, приводится полный вариант

«Я поздоровался с нею, отнаблюдал серию ужимок, выслушал серию хихиканий и выбрал себе новое место...»

Не любят пуритане «живые человеческие чувства».

13) И еще маленький пример на ту же тему. В «Д», «Т» и «А» дю Барнстокр просто «спросил», а в «Ю» и «С»:

«...искательно спросил дю Барнстокр».

14) В канонических вариантах «А» и «С»: «Симонэ снова заголотал было, но сразу же сделал серьезное лицо». Выражение лица физика меняется очень быстро, а слова за ним не поспевают. Лучше в «Ю», «Д» и «С»:

«Симонэ снова загоготал было и сразу сделал серьезное лицо».

21, 23 (сокр.) А теперь две шутки господина инспектора. Начинает «Ю»: «На лице хозяина имела место скорбная улыбка». Продолжают «А» и «С»: «Судя по виду господина Луарвика Луарвика, постигшая его катастрофа была чудовищной...» Обе шутки (особенно вторая) в данный момент, как мне кажется, неуместны. Поэтому правильно:

«Д», «Т», «А», «С»: «Хозяин скорбно улыбался».

«Ю», «Д» и «Т»: «...Луарвика, катастрофа была чудовищной...»

34) Нарвавшись на резкую отповедь Хинкуса, дю Барнстокр недоумевает, а его извинения раз от разу становятся все длиннее:

«Ю»: «Я имел в виду исключительно...»

«Д» и «Т»: «Я имел в виду исключительно ваше самочувствие, не больше...»

«А» и «С»: «Я имел в виду исключительно ваше самочувствие, никак не более того...»

Я же здесь солидарен с пословицей: «Краткость — сестра таланта».

43) Обратный пример. Сневар пытается разрядить обстановку, он просто обязан быть красноречив, и поэтому эта фраза мне больше нравится в версиях «Д» и «Т»:

«С другой же стороны, нас вовсе не должно излишне нервировать то обстоятельство...»

Конечно, и «же», которое сокращает «Ю», и «излишне», каковое вычеркивают «А» и «С», лишние слова. Но дабы успокоить нервы, чем больше сказано — тем лучше.

49) А теперь удачное сокращение. По «Ю»: «Луарвик Л. Луарвик меланхолично жевал лимон, откусывая от него куски вместе с кожурой». В остальных вариантах лучше:

«...откусывая от него вместе с кожурой».

53) Далее инспектор, согласно почти всем текстам заявляет:

«Теперь я с часу на час ожидаю полицейский самолет...»

С этой фразы и далее почти до окончания повести все ее герои почему-то ждут именно самолет, хотя мне непонятно, что ему делать в этой горной долине, где он явно не сможет приземлиться... И только «Ю» правильно по всему тексту пишет «вертолет». В общем, начиная отсюда, советую вместо «самолет» читать «вертолет» и баста.

Кульминация. Допрос Хинкуса. Тем не менее — пока все идет очень медленно.

66, 67) Еще одни лишние слова. В «Ю», «Д» и «Т» Хинкус отпирается:

«Никаких записок я не писал...»

А Глебски настаивает:

«Определить, что писали ее вы, ничего не стоит».

Добавленные же в «А», «С» «никому», «именно» и «написали» (вместо «писали»), по-моему, только утяжеляют диалог.

68) Согласно «Ю», «Д» и «Т»: «В зале гремела тарелками Кайса...» «А» и «С», видимо, справедливо, снижают «уровень шума»:

«В зале брякала тарелками Кайса...»

79) Допрос резко прерывается. После резкой и неожиданной атаки Хинкуса, инспектор, согласно кроткому «Д», «плашмя, физиономией, животом, коленями грохнулся об пол». «Т», «А» и «С» более откровенны: «...плашмя, мордой, животом...» Но мне больше по душе версия «Ю»:

«...плашмя, мордой, животом, коленями грянулся об пол».

Как-то звонче получается.

86) Маленькая, но забавная нестыковка. «Ю» сообщает:

«Хинкус застонал, заворочался и попытался сесть».

Однако гангстер явно лежит на боку в «позе зародыша» (скорчившись и обхватив руками голову). А значит, чтобы сесть, совершенно не нужно ворочаться, а надо лишь опереться на локоть и приложить усилие. Поэтому поправка в «Д», «Т», «А» и «С» верна:

«...и попытался встать».

Дабы встать, Хинкусу пришлось бы перевернуться с бока на живот.

87) Глебски вновь отмечает «зеленоватую физиономию» Хинкуса, но, согласно «Ю», «Д» и «Т», «теперь это объяснялось естественными причинами». Вряд ли удар Симонэ можно причислить к таковым, поэтому лучше сказано в «А» и «С»:

«...теперь это объяснялось вполне понятными причинами».

91) «Д» этот интересный эпизод попросту вычеркнула, а в остальных вариантах — разночтение. Итак, больные инспектор и бандит лечатся коньяком. Хотя... «Еще полстакана чистого выпил я сам». Как мне кажется, «чистым» можно назвать только спирт. Загадка... А вот вторая. Согласно «А» и «С»:

«Симонэ, предусмотрительно запасшийся вторым стаканом, выпил с нами за компанию».

И в чем же Симонэ предусмотрителен? Пошел за выпивкой на троих и взял только два стакана. Слишком по-русски это все... Поэтому я предпочитаю версию «Ю» и «Т»:

«Симонэ, запасшийся третьим стаканом...»

133) Типичный пример борьбы «хорошего с лучшим». Как объясняет Хинкус, Мозес-Вельзевул его запугивал, по «Ю», «Д» и «Т», «чтобы я смылся с глаз долой». Фраза интересная, но в «А» и «С» еще лучше:

«...чтобы я слинял у него с глаз долой».

141) Информация Хинкуса дошла до Глебски, и инспектор берет маленький тайм-аут. Поначалу он просто занудствует, особенно в «А» и «С»: «И все это каким-то странным образом переплеталось с реальной действительностью». Редакции «Ю», «Д» и «Т» потрудились, кажется, гораздо лучше:

«И все это как-то странно переплеталось с действительностью».

145 (сокр.) Снова интересное выражение. В «Ю» этой фразы нет, а в «Д» и «Т» Хинкус говорит просто: «Чемпион с самого начала на всякий случай подготовил серебряные пульки...» Версия «А» и «С» интереснее и информативнее:

«...подготовил серебряные бананчики...»

158) И еще один пример, как текст от версии к версии становится все лучше. Всегда бы так:

«Ю»: «Хинкус, слушая, ежился, глаза у него бегали, и, наконец, он умоляюще попросил еще глоточек».

«Д» и «Т»: «Хинкус, слушая, ежился, бегал глазами и, наконец, умоляюще...»

«А» и «С»: «Хинкус дергался, ежился, бегал глазами...»

175 (сокр.) Великолепный пример на тему «как надо убеждать самого себя». Глебски отчаянно пытается доказать себе, что нечего верить гангстеру. Вот как это он делает в «Ю», «Т» и (с маленьким разночтением) «Д»: «...я, солидный, опытный полицейский <...> обсуждаю с помешанным бандитом...» А теперь прочтите эту же фразу в версии «А» и «С» и почувствуйте разницу:

«...я, солидный, опытный полицейский, немолодой уже человек <...> обсуждаю с полупомешанным бандитом...»

Добавилось преувеличение, что он «немолодой человек» (кстати, обычно так взрослые разговаривают с детьми), а Хинкус из «помешанного» стал «полупомешанным» — справедливость прежде всего.

176 (сокр.) Самогипноз продолжается. Инспектор оборачивается, видит хозяина и начинает накручивать себя. Проще всего он это делает, согласно «Ю»: «...я вспомнил все его намеки <...>, вспомнил его толстый указательный палец, совершающий многозначительные движения». «Д» и «Т» соблюдают меру и сокращают второе «вспомнил»: «...я вспомнил все его намеки <...>, и его толстый...» «А» и «С» добавляют точный заключительный штрих, которым Глебски сам себя завел:

«...совершающий многозначительные движения перед моим носом».

178 (сокр.) По «А» и «С» Хинкус с трудом вспоминает Луарвика: «А, это который лимон жрал...» «Ю», «Д» и «Т» точно добавляют всего одну букву:

«А, это который лимоны жрал...»

Человеку свойственно обобщать, даже если он — «полупомешанный бандит».

Допрос Хинкуса закончился, и накал текста заметно снизился.

193) Глебски и хозяин заперли Хинкуса. Далее, согласно «Ю», «Д» и «Т»:

«Потом мы прошли в контору».

«А» и «С» заменяют «прошли» на «пошли», то есть менее на более употребительное, тем более что никакого «следственного контекста» здесь уже в помине нет.

207) Через Алека инспектор передает Мозесу и компании предупреждение, что «расстреляет серебряными пулями любую сволочь», которая полезет к чемодану. А добавление к этой фразе от редакции к редакции становится все «моноблочнее» и не оставляет никаких двусмысленностей (как и хотел Глебски):

«Ю»: «Если увидите Мозеса, передайте это ему».

«Д» и «Т»: «Если увидите Мозеса, передайте все это ему».

«А» и «С»: «Если увидите Мозеса, передайте все это ему слово в слово».

Точнее «А» и «С» и быть не может.

На этом, собственно, глава и заканчивается.

Последняя и самая противоречивая глава. Напоминаю, «Ю» вместо «люгер» пишет «парабеллум» или «пистолет», остальные редакции, кроме «Ю», вместо «вертолет» пишут «самолет», в «Ю» Чемпион не просто гангстер, но фашист и путчист.

12) Прислушаемся к словам великого физика и посмотрим, к чему ведут «лишние слова».

Во всех вариантах: «Вы тут как в крепости». И далее, в «Ю»:

«И напрасно: никто на вас не собирается нападать».

В остальных версиях добавлено «совершенно». И тут уже я не знаю, что это: слово-паразит, заученная речь, отскочившая от зубов или издевка? Добавим еще, что Симонэ лжет, и в конце главы он сам и нападет на инспектора.

13) Глебски говорит, что он не знает, будут или нет нападать. Следующая реплика Симонэ в «Ю» и «Д», с одной стороны, и в «Т», «А» и «С», с другой, отличается на запятую, но как меняется ее смысл.

«Ю» и «Д»: «Да, вы ничего не знаете...»

«Т», «А» и «С»: «Да вы ничего не знаете...»

В первой редакции пусть несколько циничная, но лишь констатация факта. Во второй — явное оскорбление. И возникает естественный вопрос: ведь не Глебски что-то нужно от Симонэ, а физику от инспектора — не правда ли, странными методами он добивается своего?

16) Здесь уже «А» и «С» упускают забавную черточку. У них инспектор просто и неинтересно садится «на стул рядом с сейфом». В «Ю», «Д» и «Т» он усаживается:

«...верхом на стул рядом с сейфом».

То есть, как утверждают психологи, уже своей позой демонстрируя несогласие с Симонэ.

24) По «А» и «С», Симонэ так рассказывает об аварии на базе пришельцев: «что-то у них там взорвалось в аппаратуре». Здесь я полностью согласен с вариантами «Ю», «Д» и «Т», которые обошлись без слова «там». И дело даже не в том, что это «слово-паразит». Просто в словах Симонэ внезапно проскальзывает пренебрежение. А теперь прочитайте следующий абзац и подумайте, могло ли оно быть.

27 (сокр.) А теперь про лишние слова. Мысли Глебски об этой проникновенной речи Симонэ, по «А» и «С»: «...нет, слишком много все-таки сумасшедших в этом отеле. Вот вам и еще один псих». «Нет», «все-таки» и «и» — лишние слова. Правда, поначалу я думал, что инспектор так успокаивает себя, дабы не завестись. Но Глебски думает «уныло», поэтому правы версии «Ю», «Д» и «Т», где этих слов нет.

31) Симонэ вновь рассказывает о последствиях аварии на базе. В «А» и «С» она слегка отредактирована и улучшена по сравнению с «Ю», «Д» и «Т» (то есть экспромт вновь превратился в отрепетированную речь). Но меня интересует даже не это, а сама фраза:

«...все их роботы в радиусе ста километров оказались, так сказать, обесточены. Некоторые, наверное, успели подключиться».

(В «Ю», «Д» и «Т» вместо «так сказать, обесточены» сказано просто «под угрозой», а вместо «наверное» — «вероятно».)

Какая фраза! Так и возникает мысль о десятках роботах «в радиусе ста километров» от базы и, значит, сотнях — на всей Земле. То есть возможная гибель Мозеса и Луарвика ничего не решает? Иначе как объяснить тот факт, что ни один из этой армии роботов не пришел к ним на помощь?

36) Еще одно лишнее слово на устах Глебски, но это явная ирония. С помощью мистики и фантастики, полагает инспектор, можно объяснить любое преступление, и далее, по «А» и «С»:

«...и всегда это будет очень логично».

Конечно, слово «очень» формально лишнее (и в «Ю», «Д» и «Т» его нет), но в нем так и сквозит ирония, значит, оно нужно.

48) Отповедь Глебски великому физику. В «Ю» вслед за грубоватым высказыванием: «Погодите, не перебивайте. Я вас не перебивал...» — следует ироничное и смягчающее грубость:

«Я вас слушал даже с интересом».

В остальных же версиях этой фразы нет, и инспектор вновь тупеет на глазах.

52) Теперь огрубляется фраза Симонэ. В «Ю» она звучит так:

«А вы, однако, порядочная дубина, инспектор Глебски».

Официальное «инспектор» смягчает ругань, поэтому в остальных вариантах, где данного слова нет, фраза становится жестче.

90) Хотя, утверждает Мозес, показываться на Земле в истинном облике для него смертельно опасно, в крайнем случае он готов на это пойти. И далее, по «Ю», «Д» и «Т»:

«Если окажется, что убедить вас совершенно невозможно, я рискну».

Фраза и так перегружена неинформативными словами, но «А» и «С» добавляют еще «иначе».

116, 118 (сокр.) Глебски отчаянно пытается понять, как поступить. Наконец он переходит на формальное юридическое мышление. И здесь подробнее и понятнее он рассуждает в «Д» и «Т»:

«Юридические претензии были у меня только к Мозесам... к Мозесу».

В «Ю», «А» и «С» нет этой чисто человеческой оговорки «к Мозесам...» (Инспектор явно не привык к мысли, что госпожа Мозес — робот.)

Далее речь заходит о Луарвике. Он тоже, признает инспектор, может быть сообщником, и в «А» и «С» фраза прерывается на многозначительном «но...» «Ю», «Д» и «Т» это «но» раскрывают:

«...но на это я бы еще мог закрыть глаза...»

121) Чеканная формулировка Глебски в версиях от «Д» до «С»:

«Закон требует, чтобы я задержал этих людей впредь до выяснения обстоятельств».

«Ю» убирает слово «впредь», и фраза, к сожалению, теряет свою четкость и выразительность.

176, 177) Сцена погони. Разночтений здесь мало, но я все равно придерусь. Но сначала о них. В «А» и «С» сказано: «...билась по ветру широкая юбка госпожи Мозес». В «Ю», «Д» и «Т», на мой взгляд, лучше: «...билась на ветру...» Чуть ниже, согласно «Д»: «...старый Мозес, не останавливаясь ни на секунду, страшно и яростно работал многохвостовой плетью». «Т», «А» и «С» (в «Ю» этой фразы нет) поправляют: «...многохвостой плетью».

Однако меня, честно говоря, интересует другое. Глебски поднимался на второй этаж и шел к своей комнате, очевидно, медленно (сложно ходить быстро, когда каждое движение отдается болью во всем теле, да и спешить инспектору было некуда). То есть с момента отправки инопланетян до появления Глебски на крыше минуты три как минимум прошло, а значит, беглецы, которые «мчались быстро, сверхъестественно быстро», за это время пару-тройку километров уже пробежали. А теперь попробуйте разглядеть за три километра «бьющуюся на ветру юбку» и тем более «многохвостую плеть». «Мне бы такое зрение».

Кстати, чуть дальше вертолет опускается, а через четыре строчки поднимается уже с погибшими пришельцами на борту. Гм... У Чемпиона не так много людей, и они не профессиональные грузчики, так что погрузить четыре тела в висящий на высоте метра в два агрегат (ведь на снег вертолету не сесть и ниже опуститься опасно, в землю можно врезаться), а потом еще сесть самим — это минут пять-десять (к тому же спешить бандитам, кажется, некуда). Да и к отелю они тоже почему-то не полетели. Честно говоря, так и хочется сказать Глебски: «Померещилось тебе».

181) И, наконец, снова Симонэ, который, разъяренный, рыдает и кричит инспектору, по «Ю», просто: «Добился своего, дубина, мерзавец!» А по остальным версиям (с небольшим разночтением) гораздо страшнее:

«Добился своего, дубина, убийца!..»

Слово сказано. И это верно. Гангстеров еще поймать надо, а куда проще обвинить в убийстве человека рядом с собой. Кстати, а в чем именно виноват Глебски? Ведь Мозес получил чемодан максимум через полчаса после разговора с инспекто-

ром (что не по его воле, а против нее — это сейчас нюансы). И что решили бы лишние полчаса? Неужели кто-нибудь верит, что Олаф Андварафорс за это время все починил бы на базе? Более того, в таком случае Чемпион мог бы еще и саму базу захватить. Вам это надо? (Кстати, в этом случае бандиты уж точно не стали бы церемониться с постояльцами отеля.)

Страшно это все...

И, наконец, эпилог, где расставляются все точки над «i».

3) В «Ю» инспектор произносит нейтральную фразу: «...и я иногда рассказываю ребятишкам эту историю». В остальных версиях от «Д» до «С» заменено всего одно слово:

«...и я иногда рассказываю младшенькой эту историю».

Но сколько нового мы узнаем. И о внуках Глебски (вспомним, что во время основного действия повести у него был только сын-юноша). И еще о возрасте детей, на которых рассчитана его история.

4) Пересказ инспектора «этой истории» предельно ироничен. Согласно «Ю», «Д» и «Т», ее концовка звучит так: «...пришельцы благополучно отбывают домой в своей сверкающей ракете, а банду Чемпиона благополучно захватывает подоспевшая полиция». «А» и «С» усиливают иронию:

«...отбывают домой в своей прекрасной сверкающей ракете».

И это Глебски, который не знал, кто такой Конан Дойль? Не правда ли, инспектор сильно изменился? И стал строже относиться к себе?

14 (сокр.) А теперь речь заходит о Симонэ. «Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии, писал в газеты и журналы, выступал по телевидению». Это во всех вариантах. Далее в «Д», «Т», «А» и «С» (в «Ю» эта фраза очень сильно сокращена) говорится в последний раз о «великом физике»:

«Оказалось, что он и в самом деле был крупным физиком, но это нисколько ему не помогло. Ни огромный его авторитет не помог, ни прошлые заслуги. Не знаю, что о нем говорили в научных кругах, но никакой поддержки там он, по-моему, не получил».

С «великим физиком», кажется, все ясно. А с Симоном Симонэ... Господин Симонэ, что вы делаете? Вы пытаетесь форсировать контакт. А ведь: «Неподготовленный контакт может иметь и для вашего, и для нашего мира самые ужасные последствия...» Значит, сначала вы ваших любимых пришельцев, ради которых готовы отдать жизнь (и не только свою), спасаете, а потом их же пытаетесь погубить. Ваше поведение более пристало не знаменитому ученому, а заурядному карьеристу. Кстати, эта версия прекрасно объясняет ваше хамство по отношению к Глебски в предыдущей главе (ведь, когда речь шла о вашей лично свободе, вы и не думали грубить). Остановитесь, пока не поздно!

17) Рассказывая о Брюн, инспектор цитирует заметку из газеты. В «Ю» все просто: «На чествовании «присутствовала племянница юбиляра Брюнхилд Канн»». В остальных версиях добавлено:

«...очаровательная племянница юбиляра...»

И меня смущает этот эпитет. «Очарование» для меня слишком связано именно с юной непосредственностью, а Брюн уже под сорок (ведь «прошло более двадцати лет»). Женщины ее возраста бывают «красивые», «прелестные», даже «чарующие», но «очаровательная» — это двусмысленный комплимент.

24) Прощание с такой милой пуританской редактурой «Д». Глебски часто приезжает в отель, «а вечера мы проводим, как встарь, в каминной, за чашечкой черного кофе с лимоном. Увы, одной чашечки теперь хватает на весь вечер». В остальных редакциях вместо «чашечки черного кофе с лимоном», естественно, «стакан горячего портвейна со специями». Спасибо, «Д». Ты научила меня чувствовать запах спиртного за десять страниц и находить его за самыми невинными словами!

25 (сокр.) Небольшая лакуна в «Ю». Речь идет об Алеке Сневаре:

«Он, как и раньше, увлекается изобретательством и даже запатентовал новый тип ветряного двигателя. Диплом на изобретение он держит под стеклом над своим старым сейфом в старой конторе. Вечные двигатели обоих родов все еще не запущены; впрочем, дело за деталями. Насколько я понял, для того,

чтобы его вечные двигатели работали действительно вечно, необходимо изобрести вечную пластмассу».

От себя могу добавить только «по секрету», что для вечного двигателя второго рода «вечная пластмасса» совершенно не нужна, и хозяин отеля так просто шутит.

26 (сокр.) Еще один пример «эволюции фразы». В «Ю» упоминание Сневара о пулемете сниженно-иронично:

«Но однажды он глухим шепотом признался мне, что держит теперь в подвале ручной пулемет — на всякий случай».

Напомним, что когда хозяин отеля говорит «глухим шепотом», то ему не стоит верить на слово.

В «Д» и «Т», пусть с небольшим разночтением, этот рассказ становится совершенно серьезным и конкретным:

«Но однажды он шепотом признался мне, что держит теперь в подвале пулемет Брена — на всякий случай».

Наконец, «А» и «С», добавив слово «постоянно» («постоянно держит теперь»), видимо, снова пытаются добавить иронии во фразу. Но «глухой шепот» «Ю», по-моему, гораздо лучше.

27 (сокр.) Глебски переходит к рассказу о себе. Начальство в «Ю» отнеслось к инспектору строже, чем в остальных вариантах:

«...а начальник управления даже выбранил меня за то, что я не отдал чемодан сразу и тем самым подвергал свидетелей излишнему риску».

В остальных редакциях конкретизирована должность «начальника» — «начальник статского управления» — и он не выбранил инспектора, а только «слегка побранил». Но меня больше интересует другое. Сразу — это когда? За чемоданом практически приходили трое: Луарвик, Симонэ и Мозес. Когда приходил Луарвик, Глебски ничего не знал еще об «излишнем риске». Симонэ просил за Мозеса (единственное, за что, по-моему, инспектора можно «слегка побранить», так это почему он вступил в ненужную перепалку с Симонэ, а не заявил «сразу»: «Вы говорите, это чемодан Мозеса. Тогда что вы, собственно, здесь делаете? Пусть Мозес за ним и приходит». Чем, кстати, дело и кончилось). Если же имеется в виду, что инспектор должен был сразу отдать чемодан Мозесу, то, как я уже объяснял, лишние полчаса почти ничего не решали. Не говоря

уж о том, что неизвестно, в каком вообще случае свидетели подвергались большему риску.

35 (сокр.) В «Ю» Глебски четок и точен:

«Раз мы достигли Марса и Венеры, почему бы кому-нибудь не высадиться у нас, на Земле?»

В остальных версиях речь инспектора странновата: «Раз люди высадились на Марсе и Венере...» Глебски, что, себя человеком уже не считает? Да и прогноз не оправдался, ибо в ближайшее время мы явно ни на Марсе, ни на Венере не высадимся, а «достигли» мы этих планет еще в начале семидесятых.

42, 43 (сокр.) Наконец инспектор переходит к самому тяжелому для него вопросу. И здесь, как мне кажется, самая корявая версия «Ю» звучит точнее остальных. Ведь человек не привык исповедоваться и должен быть немного косноязычен:

«На душе у меня скверно, вот в чем дело. Никогда со мной такого не было до и никогда после: все делал правильно, чист перед богом, законом и людьми, а на душе скверно».

Дальнейшие редакции сглаживали эту фразу. Приведем последний, канонический вариант «А» и «С»:

«Совесть у меня болит, вот в чем дело. Никогда со мной такого не было: поступал правильно, чист перед Богом, законом и людьми, а совесть болит».

Впрочем, в одном с каноническими вариантами можно согласиться. Слово «Бог» здесь действительно стоит писать с большой буквы.

47) Итак, в Глебски болит совесть. Болит настолько, что, по «Ю», «Д» и «Т»: «Когда мне становится плохо, жена садится рядом и принимается утешать меня». В «А» и «С» боли даже усилены:

«Когда мне становится совсем уж плохо...»

Со времени событий «прошло уже больше двадцати лет», а у инспектора «болит совесть» и болит так, что иногда «становится совсем уж плохо»? Семь тысяч ночей за одну ночь, не слишком ли это много? Ничего не напоминает? Именно эта ассоциация Петера Глебски с Пятым Прокуратором Иудеи (святым, по меркам некоторых христианских церквей) остается в памяти читателей и формирует их отношение к главному герою повести и самой повести в целом. По-моему, самая удачная находка братьев Стругацких.

ВАРИАНТЫ КИНОСЦЕНАРИЯ

В архиве сохранились три варианта сценария[1]. Один из них публиковался во всех собраниях сочинений и в сборнике сценариев АБС. Вспомним его отличия от повести. Из двух персонажей — Мозеса и дю Барнстокра — получается один: внешность и профессия — дю Барнстокра, фамилия и сущность (инопланетянин) — Мозеса. Таким образом Брюн теряет своего дядюшку и появляется в отеле одна — после любовного разочарования. Приезжает Глебски в отель по ложному телефонному вызову, а не отдохнуть. В отеле в это время уже все, кроме Луарвика, на месте (то есть Олаф и Хинкус приехали раньше Глебски). Убрана из повествования вечеринка, действие более концентрировано: записка на столе, Глебски приглашает хозяина отеля сделать тайный обыск в номере Хинкуса, в это время случается лавина и обвал в Бутылочном Горлышке.

Второй вариант сценария, имеющийся в архиве, практически совпадает с первым и дополнен лишь современным обрамлением происходящих ранее событий.

Перед началом основного повествования:

Когда полицейский инспектор Петер Глебски вышел из кабинета начальника Мюрского управления полиции и направился по коридору к выходу, выяснилось, что все управление уже знает о его награждении. Его поминутно останавливали, хлопали по плечу, рассматривали медаль, жали ему руку, а некоторые даже обнимали. Раздавались приветственные возгласы, смех, грубоватые шутки.

— Ну, старина, у меня нет слов!..— говорили ему.

---

[1] Что касается сценария, то всего было три варианта. Первый вариант писал (для Ленфильма) БН в содружестве с Алексеем Германом — сценарий в производство не пошел. Затем на этой основе АН с Григорием Кромановым разработали вариант-2 — работа была тяжкая, беспросветная, АНу она в конце концов надоела, и он перебросил Кроманова вместе со вторым вариантом снова на БНа. С третьим вариантом мы возились еще несколько месяцев (меняли зиму на лето, потом — обратно лето на зиму и пр.), и наконец Кроманов удовлетворился и стал снимать... Деталей, к сожалению, я не помню совершенно.— *БНС.*

— Петер, дружище, поздравляю тебя! — говорили ему.

— А ведь теперь ты, пожалуй, и отдел получишь, а? — говорили ему.

— Старик! Скажи мне честно, ты не зазнался? Ты еще узнаёшь меня, дружище? — говорили ему.

— А когда же будет шампанское? Такое украшение надобно обмыть, Петер! — говорили ему.

Было шумно и весело, и весело сверкала новенькая медаль, и инспектору было приятно видеть, что его на самом деле любят друзья и сослуживцы, но настоящего подъема, настоящей радости он не испытывал. Улыбка его выражала скорее смущение и растерянность. Он тоже жал руки, тоже хлопал по плечу и отшучивался, но на самом деле ему хотелось поскорее вырваться из дружеских объятий и вообще из управления.

Он почти сбежал по парадной лестнице к своему автомобилю, где, приплющив нос к стеклу, сидела его дочка, девочка лет шести.

Он сел за руль и, включая зажигание, спросил:

— А где мама?

— Мама сказала, чтобы ее не ждать и чтобы ты повез меня смотреть лебедей. Тебе дали отпуск?

— Да.

— А что это за значок у тебя? Тоже дали?

— Тоже дали.

— Красивый. А за что?

Машина выехала на главную улицу и нырнула в тоннель. И тут оказалось, что дальше проезда нет: где-то впереди образовалась пробка, и огромное стадо машин, сигналя и сверкая габаритными огнями, застряло в сизом от бензиновой гари сумраке.

— Так за что тебе дали этот значок? — допытывалась девочка.

— «За мужество и инициативу при исполнении служебного долга»,— процитировал он.

— Это как?

— Ты знаешь, эта история не для маленьких девочек.

— А ты расскажи, чтобы для маленьких!

Инспектор откинулся в водительском кресле. С необычайной ясностью он вспомнил, как все это начиналось. Он ехал в

этой же машине, только была зима, и вокруг был снег, много сверкающего под солнцем снега...

В середине основного повествования действие прерывалось «настоящим» (перед тем, как Лель разбудил Глебски, принеся оружие Хинкуса):

Инспектор с дочкой сидели в машине. Пробка в тоннеле все не рассасывалась.

— И он пошел спать,— сказала дочка.

— Да, я отправил его в постель. И сам лег спать. Я очень устал.

— А собачка? Ты совсем не рассказываешь про собачку...

— Сейчас будет и про собачку... Я как раз увидел ее во сне...

Еще раз прерывается действие после просьбы Брюн оживить Олафа, пусть даже он и робот:

Снова тоннель, машина, застрявшая в пробке.

— И ты его оживил? — радостно говорит девочка.

— Да,— помолчав, отвечает инспектор.

— И они улетели к себе домой на большом серебристом корабле! Да?

— Да, они улетели.

— Они всегда улетают,— удовлетворенно заключает девочка.— Я видела в кино. А дома их ждут мамы и дочки...

И в конце повествования, как бы для того чтобы подтвердить ошибку инспектора, истина высказывается его дочкой («Устами младенца...»):

Тоннель. Пробка впереди рассосалась, и инспектор трогает машину.

— Ты молодец, тебя правильно наградили,— говорит девочка.

— Конечно, правильно,— отзывается инспектор.— Я поймал опасного преступника, я не дал гангстерам сжечь отель, я вернул награбленные деньги... очень много денег...

— Нет,— возразила девочка.— Ты ничего не понял. Тебя наградили за то, что ты помог им улететь... На большом-большом серебристом корабле![1] Вот на таком...

Она показывает руками. Инспектор молчит.

Третий вариант сценария, который также присутствует в архиве, отличается и от повести, и от опубликованного сценария многими деталями, действующими лицами и финалом. Поэтому здесь он приводится полностью.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

УБИЙСТВО В ОТЕЛЕ «У АЛЕКА СНЕВАРА»
(к/сценарий)

Заснеженная долина, окруженная неприступными отвесными скалами. Нетронутый, ослепительно-белый снег под чистым, ослепительно-синим небом в широком кольце страшненьких, мутно-сизых иззубренных стен. И посередине долины — приземистое двухэтажное строение с плоской крышей. Тишина и безлюдье.

Перед крыльцом строения останавливается маленький автомобиль. Открывается дверца, и на утоптанный снег ступает высокий человек лет сорока пяти с увесистым портфелем в руке. Это полицейский инспектор Петер Глебски, герой нашего фильма. Он захлопывает дверцу, снимает противосолнечные очки и оглядывает фасад строения. Здание уютное, старое, желтое с зеленым. Над крыльцом вывеска: «У Алека Сневара». С крыши свисают гофрированные сосульки толщиной в руку, а высокие ноздреватые сугробы по сторонам крыльца утыканы разноцветными лыжами.

Глебски поднимается на крыльцо и входит в просторный холл с низким деревянным потолком. Тускло отсвечивают ла-

[1] Приперся инопланетный шпион. Тайно, никто его не звал. Ни с того ни с сего начал вмешиваться в чужую жизнь. (А если бы Чемпион и правда был борец за свободу? Тогда еще поганей вышло бы.) Нагадил, нашкодил. Ах, бедный, пусть себе летит на серебристом корабле. А отвечать кому? Налетели тут, понимаешь...— *В. Д.*

ком модные низкие столики, не очень гармонирующие с массивными, обитыми кожей широкими креслами. В глубине холла — стойка небольшого уютного бара, блеск разнокалиберных бутылок с яркими этикетками, своеобычные круглые табуретки на высоких ножках.

У стойки двое: тощее гибкое существо в джинсовом костюме, не то мальчик, не то молоденькая девушка, бледное треугольное личико наполовину скрыто огромными черными очками, на губе — прилипшая сигарета; и длинный пожилой человек в полном вечернем костюме — фрачная пара, фалды до пяток, накрахмаленная манишка, галстук бабочкой, седая редкая прядь аккуратно зализана через лысину.

— Совершенно верно, Брюн, дитя мое,— басовито воркует пожилой.— Каждый настоящий волшебник — это всегда немного фокусник. Вопрос ведь в том, с какой стороны на это смотреть. В старину нас сжигали как волшебников, а сейчас презирают как фокусников...

— Да бросьте вы, господин Бар... дю...

— Дю Барнстокр.

— А, все равно мне вас не выговорить... Я говорю — бросьте трепаться. Вам что — лучше было бы, чтобы вас сжигали?

— Избави бог! Но что это у вас? Где вы подцепили эту гадость?

Дю Барнстокр протягивает руку и делает хватающее движение над плечом Брюн. Разжимает ладонь. На ладони шевелится огромный мохнатый паук. Брюн соскакивает с табурета и пятится.

— Дурацкие шутки!

Дю Барнстокр сжимает ладонь в кулак и снова разжимает пальцы. На ладони ничего нет.

— Ерунда! — говорит Брюн и снова взбирается на табурет.— Из рукава. Хилая работа, господин дю Бан... Барб...

— Дю Барнстокр. Нет, дитя мое. Это было бы слишком элементарно. Держать в рукаве таких опасных тварей...

Брюн отдирает от губы окурок, осматривает его и тычет в пепельницу на стойке.

— Вы мне лучше сигаретку сотворите...— ворчит «оно».

Дю Барнстокр вздыхает, разводит руками и снова их сводит. Между пальцами у него дымится сигарета, и он с поклоном протягивает ее Брюн.

— Вот это другое дело,— говорит Брюн.

Глебски подходит к ним.

— Простите,— говорит он.— Где я могу найти госпожу Сневар?

Брюн тычет рукой с сигаретой в сторону.

— Туда,— говорит «оно».

Инспектор идет в указанном направлении, откидывает портьеру, входит в полутемный коридор и толкает дверь с табличкой «КОНТОРА».

В залитой солнцем комнате — письменный стол, несколько стульев, тяжелый стальной сейф. Из-за стола навстречу Глебски поднимается миловидная женщина лет тридцати пяти в меховом жилете поверх ослепительно белой блузки, в спортивных брюках и пьексах.

— Госпожа Сневар? — осведомляется Глебски.

— Да. Чем могу служить?

— Я из Мюра. Полицейский инспектор Петер Глебски.

— Прошу садиться,— говорит госпожа Сневар и садится сама. Глебски садится по другую сторону стола.

— Итак? — говорит он.

На лице госпожи Сневар появляется выражение озадаченности.

— Простите? — говорит она.

— Что у вас тут случилось?

— У нас? Тут? Не понимаю...

— Вы — госпожа Сневар? Хозяйка этого отеля?

— Да...

— Разве не вы вызывали полицию?

— Я?! — Пораженная госпожа Сневар приподнимается со стула. Несколько секунд они смотрят друг на друга. Затем Глебски расстегивает портфель, достает телеграфный бланк и протягивает через стол.

— Значит, это не ваша телеграмма?

Госпожа Сневар читает телеграмму, затем качает головой и возвращает ее инспектору.

— Подписано моим именем, Кайса Сневар, все верно... Но никаких телеграмм не давала. И ничего такого у нас никогда не случалось, никто не рубил лыжи топором, никто шины у автомобилей не портил...

— Та-ак...— говорит Глебски.— Телеграмма передана в Мюр по телефону от вас сегодня в час ночи. Это мы проверили. Кто мог это сделать?

— Понятия не имею... В час ночи? Сегодня? Нет, не знаю. Ночью я спала...

— В номерах телефоны есть?

— Нет. Только здесь, у меня...— Она указывает на телефон на столе.— Разумеется, есть еще таксофон в холле... Может быть, оттуда?

— Может быть...— Глебски тянется к телефону.— Вы разрешите? — Он набирает номер.— Капитан? Это Глебски. Да, я на месте. Рад сообщить, что ничего здесь такого не произошло... Да, ложный вызов... Да нет, нет, все правильно, я только что говорил с хозяйкой, она ничего не знает... Что? Да, было бы неплохо, но для этого требуется пустяк — выловить этого типа... Что? Ладно, можно попытаться, тем более что место здесь чудесное... Нет-нет, я шучу, конечно... Хорошо. Завтра к двум вернусь... А? Ага... Какая-какая настойка? Понятно. Непременно... Ладно. Привет.

Глебски вешает трубку и откидывается на спинку стула.

— Насколько я понимаю,— говорит госпожа Сневар,— кто-то из моих гостей...

— Увы! — говорит Глебски.

— Я приношу глубочайшие извинения, господин инспектор. У меня нет слов...

— И не надо,— прерывает ее инспектор добродушно.— Я, знаете ли, давно уже вышел из того возраста, когда возмущают ложные вызовы. И вообще, нет худа без добра. Я с удовольствием проведу у вас день и ночь за казенный счет. Что это у вас тут за знаменитая эдельвейсовая настойка?

— Господин инспектор! — торжественно произносит госпожа Сневар.— Отель постарается загладить свою невольную вину всеми средствами, какие только есть в его распоряжении. Начиная от эдельвейсовой настойки и кончая самым благоустроенным номером...

Она встает. Глебски тоже поднимается.

— Прошу за мной,— говорит госпожа Сневар.

Они проходят по коридору и выходят в холл.

У стойки бара произошли некоторые изменения. Дю Барнстокра уже нет, Брюн стоит за стойкой и отмеряет в высокий стакан прозрачную жидкость из квадратной бутылки, а на табурете перед стойкой восседает румяный красавец-гигант, этакий белокурый викинг в лыжном костюме, и еще возле стойки стоит, ссутулившись, маленький бесцветный человек в мохнатой дохе и длинноухой меховой шапке, с отечным неприятным лицом.

Госпожа Сневар берет инспектора за локоть и подводит к бару.

— Господа,— произносит она.— Позвольте представить вам нашего нового гостя...

— Петер Глебски,— говорит инспектор.

Белокурый гигант, широко ухмыляясь, отзывается:

— Олаф Андварафорс, к вашим услугам.

— Хинкус...— бурчит малорослый.

— Как? — переспрашивает инспектор.

— Хинкус! — пискляво орет малорослый.— Ходатай по делам несовершеннолетних! Дадут мне наконец мою бутылку? Или так и будут весь день меня знакомить? Знакомят и знакомят, то с одним, то с другим...

— Ну-ну, нечего скандалить, приятель,— добродушно произносит Олаф Андварафорс.— Извините за знакомство...

Брюн достает из-под стойки бутылку и швырком сует ее Хинкусу.

— Берите ваше пойло и скройтесь с глаз! — говорит «оно».

— Брюн! — сердито произносит госпожа Сневар.

— А чего он, на самом деле... Не умеет себя вести, так сидел бы дома, нечего по отелям разъезжать!

— Я на свои деньги разъезжаю! — вопит Хинкус.— Я не позволю всякому сопляку...

Он вдруг прерывает себя и торопливо удаляется.

— Брюн,— говорит госпожа Сневар.— Ты не смеешь так разговаривать с клиентами.

— Клиент всегда прав, не так ли? — широко ухмыляясь говорит Олаф.— Даже такой очень неприятный клиент.

— Да уж, приятного в нем мало, что и говорить,— соглашается госпожа Сневар.— Но клиент действительно всегда прав. Господин...

— Глебски,— торопливо подсказывает инспектор.

— Господин Глебски, позвольте представить вам дитя моего бедного покойного брата. Брюн, это господин Глебски, он у нас не надолго, но если ты с ним будешь обращаться, как с господином Хинкусом, он сбежит от нас еще скорее, чем собирается сейчас. Налей господину Глебски эдельвейсовой.

— Ха! — произносит Олаф.— Приятная вещь — эдельвейсовая.

Брюн, как-то зловеще улыбаясь, наливает инспектору прозрачной жидкости. Инспектор залпом выпивает, несколько секунд стоит, замерев, с раскрытым ртом и только шевелит пальцами непроизвольно протянутой руки. Брюн, уже откровенно смеясь, наливает ему содовой воды. Глебски выпивает и отдувается, вытирая глаза.

— Да, вещь,— бормочет он.— Сильная вещь...

— Я рада, что вам понравилось,— любезно говорит госпожа Сневар.— А теперь, если вы не желаете пропустить еще одну...

— Нет-нет,— поспешно говорит Глебски.— Как-нибудь потом...

— Тогда позвольте проводить вас в номер.

Глебски кивает Олафу и Брюн и вместе с госпожой Сневар начинает подниматься по лестнице на второй этаж.

— Бедное дитя в прошлом году лишилось отца,— говорит госпожа Сневар.— Учится в столице в университете, сейчас у них там каникулы, а горничная у меня взяла отпуск, вот я и пригласила Брюн сюда — помочь мне по хозяйству. Хозяйство небольшое, но одной все-таки трудно...

— А скажите,— говорит Глебски.— Он... она... Это что — мальчик или девочка?

— Не знаю,— со вздохом отвечает госпожа Сневар.— Понимаете, у нас с братом были сложные отношения, мы почти не переписывались и после войны ни разу не виделись... И Брюн я увидела впервые всего месяц назад... У меня есть, конечно, определенные догадки на этот счет, но я...

Они вступают в коридор второго этажа. В этот момент дверь в дальнем конце коридора открывается, выходит Хинкус в сво-

ей шубе, меховой шапке и с бутылкой под мышкой. Заперев дверь на ключ, мельком взглянув в сторону госпожи Сневар и инспектора, он подходит к железной лестнице, ведущей на чердак, и принимается неуклюже подниматься по ней.

— Куда это он? — осведомляется инспектор.

— На крышу,— отвечает госпожа Сневар.— Там у нас солярий. Многим нравится полежать в шезлонгах на солнышке...

Она подходит к одной из дверей, открывает ее ключом и распахивает перед инспектором.

— Надеюсь, вам здесь понравится, господин Глебски.

Глебски входит в просторный, действительно очень удобный номер, оглядывается.

— Здесь просто чудесно,— искренне говорит он.

— Ну, я очень рада. Обед у нас в три часа, а если захотите перекусить, скажите Брюн, вам приготовят бутерброды...

— Спасибо...

Госпожа Сневар, обворожительно улыбнувшись, выходит. Глебски бросает портфель на диван, подходит к окну, потягивается. И замирает, всматриваясь.

Из окна открывается чудесный вид на заснеженную равнину, но внимание инспектора привлечено другим. Солнце стоит высоко, на снегу лежит синяя тень отеля, и видна тень сидящего в шезлонге человека. Вот тень шевельнулась — появилась тень руки с бутылкой, человек на крыше основательно присосался к горлышку, затем рука с бутылкой опустилась, и тень снова застыла.

— Ай да ходатай...— бормочет Глебски.

Он смотрит на часы, задумывается на несколько секунд и выходит из номера. И остолбеневает.

Дверь номера напротив распахнута настежь, а в дверном проеме у самой притолоки, упираясь ногами в одну филенку, а спиной — в противоположную, висит молодой человек, одетый в свитер и джинсы. Поза его, при всей ее неестественности, кажется вполне непринужденной. Он глядит на Глебски сверху вниз, скалит длинные желтые зубы и отдает по-военному честь.

— Здравствуйте,— говорит Глебски, помолчав.— Вам плохо?

Незнакомец мягко спрыгивает вниз и, продолжая отдавать честь, становится во фрунт.

— Честь имею,— произносит он.— Разрешите представиться: капитан от кибернетики Симон Симонэ.

— Вольно,— говорит Глебски, протягивая руку.

Они обмениваются рукопожатием.

— Собственно, я физик,— говорит Симонэ.— Но «от кибернетики» звучит почти так же плавно, как «от инфантерии». Капитан от кибернетики! Правда, смешно?

И он разражается ужасным рыдающим ржанием.

— Очень смешно,— серьезно соглашается Глебски.— А что вы делали наверху, капитан от кибернетики?

— Тренировался. Я ведь альпинист. Но я терпеть не могу гор... холодно, скользко, снег кругом... Так что я предпочитаю вот так.

— А на лыжах?

— Избави бог! Конечно, нет!

Глебски оглядывает его.

— А лыжный костюм у вас есть?

— Конечно, есть.

— Давайте сюда. Я хочу пробежаться.

— Гм... А как вас зовут?

Инспектор представляется.

— Гм... А своего костюма у вас нет?

— Есть. Только дома.

— Слушайте, господин Глебски, плюньте вы на лыжи. Пойдемте в бильярд, а?

— Вам жалко костюма, Симонэ?

— И костюма жалко тоже... он у меня новый... А главное — какое может быть сравнение: лыжи или бильярд?

— Ну, не жадничайте. Дайте мне костюм, а в бильярд мы после обеда. Идет?

Симонэ вздыхает.

— Ладно, заходите.

Они входят в номер Симонэ — такой же уютный, как и номер инспектора. Здесь много солнца, всюду разбросаны книги и папки с рукописями, на спинку кресла небрежно брошен красивый халат.

— Только вот где он у меня? — задумчиво произносит Симонэ, оглядывая свои владения.— Ага, в чемодане...— Он ле-

зет под диван, выдвигает огромный чемодан со сложными кожаными лямками и принимается в нем рыться, не переставая болтать.— Мне эти ваши лыжи и горы ни к чему, мне прописан курс чувственных удовольствий. И я по мере сил и возможностей этим курсом следую.— Он снова разражается рыдающим хохотом.— Вот он. Пользуйтесь.— Он протягивает инспектору лыжный костюм.

— Спасибо,— говорит инспектор.

— А как вам нравится хозяйка? — вопрошает Симонэ, провожая инспектора до двери.— Ягодка, а? Есть в ней нечто такое... А?

— Несомненно,— говорит инспектор, раскрывая дверь.

— Так после обеда забьем?

— Несомненно.

Через несколько минут инспектор в лыжном костюме проходит через холл к выходу. Мельком он отмечает, что Брюн и Олаф по-прежнему располагаются по сторонам стойки и о чем-то вполголоса беседуют.

Инспектор становится на лыжи, несколько раз подпрыгивает, опираясь на палки, и с места кидается по целине размашистым финским шагом.

Проезд инспектора по сверкающему снежному полю под ослепительным солнцем — лицо у него радостно-возбужденное, сильно и ровно движутся длинные руки, выбрасывают палки, отталкиваются палками, сильно и ровно движутся ноги в скользящем неутомимом шаге...

...и перед мысленным взором его возникают и пропадают сцены из его будничной жизни, жизни заурядного полицейского чиновника, возникают и сменяются пейзажами, которые он видит сейчас, в этом захватывающем дух беге по снеговому простору.

Следственная камера, голая лампочка на шнуре, унылая морда подследственного, сидящего посереди помещения на грубой табуретке, сгорбившегося, небритого, нечистого...

...и сразу: сверкающий снег, синее небо, сизые скалы вдали...

Совещание в кабинете у начальства, густые клубы табачного дыма, утомленные лица коллег, раскрытые папки с «делами»...

...и сразу: сверкающий снег, синее небо, сизые скалы...

Тюремная камера, неопрятные нары, опухший тип в арестантском костюме слезливо оправдывается в чем-то, бьет себя кулаком в грудь, потрясает перед лицом грязными руками...

...и сразу: сверкающий снег, синее небо, сизые скалы...

Будничные сценки становятся всё бледнее, снежные пейзажи начинают просвечивать сквозь них, и вот уже не остается никаких будней, остается только снежный праздник, склоняющееся к закату солнце, потемневшие силуэты иззубренных скал на фоне темно-синего неба.

Усталый, мокрый, счастливый возвращается инспектор Глебски к отелю.

На крыльце, укутав плечи в шаль, стоит и смотрит на него с улыбкой госпожа Сневар.

— Что же это вы, господин Глебски,— говорит она,— загулялись, обед пропустили...

— Не заметил, как время пролетело...— виновато отзывается инспектор, снимает лыжи, втыкает их в снег и поднимается по ступенькам.— Ничего, перекушу чем-нибудь легоньким... Ужин, наверное, скоро уже...

Госпожа Сневар качает головой.

— Ну нет, не так уж и скоро... Пойдемте, я покормлю вас, что с вами поделаешь...

Они проходят через холл, начинают подниматься по лестнице.

— Дивно хорошо было...— говорит инспектор.— Словно молодость вернулась...

— Ну, не так уж вы и стары, господин Глебски...

— Нет, серьезно, так хорошо... Слава ложным вызовам!

Они идут по коридору. В коридоре пусто, откуда-то доносится музыка, резкие щелчки бильярдных шаров и рыдающее ржание Симонэ. Инспектор сокрушенно покачивает головой.

— И я совсем забыл, что обещал этому физику партию в бильярд после обеда!

— Не страшно,— говорит госпожа Сневар.— Он уговорил Олафа, это они с ним сейчас режутся... Идите переоденьтесь и приходите в столовую... Вон та дверь.

Инспектор открывает свою дверь, входит. Под ногами у него лежит сложенная вчетверо бумажка. Инспектор поднимает ее, разворачивает, читает вполголоса:

— «Господина полицейского извещают, что в отеле под именем Хинкус находится опасный гангстер, маньяк и убийца, известный в преступных кругах под кличкой Филин. Он вооружен и грозит смертью одному из клиентов отеля. Примите меры»...

Инспектор переворачивает листок, снова переворачивает, перечитывает про себя. Задумывается.

— Гм... Хинкус...

Подходит к окну. Тень отеля сильно удлинилась, но можно без труда рассмотреть тень человека, неподвижно сидящего в шезлонге на крыше.

— Шутники! — презрительно произносит Глебски и начинает стягивать через голову лыжную фуфайку.

Глебски, переодевшись, входит в столовую. Это сравнительно небольшая зальца, отделанная темным деревом; посередине — овальный общий стол на дюжину персон, еще два-три столика, на двоих каждый, стоят у стен под грубоватыми бра; изрядную часть площади занимает могучий буфет, где за толстыми стеклами видна старинная посуда. Рядом с буфетом имеет место приоткрытая дверь — это оттуда доносится музыка, щелканье шаров, демонический хохот и азартные выкрики.

Госпожа Сневар входит следом за Глебски с подносом, на котором сияет кофейник и возвышается грудка бутербродов на тарелке.

— Идите сюда, господин Глебски,— зовет она и ставит поднос на один из столиков у стены.— Здесь вам будет уютно.

Глебски подходит, садится за столик. Госпожа Сневар наливает кофе.

— Не откажитесь посидеть со мной,— галантно просит Глебски.

Госпожа Сневар присаживается напротив него.

— Значит, вам понравилась наша долина...— говорит она.

— Да... очень...— отзывается Глебски рассеянно, прихлебывая кофе.— Скажите, госпожа Сневар... вы говорили кому-нибудь, что я — из полиции?

— Кажется, да...— Госпожа Сневар быстро взглядывает на него.— А что? Я неправильно сделала?

— Да нет, отчего же... А кому, можете припомнить?

— Я и сама не знаю, как получилось. Перед самым обедом, когда мы накрывали на стол, Брюн сказал, что у вас выправка, как у военного. И я, не подумавши, ответила, что вы — полицейский.

— Ага... А скажите, эта... этот... гм... бедное дитя вашего покойного брата — вы не замечали, нет ли у него склонности ко всяким шуткам?

— Не понимаю...

— Ну... Не могло ли быть так, что это он... она... гм... что это оно послало за вашей подписью ложный вызов в полицию?

Госпожа Сневар делает большие глаза.

— Ну, не думаю. Зачем это ему? И потом, вы говорите, телеграмма была послана глубокой ночью... Я, конечно, еще мало знаю Брюн, но представить себе не могу, чтобы он способен был подняться из постели в час ночи только для того, чтобы устроить такую глупую шутку... Да и спит он в смежной со мной комнате, а я, помнится, очень поздно вчера читала...

— Гм... Ну, ладно. А скажите, госпожа Сневар...

В это время в столовую входит невысокий, очень толстый старик в старомодном костюме, с большой черной сигарой в зубах. Сильно хромая, опираясь на толстенную суковатую трость с набалдашником, он идет через столовую, приближаясь к столику, за которым сидят госпожа Сневар и Глебски. Госпожа Сневар поднимается.

— Позвольте познакомить вас,— произносит она.— Господин Мозес, это господин Глебски, он приехал к нам только сегодня. Господин Глебски, позвольте представить вам господина Мозеса...

Мозес подходит к столику, останавливается и, вынув изо рта сигару, несколько секунд рассматривает инспектора.

— Ага,— произносит он сипло.— Значит, вы и есть из полиции, господин Глебски?

Глебски и госпожа Сневар переглядываются.

— А позвольте осведомиться,— говорит Глебски.— Откуда вам стало известно, что я — из полиции?

— Никаких допросов, господин Глебски,— сипит Мозес.— Никаких допросов. Приятного аппетита.— Он сует в рот сигару и, усиленно ее раскуривая, удаляется и скрывается за дверью бильярдной.

Госпожа Сневар растерянно глядит на Глебски, затем садится.

— Ничего страшного,— успокаивает ее Глебски.— Видимо, это Брюн... гм... сообщило ему обо мне.

— Но это невозможно, господин Глебски! С какой стати? Насколько я знаю, Брюн к нему и близко не подходил. Он вообще только с Олафом водится, бедное дитя!

— Интересно, правда? — задумчиво произносит Глебски.— У вас здесь вообще интересная компания собралась... Мозес этот... Артист дю Барнстокр... он ведь известный иллюзионист, если я не ошибаюсь... Потом сумасшедший физик...

— Да он не сумасшедший! — со смехом говорит госпожа Сневар.— Он чудак просто и скучает очень... Он у нас живет уже почти месяц.

— И наверняка бешено за вами ухаживает, а, госпожа Сневар?

— Конечно! А почему бы и нет? Одинокий, довольно интересный, совсем еще молодой... А я...

— А вы — ягодка, госпожа Сневар!

— Оставьте, пожалуйста. Давайте я вам лучше еще кофе налью...

— Благодарю вас. Вы ведь тоже, по-моему, одинокая?

— Вдова. Уже десятый год. Алек Сневар был старше меня на тридцать лет, я была еще девчонкой сопливой, мать моя здесь поварихой служила, а он уже был взрослым человеком, подпольщиков скрывал во время оккупации...

— Ого! Героическая личность был ваш покойный муж!

— О, вы еще не знаете, какие здесь дела были! Представляете, мне пять... нет, шесть лет, сидим мы с ним в подвале и ленты пулеметные набиваем, а он мне сказки рассказывает... а в углу раненые бредят... А вы, конечно, семейный?

— В некотором смысле. Тоже вдовец, но у меня двое детей. Сын и дочка. Сын уже колледж кончил...

— В столице, наверное?

— Нет, он со мной, в Мюре... Ну, спасибо большое, госпожа Сневар. Пойду взгляну, как там идет бильярдная баталия...

— Конечно, господин Глебски...

Госпожа Сневар принимается прибирать со стола, а Глебски проходит в бильярдную.

В бильярдной полно народу. Красный и взъерошенный Симонэ жадно пьет содовую. Румяный викинг Олаф, добродушно улыбаясь, собирает на бильярдном столе шары в треугольник. На подоконнике, болтая тощими в джинсах ногами, восседает Брюн в стальной немецкой каске на голове. Рядом с нею, прислонившись к стене, изогнутой жердью торчит дю Барнстокр с рюмкой в руке. Поодаль от остальных в широком кресле располагается, широко раздвинув колени, старый Моисс — его великолепная трость прислонена сбоку к подлокотнику, сигара, сдвинутая в угол рта, усиленно дымит.

— Ага! — восклицает Симонэ при виде инспектора.— Явились, господин Глебски! Где вы пропадали? Как там мой костюм?

— Сохнет,— отзывается Глебски и, пройдя через бильярдную, усаживается в кресло у окна, где сидит Брюн.

— Значит, костюм пропал,— заключает Симонэ.— Кстати, господа, вы знаете анекдот про лыжника, который сел на кактус?

— Трепло! — изрекает Брюн.

— Оставьте, господин Симонэ! — блеет дю Барнстокр.— За короткое время нашего знакомства вы не рассказали ни одного приличного анекдота. А при этом юном существе...

Симонэ разражается рыдающим хохотом, ставит стакан на край стола и берет кий.

— Ладно, молчу,— говорит он.— Вы подождите минутку, Глебски, я сейчас быстренько управлюсь с этим вот любителем, и тогда я возьмусь за вас.

— Это будет не так скоро,— возражает Олаф, внимательно рассматривая наклейку на своем кие.— Я теперь очень точно понял, как играют в эту игру.

— Продул без единого шара восемь партий и еще на что-то надеется! — восклицает Симонэ.— Молитесь, Олаф! Сейчас я сделаю их вас бифштекс!

Олаф подходит к столу и берет кий наизготовку.

— Бифштекс — это еда,— бесстрастно заявляет он.

— Вот я и сделаю из вас еду!

Олаф поворачивает к нему голову, спрашивает озадаченно:

— Зачем?

— Чтобы съесть! — гаркает Симонэ.— Сожрать с потрохами!

— Но ужин еще через два часа,— неуверенно произносит Олаф.

Глебски мельком замечает, как Мозес берет свою трость и кладет дряблую жирную ладонь на набалдашник.

— Все-таки Олаф этот — поразительный идиот,— досадливо говорит Брюн вполголоса.— Он сегодня три часа проторчал у меня в баре, и знаете, о чем мы с ним разговаривали?

— О чем, дитя мое? — осведомляется дю Барнстокр.

— О мазях для лыж...

— Бедное дитя!

— Да уж, с вами и то интереснее, господин Брл... Барн... дю...

— Дю Барнстокр.

Олаф тщательно прицеливается кием и вдруг с треском забивает шар в лузу через все поле.

— Здорово! — громко провозглашает Брюн и сдвигает шлем на затылок.

Симонэ вытаращивает глаза.

— И вам не стоит портить аппетит бифштексами, Симон,— произносит Олаф, прицеливается и забивает еще один шар.— И вы вообще надавали здесь весьма много опрометчивых обещаний, Симон...— Еще один шар.— Вы не можете сделать из меня зайца...— Еще шар.— Вы не можете разукрасить меня, как бог черепаху...— Еще шар. Симонэ хватается за голову.— Бог вообще не красил черепах, они серые...

Он неторопливо идет вокруг стола и, не переставая говорить, забивает шар за шаром — тихие, аккуратные шары, и шары, стремительные, как выстрел, и шары, влетающие в лузы по каким-то фантастическим траекториям. И с каждым новым шаром лицо Симонэ все больше вытягивается, на треугольном личике Брюн все явственней проявляется злорадная усмешка, а жирная дряблая ладонь Мозеса все плотнее надавливает на набалдашник трости.

* * *

Ужин подходит к концу. За овальным столом собрались все, кроме Хинкуса. Госпожа Сневар сидит во главе стола между

Моссом и Симонэ, напротив нее, между Олафом и дю Барнстокром сидит Брюн (уже без шлема, но по-прежнему в огромных непроницаемых очках). Посередине, между Симонэ и Олафом, сидит Глебски, а место напротив него, хотя там поставлен прибор, пустует. Все веселы или, по крайней мере, оживлены, только Мозес жует в некоей мрачной рассеянности.

— Приезжает как-то один штабс-капитан в незнакомый город... — произносит Симонэ.

— Пощадите, господин Симонэ! — блеет дю Барнстокр.

— Чего там, пускай рассказывает,— вступается Брюн.— Валяйте, физик...

— Ну, останавливается он в гостинице,— продолжает Симонэ с энтузиазмом,— и велит позвать хозяина. А надо вам сказать, что у хозяина этого...— Симонэ вдруг замолкает и оглядывается.— Впрочем, пардон,— произносит он.— Я опять совершенно упустил из виду... Такие анекдоты в присутствии прекрасных дам...— Он кланяется госпоже Сневар, та смеется.— А также в присутствии дев... э-э... вообще юношества...— Он смотрит на Брюн.— Как-то... э-э...

— А, дурацкий анекдот! — говорит Брюн с пренебрежением.— «Все прекрасно, но не делится пополам...» Этот, что ли?

— Именно, дитя мое! — восклицает Симонэ и разражается хохотом.— Смешно, не правда ли?

— Старо и глупо,— решительно говорит Брюн.

— Делится пополам? — добродушно осведомляется Олаф.

— Не делится! — сердито поправляет Брюн.

— Ага, не делится...— озадаченно произносит Олаф.— А что именно не делится?

Брюн, разъярившись окончательно, раскрывает было рот для ответа, но дю Барнстокр делает неуловимое движение, и во рту Брюн оказывается румяное яблоко, от которого Брюн тут же сочно откусывает.

— Господа! — блеет дю Барнстокр.— А что вы скажете насчет небольшой партии в винт после ужина? Есть желающие?

Мозес впервые обнаруживает признак интереса к происходящему.

— В винт? — сипит он.— Недурная мысль. Я бы не отказался.

— Прекрасно! — говорит дю Барнстокр.

— Я! — отзывается Олаф, ослепительно улыбаясь.

— Продуетесь, Олаф,— сердито говорит Брюн.— Не знаю, как там господин Мозес, но он, видно, за себя постоит, а вас этот дю...

— Барнстокр,— подсказывает дю Барнстокр.

— Вас он обдерет как липку.

— Меня нельзя ободрать как липку,— серьезно говорит Олаф.

— Итак,— произносит дю Барнстокр,— трое есть. Кто-нибудь еще?

— Только недолго,— сипит Мозес.— Час-полтора. У меня режим.

— Конечно, конечно... Где соберемся?

— Можно прямо здесь, в столовой,— говорит госпожа Сневар.— Если угодно, я подам сюда вам из бара освежающего... А господин Хинкус, между прочим, и к ужину не спустился. Брюн, может быть, он просто забыл?

— А! — с отвращением говорит Брюн.— Ему двадцать раз было говорено. Объявил, что с крыши не сойдет, и точка... Ну, пришлось мне плюнуть и уйти...

— Нет, так нельзя,— говорит госпожа Сневар, поднимаясь.— Я все-таки пойду и попробую...

Глебски вскакивает.

— Позвольте мне,— предлагает он.— Я его приведу.

— Если вы так любезны...

Глебски выходит, поднимается по железной лестнице, толкает грубую деревянную дверь и оказывается в низком круглом павильончике, сплошь застекленном, с узкими скамейками вдоль стен. Фанерная дверь, ведущая на крышу, закрыта. Глебски тянет за ручку, слышится раздирающий скрип несмазанных петель. Дверь отворяется, и Глебски видит Хинкуса.

Лицо Хинкуса ужасно: сине-багровое в свете заходящего солнца, застывшее, с перекошенным ртом, с выкатившимися глазами. Левой рукой он придерживает на колене бутылку, правая засунута глубоко за отворот шубы.

— Это я,— осторожно произносит Глебски.— Я вас испугал?

Хинкус делает судорожное глотательное движение, затем отвечает:

— Я тут задремал... Сон какой-то поганый...

Глебски озирается. Плоская крыша покрыта толстым слоем снега. Снег вокруг павильончика утоптан, а дальше, к шезлонгу, на котором сидит Хинкус, ведет тропинка. И отсюда, с крыши, вся долина видна, как на ладони,— тихая и розовая в свете заката.

— Идите поешьте,— говорит Глебски.— Ужин кончается...

— Пусть кончается...— бормочет Хинкус.— Мне эти ваши ужины ни к чему...

Глебски выдыхает клуб пара, поеживается и оглядывает небо. Напротив зарева заката в темном небе встает из-за скалистого хребта яркая полная луна.

— Тихая ночь будет,— говорит Глебски.— Ясная.

— И хорошо, что ясная...— бормочет Хинкус. Кашляет.— Туберкулез у меня,— жалуется он.— Мне свежий воздух прописан. Круглые сутки. Все врачи говорят. И еще мясо черномясой курицы... А вы мне с ужином своим... а там у вас накурено, дышать нечем...

Хинкус замолчал, прислушиваясь. Кто-то еще поднимается по железной лестнице. Пронзительно скрипит фанерная дверь павильончика.

— Видите, еще кто-то...— начинает Глебски и осекается.

Лицо Хинкуса снова стало похоже на уродливую маску — рот перекосился, на посиневших щеках выступили капли пота. Дверь павильончика открывается, и на пороге появляется госпожа Сневар.

— Господа! — говорит она с обворожительной улыбкой.— Господин Хинкус! Ну что такое даже такая прекрасная, но холодная погода по сравнению с прекрасной и горячей пуляркой?

Глебски пристально смотрит на Хинкуса. Тот совсем ушел в воротник своей огромной шубы, только глаза поблескивают, как у тарантула в норке.

— Господин Хинкус! — продолжает хозяйка.— Пулярка изнемогает в собственном соку! Пойдемте же! А потом опять сюда вернетесь...

— Хватит! — визгливо орет Хинкус.— Провалитесь вы с вашими пулярками! Ничего не желаю! За свои деньги буду иметь, что желаю, и не ваше это дело! Понятно? Всё!

— Но, господин Хинкус...— начинает несколько испуганно хозяйка.

— Всё! Всё! Всё! — истерически кричит Хинкус.— Понятно? Всё!

Глебски берет хозяйку под руку.

— Пойдемте, госпожа Сневар,— говорит он негромко.— Пойдемте...

Они спускаются по железной лестнице — впереди Глебски, за ним хозяйка. Когда она сходит с последней ступеньки, Глебски подхватывает ее и слегка прижимает к себе. Она освобождается.

— Вот видите...— произносит она, не глядя на него.— Вот он какой...

— Да, не без странностей...

Они стоят у подножья железной лестницы. Глебски оглядывается. В коридоре пусто. Со стороны столовой доносится тихая музыка.

— У меня к вам просьба, госпожа Сневар,— говорит Глебски.

— Да?

— Я бы хотел взглянуть, что делается в номере у этого Хинкуса.

Глаза хозяйки расширяются.

— Вы думаете, что он...

— Ничего такого я не думаю,— нетерпеливо говорит Глебски.— Проводите меня. И откройте.

Роясь на ходу в кармане мехового жилета, госпожа Сневар идет в противоположный от столовой конец коридора. Глебски следует за нею. У последней двери она останавливается, молча отпирает дверь и пропускает в номер инспектора. Тот говорит:

— Входите тоже. Вы будете свидетелем.

Вид у номера нежилой, кровать не смята, пепельница пуста и чиста. Посередине на полу стоят два баула. Инспектор, присев над ними на корточки, достает из кармана пилочку для ногтей.

— Подойдите ближе,— бросает он госпоже Сневар.

Та подходит. Глебски открывает один из баулов. Баул набит рваным тряпьем, старыми газетами и мятыми журналами.

— Что это? — шепчет хозяйка.

— Это называется «фальшивый багаж»,— отзывается Глебски. Он раскрывает второй баул. Это тоже фальшивый багаж, но поверх тряпья лежат две больших обоймы для автоматического пистолета.

— Значит, вызов все-таки был не совсем ложный...— дрожащим голосом произносит хозяйка.

Глебски выщелкивает из одной обоймы несколько патронов себе на ладонь. Вглядывается.

— Что за черт...— бормочет он. Хозяйка наклоняется через его плечо.

— Похоже... Пули-то здесь серебряные!

— Д-да...— говорит Глебски.

Он заталкивает патроны обратно в обойму, кладет обойму в баул и вдруг с невнятным восклицанием извлекает из баула плоскую картонную коробку. Открывает коробку. Там, тщательно упакованные в вату, лежат несколько ампул с желтоватой жидкостью и небольшой шприц для подкожного вспрыскивания.

— Он еще и наркоман вдобавок...— с отвращением бормочет Глебски.— Морфинист, наверное...

— Разве наркоманы пьют? — наивно осведомляется хозяйка.

— Бывает,— отзывается Глебски.

Он кладет всё на место, запирает баулы и, взяв хозяйку под локоть, молча ведет к двери.

Они идут по коридору по направлению к столовой.

— Когда Хинкус прибыл сюда? — спрашивает Глебски.

— Позавчера, около полуночи...

— А кто приехал до него?

— В тот же день сначала приехал господин Мозес... перед самым ужином, а затем, почти сразу после ужина, прибыл господин дю Барнстокр.

— А за день до этого?

— Никто не приезжал. Господин Симонэ приехал около месяца назад, вот и всё.

— А кто-нибудь уезжал?

— Неделю... нет, восемь дней назад уехали две пары, они тоже пробыли здесь по месяцу примерно...

— Так...

Госпожа Сневар останавливается.

— Господин Глебски, мне страшно,— говорит она еле слышно.

— Вот тебе и на! — фальшиво-удивленным тоном восклицает Глебски.— Это вам-то, участнице Сопротивления...

— Ничего т а к о г о я не боялась и не боюсь! — произносит госпожа Сневар почти с гневом и притопывает каблучком.— Но вы же сами видели — серебряные пули!

— Что — серебряные пули?

Хозяйка не успевает ответить. Дверь столовой распахивается, и в коридор выходят сразу Олаф, Брюн и Симонэ.

— А! Вот они где! — восклицает Симонэ.— Где вы пропадали?

— Уговаривали Хинкуса,— отвечает Глебски.— Что нового?

— Олаф проигрался! — говорит Симонэ и разражается ржанием.

— Да,— серьезно подтверждает Олаф.— Я проиграл все свои деньги, которые были при мне, но в номере у меня есть еще... Я их сейчас возьму и продолжу игру.

Олаф делает неожиданный жест — мимолетно гладит Брюн по плечу — и уходит по коридору.

— Брюн,— немного резко говорит госпожа Сневар,— на твоем месте я бы давно спустилась в бар.

— Какие вы все скучные, тетка! — с сердцем огрызается Брюн.— Вот и этот физик-анекдотчик пристал, как банный лист... Иду, иду, не расстраивайтесь!

— В столовой прибрано?

— Прибрано, о прекраснейшая из хозяек отелей! — восклицает Симонэ.— Брюн руково... руководи... ло, а мы с Олафом моментально все почистили и вылизали! Так что мы все можем со спокойной совестью пойти и промочить глотки...

— Но мне надо бы...— нерешительно говорит хозяйка, однако Симонэ уже завладел ее рукой и деликатно подталкивает вслед за удаляющейся Брюн.

В баре они рассаживаются на высоких табуретках. Брюн, недовольно сжав губы, наливает им спиртное.

— Брюн, дитя мое,— взывает Симонэ.— Снимите ваши ужасные очки, ради бога!

— Зачем? — отзывается Брюн.

— Мне очень хотелось бы понять — мальчик вы или девочка?

— Идите вы — знаете куда? Лучше бы рассказали что-нибудь...

— А! — говорит Симонэ.— Мне не до рассказов. Во-первых, мои рассказы не для юношества, а во-вторых... Слушайте, Глебски! Так у нас не пойдет! Мало того, что вы лишили меня совершенно нового костюма, не хватало мне еще конкурента в виде престарелого чиновника! Что это вы липнете к госпоже Сневар?

— Господин Симонэ, прекратите,— говорит хозяйка.

— Ни за что! Слушайте, Глебски! У вас есть собачка?

— Есть,— отзывается Глебски.

— Ну, вот. Гуляйте со своей собачкой и не отбивайте у меня...

— Симонэ, думайте, что говорите! — сердито говорит Глебски.

— Виноват. Но учтите, что я четыре года без отпуска, и врачи прописали мне курс чувственных удовольствий...

— Тетка,— говорит Брюн.— Дай ему по морде.

— Действительно, господин Симонэ...— говорит хозяйка.

— Ну-ну, тихо,— произносит Глебски.— Госпожа Сневар, есть вопрос. Что вы имеете против серебряных пуль?

Воцаряется молчание. Брюн и Симонэ с недоумением смотрят на Глебски, затем переводят взгляды на госпожу Сневар.

— Это мне Алек рассказывал,— ровным голосом отвечает госпожа Сневар.— Он много бродяжничал, он знает... Оружие заряжают серебряными пулями, когда собираются стрелять по призракам[1]. Вурдалака не убьешь обычной пулей. И вервольфа... и жабью королеву... и японского лиса кицунэ... Вы уж извините, господин Глебски, но так мне говорил покойный Алек.

— Что за чушь, тетка? — морщась, осведомляется Брюн.— Какие такие серебряные пули?

— А я вспомнил,— объявляет Симонэ.— Действительно, знаменитого вурдалака Дракулу расстреляли именно серебряными пулями. А что, у нас завелись вурдалаки?

---

[1] Осмелюсь добавить: не просто серебряными, а из освященного серебра. Сейчас вся история с серебряными пулями кажется совершенно банальной, но помню, как поражала эта идея в 1970-м: зарядить серебряными пулями современное автоматическое оружие.— *В. Д.*

— Нет,— говорит Глебски.— Но у нас завелись серебряные пули.

Слышатся голоса, и по лестнице спускаются рука об руку Мозес и дю Барнстокр. Мозес спускается с трудом, опираясь на трость и переставляя ноги со ступеньки на ступеньку[1].

— Вам не следовало выявлять масть, господин Мозес! — говорит дю Барнстокр.— Вы слишком рано ее выявили...

— Закончили, слава богу,— произносит Брюн.

— Надо пойти прибрать,— произносит хозяйка и взбегает по лестнице.

— Ну, как? — осведомляется Симонэ. Дю Барнстокр взмахивает рукой.

— Дорогой Симонэ! — восклицает он.— Я отмстил за ваше бильярдное поражение! Победа, слава, богатство! Таков всегдашний удел дю Барнстокров! А сейчас я выпью за свою победу... Вы не желаете, господин Мозес?

Мозес, с неизменной сигарой в зубах, отрицательно трясет головой и проходит через холл к двери, закрытой портьерой.

— Куда это он? — с любопытством спрашивает Глебски.

— Там номер люкс,— механически отзывается Брюн. Затем осклабляется.— Для богатых клиентов, три комнаты и прочее, не для вас, господин...

— Глебски,— поспешно говорит инспектор.

— Рюмку кюрасо, Брюн, дитя мое,— произносит дю Барнстокр,— и я пойду спать.

Брюн наливает рюмку, оглядывает Глебски и Симонэ и говорит:

— Ну, вот что, господа. Бар закрывается. Если хотите чего, говорите, я ухожу...

— Бутылочку бренди, очаровательн... э-э... если можно,— говорит Симонэ.

— Благодарю, дитя мое,— произносит дю Барнстокр и уходит к лестнице.

---

[1] Спускаться с лестницы, переставляя ноги со ступеньки на ступеньку,— весьма распространенный способ, я тоже обычно так поступаю.— *В. Д.*

Брюн достает из-под стойки бутылку, швырком подает Симонэ и, заперев кассовый ящик, молча уходит за дю Барнстоком.

Симонэ берет бутылку, смотрит на свет.

— Вы еще не хотите спать, Глебски? — осведомляется он.

— Да нет, я еще посидел бы...

— Тогда передвинемся за столик. Возьмите рюмки...

Они усаживаются за столик в глубине холла.

— Значит, Олафа ободрали,— говорит Симонэ, наполняя рюмки.— Бедняга... Впрочем, хитрец. Как он притворялся, что не умеет катать шары! Классически! А потом, когда ставки поднялись до предела... и я сам, дурак, их поднял... он раскрылся! Вы видели, Глебски?

— Видел. Он вам не дал ни одного удара сделать...

— Да. А теперь мои денежки в кармане этого фокусника... Ну, не обидно ли?

Глебски задумчиво поднимает к губам рюмку, и в этот момент пол вздрагивает, жалобно звякают оконные стекла и бутылки в баре, и слышится отдаленный мощный гул.

— Ого! — говорит Симонэ.— А ведь это обвал в горах. И недалеко!

Грохот затихает, и где-то наверху громко хлопает дверь.

— Здесь часто это бывает? — осведомляется Глебски.

— Два раза за месяц, что я здесь,— отвечает Симонэ.— Это уже третий...

По лестнице, стуча каблуками, сбегает Брюн.

— Дитя мое! — взывает Симонэ.— Присоединитесь! По рюмочке!

— Идите вы к черту! — зло откликается Брюн и исчезает за портьерой, где находится контора, в которую заходил давеча Глебски.

— Невоспитанное существо,— замечает Симонэ.

— А чего вы к нему... к ней пристаете? — лениво говорит Глебски.

— Никак не могу понять: она это или он? — говорит Симонэ.

— Это имеет значение?

— В известном смысле — да.

— В смысле чувственных удовольствий?

Симонэ разражается своеобычным ржанием. По лестнице озабоченно спускается госпожа Сневар. Она проходит за портьеру — видимо, в контору.

— А вы что,— говорит Глебски,— действительно ухлестываете за хозяйкой?

— Разумеется. Какой же уважающий себя физик отказался бы...

— Ваше дело швах, Симонэ,— говорит Глебски.

— Почему это?

— У вас никаких шансов.

— Это почему же?.. А-а! Ну, господин Глебски, вы — ходок! Уже успели? Я, можно сказать, тружусь месяц...

Портьера распахивается, выходит очень озабоченная госпожа Сневар. Она оглядывает холл, замечает Симонэ и Глебски, идет к ним.

— Несчастье, господа,— говорит она и садится. Симонэ немедленно придвигает к ней рюмку.— Связи с городом нет. Это значит, что обвалом засыпало дорогу и забило ущелье. Нас откопают не раньше, чем через неделю...

— Рация у вас есть? — осведомляется Глебски.

— Нет.

— Превосходно! — восклицает Симонэ.— Необитаемый остров!

— Так-то оно так...— неуверенно говорит Глебски.

— Не беспокойтесь,— быстро говорит хозяйка.— Связи нет, но все остальное есть в избытке. Продукты, напитки...

— А если захотим разнообразить меню,— подхватывает Симонэ,— бросим жребий... Нет! Съедим этого... как его... Хинкуса! А?

Он снова разражается ржанием. Глебски напряженно думает. Хозяйка пристально смотрит на него.

И в эту минуту на лестнице появляется дю Барнстокр. Он в роскошном халате, расшитом золотом, лицо у него смущенное и растерянное, он спускается по ступенькам, зябко потирая руки.

— Я прошу прощения, господа,— растерянно блеет он.— Видите ли, меня разбудило странное сотрясение, и потом хлопнула...

— Обвал в горах, господин дю Барнстокр,— говорит хозяйка.

— Ступайте сюда, волшебник! — весело кричит Симонэ.— Здесь, правда, не кюрасо, а всего лишь бренди...

— Нет-нет, господа,— говорит дю Барнстокр.— Я хотел только сказать... Может быть, это чепуха... Но видите ли, когда все затряслось, и хлопнула чья-то дверь, я как-то встревожился, вышел в коридор...

Глебски порывисто поднимается с места.

— Ну? — говорит он.— Что?

— Я не знаю,— бормочет дю Барнстокр.— Конечно, может быть, это чепуха... но из-под двери номера десятого так дует...

— Десятого? — Глебски поворачивается к хозяйке.— Там кто?

— Господин Андварафорс...— опережает хозяйку дю Барнстокр.— Я постучал к нему... Дверь заперта, изнутри причем... и он не отзывается...

— Ну и что? — глупо спрашивает Симонэ.

— Ключ! — бросает Глебски хозяйке.— Черт... Неужели...

Госпожа Сневар протягивает Глебски ключ.

— Я просто подумал...— бормочет дю Барнстокр.— Это сотрясение и... возможно, несчастье...

Глебски хватает ключ и устремляется мимо дю Барнстокра вверх по лестнице. Все следуют за ним.

У двери номера десятого Глебски принимается возиться, освобождая замочную скважину от ключа, торчащего изнутри. Госпожа Сневар, Симонэ и дю Барнстокр стоят у него за спиной.

— Какого черта, Глебски! — ворчит Симонэ.— Вы уверены, что имеете право...

— Заткнитесь,— цедит Глебски сквозь зубы.— Я из полиции...

Симонэ и дю Барнстокр с мистическим ужасом взглядывают на госпожу Сневар. Та только молча кивает.

Освободив путь для своего ключа, Глебски отпирает и распахивает дверь. Прямо у порога лежит ничком человек. Света в номере нет, и видны только его гигантские подошвы.

Глебски зажигает свет. Все ахают. Перед ними лежит Олаф Андварафорс. Он явно и безнадежно мертв. Руки его вытянуты и лежат на небольшом чемоданчике. Окно настежь распахнуто, покрывало на постели смято.

— Боже мой...— бормочет дю Барнстокр.

— Что с ним? — дрожащим голосом спрашивает хозяйка.

— Мертв,— отзывается Глебски.— Возможно, задушен. Или...— Он наклоняется и ощупывает тело.— Не знаю... Всем оставаться в коридоре! Не сметь входить!

Он перешагивает через тело, обходит комнату и выглядывает в окно. На карнизах лежит нетронутый снег, внизу под окном не видно никаких следов. Недлинная тень отеля лежит на снегу от лунного света, и отчетливо видна тень человека, сидящего на крыше.

— Так,— говорит Глебски.— Стоять у порога и не двигаться, слышите? Я сейчас...

Он выскакивает в коридор, подбегает к железной лестнице и карабкается вверх. В павильончике рывком распахивает фанерную дверь.

Все залито лунным светом. Хинкус сидит в прежней позе, нахохлившись, уйдя головой в воротник, сунув руки в рукава.

— Хинкус! — гаркает Глебски.

Хинкус не шевелится. Глебски подбегает к нему, хватает за плечо, трясет. Хинкус как-то странно оседает и валится набок.

— Хинкус! — растерянно повторяет Глебски, непроизвольно подхватывая его.

Шуба раскрывается, из нее вываливаются комья снега, падает меховая шапка. Хинкуса нет, есть только снежное чучело, облаченное в шубу и шапку Хинкуса. Глебски хватает горсть снега, яростно растирает лицо и озирается. На крыше множество следов — то ли здесь боролись, то ли собирали снег для чучела.

Глебски с нарочитой неторопливостью спускается в коридор и идет к группке людей, тесно сжавшейся у распахнутых дверей в номер умершего Олафа Андварафорса.

— Так,— говорит он.— У кого есть оружие?

Симонэ пожимает плечами. Дю Барнстокр разводит руки.

— Оружие есть,— чуть помедлив, говорит госпожа Сневар.

— Револьвер?

— И револьвер,— произносит она, чуть усмехаясь,— и кое-что посерьезней, если понадобится...

— Госпожа Сневар,— нетерпеливо говорит Глебски.— Возьмите револьвер и сядьте в холле... Есть еще выходы из отеля, кроме как через холл?

— Есть через кухню, но там дверь заперта.

— Сядьте в холле с револьвером. Если кто-нибудь попытается выйти, задержите. В случае надобности стреляйте.

— Господи! — бормочет дю Барнстокр.

— Вы, господин дю Барнстокр, ступайте в свой номер, запритесь и никого не впускайте. Откликайтесь только на мой голос. Понятно?

— Понятно,— одними губами шепчет дю Барнстокр.

Госпожа Сневар круто поворачивается и уходит. Дю Барнстокр открывает дверь на противоположной стороне коридора, скрывается за нею и щелкает ключом.

— Остаюсь один я,— говорит Симонэ.

— Правильно. Помогите мне.

Вдвоем они входят в номер Олафа. Глебски внимательно осматривает труп.

— Помогите перевернуть,— говорит он.

Вместе с Симонэ они переворачивают труп на спину. Симонэ издает невнятное восклицание. Под трупом обнаруживается огромный черный автоматический пистолет. Глебски берет пистолет, вынимает обойму и выщелкивает на ладонь патрон.

— Правильно,— бормочет он.— То же самое. Серебряные пули.

— Что за бред? — раздраженно говорит Симонэ.— Что вы прицепились к этим серебряным пулям? В чем дело?

Глебски серьезно смотрит на него.

— Вы же слышали, что говорила госпожа Сневар,— говорит он.— Серебряными пулями убивают вурдалаков.

Симонэ молча машет рукой и вытирает ладонью пот со лба. Глебски засовывает патрон обратно в обойму, вставляет обойму в рукоять пистолета и прячет пистолет в карман. Затем наклоняется и внимательно осматривает труп «с лица».

— Никаких ранений,— говорит он, выпрямляясь.— Что скажете, Симонэ?

— Он весь как каменный,— неохотно бормочет Симонэ.— Словно его всего судорогой свело... Надо же! Всего два часа назад играл в карты...

— А еще раньше выиграл у вас на бильярде...

— Дурная шутка, Глебски,— неприязненно ворчит Симонэ.— И потом, я все это время пил с вами в баре...

— Да, я пошутил, извините...— рассеянно произносит Глебски, оглядывая комнату.

— Как же все-таки он умер? — говорит Симонэ.— Ранений нет... знаков на теле никаких... Может быть, ему незаметно впрыснули яд? Знаете, шприцем... Подкрались и впрыснули... Такое ведь бывает...

Глебски молча смотрит на него, затем на труп. Перед его мысленным взглядом встает коробочка, выстланная ватой, шприц, ампулы с желтоватой жидкостью.

— Да, бывает,— говорит он.— Ну-ка, посмотрим, что у него в этом чемоданчике...

Он берет чемоданчик, кладет на стол и раскрывает. В чемоданчике, занимая весь его объем, помещается какой-то прибор — черная металлическая коробка с шероховатой поверхностью, какие-то разноцветные кнопки, стеклянные окошечки, никелированные верньеры.

— Видно, это по вашей части, господин физик,— говорит Глебски.— Ну-ка, взгляните, что это, по-вашему?

Симонэ быстро оглядывает прибор, осторожно извлекает его из чемодана и, посвистывая сквозь зубы, принимается рассматривать его со всех сторон. Затем он взвешивает его на руках и так же осторожно вкладывает его обратно в чемоданчик.

— Не моя область,— говорит он.— Судя по тому, как это компактно и добротно сделано, это либо военное, либо космическое... Даже догадаться не могу. И у кого, надо же! У Олафа! У этакой дубины... Впрочем, пардон... Я, конечно, могу понажимать клавиши и покрутить ручки, но предупреждаю — это весьма нездоровое занятие...

— Не надо,— говорит Глебски и закрывает чемодан.— Закройте окно и пошли...

Симонэ тщательно закрывает окно. Они выходят. Глебски с чемоданчиком в руке сбегает первым по лестнице в холл. Там,

у столика рядом с входной дверью, сидит госпожа Сневар. На столике перед нею лежит немецкая армейская винтовка, ствол ее направлен на лестницу. Глебски подходит к хозяйке.

— Госпожа Сневар,— говорит он.— У вас, если не ошибаюсь, в конторе есть сейф...

— Есть...— отзывается госпожа Сневар, поднимаясь.

— Дайте ключ от сейфа.

Госпожа Сневар сует руку в карман безрукавки, молча протягивает инспектору ключ. Симонэ ворчит:

— Что-то вы много на себя берете, господин полицейский...

— Это не ваше дело, господин Симонэ! — резко обрывает его госпожа Сневар.

— Нет, почему же...— говорит Глебски.— Понимаете, Симонэ, я приехал сюда по вызову... меня послали, потому что я подвернулся начальству под руку. А на самом деле — я простой чиновник, моя специальность — подлоги и хищения. Я никогда не имел дела с такими происшествиями, как убийство, насилие... И я буду вам очень благодарен, если вы, господин Симонэ, будете всюду сопровождать меня и наблюдать за моим поведением, чтобы потом, в случае надобности, показать в должных инстанциях...

— А, да провалитесь вы! — раздраженно говорит Симонэ.— Я ведь понимаю в этих делах еще меньше...

— Но вы не отказываетесь?

— Конечно, нет. Как добрый гражданин республики и все такое прочее... Куда теперь? В контору?

Глебски берет руку госпожи Сневар и, наклонившись, целует ее.

— Извините,— говорит он.— Да, Симонэ. В контору.

Они проходят через дверь, закрытую портьерой, по темному коридору и входят в контору. Глебски открывает ключом дверцу сейфа, ставит на полку чемоданчик покойного Олафа и захлопывает дверцу.

— Вот так,— произносит он,— А теперь, раз уж вы согласились быть моим свидетелем... вы еще не раздумали, Симонэ?

— Я буду следить за вами во все глаза.

— Тогда пошли. Посмотрим, что делается в этом богоспасаемом доме и немножко подумаем.

Они выходят в холл, поднимаются по лестнице, идут по коридору и останавливаются перед дверью в номер Хинкуса.

— Держитесь позади меня...— вполголоса произносит Глебски и толкает дверь.

Дверь открывается. Глебски зажигает свет. Ничего не изменилось в помещении с тех пор, как Глебски приходил сюда с госпожой Сневар. По-прежнему нежилой вид, по-прежнему стоят на полу посередине два закрытых баула. Глебски, пользуясь пилкой для ногтей, открывает один из них. Симонэ, увидев пистолетные обоймы, тихо присвистывает. Инспектор, все так же молча, берет картонную коробку и раскрывает ее. При виде шприца и ампул Симонэ присвистывает второй раз. Затем протягивает руку, берет одну из ампул и осматривает.

— Ну? — спрашивает Глебски.

— По-моему...— неуверенно говорит Симонэ.— Знаете, Глебски, это никакой не яд. Конечно, поручиться я не могу, я не аптекарь, но случайно я видел точно такие же ампулы... Это морфий.

Глебски кивает и, положив коробочку на место, закрывает баул.

— Пошли ко мне,— говорит он.— Надобно подумать, пораскинуть мозгами, Симонэ.

Они выходят в коридор и идут к номеру Глебски.

— Странно все это,— задумчиво говорит Симонэ.— Ведь это были обоймы к тому пистолету?

— Ага,— отзывается Глебски.— И тоже с серебряными пулями.

— Значит, пистолет принадлежал Хинкусу?

— Похоже на то...

Инспектор отпирает дверь своего номера, пропускает вперед Симонэ и входит следом за ним. Зажигает свет. И сейчас же оба замирают на месте. Где-то, совсем рядом, раздается мягкий стук, кто-то возится и сопит.

Глебски выхватывает пистолет, отпихивает Симонэ в угол и бросается в ванную. Симонэ бросается за ним. Щелчок выключателя...

В ванне, в страшно неудобной позе, обмотанный веревками и с кляпом во рту, лежит, скорчившись в три погибели, ганг-

...тер и ходатай по делам несовершеннолетних Хинкус и таращит на Глебски и Симонэ слезящиеся мученические глаза.

Глебски с Симонэ вытаскивают его из ванны, переносят в комнату, и Глебски вырывает у него изо рта кляп.

— Что это значит? — рявкает он.

В ответ на это Хинкус принимается кашлять. Он кашляет долго, с надрывом, с сопением, а тем временем Глебски и Симонэ торопливо освобождают его от веревок. Бормоча ругательства, Хинкус ощупывает шею, запястья, бока.

— Кто это вас? — опрашивает Глебски.

— Почем я знаю? — плаксиво отзывается Хинкус. Задремал в... там, на крыше... Вдруг схватили, скрутили... я и охнуть не успел...— Он поднимает левую руку и отгибает рукав.— А, черт... Часы раздавил, сволочь... Сколько сейчас, не скажете?

— Около одиннадцати.

— Около оди...— Хинкус вскакивает, озирается.— А где... Послушайте, это же не мой номер!

— Да, это мой номер,— говорит Глебски.

— Понятно... Ладно, пойду я тогда...

Глебски легким толчком усаживает его снова.

— Нет, Хинкус. Погодите. Сначала несколько вопросов.

— Подите вы! — визжит Хинкус.— Сначала чуть не убили, теперь с вопросами какими-то лезут... Пустите меня!

Он опять пытается встать, но Глебски прочно держит его за плечо.

— Сидите, Хинкус! — рычит он.— Сидите, вам говорят!

— Да кто вы такой, чтобы мной распоряжаться? — визжит Хинкус.

— Господин Глебски — полицейский инспектор,— веско произносит Симонэ.— Не валяйте дурака, Хинкус.

Несколько секунд длится молчание. Хинкус, приоткрыв рот, с ужасом смотрит на Глебски.

— А я...— бормочет он наконец,— я ничего такого... Меня самого чуть не прикончили... сами видите...

— Кто? — жестко спрашивает Глебски.

— Что — кто?

— Кто вас чуть не прикончил?

— Не знаю... Как бог свят — не знаю!

— Врете!

— Точно — не знаю! Я задремал... Вдруг схватили, скрутили...

— Не ври, Филин!

Снова секундное молчание. И вдруг Хинкус дико взвизгивает, валится на пол и принимается кататься по ковру, колотя себя кулаками по голове.

— Отпустите меня! — визжит он.— За что вы меня? Отпустите! Я подохну сейчас! Подохну! Подохну! Меня убьют! Убьют!

— Кто? — кричит Глебски, наклоняясь над ним.— Кто тебя убьет, Филин? Говори!

Хинкус умолкает и, сжавшись в комок, трясется мелкой дрожью.

— Ладно, Филин,— говорит Глебски.— Вставай. Ступай к себе. Поговорим потом.

Сморкаясь и всхлипывая, Хинкус поднимается на ноги, бредет к двери и выходит в коридор. Глебски и Симонэ следуют за ним. Войдя в свой номер, Хинкус набрасывается на один из своих баулов, раскрывает его и хватает знакомую нам картонную коробку. Затем, не стесняясь присутствием Глебски и Симонэ (или попросту не замечая их), спускает штаны, ломает наконечник у одной из ампул, набирает желтоватой жидкости в цилиндрик шприца и вонзает шприц в правую ляжку. На лице его, истасканном и измятом, с еще не высохшими слезами недавней истерики, появляется выражение крайнего блаженства.

Симонэ сплевывает с отвращением. Инспектор выводит его из номера Хинкуса, закрывает дверь и запирает ее ключом снаружи.

Они медленно идут по пустому коридору.

— Ничего не понимаю...— бормочет Глебски.

— Да, дело запутанное,— сочувственно произносит Симонэ.— Этот Хинкус...

— Нет, тут не в Хинкусе дело,— нетерпеливо перебивает Глебски.— То есть Хинкус, конечно, тип подозрительный, мы им еще займемся, но к смерти Олафа он явно отношения не имеет.

— Почему вы так думаете?

— Да это очень просто. Если принять, что часы Хинкусу раздавили, когда связывали его, то это произошло примерно в

половине девятого... Большая стрелка там, правда, отвалилась, но маленькая остановилась между восемью и девятью...

— Вот так штука! А я и не догадался поглядеть...

— Вот. А в это время Олаф еще дулся с Мозесом и фокусником в карты. Он тогда еще был жив. А когда он умирал... или его убивали... Хинкус валялся у меня в ванной.

— Тогда кто же...

— Я и говорю, что ничего не понимаю. Кто связал Хинкуса? Кто убил Олафа? А тут еще серебряные пули эти... И этот ложный вызов, который, оказывается, совсем не ложный, вернее, не совсем ложный...

— Какой вызов?

— Кто-то передал отсюда по телефону телеграмму в нашу мюрскую полицию от имени госпожи Сневар...

— Так вы приехали по вызову?

— Да.

— Понятно... Постойте, Глебски!..— Симонэ останавливается и хватает инспектора за рукав.— Я вспомнил!

— Что?

— Когда же это было... М-м... Я околачивался возле бара, ждал эту... это... ну, Брюн я ждал, хотелось пропустить рюмочку, а в это время Хинкус звонил в Мюр по таксофону... Теперь я все понял! Конечно же, он диктовал телеграмму! Правда, я тогда особого внимания не обратил... увидел я его тогда впервые в жизни... но запомнились мне такие слова: «Жду, поторопитесь...»

— Когда это было?

— Сегодня утром, перед завтраком...

— Не получается...— произносит Глебски.— Вызов был послан прошлой ночью... Но все равно, интересно. Значит, Хинкус кого-то ждет.

— Если обвал забил дорогу, ждать ему придется долго...

— И на том спасибо.

— Что вы имеете в виду?

— Хинкус — это Филин. Гангстер. Кого он может, по-вашему, ждать?

— Гм... Да, пожалуй... Погодите, Глебски. Давайте пока оставим этого типа и попробуем рассуждать методически...

— Давайте.

— Значит, как все было? Мы сидели в баре и трепались. Четверо. Хозяйка, вы, Брюн и я. Так? Про серебряные пули, про вурдалаков, про всякую такую чушь. Затем, где-то около десяти, в холл спустились старики... Мозес и дю Барнстокр. То есть карточная игра у них закончилась. Надо понимать, Олаф пошел прямо к себе, Мозес тоже прямо к себе, а дю Барнстокр решил пропустить рюмку кюрасо... Пока все правильно. Так?

— Так.

— Затем дю Барнстокр удаляется к себе наверх, а следом за ним удирает наверх Брюн... Так?

— Постойте, постойте, Симонэ... Затем происходит обвал...

— ...и через минуту Брюн возвращается,— подхватывает Симонэ,— неделикатно посылает меня к черту...

— Подождите, Симонэ...— медленно, прикрыв глаза, произносит Глебски.— Вспомните: гул обвала, затем тишина... и наверху как будто хлопнула дверь! Дверь! Чья дверь? Кто хлопнул дверью? Хинкус сидит связанный у меня в ванной, дю Барнстокр уже у себя в номере, Олаф тоже у себя... и Брюн! Вы молодчина, Симонэ! Как это я не обратил внимания? Пошли!

Они почти бегом устремляются к лестнице и спускаются в холл. Госпожа Сневар с удивлением и любопытством смотрит на них.

— Госпожа Сневар,— говорит Глебски казенным голосом.— Мне совершенно необходимо немедленно поговорить с вашей... с вашим племянником. С Брюн.

— С Брюн? Но бедное дитя спит...

— Почти уверен, что не спит. А если и спит, то придется его... ее... разбудить. Кстати, вы сообщили ему... ей... про смерть Олафа?

— Нет, конечно...

— Прекрасно. Пойдемте. Симонэ, сделайте одолжение, посторожите тут, пока мы не вернемся...

Госпожа Сневар поднимается. Лицо ее выражает испуг и беспокойство. Симонэ молча занимает ее место возле винтовки.

— Но вы уверены...— нерешительно произносит хозяйка.

— Это совершенно необходимо,— твердо говорит Глебски.

Они идут за портьеру, вступают в коридор и останавливаются перед дверью напротив двери в контору. Госпожа Сневар легонько стучит. Ответа нет. Госпожа Сневар оглядывается на Глебски и стучит громче.

— Кто там? — откликается сонный басок.

— Это я...

— Ты, тетка? Чего тебе?

— Открой, пожалуйста...

— Входи, не заперто...

Глебски отстраняет хозяйку и рывком распахивает дверь. Комната погружена в полумрак, светит только ночник.

— Кто это? — слышится от постели испуганный голос.

— Зажгите свет!

В постели происходит какое-то движение, затем щелкает выключатель. Вспыхивают лампы торшера. Брюн, в огромных черных очках, в пижаме, с растрепанной прической, восседает на пуховиках.

— Какого дьявола?..— яростно осведомляется «оно».— Что вам здесь нужно среди ночи? Тетка, что это за новости?

— Брюн, дитя мое,— дрожащим голосом произносит хозяйка,— Господин инспектор настоял...

Глебски подходит к постели.

— Снимите очки! — приказывает он.

— Еще чего...

Глебски протягивает руку и срывает очки. Конечно, это девушка, и премиленькая, с припухшими со сна глазами.

— Чего вы хамите? — кричит она.— Отдайте очки! Фараон чертов!

— Брюн, дитя мое...— плачущим голосом бормочет госпожа Сневар.

— Так,— говорит Глебски.— Слушать меня! Быстро и немедленно говорите: когда и где вы расстались с Олафом? Живо!

— С каким еще Олафом? Отдайте очки!

— Олаф убит, и вы — последний человек, кто видел его живым. Когда это было? Где? Живо! Ну?

Брюн отшатывается и, словно защищаясь, вытягивает перед собой руки ладонями вперед.

— Неправда...— шепчет она.— Это неправда... Не может быть!

— Давеча, около десяти, вы закрыли бар и отправились — куда?

— К-куда?

— Да, куда вы отправились, когда закрыли бар?

— Я... Я поднялась наверх... Я забыла в столовой книжку...

Инспектор качает головой.

— Попробуйте еще раз.

— Это правда!

— Так. Вы пошли в столовую и взяли книжку. Так?

— Т-так...

— Врете. Когда вы спускались по лестнице, никакой книжки у вас не было. Говорите правду.

— Брюн, деточка! — чуть ли не со слезами говорит хозяйка.— Не запирайся, говори все, как было...

— Что вы ко мне пристали? — истерически визжит Брюн.— Никому никакого дела нет, где я была и с кем ходила! Не желаю говорить! Ну, Олаф убит, а я тут при чем? Оставьте меня! Оставьте!

— Молчать, скверная девчонка! — гаркает инспектор.— Говори все немедленно, как на духу! Если будешь лгать и отпираться, я надену на тебя наручники и отправлю в тюрьму! Дело идет об убийстве! Ты это понимаешь?

Некоторое время Брюн молчит. Она сидит, съежившись, натянув одеяло до подбородка. Затем опускает голову и закрывает лицо руками. Говорит шепотом:

— Ладно. Все скажу. Он мне сразу понравился, как только приехал. И я ему тоже. Он сразу понял, что я не мальчишка. Он добрый был, сильный... Глупый, конечно, до невозможности... Но так даже лучше было... Мы еще до ужина сговорились, что я к нему приду... когда все угомонятся... Я сама так захотела, хотя он меня отговаривал...

— Брюн, ох, Брюн...— стонет госпожа Сневар.

— Он согласился, чтобы я пришла в полночь, но я не вытерпела... Увидела, что они играть кончили, и сразу пошла... Тихонько открыла дверь и вошла...

— Дальше,— говорит Глебски.

— Он был там в темноте... Стоял у раскрытого окна... Очень холодно было у него... Я ему говорю: зачем окно раскрыл, холодно ведь... Он еще постоял молча спиной ко мне, расставив руки крестом, а потом повернулся и подошел... и обнял меня, весь холодный от мороза...

— Дальше, дальше,— торопливо говорит Глебски.

— Ну и вот... Вдруг раздался грохот, и я сказала: слушай, это лавина! И тут он схватился за голову, будто что-то вспомнил, снова бросился к окну, но сейчас же вернулся, схватил меня за плечо и выбросил в коридор. Я чуть не растянулась... И дверью хлопнул и на ключ заперся... И всё. Я разозлилась ужасно... пошла к себе и сразу завалилась спать...

— Так,— произносит Глебски.— Он бросился к окну... Может быть, кто-нибудь позвал его снаружи?

— Нет. Я не слышала.

— А в коридоре вы никого не видели?

— Никого.

Пауза.

— Больше вы ничего не можете мне сообщить?

Брюн трясет головой. Глебски поднимается.

— Ладно,— говорит он.— Пока на этом закончим. Вы понимаете, конечно, что вам придется повторить этот рассказ, когда начнется официальное следствие. Покойной ночи.

Он выходит, оставив госпожу Сневар с племянницей. В холле он садится рядом с Симонэ и некоторое время молчит. Симонэ терпеливо ждет.

— Теперь я уже вообще ничего не понимаю,— говорит Глебски.— Девчонка, конечно, говорит правду...

— Так это все-таки девчонка?

— Угу... У нее с Олафом был романчик, она к нему заявилась, и он ее почему-то выставил... Да мне и раньше было ясно, что она к убийству не причастна, иначе почему номер Олафа был заперт изнутри?

— Слушайте, Глебски...— начинает Симонэ и останавливается.

— Ну?

— А почему мы, собственно, так уверены, что имело место убийство? Почему именно убийство?

Инспектор с интересом смотрит на него.

— А вы что предлагаете?

— Конкретно я ничего не могу предложить... Имеет место мертвое тело со свернутой шеей и вывернутыми руками. Так? Но мы ведь не врачи! А может быть, у него был приступ... или еще что-то в этом роде... Вот ведь вы говорите, что он выставил девушку... Должна же быть причина, по которой здоровенный парень, кровь с молоком, отказывается вдруг от... гм... ну, вы понимаете...

— Понимаю,— уныло соглашается Глебски.— И мы, конечно, не врачи... Но сопоставьте все остальное. Ложный вызов. Присутствие по соседству гангстера. Пистолет. И тут же — труп.

Некоторое время они молчат. В холл выходит госпожа Сневар, приближается к столику и останавливается, глядя на Глебски сверху вниз. Глебски поднимает голову.

— Ну, как она?

— Немного успокоилась. Вы не сердитесь, господин Глебски, за нашу маленькую мистификацию... ну, по поводу того, что мальчик она или девушка...

— Да я не сержусь. В конце концов, какое мне дело, всяк по-своему с ума сходит...

— Понимаете, она как приехала, так сразу наказала мне скрывать.

— Ладно, ладно. Не имеет значения... Ну, что же, друзья мои, идите-ка вы спать, а я уж здесь подежурю... А завтра с утра снова за дело возьмемся.

Симонэ поднимается.

— Действительно,— произносит он.— Пойду посплю. Спокойной ночи, Глебски. До свидания, госпожа Сневар.

Он уходит и начинает медленно подниматься по лестнице. Госпожа Сневар еще стоит некоторое время, глядя на инспектора, затем поворачивается и быстро уходит за портьеру.

* * *

Ночь. Тишина царит в отеле «У Алека Сневара». В холле спит, растянувшись в кресле, полицейский инспектор Глебски. И на столике перед ним лежит немецкая армейская вин-

товка, и тускло отсвечивает под лампами потолочной люстры вороненый зловещий ствол.

Тикают ручные часики инспектора — показывают без четверти час. Пальцы инспектора беспокойно вздрагивают — как будто ловят и никак не могут поймать преступника. И снится ему далекое прошлое, герои которого — настоящие, герои трагедии, которая столь загадочно разыгралась перед полицейским инспектором за последние сутки...

Инспектор в полной своей полицейской форме сидит в окопе, а на него, размалывая гусеницами проволочные заграждения, движется танк, украшенный ненавистным черным крестом. Танк надвигается на инспектора, а в руке у инспектора — превосходная, испытанная противотанковая граната, и он прикидывает ее перед броском, прилаживает перед броском в руке, а танк все надвигается, и инспектор — нет, он уже просто солдат в пропотевшей куртке, в круглой каске — отводит руку перед броском, как вдруг появляется госпожа Сневар, хватает его за руку и кричит: «Что вы делаете? Разве вы не знаете, что против вурдалаков годятся только серебряные пули?» И инспектор пытается оттолкнуть ее и кричит физику Симонэ: «Я же должен убить эту машину! Помоги!» А Симонэ, отвернувшись, бормочет: «А откуда мы взяли, что здесь — убийство?» А танк все ближе и ближе, и уже виден в раскрытом люке злорадно ухмыляющийся лик Хинкуса, а госпожа Сневар крепко держит его руку с гранатой и кричит: «Мое бедное дитя!..» И инспектор просыпается.

Медленно, совсем медленно он поднимает веки. И видит: тихонько отодвигается портьера напротив входа в коридорчик, где контора и жилища хозяйки и Брюн, портьера, за которой имеют место апартаменты «люкс», которые снимает старый чудак Мозес.

Инспектор, чуть приподняв веки, глядит, как из-за портьеры выходит на цыпочках, нащупывая перед собой путь толстой суковатой тростью, старый Мозес. Все очень странно, как во сне. Мозес одет в мохнатый меховой комбинезон, длинные уши меховой шапки свисают чуть ли не до колен, и он сгорблен, словно пригнут к земле чудовищной тяжестью, и он всем телом опирается на толстую суковатую трость и через каждые три-

четыре шага останавливается и отдыхает, шумно вдыхая и выдыхая воздух.

А Глебски следит сквозь приспущенные веки. Мозес оглядывается на него, рассматривает его устало-внимательно, затем начинает подниматься по лестнице.

А Глебски следит. И рука его непроизвольно извлекает из брючного кармана огромный автоматический пистолет. И ствол пистолета без звука ложится на край стола. А старый Мозес, сопя и задыхаясь, опираясь на чудовищную трость, продолжает подниматься по лестнице, а кругом тишина, ни звука, кроме сопения и одышки старого Мозеса. И когда Мозес, поднявшись до лестничной площадки, исчезает из виду, Глебски кошкой бесшумно вскакивает на ноги и огромными прыжками, без единого звука, взлетает вверх по ступенькам. На площадке он останавливается и тихонько выглядывает в коридор, держа пистолет наготове.

Мозес стоит перед дверью покойника Олафа Андварафорса. Низенький, тучный, поникший, он стоит, приподняв трость, словно только что стучал ею в дверь. Потом опускает трость и берется за ручку двери. И тогда инспектор выходит в коридор.

— Господин Мозес! — негромко окликает он.— Вы интересуетесь Олафом?

Мозес медленно поворачивается к нему, все его движения вообще замедленные и неуверенные.

— Я? — произносит он.— Да. Пожалуй, я очень интересуюсь Олафом Андварафорсом. Вы тоже?

Инспектор засовывает пистолет в карман, подходит ближе.

— Я тоже,— говорит он.— Но я хотел бы знать: зачем вам нужен Олаф? Разве вы знакомы с ним?

— Знаком? Я бы не сказал. А вам есть до этого дело?

— Представьте себе, есть.

— Не понимаю.

— Олаф Андварафорс мертв.

Пауза.

— Мертв,— говорит Мозес. В голосе его нет ни удивления, ни страха, ни горя.— Он мертв. Хорошо. Я хочу его видеть.

— Зачем?

— Зачем вам знать?

— Затем, что я — полицейский. Олаф Андварафорс мертв, и мне надо знать, кто и почему им интересуется. Вы его знали?

— Это неправильный вопрос. И этот вопрос не нужен. Я хочу его видеть.

— Кого?

— Олафа.

— Он мертв, я вам говорю. Зачем...

— Я уже слышал. Я хочу видеть Олафа.

— Вы хотите опознать труп? Так я вас понял?

— Да. Опознать. Я хочу. Мне надо его видеть. Мертв — очень необыкновенно. Я хочу видеть, что это не есть Олаф Андварафорс. Что это есть другой.

— Почему вы думаете, что это — другой? — быстро спрашивает инспектор.

— А вы почему думаете, что это — Олаф Андварафорс? — возражает Мозес.

Несколько секунд Глебски молча смотрит на него, затем достает ключ, отпирает дверь и распахивает ее перед Мозесом.

— Прошу,— приглашает он.

Мозес неуверенно входит, Глебски входит следом и включает свет. Мозес молча смотрит на мертвеца. На лице его ни страха, ни брезгливости, ни благоговения. Оно выражает только бесконечную усталость и равнодушие.

— Ну? — говорит Глебски.

— Да,— отзывается Мозес.— Это на самом деле Олаф Андварафорс. Я удивлен.

— Что? — сейчас же спрашивает Глебски.— Что вас удивило?

— Вот это...— неопределенно отвечает Мозес. Он озирается, затем ковыляющей походкой идет по номеру, словно бы ища чего-то. Глебски напряженно следит за ним.— Да, это на самом деле Олаф Андварафорс,— повторяет механически Мозес.— Это неприятно. Но это исправимо...

— Вы что-нибудь ищете? — вкрадчиво осведомляется Глебски.

— У Олафа Андварафорса должен быть чемодан. Где он?

— Вы ищете его чемодан? А что в нем?

— Где он?

— Чемодан у меня,— говорит Глебски.

— Это хорошо,— говорит Мозес.— Я хочу, чтобы он был здесь. Принесите.

Глебски кивает.

— Хорошо,— говорит он.— Но сначала вы ответите мне на мои вопросы.

— Отнюдь,— возражает Мозес.— Я не стану отвечать на ваши вопросы. Давайте сюда чемодан.

— А почему, собственно, я должен отдать вам чемодан Олафа? Разве он ваш?

— Мой,— говорит Мозес.— Если говорить точно, это мой чемодан.

— Докажите,— предлагает Глебски.

Мозес молчит.

— Докажите, что чемодан принадлежит вам, и я вам его отдам. Ну, например, что в нем?

Мозес медленно качает головой.

— Не надо,— бормочет он.— Не хочу. Я очень устал. Мне надо лечь.

Тяжело и часто дыша, он выходит из номера, грузный, обмякший, какой-то жалкий и нелепый в меховом комбинезоне и длинноухой шапке, выходит, хромая, опираясь на свою толстенную трость. Глебски молча выходит следом, запирает дверь и, сдерживая шаг, спускается за Мозесом по лестнице в холл.

В холле, возле столика с винтовкой, сидит, кутаясь в халатик, госпожа Сневар с распущенными волосами, в больших расшитых шлепанцах на голых ногах. Мозес, не глядя на нее, проходит и скрывается за своей портьерой. Глебски садится рядом с госпожой Сневар.

— Вы чего не спите? — спрашивает он.

— Не знаю... Не могу...— отвечает она.— Что это вы делали с господином Мозесом? Я вышла, смотрю — нет никого... Даже испугалась немного...

— Мозес был связан с Олафом,— говорит Глебски.— Все это до неприятности странно.

— Да, странно...— Госпожа Сневар кладет руку на руку инспектора.— Вам нужно быть очень осторожным, господин Глебски... Было бы ужасно, если бы с вами что-нибудь случилось...

— Вы думаете, что-нибудь еще может случиться?

— Кто его знает... У меня из ума не идут эти серебряные пули.

— Да, вот... Мало нам хлопот, а тут еще и серебряные пули... Понимаете, госпожа Сневар...

— Зовите меня просто — Кайса,— просит госпожа Сневар.

— Ладно,— улыбается Глебски.— А вы меня тогда — просто Петер. Так вот, понимаете, Кайса, вурдалаки и всякие там привидения — это всё скорее по ведомству церкви, а не полиции... Не знаю, что и подумать...

— А пистолет, который вы нашли, он Хинкусу принадлежит?

— Почти наверняка. Хинкус и есть наш охотник за вурдалаками. Кстати, тоже вопрос: как пистолет Хинкуса попал к Олафу? Конечно, очень возможно, что это Олаф скрутил Хинкуса. Парень он был здоровенный, а Хинкус — мозгляк мозгляком. Но зачем? Вообще-то покойник был глуп, как пень, если верить вашей племяннице... У дураков бывает странное понятие о юморе... А тогда что у нас получается? — Некоторое время Глебски размышляет. Затем произносит со вздохом: — Ничего у нас не получается. Каша какая-то... Мозес, Хинкус... Как неудачно с этим обвалом! Сейчас позвонить бы в Мюр, прислали бы сюда специалистов, медицинского эксперта...

Госпожа Сневар придвигается к инспектору и тихонько кладет голову ему на плечо. В эту минуту портьера раздвигается, и в холл снова выходит Мозес, теперь уже в обычном своем старомодном костюме. Госпожа Сневар поспешно отодвигается от Глебски. Мозес, опираясь на трость, подходит к столику.

— Один небольшой, но важный разговор,— объясняет он.

— В чем дело? — осведомляется Глебски.— Вы готовы отвечать на мои вопросы?

— Не надо никаких вопросов,— говорит Мозес.— Надо быстро убрать из отеля чемодан. Это не чемодан. Это футляр. Внутри футляра прибор. Олаф умер от этого прибора. Это очень опасный прибор — угроза для всех. Олаф дурак — он умер. Мы умные — мы не умрем. Скорее давайте чемодан.

— Так,— говорит Глебски.— Хорошо. Я вам дам чемодан. Что вы станете с ним делать?

— Увезу прибор подальше. Попробую разрядить.

— Прекрасно,— говорит Глебски и поднимается.— У меня есть машина. Поехали вместе.— Он делает шаг к двери.— Ну? Что же вы стоите?

Мозес молчит.

— Не годится,— произносит он наконец.— Попробуем по-другому.— Он лезет за пазуху и достает из внутреннего кармана толстенную пачку банкнот.— Я даю вам деньги, много денег. А вы даете мне чемодан.— Он кладет деньги на столик.

— Сколько здесь? — спрашивает Глебски.

— Мало? Тогда вот еще.— Он лезет в боковой карман, достает еще одну такую же пачку и кладет рядом с первой.— Теперь хватит, мне кажется...

— Господи...— ошеломленно шепчет хозяйка.

— Сколько здесь денег? — снова спрашивает Глебски, повысив голос.

— Я не считал, но все они ваши,— отвечает Мозес.

— Ах, не считали... Ладно, посчитаем сами. Эти деньги я конфискую, Мозес. Госпожа Сневар, вы свидетель: попытка подкупа.

Он берет обе пачки и, сложив их в одну, взвешивает на ладони.

— Так вы взяли деньги? — оживляется Мозес.— Давайте скорее чемодан.

— Деньги я конфисковал,— поправляет Глебски.

— Конфисковали, и бог с вами. Где чемодан?

— Вы что — не знаете, что такое «конфисковать»?

Пауза.

— Значит, чемодан вы не отдадите...— произносит Мозес.

— Только в том случае, если вы ответите...

— Нет.

Мозес поворачивается и, волоча ноги, сильно хромая, уходит за свою портьеру. Глебски и госпожа Сневар глядят ему вслед.

— Бедный...— бормочет госпожа Сневар.

— Что? — не сразу отзывается Глебски. Он глядит на пачки денег.— Ничего себе — бедный... Здесь, наверное, тысяч сто...

— И это всё за чемоданчик Олафа... Неужели он столько стоит?

— Наверное, гораздо больше... А это всё мы сейчас пересчитаем, и я спрячу в сейф...

Они принимаются считать деньги.

— А все-таки мне его почему-то очень жалко...— произносит госпожа Сневар.— Весь он какой-то больной и одинокий...

Глебски молчит. Он считает банкноты, шевеля губами и изредка слюня пальцы.

* * *

Утреннее солнце ярким светом заливает столовую. В столовой пока только Глебски и Брюн. Глебски сидит за общим столом лицом к входной двери, лицо его сильно осунулось, но гладко выбрито, волосы влажны после душа и аккуратно причесаны. Брюн, по-прежнему в огромных черных очках и по-прежнему с нахально задранным носом, ходит вокруг стола и расставляет приборы. На Глебски она старается не смотреть.

Часы бьют девять, и в столовую входит Симонэ — в толстом пестром свитере, тоже свежевыбритый, но с помятой физиономией.

— Привет, Брюн! — жизнерадостно здоровается он и усаживается рядом с инспектором.— Ну и ночка, друзья мои! Я и пяти часов не проспал, честное слово. Нервы разгулялись. Все время чудится, будто мертвечинкой тянет по дому...

— Приятного аппетита,— неприязненно говорит Глебски.

— Пардон...— говорит Симонэ. Он тянется к блюду с сэндвичами, шевелит над ним пальцами, но, так ничего и не взяв, убирает руку.— Как, Глебски, нашли еще что-нибудь?

— Сто шестнадцать тысяч двести восемьдесят пять крон,— мрачно отвечает Глебски.

Симонэ присвистывает, а Брюн впервые коротко взглядывает на Глебски.

— У кого? — спрашивает Симонэ.— Неужто у Хинкуса?

— Нет, не у Хинкуса... Кстати,— инспектор лезет в карман за ключами, выбирает один и протягивает Симонэ.— Не сочтите за труд, отоприте этого сукина сына, пусть идет завтракать.

— Ага,— говорит Симонэ.— Сию минуту.

Он вскакивает, устремляется к двери и, едва не столкнувшись с входящим дю Барнстокром, вылетает в коридор. Дю

Барнстокр, как всегда элегантный и прилизанный, потирая ладошки, приближается к столу.

— Добрый день, господин Глебски,— блеет он.— Доброе утро, дитя мое... Разрешите присоединиться?

Он усаживается напротив Глебски, наливает себе кофе со сливками и выбирает бутерброд.

— Ничего нового, господин Глебски? — робко осведомляется он.

Инспектор мотает головой. Дю Барнстокр вздыхает и принимается за еду. Возвращается Симонэ, бросает перед инспектором ключ и сообщает:

— Сейчас придет...

Брюн тоже садится и, ни на кого не глядя, начинает завтракать.

— Коньяку бы сейчас выпить...— понизив голос, произносит Симонэ.— Но ведь неприлично, наверное... Или ничего? А, Глебски?

Глебски пожимает плечами и берется за кофейник.

— Нет, я бы выпил рюмку,— уже громче говорит Симонэ.— Как вы полагаете, Брюн?

Брюн молча поднимается, достает из буфета початую бутылку и рюмку, с треском ставит перед Симонэ и возвращается на свое место.

— Спасибо, дорогая,— растроганно бормочет Симонэ и наполняет рюмку.— Разодолжили...

— Гм...— произносит дю Барнстокр.— А где же наша прелестная хозяйка?

Ему не отвечают.

— И господина Мозеса что-то не видно...— упавшим голосом говорит дю Барнстокр и замолкает.

Дверь приоткрывается, и в столовую осторожно протискивается Хинкус. Старательно глядя себе под ноги, он семенит вокруг стола, усаживается рядом с Глебски, поднимает глаза и вдруг замирает, приоткрыв рот. С совершенно обалделым видом глядит он на дю Барнстокра, затем на лице его явственно проступает радость, и он совершенно по-детски улыбается во весь рот.

Глебски сбоку пристально рассматривает его.

— Как ваше драгоценное самочувствие, господин Хинкус? — любезно осведомляется дю Барнстокр.

— Я-то себя ничего чувствую,— каким-то сдавленным голосом отзывается Хинкус.— А вот вы-то как себя чувствуете?

Дю Барнстокр в изумлении откидывается на спинку стула.

— Я? Благодарю вас...— Он глядит на Глебски, на Симонэ и снова обращает взгляд на Хинкуса.— Может быть, я как-то задел, затронул... В таком случае, я приношу...

— Не выгорело дельце! — говорит Хинкус, с остервенением запихивая себе за ворот салфетку.— Сорвалось, а, старина?

Симонэ, Глебски и Брюн смотрят попеременно то на него, то на дю Барнстокра.

— Право, я боюсь...— жалобно блеет старый фокусник.— Я имел в виду исключительно ваше самочувствие...

— Ладно, замнем для ясности...— ответствует Хинкус и запихивает в рот угол сэндвича.

— А хамить-то не надо бы! — говорит вдруг Брюн.

Хинкус коротко взглядывает на нее и сейчас же опускает глаза.

— Брюн, дитя мое...— говорит дю Барнстокр.

— Р-распетушился! — продолжает Брюн, постукивая ножом о тарелку.— Пьянствовать меньше надо!

— Господа! — умоляюще блеет дю Барнстокр.— Господин Хинкус, на мировую!

Он протягивает через стол длинную руку, и в ней вдруг возникает чудесная горная фиалка. Хинкус отшатывается и вскакивает, уронив стул.

— Но-но! — злобно и испуганно шипит он.— Не смейте со мной эти ваши штучки! Знаем мы вас!..

— Сядьте, Хинкус,— ровным голосом произносит Глебски.— Ешьте и молчите.

Хинкус садится. Дю Барнстокр роняет фиалку и, сгорбившись, берется за свою чашку.

— Это так понятно...— бормочет он.— Нервы у всех напряжены... Такое несчастье...

— Кстати,— четко и раздельно говорит Глебски.— Не все еще осведомлены. Вчера вечером произошел обвал, лавина разрушила телефонные провода и, скорее всего, завалила дорогу. Мы все временно отрезаны от внешнего мира...

— Какой такой обвал? — изумленно вопрошает Хинкус, обводя всех круглыми глазами.— Что за чертовщина?

— Далее,— продолжает Глебски.— По моим сведениям какие-то типы избрали этот отель местом для сведения своих личных счетов. Предупреждаю, что два часа назад я воспользовался любезностью госпожи Сневар и отправил с почтовым голубем донесение в окружную полицию. Полицейский вертолет должен быть здесь с часу на час. И я предлагаю вышеупомянутым типам прекратить преступную деятельность, дабы не ухудшать своего и без того безнадежного положения. Благодарю за внимание.

Наступает молчание. Все украдкой переглядываются. Затем дю Барнстокр поднимается, коротко кланяется и выходит из столовой. Поднимается и Симонэ, вопросительно глядит на Глебски.

— Ступайте вниз и подмените госпожу Сневар,— негромко говорит тот.— И пусть она узнает, как себя чувствует Мозес.

Симонэ кивает и выходит. Хинкус, дожевывая, утирается салфеткой, тупо глядя перед собой. Затем он делает движение, чтобы подняться тоже, но Глебски останавливает его.

— Подождите, Хинкус. Нам надо поговорить.

— Это насчет чего? — угрюмо осведомляется Хинкус.

— Да насчет всего.

— Не о чем нам говорить. Ничего я по этому делу не знаю.

— А это мы сейчас увидим. Пойдемте-ка в бильярдную...

Они идут к двери в бильярдную, Брюн, прибирая со стола, глядит им вслед огромными слепыми окулярами. Глебски распахивает дверь, пропуская Хинкуса вперед. Здесь все тоже залито ярким солнечным светом. Хинкус входит и останавливается на жарких солнечных квадратах, засунув руки в карманы и жуя спичку. Инспектор берет у стены стул, ставит на самое солнце и говорит: «Сядьте». Хинкус садится и сразу прикрывается рукой — солнце бьет ему прямо в лицо.

— Полицейские штучки...— произносит он с горечью.

— Служба такая,— отзывается Глебски и присаживается в тени на край бильярдного стола перед Хинкусом.— Ну, Хинкус, так что там у вас произошло с дю Барнстокром?

— С каким еще Барнстокром? Я его и знать не знаю...

— Это вы тоже не знаете? — Глебски вынимает пистолет, показывает и кладет на бильярд рядом с собой.

Хинкус быстрым движением губ и языка перебрасывает спичку из одного угла рта в другой.

— Ничего я про эти ваши дела не знаю,— ворчит он.— А вот точно знаю, что жалобу на вас подам — за истязание больного человека.

— Хватит болтать, Филин! — гаркает Глебски.— Ты гангстер! Тебя разыскивает полиция! Ты влип, Филин! Твои ребята не поспели, потому что случился обвал! А полиция будет здесь самое большее через два часа! И если ты хочешь отделаться семьдесят второй статьей, тяни на пункт «п» — чистосердечное признание до начала официального следствия! Понял, какая картинка?

Хинкус выплевывает изжеванную спичку, копается в карманах и извлекает смятую пачку сигарет. Подносит пачку ко рту, вытягивает губами сигарету и задумывается. Глебски сидит перед ним на бильярдном столе, свесив одну ногу, а другой упираясь в пол, курит и, зло усмехаясь, следит за струйками дыма в солнечном свете.

И тут Хинкус вдруг нырком наклоняется вперед, хватает его за свисающую ногу, изо всех сил дергает на себя и поворачивает. Глебски сносит с бильярда, и он всем своим весом, плашмя, физиономией, животом, коленями грохается об пол.

Хинкус кошкой бросается к бильярду и тянется к пистолету, но в этот момент сзади на него, занося для удара тяжелый кий, набегает Брюн. Толстый конец кия со всего размаха с треском обрушивается Хинкусу на макушку. Охнув и схватившись за голову, Хинкус валится на Глебски.

Некоторое время они лежат неподвижно. Затем Глебски, застонав, приподнимается, сваливает с себя бесчувственное тело Хинкуса и садится, прислонившись спиной к ножке бильярдного стола. Медленно, с усилием разлепляет веки. Брюн стоит перед ним, не сводя черных окуляров с Хинкуса и держа кий наготове.

— Здорово...— бормочет Глебски.— Молодцом, девочка...

— Тетка прислала меня сказать, что Мозесу совсем плохо, и еще она велела спросить, не надо ли вам чего из бара...

— Надо,— говорит Глебски.— Обязательно надо. Там коньяку не осталось? Симонэ не всё вылакал?

— Сейчас взгляну. Вы уже в порядке?

Глебски смотрит на Хинкуса. Тот валяется рядом, скорчившись, обхватив голову руками.

— В порядке. Не беспокойся.

— Бандит, сволочь,— произносит Брюн и выходит.

Глебски пытается поднять правую руку, морщится и достает левой рукой из правого кармана носовой платок. Промакивает ссадину на лбу. Хинкус стонет, ворочается, пытается сесть.

Возвращается Брюн с коньяком и стаканом.

— Подай воды, пожалуйста,— просит Глебски.

Брюн берет с подоконника графин и подает ему. Глебски льет из графина воду на Хинкуса. Тот рычит и отрывает руки от макушки.

— Я не перестаралась? — озабоченно спрашивает Брюн.

— Ничего, детка, все будет в порядке. Сейчас мы его живо приведем в порядок.

Глебски наливает в стакан коньяк, разжимает Хинкусу рот и вливает ему в глотку половину. Хинкус кашляет и плюется. Глебски пьет прямо из горлышка, ставит бутылку на пол и принимается хлестать Хинкуса по щекам. Хинкус открывает глаза и принимается громко дышать.

— Еще коньяку? — спрашивает Глебски.

— Да...— сипло выдыхает Хинкус.

Глебски протягивает ему стакан. Хинкус залпом допивает остатки, облизывается и произносит:

— Так что вы там говорили насчет семьдесят второй статьи, пункт «п»?

— Чистосердечного признания пока еще не было,— напоминает Глебски.

— Сейчас будет...— сипит Хинкус.— Вот только отдышусь немного. Все сейчас будет.

— Брюн,— говорит Глебски.— Быстренько сбегай за Симонэ, пусть немедленно идет сюда...

Брюн выскакивает из бильярдной. Глебски ощупывает себе рот.

— Подонок...— ворчит он.— Ты мне два зуба расшатал, подлец. Ну, смотри мне, если будешь врать... Признавайся, Олафа ты прикончил?

— Да ну что вы... Когда бы я мог? Я его вчера и не видел почти!

— Ну, а если ты его не вчера? Порошочек какой-нибудь ему подсыпал, понюхать дал чего-нибудь... или укольчик... У тебя ведь шприц есть.

— Да когда же...

— А ты его чем-нибудь таким... замедленного действия...

— Как бог свят! — честно тараща глаза, говорит Хинкус.— Я по мокрым делам вообще никогда...

В бильярдную почти бегом врывается Симонэ, за ним по пятам — госпожа Сневар и Брюн. Глебски, кряхтя, поднимается на ноги и стоит, опершись на бильярдный стол. Госпожа Сневар подбегает к нему.

— Что случилось, Петер? — почти кричит она.— Вы ранены? Этот негодяй ранил вас?

— Ерунда,— отвечает Глебски.— Царапина и ушибы...

— Я перевяжу вас...

Глебски отстраняет ее.

— Потом. Что с Мозесом?

— Мозесу очень плохо, он не может встать...

— Кайса, будь умницей, ступай к нему...

— Но ведь ты...

— Ступай, тебе говорят!

Госпожа Сневар, опустив голову, покорно выходит. Брюн хихикает. Симонэ с бесконечным изумлением смотрит на Глебски.

— Ну-ну-ну...— бормочет он.— Вот так полиция у нас нынче пошла!

— Хватит болтовней заниматься,— сердито говорит Глебски. Он берет со стола пистолет и засовывает в карман.— Я не для того вас позвал, Симонэ. Слушайте, что будет рассказывать этот бандит, и запоминайте...

Хинкус по-прежнему сидит на полу.

— Но семьдесят вторую «п» вы мне обещаете? Вот в присутствии этого химика-физика... и вот еще свидетель... Обещаете?

— Дурак! — с сердцем произносит Глебски.— Ты же не впервой по судам... Как я могу обещать? Короче, не тяни, выкладывай!

— Значит, так...— начинает Хинкус.— Меня намылил сюда Чемпион. Слыхали про Чемпиона? Еще бы не слыхать... Так вот, полгода назад пригребся в нашу компанию один тип. Звали его у нас Вельзевулом. Откуда он взялся, кто такой — про то, может, один только Чемпион и знает, но работал он самые трудные и неподъемные дела. Например, работал он Второй Национальный банк — помните? Потом задрал броневик с золотыми слитками... Очень красиво работал, чисто, но вдруг, видно, решил завязать. Почему — не знаю, я ведь человек маленький, но слыхал я, что Вельзевул поцапался с самим Чемпионом и рванул когти... да еще половину добычи с собой увел. Вот Чемпион и намылил нас по всем семи дорогам, кого куда, ему наперехлест. Приказ нам был такой: кто его засечет, пусть возьмет на мушку и свистнет Чемпиона. Награда была обещана, конечно. Ну, мне повезло. Уж как он старался — и обличье менял, и глаза мне отводил, а оторваться не смог. У Филина глаз острый, сквозь землю на аршин видит... Позапрошлым вечером я его здесь настиг. И сразу утром — телеграмму Чемпиону: так, мол, и так, птичка в клетке. Вот и все мое чистосердечное признание.

— Гм...— произносит Глебски.— И кто же у нас в отеле Вельзевул?

— Ясно кто — Барнстокр этот, под фокусника работает... Дурак, фокусами этими он себя и выдал...

— А Олаф? Он тоже из вашей шайки?

Хинкус трясет головой.

— Нет, шеф. Про Олафа я ничего не знаю. Он вчера утром сюда пригребся, и тогда я его впервые в жизни увидел. И я его, конечно, пальцем не трогал. Но, между прочим, и не Вельзевул это. Он бы на мокрое дело тоже нипочем не пошел. У него зарок такой: не убивать. У него тогда вся чародейская сила пропадет, если он живую душу загубит...

— Постой, постой... Какая еще чародейская сила?

— Ха! — говорит Хинкус.— Вельзевул — это же не простой вам человек! Он ведь колдун, оборотень, ему чары всякие подвластны...

— Понес, понес! — предостерегающе произносит Глебски.

— Конечно, кто не видел, тот не поверит. Но он, во-первых, любой облик принимать может. Я вот, пока гонялся, сто потов с меня сошло... Теперь второе: я своими глазами видел, как он сейф в две тонны весом по карнизу нес...

— Филин, Филин!

— Что, не верите? — Хинкус криво усмехается.— А как броневик с золотом был взят? Подошел человек, голыми руками перевернул броневик на бок, и пошло дело... Да вы сами, небось, знаете, протокольчики читали...

Хинкус замолкает на несколько секунд, затем, не дождавшись реплики Глебски, продолжает:

— Теперь хоть такую штуку возьмите. Вот сейчас я вас, извините, как ребенка положил, шеф, а ведь вы мужчина рослый, умелый... Сами посудите, кто ж это меня мог таким манером скрутить и к вам в ванну засунуть? Хоть бы и сзади подкравшись, врасплох, а это какую же силу надо иметь, чтобы я и пикнуть не успел и не пошевелился? Не-ет, такое простому человеку не под силу. Такое только Вельзевул может...

— Кстати, что ты там на крыше делал?

— Как — что? Следил, чтобы он не смылся, ежели догадается... С крыши ведь все на десять километров вокруг видно, живьем бы я его ни за что не выпустил. Пули у меня серебряные, это для них, оборотней, самая смерть...

— Стоп, Филин. Оставим это. Объясни мне лучше, почему он тебя просто не шлепнул.

— Так я же вам говорю: нельзя ему людей убивать, нельзя! Это же все знают! Господи, да кто бы осмелился его выслеживать, кабы не это?

— Пусть так. А почему же он не смылся, когда тебя связал?

Хинкус качает головой.

— Не знаю. Тут я уже ни черта не понимаю. Как вы меня тогда развязали, я уверен был: выпустил я его, открутит мне теперь Чемпион башку. А нынче за завтраком смотрю — он здесь! Не знаю... Может быть, дорогу завалило? Так ведь этому колдуну завал разобрать — раз плюнуть...

— Каким образом? — спрашивает вдруг Симонэ.

— Что?

— Ну, как он может разобрать завал?

— Обыкновенно, как бульдозер... Как он подкоп под банк делал... Только дым шел! Он и на человека-то был тогда не похож — паук какой-то, а то и рак...

— Ничего себе — фокусник...— тихонько говорит Брюн.

— Ну, хорошо...— произносит Глебски и не без труда поднимается.— Что же мы имеем?

— Врет он все! — выпаливает Брюн.— Чепуха все это — про дю Барл... Бран... Никакой он не вурдалак и не оборотень, я его знаю, еще в прошлом году на его представлении была... Он вам здесь заливает, а вы уши развесили...

— Я? — визжит Хинкус.— Вру?

— Молчите, Хинкус,— говорит Глебски.— Хинкус не врет, Брюн. Он просто все перепутал. Выследил он не дю Барнстокра, а Мозеса.

— Как так? — вскидывается Хинкус.

— Да так, Филин. Гнался ты за Мозесом, но между Мозесом и тобой в отель приехал дю Барнстокр. И ты его принял за Вельзевула.

Глаза Хинкуса вылезают из орбит.

— Как... Как же так?

— А вот так. Но не об этом сейчас речь. Чемпион должен был приехать один?

— Нет...— бормочет совершенно подавленный Хинкус.— При нем всегда трое...

— Что он собирался сделать с Вельзевулом?

— Шлепнуть...— бормочет Хинкус.— От Чемпиона не завяжешь... И молитесь все, чтобы полиция вперед него успела! — с тоской, едва не плача, говорит он.— Потому что он всех вас шлепнет, он свидетелей не любит! И меня с вами заодно...

— Ладно, вставай,— говорит Глебски.— Пойдем, я тебя где-нибудь запру.

Хинкус со стоном поднимается, держась за голову. Симонэ, кусая ногти, невидяще глядит на него. Брюн стоит, держа кий наперевес, словно копье.

— Вот это уже настоящая жизнь...— негромко говорит она.

* * *

В холле, у известного нам столика (винтовка стоит на полу, прислоненная к спинке кресла), госпожа Сневар ловко и быстро перевязывает инспектору голову. Брюн расхаживает по холлу, ссутулившись и заложив руки за спину. Она без очков, очки торчат из нагрудного кармана ее джинсовой курточки. Глебски делает движение правым плечом и морщится.

— Больно? — с беспокойством спрашивает госпожа Сневар.

— Рука... Эта скотина сломала мне ключицу, кажется...

Из-за портьеры, ведущей в коридор, где помещается контора, выходит Симонэ, кладет перед Глебски ключ.

— Запер,— говорит он.

Глебски сует ключ в карман.

— Еще немного, и у меня соберутся все ключи в отеле...— ворчит он.— Кстати, где дю Барнстокр?

— У себя, наверное,— отвечает Симонэ.

— Надо бы поставить кого-нибудь на крышу... следить за небом...

— Слушайте, госпожа Сневар,— говорит Симонэ.— Ведь Глебски наврал насчет почтовых голубей?

Госпожа Симонэ не отвечает. Она заканчивает перевязку и прячет оставшиеся бинты в санитарную сумочку.

— Конечно, наврал,— говорит Глебски.— Надо же мне было расколоть этого мерзавца... Ждать сюда мы можем только Чемпиона...

— Но ведь дорога завалена...— неуверенно возражает Симонэ.

— А вы думаете, вертолеты есть только у полиции? — усмехается Глебски.— Нет, Симонэ, надо готовиться к драке... Кайса,— обращается он к госпоже Сневар.— Помнится, ты говорила, что есть у тебя на случай надобности что-то посерьезнее револьверов...

— Есть, Петер,— отвечает госпожа Сневар, преданно глядя на инспектора.— Есть. А как же... Принести?

— Принеси...

— Брюн, дитя мое...— произносит госпожа Сневар.— Идем, помоги мне, пожалуйста...

Брюн, не говоря ни слова, присоединяется к тетке, и они уходят за портьеру. Симонэ, кусая ноготь, смотрит на Глебски.

— Что ж, драться так драться,— произносит он.— Чем не чувственное удовольствие! Хотя, если говорить откровенно, я...

— А к вам у меня просьба, Симонэ,— прерывает его Глебски.— Я останусь здесь — что-то неважно себя чувствую... а вы ступайте к Мозесу и сообщите ему, что он арестован по подозрению в ограблении Второго Национального... ну, вы сами слышали, что говорил тот подонок...

— Но Кайса... госпожа Сневар говорила, что Мозес болен...— нерешительно произносит Симонэ.

— Меня интересует, что он скажет на это. И не мнитесь, Симонэ, все мы сейчас в одной галоше и в случае чего пойдем ко дну все вместе...

Симонэ кивает и угодит за портьеру к Мозесу. Глебски откидывается на спинку кресла и закрывает глаза.

Слышатся приближающиеся шаги... металлическое побрякивание... Глебски, не раскрывая глаз, морщит нос и принюхивается. Ладонь госпожи Сневар мягко касается его щеки.

— Ты заснул, Петер? — тихонько спрашивает ее голос. Глебски раскрывает глаза, секунду сидит в прежней расслабленной позе, затем резко выпрямляется.

— Ого! — произносит он.

На столике перед ним, блестя и лоснясь от смазки, стоит, упираясь в полированную столешницу концом приклада и двумя сошками, черный ручной пулемет немецкого образца.

— Хорош...— с уважением говорит Глебски.

Госпожа Сневар гордо улыбается. Брюн, ухмыляясь во весь рот, снимает с плеча длинную пулеметную ленту и с лязгом складывает ее на ковер рядом со столиком.

— Откуда это здесь? — спрашивает Глебски.

— Покойный Алек хранил со старых времен,— объясняет госпожа Сневар.— Так это и осталось в подвале...

— Надо бы тебя за незаконное хранение...— говорит Глебски.

— Фараон, как есть фараон! — восклицает Брюн.— Что ты в нем нашла, тетка?

Глебски неловко, едва двигая поврежденной рукой, оттягивает рукоять затвора, щелкает курком, откидывает крышку магазина.

— Да, в полном порядке...— бормочет он.

И тут к столику подходит и останавливается над ним Симонэ. Он странно строг и решителен, и что-то торжественное видно в его осанке, в выражении лица, в руках даже, плотно прижатых к бокам.

— Глебски,— говорит он.— Послушайте, Глебски...

Глебски поднимает голову.

— В чем дело?

— Глебски, вы должны меня выслушать...— говорит Симонэ и поворачивается к госпоже Сневар и к Брюн.— И вы тоже должны выслушать, что я сейчас скажу...

Глебски поднимается.

— Что такое? Мозес умер?

Симонэ отчаянно мотает головой.

— Нет. Нет, Глебски! Все гораздо... Только я прошу верить мне!

— Да говорите же! — рявкает Глебски.— Какая муха вас укусила?

— Дело в том, господа,— неожиданно спокойно произносит Симонэ,— что Мозес... и Олаф тоже — это не люди.

Воцаряется молчание.

— Так,— говорит тупо Глебски.— Не люди. А кто же? Оборотни?

— Они не люди, господа. Это пришельцы с другой планеты.

— Во дает! — вполголоса произносит Брюн.— Аж глаза белые...

— Собственно, пришелец — это Мозес. Он попал в ужасное положение, и мы должны... обязаны помочь ему! Вы слышите, Глебски? Мы обязаны! Ему очень плохо!

— Симонэ, вы сошли с ума,— холодно говорит Глебски.

— Я знал, что вы мне не поверите...— Симонэ проводит по лицу дрожащей ладонью.— Единственное, о чем я прошу вас, оставьте на минуту это ваше огнестрельное железо и поговорите с ним сами...

Глебски сжимает губы.

— Ладно,— говорит он.— Я поговорю с ним сам. Брюн! Отправляйтесь на крышу и глядите в оба...

— Да не желаю я...

— Ма-арш! — ревет Глебски, и Брюн, поперхнувшись, бежит к лестнице.— Кайса, бери винтовку, ступай за мной...

Он отталкивает Симонэ и быстро идет за портьеру в апартаменты Мозеса.

Здесь опущены занавеси на окнах, сумеречно и голо. Стол сдвинут к кровати, посередине комнаты возвышается продолговатый металлический сундук, на его крышку брошен меховой комбинезон, а на диване, застыв в странной нелепой позе, лежит Мозес. Лицо его, обвисшее, складчатое, имеет противоестественный оранжевый оттенок, голова свернута вперед и вбок, мутные глава смотрят исподлобья.

Глебски подходит и останавливается в двух шагах от него. Симонэ и госпожа Сневар с винтовкой становятся за его спиной и по сторонам.

— Господин Мозес,— холодно произносит Глебски.— Вы арестованы по обвинению в участии в гангстерской шайке Джона О'Хара, известного под кличкой Чемпион. Оружие у вас есть?

— Черт бы вас подрал, Глебски! — кричит Симонэ.— Нет у него никакого оружия! Это пришелец с другой планеты, понимаете? Он попал в беду, ему помочь надо!

— Предупреждаю,— как бы не слыша Симонэ, продолжает Глебски,— что все, что вы с этого момента скажете, может быть использовано против вас на суде...

— Я же говорю вам, полицейская вы балда!..— кричит Симонэ и делает шаг к инспектору, но в грудь ему упирается ствол винтовки.

— Назад! — тихо произносит госпожа Сневар.

Мозес медленно поднимает голову. Видно, что каждое движение дается ему через силу.

— Оружия у меня нет,— говорит он сиплым шепотом.— И я не совершил никаких преступлений. Вы заблуждаетесь. Я не участвовал в гангстерской шайке. Я считал, что помогаю людям бороться за справедливость. Ваша жизнь оказалась слишком сложной для меня. Когда я увидел, как вы здесь живете, я понял, что не могу быть просто наблюдателем. Я хотел помочь, я задыхался от жалости...

— Он был наблюдателем, понимаете? — вмешивается Симонэ.— Ему было запрещено вступать в контакт!

— Да,— продолжает Мозес.— Мне было запрещено. Я нарушил запрет, и оказалось, что меня обманули. Оказалось, что это не борцы за свободу, а просто бандиты. Мафия. Гангстеры. Как только я понял это, я бежал. Часть убытков я уже возместил... внес в Государственный банк миллион крон... Остальное возмещу золотом, когда вернусь домой... если вернусь... чистым золотом...

— Кто такой Олаф? — спрашивает Глебски.— Как вы связаны с Олафом?

— Да. Олаф.— Мозес замолкает, глаза его мучительно съезжаются к переносице.— Вы тоже здесь заблуждаетесь. Олаф не умер. Потому что никогда не жил. Он не живое существо. Просто мой инструмент. Как вы говорите, кибернетический робот. Запрограммирован, чтобы походить на среднего человека... мужчину... плясать, петь, ухаживать... Все может. Но — инструмент по преимуществу. Может принимать любой внешний вид...

— А вы?

— Тоже. Вернее, мой скафандр. То, что вы видите,— не я. Мой скафандр. Могу как сейчас. Могу в любом обличье. Совсем без скафандра не могу. Кислород, бактерии, пыль — смерть. И еще кое-что. Для вас сложно... Я бежал от Чемпиона. Выпустить меня он боялся. Погоня. Я раздвоился — пустил Олафа самостоятельно. Чемпион не знал, что есть Олаф. Думал, все мои обличья, все обличья Олафа — это всё я один. Не удалось. Этот... Филин... Я его здесь увидел, узнал...

— И телеграфировали в полицию?

— Да. Надо было, чтобы Филину было не до меня...

— И записку вы подсунули?

— Я.

— Глупо.

— Знаю. Но это мне непривычно. Не умею такого... Мы там у себя не такие. Да... Я готовился покинуть Землю вчера ночью. Здесь в горах наша посадочная площадка. Но тут авария... Обвал... И при взрыве погибла энергетическая станция, которая питает робота... и еще питает мой скафандр... Олаф — ко-

нец. Но у него был аварийный аккумулятор, чемоданчик, вы знаете... Если бы я успел... Но я поздно спохватился. Вы уже нашли... Олаф почему-то не успел подключиться, наверное, из-за девушки... черные очки... И так я застрял. Питания нет. Прошу помощи. Дайте мне возможность вернуться домой.

— Вы могли уже двадцать раз уйти отсюда,— угрюмо возражает Глебски.— Мне пришлось арестовать вас, чтобы узнать об этом вашем желании...

— Я не могу уйти. Повреждение мне не исправить. Я не механик. Механик — Олаф. Универсал. А аккумулятор у вас. Отдайте мне чемодан, и я уйду...

— Ах, чемодан! — неприятно улыбается Глебски.— Не выйдет. Я готов поверить, что вы пришли к нам из другого мира. С Марса, Венеры, откуда-то там еще... Я даже сочувствую вам. Как человек. Но из своих рук я выпущу вас только под суд. Только суд решит, виновны вы или нет. И с чемоданчиком этим то же самое... Один раз вы ошиблись. Можете ошибиться и второй. Я не уверен, что смогу удержать вас под арестом до суда, если вам на помощь придет какой-нибудь паук или рак, который запросто переворачивает броневики...

— Скотина, ну что за тупая скотина! — стонет Симонэ, хватаясь за волосы.— Он же помрет... или его убьет Чемпион, неужели непонятно?

— Заткнитесь, Симонэ!.. Таким вот образом, Вельзевул. Когда и если сюда заявится ваш бывший босс и начнется пальба, могу вам только обещать, что буду защищать вас силой оружия до последнего. Всё.

Он поворачивается и идет вон из номера. Госпожа Сневар следует за ним по пятам. В холле их нагоняет Симонэ.

— Вы, мелкая полицейская пешка! — шипит он.— Что вы делаете? Вы понимаете, что судьба в первый и последний раз в жизни бросила вам кусок! В ваших руках действительно важное решение, а вы ведете себя как последний тупоголовый...

Глебски, не размахиваясь, бьет его левой рукой по щеке. Симонэ останавливается.

— Вот тебе и первый контакт...— бормочет он, горько усмехаясь и опуская голову.— Вот тебе и встреча двух миров...

Он поворачивается и убредает обратно за портьеру. Глебски тяжело опускается в кресло перед пулеметом и, опершись локтями в столик, закрывает ладонями лицо. Госпожа Сневар садится рядом, поставив винтовку между коленями.

— Плохо тебе? — тихо опрашивает она.

Глебски трясет головой.

— Долг, долг...— бормочет он.— Что это такое — долг, Кайса?

— Долг — это когда совесть чиста...

— А я вот не знаю, будет она у меня чиста после этой истории или нет... И самое паршивое, как бы я ни поступил, все равно буду замаран по самые уши... Господи, хоть бы уж этот Чемпион появился скорее!

Госпожа Сневар с ужасом глядит на него.

— Как у тебя язык поворачивается — говорить такое, Петер? — произносит она.— Зачем накликать гибель, когда она и без того идет семимильным шагом?

— Да... да... И черт меня дернул здесь остаться! Эдельвейсовой настойки захотелось... Сидел бы сейчас у себя в кабинете, горюшка бы не знал...

Несколько секунд они молчат. Затем госпожа Сневар тихо спрашивает:

— Ты действительно жалеешь, что остался, Петер? Ты так боишься?

— Боюсь? О, господи... Да влип я, влип, понимаешь ты это, женщина моя прекрасная? Я влип, и все это у меня на шее!

Из-за портьеры появляется Симонэ.

— Мозесу совсем плохо, Глебски,— произносит он хрипло.— Он задыхается. Похоже, больше часа не выдержит... Отдайте ему чемодан, Глебски! Вы его загубите, и это будет скотский поступок...

Глебски вскидывается.

— Вот как? Скотский? Воображаю, как вы будете петь, если мы выберемся из этой каши... «Несмотря на все мои усилия, мне не удалось перебороть скотское тупоумие полицейского чиновника...»

— А как будете петь вы? — орет Симонэ.— Чего вы всем этим добиваетесь? Лишнюю бляху на мундир захотелось? За непреклонность или как там это у вас...

Глебски вдруг усмехается, говорит почти спокойно:

— Нет, Симонэ. Не в этом дело, хотя лишняя бляха бедному полицейскому не помешала бы. Но тут важнее. Я не эксперт, Симонэ. Я — полицейский чиновник. Вы ни черта не понимаете в законах, Симонэ. Вы воображаете, что существуют одни законы для людей, а другие — для вурдалаков и пришельцев. Мозес — бандит в глазах закона. Моя обязанность — предать его суду, будь он хоть сто раз пришелец... И еще одно, Симонэ...

Глебски подходит к Симонэ вплотную, носом к носу.

— Он сам сказал, что он — наблюдатель. А что он у нас, собственно, наблюдал? Что ему у нас надо было? Кто поручится, что он не шпион, не соглядатай, не диверсант из другого мира, который готовит вторжение... Вы поручитесь? Так вашему ручательству грош цена, господин физик! Потому что вам ведь и в голову вашу не пришло поразмыслить, в чем ваш долг землянина состоит, вы же только стоите и слюни распускаете!..

— Глебски...— бормочет Симонэ.— Погодите, Глебски...

— А, подите вы...

Слышится торопливый топот быстрых ног. Все оборачиваются. По лестнице в холл сбегает Брюн.

— Вертолет! — взволнованно кричит она.— Летит!

Глебски, за ним Симонэ и госпожа Сневар бросаются к окну.

Вдали над снежной равниной, на фоне мутно-сизых иззубренных скал, совсем невысоко медленно летит вертолет.

— Так,— произносит Глебски сквозь зубы.— Пожаловал... Ну, теперь держитесь, друзья мои! — Он поворачивается к госпоже Сневар.— Кайса, подвал у тебя прочный?

— Прочный, Петер,— отзывается она.— Кирпич, цемент...

— Ладно... Симонэ, стрелять умеете?

— Умею...— нехотя отвечает Симонэ.

— Возьмите у Кайсы винтовку... Кайса, Брюн, берите пулемет и ленты, тащите на крышу, в павильончик... и сидеть там тихо! Не дышать и не шевелиться! Быстро!

Госпожа Сневар и Брюн подхватывают пулемет и ленты и несут к лестнице. А по лестнице, навстречу им, спускается элегантный и прилизанный дю Барнстокр.

— Господа! — провозглашает он.— Кажется, летит вертолет, клянусь честью, я услышал шум винтов, а затем выглянул в окно

и увидел...— Он поспешно сторонится, пропуская госпожу Сневар и Брюн.— Господа! — испуганно блеет он.— Что здесь происходит?

— На нас напали, дю Барнстокр,— торопливо поясняет Глебски.— Сядьте пока там, у бара, и не путайтесь под ногами...

Дю Барнстокр отходит к бару, недоумевающе-испуганно бормочет:

— Напали? Вот странно... Ничего не понимаю...

Симонэ хватает инспектора за рукав:

— Глебски! — рычит он.— Остался последний шанс, Глебски! Отдайте чемодан! Нам самим не справиться с этими мерзавцами! А с чемоданом он и нам поможет, и сам спасется...

Глебски смотрит ему в лицо с язвительной насмешкой.

— Вот как? Мы собираемся взять в союзники чудовищ из другого мира? Нет, Симонэ, не выйдет! Чемпион, конечно, мерзавец, убийца, фашист, но все-таки он плоть от плоти нашей, мы сами породили и расплодили таких вот Чемпионов, и мы сами должны драться с ними, истреблять их... И хватит об этом!

Гул вертолетных винтов приближается. В окно видно, как черная кургузая машина, слегка покачиваясь, зависает в воздухе шагах в пятидесяти от отеля и начинает медленно опускаться. Снежный вихрь взвивается непроницаемой пеленой и скрывает ее. Затем гул начинает медленно стихать.

Глебски достает пистолет и разбивает оконное стекло.

— Встаньте на колено под подоконником,— говорит он Симонэ,— и держите на прицеле тех, кто выйдет из машины. Я пошел.

С пистолетом в опущенной руке он толкает входную дверь и выходит на крыльцо. Снежная пелена уже опала, вертолет неподвижно стоит прямо перед крыльцом шагах в пятидесяти. Открывается дверца, падает легкий трап, и на снег спускаются трое. Увязая по колено, они направляются к отелю. Впереди — плотный тип в щегольской куртке, опушенной мехом по воротнику, рукавам и бортам, в клетчатой кепочке, в клетчатых же бриджах и крагах, в кожаных коричневых перчатках, с округлой нагловатой физиономией, под носом усики а-ля фюрер, на низкий лоб из-под козырька кепочки свисает светлая челка. По обе стороны от него и на шаг позади двое мрачных

громил в одинаковых белых комбинезонах с капюшонами, с короткими автоматами под мышкой.

— Стой, Чемпион! — зычным голосом произносит Глебски.— Ни шагу дальше![1]

Предводитель с усиками останавливается и, не оборачиваясь, делает знак рукой. Двое телохранителей останавливаются тоже, выжидательно приподняв стволы автоматов.

— В чем дело? — осведомляется предводитель.— Кто вы такой?

— Полицейский инспектор Глебски. И имейте в виду, вы все под прицелом, так что прошу без дурацких шуток.

Холодные глаза предводителя неторопливо оглядывают инспектора, затем взгляд его скользит по фасаду отеля.

— Понятно,— произносит он.— Боюсь, мой друг Филин попался.

— Да. Филин попался и сидит под замком.

— Бедняга. И он, конечно, все вам разболтал, инспектор...

— Всё как на духу.

— Он всегда был слаб на язык, бедняга Филин... Впрочем, это даже кстати. Как вы понимаете, я прилетел за Вельзевулом.

— Понимаю.

— Прошу передать мне старика Вельзевула, и мы разойдемся полюбовно.

— Не получится.

— Инспектор, мне некогда.

— Чемпион, поворачивай оглобли.

— Инспектор, мы только что пролетали над завалом. Его прокопают не раньше чем через сутки. Но я не хочу рисковать. Вельзевул мне нужен немедленно.

— Пустой разговор, Чемпион.

---

[1] Ай-яй-яй! Прямо «Судьба барабанщика»... Садится вертолет, из него лезут бандиты с автоматами. Глебски имеет полное право защищаться, как может. А в качестве полицейского он обязан (именно обязан), защищая граждан, подпустить бандитов на двадцать метров, без всякого предупреждения прикончить тремя короткими очередями, а потом изрешетить вертолет. (Пятьдесят шагов, пулемет с винтовочными патронами, там бы никто и не квакнул.) А потом можно еще пару дней покататься на лыжах.— *В. Д.*

— Ну, что ж... Пеняйте на себя.— Предводитель повышает голос, он почти кричит: — Всем, кто находится в этой богадельне! Слушайте меня внимательно! Сейчас мы поднимемся в воздух и сделаем полный круг над долиной. Затем мы вернемся. Рекомендую всем выйти на снег и ожидать нас, потому что, вернувшись, мы прежде всего сбросим на вашу богадельню бочку с напалмом! Полагаю, все меня слышали! Вельзевул, прежде всего это касается тебя! Жизнь всех остальных дураков будет на твоей совести!

Предводитель поворачивается и неторопливо идет обратно к вертолету. Глебски стоит и глядит, как они один за другим поднимаются в кабину. Втягивается трап.

— А чтобы вы не подумали, что мы шутим,— кричит из кабины предводитель,— получите аванс!

Бухает выстрел из базуки. Глебски инстинктивно пригибается. Снаряд ударяет в крышу над его головой. Грохот взрыва, горящие обломки и кирпичные осколки разлетаются в стороны. Из вертолета слышится грубый хохот, затем винты начинают вращаться, нарастает гул, вновь поднимается снежная пелена, и вот уже, поднявшись над нею, вертолет косо уходит прочь, скользя невысоко над долиной.

Отряхивая с плеч кирпичную крошку, Глебски возвращается в холл. Симонэ, опираясь на винтовку, поднимается на ноги у окна. Дю Барнстокр сидит возле стойки бара на корточках, прикрывая голову руками. И слышится приглушенный вой Хинкуса: «Выпустите меня! Выпустите! Я не хочу гореть! Откройте!»

— Всех в подвал,— хрипло говорит Глебски.— Дю Барнстокра, женщин, Хинкуса — всех!

— Неужели у этих мерзавцев и напалм есть? — бормочет Симонэ.

— Всё у них есть...— нетерпеливо произносит Глебски.— Вы знаете, где подвал?

— Знаю...

— Вот вам ключ...— Глебски роется в кармане, бормоча ругательства, достает ключ, протягивает Симонэ.— Выпустите этого дурака, отведите... А я приведу Мозеса...

Симонэ хватает ключи и устремляется за одну портьеру, а Глебски идет за другую. Он входит в номер Мозеса.

— Мозес,— угрюмо произносит он.— Слушайте, Мозес...

Он замолкает, вглядываясь. Мозес по-прежнему в страшно неудобной позе лежит на диване. Запухшие веки его сомкнуты, рот жутковато сполз на сторону. Едва слышно он сипит:

— Всё... Конец... Потом, когда-нибудь... еще... когда-нибудь...

И на глазах у пораженного Глебски происходит нечто странное, страшное, поразительное. Грузная фигура Мозеса начинает таять. Она уменьшается в объеме, уплощается, теряет очертания. И вот уже лежит на диване большая смятая тряпка вместо старомодного костюма, торчат из нее сморщенные тряпки вместо рук, и жутко желтеет смятая тряпка с пустыми дырами на месте глаз и рта там, где только что было лицо. И отдельно от всего валяются на полу пустые ботинки.

Глебски, пятясь, выходит из номера, плотно прикрывает дверь. Когда он возвращается в холл, там пусто, только стоит у бара Симонэ и пьет что-то спиртное прямо из горлышка.

— А где Хинкус? — тупо осведомляется Глебски. Симонэ машет рукой.

— Он как с цепи сорвался. Вцепился в дю Барнстокра и уволок его вон...

— Куда?

— Ну, куда? Туда, на снег...

— Дурак... Наверное, до сих пор считает, что дю Барнстокр — это и есть Вельзевул. Пошли наверх, надо прогнать в подвал женщин...

— А Мозес?

Глебски, не ответив, начинает подниматься по лестнице.

— Что Мозес? — орет ему вслед Симонэ.

— Мозеса больше нет,— бросает Глебски, не оборачиваясь.

Он поднимается на второй этаж, идет по коридору к железной лестнице, ведущей на крышу. Проходит мимо двери в номер Олафа — дверь перекосило взрывом, видны огромные неподвижные ступни мертвеца. Под железной лестницей Глебски останавливается.

— Брюн! Кайса! — кричит он.

Ответа нет. Что-то с хрустом ломается у него под каблуком. Он опускает глаза. На полу — раздавленные очки Брюн. Тогда он начинает поспешно взбираться по железным ступенькам. Грубой деревянной двери больше нет. Ее вынесло с петель и отбросило в сторону. В стене павильончика — зияющий пролом, пол усеян осколками стекла. И на полу лежат два тела: Брюн и госпожа Сневар, и тени от расщепленных досок крыши, колеблемых ветерком, колышутся на их мертвых лицах. Глебски опускается возле них на корточки, осторожно касается кончиками пальцев щеки госпожи Сневар, отдергивает руку, затем приглаживает ее растрепавшиеся волосы. Озирается.

Лицо у него каменно-спокойное. Взгляд его останавливается на пулемете, который взрывом отбросило к выходу из павильончика. Пулемет снаряжен и готов к стрельбе, лента змеей раскрутилась по полу, придавленная мертвыми телами. Глебски принимается осторожно освобождать ее, очень осторожно, словно боясь разбудить мертвецов. Он сматывает ленту на локоть одной руки и прислушивается к нарастающему гулу винтов вертолета.

Он устанавливает сошки пулемета на край пролома, тоже очень осторожно и аккуратно, словно готовится к призовой стрельбе.

Гул усиливается, черное тело вертолета растет на фоне пронзительно-синего неба.

Глебски целится. В прорези прицела и на мушке — охваченное стальным переплетом ветровое стекло кабины. Белые пятна лиц за ветровым стеклом. Одно-единственное лицо, ясно и отчетливо видимое,— нагловатое, с усиками, с челкой на низком лбе. И Глебски нажимает на спуск.

Долго, бесконечно долго гремит очередь, сматывается, втягивается в магазин лента, градом сыпятся стреляные гильзы...

И огромная туша вертолета со всего размаха врезается в крышу отеля «У Алека Сневара».

Слепящее желтое пламя взрыва, тугие струи дыма, затем — алое всепожирающее пламя напалма... Все трещит, грохочет, рушится... И вдруг столб иссиня-белого пламени, затемняющего свет солнца, взлетает над долиной, и чудовищный грохот потрясает далекие мутно-сизые скалы...

* * *

Громадная яма на том месте, где стоял отель, а вокруг — на гектары раскинулись неопрятные языки копоти. Люди в форме копошатся в яме и вокруг, взлетают и садятся вертолеты, сползаются к яме бульдозеры и экскаваторы.

Растрепанный, перепачканный сажей дю Барнстокр, дрожащая щека залеплена пластырем, беспомощно разводит руками:

— Не знаю... Ничего не знаю, господа... Было убийство, было следствие... а потом кто-то напал, стрельба, взрыв... Ничего не знаю, клянусь!

Растрепанный, перепачканный сажей Хинкус-Филин, заросший подбородок залеплен пластырем, руки в наручниках:

— Вельзевул половину добычи хапнул и бежал, вот Чемпион его здесь и настиг, так все и вышло... И это есть мое чистосердечное признание...

5 января 1977 года.

ЛЮГЕР 0,45

Многие профессиональные критики упрекали группу «Людены» в мелочности и отсутствии глобальности: нет, чтобы изучать в творчестве АБС идейную составляющую, их интересует антураж, выдуманные авторами факты... в общем, обвинения были того же рода, что и обвинения фантастики в том, что она не классическая литература.

Но группа «Людены» всегда отличалась свободой выбора, что исследовать и как исследовать: что тебе интересно, тем и занимайся. И часто вместо того чтобы (как это положено в классических критике и литературоведении) излагать свои идеи, подкрепляя их цитатами из произведения, «людены» поступали наоборот: из частного, мелочи, какой-то зазубринки в произведении выводили путем долгих поисков и обсуждений нечто общее, присущее творчеству АБС вообще или какому-то произведению в частности.

К примеру, «загадка люгера» из ОУПА. Привожу часть дискуссии «люденов» из ньюслеттера «Понедельник».

«Понедельник» № 58, 3.02.92

Константин Рублев: Прошу консилиума люденов вот по какому поводу. В ОУПА так описывается пистолет Хинкуса: «Это был люгер калибра 0,45 с удлиненной рукоятью» (М.: Знание, 1982.— С. 187).

Если не ошибаюсь, калибр 0,45 = 11,43 мм типичен исключительно для американского оружия, тогда как люгер — система европейская, где не бывает больше 7,62 — 7,65 — 7,92 — 9 мм. Нет ли у кого доступа к книге Жука «Револьверы и пистолеты» для справки о соответствии калибра системе?

«Понедельник» № 62, 2.03.92

Вадим Казаков: Даю подробное экспертное заключение по оружию, затребованное К. Рублевым. Мне тут дали на денек «Револьверы и пистолеты» А. Б. Жука (М.: Воениздат, 1983). Помимо этого заглянул я кое-куда еще. Сообщить имею следующее:

1. Калибры пистолетов.

«Почти во всех европейских странах и во многих странах мира калибры оружия и патронов обозначаются в миллиметрах. В Великобритании, США и еще в ряде стран они обозначаются в долях дюйма (в сотых долях — в США, в тысячных — в Великобритании)... Далеко не всегда обозначения калибров, выраженные в долях дюйма, можно переводить в миллиметры, исходя из соотношения 1 дюйм = 25,4 мм. Иногда эти обозначения условны и представляют собой как бы названия конкретных патронов». (Следуют примеры. Скажем, 9-мм патроны обозначаются .38, хотя 0,38 дюйма — это точно не 9 мм, а 9,65. Аналогично 7,65 мм условно приравнены к .32. К тому же обозначения калибров могут содержать и другие данные — о длине патрона, о его мощности и т. д., причем произвольно заменять дюймовые обозначения миллиметровыми и наоборот нельзя — даже при внешнем совпадении калибра окажутся

совершенно различными патроны, глубина и форма нарезов в стволе, форма камор и т. п.) «Поэтому во всем мире, независимо от того, дюймовой или миллиметровой системы придерживается та или иная страна, иностранные калибры принято обозначать так, как они обозначаются в стране, впервые выпустившей данную модель оружия или данный патрон. Так, патроны Маузера, «Парабеллум», «Намбу» и др. во всем мире обозначаются только в миллиметрах». (А. Б. Жук.— С. 295.)

2. Из истории системы.

Пистолет, впервые сконструированный Г. Борхардом, переработанный Г. Люгером и получивший в модернизированном виде обозначение «люгер» или, чаще, «парабеллум», имел и имеет до сего дня две модификации по калибрам — 7,65 и 9 мм, в равной мере распространенные. Описанные у А. Б. Жука оригинальные германские модели (1902 г., 06, 08 и т. д.), их иностранные аналоги (например, швейцарская модель 06/29) никаких иных калибров не имеют. Вообще, судя по книге Жука, подражания системе Люгера практически отсутствуют (за исключением разве что германской модели «Эрма» КГП-68, которая по существу есть все тот же люгер с теми же данными, но с меньшим числом патронов и с укороченной, а не удлиненной, как в повести Стругацких, рукоятью). Среди же американских моделей чего-либо даже отдаленно напоминающего люгер нет в помине. Очень и очень приблизительно внешне смахивают на люгер финский Л-35 и шведский М-1940 (система Лахти), а также японский «Намбу». Но перепутать их с люгером совершенно невозможно (хотя бы по внешнему виду затвора).

Из сказанного следует:

1. Маркировка люгеров по американской номенклатуре (т. е. в сотых дюйма) — нонсенс.

2. Люгеры калибром более 9 мм (а тем паче 11,43, что примерно соответствует .45 или, в более привычном написании, 0,45) в литературе не описаны (а дотошность Жука, надо сказать, производит сильное впечатление).

3. Следовательно, дважды упомянутый в «Отеле...» «люгер калибра 0,45» (см., напр., с. 101 и 123 сб-ка «Посещение») есть

явление достаточно фантастическое даже для фантастической повести.

4. В журнальном варианте повести (Юность.— 1970.— № 11.— С. 40) фигурировал просто «парабеллум с удлиненной рукоятью». Без всяких калибров. И никаких недоумений не возникало.

Так что все сомнения К. Рублева абсолютно основательны. В чем и подписуюсь.

Виктор Курильский: О пистолете Хинкуса. Да, он интересен не только тем, что заряжен патронами с серебряными пулями. Константин Рублев прав — кольтовский калибр 0,45 дюйма не характерен для европейских пистолетов, исключения чрезвычайно редки и лишь подтверждают правило. Просмотрев книгу Жука, я не нашел сведений о том, что пистолеты конструкции Георга Люгера, более известные как «Парабеллум», выпускались калибром 0,45 (лишь 7,65 и 9 мм) или с «удлиненной рукоятью», что адекватно увеличенному магазину. Емкость магазина же была неизменной — 8 патронов (правда, известна т. н. «артиллерийская модель», которая комплектовалась барабанным магазином системы Леера на 32 патрона, но и это чудовище имело ту же рукоятку).

Некоторые из описанных ниже по тексту ОУПА достоинств пистолета Хинкуса также мало соотносятся с известными моделями «Парабеллума»,— не нашел я упоминания ни о «приспособлении для установки оптического прицела», ни о «рычажке перевода на автоматическую стрельбу». Дальность же прицельного боя у той же «артиллерийской модели» была не то что 200, а 800 метров.

Необходимо отметить, что вышесказанное относится к стандартным моделям пистолетов. Однако оружейные фирмы практиковали и выполнение спецзаказов (не обязательно от Чемпиона!).

Но, по-моему, авторам для создания «настоящего гангстерского оружия» потребовался собирательный образ пистолета с разными экзотическими приспособлениями. Скорее всего, именно поэтому они отказались от более широко известного названия «Парабеллум» (в журнальном варианте ОУПА) в поль-

зу реже упоминаемого «люгер» (во всех последующих изданиях).

Алексей Керзин: Место действия в ОУПА определить достаточно сложно — в Европе или в Америке? Возможно, это было сделано сознательно, имеют место и европейские и американские детали. Случай с пистолетом — частный вариант того же запутывания обстановки: берется европейский пистолет, снабжается американским калибром. Кольт — это ковбойщина, а люгер — название не затасканное, и только дотошному людену придет на ум выяснять, как оно там обстоит на самом деле. Что и произошло.

«Понедельник» № 66, 30.03.92

Итак, 26–30 марта 1991 г. состоялась Вторая Всесоюзная (а точнее, международная, ибо кроме россиян на ней присутствовали коллеги из Казахстана и Украины) Конференция по творчеству братьев Стругацких во Владимире, организованная клубом «Мордор» (ну и людены к этому тоже имели некоторое отношение).

<...>

Вадим Казаков: Как уже доказано, в отношении люгера в повести допущена вольность двоякого рода: по величине калибра и по его описанию. Но почти совершенно аналогичная вещь наблюдается и в отношении дамского браунинга, который Глебски обнаружил в багаже у Хинкуса. Нумерация 0,25 (а точнее надо бы — .25) действительно точно соответствует калибру 6,35 мм, каковой калибр, как известно, имела бельгийская модель т. н. «браунинга № 1» и бесчисленные подделки под нее (например, испанские). Но американскую нумерацию патрона подобная модель никогда не имела! (Наиболее дотошные знатоки могут возразить, что Браунинг занимался и разработками по заказу фирмы «Кольт», но получившиеся в результате этого модели — т. н. «Кольт-Браунинг» — в нашей старой литературе, во-первых, маркировались просто как «кольты», а во-вторых, имели более крупный калибр).

На Конференции высказывалась гипотеза, что это-де сознательный авторский прием смешения европейских реалий с американскими. Не уверен в этом, ибо все прочие реалии повести, сколь бы причудливо они не переплетались, остаются исключительно европейскими[1]. Или раз гангстеры — значит надо читателя угостить именно американской нумерацией стволов? Игра с читателем? Надо бы это обсудить основательнее.

Занимаясь ручным огнестрельным оружием, я ради спортивного интереса попробовал прояснить ситуацию и с любимым пистолетом Рудольфа Сикорски — «герцогом» 26-го калибра. В современной номенклатуре калибров 26-го нет (есть, как сказано ранее, 25-й). Нет аналога этого калибра и в миллиметровой нумерации. Единственное оружие подобного калибра (6,5 мм), найденное мною в справочнике Жука — это архаичный маузероподобный пистолет системы Бергмана, выпускавшийся в конце 19-го века и вышедший из употребления еще перед 1-й мировой войной. Впрочем, я всегда полагал, что происхождение «герцога» — Саракш или Гиганда, а инопланетная шкала калибров может быть никак не привязана ни к метрической, ни к дюймовой системе. (Вопрос о том, может ли к середине XXII века измениться земная метода исчисления калибров, оставляю открытым для обсуждения.)

«Понедельник» № 68, 13.04.92

Вадим Казаков: Еще раз к вопросу об оружии, точнее — к реплике Вити Курильского. Тут появились у меня вот какие мысли.

Во-первых, о собирательном образе пистолета. Насчет автоматической стрельбы из люгера у Жука, кажется, действительно ничего нет. Но я где-то когда-то читал (кажется, у Г. Нагаева в «Русских оружейниках»), что то ли в 20-е, то ли в 30-е годы при разработке пистолетов-пулеметов делалась попытка пойти по линии наименьшего сопротивления и переоборудовать под это дело уже существующие пистолеты. Очень хорошо по-

[1] Осмелюсь заметить, что, к примеру, гризли (появление этого медведя не исключает Глебски) в Европе не водятся.— *С. Б.*

мню, что там фигурировали «маузер» (естественно, в варианте с коробчатым магазином) и «парабеллум». Так что такая модификация разрабатывалась. А коли предусматривалась автоматическая стрельба, то должна была появиться и упомянутая Стругацкими (и не упомянутая Витей) «рамка для приставного приклада», а возможно, и прочие дополнения. Во всяком случае, у других переоборудованных таким образом пистолетов существовали нестандартные модификации и с оптическим прицелом, и со спецглушителем, и т. д. («Астра», «Ройал», Стечкина, ФП-70, некоторые модели «беретты» и т. д.). Но наиболее это все типично именно для конструкций, близких к «маузеру», так же как удлиненная рукоять очень характерна для модификаций «ФН» (т. е. «браунингов»). И здесь авторы действительно могли свести все это вместе в некоей условной системе[1].

Во-вторых, о терминологии. Как помним, «Отель...» существует в двух принципиально разных версиях: «неонацистской» («Юность») и «гангстерской» (все остальные публикации). И вот здесь выбор одного из синонимов («люгер» — «парабеллум») становится существенным, ибо должен соответствовать прочей атрибутике каждой из версий, не диссонировать с ней.

Так вот, в системе «Голубая свастика» — неонацисты — недобитый эсэсовец Курт Швабах (он же Чемпион) — упоминание фюрера и т. д.— органично выглядит только термин «парабеллум», ибо это слово (а не «люгер») связывается в массовом сознании с нацистской армией. А в «гангстерской» системе — наоборот, специфика жанра требует именно «люгера», а не «парабеллума». Всякая мелочь да будет к месту...

В-третьих, о киносценарных версиях повести. Здесь вышеуказанный принцип соблюден почти полностью (об исключении — ниже). В опубликованном (сб. «Пять ложек эликсира») «Деле об убийстве» атрибутика соответствует в основном книжному варианту повести. (То есть присутствуют браунинг, лю-

[1] Условный пистолет условной системы... В сценарии «Дело об убийстве» (СС «Сталкера», т. 9, с. 491): «Инспектор вытащил из кармана «люгер», оттянул ствол и положил пистолет за пазуху». Интересно, до какой степени условной должна быть конструкция «люгера», чтобы с ним можно было проделать эту процедуру — «оттянуть ствол»? — *В. Д.*

гер и даже старинный смит-вессон). Но с люгером связаны две особенности. Обнаружив в фальш-багаже Хинкуса дамский браунинг, инспектор говорит хозяину: «Сдается мне, что этот Хинкус — не охотник, а дичь. Охотник, Алекс, не станет возить с собой дамский пистолетик. У него будет люгер 0,45 с приставным прикладом». Вот и опять появился этот калибр! А далее инспектор находит настоящее оружие Хинкуса — «огромный черный пистолет» и говорит хозяину: «Кстати, вы интересовались, Алек, что такое настоящее гангстерское оружие... Полюбуйтесь». Но термина «люгер» до поры до времени нет, его вводит хозяин оружия — Хинкус («люгер отобрала — я ей сам отдал...»). И вот после этого условный «пистолет» начинает именоваться в ремарках и люгером тоже.

А в «Убийстве в отеле "У Алека Сневара"» — совсем другой ряд. Там, напомню, есть отсылки и ко второй мировой войне, и к последышам Гитлера (Чемпион имеет облик а-ля фюрер). Отсюда уже не винчестер, скажем, но «немецкая армейская винтовка». Отсюда — «черный ручной пулемет немецкого образца» (видимо, МГ-34). Браунинг исчезает, но и оружие Хинкуса остается просто «огромным черным автоматическим пистолетом», без уточнений системы. Иначе говоря, выстраивается не «гангстерский», а скорее тот же «неофашистский» ряд, в который, кстати, не очень лезет то, что Чемпиона зовут Джон О'Хара (нечто ирландско-американское — где там у нас был сержант О'Хара?).

Кстати, в последнем сценарии оснащенность вооружением изрядная. Кроме перечисленного, там имеется базука, напалм, и даже инспектор Глебски, отражающий танковую атаку (правда, во сне, но все же...).

Борис Стругацкий: Вряд ли сумею я внести желаемую ясность в проблему люгера из ОуПА. Вопреки утверждению уважаемого и любимого мною А. И. Мирера главным специалистом по оружию был у нас, разумеется, АНС — человек по профессии военный и вообще кадровый офицер. (А любителями оного оружия были мы оба в равной, пожалуй, степени.) Впрочем, сведения о разнообразных люгерах черпал АНС, глав-

ным образом, из Рекса Стаута и Эллери Квина, до которых был большой любитель — читал все в подлиннике и высоко ценил.

Забавно, что я (смутно) помню разговор именно о люгере: «Слушай,— говорил я.— Ноль сорок пять... Не многовато ли будет?» — «Ничего-ничего,— ответствовал АНС, торопливо барабаня по клавишам.— Это — самое то. Настоящий гангстерский калибр...» Наверное, у него случилась тогда какая-нибудь аберрация памяти, а проверять по справочнику было нам обоим лень. Вообще-то в то время у нас уже, кажется, был справочник по пистолетам — дар великого знатока этого дела Бориса Заикина из Волгограда,— и мы этим справочником иногда пользовались, но не часто и не регулярно. Увы. Так что ошибочки всегда возможны...

<...>

А вот что делать с калибром люгера, я не знаю. Исправлять неохота, хотя, вроде бы, и следует... Не знаю.

«Понедельник» № 132, 3.04.95

Вадим Казаков: Заполучив в личную собственность справочник А. Б. (он же В. М.) Жука «Стрелковое оружие» (М.: Воениздат, 1993), я не мог, естественно, удержаться от вступления в симпозиум по люгерам. С учетом того, на что мы не обратили внимание раньше, а также новейших дополнений к старым «Револьверам и пистолетам» (вошедшим в новую книгу целиком), имею сообщить:

1. Все-таки бывают люгеры не только с калибром 7,65 или 9 мм! И именно в США! Правда, это не совсем то, что нам надо, а вовсе даже наоборот. Это пистолет «Штегер-Люгер», внешне почти неотличимый от германского прототипа, но серьезно отличающийся от последнего как конструктивно, так и по калибру и боезапасу. Патроны там «.22 лонг райфл» (т. е. где-то 5,6 мм) и в обойме их 11 (при той же длине рукоятки). А на пистолете очень красиво, в виньеточках написано «LUGER» (этот фирменный знак даже вынесен — среди прочих — на первый форзац книги). Здесь интересен сам факт отхода американских оружейников от традиционной схемы немцев. Прен-цендент, так сказать.

2. Термины «люгер» и «парабеллум» можно обнаружить и на пистолетах, не имеющих ни малейшего отношения к данной системе по внешнему виду. Например, на венгерском варианте браунинга «Хай пауэр» (ФП-9 и П9Р) имеется текст: «PARABELLUM. Cal. 9-mm», а на американском повторении браунинга HPDA-«Медиум» начертано: «BDM 9-mm LUGER». Здесь обозначается не марка оружия, а тип патрона (9-mm Para), однако такая надпись может, вероятно, и ввести в заблуждение. Впрочем, здесь важно отметить, что именно в силу изложенного калибра .45 в таких пистолетах не может быть ни в коем случае.

3. Экспериментальные, а тем более штучные модели Жук описывает выборочно и всегда de visu или по доступным ему зарубежным каталогам. Так что возможны лакуны.

4. Существует тенденция (даже у фирм с многолетней традицией) разнообразить — в зависимости от предназначения и т. п.— калибры своих базовых пистолетов. При этом многие фирмы выпускают оружие именно в двух версиях: 9-Пар и .45-АКП. Так что технически трансформация калибра люгера в .45 вполне, видимо, возможна.

5. По поводу «десятимиллиметрового люгера». Хорошо, что разобрались с ошибкой, но для сведения сообщаю: в принципе с 1983 года такой калибр существует, его имеют некоторые новейшие модели известных фирм (австрийские «Глок-20», американские «Кольт Делта Эйлит», «Смит-Вессон», модель 1006 и 1076 и др.). Так что вовсе нельзя исключить, что мы доживем и до какой-то модификации люгера под этот патрон.

Видимо, с учетом всего вышеизложенного, а также ценных дополнений Вити Курильского можно в этом деле покалить сростень до получения более точной и авторитетной информации.

А затем в Интернете (www.lugerforum.com) отыскалась такая информация (перевод с англ. В. Дьяконова):

Дискуссия о люгере калибра 0,45

Можно утверждать, что [люгер] — это самый приятный полуавтоматический пистолет на планете. [Люгер калибра 0,45]

был произведен в 1906 г. для испытаний в армии США. Вопрос: как много экземпляров этой уникальной разновидности было в действительности сделано.

Чарльз Кенион младший в своей книге «Люгеры, выбранные наугад» заявляет: «Порядковый номер экземпляра, показанного [на стр. 111] — 2, номер 1 использовался в реальных испытаниях, в то время как номер 2 был «про запас». Записи программы испытаний армии США показывают, что пистолет номер 1 всерьез использовался и подвергался жестокому обращению во время испытаний. В настоящее время [пистолет] порядковый номер 1 не найден и многими коллекционерами считается списанным после того, как испытания были завершены».

Вот цитата из «Истории люгера» Джона Уолтера, стр. 118: «Хотя ход американских испытаний хорошо документирован, дискуссия все еще окружает люгеры-0,45. Работы, по-видимому, начались поздним летом 1906-го, когда 5000 патронов были посланы [фирме] «Люгер» из Франкфордского арсенала. Пистолеты были закончены к концу февраля 1907-го, два из них прибыли на Спрингфильдский оружейный завод где-то до 28-го марта. С одним, считается, что это был № 1, были выполнены испытания, в то время как № 2 был сохранен для исследования. Последний все еще существует, однако судьба его напарника неизвестна».

Но где остальные? И сколько [их]? «Deutsche Waffen und Munitionsfabriken» явно сделала больше, чем два, т. к. по крайней мере один должен был бы сохраниться в Германии как мера предосторожности от пропажи пистолетов, отправленных в США; кстати, говорят, что люгер-0,45 № 4 был найден в Германии в 1945 и взят в США как сувенир. Другой экземпляр, явно пронумерованный «4», показан на картинке в «Истории люгера». Позже Август Вейсс приписывал своему предшественнику Генриху Хоффману утверждение, что было сделано «не более шести» экземпляров калибра 0,45.

Гарри Джонс дает изображения двух уцелевших пистолетов калибра 0,45 в исправленном издании «Разновидностей люгера», комментируя, что второй выстрелил в 1960 г. 150 раз без единой задержки. К несчастью для [фирмы] «Люгер» и DWM,

боеприпасы, использованные в 1907 г., не были так надежны! Сообщалось, что в Галерее Роберта У. Нортона, в Шревепорте, Луизиана, имеется люгер калибра 0,45. Мистер Нортон был из ранних луизианских нефтяников, а этот люгер был куплен мистером Нортоном у Гарри Джонса. В одном из своих сочинений Гарри Джонс рассказывает о том, как он и мистер Нортон взяли с собой пистолет и выпустили из него коробку патронов. Этот пистолет изображен на стр. 381 «Военных автоматических пистолетов США» Скотта Мидоу. Пистолет имеет коммерческое клеймо, но также имеет клеймо GL на рычаге. Он не помечен порядковым номером, но магазин маркирован цифрой «3»... Происхождение этого экземпляра не определено, но было сделано много домыслов, как можно видеть из написанного выше.

После этого остается лишь развести руками и произнести слова Сорокина из ХС: «Ничего нельзя придумать. Все, что ты придумываешь, либо было придумано до тебя, либо происходит на самом деле». Или слова Алека Сневара из того же ОУПА: «Раз человеческий мозг может все это вообразить, значит, все это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?»

«МАЛЫШ»

Прежде чем приступить к разбору вариантов «Малыша», хотелось бы сказать несколько слов в защиту этой повести. АБС неоднократно отзывались о ней как о «проходной, необязательной». Многие читатели (в том числе и некоторые «людены») тоже не придают особого значения «Малышу»: написанная Авторами как некое дополнение к миру Полудня, особой идейной нагрузки не несущая, повесть объявляется скучной для обстоятельного разбора, не интересной для критиков и литературоведов[1].

Однако, впрочем, БНС в «Комментариях» высказался о «Малыше» так: «А сейчас я иногда думаю (не без горечи), что именно в силу своей аполитичности, антиконъюнктурности и отстраненности эта повесть, вполне возможно, переживет все другие наши работы, которыми мы так некогда гордились и которые считали главными и "вечными"».

---

[1] Проходной и необязательной, «не несущей идейной нагрузки» повесть «Малыш» является только с позиции этакого всеобъемлющего диссидентства. Что положили Авторы этой повести на алтарь борьбы? Каких кукишей понавертели в карманах? Мало, мало! Отсюда произрастает мнение Р. Нудельмана: «Может быть, чем писать такое, лучше вообще не писать ничего?..» И начинает это мнение распространятся многими читателями (и даже некоторыми «людьенами»).

Между тем, именно по причине отсутствия в «Малыше» унылой диссидентщины на первый план выходит главная в любом произведении Авторов тема взаимоотношений между людьми. Эта тема подана в великолепной «упаковке» космической фантастики, дана в классическом варианте замкнутой компании... Интереснейшее произведение, особенно как раз для анализа, для критиков и литературоведов. — *В. Д.*

Не касаясь прочих достоинств «Малыша», скажу лишь об одном. Как мне кажется, в «Малыше» Авторы наиболее приблизились к творчеству Ф. Достоевского, а именно к одной из главных его составляющих: при чтении всех персонажей жалеешь. Это чувство, чувство жалости (не сожаление, не сопереживание, не сочувствие и уж ни в коей мере не снисходительное понимание недостатков того или иного персонажа — жалость в чистом виде, не замутненная никакими дополнительными чувствами), в настоящее время настолько редко встречается в жизни, а значит, и в литературе, которая является отражением действительности, что значимость «Малыша» повышается многократно. Ибо в наше время все привыкли жить, сообразуясь с мнением Стася о Малыше: «А жалеть... Почему, собственно, я должен его жалеть? Он бодрый, живой... Совсем не жалкий».

РУКОПИСЬ

Работа над рукописью «Малыша» проходила в несколько этапов.

Как пишет БНС в «Комментариях», фабула повести была впервые придумана 22 февраля 1970 года под названием «Операция МАУГЛИ» и была кратко описана в рабочем дневнике: «На планете, населенной негуманоидным пассивным племенем (вырождающимся после биологической войны), разбился звездолет с супружеской парой и ребенком. Ребенка спасают аборигены. Через десяток лет прибывает новая экспедиция, обнаруживает человеческие следы, а аборигенов принимает за животных. В поисках невольно разрушают дома и пр. Возникает конфликт. Маугли отзывается, как <обычно> привык защищать своих медлительных отчимов от диких зверей. Его захватывают. Дальше — на Землю. Приключения на Земле...» Финал повести БНС описывает в «Комментариях» так: «Появляется Горбовский со своей внучкой, тайно переправляется на остров, где живут аборигены, и улаживает все конфликты ко всеобщему удовлетворению. Deus ex machina».

Из «Комментариев» же можно узнать, что в июле 1970 года фабула изменилась: «...медлительные вымирающие аборигены

превратились у нас в могучую цивилизацию «гетероморфов», населяющую подземные пустоты мрачных и загадочных «Морщинистых островов»; неловкие действия ничего не понимающих в ситуации землян (вернее, их кибернетических ловчих) приводят к конфликту, в который, разумеется, вмешивается Малыш... маленькая, но беспощадная война... разъяснение всех недоразумений... земляне уходят».

Затем, опять после переработки фабулы, уже более приближающейся к окончательному ее варианту, Авторы пишут начало, три страницы, которые приводятся ниже:

Дик сказал, что у него предчувствие. Я признался, что у меня тоже предчувствие. На самом деле никаких предчувствий у меня не было, просто пейзаж с крейсерской высоты открывался такой, что у нормального человека недобрые предчувствия должны были возникать с неизбежностью. Представьте себе: во-первых, сам остров, круглый, розовато-серый, сплошь изрезанный извилистыми нитями «траншей», как будто невероятный великан высунул из-под поверхности океана подушечку грязноватого пальца — посмотрите в лупу на подушечку какого-нибудь своего пальца, предварительно потерев его о что-нибудь пыльное, и вы поймете, что я имею в виду. И сам океан вокруг острова, свинцовый, ледяной, на редкость неприветливый, а у самого горизонта — черный, как тушь, утыканный неподвижными сахарными клыками айсбергов. И над всем этим — небо, безоблачное, но тоже безрадостное, ледяное, серо-лиловое, со слепящей лиловатой точкой солнца. Нечеловеческое зрелище. Но я, наверное, не совсем нормальный человек, и насчет предчувствий у меня было слабовато. Привык, наверное. Вот Дик — он не привыкает. Он вживается. По его словам, каждый настоящий егерь, явившись на новую планету, должен прежде всего вжиться в ее природу, как бы раствориться в ней, включиться в ее метаболизм, ощутить в себе каждую ее травинку, каждую бактерию, не говоря уже о всяких крупных животных, с которыми, как я понял, ему надлежит чуть ли не научиться совместно пищеварить... Смутная, конечно, теория, но я верю, что Дик и в самом деле к чему-то такому стремится и чего-то такого добивается. Не врет же он, в самом деле. Ну, я стараюсь не

отставать, хотя я и не егерь, а кибертехник, и мне, честно говоря, надо бы вживаться не в чужие миры, а в своих родимых киберов.

Пока я раздумывал обо всем этом, Дик стоял спиною ко мне, расставив ноги и сложив руки на заду, упершись лбом в прозрачную стену рубки, а «Колючка» медленно плыла на высоте ста пятидесяти метров, пересекая остров с востока на запад.

— Это у нас будет третья посадка? — спросил Дик, не оборачиваясь.

— Четвертая,— сказал я.

— Четвертая,— повторил он мрачно.— Слушай, а может быть, на этом паршивом острове вообще нет крупных животных?

— Тебе виднее,— сказал я.

Дик оттолкнулся лбом от стены и сел рядом со мной за пульт.

— Вот это мне больше всего не нравится,— объявил он.— Мы сделали три посадки. В самых обещающих точках. На побережье. В зарослях. Вблизи теплых источников. И ничего.

— А где — чего? — спросил я.— «Паука» отловили полтора месяца назад, «устрицу» — месяц назад, и с тех пор ни одна «Колючка» ничего нового не добыла.

Он повернул ко мне свою узкую физиономию и некоторое время глядел исподлобья.

— Не понимаешь? — спросил он наконец.

— Нет,— сказал я с вызовом.— А ты?

Он не удостоил меня прямого ответа. Он принялся терпеливо объяснять. Сил никаких не было, до чего терпеливо.

— Дело не в том, что мы здесь ничего не отловили. Дело в том, что мы здесь ничего и не видели. Десяток ящериц и два десятка насекомых. И ни одного крупного животного.

Он раздраженно потыкал пальцем в клавишу контрольного вызова. Я взял его руку и уложил ее на подлокотник.

— Так ведь холодища какая,— сказал я.

— Холодища... Ты что, Морщинистых островов не знаешь? Здесь везде холодища. На любом другом острове за три посадки ловчие обнаружили бы уж какое-нибудь диво.

— А может, они и здесь обнаруживали,— возразил я.— На второй посадке они же копали что-то такое...

— На третьей тоже копали,— сказал Дик.— А что выкопали?

Я вынужден был признать, что не выкопали ничего.

— Нет,— сказал Дик.— Ты уж мне поверь. Поверь старому егерю: здесь что-то не то.

Я посмотрел на него.

— Помнится, давеча, после второй посадки Яков говорил то же самое Нине Петровне... И оставь в покое клавишу.

Дик несколько смутился, оставил в покое клавишу и буркнул:

— Ну вот видишь... И Яков тоже...

— Ладно уж,— сказал я великодушно. Мы помолчали.

— И все равно,— сказал Дик.— Неважно, кто первый сказал. Не в этом дело.

Ну конечно же, дело было не в этом. Дело было в том, что старого егеря одолевали предчувствия. Неважно, откуда они у него взялись. Из общих соображений, из подслушанных разговоров, из профессионального сверхъестественного чутья или из ощущений, вызванных нечеловеческим пейзажем. Должен вам прямо сказать: половину работников базы одолевали какие-нибудь предчувствия. И если подумать, ничего удивительного в этом не было. Планета мрачная, неприятная, обычно задерживаться на таких планетах дольше десяти-пятнадцати суток не рекомендуется, а наши старожилы сидят здесь уже больше года, и конца этому не видно. Во-вторых, планета обреченная, пройдет сколько-то там лет, не так уж много, и все на ней сгорит, океаны высохнут, континенты оплавятся, острова рассыпятся в пыль, и по некоторым предположениям планета эта несчастная вообще окажется внутри солнца, которое взорвется, раздуется, распухнет или что там еще делается с квазистационарными звездами — попробуйте представить себе, что вы день за днем и месяц за месяцем ходите по будущему кладбищу. Потом, ведь некоторые нервничают: астрофизика, конечно, наука точная, но вдруг все-таки?.. У меня у самого иногда воображение разыгрывается, и я принимаюсь по пальцам пересчитывать, сколько у нас звездолетов и успеем ли мы до них в случае чего добежать. Глупо, конечно, но никуда не денешься. Нет-нет, да и поглядишь на солнце — как оно там? Ну, и потом — задача и ответственность. За такое предприятие Земля еще никогда не бралась. Спасти целую биологию, пе-

переселить целый мир. Двести пятьдесят миллионов триста тринадцать пар чистых и шестьсот тридцать семь миллионов пятьсот шестьдесят восемь тысяч пар нечистых. Только на самом деле все это обстоит еще гораздо сложнее, потому что нужно не только просто переселить образцы фауны и флоры, но еще и найти правильные пропорции, четко разобраться, какие условия для [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

И затем Авторы пишут черновик. Этот черновик испещрен рукописной правкой. Первоначальный, машинописный вариант значительно отличается от окончательного текста «Малыша», отсутствуют в нем Майка и Геннадий Комов (вместо них — Дик и Каспар Тендер), Малыш еще не считает себя единственным обитателем планеты, он знает о негуманоидах и называет их «мои друзья». Второй (если учитывать рукописные правки) черновик более близок к окончательному варианту.

Помимо рукописи, в архиве Авторов присутствуют заметки по сюжету, основным линиям и даже некоторые выводы, сделанные, по-видимому, при обсуждении самой идеи повести. К примеру, определяя, вероятно, термин «гуманоид», Авторы записывают его составляющие: «Гуманоиды — анатомически, физиологически, психологически». При обсуждении сущности термина «потребности» Авторы записывают:

Потребности:
то, без чего сущ-во чахнет и умирает,
то, без чего сущ-во скучает и тоскует,
то, без чего сущ-во беспокоится, не находя себе места.

После этого рядом с двумя последними строчками помечают: «Пассивная и активная стороны».

Классифицируют Авторы и типы цивилизаций, определяя их основные различия:

Овладение природой = технологическая цивилизация.
Сознательное приспособление к природе = биологическая цивилизация.

«Уничтожение» природы, создание инкубатора = свернутая цивилизация.

Названия глав «Малыша» вписаны в текст позже, то есть появляются они только во втором черновике. Причем в заметках эти названия правильны, а вот перенося их в черновик, Авторы допустили ошибку, поэтому в первых изданиях (до 80-го года) в названиях глав, отточенно выверенных и плавно перетекающих одно в другое («Пустота и тишина», «Тишина и голоса», «Голоса и призраки», «Призраки и люди», «Люди и нелюди», «Нелюди и вопросы», «Вопросы и сомнения», «Сомнения и решения»), вторая глава «Тишина и голоса» называется «Пустота и голоса», что ломает последовательность. Интересно и первоначальное написание слова «нелюди»: «не люди». В раздельном написании слово «нелюди» теряет отрицательный оттенок и ближе по смыслу к описываемому: просто НЕ люди.

Правя черновик, Авторы помечают для себя основные этапы доработки:

1. Дик должен присутствовать при разговоре с Малышом в конце.
2. В каждом разговоре Малыш — о бакенбардах Вандера.
3. Август Иоганн Бадер.
4. Свернувшаяся цивилизация — изучение людей. Воображение дает с легкостью то, что нужно долго испытывать в реальном мире.
5. Может быть, идеи Тендера рассеять по разговорам Дик — я — Вандерхузе.

В процессе правки многое изменяется: название планеты спасаемых аборигенов, а также и название самих аборигенов — сначала это Понт и понтиане, затем — Панта и пантиане; возраст персонажа Дика-Майки (вместо «Дик всего на два года старше меня» — «Майка — моя ровесница»). Каспар Манукян, который не прошел по конкурсу проекта «Ковчег», сначала зовется Сашкой (другой вариант — Яшей) Шахбазяном. Радиограмма из Лондона («...уважаемый Геннадий, еще раз напоминаю о вашем обещании дать отзыв...») в рукописи не от Картрайта, а от Джекобса.

Утверждал же, что Странники покинули Галактику, не Боровик, а Бюлов.

Первоначально Авторы хотели назвать тип корабля, который разбился, «аистом», но затем, в процессе написания рукописи, изменили на «пеликана».

Боевые марши, которые были записаны на кристаллофоне Стася, вначале были не ируканскими, а тагорскими.

День рождения Малыша в рукописи варьировался: сначала двадцать первого АВГУСТА двести тридцать третьего года, затем — ФЕВРАЛЯ, позже — АПРЕЛЯ. И соответственно изменяется возраст Малыша в момент катастрофы: десять или тринадцать месяцев.

Ниже описываются отличия текста, в основном, первого варианта черновика от канонического текста.

ИНТЕРЕСНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

Начинается первый вариант так:

Дик сказал, что у него предчувствие. Мы стояли возле глайдера, он смотрел себе под ноги и долбил каблуком промерзший песок, а потом поднял голову, огляделся и сказал:

— Знаешь, предчувствие у меня какое-то дурацкое...

Глядя на айсберг, Дик замечает: «Хирургическое отделение,— сказал вдруг Дик тоскливо.— Стерилизационная камера. Пойти его грязью измазать, что ли?»

В первое описываемое в повести утро Стась осматривает результаты деятельности роботов: «Ночь они поработали на славу — контуры взлетно-посадочной полосы были отчетливо видны, да и большинство фундаментов было готово...» В размышлениях об инструкции безопасности Стась добавляет: «Здесь все стандартные инструкции не имели никакого смысла». А обратив внимание на айсберг, Стась сначала думает, не пойти ли ему туда, а затем решает: «Нет, не пойду я к этому айсбергу. И сторожа-разведчика я запускать не буду, хотя, может быть, и следовало бы мне лишний разок попрактиковаться. А пойду-ка я домой, отправлю радиограммы Тендера, составлю меню, включу кухню, а

сам прилягу и почитаю». После отправки и регистрации радиограмм Стась замечает о регистрации: «...не понимаю, зачем нужна эта канцелярия...» Затем, включая видеоэкран, чтобы посмотреть на роботов, Стась комментирует свои действия: «Просто из любопытства, честно говоря».

Когда Вадик сообщает Стасю, что у них передохли ящерицы, Стась реагирует:

— Ну да! — поразился я.— Когда?

— Вчера мы их запустили, а сегодня — привет. Шесть трупиков.

На полях рукописи, где Стась думает о странностях пантиан, записано так и не реализованное пожелание: «Представляет себе, чем занимаются Дик и Тендер (перевоплощается в пантианина)».

ЧП, когда остановились роботы, в первоначальном варианте описывалось несколько по-другому, больше внимания уделялось переживаниям Стася:

Уже с порога рубки я увидел, что имеет место чрезвычайное происшествие. Все три рабочих экрана на моем пульте показывали остановку работы. Я подбежал к пульту и включил видеоэкран. Сердце у меня екнуло: строительная площадка была пуста. Такого у меня еще никогда не случалось. Я даже не слыхивал, чтобы такое могло случиться. Я помотал головой и бросился к выходу. Может, ребята вернулись и перевели роботов на другое место? Какое-нибудь срочное дело, то-се... Или метеорит какой-нибудь стукнул Тома в крестец? Неужели я, елки-палки, напахал в программе? Это же невозможно... Я влетел в кессон и схватил доху. Руки не попадали в рукава, правый рукав почему-то оказался вывернут наизнанку, застежки куда-то пропали, и пока я сражался с дохой, как барон Мюнхгаузен со своей взбесившейся шубой, перед глазами моими стояла жуткая картина: ребятишки мои, управляемые дефектной программой, покорно тянут трассу для посадочной полосы прямо в туман, в курящуюся топь, погружаются в бурую жижу и исчезают навсегда... Я со всего размаха пнул ногой в перепонку и выскочил наружу.

У меня все поплыло перед глазами.

Киберы были здесь, у корабля. Они толпились у грузового люка, все трое, легонько отталкивая друг друга, как будто каждый пытался первым попасть в трюм. Это было невозможно. Это было неприлично. Это было страшно. Как будто они стремились поскорее спрятаться в трюме, укрыться от чего-то, точно так же, как и я давеча стремился спастись в корабле от пустоты и тишины. Заметив меня, Том прекратил ерзанье и включил сигнал: «Жду указаний». Я отогнал от себя все эти трусливые мыслишки и сравнения, недостойные кибертехника, и решительно показал ему руками: «Вернуться на место, продолжать выполнение программы». Честно говоря, нервы у меня были так взвинчены, что где-то в глубине души я был готов к тому, что Том не послушается меня. Бывает такое явление техники — взбесившийся робот. Оно случается очень редко, я никогда не слышал о взбесившемся строительном роботе, но сейчас я был готов и к этому.

Однако ничего такого не произошло. Том послушно включил задний ход, развернулся и покатил на площадку. Джек и Рекс, естественно, последовали за ним. А я все стоял возле люка, в горле у меня пересохло, колени ослабели, и мне очень хотелось присесть. Но я не присел. Я стал приводить себя в порядок. Доха на мне была застегнута вкривь и вкось, уши мерзли, на лбу и на щеках быстро застывал пот. Медленно, стараясь контролировать все свои движения, я вытер лицо, застегнулся как следует, надвинул на глаза капюшон и натянул перчатки.

Стыдно признаться, конечно, но я испытывал страх. Собственно, это уже был не сам страх. Это были остатки пережитого страха, смешанные со стыдом. Я никогда не был особенно высокого мнения о своих добродетелях, но кибертехник, который испугался своих роботов, это, знаете ли, слишком — даже для самого скромного человека. Мне было совершенно ясно, что об этом случае я никогда и никому не расскажу. Я совершенно явно струсил. Там, в рубке, я тоже струсил, но то был совсем другой страх, страх деловой, страх работника, у которого вдруг не заладилась работа. Здесь же, у люка, я впервые в жизни испытал страх глупый, фантастический, мистический.

Описание Вандерхузе после обнаружения погибшего корабля («...более чем когда-либо похожий на пожилого верблюда. <...> Голова его задралась, нижняя челюсть выдвинулась...») в рукописи расширено: «...тяжелые веки совершенно наползли на глаза». А после реплики Стася («Никогда мне эта планета не нравилась») Вандерхузе говорит: «И Дику тоже. Но ведь планета здесь, пожалуй, ни при чем. А? Как ты полагаешь?» А вот реакция Дика на эту находку в черновике, пожалуй, была даже более эмоциональной, чем в окончательном варианте реакция Майки: «А я плакал там, понимаешь? — сказал Дик.— Плакал! И сейчас мне плакать хочется, только я не могу... Ты бы, конечно, не заплакал бы, нет, куда там! Ты бы только зубы стискивал и все такое...»[1] После этого Стась идет на кухню готовить обед и думает, что нужно дополнить меню еще чем-то: «...но на всякий случай ввел в общую часть меню несколько стаканов вина. Вдруг кто-нибудь захочет подкрепить свои душевные силы. Я, например, был бы не прочь, но первым никогда бы не решился подкрепляться».

Когда Комов предлагает Вандерхузе провести дополнительное обследование погибшего корабля вдвоем, Вандерхузе, кроме сообщения, что комиссия должна состоять как минимум из трех человек, добавляет: «...я сейчас не могу оставить Дика», и во время обсуждения проблемы с Комовым обещает: «Ничего, к завтрашнему утру я поставлю Дика на ноги, мы отправимся туда все втроем и проведем там столько времени, сколько понадобится для самого подробного отчета...» Об отчете Комов замечает: «В конце концов, все равно это материал для Исторического отдела...»

Крики умирающей женщины, которые воспроизводит Малыш еще до своего знакомства с прилетевшей экспедицией, в первом варианте отличались от окончательных. Если в окончательном варианте было: «Шура...— простонал совсем рядом хриплый женский голос.— Где ты, Шура... Больно... <...> Что случилось? Где ты? Я ничего не вижу, Шура...— хрипела женщина, корчась

[1] Замена Дика на Майку (смена пола) — это исключительно удачное решение. Какой-то получился Дик истеричный, инфантильный. Плакал он, тот еще работничек! При чтении этих текстов все время возникает сомнение в его адекватности. И по поводу сексуальной ориентации.— *В. Д.*

от невыносимой боли.— Здесь кто-то есть... Да отзовись же, Шура! Больно как! Помоги мне, я ничего не вижу...», то вначале это звучало так: «Спасите его,— простонал где-то совсем рядом хриплый женский голос. <...> Спасите его! Все что угодно, только спасите его! — хрипела женщина, корчась от невыносимой боли.— Спасите! Он хороший, он добрый! Вы не пожалеете!»

Засыпая после трудного дня, наполненного слуховыми галлюцинациями и известием о гибели корабля, Стась первоначально не размышляет о совпадении («голос умирающей женщины в моем бреду и умершая женщина в разбитом звездолете...»), а предполагает: «А что, если завтра напроситься с ними на осмотр корабля? Занятие, конечно, малорадостное, но уж по крайней мере с людьми...» И описание утра на следующий день тоже отличалось от окончательного варианта: «Однако напроситься мне так и не пришлось. Просто случая не предоставилось. Утром я, как всегда, встал на полчаса раньше остальных, сбегал на кухню посмотреть, как там с завтраком, сбегал в рубку посмотреть, как там мои ребятишки, а потом выскочил наружу делать зарядку. Солнце еще не поднялось над горами, но было уже совершенно светло и очень холодно. Ноздри слипались, ресницы смерзались, я изо всех сил размахивал руками, приседал и вообще спешил поскорее отделаться и вернуться в корабль. И тут я заметил Тендера. Это меня удивило: обычно Тендер по утрам выходил из своей каюты последним, прямо к завтраку».

Описание второго рабочего дня Стася тоже отличается от окончательного варианта:

Я следил за работой своих ребятишек, читал, принимал радиограммы, беседовал с Вадиком и с Ниной (было утешительно обнаружить, что у Вадика тоже вовсю играет музыка), я затеял уборку помещений, я составил роскошное меню с расчетом на необходимость подкрепления духовных сил, я даже рискнул вздремнуть, потому что как-никак поднимался ночью три раза — поглядеть, как спит Дик, но главным образом из опасения, как бы роботы не выкинули какой-нибудь новый курбет. И все это в громе, в звоне, в завывании флейт и в мяуканье нэкофонов. В общем, я старательно, безжалостно и с пользою для себя и окружающих убивал время. И все это убиваемое время меня не-

отступно грызла терзающая мысль: откуда Тендер узнал то, что я ему не рассказывал, и что он в связи с этим намерен предпринять. Тендер ставил меня в тупик. Теперь-то я понимал, что необычайно раздерганное его состояние за завтраком объясняется совсем иными причинами, чем нервность Дика. Конечно, копаться в склепах — занятие тяжелое, но ведь еще вчера вечером Тендер так хладнокровно предлагал Вандерхузе немедленно, прямо ночью заняться экспертизой погибшего корабля. Нет, дело здесь было не в корабле. Эти его недоумения, возникшие после осмотра стройплощадки, этот разговор о шизоидах, эта странная интерлюдия в дверях кают-компании — совершенно ясно было, что Тендер каким-то образом узнал о моем позоре... Елки-палки, ведь он предложил мне лететь с ними, он явно опасался оставить меня здесь одного! Неужели все-таки это так заметно? Но ведь вот Вандерхузе ничего не заметил... Впрочем, Вандерхузе, наверное, просто был очень занят Диком.

Разговор Стася с Диком после возвращения комиссии, обследовавшей погибший корабль, в общих чертах повторяет окончательный вариант, но некоторые мелочи в черновике любопытны. Дик называет мир этой планеты не «выморочным миром», как Майка, а: «Проклятая и гнусная планета. Кастрированный мир», о безопасности на этой планете говорит: «Вот мы здесь четвертый день, и четвертый день я удивляюсь, как можно было все это затеять? <...> Биологически пассивная? Да! Но почему она такая? Двадцать гипотез существует по этому поводу, но я-то знаю, что годится только одна. Была здесь жизнь когда-то, настоящая, большая, богатая, а потом вспыхнула звезда, и в один миг все кончилось». Об организаторах проекта: «...зря я так резко об организаторах проекта. По сути-то дела они правы, то есть если подходить чисто реалистически, прагматически, что ли...» Есть в разговоре и мнения о Вандерхузе и Тендере:

— Тендеру, по-моему, здесь тоже не по себе,— заметил я по возможности небрежно.

— Тендеру? — Дик усмехнулся.— Ну уж нет. Тендер как раз типичный человек без чутья... то есть без того чутья, о котором я говорю.

Да, подумал я, всякого другого чутья у него предостаточно.

— За Тендера и Вандерхузе не беспокойся,— продолжал Дик с горечью.— Тендер живет только своими идеями, а Вандерхузе беспокоится только о нас. Он ведь ни о себе, ни о планете не думает. Вандерхузе я как раз хорошо знаю, не впервые с ним работаю.

Предложение Вандерхузе прочесть Стасю экспертное заключение о гибели корабля вызывает отказ. Причем в рукописи Стась думает: «...да и, в конце концов, толку от того, что я прочту заключение, было бы не слишком много...» — и продолжение разговора: «В крайнем случае, сказал я, Дик потом изложит мне все своими словами. Ладно, сказал Вандерхузе, все равно сейчас пора обедать. Прислать тебе обед? Я сказал, что скоро кончу и чтобы начинали без меня».

Майка при обсуждении высказывает недоумение такими словами: «Я другого не понимаю. Почему он стер бортжурнал? Ведь был же удар, человек умирает...» Дик же при этом говорит: «Я вот другого не понимаю. Почему он стер бортжурнал? Ведь был же удар, у него все кости сломались, он умирает. И последние силы тратит на то, чтобы стереть бортжурнал».

О кибере, превращенном в шьющее устройство, Вандерхузе говорит Стасю: «У кого-то из них, видимо, у женщины, было несколько необычное хобби». В рукописи он добавляет: «...необычное, конечно, для космолетчика, а не вообще...»

Обсуждение отчета о погибшем корабле и решение, что делать с останками, вызывает у Стася такие мысли: «Как-то все это происходило слишком по-деловому, слишком бюрократически. Такие вопросы голосованием не решаются». Майка же об этом говорит: «...должно же быть какое-то уважение к погибшим... минута молчания какая-то...»

После, когда Стась и Дик остаются одни, они разговаривают:

— Просто Тендер старается поскорее от всего этого отделаться и вернуться к своей ксенопсихологии...

Дик, прищурившись, взглянул на меня.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— Ну да,— сказал я.— Вот завтра со мной или с тобой что-нибудь случится, он точно так же закрутит машину и прежде

всего начнет хлопотать, чтобы прислали нового квартирьера или нового кибертехника.

— Это вполне возможно,— произнес Дик, усмехаясь.— Но я-то не об этом.

— А о чем?

— А я о том, что если бы Тендер действительно хотел от всего этого поскорее отделаться и заняться своей ксенопсихологией, он бы не стал сам заниматься... ну, останками и консервацией архива. Он бы тебя послал на это или меня.

Некоторое время мы молчали. Я переваривал сказанное Диком.

— Ну,— сказал я,— это ты тоже... не то. Посылать на такое дело тебя или меня даже Тендеру, наверное, в голову бы не пришло...

— Неважно,— отмахнулся Дик.— Мог бы попросить Вандерхузе. Не в этом дело. Я только хочу сказать, что у Тендера что-то на уме. И Вандерхузе это понимает, только не знает, как Тендера зацепить... А может быть, считает, что это неважно.

— А может быть, это в самом деле неважно,— пробормотал я неуверенно.

— Да я и не говорю, что это важно,— возразил Дик с досадой.— Мне просто не нравится, что Тендер так себя ведет в этом деле. Не понимаю я его. И вообще он мне не нравится! — сказал, почти выкрикнул Дик, стукнув кулаком по столу.— Мне о нем все уши прожужжали, а я теперь хожу и считаю дни, сколько мне с ним работать осталось... В жизни больше никогда с ним работать не буду!

Вспоминая развлечения на базе в ожидании формировки («Вадим, скажем, ни с того ни с сего орал на всю столовую: «Капитан! Принимаю решение сбросить хвостовую часть и уходить в подпространство!» — на что какой-нибудь другой остряк немедленно откликался: «Ваше решение одобряю, капитан! Не забудьте головную часть, капитан!» — и так далее»), Стась вспоминает еще и такие фразы: «У меня заклинило органику бортового поворота!», «Уходя в подпространство, не забудьте погасить свет!» — и поясняет: «Конечно, не бог весть какие шуточки, каменный век, я бы сказал, но нам тогда здорово надоело ожидать назначения,

да и всем ребятам тоже, так что к нам относились снисходительно. Но мне бы и в голову не пришло, что Вандерхузе способен заниматься чем-либо подобным». Это Стась думает по поводу услышанного разговора Вандерхузе и Дика, который на самом деле имитирует Малыш. И позже, когда Стась приходит к Дику, разговор их в рукописи более длительный:

Дик приподнял голову.

— А, это ты,— произнес он с неудовольствием.— Ты чего?

— Просто так зашел,— сказал я бодро.— Ты за мной заходил?

— Нет,— сказал Дик, отбирая у меня бутылку.— Чего ради я буду за тобой заходить?

— А погулять?

— Погулять? — произнес Дик.— Ты знаешь, Стась, я сегодня, пожалуй, не пойду. А то вчера вечером я не работал, накопилось тут кое-что...

Я ощутил смутное беспокойство.

— Э... погоди,— сказал я и замолчал.

Дик подождал немного и сказал извиняющимся тоном:

— Знаешь, давай сегодня не пойдем. Так хорошо работается, у меня сначала все не ладилось, а потом пошло, пошло... Я за эти два часа знаешь сколько сделал...

Он говорил еще что-то в свое оправдание, но я уже почти не слышал его. Я уже все понял. У меня все пошло перед глазами, свет померк, и Дика я слышал будто издалека. Но несмотря на все это, у меня хватило выдержки не задавать прямых вопросов, и я только сказал:

— А я думал, что ты с Вандером уже выходил прогуляться...

— Да что ты,— произнес Дик озабоченно.— Сижу все время, как проклятый.— И тут он заметил, что со мной что-то неладно.— Ты что, обиделся? — спросил он испуганно.— Ну, если ты так уж хочешь — пойдем... конечно...

Я встал. Я пробормотал что-то такое: не надо, мол, не стоит, поздно уже — не помню, что я там бормотал. Каким-то образом я очутился в коридоре, потом у себя в каюте, погасил зачем-то верхний свет, включил зачем-то ночничок, которым никогда не пользуюсь, лег на койку и повернулся лицом к стене. Меня опять трясло.

Рассказ Комова-Тендера о последних трех днях перед явлением Малыша тоже в рукописи отличается от окончательного варианта:

<...> Так вот, послушайте, что было со мной на протяжении последних трех суток.

Оказывается, ему пришлось пожалуй еще хуже, чем мне. Правда, слуховых «галлюцинаций» у него не было совсем, но зато зрительные начались на другой же день по прибытии. Он как раз запускал мальков в озеро, когда краем глаза заметил вдруг что-то неладное. Конечно, он лучше всех нас знал, насколько безопасна эта планета, да и глайдер носился над рощами неподалеку, но нервы у него были напряжены точно так же, как у всех нас — пустота и тишина давили даже на его натуру. И вот в десяти шагах от себя он увидел в кустах это чудище. Оно было ярко-красное, оно колыхалось, дрожало, через него просвечивали кусты — в общем, Тендеру было нелегко. Но в отличие от меня мысль о галлюцинациях и тем более о сумасшествии ему и в голову не пришла, для этого он был слишком уверен в крепости своего духа, да и виды он повидал в отличие от меня. Поэтому следующее появление призрака, на этот раз зеленого, на высоте двенадцать он встретил во всеоружии и сфотографировал его. Фотография получилась плохая, но это было неважно. Тендер понял, что на планете действуют какие-то еще не обнаруженные силы. Он стал предельно внимателен, он начал собирать материал. На песчаном берегу озера он обнаружил какие-то следы, которых раньше наверняка не было, он заметил камни и сучья на стройплощадке и рядом с кораблем, он заметил мое возбужденно-подавленное состояние, он догадался, почему только я и он подвержены таинственному воздействию — Вандерхузе и Дик никогда не разлучались, и это, по-видимому, играло какую-то решающую роль. По моему поведению он сделал вывод, что неизвестное существо способно проникнуть в корабль, и стал ждать этого проникновения, дождался его этой ночью, а затем и утром.

Обсуждение фактов присутствия аборигенов на планете иногда отличается от окончательного. К примеру, высказывание Комова-Тендера (приводятся первый и последний варианты):

— В том числе и внешний облик,— сказал Тендер.— Вспомните, до сих пор мы не встретили ни одной гуманоидной расы, которая не была бы разумной. Но дело не только в анатомии. Камни, которые они сюда натаскали, ветки... Камни под маяком расположены в явном порядке, это какие-то знаки. Я не хочу ничего утверждать категорически, но то, что мне известно, очень хорошо вписывается в картину, характерную для первой стадии попыток войти в контакт, осуществляемых гуманоидами с первобытной культурой. Тайная разведка и одновременно не то дары, не то предупреждение.

— Дело не только в анатомии,— сказал Комов.— Камни под маяком расположены в явном порядке, это какие-то знаки. Камни и ветки на посадочной полосе... Я не хочу ничего утверждать категорически, но все это очень похоже на попытку войти в контакт, осуществляемую гуманоидами с первобытной культурой. Тайная разведка и одновременно не то дары, не то предупреждение...

После объявленного запрета выходить из корабля без разрешения Комов добавляет: «Прошу отнестись к этим моим словам с максимальной серьезностью».

Несколько отличается и разговор Комова-Тендера с Сидоровым.

— Прежде всего, имей в виду, Атос,— сказал Тендер,— я не знаю и не понимаю, откуда Горбовский узнал об аборигенах. Мы сами начали понимать, что к чему, всего два часа назад. Я подготовил для тебя информацию, начал ее уже кодировать, но тут все так запуталось, что я просто вынужден просить тебя потерпеть еще некоторое время и не требовать от меня подробностей. Я хочу все-таки окончательно разобраться.

— Понимаю,— сказал Сидоров.— Но сам факт существования аборигенов достоверен?

— Абсолютно,— сказал Тендер.— Два часа назад один из них проник в корабль... и мои мальчишки сгоряча устроили за ним погоню.

— Гуманоид? — спросил Сидоров.

Тендер снова помедлил.
— Да,— сказал он.

Отличается и спор Стася и Дика-Майки о контакте с разумными существами.

Вот сейчас мы в тринадцатый раз сталкиваемся с чужим разумом. Предположим даже, что контакт получится, и они объяснят нам, почему так хорошо живется в пещерах и как отвратительна им мысль жить в великолепных светлых зданиях, которые мы готовы для них построить. Не в этом дело. Понимаешь ли ты, в чем состоит главная задача всякого контакта? Понимаешь ли ты, почему человечество вот уже двести лет стремится к контактам, радуется, когда контакты удаются, горюет, когда ничего не получается? Я, конечно, знал. Изучение разума, сказал я. Исследование высшего продукта деятельности природы. Это, в общем, верно, сказал Дик, но это только слова, в которые мы тщимся облачить истинную суть дела, потому что на самом-то деле нас интересуют не проблемы разума вообще — это такая же пустопорожняя постановка вопроса, как и изучение проблем природы вообще — звучит красиво, а содержания никакого не имеет, как и всякая чрезмерно обще поставленная проблема. Нет, брат, нас интересует прежде всего наш, человеческий разум. Мы уже пятьдесят тысяч лет пытаемся понять, что мы такое, но, глядя изнутри, эту задачу, брат, не решить, как невозможно поднять себя самого за волосы. Надо посмотреть на себя извне, чужими глазами, совсем чужими, а вот это-то и не получается...

На фразу Вандерхузе о Тендере («Я бы на его месте целый день радовался, что я такой догадливый...») в рукописи есть ответ Дика: «Что вы, Тендера не знаете?» А на недоумение Дика («Машинной цивилизации здесь нет,— сказал он.— Негуманоидов здесь тоже нет...») отвечает Вандерхузе: «Не ломайте себе голову, мальчики,— мягко сказал Вандерхузе.— Ведь вы же никогда не попадали в настоящее крушение. Вы не знаете, что такое агония. Я тоже не знаю, но однажды я это видел.— Он покачал головой.— Но как же это надо было знать старинные своды!»

Отправляясь в первое наблюдение, Комов требует не только известить его при появлении аборигенов, но и «непрерывно информировать меня об их передвижениях».

После осознания, что Малыш — не абориген, а землянин, Стась думает: «Что ж тут было не понять! Можно было только удивляться, что мы не поняли этого раньше. Вот Тендер — он, конечно, понял это давным-давно. Может быть, еще до того, как мы здесь появились. И конечно, он был в восторге от своей сообразительности. Как всегда, всех обогнал, всех удивил, всех посрамил. Кроме Горбовского, впрочем. А может быть, в данном конкретном случае и самого Горбовского».

Размышляя о Малыше еще до знакомства с ним, Стась думает: «Между прочим, откуда я взял, что его воспитали разумные существа? Мимикрия, фантомы, звукоподражания... и стертый бортжурнал».

Во время слежения за Комовым, когда он идет на первый контакт с Малышом, Майке Авторы хотели приписать еще такую реплику, но позже отказались от этого: «Есть люди,— произнесла вдруг Майка,— которым счастья искать не надо.— Она ткнула пальцем по изображению Комова на экране.— Человек десять лет развивает свои теории, не имея никаких шансов и даже не надеясь опробовать их когда-либо на практике». Во время этого же слежения разговор об обеде имеет продолжение:

Я поднялся.

— Пойду готовить. Какие заказы?

— Щи и каша,— сказал Вандерхузе.

— А мне все равно,— сказал Дик с непонятным раздражением.— Чаю покрепче.

Я пошел на кухню, приготовил щи и кашу, заварил чай, нашел каталку-столик и доставил все в рубку. Мы поели, почти не отрывая глаз от экрана. Потом я все убрал. А тем временем совсем смерклось. Дик попросил разрешения включить прожектора, но Тендер не разрешил — кто его знает, какая у этого парня чувствительность на тепло, а может быть, он даже видит инфрасвет. «Только пассивные средства,— заключил Тендер.— Никаких прожекторов, никаких локаторов. Попробуйте обойтись инфраоптикой». Дик попробовал. Экраны стали темны-

ми, тусклым сиянием расплывалось горячее пятно болота, а на фоне этого сияния — яркая точка, доха Тендера с электроподогревом.

— Этак мы ничего не увидим,— проворчал Дик и снова переключил экраны на видимый диапазон.

— Ничего,— сказал Вандерхузе.— Пока видно, а потом начнутся сполохи...

— Парень должен быть хорошо виден в инфралучах,— сказал я.

— Парень, может быть, спит себе спокойно в какой-нибудь пещере,— сердито сказал Дик,— и думать о нас забыл.

— Яков,— сказал я.— Спросите у Тендера, может быть, запустить сторож-разведчик? У него чувствительность знаете какая...

Пытаясь рассмотреть Малыша на экране, Вандерхузе замечает: «...лицо у него, насколько можно различить, неподвижное... Между прочим, анатомия у него не наша, Геннадий. Точнее, не совсем наша...» Стась же в это время мысленно описывает то, что видит: «...тощая фигурка, длинная тонкая шея, встрепанные волосы».

Видя подходящего Малыша и готовясь к первому контакту, Комов сообщает об этом Вандерхузе, который желает Комову не «Доброй охоты», а «Желаю удачи», и произносит не «Стада в хлевах, свободны мы до утренней зари», как в публикациях, а «И карелою, горькой карелой дома зарастут».

На заявление Дика «Спать хочется. А ведь никак не заснуть сейчас» Стась немедленно реагирует: «Еще бы,— сказал я по возможности язвительно.— По распорядку отбой через три часа». Хотя сами мысли Стася после этого Авторы описывали несколько сонными: «Почему, собственно, наш Маугли остался человеком прямостоящим? То есть, не то, чтобы совсем прямо... Короче, почему он ходит на задних ногах? Вернее, не на задних, а...» Потом он размышляет о том, что негуманоиды не смогли бы воспитать Малыша, могли бы только прокормить, приручить, исследовать; в рукописи добавлено также и «съесть». А далее Стась думает:

Неужели это все-таки гуманоиды? Семенов стер бортжурнал... Вот я теперь знаю эту старинную инструкцию. Стер бы я

на месте Семенова бортжурнал, если бы увидел, что к моему разбитому кораблю приближаются технологически вооруженные гуманоиды? Нет, не стер бы. Значит, Семенов увидел кого-то или что-то, что было несомненно разумным и тем не менее устрашающе далеким от человека. А если бы я увидел что-нибудь такое, явно разумное, но устрашающе далекое? Гм... А жена Семенова просила их спасти ребенка... и они это запомнили и передали ребенку... Ничего не понимаю.

— Во всяком случае,— сказал вдруг Вандерхузе,— они гуманны в самом широком смысле слова, какой только можно придумать, раз они спасли жизнь младенцу, и они гениальны, ибо сумели воспитать его похожим на человека, ничего, может быть, не зная ни о руках, ни о ногах. Как ты полагаешь, Стась?

— Не знаю,— сказал я.— Во всех этих наших рассуждениях есть одно слабое место. Мы исходим из того, что раз на планете нет явно технологической цивилизации, значит, Семенов увидел негуманоидов. А он, может быть, вообще ничего не видел. Он, может быть, был в предсмертном бреду.

Вандерхузе хмыкнул.

— Ну, что ж,— сказал он.— Во всяком случае, гуманность их сомнению не подлежит. А гуманность, знаешь ли, подразумевает какой-то уровень.

— Если они гуманоиды, это совсем не так интересно,— сказал я.

Вандерхузе повернул голову и воззрился на меня через плечо.

— Ну до чего же заелись! — сказал он с огромным удивлением.

Он был прав. Я устыдился и замолчал. Так в стыде и молчании я еще размышлял некоторое время, пытаясь воссоздать достаточно непротиворечивую картину цивилизации, с которой нам здесь предстояло познакомиться.

Задремав, Стась видит во сне хмурых небритых осьминогов, но не в синих спортивных костюмах, а в отлично начищенных башмаках.

Когда над горизонтом появляется «ус-хлыст» аборигенов, Стась спрашивает:

— Какая же у него высота? — пробормотал я.

— Над его горизонтом...— Вандерхузе быстро подсчитал в уме.— Около трех километров. Этого просто не может быть.

— Мираж? — предположил я.

Вандерхузе не ответил.

Рассматривая «усы», Стась отмечает: «И они были черными и лоснились, совершенно как Пьер Александрович».

Когда Малыш, оснащенный «третьим глазом», подходит к погибшему кораблю и погружает руку в борт, он воспроизводит такой диалог:

— Что такое красота? — просил незнакомый глубокий бас.

— Красота — это неожиданность,— отозвался незнакомый женский голос.

— Зика! — почти шепотом проговорил мужской бас.— Зиканька!

Заплакал ребенок.

После включения лампы-вспышки и наказания Тендером-Комовым Дика-Майки Стась свой протест выражает так:

— Да, немного мы узнали,— сказал Тендер.— Даже шерсти клок оказался никудышным... Яков, можно попросить вас приготовить еду?

— Разумеется,— сказал Вандерхузе, поднимаясь.— Что бы вы хотели, Каспар?

— Все равно,— сказал Тендер.— Чего-нибудь горячего.

— А ты, Стась?

— Чего-нибудь холодного,— сказал я.

Вандерхузе хмыкнул и удалился.

Майка в ответ на сообщение Стася о том, что Комов взял вину на себя, в окончательном варианте говорит: «Очень мило,— произнесла Майка. Она положила книжку и потянулась.— Великолепный жест». Дик же говорит несколько другое: «Очень мило с его стороны,— произнес Дик. Он отодвинул тарелку и потянул-

ся.— Славный был сегодня суп. Люблю лапшу». И несколько позже, в запале спора происходит такой диалог:

— Свинья ты,— сказал я.— Свинская эмоциональная свинья.

— Полегче,— посоветовал Дик. Он больше не щурился, глаза у него сделались прозрачными. И он очень побледнел.

И позже, оставшись один, Стась размышляет о ссоре. В рукописи — более обстоятельно и подробно: «Теперь я был совершенно уверен, что Дик замыслил это дело еще тогда, когда надевал обруч на Малыша. <...> Я — кибертехник, мое дело — мои ребятишки, мои безотказные, мои послушные... Я вспомнил о своих ребятишках, и мне стало легче. Горечь постепенно уходила на второй план, и я вдруг поймал себя на том, что думаю, как бы усложнить систему сигнализации у Тома. Язык у него бедный, у бедняги, холуйский какой-то язык, лакейский, чего изволите...»

ИЗМЕНЕНИЯ В СЮЖЕТЕ

Сюжетные же отличия в вариантах «Малыша» в основном касаются самого Малыша (его возможностей и способностей) и негуманоидов-аборигенов.

Рассказ Комова о первом контакте с Малышом Авторами неоднократно переделывается. Первый вариант:

<...> А вот что вы мне скажете в ответ на такое сообщение. Наш мальчик — кстати, его зовут Малыш... Так вот, наш Малыш, наш космический Маугли, который впервые в своей сознательной жизни видит живых людей, уже почти бегло говорит, понимает все, что говорят ему, и намерен завтра утром явиться к нам на борт с официальным визитом.

Воцарилось молчание.

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросил Дик.— Это после четырех часов обучения?

Тендер не ответил.

— А что вы скажете,— продолжал он,— если я вам сообщу: Малыш знает такие термины, как нуль-пространство, квазипереход, курвиспат, и очень неплохо разбирается в технике

приближенных вычислений... Сами понимаете, я его этому не учил.

Снова воцарилось молчание. Затем Вандерхузе сказал:

— Ну... что на это скажешь?

Рукописный вариант на обороте страницы:

— А что вы скажете,— продолжал он,— на такое сообщение. Малышу известны такие слова, как «нуль-пространство», «квазипереход», «курвиспат» и так далее. Смысла их он, конечно, не знает, но произносит точно и без запинки.

Мы молчали.

— И, наконец, самое главное. Что вы скажете, если я вам сообщу, что Малыш совершенно недвусмысленно утверждает, будто он является единственным обитателем этой планеты. Малыш решительно требует, чтобы мы немедленно ушли. Когда мы уйдем?

— Нагло врет,— гулко произнес Вандерхузе.

Следующий рукописный вариант:

Теперь меня трудно удивить. Я сообщу вам гораздо более странные вещи. Во-первых, Малыш... Да! Его зовут Малыш. Это не перевод его имени, не найденное мною соответствие. Он так и назвал себя: Малыш. Так вот, Малыш, наш космический Маугли, который впервые в своей сознательной жизни сталкивается с живыми людьми, говорит уже почти бегло и понимает все, что говорят ему.

Воцарилось молчание.

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросила Майка.— Это после четырех часов обучения?

— В том-то и дело, что еще до нашей встречи ему были известны около трехсот наших слов, в том числе такие слова, как «нуль-пространство», «квазипереход», «курвиспат» и так далее. Конечно, смысла их он не понимал, да и сейчас не понимает, но произносит он их бегло и без запинки.

И последующий вариант практически уже не отличается от окончательного:

Сегодня меня, знаете ли, трудно удивить. За эти четыре часа я наслышался такого... Кое-что нуждается, конечно, в проверке. Но вот вам два фундаментальных факта, которые, так сказать, уже теперь лежат на поверхности. Во-первых, Малыш... его зовут Малыш... уже научился бегло говорить и понимать практически все, что говорят ему. Это мальчишка, который за всю свою сознательную жизнь ни разу не общался с людьми!

— Что значит — бегло? — недоверчиво спросила Майка.— После четырех часов обучения — бегло?

— Да, после четырех часов обучения — бегло! — торжествующе подтвердил Комов.— Но это во-первых. А во-вторых, Малыш пребывает в совершенной убежденности, что он — единственный обитатель этой планеты.

Две главы, шестая и седьмая, в которых рассказывается о первых шагах общения с Малышом, настолько сильно отличаются от окончательного варианта (отличаются не только описанием, но и сюжетно), что лучше будет привести их полностью.

Гл. 6

Он явился на следующее утро в девять пятнадцать по бортовому времени. Мы — Тендер, Дик и я — сидели за столом в кают-компании, а Вандерхузе нес вахту в посту УАС. Он остановился в дверях, вцепившись правой рукой в косяк и поджав левую ногу. Наверное, целую минуту он стоял так, разглядывая нас по очереди сквозь прорези своей мертвенной маски. Тишина стояла такая, что я слышал его дыхание — мерное, мощное, свободное, как работа хорошо отлаженного механизма. Вблизи и при ярком свете он производил еще более странное впечатление. Все в нем было странным: и поза — по-человечески совершенно неестественная и вместе с тем непринужденная, и блестящая, словно лаком покрытая, зеленовато-голубая кожа, и поразительная диспропорция в расположении мышц и сухожилий, о которой говорил давеча Вандерхузе, и мощные коленные узлы, и необыкновенно узкие и длинные ступни ног. И то, что он оказался не таким уж маленьким — всего, может быть, на полголовы ниже Дика. И то, что на паль-

цах левой руки у него не было ногтей. И то, что разглядывать человека он начинал не с лица, а с рук. И то, как он представился нам.

— По-вашему, я — Малыш,— произнес он высоким звонким голосом, в котором я без труда узнал голос Дика.

В соответствии с инструкцией Тендера мы должны были чуть приподнять руку над столом и назвать свои имена. Дик так и сделал, а я, малость растерявшись, дал маху — улыбнулся. Не умею я знакомиться и не улыбнуться при этом. Он сейчас же заметил мою улыбку, и лицо его ожило. Я был награжден целой серией ужасающих гримас, мгновенно сменяющих друг друга. Затем лицо его снова застыло, и он повторил: «Дик» — голосом Дика — и «Стась» — моим голосом.

— Мы сидим за столом,— сообщил ему Тендер.— Сидим в мягких креслах. Ты хочешь сидеть так же?

— Нет,— сказал он и отлепился наконец от косяка.— Я устал сидеть, я буду стоять. Я сидел по всему болоту.

Он скользнул вдоль стены и остановился около экрана видеофона.

— Что это? — спросил он.

— Видеофон,— ответил Тендер.

— Да,— сказал он.— Да. Картинки. Все движется, и ничего нет. Как сполохи.

— На столе еда,— сказал Тендер.— Хочешь поесть?

— Еда — отдельно? — непонятно спросил он и приблизился к столу.— Это еда? Почему непохоже?

— Непохоже на что?

— Непохоже на еду. Непохоже одно на другое.

— Все-таки попробуй,— посоветовал Тендер, пододвигая к нему поднос со всеми возможными сладостями, какие только смог изобрести мой повар.

Тогда Малыш вдруг упал на колени, уперся руками в стол и открыл рот. Мы молчали, опешив. Малыш тоже не двигался. Глаза его были закрыты. Это длилось всего несколько секунд. Затем Малыш вскочил и объявил:

— Это не может быть еда. Это мертвое. Я понимаю, это ваша еда. Но это не моя еда.

Тендер опомнился.

— Смотри, как надо,— сказал он.

Он протянул руку, взял меренгу, нарочито медленным движением поднес ее ко рту, откусил осторожно и принялся демонстративно жевать. По мертвенному лицу Малыша пробежала судорога.

— Нельзя! — сказал он взволнованно.— Нельзя ничего брать в рот. Будет плохо! Будет больно!

— А ты попробуй,— предложил Тендер.

— Нет,— сказал Малыш и даже отступил на шаг и присел на одну ногу.— Не буду. Давай будем говорить. Расскажи, когда вы отсюда уходите.

— Сейчас трудно сказать,— мягко ответил Тендер.— Мы уйдем, когда ты расскажешь о себе, что знаешь ты, а мы расскажем о тебе, что знаем мы.

— Ты говорил это ночью. В темноте.

— Я повторяю это сейчас.

— У меня мало времени. Я не хочу, чтобы вы здесь были долго.

— Почему?

— Без вас хорошо. Сейчас не совсем хорошо. Когда вы уйдете, снова будет хорошо. И не возвращайтесь.

— Мы мешаем тебе?

— Мне тоже. У меня все время заботы. Куда вы ходите, что вы смотрите, что будет завтра. Что будет, если вы не уйдете. Когда я думаю, что будет, если вы не уйдете, мне делается совсем дурно. Вы умеете думать о том, что будет?

— Умеем. Мы всегда об этом думаем. Нам совсем не хочется, чтобы кому-нибудь было дурно.

— Вам очень не хочется?

— Очень не хочется.

— Тогда уходите сейчас же. А я как-нибудь потерплю.

— Значит, ты не очень хочешь, чтобы мы уходили?

— Сейчас не очень хочу. Но я знаю, что когда вернусь домой и стану думать о том, что будет, тогда очень захочу.

— А как ты думаешь, почему ты похож на нас?

— Мы образовались в одном месте. В одной точке. Все, что образуется в одной точке, похоже. Есть разные точки. Есть такие точки — они наверху — из них все падает сюда. Есть точка,

из которой упал я, упали вы. Есть точка, из которой...— Он замолчал и вдруг скрутился в какой-то невообразимый узел, так что лицо его, чудовищно исказившееся, какое-то сплющенное, с вываленным до отказа языком, выглядывало из-под колена. Испустив серию щелкающих и свистящих звуков, он принял прежнее положение.— Вот такие,— сказал он.— Есть точка, из которой падают горячие камни. Есть точка, из которой падает вода. Множество капель, и все одинаковые. Это очень совершенная точка. Это идеальная точка...

— А где же все эти точки? — спросил Тендер.

— Не знаю. Горячие камни, я думаю, падают из солнца. А может быть, это звезды, но я сомневаюсь: звезд больше, чем камней. Многие точки просто не интересны. Точка, в которой образовались я и вы, конечно, интересна. Я не знаю, где она. А ты знаешь?

— Знаю,— сказал Тендер.

— Расскажи,— потребовал Малыш.

Тендер принялся рассказывать. Малыш слушал со своим обычным мертвенным лицом, но глаза его широко раскрылись, и он, по-моему, даже дышать перестал. Сначала он сидел неподвижно — на левой пятке, уперев правую ногу в левое колено. Потом резко откинулся на спину и лег совсем по-человечески, заложив руки под голову. Потом снова скрутился в узел и принялся раскачиваться, быстро-быстро дрожа пальцами рук. Все движения его были неуловимо стремительны и в то же время плавны. Он словно переливался из одной позы в другую. К тому моменту, как Тендер закончил объяснения, он висел под потолком, как будто прилипнув к нему спиной каким-то непостижимым способом.

— Феноменально! — отчетливо произнес он и, оторвавшись от потолка, упал на ковер, приземлившись точно на левую пятку.— Это открытие,— объявил он.— Ты все это сам открыл?

— Нет,— сказал Тендер.— Это открывали очень многие в течение очень долгого времени.

— А теперь открытие сделаю я,— произнес Малыш.— Один и сейчас. Точек, где образуются живые, очень много в мире. Звезд много. Значит, и таких точек много. Эта земля — раз. Земля, откуда ты и я,— два. Земля, откуда...— Он замолчал и при-

нялся было закидывать ногу за голову, но тут же нашел слово: — Откуда живые с длинным языком,— три. А значит, и еще очень много. Только мы все очень редко встречаемся, потому что точки очень далеко друг от друга.

— Ты молодец,— сказал Тендер.

— Молодец?

— Умный,— объяснил Тендер.— Быстро думаешь. И правильно.

— Ты знал? — спросил Малыш.— Про мое открытие знал?

— Конечно,— сказал Тендер.— Но я знал, потому что мне рассказали, а ты открыл сам.

Малыш вскочил и заскользил вдоль стен кают-компании, время от времени оставляя за собой разноцветные фантомы. Потом он присел посередине каюты и горделиво огляделся. Двенадцать черных, зеленых, оранжевых фигур по стенам, и посередине Малыш.

— Это я тоже придумал сам,— заявил он.— Феноменально!

Фигуры медленно таяли, распространяя острый запах нашатыря.

— Очень красиво,— похвалил Тендер, смаргивая слезы.— Откуда ты знаешь слово «феноменально»?

— Я его помню,— сказал Малыш.— Я не знаю точно, что оно значит. Но я его правильно употребляю?

— Правильно.

— Большой и очень хороший человек с громким голосом часто выкрикивал это слово. Красивое слово. Звучное. Я помню еще звучные слова. «Поместамкаррамба». «Побимбомбрамселям». «Марри»...

Честно говоря, у меня мороз пошел по коже. А Дик сделался просто белый, как стена. Малыш выкрикивал слова сочным мужским басом. Закрыть глаза — так и видишь перед собой огромного, полного крови и радости жизни человека, бесстрашного, сильного, доброго... И вдруг в интонации Малыша что-то изменилось, и он тихонько пророкотал с неизъяснимой нежностью:

— «Кошенька моя, ласонька»... Что это такое? — спросил он.— Чувствую, что какие-то хорошие слова, но ни разу не нашел, когда их сказать.

Тендер молчал. Видно, и его проняло. Потом он кашлянул и сказал:

— Да. Это все наши слова. Удивительно, что ты все это помнишь.

— Я много помню! — сказал Малыш.— Я помню такое же место,— он повел головой, и я не сразу понял, что он имеет в виду кают-компанию.— Только оно было гораздо просторнее. И я помню лица, такие же, как у вас. Только большие. Лица говорили, но я не могу пересказать. Я не знаю слов, которые изображались на этих лицах. Ваши лица тоже говорят, шепотом, тихо, очень трудно понять. Вы понимаете, когда я говорю лицом?

— Нет,— сказал Тендер.

— Я так и думал. У вас лица слабые. У вас лицами не говорят. А мы говорим только лицами. Звуки — это чтобы показывать других.

— А если вы далеко друг от друга?

— Кто?

— Ты и... твои... друзья.

— Мы не бываем далеко.

— Но вот сейчас вы же далеко...

— Сейчас другое дело. Сейчас я у вас. Я говорю с вами. Мое лицо все равно молчит. Но если мне надо сказать им, я выйду и скажу.

— Значит, они близко?

— Они всегда близко. Как они могут быть далеко?

Мы с Диком переглянулись, а Тендер продолжал как ни в чем не бывало:

— А что они думают о нас?

— О вас? — Малыш, кажется, очень удивился.— Как это — о вас? Зачем им о вас думать?

— Но они знают про нас?

— Знают. Знают, что вы здесь. Если бы не знали, было бы хорошо. Мы бы много еще говорили, ты бы много мне рассказал. Ты интересно рассказываешь. Они тоже могут интересно рассказывать? Или они — чтобы ты думал?

Тендер покосился на нас с Диком.

— Они такие же, как я,— сказал он.— Они тоже могут рассказывать. Еще лучше они умеют играть.

— Играть...

— Да, играть. Много двигаться без особой цели, чтобы было хорошо и весело. Бегать, прыгать, кричать...

— Понимаю,— сказал Малыш.— Но сейчас я не хочу... играть. А где еще один — с волосами на щеках?

— Его зовут Яков,— сказал Тендер.— Он работает.

— Работает... Поработаю... Надо работать... Поработаю-ка я немножко... Нет, не помню. Просто делалось тихо. Не помню. Это неважно. А как он ходит через кусты? Цепляется? Я всегда цепляюсь волосами. Но у меня они наверху.

— Он мало ходит по кустам,— произнес Тендер. Невооруженным глазом было видно, что наш ксенопсихолог зашел в какой-то тупик и пока не знает, как выбраться.— А сколько их... твоих друзей?

— Много. Те, которые летали, те, которые ползали, те, которые плавали... Ты не понимаешь?

— Не совсем,— сказал Тендер.

— Может быть, я не понимаю. Друзья: это с кем разговариваешь, кто кормит, кто играет, кто возит, поднимает и опускает, кто спасает, кто делает больно, чтобы никогда не было больно...— Он выставил на обозрение страшные шрамы на шее и на боку.— Правильно? Это друзья?

— Да, в общем правильно,— сказал Тендер.

— Друзей у меня много. Сотни сотен сотен. Везде.

— А почему мы их никогда не встречали?

— Зачем? Им не нужно. Если мне не нужно, вы меня никогда не встретите. Разве у вас не так?

— Примерно так,— сказал Тендер.— Но их мы не встретили, а тебя мы встретили. Значит, тебе было нужно?

— Конечно! Вы мне были нужны, вы мне сейчас нужны. Вы меня сразу встретили. Только я сначала не знал, что вы — это вы. Сначала я думал, что вы — вот это все...— Он опять повел головой, и я понял, что он имеет в виду весь корабль.— Этот теплый холм. Он не двигался, но он дышал, он вздрагивал, он издавал звуки, и он умел, как теперь умею я, отделять от себя изображения. Он умел даже больше, чем я. Мои изображения

неподвижны и похожи на меня, а у него изображения двигались и были разные. Непохожие друг на друга. Это я думал так с самого начала. Потом я еще много что думал — скучно рассказывать — и только вчера разобрался, где вы, а где не вы. Вот эти большие, излучающие огонь... это ведь не вы. Или это ваши друзья?

— Это не друзья,— сказал Тендер.— Это машины.

— Что такое машины?

И Тендер принялся рассказывать, что такое машины. Мне было очень трудно судить о душевных движениях Малыша. Но если исходить из предположения, что душевные движения его так или иначе преобразовывались в движения телесные, можно было считать, что Малыш сражен. Он метался по кают-компании, как кот Тома Сойера, хлебнувший болеутолителя. Когда Тендер объяснил ему, что мои киберы вообще не являются живыми существами, он вскарабкался на потолок и бессильно повис там, прилипнув к пластику ладонями и ступнями ног. Сообщение о том, что киберы умеют считать, причем гораздо быстрее, точнее, чем мы, скрутило Малыша в колобок, развернуло, выбросило в коридор и через секунду снова швырнуло к нашим ногам, шумно дышащего, с огромными потемневшими глазами, отчаянно гримасничающего. Никогда раньше и никогда после не приходилось мне встречать такого благодарного слушателя. А Тендер говорил и говорил, точными, ясными, предельно простыми фразами, ровным размеренным голосом, даже мне, кибертехнику-профессионалу, было интересно его слушать, и время от времени вставлял интригующие: «Подробнее об этом мы поговорим позже» или «Это на самом деле гораздо сложнее и интереснее, но ведь ты пока еще не знаешь гемостатики...»

Едва Тендер закончил, Малыш вскочил на кресло, обхватил себя длинными своими тощими руками и спросил:

— А можно сделать так, чтобы я говорил, а они слушались?

Тут я впервые подал голос:

— Ты уже это делал.

Он бесшумно, как тень, упал на руки на стол передо мной.

— Когда?

— Ты прыгал перед ними, размахивал руками, и самый большой из них — его зовут Том — останавливался и спрашивал тебя, какие будут приказания.

— Но я не слышал его вопроса!

— Ты видел его вопрос, но не понял. Помнишь, там мигал красный огонек? Это был вопрос. Он задавал его по-своему.

Малыш перелился на ковер.

— А можно еще? — спросил он тихо-тихо моим голосом.

Я посмотрел на Тендера. Тот прикрыл глаза. Я поднялся.

— Можно,— сказал я.— Пойдем.

Он вскочил, метнулся к двери, вернулся, посмотрел каждому из нас в лицо, рот его исказила судорога, взметнулись и снова упали длинные руки.

— Нет,— сказал он вдруг.— Не надо. Не хочу. И никогда.

Я мигнул, и Малыша не стало. Только слабый, совсем прозрачный фантом быстро таял на том месте, где он только что был. Потом в отдалении чмокнула перепонка люка, и воцарилась тишина. Я посмотрел на Тендера, развел руки и сел. Голос Вандерхузе обеспокоенно осведомился по интеркому:

— Что случилось? Куда это он так почесал? Неудача?

— Может быть, я сказал что-нибудь не так? — спросил я.

— Он заметил, что вы перемигивались,— предположил Дик.

— Ну и что же? — спросил я.

— Не знаю... Может быть, он подумал, что мы строим козни...

— Не выдумывайте, ребята,— сказал Тендер.— Мы действительно строим козни, но он об этом не может догадаться. Все идет гораздо лучше, чем я ожидал. Пошли в рубку.

Он встал и направился в угол, где был установлен блок видеофонографов.

— А по-моему, он что-то понял,— упрямо сказал Дик.— Какую-то нечистоту наших намерений уловил...

— Чего же здесь нечистого? — возразил я.— Мы просто знакомимся, а его дело — принять знакомство или не принять...

— Мы не просто знакомимся,— сказал Дик.— Сам Малыш нам не нужен, он для нас — только орудие...

— Ну уж — не нужен,— сказал я.— Во-первых, он все-таки человек...

Дик замотал головой.

— Нет. Если бы он был человеком, мы бы с ним так не обращались...

Подошел Тендер с кассетами в руках.

— Правильно, Дик,— произнес он.— Мы, конечно, не просто знакомимся. Малыш нам нужен не только как наш соплеменник. От него слишком многое зависит. И мы должны сделать все, чтобы он нас полюбил. Пошли.

Он двинулся в рубку, и мы поплелись следом. Дик был неудовлетворен, это видно было по его лицу. У него был какой-то несчастный вид. Я совершенно не понимал — почему. Что это он выдумал: нечистые намерения? Конечно, мы ведем игру. Всякий контакт есть игра. Но это игра, в которой выигрывают обе стороны. Малыш, например, уже явно в выигрыше, мы тоже кое-что узнали, мало, конечно, но кое-что узнали...

В рубке Тендер прежде всего подошел к экранам и внимательно огляделся. Если не считать неоконченной стройки, все вокруг было так, как в первый день нашего прибытия. Ни Малыша, ни чудовищных «усов» над горами видно не было.

— Действительно, удрал,— сказал Тендер весело.— Что ж, подождем. Я, признаться, изрядно устал. Стась, вот вам кассета, передайте все в экстренных импульсах прямо в Центр. А дубль я возьму к себе.— Он огляделся.— Где я тут видел проектор? А, вот он... Дик, смените, пожалуйста, Вандерхузе, сейчас я буду анализировать запись, пусть он заодно посмотрит. Пошлите его ко мне в каюту... Да, Стась! Проглядите заодно радиограммы. Если будет что-нибудь стоящее... только из Центра, с Базы или лично от Горбовского или от Мбоги...

— Вы меня просили напомнить,— сказал я, усаживаясь у рации.— Вам еще надо поговорить с Михаилом Альбертовичем.

— Ах да! — Лицо Тендера стало необыкновенным — оно стало виноватым.— Знаете, Стась, это не совсем законно... Окажите любезность, выдайте запись сразу по двум каналам: не только в Центр, но и на Базу, лично и конфиденциально Сидорову. Под мою ответственность.

— Я и под свою могу,— проворчал я, но он уже был за дверью.

Дик тяжело вздохнул.

— Ну что еще? — сказал я, настраивая автоматику.— Опять у тебя предчувствия?

— Кибертехник! — произнес Дик с огромной язвительностью и тоже вышел.

Я вставил кассету в автомат, включил передачу и просмотрел радиограммы. На этот раз их было немного — всего три: видимо, Центр принял меры. Одна радиограмма была из Информатория и состояла из цифр, букв греческого алфавита и из значков, которые я видел, только когда регулировал печатающее устройство. Вторая радиограмма была из Центра от Бадера: Бадер продолжал настойчиво требовать предварительных соображений относительно других вероятных зон обитания аборигенов, возможных типов предстоящего контакта по классификации Бюлова и тому подобное. Третья радиограмма была с Базы от Сидорова: Сидоров официально запрашивал Тендера о порядке доставки заказанного оборудования в зону контакта. Я пораскинул умом и решил, что первая радиограмма Тендеру может понадобиться; третью не передать неудобно: неловко перед Михаилом Альбертовичем; а что касается Бадера, пусть пока полежит. Какие там еще предварительные соображения...

Через полчаса транслирующий автомат просигналил, что передача закончена; я вынул кассету, забрал две карточки с радиограммами и отправился к Тендеру. Когда я вошел, Тендер и Вандерхузе сидели за проектором. По экрану взад и вперед молнией проносился Малыш, виднелись наши с Диком напряженные и растерянные физиономии. Слышался ровный и сильный голос Тендера: «...научились создавать из неживого не только мускулы, но и мозг...» Вандерхузе сидел, весь подавшись к экрану, поставив локти на стол и захватив бакенбарды в сжатые кулаки. Глаза его были вытаращены, рот приоткрыт.

— Одну минуточку,— сказал Тендер и остановил воспроизведение.— Вернемтесь-ка немножко назад...

Щелкнул переключатель, и на экране появилось лицо Малыша. Малыш говорил: «...он не двигался, но он дышал, он вздрагивал, он издавал звуки, и он умел, как теперь умею я, отделять от себя изображения...»

— Стоп,— сказал Тендер и снова остановил воспроизведение.— «Как теперь умею я». Почему «как теперь»? Значит, раньше не умел... Что вы на это скажете, Яков?

Вандерхузе отдулся и выпрямил спину.

— Изображения,— сказал он.— Изображения это, вероятно, то, что вы называете защитно-отвлекающими фантомами... Только я не совсем понял, кто это такой «он». «Он дышит», «он умеет»... По-моему, никто из нас не умеет отделять защитно-отвлекающих фантомов, Каспар, как вы полагаете?

Тендер его не слушал.

— «Как теперь умею я»,— повторил он.— «Как теперь...» Нет, это не оговорка. Выходит, раньше он не умел. А теперь научился. Что такое произошло теперь, что он научился... или его научили? Прибыли мы. Обратите внимание, как все любопытно получается, Яков. Они знают про нас. Можно предположить, что они о нас не очень-то хорошего мнения, ибо сочли нужным оснастить своего разведчика защитно-отвлекающей техникой... я полагаю, что сюда входит и мимикрия... Но с другой стороны, они не думают о нас. «Зачем им о вас думать?» Некоторое противоречие, вы не находите, Яков?

— Нахожу,— честно сказал Вандерхузе.

— Ну ладно,— сказал Тендер.— Посмотрим, что там дальше.

Я воспользовался моментом и положил перед ним радиограммы.

— Что это? — сказал он нетерпеливо.— А...— Он пробежал радиограмму из Информатория, усмехнулся и отбросил ее в сторону.— Это все не то,— сказал он.— Впрочем, откуда им знать...— Он проглядел радиограмму Сидорова и поднял глаза на меня.— Вы отправили ему...

— Да,— сказал я.

— Хорошо, спасибо. Составьте от моего имени радиограмму, что оборудование пока не нужно. Вплоть до нашего запроса.

— Хорошо,— сказал я и вышел.

Я составил и отправил радиограмму на Базу и решил посмотреть, как там Дик. Мрачный Дик старательно крутил верньеры. Насколько я понял, он тренировался в наведении пушки на далеко разнесенные цели.

— Безнадежное дело,— объявил он, заметив меня.— Если они высунутся разом по всему горизонту и все одновременно плюнут в нас, нам каюк. Нам просто не успеть.

— Во-первых, можно увеличить телесный угол поражения,— сказал я, подходя.— Эффективность, конечно, уменьшится по-

рядка на три, на четыре, но зато можно захватить четверть горизонта, а расстояния здесь маленькие... А во-вторых, ты действительно веришь, что в нас собираются плевать?

— А ты?

— Да не похоже что-то.

— А если не похоже, то чего ради я здесь сижу?

Я сел на пол возле его кресла.

— Честно говоря, не знаю,— сказал я.— Все равно надо вести наблюдение. Раз уж планета оказалась биологически-активной, надо выполнять инструкцию. Сторожа-разведчика ведь не разрешают выпускать...

Мы помолчали.

— Тебе его жалко? — спросил вдруг Дик.

— Н-не знаю,— сказал я.— Жалко — это не то слово. Я бы скорее сказал — жутко. А жалеть... Почему, собственно, я должен его жалеть? Он бодрый, живой... Совсем не жалкий.

— Ты заметил, как он жадно слушает? Я не знаю, как это сформулировать... Голова у него работает великолепно, но у меня такое впечатление, что мозг его изголодался. Ему всю жизнь не хватало пищи. Мы для него — как манна небесная, а Тендер этим и пользуется.

— Что значит — пользуется? Тендеру надо установить контакт. Он избрал определенную стратегию... Ты же понимаешь, что без Малыша в контакт нам не вступить.

— А если они не хотят контакта?

— Что значит — не хотят? Надо сделать так, чтобы захотели. Всегда ведь кто-то хочет, а кто-то не хочет. Надо найти тех, кто хочет. Надо переубедить тех, кто не хочет. Это же азбука. Речь идет об историческом повороте в жизни цивилизации...

— Ох,— сказал Дик, сморщившись.— Брось ты эти лекции...

— Нет, подожди,— сказал я.— Что значит — хочет, не хочет? Почти все они не хотят сначала. А потом находятся умные люди, которые понимают, что это полезно, что это прогрессивно, что это неизбежно, наконец...

— Да не о них я говорю!

— А о ком?

— О мальчике!

— А мальчик что — не один из них?

— Мальчик — один из нас! Как вы этого понять не можете? А вы его ловите на живца, а потом на него будете ловить эту самую цивилизацию, которая, может быть, гроша ломаного не стоит...

— Подожди,— сказал я, сдерживаясь.— Во-первых, ты что — серьезно считаешь, что Малыш — один из нас?

— А ты не считаешь?

— Конечно, нет! Он даже есть по-нашему не умеет... Что у него вообще наше? В какой-то степени общий облик. Прямохождение. Ну, голосовые связки... Что еще? У него даже мускулатура не наша, а уж это, казалось бы, прямо из ген... Тебя просто сбивает с толку то, что он говорит. Действительно, великолепно говорит... Но и это ведь, в конце концов, не наше! Никакой человек не способен научиться бегло говорить за четыре часа. Тут дело даже не в запасе слов. Надо освоить интонации, фразеологию... Оборотень это, если хочешь знать, а не человек! Мастерская подделка! Подумай только, помнить то, что было с тобой в грудном возрасте, а может быть, как знать, и в утробе матери — разве это человеческое? Ты видел когда-нибудь роботов-андроидов? Не видел, конечно. А вот я видел!

— Ну и что? — мрачно спросил Дик.

— А то, что теоретически идеальный робот-андроид может быть построен только из человека. Это будет сверхмыслитель, это будет сверхсилач, сверхэмоционал, все что угодно «сверх», в том числе и сверхчеловек, но только не человек. И уже сейчас, заметь, это только дело техники. Если бы нашелся на Земле этакий доктор Моро навыворот...

— Ну, ладно,— сказал Дик.— Я тебя понимаю. Я не понимаю только, откуда ты все это видишь в Малыше. Малыш — это просто мальчик, воспитанный существами, которые умеют что-то, чего не умеем мы, и не умеют чего-то, что умеем мы. И вот этого чего-то, что умеем мы, Малышу не хватает. Не умеют они рассуждать о звездном небе, а человек спокон веков о нем рассуждал. Не умеют они думать о пришельцах, а человек о них думал еще тогда, когда и думать-то было не о чем...

— Да чушь ты говоришь,— возмутился я.— Как это можно не думать о звездном небе?

— Вот именно. Как это можно? Каждую ночь оно над головой. Каждую ночь ты его видишь. И тем не менее Малыш ничего о нем не знал. Для него это было ново. Для него весь этот разговор был новый. Голову даю на отсечение, что он впервые в жизни говорил с кем-то о звездном небе!

— Ну, это, положим, ниоткуда не следует...

— А по-моему, следует,— сказал Дик.

Мы помолчали, дуясь друг на друга.

— Во всяком случае,— сказал я наконец примирительно,— Малыш — это единственное звено, которое связывает нас с аборигенами. Если мы Малышу не понравимся, контакт сорвется.

— Да, наверное,— вяло сказал Дик.

Я был окончательно уязвлен.

— Прикажешь понимать так, что контакт тебе неинтересен?

Дик пожал плечами.

— Постольку поскольку,— проговорил он.

— То есть?

— Я считаю, что контакт хорош постольку, поскольку он безвреден.

— Подумаешь — открытие!

— Что ты ко мне пристал? — сказал Дик.— Могу я иметь свое мнение?

— Хоть два,— разрешил я.

— Могу я с недоверием относиться к ксенопсихологии, которая есть и не наука вовсе, а так, собрание сомнительных фактов и несомненно ложных выводов?

— Можешь. Через труп Каспара Тендера, любимца доктора Мбоги.

— Могу я, наконец, с сомнением взирать на действия Каспара Тендера, о котором мне кто-то говорил, что это душа общества, и который на самом деле есть всего лишь ходячая ксенопсихологическая таблица?

— А можешь ли ты задать этот вопрос лично ему?

— Не могу,— сознался Дик.— Среди многих, очень многих вещей, которые я не могу, эта занимает первое место. Но зато я могу в два счета на законном основании выставить посторонних с поста, где я несу ответственную вахту.

— Где эти посторонние? — грозно осведомился я, озираясь по сторонам.— Как инспектирующий кибертехник, я настаиваю, капитан, чтобы посторонние были немедленно удалены, и объявляю вам выговор за попустительство и нарушение инструкции.

— Обращаю ваше внимание, инспектор, что подчиненные вам кибертехники, как и все кибертехники во вселенной, грубы, настырны и не знают приличий. Их представления о целях и назначении контакта являют собой нечто совершенно зоологическое.

Начался треп. Мы совместными усилиями удалили посторонних, обменялись выговорами и затеяли спор, кто главнее: вахтенный или инспектор. В разгар спора Дик вдруг схватил меня за плечо и сказал:

— Смотри, идет.

Я поднялся с пола и взглянул на экран. Малыш возвращался. Он шел по взлетно-посадочной полосе, шел как будто неохотно, медленно, как вчера вечером, когда нес к кораблю охапку сучьев. Голова его была опущена, руки странно переплетены на груди. Сначала непонятно было, направляется ли он к кораблю или проходит мимо, но вскоре он свернул и пошел прямо на нас. И снова у меня появилось ощущение, будто он смотрит прямо в объективы обзорных экранов. Дик торопливо произнес в микрофон интеркома:

— Пост УАС — Тендеру. Малыш приближается.

Я дернулся было бежать наверх, но поймал взгляд Дика, и мне стало неловко. Нехорошо как-то получалось: я пойду, а он останется.

— Иди, иди,— сказал Дик, отводя глаза.

— Да ладно,— сказал я небрежно.— Потом посмотрим запись.

— Не выдумывай ты, иди,— настаивал Дик, но я-то его знал и видел, что он доволен мною, а это, в конце концов, самое ценное.

Впрочем, в эту минуту раздался голос Тендера:

— Дик, Стась. Оставайтесь там, где вы сейчас. Очередную встречу я буду проводить один. Я включу аварийную трансляцию, так что вы все будете слышать.

Мы с Диком переглянулись и повеселели.

— Гуманность,— шепотом сказал Дик.

— Чуткость,— шепотом откликнулся я.

— Сострадание.

— Тонкое понимание чуждой психологии.

Между тем Малыш приблизился метров на пятьдесят, остановился, постоял, понурив голову, потом вдруг стремительно повернулся на пятке вокруг оси и, сорвавшись с места, скрылся в мертвом пространстве. Я еще не успел устроиться поудобнее у ног Дика, как из репродуктора донесся его голос:

— Когда вы отсюда уходите?

— Почему ты так хочешь, чтобы мы ушли? — спросил Тендер.

— Потому что будет плохо.

— Кому?

— Ему.

— Кто это?

— Мои друзья.

— Значит, они хотят, чтобы мы ушли?

— Они такого никогда не хотят. Но им будет плохо, если вы не уйдете.

— Значит, сейчас им не плохо?

— Сейчас им как обычно. Было немножко плохо вчера вечером. Было немножко плохо позавчера. В остальное время — как обычно. Но если вы останетесь, им когда-нибудь станет плохо всегда.

— Тебе интересно с нами?

— Да.

— А может быть, им тоже будет интересно с нами?

Пауза.

— Он совсем другой. Он не такой, как я. Мне интересно потому, что я не умею, как он. Если бы умел, мне бы тоже было не интересно.

— А как он умеет?

Пауза.

— Это невозможно объяснить. Ты умеешь объяснить, что такое больно?

— Нет,— сказал Тендер,— не умею. Но у нас есть средство, чтобы узнать, как больно другому человеку, например, тебе.

— А у меня нет такого средства, чтобы ты узнал, как он умеет. И у него нет такого средства, а то бы я давно уже научился. Я очень хочу научиться, давно хочу. Он говорит, когда пройдет много сотен сотен дней, я, может быть, научусь, но не обязательно. Вот если бы я научился, тогда бы вы были мне не интересны. Хорошо, что я до сих пор не научился.

— Да, это хорошо,— согласился Тендер.— Значит, ты не знаешь, как он умеет. А что он при этом делает?

— Кто — он?

Пауза.

— Твои друзья,— сказал Тендер.

— Мне никогда не рассказать! Их гораздо больше, чем разных слов. Я должен буду перечислить все слова, и к тому же я еще не все слова знаю...

— Ну, хорошо. Они при этом смотрят?

— Куда?

— Все равно куда.

— Если тебе все равно — куда, то я лучше попробую сказать, куда они не смотрят. Они не смотрят насквозь. Они не смотрят вот так... Они не смотрят в глубь до самого конца, так очень горячо, обжигает, и тогда нужны новые... не знаю, как сказать... глаза, но не глаза. У меня такого нет, и у вас такого нет... Трудно говорить. Я не так понимаю тебя, ты не так понимаешь меня.

Пауза.

— Малыш,— сказал Тендер.— Может быть, ты умеешь рисовать? Вот так...

Пауза. Слышен неясный шум. Потом Малыш прошептал:

— Это ты?

— Нет. Это вообще человек. Ты, я... кто угодно.

— Нет. Так отделять изображения я не умею. Он умеет. Только не плоско, а в воздухе. Висит.

— А он большой? — спросил Тендер.

— Разный. Смотря где.

— На что он больше всего похож?

— Опять ты не так понимаешь меня. О нем нельзя говорить, что он похож.

— По-моему, про все на свете можно сказать, что оно на что-то похоже. Вот это все — это называется корабль — корабль похож на холм. Ты сам сказал...

— Значит, холм похож на корабль?

— Нет, не значит,— сказал Тендер, засмеявшись.— Мы всегда сравниваем то, что сделано нашими руками, с тем, что сделала природа.

— Но он ведь не сделан вашими руками. Он может сделать вас... наверное. Вы его сделать не можете. Нельзя говорить, что он похож.

— Ну, хорошо. А у него есть руки, ноги, голова?

— Ты не понимаешь,— сказал Малыш.— Нельзя так про него говорить. Нет смысла. Я у тебя спрошу: у тебя есть воздух? Или я у тебя спрошу: у тебя есть холм? И есть, и нет, верно?

Пауза.

— Ты прав,— сказал Тендер.— Я неправильно ставлю вопросы. Попробуем по-другому.

— Нет, ты лучше скажи: когда вы уходите?

— Малыш, тебе ведь интересно с нами?

— Сейчас не интересно. Интересно, когда ты рассказываешь, интересно, когда ты показываешь, когда ты учишь... вот изображения отделяешь, тоже интересно. Интересно, когда ты изменяешься... изменяешься наружу. А когда ты изменяешься внутрь, когда ты все время спрашиваешь, это неинтересно.

— Но ведь мне тоже интересно, когда ты отвечаешь, объясняешь...

Малыш прервал Тендера:

— Это все путаница. Я объясняю, но я ничего не объяснил. Я отвечаю, но я ничего не ответил. По твоим вопросам я вижу, что я ничего не могу тебе сказать. Я только издаю звуки. Они почти ничего не значат. Даже хуже. Они значат то, чего нет. Вот ты все время спрашиваешь про него. Я тебе не могу объяснить, что нельзя спрашивать про него. Не имеет смысла. Все твои слова к нему не подходят. Это все равно, что ты бы знал всего четыре слова: «сколько», «звезд», «на небе» и «один», и спросил бы меня: «Сколько звезд на небе?» Как мне отвечать, чтобы ты понял?

— Ты мог бы мне ответить! — живо возразил Тендер.— Ты бы сказал...

— Да, но, во-первых, ты бы все равно не понял, сколько звезд на небе, а во-вторых, пусть ты знаешь не слово «один», а слово «зеленый». Что тогда?

— Я понимаю тебя,— сказал Тендер.— Ты очень умный мальчик. Но ведь я все-таки знаю больше, чем четыре слова? Давай попробуем так. Ты подходишь к нему, к твоему другу...

— К какому другу?

Пауза.

— К тому, кого ты называешь «он».

— Он не друг. Он — друзья.

Пауза.

— Хорошо. Ты подходишь...

— Это опять путаница. Ты подходишь к воздуху. Как тебе?

— Но воздух окружает нас со всех сторон... Он тоже окружает нас со всех сторон?

— Нас? Нет. Меня он окружает. И он внутри меня. Хватит, я устал.

— Я тоже,— признался Тендер.— Но ответь мне, Малыш. Ты можешь сделать так, чтобы я его тоже увидел?

— Он не захочет. А если он не захочет, я ничего не могу.

— Один раз он захотел,— сказал Тендер.— Вчера вечером мы видели, как из-за гор поднялись огромные черные... палки, шесты, башни, щупальца, образования, очень гибкие, очень прочные... вот такие вот... Вот это горы, а вот это они, понимаешь?

— Не знаю,— проговорил Малыш после некоторого молчания.— Я никогда не видел такого.

— Ну как же...— растерянно сказал Тендер.— Вчера вечером, когда мы с тобой сидели, и я учил тебя говорить...

— Нет, я не видел,— сказал Малыш.— Ни вчера, никогда. Но это ничего не значит. Может быть, это были друзья. Я многого не видел никогда. Я почти каждый день вижу такое, чего не видел раньше. Особенно, когда сплю. У тебя так бывает? Ты просыпаешься и вспоминаешь, будто только что что-то видел. Иногда это хорошо известное, а иногда совсем новое.

— Да, бывает,— сказал Тендер.— Это называется сон. Я сплю и вижу сны.

— А откуда это берется? — сейчас же спросил Малыш.— Что это такое — сон?

— Небывалые комбинации бывалых впечатлений,— со смешком сказал Тендер.

И он прочел коротенькую лекцию о том, что такое сны, откуда они берутся, зачем они нужны и что было бы с человеком, если бы их не было.

— Вот это интересно,— шепотом сказал Малыш (наверное, он опять висел где-нибудь под потолком от восторга).— Это открытие. Но это не большое открытие. Это еще не все про сны. Я так и не понял, почему я вижу во сне то, чего я никогда раньше не видел.

— Например?

Пауза.

— Живое,— сказал Малыш медленно.— Много разного живого. Настоящее живое. Много разных цветов и оттенков. Много разных движений. Земля. Кусты — огромные и разные, очень зеленые, очень красные, очень синие. Это я все понимаю. Но вот кусты раздвигаются, и движется живое, большое, все волосатое, не только здесь, а везде, по всему телу. Очень злое, очень опасное, как обвал в горах. И когда я убегаю, оно бежит за мной... Интересно,— сказал он другим голосом.— Что бы оно стало делать, если бы я умел оставлять изображения? Когда я видел этот сон, я еще не умел. Теперь я умею, но во сне вижу совсем другое.

— А ты давно научился оставлять изображения?

— Нет. Как только пришли вы.

— Ты сам научился?

— Нет, конечно, нет. Сам я умею только делать открытия. Но ты не сказал мне, что означает такой сон?

— Не знаю,— сказал Тендер.— Вероятно, я не совсем хорошо понял тебя... Ты уверен, что никогда раньше не видел это опасное живое?

Малыш помолчал.

— Пожалуй, я не уверен,— признался он.— Когда я говорю о снах, я вообще ни в чем не уверен.

— Может быть, ты видел это живое по видеофону?

— Да, может быть.— Малыш помолчал.— Я вот сейчас вспоминаю. Есть одна вещь, которую я, может быть, когда-нибудь видел, но которую я наверняка никогда не делал. Понимаешь, что я хочу сказать? Видел, как делают другие, но сам не делал, потому что это плохо. Это нельзя. Это неприятно. А было так. Я сидел около еды, брал ее руками и клал в рот. Как ты утром, помнишь? И мне не было противно, не было страшно, мне было вкусно, как будто я ел так, как надо. Но ведь так я никогда не ем. Я не могу так. У меня бы не получилось.

— А как ты ешь?

— Очень просто. Я делаю вот так.— Пауза.— И еда льется мне в рот, и я глотаю.

— А где ты это делаешь?

— Где угодно, когда захочу.

— Здесь ты можешь?

— Здесь — нет. Здесь нет еды. Ну давай теперь хватит. У меня очень устал язык. Или давай поговорим лицом.

— Давай,— сказал Тендер.— Расскажи мне что-нибудь. Только скажи сначала, о чем будешь рассказывать. Расскажи о нас — так, как ты будешь рассказывать ему.

Наступила тишина. Дик с досадой стукнул кулаком по пульту.

— Ну-ну,— сказал я,— Тендер совершенно прав. Может быть, удастся расшифровать.

Голос Тендера произнес:

— Все? А теперь расскажи то же самое словами.

— Я сказал тебе: я ничего не буду ему рассказывать, это глупо — рассказывать ему о вас.

— Хорошо. Тогда перескажи лицом то, что я тебе рассказывал о снах.

Снова наступило молчание. Потом Тендер сказал:

— Все? Очень хорошо. А теперь...

— Скучно,— объявил Малыш.— Я не люблю, когда одно и то же. Теперь лучше ты расскажи мне что-нибудь. Расскажи, почему, когда бросаешь камень, он летит так... а когда бросаешь лист с куста, он летит вот так... Ты можешь рассказать?

— Могу,— сказал Тендер и начал рассказывать. Слушать его было интересно. Все-таки откуда у этих ксенопсихологов бе-

рутся такие простые и ясные слова? Можно себе представить, что там сейчас выделывал Малыш!..

— Достаточно,— произнес Малыш.— Я так и думал. А теперь расскажи, как все образовалось: горы, океан, небо... Можешь?

— Могу,— сказал Тендер.— Но это очень-очень долгий разговор. И для тебя это лучше показать, чем рассказывать... интереснее. По видеофону.

— Покажи,— потребовал Малыш.

— Сейчас не могу. Нужно особое средство, которого здесь нет. Я попрошу, и нам пришлют.

— Кого ты попросишь?

— Своих друзей. Они там...

— Высоко?

— Далеко.

— Но раз далеко, значит, долго,— возразил Малыш.

— Нет, не обязательно,— сказал Тендер.— Мы умеем быстро, даже если далеко.

— Он тоже умеет быстро, даже если далеко,— ревниво сказал Малыш.— А я вот не умею. Я должен бегать... Ну, хорошо... Тогда скажи мне про меня. Почему мне все интересно? Все, что снаружи? Почему у меня все время появляются вопросы? Откуда они берутся? Ведь мне от них нехорошо. Они меня мучают, если я не знаю, как ответить. Раньше я думал: вопросы приходят изнутри, потому что раньше у меня были вопросы, на которые я умел ответить, а когда ответишь на вопрос, становится очень хорошо. Как будто вкусно поел или прыгнул сегодня выше, чем вчера. Но потом стало плохо. Вопросов много, десять вопросов в день, двадцать вопросов в день, а ответов мало или совсем нет, или еще хуже — старые ответы, которые радовали, отказываются негодными, это очень больно... Но ведь все, что идет изнутри, идет, чтобы сделать мне хорошо. Значит, вопросы идут снаружи? Правильно? Но тогда где они лежат, где они висят, где их точка? Очень мучительный вопрос.

Пауза.

— Я мог бы уже сейчас ответить на этот твой вопрос,— медленно произнес Тендер.— Но я боюсь ошибиться и ответить не-

правильно или неточно. Но я уверен: если я узнаю о тебе больше, много больше, я когда-нибудь отвечу тебе без ошибки.

Наступило долгое молчание. Потом Малыш сказал сдавленным голосом:

— Я очень, очень хочу, чтобы вы ушли. Вы должны уйти. Если вы не уйдете, я уйду. Совсем.

Мы услышали шорох, стремительный шелест, и голос Тендера проговорил:

— Та-ак. Ну, ничего. Далеко не уйдешь, вернешься.

Но ни вечером, ни ночью Малыш около корабля больше не появлялся.

Гл. 7

За завтраком в кают-компании Тендер был очень разговорчив. Ночью он, по-моему, совсем не спал, глаза у него были красные, щеки запали, но он был весел и возбужден.

— ...Мне совершенно ясно,— говорил он, жадно отхлебывая из кружки ледяное молоко,— у Малыша задействованы огромные области мозга, о задействовании которых мы пока еще только мечтаем. Мы только робко подступаем к этой задаче и не столько подступаем, сколько рассуждаем о морали и последствиях. А вот аборигены, кто бы они ни были, не рассуждали. Они расширили активную область его мозга, они коренным образом изменили его физиологию, а частично и анатомию, они оказались удивительно смелыми и знающими экспериментаторами. Но если лежит на поверхности цель их анатомо-физиологических упражнений — они стремились приспособить беспомощного человеческого детеныша к совершенно нечеловеческим условиям этого мира и решили эту задачу блестяще, то вот цель, которую они преследовали, вмешиваясь в работу центральной нервной, остается пока неясной. Возможно, это получилось у них случайно, как попутное следствие анатомо-физиологических изменений... Понимаете, физиология тесно связана с центральной нервной, и чтобы приспособить Малыша, им пришлось основательно покопаться в его мозгу... С другой стороны, можно допустить, что они использовали резервы его мозга целенаправленно. Но тогда возникает целый веер

предположений. Например: они стремились сохранить у Малыша все его младенческие воспоминания и впечатления, с тем чтобы облегчить ему обратную адаптацию, в случае если он опять попадет в человеческое общество. Вы сами видите, что Малыш удивительно легко сошелся с нами, видимо, мы не кажемся ему ни уродами, ни чудовищами... а эмоциональная память подсказывает ему, что существа нашего облика являются добрыми и родными. Правда, такое предположение говорит прямо-таки о феноменальной предусмотрительности и гуманности аборигенов, во что поверить трудно, если учесть, что, судя по всему, они все-таки не гуманоиды... Должен вам сказать, что от этих аборигенов у меня голова кругом идет... Пока я совершенно не способен слить воедино все, что говорит о них Малыш... Я всю ночь просидел у бортового вычислителя, но не получил ничего, кроме очевидностей: муравьиная матка и муравейник, центральный мозг с автономными информаторами, ограниченное биополе с локализованными флюктуациями плотности... и другие разные сказки... всякие сапоги всмятку, которые можно придумывать по десятку в день, которых никто никогда не видел и в которые никто никогда не верил... Стась, пожалуйста, еще кружечку... Спасибо. Честно говоря, я, конечно, рассчитывал, что все будет проще. Я рассчитывал, что Малыш просто представит нам своих воспитателей и будет служить переводчиком и комментатором. Но имеет место какая-то осечка... Видимо, шестой постулат Бюлова на самом деле не является постулатом... Ну что ж, тем интереснее... Роль Малыша возрастает необычайно. Я решил, что сегодня в контакт с ним не вступаю. Сегодня в контакт вступаете вы трое. Стась, вы покажете ему своего Тома. Дик, вы будете играть с ним в мяч и катать его на глайдере. Не стесняйтесь с ним, ребята, веселее, проще! Представьте себе, что он ваш младший братишка-вундеркинд... Яков, вам придется побыть на вахте. Ну, а если Малыш доберется и до вас, как-нибудь соберитесь с силами, позвольте ему подергать вас за бакенбарды, очень он ими интересуется. А я притаюсь, как паук, буду за всем этим наблюдать и записывать... Если он будет спрашивать обо мне, скажите, что я думаю над его последним вопросом. Пойте ему песни, покажите ему кино... Покажите ему вычислитель, Стась, рас-

скажите, как он действует, попробуйте считать с ним наперегонки. Думаю, здесь вас ожидает некоторый сюрприз... И попытайтесь все-таки накормить его. Пусть он раскроет рот, убедите его, что будет хорошо, и влейте в него через какой-нибудь сифон банку сгущенки... Не брезгуйте, не брезгуйте, представьте себе, что это ваш братишка... И не забудьте «третий глаз»... По местам, ребята, по местам!

Тендер одним духом допил молоко, вскочил и умчался. Мы посмотрели друг на друга.

— Вопросы есть, инспектор? — спросил Дик.

— Нет, капитан,— сказал я.— Вопросов нет, капитан. Вас вижу, но не слышу.

— Все это, конечно, хорошо,— задумчиво проговорил Вандерхузе.— Мне бакенбардов не жалко. Но!

— Вот именно,— сказал Дик, поднимаясь.— Но.

— Я хочу сказать,— продолжал Вандерхузе,— что вчера была радиограмма от Горбовского. Он самым деликатным образом, но совершенно недвусмысленно просил Тендера не форсировать контакта. И он снова намекал, что был бы рад к нам присоединиться.

— И что Тендер? — спросил я.

Вандерхузе задрал голову и поглядел на меня поверх носа, лаская левый бакенбард.

— Тендер высказался об этом непочтительно,— сказал он.— Устно, конечно. Ответил же он в том смысле, что благодарит за совет.

— И? — сказал я. Мне очень хотелось поглядеть на Горбовского. Я его толком никогда не видел.

— И все,— сказал Вандерхузе, поднимаясь.

Мы гурьбой отправились в рубку и прежде всего нацепили на лоб обручи с «третьим глазом» — знаете, эти портативные телепередатчики для разведчиков-одиночек, чтобы можно было непрерывно передавать визуальную и акустическую информацию — все то, что видит и слышит сам разведчик. Простая, но остроумная штука, ее совсем недавно стали включать в комплекты оборудования ЭРов. Пришлось немножко повозиться, пока мы подгоняли обручи, чтобы они не давили на виски, не сваливались на нос и чтобы объектив не экраниро-

вался капюшоном. Пока мы возились, в рубку ввалился Тендер с огромным количеством самой разнообразной аппаратуры. Тут был и транслятор, и ручной вычислитель, и эти штуки — забыл, как называются,— для анализа запахов, и еще много чего. Он свалил все это на стол и с огромным удивлением спросил: «Как, вы еще здесь?» Не знаю, куда это он так спешил: горизонты были чисты, Малышом и не пахло. Потом Дик отправился к себе в каюту искать мяч, а я выпустил на волю Тома и погнал его на взлетную полосу. Солнце уже поднялось, ночной морозец спал, но было все-таки еще очень холодно. Нос у меня сразу закоченел. Вдобавок легким, но очень злым ветерком-хиусом тянуло с океана.

Я немного погонял Тома по полосе, чтобы дать ему размяться. Том был страшно доволен и все время испрашивал приказаний. Потом подошел Дик с мячом, и мы, чтобы не замерзнуть, немножко постукали — честно говоря, не без удовольствия. Я все ждал, что Дик по своему обыкновению войдет в азарт, но он был какой-то вялый. В конце концов мне это надоело, и я спросил, что с ним. Он поставил мяч на рубчатку полосы, сел на него, подобрав доху, и пригорюнился. Том немедленно придвинулся к нему и спросил приказаний, но Дик не обратил на него никакого внимания.

— В чем все-таки дело? — спросил я.

Дик посмотрел на меня и отвернулся.

— Может быть, ты все-таки ответишь? — спросил я, не столько уязвленный, сколько удивленный такой невежливостью.

— Ветерок нынче,— произнес Дик, рассеянно оглядывая небо.

— Ветерок нынче,— повторил я в недоумении.

— Да, ветерок. Интересно, как там у них на экранах, видимость хорошая?

Тут до меня дошло.

— Бакал-дака,— произнес он.— Треке-тикий глаказ. Накас слыкы-шики-укут.

— Сакам бакал-дака,— ответствовал я.— Такам жеке тракан-сляка-токор...

— И то верно,— сказал Дик.— Вот я и говорю: ветерок, мол.

— Да-а,— подтвердил я.— Что ветерок, то ветерок.

Но в общем я не понимал, что происходит с Диком. Видно было, что замысел Тендера ему не нравится, но почему — это было мне недоступно. Лично я считал, что это совершенно правильный план: раз уж аборигены такие пентюхи, то единственный путь к ним лежит через Малыша. Значит, Малыша надобно завоевать прочно и окончательно. Тендеру это, по-видимому, не удалось, он призвал нас на помощь, почему бы не попробовать? Я, например, с удовольствием бы повозился с Малышом. Я вообще люблю детей, особенно таких вот: самые интересные ребятишки — в десять-двенадцать лет...

Я постоял возле Дика, пытаясь придумать какую-нибудь нейтральную тему для беседы, ничего, кроме того же ветерка, не придумал, и вдруг, неожиданно для себя, решил пройтись. Я ведь ни разу еще не бродил здесь по окрестностям, без малого неделю здесь нахожусь, а по земле этой так толком и не ходил, только на экранах видел. К тому же был шанс наткнуться где-нибудь в зарослях на Малыша, а это было бы уже не только приятно, но и полезно для дела: завязать с ним беседу в привычной для него обстановке. Я изложил все эти соображения Дику и, увидев, что ответа от него не дождешься, сунул нос в меховой воротник, засунул руки поглубже в карманы и направился к болоту. Том, изнемогая от услужливости, покатил было за мной, но я велел ему оставаться на месте и ждать дальнейших указаний.

В болото я, конечно, не полез, а двинулся в обход, продираясь через заросли кустарника. Жалкая была здесь растительность — бледная, худосочная, вялые синеватые листочки с металлическим отливом, хрупкие узловатые веточки, пятнистая оранжевая кора. Кусты редко достигали моего роста, так что вряд ли Вандерхузе рисковал здесь своими бакенбардами. Под ногами упруго подавался толстый слой палых листьев, перемешанных с песком, в тени искрился иней. Но при всем том растительность эта вызывала к себе определенное уважение; наверное, очень нелегко было ей произрастать здесь: ночью температура падала до минус двадцати, днем редко поднималась выше нуля, а под корнями сплошной соленый песок. Не думаю, чтобы какое-нибудь земное растение сумело бы приспособиться к таким безрадостным условиям. Мне страшно

было подумать, что среди этих промерзших кустов по мерзлому заиндевелому песку бродит, ступая босыми пятками, голый человечек.

Мне почудилось какое-то движение в густых зарослях справа. Я остановился, позвал: «Малыш!», но никто не откликнулся, и я пошел дальше. Мерзлая ледяная тишина окружала меня. Ни шелеста листвы, ни жужжания насекомых — все это вызывало странное ощущение, словно я двигался среди театральных декораций. Я обогнул длинный язык тумана, высунувшийся из болота, и стал подниматься по склону холма. Собственно, это была песчаная дюна, заросшая кустами. Чем выше я поднимался, тем тверже становилась под ногами песчаная поверхность. Выбравшись на гребень, я огляделся. Корабль скрывали от меня облака тумана, а взлетная полоса была видна хорошо: весело и жарко блестела под солнцем рубчатка, по-прежнему пригорюнившись сидел на мяче Дик, и грузный Том неуверенно топтался возле него. И тут я заметил следы на промерзшем песке — темные влажные пятна среди серебристого инея. Малыш проходил здесь и проходил совсем недавно. Сидел у самого гребня, а потом поднялся и пошел вниз по склону, удаляясь от корабля. Цепочка следов тянулась в заросли, забившие дно лощины между дюнами. «Малыш!» — снова позвал я, и снова он не отозвался. Тогда я тоже стал спускаться в лощину.

Я нашел его сразу. Мальчик лежал ничком, вытянувшись во всю длину, прижавшись щекой к земле и охватив голову руками. Несмотря ни на что, он казался очень странным и почти невозможным здесь, не вписывался он в этот ледяной пейзаж, противоречил ему. В первую секунду я даже испугался, не случилось ли что-нибудь. Слишком уж здесь было холодно, неприютно. Я присел рядом с ним на корточки, окликнул его, а потом, когда он промолчал, легонько шлепнул его по голому поджарому заду. Это я впервые прикоснулся к нему и чуть не взорал от неожиданности: он показался мне горячим, как утюг.

— Когда вы уходите? — спросил Малыш, не поднимая головы.

— Не знаю,— честно сказал я. И вдруг разозлился: мы к нему и так, и этак, а он твердит, как попка, одно и то же — когда уходите, когда уходите.— Слушай,— сказал я.— Что ты затвер-

дил одно и то же? Чем мы тебе не угодили? Нам же интересно с тобой, понимаешь?

— Понимаю,— сказал Малыш и вдруг сел — перелился из лежачего в сидячее положение.— Я все понимаю,— сказал он.— А вот вы ничего не понимаете.

Я невольно опустил глаза. Страшненькое у него было все-таки лицо.

— Я очень хорошо понимаю,— продолжал Малыш,— что вы хотите через меня познакомиться с моими друзьями. Вы все думаете, что мои друзья как я. Но со мной можно знакомиться, а с ними нельзя.

— Почему? — спросил я.— Они не хотят с нами знакомиться?

— И опять ты не понимаешь. Хочет с тобой знакомиться море?

Я посмотрел на океан. Океан был черный и неприветливый.

— Не знаю,— сказал я.— Может быть, и хочет. Только я вот не хочу.

Малыш, видимо, был озадачен.

— Море не умеет хотеть знакомиться,— возразил он.

— Как знать,— туманно сказал я.

Мы помолчали.

— Слушай, Малыш,— сказал я.— Давай сегодня о твоих друзьях не говорить. Мы по тебе соскучились — Дик и я. Пошли с нами играть.

— Не пойду,— сказал Малыш.

— Почему?

— Мне нельзя к вам ходить.

Гм, подумал я. Это что-то новенькое. Я сразу же вспомнил следы на гребне. Малыш, видимо, долго сидел там и смотрел на нас, а потом, заметив меня, ушел.

— Никто не узнает,— сказал я. Наудачу сказал. И по-видимому невпопад.

— Никто не узнает чего? — спросил Малыш.

— Ну... что ты с нами немножко поиграешь.

— Почему никто? Ты узнаешь, Дик узнает, Каспар узнает, Яков узнает. И этот большой... Том... тоже узнает.

— Но мы никому не скажем,— пообещал я.

— Что не скажете?

Как-то у меня неладно все получалось. Как-то я его не понимал. А он, по-видимому, меня не понимал.

— Ладно,— сказал я.— Все это пустяки. Пойдем, я научу тебя управлять Томом.

Малыш вскочил и сейчас же снова сел. Очень неудобно сел, я бы и двух секунд так не просидел.

— Нет,— сказал он.— Нельзя.

— Дик обещал покатать тебя на глайдере,— сказал я.— Ты будешь летать в воздухе, и все будет внизу — горы, болота, айсберг... Ты ведь никогда не летал?

— Летал,— ответил он.

Я так и подпрыгнул.

— На чем?

По лицу его прошла мгновенная рябь, поднялись и опустились плечи.

— У вас нет этого слова,— сказал наконец он.— Это был как ваш глайдер, только живой.

— Птица? — спросил я и изобразил руками.

— Птица...— повторил Малыш. Он тоже помахал руками.— Нет,— сказал он.— Это не имеет никакого смысла.

— Ну птица! — убеждающе сказал я.— Летает по воздуху и машет такими специальными руками... крыльями.

Он не понимал меня, и тогда я отломил веточку и изобразил на песке птицу.

— А! — сказал он живо.— Это я видел во сне! Похоже! Откуда ты знаешь?

— Во сне? — удивился я.— У вас здесь разве есть птицы?

— У нас здесь было много летающих. Очень много. Но давно уже нет. Сотни, сотни и миллионы дней назад.

— Как же ты мог их видеть во сне?

— Не знаю,— сказал Малыш.— Лучше скажи мне, почему вы все-таки не уходите?

— Нам интересно,— сказал я проникновенно.— У нас много вопросов к тебе и к твоим друзьям. Ты ведь знаешь, как это интересно — получать ответы на вопросы.

— Да,— сказал Малыш шепотом.— Да. Это так. Это ужасно. Это очень плохо.

— Да почему же плохо, елки-палки?

— Скажи, Стась, что у вас самое любимое в мире?

Я удивился.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Я люблю бегать, я люблю играть, я люблю плавать. Еще больше я люблю...— Он помолчал.— Я люблю спрашивать. Еще больше я люблю узнавать, чего не знал раньше. Ты все это любишь?

— Да,— сказал я.— У нас почти все любят это.

— А что ты любишь еще больше этого?

Я не понимал его.

— Когда я был совсем маленьким,— сказал Малыш,— меня любили два человека, такие, как вы. Я помню, что они любили меня больше всего. Может быть, больше, чем друг друга, хотя друг друга они тоже любили больше всего...

Я, наконец, понял.

— Ты спрашиваешь — кто дороже всего? Это называется «дороже», «самый дорогой».

— Пусть так. Кто для тебя самый дорогой?

— Мама, отец. Друзья. Дик, например.

— Они дороже всего?

— Да.

— И для них ты можешь отказаться от бегать, плавать, спрашивать, узнавать?

— Н-ну...— проговорил я,— это неправильный вопрос. Ты знаешь, что бывают неправильно поставленные вопросы...

— Знаю,— сказал Малыш.— Но мой вопрос правильный.— Он вскочил.— Пойдем играть,— сказал он и испустил душераздирающий вопль. Эхо еще не замерло в горах, а мы уже наперегонки неслись через кустарник. И я был очень горд. Впрочем, скоро мне стало не до гордости.

Малыш скользил меж кустов, как солнечный зайчик. По-моему, он не задел ни одной ветки и вообще ни разу не коснулся земли. А я в своей дохе с электроподогревом ломил напролом как слон, только трещало вокруг. На опушке зарослей Малыш приостановился, дождался меня и сказал:

— Я не знаю, что такое мама и отец. Самое дорогое для меня — это друзья.

— Прекрасно! — воскликнул я, переводя дух.— Это очень хорошо! Я бы очень хотел стать твоим другом, чтобы ты стал моим и Дика, и чтобы твои друзья стали нашими друзьями...

— Мои друзья не могут стать вашими друзьями,— сказал Малыш. Мы пошли шагом.

— А я уверен, что могут,— сказал я.— Ты очень славный, хороший, Малыш. У такого, как ты, могут быть только очень хорошие друзья... Они хорошие и мы хорошие, значит, все будет хорошо!

Малыш покосился на меня.

— Ты умеешь узнавать, что будет?

— В данном случае это нетрудно,— бодро сказал я.

— Ты не умеешь узнавать, что будет,— убежденно сказал Малыш.— Вы никто не умеете. Мои друзья хорошие — да. Лучше всего на свете. И вы хорошие, но хорошо не будет. Никак не будет. Вам будет никак, а моим друзьям будет или никак, или плохо.

Я не нашелся, что сказать, и некоторое время мы шли молча. Сформулировано было достаточно четко, но я все-таки не был уверен, что мы с Малышом правильно понимаем друг друга. Я подумал было, что, наверное, имело бы смысл рассказать ему, что мы не впервые встречаемся с разумными существами других миров и что никогда им еще не было плохо. «Никак» — бывало, это верно, но плохо — никогда. Но потом я решил, что это не мое дело, лектор из меня неважный, а Тендер сам ему и расскажет, и покажет все, что найдет нужным. И поэтому я сказал только:

— Мы очень хотим, чтобы было хорошо, и мы очень не хотим, чтобы было плохо.

— И вы очень не хотите, чтобы было никак,— сказал Малыш.

— Да,— признался я.— Этого мы тоже не хотим.

Мы уже огибали болото, и перед нами открылся берег с кораблем и взлетная полоса, когда Малыш сказал:

— А если бы меня не было? Что бы вы делали?

Я пожал плечами.

— Мы, вероятно, так ничего бы и не узнали о твоих друзьях. И мы бы заселили эту планету. Правда, наверное, рано или

поздно твои друзья дали бы о себе знать, но если бы они дали о себе знать слишком поздно, могло бы быть плохо.

Мы ступили на рубчатку. Том уже катил нам навстречу, мигая всеми сигнальными лампами, которыми он располагал.

— А если бы я сейчас исчез? — спросил Малыш.

— Это было бы плохо,— сказал я.— Прямо не знаю, что бы мы без тебя делали. Так что ты уж лучше не исчезай.

— Ну а что бы вы все-таки стали делать?

— Попытались бы тебя найти.

— А если бы не нашли?

— Нашли бы. Мы здорово умеем искать.

Малыш замолчал, а тут набежал Том, и началась потеха. Из Малыша градом посыпались вопросы. Я не успевал отвечать. Том не успевал выполнять обрушившиеся на него команды. И только Малыш все успевал. Со стороны все это выглядело, наверное, очень весело. Да нам и на самом деле было весело, даже Дик в конце концов разошелся. Наверное, мы были похожи на расшалившихся подростков, удравших с уроков на берег океана. Сначала была еще какая-то неловкость, сознание того, что мы не развлекаемся, а работаем, мысль о том, что за каждым нашим движением следят, а потом все это как-то забылось. Остался только мяч, летящий тебе прямо в лицо, и азарт удачного удара, и злость на неуклюжего Тома, и звон в ушах от удалого гиканья, и резкий отрывистый хохот Малыша — мы впервые услышали тогда его смех, да он и сам, вероятно, смеялся тогда впервые в жизни. Это были странные игры. Малыш выдумывал их правила на ходу. Он оказался невероятно выносливым, азартен, он не упускал ни единого случая продемонстрировать перед нами свои физические преимущества. Он навязал нам соревнование, как-то само собой получилось, что он стал играть один против нас троих, и мы все время проигрывали. Сначала он выигрывал, потому что мы ему подыгрывали. Потом он выигрывал, потому что мы не понимали его правила. Потом мы поняли правила, но нам с Диком мешали дохи. Потом мы решили, что Том слишком неуклюж, и исключили его из игры, Дик вошел в азарт, заиграл в полную силу. Я тоже делал все, что мог. Но мы проигрывали очко за очком. Мы ничего не могли сделать с этим молниеносным дьяволенком, кото-

рый перехватывал любые мячи, сам бил очень точно и сильно, негодующе вопил, если мяч задерживался в наших руках дольше секунды, и совершенно сбивал нас с толку своими фантомами или, того хуже, манерой мгновенно исчезать из виду, с тем чтобы появиться столь же мгновенно совсем в другом месте. Мы не сдались, конечно, от нас столбом шел пар, мы задыхались, мы потели, мы орали друг на друга, но мы дрались до последнего. И вдруг все кончилось.

Малыш вдруг остановился, проводил взглядом мяч и сел на песок.

— Это было хорошо,— сказал он.— Я никогда не знал, что бывает так хорошо. А теперь я пойду.

— Куда ты пойдешь? — спросил я, еле выговаривая слова.— Пойдем с нами в корабль. Тебе надо поесть. Мы тебя накормим, как ты привык.

— Посмотрим видеофон,— сказал Дик, подходя.— Тебе будет интересно.

— Нет,— сказал Малыш.— Мне это не интересно. Но у меня есть вопрос. Как это называется: если человек ушел под воду и не вышел; если на человека упали с горы большие камни; если человек был живой и перестал?

— Это называется — человек умер,— сказал я.

— А что бы вы стали делать, если бы я умер?

— Мы бы снова сделали тебя живым,— сказал я.

— Это можно сделать?

— Да, конечно. Это называется реанимация.

— Значит, вы не умираете?

— Умираем, конечно,— сказал я.— Реанимацию не всегда можно произвести. Если человек очень стар и устал жить... или если человек умер очень давно... или если человек очень поврежден... А разве твои друзья не умирают?

— Ты не понимаешь,— сказал Малыш и встал. Он даже не попрощался — просто повернулся и пошел прочь.

Некоторое время мы смотрели ему вслед, потом Дик крикнул: «Малыш!», сорвался с места, догнал его и пошел рядом. Я подобрал свою доху, оделся, нашел доху Дика и нерешительно направился за ними. У меня на душе был какой-то неприятный осадок: не люблю разговоров о смерти. Впрочем, Малы-

шу все это, наверное, интересно, а голова у него работает совсем не так, как у нас. Да и умирают здесь, на планете, кажется, не так, как у нас. Удивительно все-таки получается: почти на все вопросы о своих друзьях Малыш отвечает: вы не понимаете. Может быть, мы действительно чего-то не понимаем? Очень основательно, с самого начала и до самого конца не понимаем.

Я увидел, что Дик остановился, а Малыш пошел дальше. Дик повернулся и двинулся ко мне навстречу. Я подал ему доху. Дик был мрачен.

— Ну, что? — спросил я.

— Мы ничего не понимаем,— сказал Дик.— Он все время твердит, что мы ничего не понимаем.

— Мне он тоже...— начал я и осекся.— Дик,— сказал я.— Ты потерял «третий глаз».

— Я его не потерял,— сказал Дик.

Авторы несколько раз правят этот текст, изменяя какие-то его части, пока он не становится похож на окончательный. К примеру, первый рассказ Малыша в начале шестой главы выглядел так:

— Курвиспат,— отчетливо выговорил Малыш и пересел на правую пятку.— Я давно знал, что люди придут снова. Я ждал. Мне было плохо. Потом я увидел: люди пришли. Я знал, что нужно делать, но еще не знал — как. Я много размышлял. Здесь. Рядом с вами. Я знал: люди придут, будет плохо. Я размышлял и понял, что они обязательно уйдут, и тогда будет хорошо, но я не знал — когда. Надо было узнать. Я много размышлял и понял: надо выбрать одного и спросить. Я не прятался. Я приходил сюда много раз.

Отличается и часть разговора Тендера-Комова с Горбовским.

— Каспар, как вы представляете себе дальнейшую судьбу Малыша?

Предчувствие, что меня сейчас же, немедленно, в мгновение ока, с наивозможной быстротой и прямотой попросят из рубки, достигло во мне апогея. Я съежился и перестал дышать.

Тендер сказал:

— Малыш будет посредником между Землей и аборигенами.

— Я понимаю,— сказал Горбовский.— Это было бы прекрасно. А если контакт не состоится? А если...

— Леонид Андреевич! — произнес Тендер жестко.— Давайте говорить прямо. Давайте выскажем вслух то, о чем мы с вами сейчас думаем, и то, чего мы опасаемся больше всего. Я стремлюсь превратить Малыша в орудие Земли. Для этого я всеми доступными мне средствами и совершенно беспощадно, если так можно выразиться, стремлюсь восстановить в нем человека. Вся трудность заключается в том, что человеческая психика, человеческое, земное отношение к миру в высшей степени, по-видимому, чужды аборигенам, воспитавшим Малыша. Поэтому волей-неволей я, в процессе этого перевоспитания, вынужден с кровью и с мясом отдирать Малыша от тех, кого он любит больше всего на свете; волей-неволей я, по-видимому, восстанавливаю Малыша против его воспитателей, разочаровываю его в них, подрываю их авторитет и таким образом подвергаю психику Малыша возрастающему напряжению. Это напряжение уже сейчас достигло такой стадии, что он, как вы могли отметить, заговорил о своем исчезновении и смерти. Но если контакт состоится, если мне удастся вступить в непосредственную связь с аборигенами, все эти напряжения спадут сами собой, и будет достигнуто некоторое равновесное состояние. Мы быстро убедим Малыша, что наши цивилизации — это равные партнеры, со своими достоинствами и недостатками, и он, как посредник между нами, сможет всю жизнь черпать и с той, и с другой стороны, не опасаясь ни за тех, ни за других. Он будет горд своим исключительным положением, жизнь его будет радостна и полна. Если же контакт не состоится...— Тендер помолчал.— Что ж, мы должны, мы обязаны рискнуть. Такого случая больше не будет никогда. Такова моя точка зрения, Леонид Андреевич.

— Понимаю,— сказал Горбовский.— Знаю ваши идеи, ценю их. Знаю, во имя чего вы предлагаете рискнуть. Но согласитесь, риск не должен превышать какого-то предела. Поймите, с самого начала я был на вашей стороне. Я понимал, что мы рискуем, мне было страшно, но я все думал: а вдруг обойдется?

Какие перспективы, какие возможности! И еще я все время думал, что мы всегда успеем отступить. Мне и в голову не приходило, что Малыш окажется таким коммуникабельным, что дело зайдет так далеко уже через двое суток...— Горбовский сделал паузу.— Каспар, контакта ведь не будет. Пора бить отбой.

— Контакт будет,— сказал Тендер.

— Нет, не будет. Малыш хочет, чтобы мы ушли. Малыш все время повторяет, что мы ничего не понимаем. Малыш несколько раз совершенно недвусмысленно заявлял, что его друзья знать нас не хотят, что они *не могут* нас знать, даже если бы захотели. Малыш потому и хочет, чтобы мы ушли, что знает: никакого контакта никогда не будет, будет или никак, или плохо. Плохо, Каспар! Альтернатива — либо никак, либо плохо. Не либо хорошо, либо никак.

— Вы хотите сказать, что мы имеем дело со свернувшейся цивилизацией.

— Да. С разумом, замкнутым на себя.

— Но это противоречит фактам. Перед нами стерилизованная планета. Явный результат мощной деятельности, направленной вовне. Предположим даже, что это произошло много тысяч лет назад. Но Малыш! Они спасли Малыша! Зачем? Зачем это нужно цивилизации, замкнувшейся на себя, отрешившейся от внешнего мира?

— Ну, во-первых, даже теоретически никогда не предполагалось, что может существовать цивилизация, замкнутая на себя без остатка. Конечно, какая-то функциональная деятельность, направленная вовне, остается... хотя бы санитарно-гигиеническая. А что касается Малыша... Ведь если цивилизация достаточно стара, гуманизм ее мог успеть превратиться в безусловный социальный рефлекс, в социальный инстинкт. Ребенок был спасен не потому, что этого требовали писаные законы местного общества, а потому что в такой акции была потребность.

— Все это возможно,— сказал Тендер.— Но это означает только, что процесс нашего сближения с ними будет очень длительным. Может быть, понадобится на порядок больше времени, чем для сближения с обычной, разомкнутой цивилизацией... Нет, Леонид Андреевич, обо всем об этом я думал, и вы

сами хорошо понимаете, что ничего нового мне не сказали. Ваше мнение против моего, и только. Вы предлагаете отступиться, а я хочу использовать этот единственный шанс до конца.

— Каспар, так думаю не только я,— тихонько сказал Горбовский.

— Кто же еще? — спросил Тендер с легкой усмешкой.— Август-Иоганн-Мария Бадер?

— Нет, и не только Бадер. Честно говоря, я скрыл от вас одну козырную карту, Каспар. Дело в том, что мы сразу обратили внимание на странное повреждение, которое получил «аист» Семеновых. И мы сразу принялись обшаривать околопланетное пространство. И вот два часа назад пришло сообщение, что его нашли.— Горбовский замолчал.

В черновике разговор о будущем человечества происходит у Стася не с Диком-Майкой, а с самим Тендером-Комовым, уже после разговора последнего с Горбовским.

— Наверное, придется выждать,— сказал я.— Что ж делать... Да и Малыш, может быть, больше не придет... во всяком случае, скоро не придет.

Тендер усмехнулся краем рта.

— Малыш-то придет,— сказал он.— Он слишком любит задавать вопросы. А представляете, сколько у него теперь появилось новых вопросов?

Это было почти слово в слово то, что сказал в кают-компании Вандерхузе.

— Тогда, может быть...— начал я нерешительно,— может быть, нам действительно лучше...

— Может быть,— сказал Тендер.— Но неужели никто из вас не понимает, что Малыш — это случай единственный, случай, по сути дела, невозможный, а потому единственный и последний. Ведь этого больше не случится никогда. Понимаете? Никог-да!

— Да ведь риск...— пробормотал я.— Жалко...

Тендер снова усмехнулся краем рта. Ну что я ему мог сказать? После Горбовского, после него самого, что ему мог сказать незаметный рядовой кибертехник, двадцати лет, стаж

практической работы шесть с половиной суток, парень, может быть, и неплохой, трудолюбивый, интересующийся и все такое, но, прямо надо признать, невеликого ума, простоватый, невежественный...

— Простите, Каспар,— сказал я неожиданно для себя.— Горбовский все время говорил о каких-то ваших идеях, о том, что он их ценит, понимает... Я в ксенопсихологии разбираюсь плохо, но мне показалось почему-то, что речь шла не о ксенопсихологии, о чем-то более общем...

Я замолчал, испугавшись, что лезу в душу и вообще не в свое дело.

— Мои идеи,— проговорил Тендер.— Какие так мои идеи... Этим идеям сто лет. Фаворский, Боровик, Микава, Доджес... Вам знакомы эти имена?

Я помотал головой.

— Мало, мало вы знаете,— продолжал Тендер с горечью.— Мало думаете. Ограниченно думаете. Наука, стройка, спорт, любовь, дружба — что у вас еще? Все довольны, веселы, живете, как играете... Вот вы, Стась, вам двадцать лет, вы хороший специалист, и у вас полно друзей. А как вы представляете себе человечество век спустя? Всего только век...

— Как я представляю? — Уж об этом-то мы говорили много.— Конец биологической революции,— начал я бодро,— преодоление галактического барьера, выход в нуль-мир, реализация Парсиваля... то есть, я хочу сказать, реализация П-абстракций, широкое распространение контактного видения...

— Я не спрашиваю вас, как вы представляете себе достижения человечества через век. Я спрашиваю: как вы представляете себе само человечество через век.

Я озадаченно молчал. Я не понимал разницы.

— Вот и я тоже не знаю,— сказал Тендер, подождав.— А нам это надо знать. И внутри человечества ответ на этот вопрос мы не найдем. Земной человек выполнил все поставленные им перед собой задачи, и стал человеком галактическим. Но галактический человек не есть просто земной человек, живущий в галактических просторах по законам Земли. Это нечто большее. С иными законами существования, с иными целями существования. А ведь мы не знаем ни этих законов, ни этих це-

лей. По сути, речь идет о формулировке идеала галактического человека. Идеал земного человека строился в течение тысячелетий на опыте предков, на опыте самых различных форм живого на нашей планете. Идеал человека галактического, очевидно, следует строить на опыте галактических форм жизни, на опыте историй разных разумов Галактики. Пока мы даже не знаем, как подойти к этой задаче, а ведь нам предстоит ее еще решать! Причем решать так, чтобы свести к минимуму число возможных жертв и ошибок. Понимаете, Стась?

— Н-не совсем,— проговорил я.— По-моему, я это и говорил.

— Нет. Вы не это говорили. Сто тысяч лет человечество пробиралось по узкой пещере, перебиралось через завалы, продиралось через заросли, гибло под обвалами, забиралось в тупики, но всегда впереди была синева, свет, цель, и вот мы вышли из ущелья под синее небо и разлились по равнине... Да, равнина велика, есть куда разливаться. Но теперь мы видим, что это — равнина, а над нею небо. Новое измерение. Да, на равнине хорошо, и можно вволю заниматься реализацией П-абстракций. Казалось бы, никакая сила не гонит нас вверх, в новое измерение...— Тендер вдруг оборвал себя.— А, все это болтовня,— сказал он, поднимаясь.— Пойду спать. Мне до вахты осталось всего три часа.— Он направился к выходу, но остановился и сказал: — Человечество никогда не ставит перед собою задач, которые не готово решить. Это глубоко верно. Но ведь это и мучительно...

Он ушел, а я остался сидеть лицом к рации и спиной к экрану и старался разобраться не столько даже в мыслях, сколько в чувствах. Галактический идеал... Это было непонятно. По-моему, люди в космосе совсем не становились какими-то там галактическими. Я бы сказал, наоборот, люди несли Землю в космос, земной комфорт, земные нормы, земную мораль. Если уж на то пошло, то для меня, да и для всех моих знакомых ребят, идеалом будущего является наша маленькая планетка, распространившаяся до крайних пределов Галактики, а потом, может быть, и за эти пределы... И аналогия, которую привел Тендер насчет пещеры и равнины, была какая-то неудачная, неубе-

дительная. В конце концов, нет никакой силы, которая бы толкала нас с этой самой равнины в новое измерение... принимая, что равнина бескрайняя, конечно, и что дел на ней хватит на миллион лет... Хотя, конечно, с другой стороны, действительно, есть какая-то мучительность в том, что мы ограничены в формулировках наших задач. Всякая ограниченность мучительна, если угодно... Как бы то ни было, ясно, что если Тендер увлечен такими фантасмагорическими идеями, то контакт ему нужен, конечно, не для обмена технологическими рецептами и не для заполнения пустующих клеток ксенологических таблиц. Но в другой стороны — Малыш... Нет, так нельзя ставить вопрос: будущее Малыша или будущее всего человечества. Тут какая-то логическая каверза, вроде апорий Зенона... А вдруг не каверза? Вдруг вопрос так и стоит?

И временами отличаются вопросы Малыша, которые он задает Стасю уже в эпилоге.

Между прочим, я совсем не исключаю, что он не столько обдумывает новую информацию, сколько выслушивает мнение о ней своих равнодушных «друзей» за горизонтом. Мне это кажется потому, что иногда, по второму заходу, он задает очень уж странные вопросы.

— В прошлый раз ты рассказывал мне о мозге,— продолжает он.— А откуда ты знаешь, что люди думают головой?

Я слегка ошарашен и начинаю барахтаться. Он слушает меня по-прежнему внимательно, я постепенно выплываю, нащупываю твердую почву под ногами, и все идет гладко, и оба мы вроде бы довольны, но когда я заканчиваю, он говорит:

— Нет, это очень частное. Это не всегда и не везде. Если люди думают и помнят головой, откуда я помню птиц, которых никогда не видел?

— Этого мы еще толком не знаем,— признаюсь я.— Есть предположение, что твои друзья пробудили в тебе генетическую память...

— Что такое генетическая память? — немедленно осведомляется он.

Я очень неважно представляю себе, что такое генетическая память, и обещаю рассказать ему об этом в следующую встречу.

<...>

— Иди спать,— повторяет Малыш.— Но только скажи мне сначала: пока ты спишь, никто не придет на этот берег?

— Никто,— говорю я, как обычно.— Можешь не беспокоиться.

— Это хорошо,— говорит он с удовлетворением.— Так ты спи, а я пойду пообщаюсь с моими друзьями.

— Конечно, иди,— говорю я, не вдаваясь в детали. У нас не принято говорить о друзьях Малыша. Эти разговоры беспокоят его, а толку от них никакого.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАВКА

При доработке черновика много внимания Авторы уделяют и мелкой стилистической правке повести.

Иногда они долго ищут наиболее правильное слово.

Услышав впервые плач, Стась замечает: «Где-то далеко, на другом конце корабля, за многими дверями отчаянно плакал, надрываясь и захлебываясь, какой-то...» Далее следует напечатанное «малыш», затем слово вычеркивается и вписывается «карапуз», снова вычеркивается и заменяется на «младенец», снова вычеркивается и вписывается уже окончательное «ребеночек». И далее, когда Стась по плачу пытается определить возраст ребенка, он думает: «...и не обиженный рев мальчугана или девчушки лет четырех-пяти...» МАЛЬЧУГАНА ИЛИ ДЕВЧУШКИ Авторы изменяют на КАРАПУЗА.

Размышляя о том, как его отстраняют от работы и сочувствуют ему, Стась думает о «сокрушительных шквалах сочувствия и жалости». «Сокрушительные» сначала были «гигантскими», «шквалы» тоже нашлись поиском оптимального слова: «валы», «волны». Веточку, которой Комов постукивает себя по сапогу, Авторы тоже поначалу называли то прутиком, то сучком. Принесенное Малышом Авторы сначала называют «грудой сучьев», затем — «кучкой прутьев».

Долго ищется и правильное слово для описания действия Стася, когда он впервые увидел Малыша. «И тогда я БРОСИЛСЯ за

ним»... «И тогда я КИНУЛСЯ за ним»... «И тогда я РВАНУЛСЯ за ним». Бег Малыша тоже описывался по-разному: он бежал и «как-то странно отмахивал левой рукой», затем «как-то странно двигал на бегу разведенными локтями». Когда Дик (Майка) и Стась возвратились в корабль и пытаются рассказать об увиденном, Тендер (Комов) их прерывает: «Помолчите,— брезгливо произнес Тендер», «Помолчите,— приказал Комов», «Помолчите,— прервал ее Комов». Откровенный рассказ Стася, что случилось с ним за эти три дня, Дик (Майка) слушает «с жадностью»... «с раскрытым ртом»... «приоткрыв рот».

Интерком в рукописи сначала «трещит», позже Авторы изменяют на «верещит», иногда «поет».

Объявляя тревогу, Вандерхузе «ткнул указательный палец правой руки в кнопку наружного аварийного радиовызова "Всем немедленно вернуться на борт", а указательный палец левой руки — в кнопку "Всем собраться в рубке"». Позже Авторы несколько изменяют описание этого: «...нажал сразу две клавиши: наружного аварийного радиовызова "Всем немедленно вернуться на борт" и внутреннего сигнала "Всем собраться в рубке"». Варьируются и его команды, отданные Стасю. «Бегом наверх» — «Бегом вниз» — «Бегом на пост УАС», и привести в готовность «противометеоритную пушку» — «зенитную ПМП» — «носовую ПМП».

Иногда замена слова обусловлена конкретизацией объекта. К примеру, при перечислении обязанностей на биологически активной планете присутствует «обеспечение упомянутой ЗАББ от проникновения из-под почвы». ПРОНИКНОВЕНИЕ Авторы заменяют на НАПАДЕНИЕ. Толкование слова «некротический» в словаре произвело на Стася сначала «определенное», затем Авторы находят более точное: «тяжелое» впечатление. Интерком вначале назывался внутренним видеофоном. В перечне повреждений корабля сначала — «разрушена двигательная часть», затем — «разрушен рейсовый двигатель»; «раздел, который касается утечки выжившей кибертехники» — «раздел об утечке выжившей кибертехники».

Иногда правка направлена на усиление эмоциональности сказанного или описанного. Сначала Авторы называют солнце пла-

неты Малыша — «скупое лиловое светило», затем изменяют на «хилое лиловое светило».

На заявление Стася, что не нужно было торопиться с пресмыкающимися, Вадик, отвечая, сначала ОСКОРБИЛСЯ, затем ВОЗРАЗИЛ: «А кто с ними торопится?» И замечание Вадика сначала звучит так: «Слишком здесь жарко», затем: «Жарища же!» Сравнивая океан с кошмарно большой ванной, сначала он называет ее ГИГАНТСКОЙ, затем — НЕВЕРОЯТНОЙ.

После наказания Майки Вандерхузе ел салат сначала — «со скорбным выражением на верблюжьей физиономии», затем — «с постным видом».

Иногда правка касается и более правильного описания происходящего.

О роботах Авторы сначала пишут: «Джек и Рекс усердно работали, и Том уже пошел опять, но в первые секунды как-то странно...», потом УЖЕ ПОШЕЛ ОПЯТЬ они заменяют на ТОЖЕ ДВИНУЛСЯ.

Когда Стась рассказывает Комову о вчерашнем дне, он не говорит «о неподобающих звуках и прочих собственных эмоциях», позже Авторы меняют это словосочетание на «интимные подробности».

О Комове Стась думает: «Вечно он смотрит поверх всех голов и думает о чем-то своем, дьявольски возвышенном». Позже «смотрит поверх всех голов» Авторы заменяют на «высматривает что-то за далекими горизонтами».

Голос Вандерхузе, который слышит Стась, описывается так: сначала Вандерхузе «бубнил», затем — «гудел».

Имитация Комовым речи леонидян подается так. Сначала: «...потом вдруг как-то жутко скривил рот и залаял»; окончательный вариант: «плотно прижал пальцем верхнюю губу и вдруг приглушенно залаял».

Во фразе «...смутные комовские идеи вертикального прогресса получали наконец экспериментальный фундамент...» ПОЛУЧАЛИ меняется на ОБРЕТАЛИ.

Авторы пытались и поточнее описать внешний вид Малыша. «Рыжеватые свалявшиеся волосы беспорядочными космами спадали на лоб и на плечи, торчали в разные стороны, МОЩНЫМ

хохлом ПОДНИМАЛИСЬ на макушке». МОЩНЫМ изменяется на ЛИХИМ, ПОДНИМАЛИСЬ на ВЗДЫМАЛИСЬ.

Стась, пристроившись у рации, «просмотрел вновь прибывшие радиограммы, не нашел ничего срочного и передал их Вандерхузе». Авторы правят ВНОВЬ ПРИБЫВШИЕ на НОВЫЕ, а НАШЕЛ на ОБНАРУЖИЛ.

ИЗДАНИЯ

Впервые «Малыш» был опубликован в журнале «Аврора» (1971). Затем — в сборнике «Талисман» (1973). После были публикации в авторских книгах АБС — вместе с ПХХIIВ (1975), в скандально известном сборнике «Неназначенные встречи» (1980) и в 1985 году вместе с ПНА, «Стажерами» и ПИП.

ИЗДАНИЕ В «АВРОРЕ»

Первое издание «Малыша», как это неоднократно бывало с другими произведениями АБС, с одной стороны, было не до конца вычищено, стилистически поправлено; с другой стороны, иногда давало правильные формы и варианты того или иного слова, которое в более позднем издании (книжном) искажалось и далее переиздавалось в том же виде.

К примеру, в самом начале повести, перед отлетом глайдера, после короткого разговора Стася с Майей и Вандерхузе, «Майка молча пошла к глайдеру». Строчкой ниже Комов «тоже пошел к глайдеру». Это в издании «Авроры». Во всех же остальных книжных текстах Майка не ПОШЛА, а ПОДОШЛА, что создает некую противоречивую картину (до этого к Стасю и Майке как раз ПОДХОДИЛИ Вандерхузе и Комов), а также совершенно лишним тогда выглядит в предложении о Комове слово ТОЖЕ.

В первом и втором изданиях «Малыша» после размышлений Стася Попова, стоит или не стоит сообщать руководству о возникших у него слуховых галлюцинациях, и вывода («Так что, пожалуй, все-таки отложим»), идет позже убранная фраза, усиливающая вывод и одновременно лучше показывающая ход мыслей Стася: «Да. Отложим...» И точно так же после «Проснулся я от

мягкого и неприятного толчка в сердце. Что-то произошло» было убрано предложение: «Что-то тревожное». Убрано и предложение, характеризующее впечатление от совместных действий Попова и Вандерхузе. После диалога («Пост УАС! — гаркнул Вандерхузе.— Есть пост УАС! — отозвался я.— Готовность! — Есть готовность! — По-моему, это у нас очень лихо получилось») в первом издании идет дополнение: «Как в кино».

При осознании, что проект «Ковчег» будет отменен, «Вандерхузе расстроенно рванул себя за бакенбарды». В журнальном варианте это было описано более точно: «...рванул себя за бакенбарду», ибо легче представить себе, как Вандерхузе одной рукой дергает себя за бакенбарду, чем — одновременно, обеими руками... Позже, кстати, единственное число от слова «бакенбарды» в журнальном издании продолжает называться «бакенбарда», а в остальных изданиях — «бакенбард»[1]. По моему мнению, устаревшее «бакенбарда» в описании Вандерхузе выглядит более точным, подчеркивая архаичность бакенбард в XXII веке.

О дохлой рыбе, которую Комов обнаружил на холме, уточняется: не просто дохлая рыба, а дохлая пантианская рыба, этим подчеркивается отсутствие рыб в океане именно этой планеты.

В размышлениях Стася после прослушивания доклада Комова о галактическом человечестве в более поздних изданиях было убрано просторечное «там», которое подчеркивало ход мыслей: «По-моему, люди в космосе совсем не становятся какими-то ТАМ галактическими».

Несколько раз в тексте «Малыша» убирается слово «круговое» при характеристике работы бортового вычислителя — «непрерывное круговое наблюдение».

При обсуждении перспектив контакта с Малышом более четко описывался уровень контакта с негуманоидами: не просто

[1] В каноническом тексте опознать род этого слова можно только в двух местах: «...лаская левый бакенбард...» и «...сладостная тайна бакенбард...» В первом случае род явно мужской, а во втором «тайну бакенбард» тоже можно трактовать как мужской род, родительный падеж множественного числа с редуцированным окончанием, вроде «эскадрон гусар». Или «кило помидор». Не шибко грамотно, но ведь Попов — всего-то юный кибертехник.— *В. Д.*

«впервые в истории становился возможным контакт с негуманоидами», а «УВЕРЕННЫЙ контакт», так как какие-то контакты уже были.

И более детально в первом издании описывалась мимика Малыша (выделенные слова затем убраны): «...здесь сквозь фейерверк КРОШЕЧНЫХ движений проглядывал какой-то определенный ритм, какой-то осмысленный порядок, это не была болезненная конвульсивная дрожь МУСКУЛОВ, агония, паника».

В разговоре Горбовского и Комова Горбовский предполагает, что бы земляне сделали на месте Странников, обнаружив планету с замкнутой цивилизацией, и говорит: «Мы бы поставили здесь какой-нибудь знак и убрались бы восвояси». В этом издании — не просто «какой-нибудь знак», а «какой-нибудь ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ знак».

Использование Авторами иностранных имен часто приводит в тупик редактора: склонять их или не склонять. Мало того что происходит разнобой в разных изданиях (где-то редактор решился на правку, где-то — нет), но еще и сами Авторы, вводя определенный персонаж в разные произведения, где-то склоняют его, а где-то нет. Действительно, обоснованным выглядит в данном случае вопрос Владимира Дьяконова, заданный при доработке и исправлении собрания сочинений АБС в «Сталкере»: «Интересно, почему фамилии Мбога, Ломба и Комацувара (или Канаяма из «Стажеров») склоняются, а Окада, Хасэгава и Васэда — нет?»

С Мбогой в разных изданиях «Малыша» это выглядит так: в журнальном издании «Мбога» склоняется, в последующих книжных изданиях до первого собрания сочинений — не склоняется, в собраниях сочинений — опять склоняется.

Присутствуют в журнальном издании и интересные подробности, убранные Авторами позже.

В радиограмме Комов сообщал на базу не просто «координаты предполагаемых стойбищ», но указывал и их количество: «координаты трех предполагаемых стойбищ».

В этом и первом книжном издании Стась Попов характеризует Комова не просто как нового соратника самого Горбовского, а как нового соперника и нового соратника.

Описывая фантом у себя в каюте, Стась более детально фиксирует происходящее (выделенное — позже убрано): «...я протянул к нему руку, и рука моя прошла сквозь него, как сквозь воздух, а он заколыхался, начал таять и ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД исчез без следа».

В этом и первом книжном издании Комов, читая очередную радиограмму, покусывает ноготь большого пальца. Позже это убрано.

Голос Сидорова во время вызова с базы характеризовался не просто как «спокойный», а как «глуховатый спокойный».

В первых двух изданиях описывалось расположение всей команды перед первым посещением Малыша: «Мы с Комовым уселись за стол напротив двери, Вандерхузе втиснулся за панель диагностера...» И точнее описывались движения Малыша, когда ему предложили еду (выделенное — позже отсутствует): «Тогда Малыш вдруг упал на колени, протянул ВПЕРЕД руки и открыл рот».

В рассказе Малыша о попытках контакта перед предложением «Я входил к одному и разговаривал ночью» (о «видениях» Стася) в первом издании еще было: «Я входил к одному и разговаривал днем» (вероятно, имеются в виду «слуховые галлюцинации» Стася).

Когда Стась пытается заинтересовать Малыша шахматами, он говорит: «Это величайшая игра!», а в журнальном варианте еще добавляет: «Ей тысяча лет!..»

Путешествие Малыша в пещере дополнялось еще такими подробностями (выделенное — позже убрано): «...а Малыш шел через это, будто на самом деле ничего этого не было, шел, вытянув перед собой светящиеся руки с растопыренными пальцами, И ПАЛЬЦЫ ЕГО ВИБРИРОВАЛИ И СОДРОГАЛИСЬ В СЛОЖНОМ И ОЧЕВИДНОМ РИТМЕ, а вокруг — булькало, хрипело, журчало, звонко тикало».

Была и интересная вставка о мыслях Стася после ссоры с Майкой: «Кончится вся эта кутерьма, немедленно подаю заявление в проект «Ковчег-2»... Я СТАЛ РИСОВАТЬ СЛАДОСТНЫЕ КАРТИНЫ, КАК Я РАБОТАЮ В ПРОЕКТЕ «КОВЧЕГ-2» — с Вадиком, с Таней, с головастой Нинон, в конце концов. Как зверь буду работать, без болтовни, ни на что не отвлекаясь. Никаких контактов!..»

В конце повести, когда Стась бежит по коридору наружу, увидев Малыша, было еще интересное дополнение в описании: «Все было белое и искрилось в свете сполохов. Но у самого люка, у меня под ногами, чернел какой-то круглый предмет. Я ПОПЯТИЛСЯ. Черт знает, какая дикость представилась мне на мгновение. Я даже не сразу заставил себя нагнуться».

Рукопись «Малыша» подверглась здесь, как это бывает почти при каждом журнальном издании, сокращению. Правда, в этом случае сокращения делались либо самими Авторами, либо очень грамотным редактором, ибо убирались отдельные предложения или части предложений, содержащие очевидные факты; эти убранные места, скорее, служили для усиления эффекта от чтения, чем содержали что-либо новое, в этом издании упущенное.

К примеру, после разговора Стася с Гансом, который только проснулся и поэтому «он только мычал и мямлил какую-то несусветицу про дождь и низкое давление». В журнале убрана оценка этого разговора: «Толку от него не получилось никакого».

Убраны и подробности прогулки с Майкой в поисках Малыша: «При этом я отпускал отчаянные остроты, всячески провоцировал Майку на шуточки в мой адрес и вообще пускался во все тяжкие, чтобы хоть немножко расшевелить ее. Все втуне — Майка оставалась хмурой, отмалчивалась или отвечала односложно. Вообще с Майкой это бывает, случаются у нее приступы хандры, и в таких случаях лучше всего оставить ее в покое. Но сейчас мне казалось, что Майка не просто хандрит, а злится, и злится именно на меня; почему-то я чувствовал себя виноватым перед нею и совершенно не понимал, как быть», «Нос у меня сразу закоченел. Вдобавок легким, но очень злым ветерком тянуло с океана» и «В болото мы, конечно, не полезли, а двинулись в обход, продираясь через заросли кустарника. Жалкая была здесь растительность — бледная, худосочная, вялые синеватые листочки с металлическим отливом, хрупкие узловатые веточки, пятнистая оранжевая кора. Кусты редко достигали моего роста, так что вряд ли Вандерхузе рисковал бы здесь своими бакенбардами. Под ногами упруго подавался толстый слой палых листьев, перемешанных с песком. В тени искрился иней. Но при всем при том растительность эта вызывала определенное к себе уважение. На-

верное, очень нелегко было ей здесь произрастать: ночью температура падала до минус двадцати, днем редко поднималась выше нуля, а под корнями — сплошной соленый песок. Не думаю, чтобы какое-нибудь земное растение сумело бы приспособиться к таким безрадостным условиям. И странно было представить себе, что где-то среди этих прозябших кустов бродит, ступая босыми пятками по заиндевелому песку, голый человечек».

Убрано и продолжение общения с Малышом, когда Стась пытается рассказать ему о шахматах: «Он стоял и слушал, глядя в сторону. Я кончил про шахматы и начал про покари. Я судорожно вспоминал все игры, какие знал».

И нет в журнале замечательного описания того, как боятся аварийной лампы-вспышки тахорги: «...тормозят задними ногами, останавливая свой неудержимый разбег...»

Нет и описания состояния Стася после ссоры с Майкой (эпизод после включения аварийной лампы-вспышки): «В голове у меня в горькой и бездонной пустоте кружились, сталкивались и рассыпались невысказанные слова».

И убрано перечисление проблем, по которым Стась мог бы связаться с любыми специалистами, если об этом бы спросил Малыш: «...относительно моделирования П-абстракций, обмена веществ у абиссальных форм жизни, методики построения шахматных этюдов...»

Как можно видеть по многим журнальным публикациям произведений АБС, Авторы не считали издание в журнале финалом работы над произведением и дорабатывали его (по крайней мере, производили стилистическую правку) для основного, то есть книжного, издания. В журнальной публикации «Малыша» присутствуют, по мнению Авторов, некоторые стилистические погрешности, выправленные позже.

В первый описываемый день Стась «слышит нечто» и далее комментирует: «Такое ощущение, будто ящерица пробежала». В книжных изданиях ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ исправлено на КАКОЕ-ТО ШУРШАНИЕ, что более верно — не по Стасю же эта якобы ящерица пробегает.

После первого услышанного плача в пустом корабле Стась «прошелся взад и вперед вдоль пульта». В последующих изданиях идет замена: «...прошелся перед пультом».

Описывая отношение Стася к биороботам, Авторы обращают внимание на то, что Стась, скорее, думает о киберах как о живых существах, чем как о машинах. Поэтому еще присутствующее в журнальном издании «я проверил У ТОМА рефлексы» изменяется на «я проверил ТОМУ рефлексы», а БОРТ Тома («Том стоял, сильно накренившись на правый борт») на БОК.

Убираются из текста «Малыша» и бывшие еще в журнальном издании канцеляриты, к примеру, «предложение о включении шизоидов» изменяется на «предложение включать шизоидов». Чистятся также нагромождения существительных: вместо «отсек систем обеспечения безопасности» — просто «отсек обеспечения безопасности».

Попавшее в журнальный вариант и позже исправленное замечание Комова («...проблема, затронутая сейчас Яковом...») изменяется на «...проблема, затронутая вами, Яков...», ибо Яков присутствует тут же, за столом, и говорить о нем в третьем лице Комову, умеющему высказывать свои мысли ясно и точно, негоже.

Точно так же изменяется фраза Стася, когда Вандерхузе предлагает ему прочесть заключение комиссии. Вместо ПУСТЬ ОБЕДАЮТ («У меня еще на час работы,— сказал я,— так что пусть обедают без меня») — ОБЕДАЙТЕ.

Мысль о том, откуда Комов узнал об отклонениях психики у Попова, как думает сам Стась, в этом издании называлась просто — «одна» («...меня неотступно грызла одна мысль...»), позже — «терзающая». «Терзающая» да еще и «грызла» — для усиления эффекта при чтении.

Точнее вырисовывается и мимика Комова. Вместо «брезгливо кривясь» — «брезгливо морщась».

Медкомиссию, о которой думает Стась во время своих «галлюцинаций», Авторы изменяют на просто комиссию.

В рассказе Комова, какие странности на планете заметил он, в упоминании о красном пятне, которое расплылось и исчезло, вначале говорится, что он его увидел «шагах в двадцати» от себя. Позже изменяется на более точное — «в двадцати шагах», ибо Комов в описаниях всегда педантичен.

В обсуждении «слуховых галлюцинаций» Стася Комов предполагает, что «устройство голосового аппарата аборигенов идентично нашему», позже Авторы изменяют: «...устройство ИХ го-

лосового аппарата идентично нашему», ибо как раз об аборигенах и ведется речь.

Споря об аборигенах и вообще негуманоидах, Вандерхузе в первом издании говорит: «Рано или поздно мы начнем переносить понятие счастья на негуманоидов». Позже ПЕРЕНОСИТЬ заменяется на ОБОБЩАТЬ.

В размышлениях об особенностях психики Малыша слово ДЕЙСТВУЕТ («...та часть мозга, которая ведает речью, действует у него великолепно...») заменяется на ЗАДЕЙСТВОВАНА.

Инфракрасная картина внутри пещеры описывалась так: «...словно срез живой ткани под расфокусированным микроскопом...», позже Авторы изменяют ЖИВОЙ на более точное ЖИВОТНОЙ.

Когда Горбовский говорит Комову, что не только он думает, что контакта не будет, Комов отвечает ему: «Кто же еще?» — с легкой УСМЕШКОЙ, в книжных изданиях — с легкой ИРОНИЕЙ.

Убирается лишнее слово в вопросе Комова: «А представляете, сколько у него теперь ПОЯВИЛОСЬ новых вопросов?»

КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

До 1985 года просуществовала возможность включения в меню экипажа спиртного: «...но на всякий случай ввел в общую часть меню несколько стаканов вина — вдруг кто-нибудь захочет подкрепить свои душевные силы...» В поздних изданиях это было убрано.

Ошибка, просуществовавшая со второго (1973) по четвертое (1980) издание: «А вы знаете, что у алжирского БЕЯ под самым носом шишка?» На самом деле должно быть ДЕЯ. Что интересно, в рукописи также напечатано сначала БЕЯ, а затем рукописно исправлено на ДЕЯ. Об этой ошибке рассказывает Виктор Курильский:

Из переписки БНС с Владимиром Борисовым (БВИ):

БНС: Кроме того, жена моя наткнулась где-то на «алжирского ДЕЯ(!)».

Наткнулась — и тут же потеряла, и я уже не смог найти. Я смутно помню, что когда-то где-то (не помню, в каком именно

романе-рассказе) я уже натыкался на эту опечатку. Неужели же она так и прошла незамеченной сквозь строй редакторов и корректоров?!

БВИ: Это — цитата из «Малыша». В «Энциклопедии» она упоминается в приложении (кажется, в первом; я книг пока не видел, и как все это исполнено, плохо представляю). НО! Это не опечатка, Борис Натанович! У Гоголя именно ДЕЙ! И Гоголь тоже прав. Титул правителей Алжира был именно ДЕЙ — буквально «дядя», а в переносном смысле — «храбрец-янычар». А вот в первых изданиях «Малыша» был БЕЙ. Так что здесь редакторы правы. Видимо, Вы подсознательно как цитировали эту фразу с БЕЕМ, так и считаете ее правильной.

БНС: Обалдеть можно! Я Вам не поверил, кинулся смотреть у Гоголя — точно: «ДЕЯ». Но я же совершенно достоверно помню, что всегда раньше было «БЕЯ»! Поразительно.

Итак, в чем же причина сомнений? Почему было заменено печатавшееся ранее «бея» на «дея»? Во-первых, потому что так правильно (см. пояснения термина БВИ); во-вторых, потому, что так сейчас печатается в первоисточнике — у Гоголя. Самое интересное в том, что Борис Натанович тоже прав. Сейчас печатается «дей», но ранее было — «бей». Вот поясняющий тему отрывок из примечаний Н. Степанова к 3-му тому собрания сочинений Гоголя в издании М.: ГИХЛ, 1952:

«Заключительная фраза повести «У алжирского дея под самым носом шишка» в рукописи читалась иначе: «...у французского короля шишка под самым носом». Упоминание о «французском короле» с шишкой «под самым носом» несомненно связано было с недавними политическими событиями во Франции — с июльской революцией 1830 года, в результате которой свергнутый Карл X вынужден был в августе 1830 года покинуть Францию.

Однако и замена в печатном тексте «французского короля» «алжирским деем» также намекала на злободневные политические события — на низложение французами в 1830 году последнего алжирского дея, Гуссейна-паши. Именно поэтому у

Гоголя в прижизненных изданиях («Арабески» и др.) печаталось «дей», а не «бей». В посмертных изданиях сочинений Гоголя слово «дей», титул алжирского правителя, было произвольно заменено на "бей"».

Степанов не указывает, когда именно издания вернулись к «дею», но, видимо, Стругацкие учились еще по изданиям с «беем» или имели эти издания в библиотеке отца.

Не избежал редакторского произвола в «Неназначенных встречах» и «Малыш». «Телепатия антинаучна», как заявлял Фарфуркис. Поэтому убран вопрос Вандерхузе, обращенный к Комову, не индуктор ли он. (Кстати, в рукописи не «индуктор», а именно «телепат»[1].) Убрано и это описание Вандерхузе (Неужто потому, что по правилам поведения за столом это неприлично?): «Вандерхузе сидел, весь подавшись к экрану, ПОСТАВИВ ЛОКТИ НА СТОЛ...» И убрана неэстетичная подробность в рассказе Малыша о вопросах: «Они у меня чешутся». И только догадываться можно, почему из этого издания убран вывод Комова в разговоре с Горбовским: «Сознание Малыша принадлежит нам. Подсознание — им».

В издании «Миров братьев Стругацких» редакторы попытались было привести в соответствие имена Странника-Сикорски (ибо в «Малыше» о нем упоминается как о Карле-Людвиге, а в ОО и ЖВМ действует Рудольф Сикорски), но внесли еще больший разнобой, так как изменив одного Карла-Людвига, они не заметили двумя строчками ниже второе упоминание о нем, и получилось: «Потом поговорили о здоровье доктора Мбога, перескочили внезапно на умиротворение какой-то островной империи и о роли в этом умиротворении некоего РУДОЛЬФА, которого они почему-то тоже называли Странником; плавно и как-то неуловимо перешли от КАРЛА-ЛЮДВИГА к вопросу о пределах компетенции Совета Галактической Безопасности...»

При подготовке текста «Малыша» в собрании сочинений АБС в издательстве «Сталкер», когда текст с предложенными исправ-

[1] «Индуктор» и «реципиент» — это термины парапсихологии, очень благородно и загадочно. А «телепат» — жулик, показывающий «психологические опыты» в парке культуры имени отдыха. — *В. Д.*

лениями отправлялся БНС на утверждение, Леонид Филиппов (редактор «Миров братьев Стругацких»), помогавший БНС утверждать или отклонять каждый предложенный вариант, с согласия БНС изменил датировку «Малыша»: перенес действие всех событий на 86 лет ранее. Вероятно, такова была просьба Сергея Переслегина, ибо в его хронологии событий, происходящих в мире Полудня, датировка «Малыша» не соответствовала тексту самого «Малыша». С такими исправленными датами «Малыш» и вышел в издании «Сталкера».

Насколько правомерно такое исправление — неизвестно, но «людены»-хронологисты в этом случае придерживаются другого мнения (Евгений Шкабарня-Богославский, август 2005 г.):

В произведениях о Мире Полудня АБС используют в общей сложности семь различных вариантов датировки событий, и один из этих вариантов — датировка «от Октябрьской революции 1917 года» — применен в «Малыше», а также в «Экспедиции в преисподнюю» АНС, которая, строго говоря, к Полуденному Циклу не относится. Сравните две цитаты:

«Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй» (М. А. Булгаков, «Белая гвардия»);

«Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 июля 2222 года н. э., от начала же Великой Революции 305-го» (А. Н. Стругацкий, «Экспедиция в преисподнюю»).

Таким образом, оригинальные, авторские даты в «Малыше» (а их в повести не так уж и много — всего четыре), атрибутированные АБС «от революции 1917 года», при переводе их в стандартную форму записи, имеют следующий вид:

— **«20-й год»** (т. е. 220 г. от революции 1917 г.— Е. Ш-Б.) (+ 1917) = **2137 г.**— Супруги Семеновы ушли в ГСП;

— **«231-й год»** (+ 1917) = **2148 г.**— Последний старт экспедиционного звездолета «Пилигрим»;

— **«233-й год»** (+ 1917) = **2150 г.**— Родился Пьер Семенов (Малыш);

— **«234-й год»** (+ 1917) = **2151 г.**— Гибель «Пилигрима».

Описанная в «Малыше» операция «Ковчег» происходит, очевидно, в 2161-м (244-м от революции) году — с этим согласс-

ны практически все исследователи, дата подтверждается и фактами из биографии Майи Глумовой.

Сергей Лифанов: «"Малыш" датируется 2161-м по ЛЮБЫМ хроникам (начиная от нас с Вадимом и кончая Назаренко — и все сто процентов за эту дату). А там еще куча реалий: и упоминание Странника, и Островной Империи, и еще всякие мелочи».

Казалось бы, все предельно ясно: в «Малыше» однозначно описаны события XXII века, действие происходит после ОО, идеально сходится возраст Малыша и т. д. На поверку же оказывается, что такая привязка дат повести к революции 1917 г. многими так и осталась непонятой.

Например, дата рождения Малыша у Сергея Переслегина (в «Мирах») — 2146 г., у Леонида Филиппова — 2148 г.

Дата гибели «Пилигрима» у С. Переслегина — 2147 г. (по другой версии — 2148 г., см. хронологии в «Мирах братьев Стругацких»), у Л. Филиппова — 2149 г. Кроме того, С. Переслегин предлагает «дату 2134 г. в романе считать ошибочной» (там же). Но такой даты в «Малыше» просто нет!

Повторяется одна и та же ошибка: дата АБС, например, «234-й год» (гибель «Пилигрима») упорно трактуется как «2234 г.», но тогда это уже XXIII век. Для «возврата» события в XXII век дату «2234 г.» либо безосновательно подменяют на «2134 г.» (и тут же объявляют ее ошибочной для того, чтобы перейти на «свою», чисто интуитивную дату), либо начинают из нее вычитать какую-то постоянную величину (не то 87, не то 86 лет, например: 2234 — 87 = 2147) — снова-таки с целью подгонки под собственный, правильный с точки зрения автора хронологии, а на самом деле — весьма приблизительный, результат. Все это скромно именуется «расчетами».

Операцию «Ковчег» Войцех Кайтох (Польша) датирует 2245-м годом (снова XXIII век), а Дана Данилова в «Айсберге Тауматы» — 2048-м годом (а это — XXI век) и т. д., и т. п.

И все бы ничего, если бы подобные хронологические варианты оставались, так сказать, «внутре» авторских произведений. Но вот уже в тексте «Малыша» в собрании сочинений АБС

издательства «Сталкер» всем нам привычные (и абсолютно правильные!) даты исправляются на даты «по Переслегину» — неправильные и приблизительные! Правомерность подобного «исправления» даже обсуждать как-то неловко, мало ли кто как считает (в обоих смыслах). (То же самое относится и к исправлению дат 101-й, 102-й, 125-й и 126-й годы на 201-й, 202-й, 225-й и 226-й гг. в ВГВ.)

С. Лифанов: «Не знаю, чем там вызвано перемещение на 87 лет вниз, но скажу, что это ужаснет любого, кто хоть как-то знает хроники. Повторяю: все хронологи меня поддержат! В «Малыше» все датируется именно этими датами!»

Обнадеживает в данном случае лишь то, что указанная «корректировка» дат повести есть поступок, в общем-то, ОБРАТИМЫЙ, а значит — не все еще потеряно.

«ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»

О самом знаменитом и читаемом произведении Авторов БНС пишет в «Комментариях» так: «История написания этой повести (в отличие, между прочим, от истории ее опубликования) не содержит ничего занимательного или, скажем, поучительного».

Может быть, для досужего читателя это и так, но для пытливого — в создании любого произведения есть нечто, способное не то что заинтересовать, а иногда и поразить фактами из биографии, которые причудливо отразились в сочиняемом в то время романе; поиском автором правильного строя повествования, да и вообще — даже отладка (правка) черновика позволяет судить о тщательности или небрежности того или иного автора, о соответствии фактов и правдивости фантастического элемента. Поэтому и не занимательная и не поучительная, по словам БНС, история создания ПНО интересна по-своему.

РУКОПИСЬ

Идея ПНО, как неоднократно сообщали Авторы в интервью, пришла к ним неожиданно, во время прогулки на природе, когда они увидели место, оставшееся после пикника каких-то туристов.

Первая записанная в рабочем дневнике идея ПНО выглядела так: «...Обезьяна и консервная банка. Через 30 лет после посещения пришельцев, остатки хлама, брошенного ими — предмет охоты и поисков, исследований и несчастий. Рост суеверий, департамент, пытающийся взять власть на основе

владения ими, организация, стремящаяся к уничтожению их (знание, взятое с неба, бесполезно и вредно; любая находка может принести лишь дурное применение). Старатели, почитаемые за колдунов. Падение авторитета науки. Брошенные биосистемы (почти разряженная батарейка), ожившие мертвецы самых разных эпох...»

Опять же из «Комментариев» БНС можно узнать, что «повесть написана была без каких-либо задержек или кризисов всего в три захода: 19 января 1971 года начали черновик, а 3 ноября того же года закончили чистовик». Чистовик ПНО сохранился в папке с другими чистовиками (громаднейшая редакторская папка с завязочками, в которую помещено восемь произведений). Этот вариант использовался, чтобы привести ПНО к исходному, не искалеченному цензурой виду.

Изучение же черновика оказалось осложнено тем, что его в архиве не было. Обычно в архиве АБС есть хотя бы одна папка с черновыми материалами, набросками, планами и т. п. какого-то одного крупного произведения. По некоторым произведениям таких папок не было, но на обороте черновиков других произведений можно было найти хотя бы части черновиков либо какие-то заметки. По ПНО же не сохранилось ничего.

Почему исчез черновик ПНО — на этот вопрос был получен ответ при изучении издания 1989 года в издательстве «Юридическая литература» (совместно с ОУПА; издание выходило под двумя обложками: одна — с названием этих двух произведений, другая — под общим названием «Посещение»). Первым обратил внимание на это издание Марат Исангазин, прочитав доклад о нем на «Аэлите-90». И позже его выводы подтвердил БНС: действительно, в конце 80-х, когда книги АБС начали публиковать множество издательств, как вновь открытых, так и старых, ранее солидных и «до фантастики не опускающихся», к Авторам неоднократно обращались с предложением издать те или другие произведения и с просьбой дать им тексты для этого; и вполне вероятно, что АНС передал в «Юридическую литературу» черновик ПНО, то ли не заметив, то ли не придав значения тому, что это — черновик.

Текст этого издания ПНО, действительно, разнится с окончательным вариантом существенно. Как позже писал Марат Исангазин в «Понедельниках»:

«Понедельник» № 84, 3 августа 1992

Я все ждал, что кто-нибудь все-таки возьмется за разночтения разных изданий «Пикника на обочине» более серьезно и основательно, чем мой давний доклад на «Аэлите-90». Но что-то никого не слышно. Обещал я тогда еще все это дело обработать и отдать Вадиму для «АБС-панорамы». Но она тоже как-то не спешила явиться на свет, не торопился поэтому и я. А тут начал подбирать свои долги и обещания и поэтому отправляю в «Понедельник». Чего ж добру пропадать? Сравнивал я два издания: *АБС. За миллиард лет до конца света.— М.: Сов. писатель, 1984* и *АБС. Посещение.— М.: Юридич. лит., 1989.* Самое интересное, что в последнем издании поменялись почти все числа по сравнению с базовым вариантом. Судите сами:

1984	1989
С. 127: а за стеклами — Зона-матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с тринадцатого этажа	С. 148: а за стеклами — Зона-матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с двенадцатого этажа
С. 129: и точно — во все окна аж до пятнадцатого этажа... повыставлялись	С. 149: и точно — во все окна аж до двенадцатого этажа... повыставлялись
С. 131: учитель арифметики по прозвищу Запятая... вторая жена у него ушла перед самым Посещением	С. 151: учитель арифметики по прозвищу Запятая... третья жена у него ушла перед самым Посещением
С. 190: не для того он совершил дерзкий побег из-под ареста — разом заработав себе лишних двенадцать месяцев	С. 198: не для того он совершил дерзкий побег из-под ареста — разом заработав себе лишних шесть месяцев
С. 191: По Седьмой улице валило, горланя и пыля, очередное шествие какой-то лиги	С. 198: По Семнадцатой улице валило, горланя и пыля, очередное шествие какой-то лиги
С. 191: а три старухи соседки с вязанием на коленях сидят тут же на скамеечке	С. 199: а две старухи соседки с вязанием на коленях сидят тут же на скамеечке

С. 244: на четвереньках подобрался к Артуру, который все еще неподвижно лежал шагах в тридцати от болота	С. 244: на четвереньках подполз к Арчибальду, неподвижно лежащему шагах в двадцати от болота

Ну, и так далее. Собственно, конечно, какая разница, сколько жен было у Запятой, одной больше, одной меньше — роли это не играет. Но в некоторых случаях замена чисел приводит к некоторой нелепице. Вот в первой главе подъезжают они на «галоше» к гаражу за пустышкой...

1984	1989
С. 131: Кирилл поднял «галошу» на три метра и дал малый вперед	С. 150: Кирилл поднял «галошу» на пять метров и дал малый вперед
Подъехали к гаражу.	
С. 137: Я приказал Кириллу снизиться до полутора метров, лег на брюхо и стал смотреть в раскрытые ворота	С. 155: Приказал я Кириллу снизиться, до трех метров, лег на живот и стал смотреть в раскрытые ворота
Ну, ладно, спустились с помощью аварийных блок-тросов.	
С. 138: «галоша» рядом с нами покачивается	С. 156: «галоша» над нами покачивается

Далее по «трехметровому» тексту 1989 года:

«Подняли мы «пустышку»... Тяжеленная, стерва, даже вдвоем ее тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились под «галошей», Тендер к нам уже лапы протянул.

— Ну,— говорит Кирилл,— раз, два...

— Нет,— говорю,— погоди. Поставим сначала».

Поставили, спину осмотрел.

«— Давай,— говорю,— берись.

Взвалили мы “пустышку” на “галошу”».

Представляете? На 3 метра! Кто занимался погрузочными работами — тот почувствует. Напомню, что в издании 1984 — всего полтора метра.

А вот еще одно несоответствие. После похода в Зону Шухарт, естественно, идет в «Боржч». Там к нему подходит маль-

тиец, просится в сталкеры, и дальше следует (после известия о смерти Кирилла):

«— Сколько тебе денег надо? Четыре тысячи хватит? На! Бери, бери!

<...> Помню я оказался перед стойкой. Эрнест <...> спрашивает:

— Ты сегодня вроде при деньгах... Может должок отдашь?

Сую я руку за пазуху, вынимаю деньги и говорю: "Надо же, не взял, значит, Креон Мальтийский"».

В Зону, естественно, Шухарт шел без денег — зачем ему там. Вчера он был в «Боржче» — тоже, похоже, без денег, раз ему напоминают о долге. Так что эти деньги (тем более, все вместе — одной пачкой, одной «кучей») — это премиальные, то есть два оклада. Один оклад, выходит,— две тысячи в месяц. Не многовато ли? Если учесть, что пустая «пустышка» у Эрнеста стоит 400 монет, «батарейка» от силы двадцать. Во второй главе они вдвоем с Барбриджем ходили в Зону — вытащили две «пустышки», девять «батареек», три «браслета», две «губки», три «зуды» и так далее по мелочам. Дай бог, если все это на оклад двухтысячный потянет — скорее, вряд ли. Какие там могут быть мысли о том, что при «благочестивой» жизни каждую монетку нужно будет считать, экономить.

В варианте 1984 года Шухарт Мальтийцу говорит: «Тысячи хватит! На! Бери, бери!». То есть оклад — 500. Уже как-то ближе к тому, чтобы был интерес ходить в Зону еще и за хабаром.

Еще момент. Когда идут они с Арчи за «золотым шаром»...

1984	1989
С. 231: Ладно, не гунди, сталкер,— знал на что идешь. Пятьсот тысяч монет дожидаются в конце дороги	С. 234: Ладно, не жалуйся, сталкер,— знал на что идешь. Тридцать тысяч монет дожидаются в конце дороги, можно и попотеть

За 500 тысяч так (!) попотеть, конечно, можно, а вот за каких-то 30 тысяч — не знаю, не знаю... Тем более, что, похоже, впервые Рэдрик человека, своего спутника, в жертву прино-

сит — за 500 тысяч он бы на это пошел с учетом всех привходящих, а за 30 — не уверен. Стервятника так прозвали именно за эти штучки.

И последняя маленькая неувязочка с числами. И опять во время официального путешествия в Зону. Шухарт видит, что там в полутьме гаража серебрится паутинка:

1984	1989
С. 137: «пустышка» моя как раз там, шагах в двух от канистр, валяется	С. 156: «пустышка» моя как раз там, шагах в трех от канистр, валяется

Надо учесть, что «пустышка» достаточно компактна. Пустая весит 6,5 кг, и Кирилл в лаборатории каждую в руки берет и осматривает. В издании 1984 года размер ее 400 мм, в издании 1989 года она ассоциируется у Шухарта с жестянкой апельсинового сока. Ну а там, в гараже, «Кирилл шагает через «пустышку», поворачивается к канистрам задом и всей спиной — в это серебрение». Если паутинка в трех шагах, ткнуться в нее спиной сложнее, чем при двух шагах.

В целом у меня сложилось впечатление, что в издании 1984 года числа осмысленнее, чем в издании 1989 года. Это же касается и многого другого. Вот, в частности, первая глава озаглавлена там и там одинаково: «Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур». Идет разговор: кого брать в Зону.

«— Ну, хорошо,— говорит Кирилл.— А Тендер?

Тендер — это его лаборант».

В таком случае, чей лаборант Рэдрик? Ведь в самом начале сказано, что из хранилища «пошли мы с ним обратно в лабораторию». Значит, вместе и выходили. Да и на следующий день Рэдрик шагает прямиком к Кириллу и ни к кому другому. Есть и фраза здесь загадочная: «Младший препаратор (?!) Шухарт,— говорит.— Из официальных источников я получил сведения, что осмотр гаража...». В издании же 1984 года никаких загадок нет:

«— Ну, хорошо,— говорит Кирилл.— А Тендер?

Тендер — это его второй лаборант».

Понятно, что Шухарт — лаборант первый. И дальше:

«Лаборант Шухарт,— говорит,— из официальных... источников я получил...»

Все ясно, все понятно. И таких мест в Юрлите полно. Но об этом в другой раз.

«Понедельник» № 52, 28 декабря 1992

Таки я снова о двух вариантах «Пикника». Кто-то из классиков (по-моему, Л. Толстой) сказал, что выдумать можно все, кроме психологии. Вот ее-то я и коснусь. Глава 1-я. Кирилл, Тендер и Рэдрик идут в Зону. Прошли они 27 вешек проверенной, более-менее надежной дороги, и вот спускаются на неизведанную (а значит, опасную) территорию — Зона все-таки, а к гаражу с пропуском никто еще не ходил. У Тендера только что был нервный «словесный понос» — так на него подействовала Зона: боится. Ну ладно, сошли с «надежной» дороги, идут по гайкам — первая, вторая, третья гайка. И тут в редакции 1989 года «Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается, обвыкся немного, и теперь ему, видите ли, скучно. А может, не скучно, а томно». А ну-ка проверим: скучно или томно?

«— По сторонам посматривай,— говорю ему.

— А чего посматривать? — удивляется.— Все тихо...»

Понятно? Скучно же — ничего нет, ничего не происходит, чего смотреть? — тишина, тишь. И это Тендер? И это в Зоне? И это на неизвестной, ненадежной территории Зоны?

Вариант 1984 года:

«Прошли мы первую гайку, прошли вторую, третью. Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается и то и дело зевает от нервности с этаким собачьим прискуливанием — томно ему, бедняге. Ничего, это ему на пользу. Пяток кило он сегодня скинет — это лучше всякой диеты».

Чувствуете разницу? Здесь Тендер томится. Представляете, напряжение, опасность, Зона! — и ничего не происходит. Это-то и самое скверное, если бы что-то случилось — можно было бы действовать, двигаться. А вот это вот ожидание нервное, нагнетающее,— можно не одно кило сбросить. Тендер томится этим ожиданием, этим вынужденным бездействием.

Другой эпизод. После Зоны в «Боржче». В варианте 1984 года по всему тексту проходит Эрнест. Разобьем по эпизодам:

1) С. 146: «Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного... Вышел он на кухню и вернулся с тарелкой — жареных сосисок принес... Глаз у него наметанный, сразу видит, что сталкер из Зоны, что хабар будет, и знает Эрни, чего сталкеру после Зоны надо. Свой человек Эрни! Благодетель».

2) С. 146: «Доевши сосиски, я закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает... В общем, если подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает, процентов пятнадцать-двадцать, не больше, а если попадется — десять лет каторги ему обеспечено...»

3) С. 148: Речь о том, что Хармонт не просто «дыра», а «дыра в будущее». Эрнест смотрит с огромным удивлением. Конечно, Рэд — не Кирилл, тот никогда Эрнесту «под прилавок хабар не складывал».

4) С. 153. Креон с Мальты: «Меня к вам направил Эрнест».— «Так, думаю. Сволочь все-таки этот Эрнест. Ни жалости в нем нет, ничего... [Вот сидит молоденький парнишка], а Эрнесту все равно, ему бы только побольше народу в Зону загнать, один из трех с хабаром вернется — уже капуста...»

5) С. 154—155: Кирилл умер. Мальтиец стоит — «лицо у него удивленное, детское».— «Малыш,— говорю я ему ласково,— сколько тебе денег надо?.. Бери».

6) С. 155: У стойки — «Кирилл умер» — с деньгами, которые не взял мальтиец.

«— Это который Кирилл? Однорукий, что ли?

— Сам ты однорукий, сволочь,— говорю я ему...— Паскуда ты. Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелененькие...»

В последнем «взрыве» Рэдрика сконцентрированы размышления всех предыдущих эпизодов, а больше всего — эпизода с Креоном Мальтийским. Кирилл ведь умер из-за Рэдрика (с. 154: «А у самого перед глазами серебряная паутина, и снова я слышу, как она потрескивает, разрываясь»), поманил Рэд его, неопытного. Вот и Мальтиец неопытный, мальчик еще, и его Эрнест туда же: «Смертью ведь торгуешь, морда».

В издании 1989 года («Юр. лит.») не так. Эпизоды с 1-го по 3-й — аналогичны, а вот 4-й меняется:

4) С. 168–169: «"Меня зовут Креон. Я с Мальты... меня к вам направил господин Барбридж". [Кстати, арестованный позавчера.— М. И.] Так, думаю. Сволочь все-таки этот Барбридж. Ни жалости в нем нет, ничего. Вот сидит парнишка, смуглый, чистенький, красавчик, не брился, поди, еще ни разу и девку еще ни разу не целовал, а Барбриджу все равно. Не зря его Стервятником называют».

5) Кирилл умер. Деньги — Мальтийцу.

6) С. 170: Эрнест: «Это какой же Кирилл? Шелудивый, что ли?

— Сам ты шелудивый, сволочь,— говорю я.— Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать. Паскуда ты. Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелененькие...»

В этом варианте «взрыв» Рэдрика и направление этого «взрыва» не совсем мотивированы. Сама фраза «смертью ведь торгуешь» явно возникла из разговора с Креоном и переноса на него ситуации с Кириллом (как я уже подчеркивал выше). И вообще в варианте 1989 года с самого начала, и к месту и не к месту, уже выпирает Барбридж и подчеркивается его «порода». В 1984 году это было скрытей, не так напоказ.

Ну и напоследок такой любопытный эпизод из конца 2-й главы варианта 1989 года. Рэдрик убежал от полиции и звонит по телефону Хрипатому. Тот в разговоре не исключает возможность прослушивания телефона: «Какой Шухарт... Ну и псих звонит... Обалдеть можно». А Рэдрик ему прямым текстом: «Фарфор лежит под телефонной будкой номер триста сорок семь, это в самом конце Горняцкой улицы, где заброшенная бензоколонка». Простодушный. А вот в 1984 — более реалистичная картина: с. 193: «Недалеко от того места, где мы с вами в первый раз встретились, есть телефонная будка. Там она одна, не ошибетесь. Фарфор лежит под ней». Знаете, как-то больше похоже на осторожного сталкера.

Жаль, что этим и ограничился Марат в описании своего исследования этого, возможно чернового варианта ПНО, но посмотрим, что же там было еще.

Отличается в черновике описание Рэдом «пустышки» и Кирилла:

«Пустышка» — штука забавная, замысловатая. Я их сколько повидал и перетаскал, а все равно, как увижу — не могу, удивляюсь. Два медных кружка в мою ладонь и миллиметров пять толщиной, а между ними — ничего. То есть совсем ничего, пусто. Можно руку просунуть, можно даже голову, если ты совсем дурак,— пустота и пустота. И при всем при том что-то между ними все-таки есть, сила какая-то, как я понимаю. Чем-то они между собой связаны. Будто взяли стеклянную трубку, заткнули с обоих концов медными крышками, а потом труба куда-то пропала, да так ловко, что вроде бы и не пропадала совсем. Поставишь такую «пустышку» на попа — она тяжелая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим,— поставишь ее на попа, верхний кружок толкнешь — она падает, как, скажем, жестянка с апельсиновым соком, у которой только дно и крышка видны. Повалится, и вроде бы два колеса на одной оси, даже ось вроде бы мерещится, хотя, конечно, никакой оси на самом деле там нет. Обман зрения...

Да, так вот, он с этими «пустышками» второй месяц канителится. У него их четыре штуки: было три, а позавчера четвертую притащили. Старик Барбридж нашел в Доме Без Крыши, патрули его накрыли, «пустышку» к нам, к Кириллу, а самого в кутузку. А что толку? Хоть их три, хоть четыре, хоть сто — все они одинаковые, и никогда в них никому ничего не понять. Но Кирилл все пытается. Есть у него гипотеза, будто это какие-то ловушки — то ли гидромагнитные, то ли гиромагнитные, то ли просто магнитные — высокая физика, я этого ничего не понимаю. Ну, и в полном соответствии с этой гипотезой подвергает он «пустышки» разным воздействиям. Температурному, например, то есть накаляет их до полного обалдения. В электропечи. Или, скажем, химическому — обливает кислотами, кладет в газ под давлением. Под пресс тоже кладет, ток пропускает. В общем, много воздействий оказывает, но так пока ничего и не добился. Замучился только вконец. Он вообще смешной парень, Кирилл. Я этих ученых знаю, не первый год с ними вкалываю. Когда у них ничего не получается, они нехорошими делаются, грубить начинают, придираться, орут

на тебя, как на холуя, так бы и дал по зубам. А Кирилл не такой. Он просто балдеет, глаза делаются, как у больной сучки, даже слезятся, что ему говоришь — не понимает, бродит по лаборатории, мебель роняет и всякую дрянь в рот сует: карандаш под руку попался — карандаш, пластилин попался — пластилин. Сунет и жует. И жалобно так спрашивает: «Почему же,— говорит,— обратно пропорционально, Рэд? Не может быть,— говорит,— обратно. Прямо должно быть...»

И позже, когда встал вопрос о третьем, с кем в Зону идти, Рэд о Кирилле замечает: «Другой бы на его месте шипеть стал, руками размахивать, расписки давать «прошу, мол, никого не винить». Он не такой. Не первый год работает, порядок в Зоне знает».

А после предложения Кирилла, чтобы третьим был Остин, в черновом варианте идет мнение Рэда об Остине не как об «опасно бывалом» («Остин парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но он, по-моему, уже отмеченный. Кириллу этого не объяснишь, но я-то вижу: вообразил человек о себе, будто Зону знает и понимает до конца,— значит, скоро гробанется. И пожалуйста. Только без меня»), а как о человеке болтливом: «Остин — парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но уж больно он хвастун. Обязательно раззвонит, что-де ходил в Зону с Кириллом и Рэдриком, махнули прямо к гаражу, взяли, что надо, и сразу обратно. Как на склад сходили. И каждому ясно будет, что заранее знали, за чем идут. А к гаражу, между прочим, с пропуском никто никогда не ходил. Значит, кто-то навел. А уж кто навел — любой сообразит»[1].

Сержанту Рэдрик говорит не «Учись, сержант, в лейтенанты выбьешься», а: «Учись, сержант, в фельдфебели произведут».

В окончательном варианте Рэд, еще идя из отдела безопасности, понял, что в Зону ему идти нельзя, и сразу сообщает об этом Кириллу: «В Зону не иду. Какие будут распоряжения?» И позже, когда Кирилл допытывается о причине, мнется, почему-то гово-

[1] Кстати, это опасение Рэда (здесь и в основном варианте) мне всегда казалось натяжкой. Он же отсидевший сталкер. Чего он боится? Ну, знает в Зоне разные интересные места, где что лежит. За то и в лаборанты взяли.— *В. Д.*

рит о проигранных монетах Нунану и затем говорит о причине обтекаемо («Нельзя мне, понимаешь? Меня сейчас Херцог к себе вызывал»), причем Кирилл его с полуслова понимает. В черновом варианте этот диалог звучит так:

Но когда уже по лестнице в лабораторию поднимался, меня вдруг осенило; и только я Кирилла увидел, как сразу ему сказал:

— Что же это ты,— говорю,— треплешься? Не понимаешь, что ли, чем это для меня пахнет?

Он нахмурился и весь напрягся. Сразу видно: ни черта не понимает, о чем речь идет.

— Что случилось? — говорит.— О чем ты?

— Ты кому о гараже говорил?

— О гараже? Никому. А что?

— Да так, ничего,— говорю.— Какие будут распоряжения?

— Пойдем, прикинем маршрут,— говорит он.

— Какой маршрут?

Тут он, конечно, на меня вылупил глаза.

— То есть как — какой? Маршрут по Зоне.

— А что,— говорю,— в Зону сегодня идем разве?

Тут он, видно, что-то сообразил. Взял меня за локоть, отвел к себе в кабинетик, усадил за свой стол, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так спрашивает:

— Что-нибудь случилось, Рэд?

— Нет,— говорю,— ничего не случилось. Вчера в покер двадцать монет продул этому... Дику. Здорово играет, шельма. У меня, понимаешь, на руках «стрит»...

— Подожди,— говорит он.— Ты что, раздумал?

Ну, у меня терпенье лопнуло. Не могу я с ним в такие игрушки играть.

— Да,— говорю,— раздумал. Трепло ты,— говорю.— Звонарь. Я тебе как человеку сказал, а ты раззвонился на весь город, уже до безопасности дошло...— Он на меня рукой замахал, но я все-таки закончил: — Я на таких условиях тебе не работник. Так и запомни, хотя вряд ли я тебе теперь когда-нибудь что-нибудь еще скажу.

Выразил я ему все это и замолчал.

И чуть позже диалог продолжился:

— Слушай, Рэд,— говорит вдруг он.— А может быть, тебя совсем не из-за этого гаража на заметку взяли. Мало что у тебя было раньше!

— Какая мне разница,— говорю.

— Но я же не звонил. Этому ты веришь?

— Верю,— соврал я, чтобы его успокоить.

Но он не успокоился. Соскочил с подоконника, прошелся по своему кабинетику взад-вперед, а сам бормочет расстроенно:

— Нет, брат, не веришь ты мне. А почему, собственно, не веришь? Зря ты мне не веришь.

Барбриджа в начале повествования Рэд называет не Стервятником, а стариком. Позже же, когда к Рэду в «Боржче» обращается мальтиец с просьбой взять его в Зону и заявляет, что направил его к Рэду не Эрнест (как в окончательном варианте), а Барбридж, Рэд думает о Барбридже: «Не зря его Стервятником называют, и зря он на это обижается». То есть Рэд пока его еще так не называет. И позже Рэд спрашивает мальтийца не как поживает Эрнест, а как поживает Барбридж:

— По-моему, он не очень хорошо поживает,— говорит мальтиец.— Кряхтит все время и ноги растирает.

— Ну и что? — говорю.

Он на меня растерянно смотрит, но все еще улыбается.

— Видите ли, господин Шухарт, я обратился к нему с одним предложением, а он направил меня к вам. Он сказал: как господин Шухарт решит, так и будет.

Размышляя о случаях в Зоне, Рэд вспоминает: «Или как Мосластый Исхак — застрял на рассвете на открытом месте, сбился с дороги и застрял между двумя канавами — ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли. Два часа он мертвым притворялся. Слава богу, надоело им, поверили, ушли наконец. Я его потом увидел — не узнал, сломали его, как не было человека...» В черновике конец истории другой: «...два часа он мертвым притворялся, а потом не выдержал все-таки, встал во

весь рост и пошел прямо на пулемет. Царство ему небесное, хороший был мужик, такие долго не живут, мы с Барбриджем в ста шагах от него за камушком лежали, он нас выручил. Не заметили нас. Шлепнули его и ушли».

Вспоминая о Гуте, Рэд думает: «Посмотреть на нее, за руку подержать. После Зоны человеку только одно и остается — за руку девочку подержать». В черновике мысль поясняется: «И не потому что я слюнтяй какой-нибудь или, скажем, романтик. <...> Зона — она хуже ста баб человека изматывает».

О полиции («голубых касках»), присланных из Канады, Рэд в окончательном варианте размышляет: «На племя их нам прислали, что ли?..», в черновике: «Вот что значит — давно народ не воевал...»

Когда в разговоре Рэда и Ричарда Нунана упоминается «ведьмин студень» и желающий его купить, Рэд отвечает: «Ну так пусть сам и добывает все это. Это же раз плюнуть. «Ведьмина студня» вон полные подвалы, бери ведро да зачерпывай. Похороны за свой счет». В черновике отличается конец фразы: «...пусть берет ведро и зачерпывает. Зачерпнул — и в рай».

О «зуде» в черновике еще есть такая подробность: «На кой ляд она пришельцам нужна была, я не знаю, но человек от нее дуреет совершенно, часа на два в психа превращается».

Вспоминая о смерти Кирилла, в окончательном варианте Рэд только позволяет себе заметить: «Кирилл, дружок мой единственный, как же это мы с тобой? Как же я теперь без тебя? Перспективы мне рисовал, про новый мир, про измененный мир...» В рукописи мысли Рэда звучат несколько по-другому, более осмысленно: «Надо же, никогда я не понимал, как это для меня важно было — встречаться с Кириллом, говорить с ним, слушать, как он перспективы рисует про новый мир, про измененный мир...»

Более подробно описывается появление ожившего покойника в Зоне:

Где-то справа, не далеко, но и не близко, где-то здесь же, на кладбище, был кто-то еще. Там прошуршала листва и вроде бы посыпалась земля, а потом с негромким стуком упало что-то тяжелое и твердое. Это не мог быть Барбридж. Барбридж лежал в ста шагах позади, за кладбищенской оградой, и он про-

сто не смог бы приползти сюда, даже если бы очень захотел. И уж конечно, это не могли быть патрульные. Они бы не шуршали, они бы топали и гикали, подбадривая себя, они бы пинали ногами кресты и могильные камни, они бы размахивали ручными фонариками, они бы, наверное, палили бы в кусты из своих автоматов. Они бы просто не посмели войти в Зону. Ни за какие деньги, ни под какой угрозой.

Это мог быть Мальтиец. Мальтиец очень набивался пойти с ними, целый вечер угощал, предлагал хороший залог, клялся, что достанет спецкостюм, а Барбридж, сидевший рядом с Мальтийцем, загородившись от него тяжелой морщинистой ладонью, яростно подмигивал Рэдрику: соглашайся, мол, не прогадаем и, может быть, поэтому Рэдрик сказал «нет». Конечно, Мальтиец мог бы выследить их, но совершенно невозможно было предположить, чтобы он сумел пройти тот путь, который прошли они, вернуться незамеченным вместе с ними сюда и вообще живым. Может быть, конечно, он все это время просидел здесь, на кладбище, дожидаясь их, чтобы встретить. Только зачем? Нет, вряд ли это был Мальтиец.

Снова невдалеке посыпалась земля. Рэдрик осторожно, не поворачиваясь, пополз задом, прижимаясь к мокрой траве. Снова над головой прошел прожекторный луч. Рэдрик замер, следя за его бесшумным движением, и ему показалось, что между крестами сидит на могиле какой-то человек в черном. Сидит, не скрываясь, прислонившись спиной к мраморному обелиску, обернув в сторону Рэдрика белое лицо с темными ямами глаз. Рэдрик видел его на протяжении доли секунды, но и доли секунды хватило, чтобы понять: это не сталкер. И еще секунду спустя он понял — это не показалось.

Имя одного из старых, погибших уже сталкеров в окончательном варианте — Фараон Банкер, в черновике — Сундук Невада.

Во время побега, перед проникновением в свой гараж Рэдрик пережидает, пока рабочие разгрузят телевизоры, мысленно благодарит их («...задержали дурака... дали подумать»). Далее идет текст: «С этого момента он начал действовать быстро, но без торопливости, ловко, продуманно, словно работал в Зоне». В черновике пояснение: «...уже не как беглец, а как сталкер».

Третья часть ПНО называется: «Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при хармонтском филиале МИВК». Начинается глава с того, что «Ричард Г. Нунан сидел за столом у себя в кабинете» и т. д. В черновике точно так же, но после «Нунан» уточняется более подробно: «...представитель «Саймон кибернетикс», «Мицубиси дэнси» и «АГ Электроненвиршафт» при хармонтском филиале Международного института внеземных культур...»

Разговор Валентина Пильмана и Ричарда Нунана (вернее, высказывавшиеся недоумения Пильмана по поводу кажущейся бездеятельности Нунана) прерывается телефонным звонком, когда Нунан пытается оправдать плохое оборудование тем, что оборудование портят ученые, и произносит: «Вот, например...» В черновике телефонный звонок звучит попозже, и читатель может узнать некоторые подробности работы ученых:

<...> Вот, например, что вы сделали с «ищейкой»? Великолепный аппарат, блестяще показал себя в геологоразведке, устойчивый, автономный... А вы гоняли его в совершенно ненормальных режимах, запалили механизм, как старую лошадь...

— Напоили не вовремя и не задали овса,— заметил Валентин.— Конюх вы, Дик, а не промышленник!

— Конюх,— задумчиво повторил Нунан.— Это уже лучше. Вот несколько лет назад здесь работал доктор Панов, вы его, наверное, знали, он потом погиб... Так вот, он полагал, что мое призвание — разводить крокодилов.

— Я читал его работы,— сказал Валентин.— Очень серьезный и обстоятельный человек. На вашем месте я бы призадумался над его словами.

— Хорошо. Поразмыслю на досуге... Вы мне лучше скажите, чем вчера кончился пробный запуск СК-3?

— СК-3? — повторил Валентин, морща бледный лоб.— А... «Скоморох»! Ничего особенного. По маршруту прошел хорошо, принес несколько «браслетов» и какую-то пластинку неизвестного назначения...— Он помолчал.— И пряжку от подтяжек фирмы «Люкс».

— А что за пластинка?

— Сплав ванадия, пока трудно сказать точнее. Поведение нулевое.

— Почему тогда СК его притащил?

— Спросите у фирмы. Это уже по вашей части.

Нунан постучал карандашиком по блокноту.

— В конце концов, это же был пробный запуск,— проговорил он.— А может быть, пластинка разрядилась... Знаете, что я вам посоветую? Забросьте ее опять в Зону, а через денек-другой пошлите за ней «ищейку». Я помню, в позапрошлом году...

Но что случилось в позапрошлом году, читатель все равно не узнает, так как звонит телефон.

В отчете господину Лемхену в окончательном варианте, характеризуя деятельность Барбриджа, Нунан рассказывает: «Стервятник Барбридж под наблюдением. Калека, в средствах не нуждается. С Зоной не связан. Содержит четыре бара, танцкласс и организует пикники для офицеров гарнизона и туристов. Дочь, Дина, ведет рассеянный образ жизни. Сын, Артур, только что окончил юридический колледж». В черновике: «Стервятник Барбридж переменил специальность. Содержит четыре бара, веселый дом и, кроме того, торгует, по-видимому, своей дочерью... не в прямом, правда, смысле. Поставляет клише для подпольных порнографов. А может быть, впрочем, и в прямом... Последнее время я им не интересуюсь. Он калека, в средствах не нуждается, в Зону не ходит». О Креоне-Мальтийце после основной характеристики Нунан говорит: «Правда, последнее время он сильно пьет и, боюсь, долго не протянет». И в черновике добавляет: «Зона пьяных не любит».

Когда, уже после разговора с Лемхеном, Нунан размышляет о Зоне в России («В России вот о сталкерах и не слыхивали. Там вокруг Зоны действительно пустота, сто километров, никого лишнего, ни туристов этих вонючих, ни Барбриджей... Проще надо поступать, господа, проще! Никаких сложностей тут, ей-богу же, не требуется. Нечего тебе делать в Зоне — до свиданья, на сто первый километр...»), в черновике идет продолжение: «В Россию податься, что ли? Не возьмут...»

Многие мелкие факты в черновике более «чернушны». К примеру, об одном из лейтенантов Института в черновике Рэд замеча-

ет: «...я его знаю, бардачник неуемный...», в окончательном же варианте: «...я его знаю, у него папаша кладбищенскими оградами в Рексополе торгует...» Когда Рэдрик описывает дальнейший путь за Золотым Шаром, он сравнивает: «Теперь эти холмики с покойниками. Поганые холмики — стоят, гниды, торчат как стервячьи ягодицы, а эта лощинка между ними...» В черновом варианте дополнение: «Известно, что между ягодицами бывает». И о Артуре Барбридже Рэд думает: «...который никогда в жизни не видел ни одной голой бабы, кроме как на картинках...»

Появившись в своем заведении «Пять минут», Нунан после короткого разговора с Мадам идет к Мослу, который сидит в своем кабинете, разглядывая в зеркале болячку на носу. В черновике ситуация описывается более пикантная:

— Где хозяин, дети мои? — спросил он.

— У себя,— ответила Мадам.— И кажется, по обыкновению, не один...

— Губит он себя,— сказал Ричард.— В ущерб здоровью и в ущерб заведению. Мадам, прошу приготовить мое любимое. Я скоро вернусь.

Бесшумно ступая по толстому синтетическому ковру, он прошел по коридору мимо задернутых портьерами стойл — на стене возле каждого стойла красовалось изображение какого-нибудь цветка,— свернул в неприметный тупичок и без стука толкнул обшитую кожей дверь.

Мосол Катюша действительно был не один. Он был до такой степени не один, что ничего не соображал и только всхрапывал и хрюкал, ничего не видя и не слыша, и первой заметила постороннего Жизель, хранящая профессиональное хладнокровие даже в такие минуты.

— Солнышко,— сказала она Мослу.— К тебе господин Нунан.

Мосол Катюша поднял на Ричарда налитые кровью глаза, медленно пришел в себя и вскочил, оттолкнув Жизель. Он еще всхрапывал и тяжело дышал, но с ним уже можно было иметь дело. Он пробормотал что-то насчет дождя и ревматизма, затем повернулся к растрепанной Жизели и сухо произнес:

— Можете идти и учтите все, что я вам сказал.

Нунан сел у стола и некоторое время молча рассматривал Мосла Катюшу. Мосол, деликатно отвернувшись, хлопотливо приводил себя в порядок. Жизель, подобрав свои тряпки, испарилась.

— Закрой-ка дверь на ключ, голубчик,— сказал Нунан.

(Позже Рэдрик советует Нунану насчет Мосла: «Ты его хоть платить заставь за это дело или из доли у него вычитай».) И далее, когда Мосол рассказывает Нунану о «воскресной школе», в окончательном варианте его слова звучат так: «Они там в основном насчет пожилых баб, неплохо зарабатывают. Прикатит какая-нибудь старуха из Европы...» В черновике все расписано более детально: «Она там в основном насчет пожилых баб. Прикатит какая-нибудь старуха из Брюсселя, а Барбридж ей мальчика для всяких услуг, плата отдельно... Есть там ребята — неплохо зарабатывают».

Во время спора Нунана и Пильмана о разуме Пильман после очередного пассажа итожит: «Вот так». В черновике он говорит: «Такие дела, Ричард. Читали Воннегута?» На вопрос Нунана («Слыхали о катастрофе в Карригановских лабораториях?») Пильман отвечает не коротко, как в окончательном варианте («Слыхал кое-что»), а подробнее: «Я слыхал в основном о скандале... Руководство фирмы было обвинено в похищении этого самого коллоидного газа и в производстве исследований, запрещенных международным правом. А деталей самой катастрофы я не знаю». Вместо упоминания о минеральных удобрениях Нунан говорит об опыте с присадками к минеральным удобрениям. А когда речь заходит об оживших покойниках, Нунан добавляет: «Скоро на старом кладбище никого не останется»[1].

ИЗДАНИЯ

Первое издание ПНО появилось, как обычно в то время, в журнале («Аврора», №№ 7—10, 1972). Затем, год спустя, отрывок из повести (фрагмент из пролога и начало первой части, «Рэдрик

[1] Возможно, в этом и состоит смысл «воскрешения»: работает (по инерции) та же система, что выгнала из Зоны людей (во время Пикника). Теперь она выдавливает покойников.— *В. Д.*

Шухарт, 23 года...») был опубликован в 25-м томе знаменитой «Библиотеки современной фантастики». Этот текст был несколько сокращен, но не крупными отрывками, а буквально по нескольку слов, по предложению.

Следующего, уже книжного издания Авторам пришлось ждать семь лет. И только в 80-м году вышли долгожданные «Неназначенные встречи» в издательстве «Молодая гвардия». Долгожданные для читателей, потому что каждый год в прессе проходила информация, что в следующем году выйдет книга А. и Б. Стругацких под таким названием. Если же говорить о самих Авторах, то книгу эту, скорее всего, можно назвать выстраданной, или даже выгрызенной, выбитой из ни за что не хотевшего публиковать ее издательства, а точнее, его высокопоставленных чиновников. За это время ПНО успели опубликовать в Варшаве и Кракове, Праге и Белграде, Будапеште и Берлине, в Нью-Йорке и Лондоне, в Буэнос-Айресе... в Швеции... в далекой Японии было опубликовано предисловие и первая часть. В 1979 году в Кишиневе вышла даже книга АБС «Неназначенные встречи», правда, на молдавском языке... и газетная публикация в «Молодежи Эстонии»...

Затем ПНО переиздавался в «Советском писателе» (1984, 1985, вместе с ЗМЛДКС и ТББ), в «Лениздате» (1988, вместе с ЗМЛДКС и ДР). В них издатели по просьбе Авторов пользовались вариантом журнального издания, как менее изуродованного, а затем в 1989 году вышло описанное выше издание «Юридической литературы» (вместе с ОУПА).

ПНО впервые от редакторско-цензорских правок «чистился» самим БНС для издания в собрании сочинений издательства «Текст» (1993). Об этом в предуведомлении к повести сказано:

Повесть «Пикник на обочине» издавалась и переиздавалась неоднократно — и в СССР, и за рубежом. Однако ни разу еще она не выходила в своем первозданном виде — без так называемой редакторской правки. Это издание — первое собственно авторское. Впервые эта наша повесть публикуется именно в том виде, в каком мы закончили ее в ноябре 1971 года.

Авторы рады воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить Юрия Флейшмана за помощь в подготовке «Пикника...» для этой книги.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

В «Комментариях» БНС пишет: «Замечательно, что «Пикник» сравнительно легко и без каких-либо существенных проблем прошел в ленинградской «Авроре», пострадав при этом разве что в редактуре, да и то не так уж чтобы существенно. Пришлось, конечно, почистить рукопись от разнообразных «дерьм» и «сволочей», но это все были привычные, милые авторскому сердцу пустячки, ни одной принципиальной позиции авторы не уступили, и журнальный вариант появился в конце лета 1972 года, почти не изуродованным». Здесь можно согласиться с БНом только при условии, что «почти не изуродованным» — это при сравнении с публикацией в «Неназначенных встречах», ибо журнальный текст все же весьма отличался от оригинала.

Да, язык чистился. Облагораживается язык Рэда: убирается «сволочь» (по отношению к «пустышке»), убирается просторечное «аж», убирается «эту бодягу развел», «по морде», «напоил в дым» изменяется на «напоил как лошадь», «отметелил» — на «дал хорошенько», «настучал» — на «донес», «вдарят» (в значении «побегут») — на «дунут», убирается «ты бы тут же и обгадился», вместо «вонючие» — «паршивые», вместо «втык» — «выговор», убирается обращение «эй, старуха», «черт возьми», вместо «ради какой стервы» — «ради чего такого», вместо «на кой ляд мне» — просто «на кой мне», «дерьмо» убирается или правится на «дрянь», вместо «изгильнуться» — «извернуться», вместо «ихнюю» — «вашу». Убирается определение Дины — «всеми вожделенная шлюха».

Убираются раздражающие цензоров просторечные слова и в третьей главе, где главным героем выступает Нунан: «корячатся» изменяется на «пыхтят», вместо «втык» — «гнев», убирается «резало зад» (когда Нунан в кабинете Лемхена присел на край стола), «в сортир» (предлагает повесить предполагаемые награды Нунан) — на «в паутину... на чердак», «растакие ордена» — на «награды», убирается «растакой и перетакой», «сволочи» — на «негодяи», «растак тебя и растуда» на «провалился бы ты», «шибздик» — на «мальчишка», «сволочь» — на «животина», «мать его сучью за ногу» — на «чтоб ты треснул», убрано «словно его пырнули в зад», вместо «заливает» — «врет», а вместо

«врать» — «лгать», «бьют по мозгам» заменяется на «действуют на нервы», вместо «ни хрена» — «ничего».

На вопрос Нунана, что Рэдрик с Кириллом и Тендером принесли из Зоны, Рэдрик отвечает, что полную «пустышку», и добавляет: «И полные штаны вдобавок». Вместо последней фразы в этом издании: «На алтарь науки». В словах Барбриджа, обращенных к Рэдрику («А к твоей бабе, видать, кто-то заглянул...») «бабе» изменяется на «Гуте».

Чистится не только язык, облагораживается и сам текст, ибо убираются всяческие описания низменного, отвращающего. Убрана подробность во время путешествия Рэдрика и Артура по Зоне:

Рэдрик поднялся и, расстегивая ремень, сказал:

— Облегчиться не собираешься? Смотри, потом негде будет и некогда...

Он зашел за вагонетку, присел на насыпи и, покряхтывая, смотрел...

И позже убраны слова «справив нужду» и вопрос к Артуру: «Как стул?»

Убрано, что трясина (в Зоне) не только чавкала, но еще и воняла. И подробности: «Черт знает что гнило там в этом месиве, но Рэдрику показалось, что сто тысяч разбитых тухлых яиц, вылитых на кучу из ста тысяч тухлых рыбьих голов и дохлых кошек, не могли бы смердеть так...» И во всех изданиях убрано, что жижа была теплая и липкая, «как гной». Запах, который исходит после от Рэдрика и Артура, напоминал Рэдрику запах от отца, когда он приходил с завода. Здесь тоже много что изменено и «облагорожено»: вместо «воняла» — «издавала нестерпимый запах», вместо «воняло» — «несло» или «пахло».

Тщательно дозируется и выпивка в повести.

Убрано замечание Пильмана: «Должен же в этом мире быть хоть один непьющий...» Убирается то, что он допил рюмку, и убираются его слова «Розалия, еще коньяку!» и позже снова: «Розалия! — гаркнул вдруг он.— Еще коньяку! Большую рюмку!» И опять: «Ричард Нунан, ухмыляясь, потребовал еще рюмку коньяку для лауреата и кружку пива для себя». Соответственно и убра-

ны подробности окончания вечера основательно выпившим Пильманом.

Точно так же с Нунаном, пришедшим к Рэдрику домой. Убирается, что пил он «набрав в грудь воздуху и, зажмурившись, медленно». Убирается его ощущение: «Это было хорошо». Убирается его слова после: «Теперь можно жить». Два раза думает Нунан «напьюсь», но первый раз в журнале это заменяется словами «Надо уходить», а второй раз убирается.

И с самим Рэдриком. Убираются его слова: «Я, брат, два года постился, мне, чтоб тебя догнать, цистерну вылакать надо...» Вместо «держа в каждой руке по две бутылки с разными наклейками» — «держа в руке бутылку с цветной наклейкой». Убирается, что Рэдрик «крякнул» после выпитой рюмки. Вместо его слов «Ты как хочешь, Дик, а я тебя сегодня укачаю. И тебя укачаю, и сам укачаюсь...» в журнале идет: «Ты как хочешь, Дик, а я тебя сегодня угощу на славу, право же угощу». И далее вместо слова «гулянка» в этом издании Рэдрик употребляет слово «пир».

Даже на «ожившего покойника», отца Рэдрика, распространяется это правило. Убрана часть реплики Рэдрика о нем: «...ты за него не беспокойся, он своего не упустит...» Убраны слова, обращенные к отцу: «Пейте, папаня, пейте,— ласково сказал Рэдрик.— Немножко можно, пейте на здоровье... Ничего,— вполголоса сказал он Нунану, заговорщически подмигивая.— Он до этого стаканчика доберется, будь покоен...» Убрана мелкая, но значимая подробность отношения Рэдрика к отцу: «...Он протянул руку и придвинул бокал поближе к сведенным пальцам, и пальцы вдруг разжались и снова сжались, обхватив бокал за донышко.— Вот так-то оно дело побыстрее пойдет,— сказал Рэдрик». И убрано: «И тут старик, словно кто-то спохватился и дернул за ниточки, одним движением вскинул бокал к открывшемуся рту». Убраны и подробности, которые вспоминал Рэдрик об отце, когда тот приходил с работы: «опустошит четвертинку», «рыгнет».

Убраны из воспоминаний Рэда «какие-то пьяные свирепые хари» в «Боржче» и ощущение Рэдрика от спиртного в Зоне: «...прислушиваясь, как горячая, всеочищающая струя проливается в глотку и растекается по груди, глотнул еще раз...»

Правятся детали. К примеру, убираются психологические рассуждения Нунана о похвале: «Комплекс неполноценности это, вот

что. Похвала тешит наши комплексы». Убрано из текста, как ночью Мартышка перекликалась с дедом странными скрипами.

Когда Пильман рассказывает в интервью, как трудно было ему поверить, что в его маленьком городке произошло Посещение, он говорит, что скорее бы поверил в это, будь оно случилось в Восточной Сибири, Уганде, Южной Атлантике (места, поистине малоизученные и загадочные). Но в этом и последующих вариантах Авторам приходится изменять эти места на Гоби и Ньюфаундленд (ну, если Гоби — это еще куда ни шло... Иван Антонович, олгой-хорхой... но при чем тут Ньюфаундленд?). Вероятно, требование изменить географические пункты требовалось из-за упоминания Восточной Сибири.

Тщательно проверяются все заявления персонажей о тех или иных особенностях всего мира. Правила «их» мира (капиталистического) ни в коем случае нельзя распространять на «наш» мир (мир социализма). Поэтому каждая правка как бы отделяет «их» от «нас». «Просто мир такой. Человек такой»,— думает Нунан о тщете его усилий остановить сталкерство. В журнале уточняется: «Просто мир У НАС ТУТ такой. И человек В ЭТОМ НАШЕМ МИРЕ такой». Пильман рассуждает: «Мы теперь знаем, что для человечества в целом Посещение прошло в общем бесследно. Для человечества все проходит бесследно». В журнале исправлено «человечества в целом» на «нашей части планеты», а последнее предложение вообще убрано.

В споре Нунана с Пильманом о разуме Нунан замечает: «Да, это про нас». В журнале дополнение: «Да, это про нас: про меня, про таких, как я». Чуть дальше Нунан опять комментирует: «Это уж слишком». В журнале по-другому: «Это не про нас». Поэтому дальше Пильман в журнальном варианте отмечает: «...человек — тот, которого вы имеете в виду, когда говорите «про нас» или «не про нас»...» И далее Пильман рассуждает об инопланетянах: «Откуда они могли знать о существовании военно-промышленных комплексов?» В журнале вставлено «у нас».

И когда Нунан смотрит на Мартышку, прижавшуюся к деду, он думает: «Что же еще нужно сделать с человечеством, чтобы его наконец проняло?» В журнале несколько по-другому: «Что же еще нужно с НАМИ сделать, чтобы НАС наконец проняло?»

«Кто идет следом за Стервятником, тот всегда глотает дерьмо»,— думает Рэдрик. А вот продолжение убрано: «Во всем мире так».

И еще. В журнальном варианте (и далее в книжных изданиях после «Неназначенных встреч») вставкой одного слова была изуродована и сведена до обычного перечисления горькая поговорка сталкеров: «С хабаром вернулся — чудо; живой вернулся — удача; патрульная пуля — везенье, а все остальное — судьба...» Вставлено лишь одно слово «мимо»: «...патрульная пуля МИМО — везенье...», и теряется не только трагичный смысл, но и певучесть фразы.

«НЕНАЗНАЧЕННЫЕ ВСТРЕЧИ»

Историю издания сборника «Неназначенные встречи» БНС подробно описал в «Комментариях», но об этом позже. В этой главке рассматриваются только те искажения, которые Авторам все же пришлось сделать в итоге — после всех доделок и переработок.

Изменились некоторые факты. Хармонт, город, где происходит все действие повести, был изменен на Мармонт. Одна из групп сталкеров изменила название с «Варр» на «Веер». «Сучьи погремушки» (из перечисления Лемхеном новых предметов из Зоны) превратились в «птичьи погремушки». Вторая кличка Мосла («Катюша») была изменена на бессмысленное «Канаша». Вместо «полуголой бабы» на квадратных королевских купюрах в этом издании присутствует «строгая красотка». И почему-то убрана часть интервью Пильмана, когда он пытается увести разговор в сторону от Посещения (искусство, Гвади Мюллер).

В воспоминаниях Рэда об учителе арифметики, угодившем под Пришествие, изменяется почему-то предмет: арифметика на словесность. И опять же неясно, почему в перечислении тем в нервной говорливости Тендера (восхищение пейзажем, о новом костюме) убирается «то примется высказывать свои соображения по поводу пришельцев». Убрано предположение Рэда, что в Чумном квартале старики умерли не от чумки, а от страха. «Последний раз ночью я в Зону ходил три месяца назад»,— вспоми-

нает Рэдрик. Почему-то в этом издании «три месяца» изменяются на «неделю».

Убран из текста весь отрывок, в котором Рэд размышляет о Гуте и о детях сталкеров, поэтому состоявшийся после разговор с Гутой, в котором она сообщает, что у нее будет ребенок, не выглядит столь трагичным.

Непонятно почему, но убирается часть описания Нунана: «Он помахал кому-то рукой, перебросил свернутый плащ через правое плечо и подошел к своему «пежо». «Пежо» у Дика был тоже округлый, коротенький, свежевымытый и тоже как бы уверенный, что никакие неприятности ему не грозят». Убрано замечание Пильмана в сторону Нунана: «В общем, что я вам перечисляю! Вы знаете все это не хуже меня — «браслетик», я вижу, сами носите...»

Даже в мелочах правка ПНО в этом издании была направлена на главенство материализма. «Боюсь, что Институту внеземных культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие»,— говорит Пильман о самом факте Посещения. «Везение» — отчасти мистическое явление, и ПОВЕЗЕТ исправляют на ДОВЕДЕТСЯ. Убирается из речи Рэда «благословясь». Убирается замечание Нунана о ксенологии: «Черт бы побрал вашу псевдонауку».

Об оживших покойниках. Убрана часть рассказа шофера: «...потом уселся у забора и сидит. Народу набежало — со всего квартала, смотрят, а подойти, конечно, боятся. Потом кто-то догадался: взломали дверь в его доме, открыли, значит, ему вход. И что вы думаете? Встал и вошел, и дверь за собой прикрыл. Мне на работу надо было бежать, не знаю, чем там дело кончилось, знаю только, что собирались в Институт звонить, чтобы забрали его от нас к чертовой бабушке. Знаете, чего говорят? Говорят, комендатура готовит приказ, чтобы этих покойников, если родственники у них выехали, посылали бы к ним, по новому месту жительства. То-то радости у родственников будет! А уж смердит от него... ну, на то он и покойник...»

Убран отрывок из размышления Нунана, как изменился город, как вырос центр и пустеют окраины:

И уже некуда возвращаться вставшим из могил покойникам.

— Восставшим из могил пути домой закрыты, поэтому они печальны и сердиты,— произнес он вслух.

Зато позже вставлено пояснение от Пильмана: «Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Во-первых, никакие это не покойники. Это же муляжи... Чучела... Или можете, если вам нравится, называть их биороботами... киборгами... Понимаете? Чужой разум, дабы получить исчерпывающую информацию о землянах, создал роботов-андроидов, произведя реконструкцию по скелетам. Нравится вам такое объяснение?..» (В «Авроре», кстати, тоже звучит такое же объяснение, но покороче: «Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Вы же все-таки человек с образованием... Во-первых, никакие они не покойники. Это же муляжи... реконструкции по скелету...»)

Из обоих изданий убран рассказ Пильмана об отрезанной руке покойника и утреннем кукише.

В этом издании убрано ощущение Нунана, пришедшего к Рэдрику домой и увидевшего его отца: «И сейчас же Нунан почувствовал запах. Он знал, что это игра воображения, запах бывал только первые дни, а потом исчезал напрочь, но Ричард Нунан чувствовал его как бы памятью — душный, тяжелый запах разрытой земли».

О Золотом Шаре. Убрано замечание Нунана: «Машина желаний — понимаю». Вместо этого в издании идет «научное» объяснение этого феномена:

<...> А Машина желаний, надо понимать, это пресловутый Золотой шар... Вы верите в Золотой шар, господин ученый?

Валентин пожал плечами.

— Я допускаю, что где-то в Зоне есть нечто округлое и золотистое. Я допускаю, что оно улавливает наши биотоки и способно выполнять простейшие желания — утолять голод, жажду... Современного бионика такие штучки не удивят... Но я не об этом...

Много исправлений касаются тех моментов, где упоминается о России, о советском или описывается Кирилл. Убирается продолжение фразы об отсутствии денег у Кирилла: «...откуда у него

деньги — у иностранного специалиста, да еще русского?» А вот в объяснении Гуталина, почему его уволили, добавлено: вместо «Агитатор, говорят» — «Агитатор, говорят, красный». Перед походом в Зону, когда все поднялись в «галошу» и Кирилл предложил: «Ну, Рэд, командуй»,— Рэд объясняет порядок: как себя вести в Зоне и как его надо слушаться. Тендер соглашается и сообщает, что он не новичок, на что Рэд отвечает: «Вы для меня оба новички...» В этом издании акцент перенесен только на Тендера: Тендер добавляет, что он два раза в Зону ходил, а Рэд ему на это отвечает: «Эти свои два раза в карман спрячь...»

«С русским?» — спрашивает Нунан о Кирилле; в этом издании: «С Кириллом? С этим советским?» Убраны некоторые моменты «плача по Кириллу»: «Впереди пустота, ничего нет. Тоска, будни... <...> дружок мой единственный... <...> Всю жизнь волком жил, всю жизнь об одном себе думал... И вот в кои-то веки вздумал облагодетельствовать, подарочек поднести...» Убрано, как и в «Авроре», размышление Нунана о Зоне в России: «Господи, как просто все это можно было бы сделать! Сгрести в одну кучу всю эту сволочь, засадить лет на пятнадцать... или выслать к чертовой матери! В России вот о сталкерах и не слыхивали. Там вокруг Зоны действительно пустота, сто километров, никого лишнего, ни туристов этих вонючих, ни Барбриджей... Проще надо поступать, господа, проще! Никаких сложностей тут, ей-богу же, не требуется. Нечего тебе делать в Зоне — до свиданья, на сто первый километр...» Убирается слова «русской» в описании «кровавой Мэри» («прозрачный слой русской водки...») И вместо «школьник» (об Артуре) употребляется иностранное слово «колледжер».

Убираются и русские пословицы, поговорки, фразеологизмы. «Учись, сержант, в лейтенанты выбьешься» изменено на нейтральное «Всегда бы так со мной разговаривал — цены бы тебе не было...» Убирается фраза Рэда: «Поманил дитятю пряником, а пряник-то в заначке, а заначку сердитые дяди стерегут...» И изменяется «Я уже рот раскрыл, чтобы обложить его в бога, в сердце, в печень» на «Я уже было на него зубы оскалил». Убирается: «Эх, мать честная! С этими новичками не знаешь, куда смотреть — то ли в поле смотреть, то ли на них», «вот тут-то я и напортачил», «не тронь дерьмо...», «соплей перешибить можно», «уши торч-

ком, хвост пистолетом», «свинья грязи найдет», «здесь сам черт ногу сломит». «Плюнуть и растереть» изменяется на: «Смешно. Смех один». Убрано пояснение Нунана о его разговоре с нуждающимися в «ведьмином студне» и прочих запрещенных предметах: «Я немножко с ним побеседовал,— осторожно, конечно, дурачка такого состроил».

Правится и описание «того» мира. «Это настоящая новая профессия»,— говорит Пильман о сталкерах. Из издания эта фраза убирается — помилуйте, как же это так: стащил то, что плохо лежит (пусть и в Зоне) — это профессия?

Убирается весь ход рассуждений агента Бюро эмиграции (которое в этом издании названо Бюро переселения): «Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком Зона...» Остается лишь «Живете вы как на вулкане». Зато в ответе Рэда добавляется: «Жизнь у нас тяжелая».

«Чего я у вас там в Европе не видел?» — спрашивает Рэд и сам отвечает: «Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла — к постылой бабе под одеяло, ублюдков плодить. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел,— говорю,— занюханную». В «Неназначенных встречах» убирается весь этот пассаж (в журнале — от «ночь пришла» и до конца).

И далее, из мыслей Рэда по поводу переезда («И Зона наша, гадина стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все ихние Европы и Африки. И ведь пьян еще не был, а просто представилось мне на мгновение, как я весь измочаленный с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон и как все мне обрыдло и ничего мне не хочется») осталось лишь: «И Зона наша проклятая во сто раз милее мне в этот момент стала. И ведь пьян еще не был».

«Пусть мы все будем здоровы, а они пускай все подохнут. Кто это — мы? Кто — они? Ничего же не понять. Мне хорошо — Барбриджу плохо, Барбриджу хорошо — Очкарику плохо, Хрипатому хорошо — всем плохо, и самому Хрипатому плохо, только он, дурак, воображает, будто сумеет как-нибудь вовремя изгильнуться...» — думает Рэдрик около Золотого Шара. «Самому Хрипа-

тому плохо» — такого, конечно, пропустить не могли в нашем тогдашнем черно-белом мире.

Убирается, что те, кто приехал из других мест и быстро гибнет, «посмертно превращались в легендарных героев», что некоторые приехавшие «насоздавали политических партий, религиозных сект, каких-то кружков взаимопомощи», что «время от времени они устраивали шествия с какими-то петициями, какие-то демонстрации протеста, какие-то забастовки — сидячие, стоячие и даже лежачие», что они «чем дальше, тем основательнее успокаивались, смирялись и все меньше и меньше интересовались знать, для чего они здесь». «Летние резиденции городского начальства» превратились в «летние резиденции городских тузов».

По всему тексту идет мелкая правка по поводу военных и полиции. Убирается, что капитан отдела безопасности Института смотрел на Рэдрика «оловянными глазами». Убрано, что миноискатели «покупали втихаря у армейских интендантов». Убирается «наша доблестная гвардия», убирается «даром что лейтенант», «холуи-сержанты» становятся просто «сержантами», а то и вовсе без них обходятся. В размышлении Рэда о том, чтобы в Зону можно при таком окладе ходить только легально, фраза «на патрулей наплевать» изменена на «патрули опять же не беспокоят».

Изредка правка направлена на придание тексту более художественного вида: вместо «что именно входит в вашу компетенцию» ставят «чем занимаетесь непосредственно вы». Вместо «имеет место» — «происходит». Но в остальном текст повести, наоборот, стараются подтянуть к некому общему стандарту.

Продолжает «облагораживаться» язык Рэда: вместо «раскурочить» — «изничтожить», вместо «сукин сын» — «голубчик», вместо «дылдоватый» — просто «дылда», вместо «стерва» — «дура», вместо «лафа» — «благодать», убирается сравнение «за собачьей слезой» (о взгляде), «жабы» (о полицейских), «поганец», «сволочь», «стерва родимая» (о Зоне), но «пикник с девочками» исправляется на «пикник с девчонками». «Стервец» изменяется на «паршивец», «к черту» — на «ей-богу», убирается воспоминание о ночи в Зоне («задницу звездам показываешь»), «отвалит» (о деньгах) — на «выложит», «нишкни» — на «прекрати», «долбанет» — на «саданет», «заколачивает» на «зарабатывает», убирается «ох уж эти мне рисковые» (в предыдущем изда-

нии «Молодой гвардии», в 25-м томе БСФ, эта фраза остается, но «рисковые» изменились на бессмысленное «рискованные»; вообще издание ПНО 25-го тома иногда грешит такими «исправлениями», к примеру, «укротил», в значении «урезонил», правится на «укоротил»), убираются «дурак дураком», «как кот нагадил», «отряхнул брюхо», «какого хрена» и «черт тебя подери», «упереть» изменяется на «уволочь», «напьюсь как зюзя» — на «напьюсь как лошадь», убирается «стерва», «сломали его», «болбочет», вместо «сукины дети» — «умники», вместо «паскуда» — «торгаш», вместо «рыла прячут» — просто «прячутся», в другом месте вместо «рыла» — «физиономии», вместо «проходимец» — «непутевый», вместо «дрыхла» — «спала», вместо «пожирал» — «поглощал», убирается «совокуплялась», «падаль ты», «вшивый» (в определении города), убирается «на карачках», вместо «не гунди» — «не жалуйся». «А Тендер что? Подштанники небось стирает?» — спрашивает Рэд у Кирилла после Зоны. Здесь изменено на: «Как там твой Тендер, отлеживается?» Вместо ругательства «редьку в глаз» Рэд говорит: «Бог подаст». По телефону Рэдрик говорит Гуте, прощаясь, не «целую в попку», а «целую в носик». Вместо «какое рыло сделалось» — «как перекосило». Исправляются и действия Рэда: «двинул в бок» на «на него так глянул». В минуту опасности Рэд описывает Кирилла так: «Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален». Здесь убирается «рот оскален». Речь капитана Квотерблада мысленно Рэд называет «разнузданной тягомотиной», но в этом издании — «тошной тягомотиной».

Убирается, что Рэдрик, «чтобы хоть немного разрядиться, громко, старательно произнес: — В душу твою небритую, карга, старая ты лягва, кашлюном вонючим, полудохлым в бога трахнутая, пополам с сопляком слюнявым, шоколадным...»

Стирается разговорный стиль повествования и облагораживается речь других персонажей. «Спецовочку» заменяется на «спецовку», «в самую середку» на «в самую середину», «спустил» (тросы) на профессиональное «стравил», «вкалываешь» (в значении — работаешь) — на «надрываешься». А обычное «космонавт» в речи Рэда изменяется на какое-то нелепое «космач». «Темно, как у негра в ухе»,— вспоминает Рэд. В 25-м томе правится: «темно, как у негра в желудке», но этого мало, и в «Неназ-

наченных встречах» появляется странное (и вообще странное, а для сталкера-работяги особенно): «темно, как в чернильнице». Еще о Зоне: «...лежишь рылом в землю». «Рылом» изменяется на «носом». Вместо «что за черт» — «что такое, в самом деле». Вместо «жрать» — «есть», вместо «идиоты» — «умники», вместо «чертов бред» — «невообразимый бред». Убирается крик Барбриджа: «Ноги мне загубишь, сволочь!»

Вместо «кретин рыжий, пер на хребте эту сволочь, слюнтяй» Дина говорит только: «...на хребте пер... Слюнтяй...»

Убирается и описание состояния появившихся Нунана с Гуталином: «Гуталин уже на бровях — вращает белками и ищет, кому бы дать в ухо, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами». В речи Гуталина вместо «Все остальные — свиньи, дети сатаны» звучит: «Все остальные — прокляты и дети сатаны». Позже убрано замечание Рэда по поводу состояния Гуталина: «Ну, ничего, он еще разойдется».

Конечно, не обошлись без внимания редакции и моменты, где упоминаются выпивка, женщины, азартные игры. Убираются даже нарушения этикета: что сержант ест, зажав вилку в кулаке; что Нунан жует на ходу и обращается к официантке «мамаша»; что Рэдрик стряхивает пепел на пол.

Конкретное размышление Рэда о Кирилле («...напоил бы я его в дым, свел бы к хорошей девке, чтобы расшевелила, а наутро бы снова напоил и снова к девке, к другой...») заменяется обтекаемым: «...потаскал бы я его по ночным кабакам и иным злачным местечкам...»

Убрана фраза Нунана, обращенная к Гуте: «Вы еще не забыли, что именно я люблю выпить перед ужином?»

Убрано рассуждение Рэда о Гуте: «...как у кобылки, молоденькой, гордой, но покорной уже своему хозяину».

Правится фраза Рэда: «Вчера вот в покер двадцать монет продул — здорово этот Нунан играет, шельма...» В этом издании она звучит более литературно: «Вчера вот в покер двадцать монет продул мистеру Нунану. Играет как машина, ни одной осечки...»

Красотки в журнале не «толстозадые», а «сногсшибательные», на пикниках Барбриджа не «бабы», а «туристки». Убрана часть описания Дины Барбридж (вероятно, чтобы не смущала читающих подростков): «...вороные волосы, блестящие под сол-

нцем, небрежно брошенные на одно плечо...» Убрано замечание Мосла о Барбридже: «За девочек он нам платит — не то чтобы богато...»

Убирается воспоминание Гуты о старом Гаррисе:

— Еще бы,— сказала она.— Всю руку тогда об него отбила.

— Ах даже так? — Нунан сделал вид, что удивлен.— Ай да Гаррис!

— Господи! — сказала Гута.— Да он мне проходу не давал! Я только одного боялась, как бы Рэд не узнал.

ОТ ИЗДАНИЯ К ИЗДАНИЮ

Иногда правка оригинального текста совершалась поэтапно. В журнальном варианте, в 25-м томе «БСФ» (то же издательство «Молодая гвардия», что издавало и «Неназначенные встречи»[1]), и «Неназначенных встречах» один и тот же отрывок (или слово) звучал по-разному.

К примеру, описывая полную «пустышку», Рэд говорит: «Эта твоя гидромагнитная ловушка, как ее... объект семьдесят семь бэ. Только с дерьмом каким-то внутри, с синеньким». «Дерьмо» в журнальном издании правится на «ерунду». В 25-м томе «БСФ» — на «начинку», а в «Неназначенных встречах» используется другое сравнение — «жижа».

После сообщения, что его вызывают в отдел безопасности, Рэд думает: «Какого это для понадобился я капитану Херцогу в служебное время?» В «Авроре» «какого это для» правят на «чего это ради», а в изданиях «Молодой гвардии» (25-й том БСФ и «Неназначенные встречи») — «какого это лешего».

«С поличным не поймали, а теперь хрен меня возьмешь, я скользкий»,— думает Рэд в черновике. В чистовике и журналь-

[1] 25-й том БСФ и «Неназначенные встречи» выпускало одно и то же издательство — «Молодая гвардия». Но первая книга вышла еще при редакции С. Жемайтиса и Б. Клюевой, а вторая — уже при руководстве Медведева, поэтому разночтения в первой главе этих изданий могут служить ярким примером относительной толерантности и абсолютной предвзятости к тексту.— *С. Б.*

ном варианте вместо «хрен» — «черта», в 25-м томе БСФ — «черта с два», в «Неназначенных встречах» — «как ты».

Рэдрик, думая о полиции, мысленно называет их «легавыми жабами». В журнальном варианте «легавыми» — теряются, и полицейские — просто «жабы». В «Неназначенных встречах» же вместо этого — «господа полицейские».

В фразе Рэда «А хрен его знает» в «Авроре» меняют «хрен» на «сатана», а в «Неназначенных встречах» изменяется вся фраза на «Откуда я знаю».

В санитарном ангаре после зоны, как говорит Рэд, кроме прочих обработок, «облучали какой-то сволочью». В «Авроре» «сволочью» заменяется на «ерундой», в молодогвардейских изданиях — на «дрянью».

«Ни хрена новичкам этого не понять»,— говорит Рэд о состоянии сталкера после Зоны. В журнальном варианте это звучит так: «Никогда новичкам этого не понять». В 25-м томе: «Очкарикам этого не понять». В «Неназначенных встречах»: «Новичкам этого не понять».

О патрульных машинах и голубых касках Рэд, проходя, замечает себе: «...есть там два-три рыла, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю». «Два-три рыла» в журнальном издании изменяются на «два-три типчика», в 25-м томе БСФ — на «две-три морды», в «Неназначенных встречах» — на «две-три личности».

Эрнест, услышав имя «Кирилл», спрашивает: «Шелудивый, что ли?» В журнальном варианте характеристика предполагаемого Кирилла — «Однорукий», в «Неназначенных встречах» — «Плешивый».

Сравнение Рэдом рева Гуталина («как белый медведь во время случки») в журнале изменяется на «что твой гризли», в «Неназначенных встречах» — «диким ревом», а в 25-м томе вообще отсутствует.

О выполнении Золотым Шаром любых желаний Барбридж говорит: «Хрена — любое!» В журнале: «Как же — любое!» В «Неназначенных встречах»: «Не любое».

Ругаясь с соседом, Рэдрик называет его сволочью. В журнальном варианте — гадюкой, в «Неназначенных встречах» — гадом.

В «Боржче» Рэдрик видит у стойки трех каких-то хмырей. В журнале вместо «хмырей» — «типов», в «Неназначенных встречах» — «типчиков».

Заведение «Пять минут» Нунан в мыслях называет «мой бардак». В журнальном варианте — «мое заведеньице», в молодогвардейском издании — «мой дворец».

В гневной тираде Нунана, обращенной к Мослу («На две стороны работаешь, стерва? <...> Стервятник в хабаре купается, а ты мне дерьмо в бумажечке подносишь?.. <...> В тюрьме сгною! В навозе у меня жить будешь... Навоз жрать будешь... Жалеть будешь, что на свет родился! <...> Откуда у Барбриджа хабар? Почему ему несут, а тебе нет? Кто несет? Почему я ничего не знаю? Ты на кого работаешь, свинья волосатая? Говори!») правка вносилась в оба издания разнообразно. В молодогвардейском издании «стерву» изменили на «голубчика». В обоих изданиях «дерьмо» заменили «бусиками», причем такой вариант понравился Авторам больше, они его и оставили. Опять же в молодогвардейском издании убрали «Навоз жрать будешь», в журнале же «навоз» заменили на «сухари». И убрано в «Неназначенных встречах» обращение «свинья волосатая».

«Мать-перемать!» в ответе Мосла было изменено в журнале на «Да провалиться мне!», в молодогвардейском издании на «Да лопни мои глаза!»

И последующие слова Нунана («Вышвырну я тебя. <...> Потому что ты либо скурвился, либо работать не умеешь. На кой черт ты мне, такой-сякой, сдался? Я таких, как ты, на четвертак десяток наберу. Мне настоящий человек нужен при деле. А ты мне здесь только девчонок портишь да пиво жрешь») снова подверглись разнообразным исправлениям. В обоих изданиях убрано предположение «либо скурвился». В «Неназначенных встречах» убрано: «На кой черт ты мне, такой-сякой, сдался?» Там же почему-то изменили «на четвертак» на «за четвертак». И в обоих изданиях убрали окончание: «А ты мне здесь только девчонок портишь да пиво жрешь».

«К чертовой матери» обещает выгнать Мосла Нунан. «К чертям собачьим» — в журнале. «Выгоню тебя, голубчик»,— так эта фраза звучит в «Неназначенных встречах». И в обоих изданиях

«И перестань портить мне девок, животное!» изменено на «Да поворачивайся! Мозгами шевели!»

О «сволочи». Нунан думает о пришельцах: «Такая же вы равнодушная сволочь, как и все, хоть и научились сворачивать пространство». В журнале «сволочь» изменена на «дрянь», а в «Неназначенных встречах» — на «банда». Нунан думает о Барбридже: «На кой черт мне мой такой-сякой инженерный диплом, если я не могу придумать, как мне половчее ущучить эту безногую сволочь...» Здесь в первом случае «сволочь» изменяется на «мерзавца», во втором — на «гиену». Нунан думает об избегающих приходить к Рэдрику домой (из-за Мартышки и из-за «покойника»-отца): «И кроме всего прочего, сказал он себе, давай-ка не будем уподобляться всем этим жалким сволочам, которые разбежались отсюда, как тараканы, ошпаренные кипятком». Здесь в первом случае вместо «сволочь» — «типам», во втором — «тварям».

«Тяжелый, паразит...» — думает Рэдрик о рюкзаке со свернутым воздушным шаром. В журнале вместо «паразит» — «гад», в «Неназначенных встречах» — «дьявол».

«Что я в этом копаюсь, как в дерьме прутиком!» — думает Рэдрик. В первом случае окончание фразы изменяется на «как психованный», во втором — «в самом деле».

«Замарал подштанники? Привыкай, браток, не стесняйся, дома отстирают»,— говорит Рэдрик Артуру. В журнале — «Еще поживем, как ты считаешь, а?» В молодогвардейском издании: «Продирает? Страшно? Привыкай, браток, не стесняйся. Зона!»

«А вы, все прочие, стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, квотерблады, паразиты, зелененькие, хрипатые, в галстучках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодательством, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с «комариными плешами», со светлыми обещаниями — хватит, поводили меня за нос...» — думает Рэдрик, приближаясь к Золотому Шару. «Со светлыми обещаниями» — конечно, такого не могли допустить в тексте. Поэтому в «Авроре» правится на «с лживыми обещаниями», а в «Неназначенных встречах» — «с разными обещаниями».

Вообще же, зачастую в «Молодой гвардии» поступали проще: чем заменять какое-либо слово или фразу, они изымались вообще.

Из изданий «Молодой гвардии» убрано все замечание Рэдрика после предупреждения Херцога о последствиях увлечения сталкерством: «Понимаю,— говорю.— Это я понимаю. Не понимаю только, какая же это сволочь на меня настучала...» В журнальном варианте замечание оставлено, но «настучала» заменено на «донесла». И чуть ниже Рэдрик рассуждает: «А если телегу из полиции прислали...» В «Авроре» «телегу» правят на «бумагу», а в «Молодой гвардии» вычеркивают это слово вообще.

«И точно — во все окна аж до пятнадцатого этажа хайла повыставлялись, только что платочками не машут и оркестра нет»,— замечает Рэд перед входом в Зону. В журнальном варианте «хайла» заменяется на «сочувствующие», а в «Молодой гвардии» убирается вообще.

«Я тебе покажу — прощаться, морда твоя толстозадая!..» — думает Рэд о Тендере, когда тот попытался помахать рукой в сторону провожающих. «Я тебе покажу, ты у меня попрощаешься!..» — так звучит эта фраза в журнальном варианте. В «Молодой гвардии» же опять поступили проще — просто обрезали концовку: «Я тебе покажу».

Убирается в обоих изданиях «Молодой гвардии» мысль Рэда о пришельцах: «Нагадили, конечно, много, но сами же своему дерьму обозначили ясную границу». В журнальном варианте фразу оставили, но «своему дерьму» изменили на «себе».

«Мать их, очкариков, в чертову душу»,— мысленно ругается Рэд на научников, которые проложили дорогу по выемке. «Черт их побери, очкариков» — так это звучит в журнальном издании, а в обоих изданиях «Молодой гвардии» этот пассаж вычеркивается.

В изданиях «Молодой гвардии» (25-й том БСФ и «Неназначенные встречи») убрали весь этот отрывок: «Хлебнуть бы сейчас! Достать из-за пазухи родимую, свинтить колпачок, не торопясь, горлышко на нижние зубы положить и голову задрать, чтобы само полилось, в самую глотку чтобы, продрало бы, слезу выточило... А потом флягу покачать и еще раз приложиться... Барахло эти скафандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей-богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно!» В «Авроре» от этого отрывка осталось только: «Хлебнуть бы сейчас! Барахло эти ска-

фандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей-богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно!»

В «Неназначенных встречах» убирается фраза «рванул я когти». В журнальном варианте убрали просто одно слово — «когти».

На вопрос Рэда «Будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказывать?» сержант отвечает: «Спрашиваешь! — говорит.— Они ж кипятком писать будут...» В «Авроре» последняя фраза заменена на: «Они ж у меня таять будут как свечки!» В «Неназначенных встречах» эта фраза опять убрана вообще.

Эрнест хвастает: «Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, не хвост собачий». В «Авроре» «не хвост собачий» заменяется на «понял?», а в молодогвардейских изданиях убирается вообще.

«...Надо было рвать когти»,— думает Рэдрик. Здесь тоже в журнальном издании изменили на «...надо было убираться поскорее», а в «Неназначенных встречах» убрали вообще.

После выговора Лемхена Нунан размышляет о Стервятнике Барбридже: «Без штанов ведь пустил, грязными носками накормил...» В «Неназначенных встречах» вся фраза убирается, а в «Авроре» смысл смягчается: «Без штанов ведь пустил, как маленького...»

Иногда получалось и наоборот: в описании луна-комплекса присутствует «публичный дом на тысячу станков». В журнальном варианте его убрали вообще и заменили «варьете» (кстати, и «веселый дом» Барбриджа превратился в этом издании в «танцкласс»), а в «Неназначенных встречах» убрали только подробность: «на тысячу станков».

Об эмигрантах (в «Неназначенных встречах» их называют «переселенцами»). Увеличение техногенных катастроф и природных катаклизмов кажется цензорам журнала более неправдоподобным, мистическим, чем цензорам «Молодой гвардии», поэтому описание их убирается из журнала вообще (убранные отрывки: «Мало того. Число коммунальных катастроф в Детройте резко возрастает. В два раза чаще взрываются газовые колонки. В три с половиной раза чаще возникают пожары от неисправности

электросети. В три раза увеличивается количество автомобильных аварий. В два раза возрастает смертность от эпидемий гриппа. <...> Разверзаются хляби небесные, и озеро Онтарио, или Мичиган, или где там стоит Детройт, выходит из берегов...»), а в «Неназначенных встречах» только убираются взрывы газовых колонок.

«Могу кого-нибудь из своих сопляков отдать, кого не жалко...» — вспоминает Рэдрик слова Барбриджа. В журнале слово «сопляков» убрано. В «Неназначенных встречах» изменено на «курсантов».

Показателен пример, на что обращало внимание одно или другое издательство,— это описание действия во время перехода Рэдрика и Артура через «дьявольскую жаровню». В журнале убирается: «...выталкивая через пересохшую глотку самые гнусные ругательства, какие приходили ему в голову, а потом вдруг с какой-то сумасшедшей радостью вспомнил, что за пазухой у него лежит почти полная фляга, подружечка, милая моя, не выдаст...», а в «Неназначенных встречах»: «...в бога, в ангелов, на Северном полюсе, под тридцатью одеялами, в пришельцев и в Стервятника душу...»

В журнале убраны действия Рэдрика после «дьявольской жаровни»: «Надо думать, и задницу не до кости прожгло... Он пощупал — нет, явно не до кости, даже штаны целы. Просто как кипятком ошпарило...» В «Неназначенных встречах» только слово «задницу» изменяют на «окорока». И далее Рэдрик думает: «...обварил бы себе зад — вот и все неприятности...» В журнале вместо «зад» — «ноги», в молодогвардейском издании — опять «окорока».

В обоих изданиях была и одинаковая правка: вместо «с дерьмом» — «с чумой», вместо «стервячьи ягодицы» — «чертовы макушки», вместо «сволочная» — «поганенькая». В обоих вариантах в фразе Рэдрика, обращенной к Нунану («Всё задницу в барах нагуливаешь...»), «задницу» заменено на «загривок», и убрано слово «бардачных» в подначке Рэдрика: «Знаю, знаю, наслышан о твоих бардачных аферах!»

Убраны из всех текстов: «я это дерьмо вам в глотку вобью»; что окно, из которого Рэд удрал из «Боржча», бросив туда «зуду», было в сортире. Убрано описание демонстрации: шествие «длинноволосых дураков и стриженых дур, размахивающих дурацкими транспарантами»; определение местных ребят: «Самые оторвы, какие есть в городе»; реплика Пильмана по поводу увеличения катаклизмов и запрещения эмиграции: «Ничего себе предлог! Да кто же такому бреду поверит? Ну, придумали бы какие-нибудь эпидемии... опасность распространения вредных слухов... да мало ли что!»

Из обоих изданий убирается подробность «о том, как он [Рэдрик.— *С. Б.*] с этой Диной спал — и трезвый спал, и пьяный спал, и какое это каждый раз было разочарование». В обоих случаях определение Дины «роскошная баба» изменяется на «роскошная женщина», а в журнале еще и убирается «век бы с нею любился».

ОБ «ИСТОРИИ ОДНОГО ОДЕРЖАНИЯ»

И опять «Комментарии» БНС:

В начале 80-х мы с АН самым серьезным образом обдумывали затею собрать, упорядочить и распространить хотя бы в Самиздате «Историю одной публикации» (или «Как это делается») — коллекцию подлинных документов (писем, рецензий, жалоб, заявлений, авторских воплей и стонов в письменном виде), касающихся истории прохождения в печати сборника «Неназначенные встречи», гвоздевой повестью которого стал «Пикник». БН даже начал в свое время систематическую работу по сортировке и подбору имеющихся материалов да забросил вскорости: дохлое это было дело, кропотливый, неблагодарный и бесперспективный труд, да и нескромность ощущалась какая-то во всей этой затее — кто мы, в конце концов, были такие, чтобы именно на своем примере иллюстрировать формы функционирования идеологической машины 70-х годов,— в особенности, на фоне судеб Солженицына, Владимова, Войновича и многих, многих других достойнейших из достойных.

Затея была заброшена, но мы вновь вернулись к ней уже после начала перестройки, когда наступили новые и даже новейшие времена, когда возникла реальная возможность не просто пустить по рукам некое собрание материалов, но опубликовать его по всем правилам, с поучительными комментариями и ядовитыми характеристиками действующих лиц, многие из которых в те времена еще сохраняли свои посты и способны были влиять на литературные процессы. К работе подключились неутомимые «людены» — Вадим Казаков со товарищи. БН передал им все материалы, сборник был в значительной степени подготовлен, но довольно скоро выяснилось, что издать его реальной возможности нет — ни у кого не оказалось денег на подобное издание, которое вряд ли могло представлять коммерческий интерес. Кроме того, события неслись вскачь: путч, уход АН, распад Союза, демократическая, хоть и «бархатная», но несомненная революция — затея буквально на протяжении нескольких месяцев потеряла даже самую минимальную актуальность.

О работе над этими материалами Вадим Казаков вспоминает:

На самом деле до «значительной степени» там было еще очень далеко. Да, составители «Истории» (Юрий Флейшман и я) успели тщательно продумать раскладку всех материалов будущей книги — что, как и почему разместить, что убрать или оставить, на какие главы разбить весь этот, с позволения сказать, роман в письмах, как эти главы назвать... А общее заглавие «История одного Одержания» нам предложил сам БНС.

Но оставалась еще самая, пожалуй, интересная, но и самая трудоемкая часть работы — наши собственные комментарии, которые, по замыслу, должны были перемежать переписку Стругацких со всяческими инстанциями и друг с другом. Нам хотелось с точки зрения людей иного поколения сказать не только о времени издательских мытарств «Неназначенных встреч», но и о том, что было до и после.

В «материалах дела», скажем, совсем ничего не говорилось о событиях, случившихся куда раньше, но серьезно повлиявших на судьбу книг Стругацких. Мы подобрали всякие до-

полнительные документы — уже по печатным материалам тех лет, ныне благополучно забытым. А начинался пролог нашей истории с 1966 года, с процесса Синявского и Даниэля, с первого примера того, как в новейшее время литераторов судили за фантастику...[1]

Так вот, реально была написана вся преамбула (обо всем, что предшествовало началу работы над книгой), и — большей частью — первая из четырех частей, «Тормозной след», о начале противостояния, когда в редакции фантастики «Молодой гвардии» еще работали порядочные и знающие свое дело люди, но и они мало чем могли авторам помочь.

Будущая публикация была анонсирована в любительской фэн-прессе, но к началу 90-х мы окончательно прочувствовали все прелести жизни в «эпоху перемен» и вскоре переключились на другие интересные дела. Одним из них было, например, создание группы «Людены». А работу над «Историей одного Одержания» пришлось отложить до лучших времен, которые — как знать? — вполне еще могут наступить.

Но вернемся к «Комментариям» БНС:

Первоначально я предвкушал, как расскажу здесь историю опубликования «Пикника», назову некогда ненавистные нам имена, вдоволь поиздеваюсь над трусами, дураками, доносчиками и подлецами, поражу воображение читателя нелепостью, идиотизмом и злобностью мира, из которого мы все родом — и буду при этом ироничен и назидателен, нарочито объективен и беспощаден, добродушен и язвителен одновременно. И вот теперь я сижу, гляжу на эти папки и понимаю, что я безнадежно опоздал и никому не нужен — ни с иронией своей, ни с великодушием, ни с перегоревшей своей ненавистью. Канули в прошлое некогда могущественные организации, владевшие

[1] Думаю, что здесь имеется существенная неточность. Не за фантастику судили и посадили А. Синявского и Ю. Даниэля, а за сатиру, пусть и в гротескно-фантастической форме. А главное — за сознательную публикацию этой сатиры на Западе.— *В. Д.*

почти неограниченным правом разрешать и вязать — канули в прошлое и забыты до такой степени, что пришлось бы скучно и занудно объяснять нынешнему читателю, кто есть кто, почему в отдел культуры ЦК жаловаться не имело смысла, а надобно было жаловаться именно в отдел печати и пропаганды, и кто такие были Альберт Андреевич Беляев, Петр Нилыч Демичев и Михаил Васильевич Зимянин,— а ведь это были тигры и даже слоны советской идеологической фауны, вершители судеб, «руководители» и «руконосцы»! Кто их помнит сегодня и кому интересны теперь те из них, кто еще пока числится среди живых? А что же тогда говорить о малых сих,— о визгливом сонме мелких чиновников от идеологии, об идеологических бесах, имя коим легион, вред от коих был неизмерим и неисчислим, злобность и гнусность коих требует (как любили писать в XIX веке) пера, более опытного, мощного и острого, нежели мое! Я даже упоминать их здесь не хочу — пусть сгинут в прошлом, как ночная нечисть, и навсегда...

Здесь очень хотелось бы возразить (в голове так и крутятся многочисленные цитаты относительно того, что нельзя предавать забвению прошлое и т. п.), но зададимся вопросом: кому действительно будет интересно читать «Историю одного Одержания»? Несомненно, историкам литературы, культурологам, литературоведам. Скорее всего, тем, для кого, собственно, пишутся «Неизвестные Стругацкие». Но дело еще и в том, что, читая постепенно, документ за документом, месяц за месяцем, историю прохождения сборника «Неназначенные встречи», проживаешь как бы вместе с Авторами все перипетии этой восьмилетней борьбы, чувствуешь облегчение, когда дело вроде бы налаживается, восклицаешь: «Как? Опять?», когда возникает какой-то стопор. То есть воздействие этих документов, даже без гневных комментариев тех, кто, как пишет БНС, имеет перо, более опытное, мощное и острое, очень похоже на воздействие от чтения хорошего художественного текста.

Приведем пример.

Заявка на книгу «Неназначенные встречи» от 6 ноября 1970 года.

В издательство «Молодая Гвардия»
от членов ССП А. Стругацкого,
Б. Стругацкого

Заявка

Предлагаем Издательству опубликовать наш авторский сборник научно-фантастических произведений под общим названием «Неназначенные встречи» (название условное).

Мы предполагаем включить в сборник три новых фантастических повести («Дело об убийстве», «Малыш», «Пикник на обочине»), объединенных общей темой: неожиданные встречи человека с представителями иного разума во Вселенной.

Повесть «Дело об убийстве» (10 а. л.) была опубликована в №№ 9–11 журнала «Юность» за 1970 год в несколько сокращенном виде и под названием «Отель "У Погибшего Альпиниста"».

Повесть «Малыш» (7 а. л.) была опубликована в журнале «Аврора» в 1971 году. Рукопись повести прилагается.

Повесть «Пикник на обочине» (предположительно 8 а. л.) находится в стадии разработки. Содержание повести сводится к следующему. Один из сравнительно пустынных районов земного шара (Северная Канада или Центральная Австралия) послужил местом временной стоянки трансгалактической экспедиции представителей иного разума. Очевидно, пришельцы не рассматривали Землю, как объект исследования. Возможно, они так и не заподозрили, что Земля обитаема разумными существами. Пробыв на нашей планете несколько месяцев, они исчезли так же таинственно, как и появились. Район их временной стоянки, превратившийся в своего рода заповедник удивительных явлений и загадочных находок, делается объектом пристального внимания, как передовых ученых всего мира, так и нечистых политиканов и различных авантюристов, стремящихся использовать чудесные находки в своих корыстных целях.

Рукопись сборника может быть представлена через 6 месяцев со дня заключения договора. Полный объем сборника 25 а. л.

Письмо из «Молодой гвардии» от Бэлы Клюевой от 8 декабря 1972 года.

Уважаемый Аркадий Натанович!

Высылаю Вам рукопись сборника Ваших фантастических повестей «Неназначенные встречи» вместе с рецензией Е. Брандиса.

Мы уже говорили с Вами в редакции о каждой из предлагаемых в сборник повестей.

В первой повести «Дело об убийстве» необходимо, на наш взгляд, поработать над концовкой. В представленном варианте объяснение всех событий в повести сводится к тому, что, мол, это Пришельцы, не искушенные в земных хитростях, попались на удочку гангстерам капиталистического государства, наделали глупостей и сбежали от всей этой путаницы в свой мир. Концовка после очень обстоятельного, увлекательного, полного забавных приключений рассказа выглядит случайной, сделанной наскоро. Будто авторы сначала сами увлеклись этой историей, потом она им поднадоела, и они поспешили как-нибудь закончить ее. Кроме того, есть кое-где в повести места пошловатые, двусмысленные — они отмечены на полях рукописи.

Вторая повесть, «Малыш», очень интересна по идее. Подвиг советских ученых, их самоотверженность и верность коммунистическим идеалам в тяжком труде освоения далеких планет нарисована Вами в повести ярко, убедительно. Вам нужно только поработать над языком, отдельными эпизодами. В частности, нас смутила схожесть некоторых сцен повести с лемовским «Солярисом» (появление Малыша, фантомы). И тут тоже, пожалуй, стоит подумать о более четкой концовке.

«Пикник на обочине» — повесть о зарубежном герое, работе, подверженном всем влияниям капиталистического мира, в котором он родился и существует. Но вот он встретился и какое-то время поработал с советским ученым, поверил в его идеалы и пережил трагедию его гибели. История перерождения этого человека, его превращения в активного противника капиталистических порядков составляет содержание повести. Контрпропагандистская направленность этой повести выраже-

на четко. Требуется почистить ее язык от жаргонных словечек, нам кажется несколько растянутым начало повести, лишним эпизод с Рэдриком Шухартом, когда он отказывается от посещения — законного — зоны, потому что полицейский напомнил ему о прежних его «подвигах» на этом поприще. Кроме того, Вам придется восстановить первую часть рукописи, так как мы использовали ее для 25-го тома Библиотеки современной фантастики.

Просим также учесть замечания, высказанные в рецензии Е. Брандиса.

В конце января 1973 года надеюсь встретиться с Вами для дальнейшей совместной работы над рукописью.

С уважением

Б. Клюева

Письмо от Сергея Жемайтиса от 7 мая 1973 года.

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Ваша рукопись «Неназначенные встречи» прочитана в редакции, получила положительные рецензии. Часть повести «Пикник на обочине» публикуется, как вы знаете, в томе 25 БСФ. Редакция готова вплотную приступить к подготовке всей рукописи для сдачи в набор. Идейный и художественный уровень произведений, составляющих сборник «Несостоявшиеся встречи», достаточно высок. Тема контактов с иными цивилизациями решена по-новому, ярко. Но есть ряд замечаний у редакции и рецензентов, которые требуют еще непосредственно авторской работы над рукописью.

В повести «Дело об убийстве», помимо увлекательного, детективного сюжета, есть еще и серьезная проблема — принципиальная несовместимость научно-технического прогресса (пришельцы) с узостью буржуазного сознания, с мещанским «здравым смыслом» (П. Глебски). Это интересно и, в общем-то, мастерски раскрывается в повести, но по прочтении ее все же остаются недоуменные вопросы. Например, какие были истинные намерения пришельцев и почему они оказались среди гангстеров, их активными помощниками? Ведь если они настолько хорошо изучили людей, что сумели повторить их в

своих роботах, в общественных связях землян, они тем паче должны были разобраться, прежде чем начинать рискованный эксперимент?

И второе, гангстерам в повести противопоставлены честные, умные люди. Это прежде всего Симонэ. Он в повести, пожалуй, единственный, кто более или менее достоин представлять лучшую часть человечества. Но «шалун Симонэ», скабрезный приставала начала повести, не вяжется с тем же Симонэ, положившим жизнь на поиски контактов с пришельцами. Не веришь в серьезность его действий и в конце повести: суета получается, а не деятельность.

И наконец, финал повести. Он скомкан, ему можно было бы, как отмечает в своей рецензии Е. Брандис, «придать большую политическую остроту».

Лучшей вещью сборника, на наш взгляд, является «Пикник на обочине». Это серьезный шаг вперед в вашем творчестве. Но и в нем есть вещи, которые коробят при чтении. Например, нужны ли покойники, которые возвращаются в свои семьи? Они, как говорится, «не стреляют» в повести, они не эстетичны. Не лучше ли их убрать совсем?

Пессимистичен конец повести. Вопль Артура, повторенный Шухартом («счастья для всех!..») звучит как вопль отчаявшегося человечества. Для Шухарта это естественно: он — дитя, пусть даже отверженное, хармонтского общества. Но ведь есть вы, авторы, есть ваше отношение к этому, а в повести его нет. Неужели и вы, как Шухарт, уповаете на Золотой Шар, на Чудо, которое решит проблему «счастья для всех»?

Очень важной для сборника представляется нам повесть «Малыш». В отличие от двух предыдущих, в ней действуют советские люди. Коммунистическая мораль определяет их поступки. И проблему контактов с иной цивилизацией вы решаете здесь с гуманистических позиций. И вот на фоне этих, чисто человеческих отношений лишними кажутся Странники, есть в них что-то мистическое, чуждое духу всей повести.

Теперь несколько слов о языке повестей: на наш взгляд, следует сильно почистить его от жаргонных, грубых слов, ругательств — сохранить их только там, где это необходимо для характеристики героя, для эмоционального настроя — но именно

необходимо! Много замечаний вы найдете в рукописи, посмотрите их, поищите и сами возможности очистить язык сборника от этого, как нам кажется, мусора. Повести станут сильнее, цельнее от такой доработки.

А в общем, хочется еще раз сказать: получился хороший фантастический, очень цельный сборник.

С искренним уважением

С. Жемайтис

Ответа на письмо Бэлы Клюевой в архиве нет — вероятно, АНС встретился с ней лично, и они обсудили ее замечания. А вот ответ Сергею Жемайтису присутствует (17 мая 1973):

Уважаемый Сергей Георгиевич!

Мы внимательно изучили Ваше содержательное письмо и рассмотрели все предлагаемые редакцией замечания и поправки. Теперь, когда мы закончили работу над рукописью в соответствии с этими замечаниями и поправками, нам хотелось бы подвести некоторые итоги.

1. По повести «Дело об убийстве».

Нам показались вполне оправданными недоуменные вопросы редакции относительно предыстории взаимоотношений пришельцев с гангстерами. Поэтому мы пошли на существенную переработку сюжета в этой части и ввели все необходимые разъяснения, исчерпав, как нам кажется — полностью, круг упомянутых недоуменных вопросов.

«Шалун» Симонэ, образ которого представляется редакции излишне противоречивым, имеет совершенно реальный прообраз, списан, как говорится, с натуры. Нам вообще представляется чрезвычайно характерным для нашего времени разительный контраст между манерами и поведением человека (особенно научного работника), когда он отдыхает, и его ролью в жизни общества, когда он выступает в своем профессиональном качестве. Научная работа требует такого напряжения всех душевных сил, что на отдыхе научный работник вольно или невольно ведет себя так, чтобы по возможности эффективнее релаксироваться — бесится, так сказать. Отсюда странные и нелепые хобби, смертоубийственные альпинистские подъе-

мы, чрезмерное увлечение спиртным, играми, женщинами. Такова жизнь, и ничего антисоциального здесь нет, как нет ничего антисоциального в естественных отправлениях. Мы попытались, конечно, в какой-то мере пойти навстречу пожеланиям редакции в этом вопросе, произвели ряд исправлений, ввели диалог на страницу, но при этом мы неуклонно руководствовались жизненной правдой и вышеизложенными соображениями. Нам же лично представляется весьма ценным в художественном отношении описанные у нас обстоятельства превращения беспечного шалуна и волокиты в истинного ученого — активного гражданина Земли.

Относительно финала повести. Как мы поняли, речь идет о последней главе. Мы никак не можем согласиться, что финал скомкан. Он тщательно подготавливался всем ходом повествования и является совершенно закономерным результатом колебаний и сомнений главного героя. Обычно, когда говорят о скомканности, имеют в виду нарушение внутреннего временного темпа повествования. Ничего подобного в финале нашей повести нет. Темп времени остается постоянным на протяжении всей повести: шестьдесят минут начала повести в точности соответствуют шестидесяти минутам конца повести. Другое дело, что события повести занимают три-четыре часа, но такова наша сюжетная установка: нет у инспектора Глебски времени спокойно поразмыслить и принять глубоко обоснованное решение. Он вынужден подчиняться своим социальным инстинктам, а эти инстинкты у него мещанские, буржуазные. В этом, собственно, и состоит та политическая острота повести, на недостаток которой сетует в своей рецензии Е. Брандис. Нам кажется, что политической остроты в нашей повести вполне достаточно. Она насквозь политическая, ибо нет, на наш взгляд, более важной задачи для советского писателя, чем разоблачение узости буржуазного мировоззрения и буржуазной системы социальных инстинктов.

2. По повести «Пикник на обочине».

Нам представляется, что редакция не права, утверждая, будто «ожившие покойники» не «стреляют» в повести. Не будем говорить о том, что эти «покойники» являются элементом общего фона повествования. Обратим Ваше внимание на другое.

Главным в повести является, как очевидно, образ Рэдрика Шухарта. По нашему замыслу в его жизни, как в фокусе, сосредотачивается все самое страшное, что творится в Хармонте. Возвращение в семью давным-давно умершего отца — это новый жестокий удар, нанесенный Рэдрику «равнодушным хаосом», один их тех ударов, которые определяют его дальнейшую судьбу. Ведь именно ужас, поселившийся в его семье, толкает его на страшную жестокость в финале. С другой стороны, отношение Рэдрика к «живому покойнику» разве мало характеризует его как человека и как сына, разве не добавляет новой важной грани в его образ? Уберите вернувшегося отца, и как сразу все упростится, сделается плоским и тривиальным! Вместо отчаявшегося, загнанного в угол человека, в финале появится заурядный грязный авантюрист типа Стервятника Барбриджа, а образ Рэдрика, признаваемый многими, как один из самых сложных и удачных в нашем творчестве, существенно обеднится и потеряет большую частицу теплоты и обаяния. Поэтому мы настоятельно просим редакцию пересмотреть свою идею «убрать покойников совсем». Иное дело — эстетика самого элемента. Здесь мы не можем не признать определенной справедливости замечания. Поэтому мы произвели значительную чистку всех эпизодов, где появляются «живые покойники», а в третьей главе сочли даже необходимым разъяснить, что «покойники» это собственно и не покойники вовсе, а муляжи людей, синтезированные в соответствии с той непостижимой программой, по которой живет и функционирует Зона.

Относительно пессимистичности конца повести. Нам хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что повесть «Пикник на обочине» — это повесть о достаточно рядовом гражданине капиталистического государства, рассказ о человеке, энергичном и по-своему самобытном, судьба которого, и без того незавидная, неимоверно осложнилась обстоятельствами космического масштаба (научно-техническая революция). Это — ПО НЕОБХОДИМОСТИ горькая история человека, который терпит сокрушительное поражение в тот момент, когда судьба делает его как бы представителем человечества. Это трагедия человека, которого не научили думать в мире «равнодушного хаоса», и поэтому в решительный момент он хватается за первые по-

павшиеся импонирующие ему слова, потому что собственных слов у него нет. Вот почему вопрос о пессимизме и об авторском отношении к Золотому Шару здесь просто не стоит. Конец повести не может быть ни более оптимистичным, ни менее пессимистичным. Он может быть только таким, какой он есть. Повесть, как нам кажется, следует либо не принимать совсем, либо приниматься только с этим неизбежным финалом.

3. О повести «Малыш».

Нас очень удивило, что, по мнению редакции, в Странниках есть нечто мистическое. Странники — гипотетическая сверхцивилизация Галактики — проходят в качестве элемента общего фона через все наши произведения, посвященные коммунистическому будущему («Попытка к бегству», «Полдень, XXII век» и др.). В некоторых произведениях они играли существенную сюжетную роль, в других они как бы символизировали огромную непознанную тайну Космоса. (Между прочим, авторы сейчас планируют давно задуманную повесть, в которой Горбовский наконец находит Странников и встречается с ними.) В «Малыше» Странники выступают как фундаментальное звено сюжетной цепи. Если бы не было Странников, земляне еще долго не смогли бы разобраться в ситуации на планете. Если бы не было Странников, не было бы их охранительного спутника; если бы не было их охранительного спутника, не потерпел бы крушения «Пилигрим»; не потерпел бы крушения «Пилигрим» — не остался бы сиротой годовалый младенец и не появился бы Малыш, и не было бы повести. Авторы недоумевают, почему в космической повести, посвященной приключениям на другой планете, спутник Странников выглядит более мистическим, более чуждым по духу всей повести, нежели космические корабли и искусственные спутники землян и вообще весь проект «Ковчег». По мнению авторов здесь имеет место какое-то недоразумение.

4. О стилистике и языке рукописи в целом.

Следуя рекомендациям редакции авторы провели большую работу по стилистической и языковой правке рукописи. По повестям «Дело об убийстве» и «Пикник на обочине» авторы в соответствии с замечаниями редакции произвели 170 исправлений. Что касается тех редакционных замечаний, которые

остались неучтенными, то они в подавляющем большинстве являются, как нам кажется, следствием чистого недоразумения. Особенно это касается многочисленных замечаний по третьей главе «Пикника на обочине».

Повесть «Малыш» к настоящему времени издана уже дважды — один раз в журнале «Аврора», второй раз в сборнике Лендетгиза «Талисман». Оба эти издания стереотипны и полностью повторяют авторский текст повести. В этих условиях авторам представляется нецелесообразным делать в тексте какие бы то ни было исправления, тем более что большинство редакционных замечаний имеют, по мнению авторов, чисто вкусовой характер.

Мы очень благодарны редакции за благожелательное отношение к нашему сборнику в целом. Мы выражаем надежду, что проделанная работа (на нее ушло немало труда и времени) удовлетворит редакцию. Мы хотели бы надеяться также, что теперь нет никаких причин, мешающих Издательству вступить наконец с авторами в договорные отношения.

С искренним уважением

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

Письмо из «Молодой гвардии» от 8 июля 1975 года:

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Охотно разделяем ваш оптимизм в отношении продвижения дел со сборником «Неназначенные встречи». Как видите, редакция фантастики готова вновь самым внимательным образом его рассмотреть. В результате сделан существенный шаг вперед. Однако работу над сборником, по нашему глубокому убеждению, нельзя считать законченной. И вот почему.

У редакции имеется ряд весьма существенных замечаний, которые требуют еще непосредственно авторской работы над рукописью.

Сначала о повестях «Малыш» и «Трудно быть богом».

Считаем необходимым почистить их от рассуждений об обреченности рода человеческого, о расовой неполноценности, о необходимости для людей посмотреть на себя «извне, чужи-

ми глазами, совсем чужими», о т. н. «галактическом человеке» и его неизвестных идеалах, о том, что «не бывает так, чтобы существовала сложная, мудрая, многоопытная жизнь и не кишела вокруг нее жизнь попроще и поглупее», о том, что «тот, кто счастлив, ничего не ищет» (стр. 74, 86, 87). Устами главного героя повести «Малыш» вы заявляете: «Уйду в школу и буду учить ребят, чтобы они все время хватали за руку всех этих фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают» (стр. 159). Герои повести «Трудно быть богом» с ужасом ловят себя на мысли, что любили не человека, а только «коммунара» и патетически восклицают: «Да полно, люди ли это!» (стр. 43).

Все это не лишено тенденциозной двусмысленности по отношению к сегодняшнему дню.

Наиболее серьезные и принципиальные возражения вызывает повесть «Пикник на обочине», которую редакция не смогла пока еще принять к одобрению. Есть в ней вещи, от которых коробит при чтении. Например, нужны ли покойники, которые возвращаются в свои семьи? Они, как говорится, «не стреляют» в повести, они не эстетичны. Не лучше ли их убрать совсем? Очень пессимистичен конец повести. Вопль «счастья для всех, даром!» звучит как вопль отчаявшегося человечества. Для Шухарта это естественно. Но ведь есть еще авторы, есть авторское отношение к этому, а в повести его нет. Неужели и авторы, как Шухарт, уповают на Золотой Шар, на чудо, которое решит проблему «счастья для всех»? В итоге получается, что авторы как бы отказывают читателю в надежде, что будущее на земле принадлежит тем, кто продолжит героические усилия народов, строящих социализм, прогрессивных сил, борющихся за воплощение идеалов мира, социальной справедливости и прогресса.

По нашему мнению, повесть написана в стиле, характерном для современной и отнюдь не прогрессивной западной фантастики, рассчитанной, как известно, на самый нетребовательный вкус. Концепция положительного героя расплывчата. Единственный, кто без экивоков может претендовать на эту роль — некий «русский Кирилл Панов», на которого у вас, к сожалению, ушло всего лишь несколько страниц. Слово советский в повести не употреблено, хотя и встречаются определе-

ния типа: «Откуда у него деньги, у иностранного специалиста, да еще у русского?» (стр. 10). Предполагается, видимо, что СССР существует, но намек этот очень двусмыслен. Ученый Пильман, будучи пьяным, негодует на чересчур свободные нравы общества, в котором он живет и ссылается при этом на «порядок у русских».

Теперь о языке сборника «Неназначенные встречи».

Мы понимаем ваше стремление раскрепостить язык фантастики, сделать его максимально живым. Однако считаем, что здесь нужна мера. Вы же ориентируетесь главным образом на просторечие, широко используя вульгарную и жаргонную лексику. Тексты повестей сборника насыщены такими словами, как «паскуда», «сволочь», «морда», «гад», «олух» и т. д. Неумеренное употребление их приводит к обратному эффекту: количество перерастает в плохое качество языка. Общая ориентация не на живой русский язык, а на вульгарно-просторечный в итоге превращается в почти произвольную мещанскую болтовню, или, просто «трёп». А это, в свою очередь, приводит к тому, что авторский голос сливается с голосом действующего лица. Такое перевоплощение в своих героев постоянно ведет к литературной человековедческой неудаче.

Очень надеемся, что вы правильно поймете требования редакции. Пожалуйста, посмотрите еще раз рукопись, поищите и сами возможности исправить ее в соответствии с пожеланиями редакции.

Рукопись возвращаем вместе с письмом.

С искренним уважением

Заведующий редакцией фантастики Ю. Медведев

Редактор Д. Зиберов

Ответ АБС от 21 июля 1975 года:

Уважаемый Юрий Михайлович!

Итак, наш труд окончен.

Нам хотелось бы обратить Ваше внимание на следующие обстоятельства:

1. Повесть «Трудно быть богом» выходила в СССР дважды, общим тиражом более 300 тысяч экземпляров. Она получила

обширную положительную прессу и, как показали социологические опросы и многочисленные письма читателей, была признана лучшей советской научно-фантастической повестью последних лет. Они издана на ряде языков народов СССР, а также во всех без исключения европейских странах социализма.

Повесть «Малыш», если учитывать журнальную публикацию, выходила трижды общим тиражом также более 300 тысяч экземпляров. Она тоже получила положительные отклики и в печати, и среди читателей фантастики. Переводы этой повести уже появились в ГДР, ПНР и ЧССР.

За время изданий и переизданий указанных повестей тексты их НИКОГДА и НИКАК не исправлялись, они полностью аутентичны оригинальным рукописям.

В этой ситуации требования Вашей редакции о какой-то правке, замечания относительно некой таинственной «тенденциозной двусмысленности» выглядят попросту странными.

Тем не менее, идя навстречу пожеланиям редакции и стремясь поскорее завершить ненормально затянувшуюся (не по нашей вине!) историю с изданием этого сборника, мы решили закрыть глаза на явную (простите за резкость) БЕССМЫСЛЕННОСТЬ предлагаемых редакцией поправок и поправки эти учли — тем более, что они, к счастью, никак не влияют ни на развитие сюжета, ни на идейное содержание упомянутых повестей.

Смотрите указанные в редакционном письме стр. 74, 86, 87, 159 повести «Малыш» и стр. 43 повести «Трудно быть богом».

2. Теперь о «Пикнике». Повесть «Пикник на обочине» рассказывает о судьбе простого «маленького» человека в мире, где торжествуют принципы капиталистической морали: «Каждый — сам за себя, один бог за всех», «Все продается и покупается», «Человек человеку — волк». Это рассказ о том, как человек изначально неплохой, энергичный, неглупый, по-своему честный и порядочный, хороший семьянин, человек с душой, открытой восприятию верных социальных идей социализма и коммунизма,— как такой человек в условиях капиталистической действительности, осложненных вдобавок последствиями нежданного-негаданного посещения пришельцев, превраща-

ется в одинокого волка — без морали, без духовных ценностей, без будущего.

Он бесконечно одинок, Рэдрик Шухарт, одинок так, как может быть одинок человек в мире частной инициативы. У него нет любимого дела. У него нет друзей — он остался без друзей, потеряв единственного человека, который по-настоящему импонировал ему и был способен открыть ему какие-то иные горизонты, кроме душного мира «зелененьких». Он утратил всякую перспективу, ибо жизнь его после гибели Кирилла Панова превращается в сплошную беспощадную борьбу за существование. Он, наконец, теряет последнее, за что еще цеплялся — семью, ибо семью у него отбирает равнодушно-жестокая Зона. И вот в самый последний момент, когда он осознает, что судьба бросила ему в руки орудие (как ему кажется) невиданной силы — Золотой шар — орудие, с помощью которого (как ему кажется!) можно было бы изменить весь мир,— в этот страшный момент он вдруг с ужасом и отчаянием обнаруживает, что проклятый мир «свободы возможностей», мир его детства, юности, зрелости, не только лишил его счастья, детей, будущего — этот мир выжег его мозг, НЕ ДАЛ ЕМУ НАУЧИТЬСЯ ДУМАТЬ! Ему кажется, что он может все. Но он не знает, не понимает, не способен решить, ЧТО ЖЕ ИМЕННО надо менять в этом мире. Он знает, ЧТО должно быть уничтожено, но он не способен понять, ЧЕМ все это должно заменить. Он — продукт своего мира, ему непонятно и недоступно то, что в нашей стране, например, ясно каждому школьнику,— вот почему ему остается только повторять наивные, детские, привлекательно звучащие, но совершенно бессодержательные слова мальчишки-колледжера, идеалиста и стихийного бунтаря, им же, Рэдриком Шухартом, беспощадно уничтоженного.

«Пикник на обочине» выполняет, на наш взгляд, чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают души и мозг людей. И в этом плане Шухарт — не отрицательный герой и, конечно уж, не положительный герой — он жертва этой идеологии, жертва мира, в котором ему довелось родиться.

Далее. Вы совершенно не правы, когда пишете, что «покойники» «не стреляют в повести». Не говоря уж о том, что они — важный элемент мозаики, составляющий общий фон событий, они вдобавок играют еще и большую роль как в развитии сюжета, так и в прорисовке характера центральной фигуры повести, Рэдрика Шухарта. Вернувшийся в свой дом старик Шухарт, чудовищный муляж человека, созданный Зоной, не только помогает обнаружить совершенно новые и неожиданные черты характера молодого Шухарта (сыновью нежность, преданность, любовь), но и создает последний, весьма важный сюжетный поворот. Именно в результате этого возвращения Рэдрик понимает в конце концов, что рушится последняя его опора — семья — и помочь ему, Рэдрику, может теперь только чудо. И именно за чудом он, прожженный скептик, не верящий ни в бога, ни в черта, отправляется в Зону в последний раз в жизни.

Исходя из упомянутого выше стремления поскорее завершить подготовку сборника к печати, мы готовы пойти на целый ряд уступок редакции, хотя не видим абсолютно никакой внутренней необходимости в предлагаемых редакцией поправок. Мы сводим до необходимого минимума упоминания о «покойниках», убираем все, что редакция может счесть «не эстетичным». Одновременно мы производим чистку лексики и делаем кое-какие сокращения.

Смотрите с. 8, 10, 15, 18, 19, 21, 26, 30, 312, 319, 322, 323, 339, 343, 358, 361, 362, 363, 364, 368, 369, 370, 375, 376, 380, 383, 385, 386, 388, 391, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 404, 411, 416 рукописи.

С уважением

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

Письмо из «Молодой гвардии» от 12 апреля 1976 года:

Уважаемые
Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Несмотря на известные сложности, редакция «Фантастики, приключений и путешествий» все же не оставляет надежды на

скорейший выпуск сборника Ваших научно-фантастических произведений «Неназначенные встречи». Тем более что две из предложенных Вами повестей — «Малыш» и «Трудно быть богом» уже одобрены редакцией и речь идет по существу о снятии некоторых, притом весьма немногих, вопросов по повести «Пикник на обочине».

Думается, что имеет смысл вкратце напомнить Вам суть наших аргументов, изложенных в предыдущих письмах.

Прежде всего смущают отдельные штрихи и черты образа единственного положительного героя повести — Кирилла Панова. Он никак не походит на представителя СССР за рубежом. Судите сами. Он целиком на поводу у вора, пропойцы и убийцы — Шухарта, и более того, он платит последние крупные деньги за воровски вынесенный из Зоны «хабар» — диковинные устройства, оставленные на Земле некоей цивилизацией. Тем самым образ советского ученого низводится до уровня заурядного международного мошенника, нарушающего законы и страны пребывания и своей собственной Родины. Согласитесь, что делу формирования идей интернационализма у молодого советского читателя может быть нанесен определенный ущерб столь вольной трактовкой вполне однозначных поступков и ситуаций.

В отношении «покойников», воскресающих на Земле. Они в повести, как говорится, «не стреляют» и, добавим, наводят на мистические ассоциации. На наш взгляд, «покойников» следует вообще убрать — они никак не прорисовывают образ главного героя и не «работают» на сюжет.

Насколько мы понимаем, Ваши главные возражения связаны с пожеланием редакции изменить финал повести, когда, только что предательски убивший своего напарника, Шухарт кричит мистическому Золотому Шару — псевдомашине для исполнения желаний: «Счастья для всех даром и пусть никто не уйдет обиженным!»

Для Вас, как Вы неоднократно подчеркивали, это и есть суть повести. Между тем, у молодого советского читателя по прочтению этой фразы может невольно возникнуть вопрос: «Что значит «всем даром»? Значит, без борьбы? Кому? Господам капиталистам, эксплуататорам или, например, расистам из Юж-

ной Африки, на Ближнем Востоке, чилийским «гориллам»?[1] И таким же насильникам и убийцам, как сам Шухарт? И всем другим отрицательным героям повести?» Вот и выходит, что на уроках в наших советских школах учат, что общество исторически развивалось и развивается по законам классовой борьбы, а в повести «Пикник на обочине» советские (а не западные, буржуазные!) авторы утверждают устами своего героя совсем другое...

Понимая, что снятие поставленных выше вопросов по «Пикнику на обочине» требует известного времени и сил, редакция просит вас рассмотреть возможность замены этой повести другим Вашим произведением в соответствии с договорным объемом. В этом случае могли бы быть сняты и все финансовые вопросы авторов. Это, разумеется, не исключает возможности издания в будущем «Пикника на обочине».

Редакция глубоко сожалеет, уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович, что до сих пор мы не смогли с Вами найти пути к скорейшему изданию Вашего сборника и просит Вас ответить по существу наших возражений и предложений.

С искренним уважением

Заведующий редакцией «Фантастики,
приключений и путешествий» Ю. Медведев
Редактор Д. Зиберов

Письмо из «Молодой гвардии» от 7 февраля 1977 года:

Уважаемый Аркадий Натанович!

Прежде всего прошу меня извинить за некоторую задержку с присылкой замечаний по рукописи «Пикник на обочине». Задержка вызвана длительным академическим отпуском старшего редактора Д. Зиберова, моей болезнью, а также занятостью в связи с известной Вам встречей в ЦДЛ 23 ноября 1976 г.

[1] Помнится, в 1972-м был я на лагерных сборах. И там в стенгазете вычитал самодеятельный стишок: «А где-то там, за океаном, / Сэры льют невинну кровь, / Грабят, режут, убивают, / Напалмом жгут детей, отцов...» Эта фраза из письма редакции ничуть не хуже. Но кто ж это такие — расисты с Ближнего Востока, а? — *В. Д.*

Как Вы, очевидно, помните, при обсуждении дальнейшей работы над рукописью, состоявшемся 22.1.1976 г. у главного редактора издательства Синельникова В. М., Вы любезно согласились внести определенные коррективы в рукопись.

Редакция еще раз самым внимательным образом перечитала рукопись, ее отрецензировал член редсовета нашего издательства писатель-фантаст А. П. Казанцев (копию рецензии прилагаем). По мнению редакции, перед сдачей окончательного варианта рукописи авторам следует:

— четче сказать, что Кирилл Панов не просто русский, но и советский специалист;

— дать более подробное обоснование появлению «покойников»;

— заменить в тексте понятие «эмиграция» на «миграция», «переезд», «переселение», соответственно переименовать и «Бюро эмиграции»;

— переименовать Хармонт, Хармонтское радио, изменить прозвище «Катюша Мосол»;

— смягчить могущие вызвать двусмысленное толкование акценты темы «Зоны» (понятие «Зона», равно как и «железный занавес» используется западной пропагандой в идеологической борьбе против СССР, стран социалистического содружества);

— несколько смягчить эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти сцены диалоги;

— дать более четкое обоснование феномену Золотого шара в целях снятия налета мистицизма.

Помимо этих редакционных замечаний просим учесть указание ЦК ВЛКСМ: «при окончательной доработке рукописи обратить внимание на необходимость устранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой». Не конкретизируя это указание, редакция надеется, что Вы, уважаемый Аркадий Натанович, вместе с Борисом Натановичем, будучи опытными писателями-фантастами, сами изыщете пути для облегчения повести от вульгаризмов и жаргонной лексики.

Работу над окончательным вариантом просим вести по второму экземпляру, находящемуся у Вас. Первый экземпляр в

настоящее время передан художнику Р. Авотину, иллюстрирующему сборник «Неназначенные встречи». Выход сборника запланирован на текущий год, поэтому редакция заинтересована в скорейшей сдаче рукописи в набор.

С глубоким уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество

Зав. редакцией фантастики,
приключений и путешествий
Ю. М. Медведев

Ответ АНС от 14 февраля 1977 года:

Тов. Медведев!

Письмо Ваше получил с задержкой на неделю, так как не был в Москве.

По существу дела имею сообщить следующее.

Во-первых, мы не имеем возможности вести работу над окончательным вариантом по второму экземпляру, ибо второй экземпляр уже несколько лет находится в Вашем издательстве, будучи сдан на иллюстрацию (иллюстрации уже были сделаны, в чем Вы легко убедитесь, запросив художественную редакцию). Впрочем, по второму экземпляру вести работу все равно было бы нельзя, ибо вся сумма в сотню исправлений (в частности, вульгаризмов и жаргонной лексики), сделанных по требованию как предыдущего, так и нынешнего состава редакции, вносилась в первый экземпляр, тот самый, который, по Вашим словам, находится сейчас у художника Авотина. Единственный возможный выход: взять у Авотина рукопись на неделю и переслать мне.

Во-вторых, по поводу новых поправок, предлагаемых редакцией.

1. Во всем мире вот уже более полустолетия понятие «русский» ассоциируется с понятием «советский». Но если редакция настаивает, то «четче сказать, что Кирилл Панов не просто русский, но и советский специалист» труда для нас, конечно, не составит.

2. Обоснование появлению «покойников» проведено в рукописи по журнальному варианту с достаточными подробнос-

тями. Разработка дальнейших подробностей выведет повесть за рамки художественной литературы.

3. Охотно согласны заменить везде в повести термин «эмиграция» на термин «переселение».

4. Охотно переименуем выдуманное название «Хармонт» на любое столь же выдуманное, напр. «Мармонт», а прозвище «Мосол Катюша» хотя бы на «Мосол Лизавета», «Мосол Абраша», «Мосол Абдурахман» и так далее.

5. Относительно требования «смягчить могущие вызвать двусмысленное толкование акценты темы "Зоны"». Признаться, я не понял этой причудливой фразы. Акценты, которые могут вызвать двусмысленное толкование... да еще акценты темы... Для меня это слишком сложно, прошу пояснений. Что же касается использования понятия «Зона» западной пропагандой, то это соображение тоже представляется странным. Любому человеку видна разница между понятиями «железный занавес» и «зона», как и разница в их словоупотреблении. На наш взгляд слово «Зона» вполне уместно (и точно) для обозначения области, где высаживались неведомые Пришельцы и которую они, Пришельцы, вольно или невольно превратили в западню и приманку для человечества.

6. Непонятно мне и требование «несколько смягчить эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти сцены диалоги». Что это значит: несколько смягчить? Мир, который мы описываем, это очень жестокий мир, где «человек человеку волк», он погряз в драках, в пьянстве и прочих безобразиях. Мы сетуем, что у нас воображения недостает, чтобы показать его во всем безобразии, а Вы предлагаете «несколько смягчить». Впрочем, укажите конкретно, что именно по Вашему мнению следует смягчить, тогда можно будет и говорить конкретно.

7. Четкое обоснование феномену Золотого Шара мы — увы! — дать не в силах. Мы не являемся представителями сверхцивилизации. Мы — писатели, и мы ставили перед собой вполне определенную писательскую задачу: показать столкновение с чудом несчастного, преступного, исковерканного проклятой капиталистической действительностью человечка. И при чем здесь мистицизм? В Золотом Шаре не больше мистицизма, чем в «Яблоке» Уэллса или в человеке-саде Геннадия Гора. Это не

говоря уже о том, что «мистические свойства» Золотого Шара — вообще легенда, ничем в повести не подтвержденная.

Теперь об указании ЦК ВЛКСМ — о пресловутых вульгаризмах и жаргонной лексике. Я по-прежнему убежден, что это указание ЦК ВЛКСМ дал по прочтении рукописи ДО внесения в нее правки по указаниям редакции. Во всяком случае, я по-прежнему настаиваю на конкретных замечаниях редакции по этим вопросам. Для нас, авторов, правка доведена до предела, за которым начнется уже искажение образной системы повести.

Итак, в ожидании рукописи и конкретных замечаний.

А. Стругацкий

Письмо из «Молодой гвардии» от 21 июня 1977 года:

Уважаемый Аркадий Натанович!

Главный редактор нашего издательства, Синельников В. М., к сожалению, длительное время болел, что и явилось, в основном, причиной некоторой задержки с ответом.

По согласованию с Главной редакцией и Дирекцией редакция фантастики рассмотрела представленную Вами 25 апреля с. г. рукопись повести «Пикник на обочине». В своем письме от 23 мая с. г. Вы сообщаете, что внесли в повесть все поправки и исправления, обусловленные во время известной встречи в издательстве 23 ноября 1976 года. К сожалению, эта информация не совсем точна. Вами остались неучтенными следующие замечания:

— дать четкое логичное, более или менее понятное обоснование появлению муляжей-«покойников». Кстати, это замечание сделано за период рассмотрения рукописи всеми компетентными рецензентами и не раз отмечалось в письмах и редакционных замечаниях редакции фантастики;

— несколько сократить и смягчить многочисленные эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти эпизоды диалоги;

— дать научное обоснование феномена Золотого шара в целях снятия налета мистицизма.

Кроме того в письме редакции фантастики от 3 февраля с. г. Вам предлагалось учесть пожелание ЦК ВЛКСМ «при оконча-

тельной доработке рукописи обратить внимание на необходимость устранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой». Не конкретизируя это указание, редакция выразила надежду, «что вы, уважаемый Аркадий Натанович, вместе с Борисом Натановичем, будучи опытными писателями-фантастами, сами изыщете пути для облегчения повести от вульгаризмов и жаргонной лексики». Однако, Вы не сочли возможным выполнить пожелание ЦК ВЛКСМ, ссылаясь на то, что на Ваш взгляд «правка доведена до предела, за которым начнется уже искажение образной системы повести» и настаиваете на конкретных замечаниях.

Редакция фантастики, считая, что пожелание ЦК ВЛКСМ о необходимости устранить вульгаризмы и жаргонную лексику по-прежнему остается в силе, в настоящее время конкретизирует эти замечания. Все замечания будут высланы Вам до конца июня с. г.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. Медведев

Ответ АНС от 24 июня 1977 года:

Тов. Медведев.

Ознакомившись с Вашим письмом, с грустью отмечаю, что Вы по-прежнему, как во многих случаях и раньше, обнаруживаете склонность — по забывчивости или сознательно — к нарушению Девятой заповеди[1].

И дело здесь не в том, что в Вашем письме Вы полностью игнорируете наши возражения по пунктам о «покойниках», о «многочисленных эпизодах драк» и о «феномене Золотого шара», высказанные нами в письме от 14 февраля 1977 г. В кон-

[1] Вообще-то АН имеет в виду «врёте», но среди Десяти заповедей честность не значится, есть только «не лжесвидетельствуй», причем — против своих, точнее: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Да и что за дело этому вечнокомсомольскому деятелю до ветхозаветных заповедей? Его надо было укорять нарушением п. 7 «Морального Кодекса строителя коммунизма»: «Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни».— *В. Д.*

це концов, это не первый случай, когда Ваше обыкновение отвечать на письма через два-три месяца, а то и вовсе не отвечать, превращало нашу переписку в диалог глухонемых.

Дело в другом, гораздо более серьезном. Похоже на то, что Вы начисто забыли (будем выражаться мягко), какая была достигнута договоренность, а о чем и вообще речи не было по указанным трем пунктам во время беседы с В. М. Синельниковым 22 ноября прошлого года.

Напоминаю:

— по пункту о «покойниках» мы согласились, что возвращение к журнальному варианту полностью удовлетворяет редакцию;

— по пункту о «многочисленных эпизодах драк» — что это замечание является плодом недоразумения, ибо строго говоря, эпизодов драк и пьянства в повести насчитывается всего один;

— по пункту о «феномене Золотого шара» во время беседы 22 ноября речи вообще не было, и появился он впервые лишь в Вашем письме от 7 февраля с. г., повергнув нас в неописуемое изумление своим неприкрытым простодушием.

Вы сочли для себя возможным обо всем этом «забыть», но я-то не забыл, и еще кое-что не забыл, и я прошу впредь иметь это в виду.

Упрямое возвращение к замечаниям, по которым, казалось бы, уже достигнута полная договоренность, а также изобретение и произвольное выдвижение новых и новых замечаний, производит тягостное впечатление, будто Вы стремитесь затянуть дело с изданием нашего сборника до бесконечности.

Это впечатление перерастает в уверенность, когда мы переходим к последнему пункту Ваших претензий — к пресловутым «вульгаризмам и жаргонной лексике». Еще 22 ноября мы договорились, что редакция быстро и оперативно даст нам по этому пункту конкретные замечания, которые мы быстро и оперативно рассмотрим. Где эти замечания? Почему редакция приступила к их разработке только в конце июня 1977 года? Почему для такого простого дела редакции потребовалось более семи месяцев? А может быть, понадобится и более восьми?

Более года? Увы, тов. Медведев, с Вами я ни в чем не могу быть уверен.

Все же пребываю в надежде, что Вы преодолеете свою забывчивость, и книга, которую ждут сотни тысяч читателей, выйдет в свет.

А. Стругацкий

Письмо из «Молодой гвардии» от 30 июня 1977 года:

Уважаемый Аркадий Натанович!

Посылаем Вам, как и сообщали в предыдущем письме от 21 июня с. г., постраничные замечания по языку повести «Пикник на обочине».

Все замечания разделены на три группы:

1) замечания, связанные с аморальным поведением героем;

2) замечания, связанные с физическим насилием;

3) замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям.

Разумеется, мы выписали только те выражения и слова, которые, на наш взгляд, нуждаются либо в устранении, либо в замене. Эти замечания продиктованы прежде всего тем, что Ваша книга предназначена для молодежи и подростков, для комсомольцев, которые видят в советской литературе учебник нравственности, путеводитель по жизни.

Еще раз выражаем сожаление, что Вы, опытные писатели-фантасты, не сочли нужным самостоятельно выполнить известное указание ЦК ВЛКСМ относительно повести «Пикник на обочине». О том, что это указание имеет под собой вполне реальную основу, в чем Вы сомневаетесь, свидетельствуют прилагаемые 18 страниц замечаний.

Для удобства работы посылаем пронумерованный экземпляр рукописи (205 стр.).

По устранению замечаний просим рукопись незамедлительно вернуть в редакцию.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. М. Медведев

И наконец, этот знаменитый документ: 18 страниц замечаний по повести ПНО. Сначала были большие сомнения, стоит ли пуб-

ликовать этот список полностью. Но примеры из него приводил БНС в своих «Комментариях», то есть отдельными отрывками не обойтись, игнорировать его вообще — тоже нельзя. А вот читать его полностью, пожалуй, будет скучновато. Однако, если читать его именно полностью и представлять себе, какой бы вид приобрел ПНО, если бы Авторы решили смириться и учесть все замечания... насколько стал бы серым мир ПНО, насколько плоским и неживым выглядел бы Рэдрик Шухарт, насколько скучными и неинтересными получились бы события, описанные в повести... да и идеи казались бы надуманными, неактуальными... Если читать, представляя себе именно это, становится не скучно, становится страшно: по какой же тонкой ниточке ступали Авторы, чтобы разрешили, с одной стороны, донести до читателя свои мысли и чтобы, с другой стороны, не загубить свое творение совсем. Итак:

«Замечания по языку повести ПНО»
от 30 июня 1977 года

Замечания, связанные с аморальным поведением героев

должен зад свой толстый задрать — с. 21

уж я на зубах пойду, не то что на руках — с. 21

да на карачках — с. 32

вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался, как клоп — с. 35

высосал флягу досуха — с. 35

одного последнего глотка, конечно, не хватило — с. 35

Напьюсь сегодня как зюзя. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет — с. 38

А мне выпить хочется — никакого терпежу нет — с. 42

С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства — с. 42

...не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул — с. 43

Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного — с. 43

Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре — с. 45

спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: очухайся, мол, парень — с. 46

хлебнул я как следует из бокала — с. 47

а выпить мне здесь дадут? — с. 48

Подошел Дик, поставил на стол бутылку — с. 49

Премию будем пропивать — с. 49

И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет? — с. 49

Эрнест своих девок кликнул, бегают они, разносят кому что — кому пива, кому коктейль, кому чистого — с. 50

Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные — с. 51

зашел я в бар принять ночной колпачок — с. 51

давай-ка лучше выпьем — с. 51а

Выпили мы с Диком без Гуталина — с. 51а

ты бы тут же и обгадился — с. 51а

Гуталин хоть и пропойца, хоть и психованный на религиозной почве — с. 52

Выпить хочешь? — с. 53

наливаю себе на четыре пальца. В голове, надо сказать, уже немного шумит — с. 53

Сейчас я пьян — с. 53

наливает себе, подливает мне — с. 54

Выпьем, Рэд.— И, не дожидаясь меня, опрокидывает залпом всю свою порцию и наливает новую.— с. 54

выпьем за упокой души — с. 54

Сядь и выпей — с. 54

Перебрал малость? — с. 55

Рэдрик, запрокинув голову, сделал хороший глоток — с. 61

он обожал выпить за чужой счет, подраться, притиснуть в углу зазевавшуюся девчонку... А мелкой гадиной он уже был, потому что, напившись, с каким-то наслаждением избивал свою жену, шумно, всем напоказ... Так и забил до смерти — с. 75

Пьяный был в стельку — с. 78

Опять засосал Гуталин! — с. 78

— Зараза,— сказал Рэдрик сквозь зубы — с. 79

Шмотки в бак положил — с. 80

— Да какой ты сейчас муж,— сказала Гута.— Пустой мешок ты сейчас, а не муж. Тебя сначала набить надо.— А вдруг? — сказал Рэдрик.— Бывают же на свете чудеса.— Что-то я чудес от тебя еще не видела. Выпьешь, может быть? — с. 80

Дядя Гуталин опять засосал и был больной, он даже плакал — с. 83

язык проглотил, зубами закусил — с. 83

— Хочешь? — сказала она, облизывая губы, и, подождав ровно столько, чтобы двусмысленность дошла до него, протянула ему стакан — с. 99

Он не любил дорогих виски, но сейчас можно было хлебнуть и этого. И он уже нацелился хлебнуть прямо из горлышка — с. 100

Рэдрик, глядя на нее сверху вниз, допил стакан...— с. 102

хмуро поглядывая из-за стойки на трех каких-то типчиков, лакавших пиво за угловым столиком — с. 103

негр корячился с ящиками пива — с. 103

Он устраивает попойки и пикники на озерах — с. 125

расположив среди пустых бокалов чудовищный бюст — с. 127

ни тебе веселья — с. 135

закажите мне лучше коньяку — с. 143

Когда принесли коньяк, он сказал — с. 143

— Розалия, еще коньяку! — с. 145

— Розалия! — гаркнул вдруг он.— Еще коньяку! Большую рюмку! — с. 149

Он принял рюмку, разом отхлебнул половину — с. 149

Валентин схватил рюмку и залпом выпил ее — с. 150

— Ф-фу, напоили вы меня...— с. 152

— Вы меня без-бож-но напоили — с. 152

«Напоили... к чертовой матери...» — с. 152

Я люблю выпить перед ужином — с. 153

Гута поставила перед ним стакан «кровавой Мэри» — прозрачный слой водки словно бы висел над слоем томатного сока — с. 156

Нунан набрал в грудь воздуху и, зажмурившись, медленно влил в себя смесь. Это было хорошо. Он вспомнил, что, по сути дела, за весь день впервые выпил нечто существенное.— Вот это другое дело,— сказал он.— Теперь можно жить — с. 156

Тогда он толкнул к ней по столу стакан и проговорил: — Сделайте-ка мне еще одну порцию, детка... и себе сделайте. И выпьем — с. 159

достала водку и сок и сняла с полки второй стакан — с. 159

расслабился и стал ждать, пока ему поднесут выпивку — с. 159

чтоб тебя догнать, цистерну выпить надо — с. 160

Он расставил бокалы, быстро откупорил бутылки — с. 161

— Разливай. Папане немного, на самое донышко — с. 161

Нунан придвинул к нему бокал — с. 161

подняв свой бокал, произнес: «Ну что, понеслись?» — с. 161–162

позвякал своим бокалом о бокал Нунана и сказал: «Понеслись, понеслись...» И они выпили — с. 162

— Пейте, папаня, пейте,— ласково сказал Рэдрик.— Немножко можно, пейте на здоровье... Ничего,— вполголоса сказал он Нунану, заговорщически подмигивая.— Он до этого стаканчика доберется, будь покоен...— с. 163

— Мне тут в одном баре новый коктейль показали,— говорил Рэдрик, разливая виски.— «Ведьмин студень» называется, я тебе потом сделаю, когда поедим. Это, брат, такая вещь, что на пустое брюхо принимать опасно для жизни: руки-ноги отнимаются с одной порции... Ты как хочешь, Дик, а я тебя сегодня укачаю. И тебя укачаю, и сам укачаюсь... Он выпил — с. 165

решительно плеснул еще виски по бокалам — с. 165

Они выпили — с. 165

Напьюсь, подумал он с остервенением. К черту Барбриджа, к черту Лемхена... семью эту, богом проклятую, к черту. Напьюсь — с. 167

и залпом осушил бокал — с. 167

Одним движением вскинул бокал к открывшемуся рту — с. 167

может быть, дадите мне теперь глотнуть разок? — с. 172

Рэдрик молча достал флягу и протянул ему — с. 178

— Помню, что пьяный был тогда, целую неделю пил, на душе было гадко... А, ч-черт, не все ли равно! — с. 173

жадно выпил полбутылки коньяку. С этой ночи он запил — с. 174

Он, дурак, болван... пропивал ее — с. 174

Рэдрик, расстегивая ремень, сказал: — Облегчиться не собираешься? Смотри, потом негде будет и некогда...— с. 177

Он зашел за вагонетку, присел на насыпи и, покряхтывая, смотрел, как...— с. 177

Справив нужду, Рэдрик вернулся к рюкзаку — с. 178

Какие-то пьяные, свирепые хари, огромные красные лапы, сжимающие стаканы...— с. 178

ввалился в этот кабак — с. 179

выдавливая через пересохшую глотку самые гнусные ругательства, какие приходили ему в голову, а потом вдруг с какой-то сумасшедшей радостью вспомнил, что за пазухой у него лежит почти целая фляга, подружечка, милая моя, не выдаст — с. 186

хлебнул, закрыл глаза, прислушиваясь, как горячая всеочищающая струя проливается в глотку и растекается по груди, глотнул еще раз и протянул флягу Артуру — с. 193

А нельзя мне сейчас еще разок глотнуть? — с. 195

Рэдрик спрятал за пазуху флягу — с. 195

сядет за стол, где уже стоит бутылка — с. 196

Он отвинтил крышку и стал пить маленькими скупыми глотками, и впервые в жизни ему захотелось...— с. 202

Он допил остатки коньяка...— с. 203

Замечания, связанные с физическим насилием

Буду бить по чему попало — с. 21

Я ему так в бок двинул — с. 22

Поворачиваю его к себе и с размаху — ладонью ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в стекло, глаза закрыл и замолчал — с. 26

отвесил я ему пинка — с. 38

Гуталин уже на бровях — вращает белками и ищет, кому бы дать в ухо — с. 48

Ну, я дал управляющему по харе и ушел — с. 48

а за такое по морде можно схлопотать — с. 50

И только я замахнулся как следует, вдруг меня хватают и тащат куда-то. А я уже ничего не соображаю и соображать не хочу. Ору чего-то, отбиваюсь ногами, кого-то бью, потом опомнился — сижу в туалетной, весь мокрый, морда разбита — с. 56

А из зала — шум, трещит что-то, посуда бьется, девки визжат, и слышу — Гуталин ревет диким ревом: — Покайтесь, паразиты! Где Рыжий? Куда Рыжего дели, чертово семя? — с. 56

и морду у меня разбитую — с. 57

Рэдрик на секунду повернулся и наотмашь ударил старика по лицу, ощутил тыльной стороной ладони колючую щеку — с. 69

а остальные просиживали в кабаках вечера напролет, дрались из-за расхождений во взглядах, из-за девчонок и просто так, по пьянке — с. 97

от прыщавого шофера за версту несло перегаром — с. 98

Рэдрик торжественно поднял стакан, кивнул ему и залпом отпил половину — с. 101

погоди, он еще на костылях по вашим черепушкам походит — с. 101

Тогда Рэдрик неторопливо поднялся и с размаху залепил ей пощечину, и она смолкла на полуслове — с. 102

типчики в углу азартно и злобно спорили о бегах, негр, ворочавший ящики, толкнул Эрнеста задом так, что тот покачнулся — с. 103

наступая на ноги, получая по уху и давая сдачи — с. 107

мордой об стол, затылком об стену — с. 126

разок мордой об стол — с. 126

могло быть и не мордой и не об стол, а об что-нибудь с гвоздями — с. 126

Он тщательно прицелился и изо всех сил пнул носком ботинка Мослу в голень — с. 130

Тогда Нунан вскочил, словно его пырнули в зад, схватил Мосла за воротник сорочки и пошел на него, лягаясь и вращая глазами — с. 130

Он развернулся и ударил Мосла по лицу, стараясь зацепить нос с болячкой — с. 130

Он снова с размаху ткнул кулаком в болячку — с. 130

размазывая кровь по морде — с. 131

рыжий дьявол спустил по лестнице всех пятерых, причем ни одному из них не дал уйти самостоятельно, на своих ногах — с. 164

Двое остались валяться на панели в беспамятстве, а остальных троих Рэдрик гнал по улице четыре квартала, после чего вернулся к институтской машине и выбил в ней все стекла — шофера в машине уже не было, он удрал по улице в противоположном направлении — с. 164

цапнул со стойки тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти — с. 179

Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову.— Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул, обхватил голову руками и, скорчившись, рухнул на сухую траву — с. 182

А в следующий раз надаю по зубам — с. 182

лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался... наполз на него, прижимаясь обожженным лицом к кожаной куртке, стремясь задавить, втереть в землю, обеими руками держа за длинные волосы дергающуюся голову и бешено колотя носками ботинок и коленями по ногам, по земле, по заду. Он смутно слышал стоны и мычание, доносившиеся из-под него, и свой собственный хриплый рев: «Лежи, лежи, убью...» — с. 185

Судорожно уминая грудью голову этого проклятого соплякa, не выдержал и заорал изо всех сил — с. 185

Теперь эта смазливая мордашка казалась черно-серой маской из смеси запекшейся крови и пепла, и несколько секунд Рэдрик с тупым интересом рассматривал продольные борозды на этой маске — следы от кочек и камней — с. 186

Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу — с. 186

душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал — с. 202

он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу — с. 202

Замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям

раскурочить — с. 7

сукина сына — с. 8

поганую кровь — с. 8

жрать — с. 11

отметелил, когда он по пьяному делу стал приставать — с. 11

Я перед Зоной взвинченный, да еще трезвый вдобавок — с. 11

козырнул и смылся — с. 12

эта сволочь — с. 13
черта с два — с. 13
вылупил на меня глаза — с. 14
двадцать монет продул — с. 14
шельма — с. 14
настучал кто-то — с. 14
по-дурацки получилось — с. 15
поганец — с. 15
бодягу развел — с. 15
паршивец — с. 15
Я уже было на него пасть раскрыл, зубы оскалил — с. 15
Зона-матушка — с. 17
Держись, дурак — с. 17
Ну их, думаю, всех к черту, что они мне, в конце концов, жабы, сделать могут? — с. 18
пятьсот монет отвалит — с. 19
изловчусь как-нибудь и сопру один — с. 19
и в спецкостюмах тоже мрут как миленькие — с. 20
глаза дурацкие глядели — с. 26
А хрен его знает...— с. 26
заткнись, пожалуйста — с. 26
словесный насморк — с. 27
Слизняк гробанулся — с. 27
Паршивый был парень, упокой, господи, его душу, жадный, глупый, грязный...— с. 27
дурак ты был — с. 27
Молчи, дурак — с. 27
долбанет — с. 28
никакой дрянью не заросли — с. 30
лег на брюхо — с. 30
отряхнул брюхо — с. 31
погань такая — с. 32
поворачивается задом — с. 33
стерва — с. 33
Лафа этим ученым! — с. 34
вошебойку — с. 35
облучили какой-то дрянью — с. 35
Валяйте, ребята, свободны — с. 35

Отпустила поганка. Подлая — с. 35
плюнуть и растереть — с. 36
патрули-пулеметчики, жабы — с. 36
они тебя боятся до смерти, что ты заразный — с. 36
они тебя шлепнуть стремятся... иди потом доказывай, что шлепнули тебя незаконно — с. 36
рылом в землю — молиться до рассвета — с. 36
кашлял я на твое человечество — с. 37
А Тендер что? Подштанники, небось, стирает — с. 37
Выйди, я не баба — с. 37
Пока мы так трепались — с. 38
а он знай себе болбочет — с. 39
сразу несколько усох — с. 39
рванул я когти — с. 39
а сам нацеливаюсь точнехонько в сортир — с. 39
будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказать — с. 40
Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело...— с. 40
прожекторами и пулеметами, жабы, ощетинились — с. 40
я их, гадов, искал тогда, пришил бы и не дрогнул — с. 40
волоку из пачки сигарету — с. 40
но вот обыскать жабы могут — с. 41
Как по вашей милости отсидел — бросил,— говорю,— завязал — с. 41
несет он эту тошную тягомотину — с. 42
Трепло ты — с. 43
Тому на лапу, этому на лапу — с. 43
не так уж много Эрнест и заколачивает — с. 44
засморканный носовой платок — с. 45
Городишко наш — дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра — с. 46
паршивый мир — с. 46
вот вам и Европа ваша,— говорю,— занюханная — с. 47
всеми печенками верил в то — с. 47
с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов — с. 47
всё мне обрыдло — с. 47
запустил музыкальный автомат на полную катушку — с. 47
просаживаю это я последний никель — с. 48

Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами — с. 48

Гуталин здоровенный, черный, как офицерский сапог — с. 48

все остальные — свиньи, дети сатаны — с. 48

— Засохни, Гуталин,— говорю я ему строго — с. 49

на патрулей наплевать — с. 50

дурачка такого состроил — с. 51

что за черт — с. 51

сукины дети — с. 51а

Положил свою черную ряшку на черный столик — с. 51

Про этого типа я бы тут же донес куда следует — с. 51а

Ты, толстый боров — с. 51а

Ты бы тут же и обгадился — с. 51а

Черт бы побрал эту зону — с. 52

дураком не назовет — с. 52

всякой сволочи — с. 52

сволочь все-таки этот Эрнест — с. 53

девку еще ни разу не целовал — с. 53

черт тебя подери — с. 59

На рекламации он, надо сказать, поплевывает — тот еще работничек — с. 54

и скажи ему, что он подонок, не бойся, скажи! Он же трус! — с. 55

Паскуда ты,— говорю.— Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда — с. 55

торгаш вонючий — с. 56

надо было рвать когти — с. 56

завопил кто-то в кабаке — с. 56

да только мне плевать — с. 56

я во всем виноват, паразит — с. 57

на кой черт — с. 57

Мать велит аборт делать — с. 58

потихоньку балдею — с. 58

Я хохочу, как последний дурак — с. 59

пополз задом — с. 60

— Стоит, жаба,— сказал он.— Как приклеенная — с. 61

Настучал кто-то. Ждут — с. 61

Я не треплюсь — с. 61

Подлец ты всегда был... стервятник — с. 62
Подлец, это верно. Без этого нельзя — с. 62
Из-за подлости своей ты погорел — с. 62
Вранья вокруг него потом наплели. Я и сам плел — с. 63
Хрена — любое — с. 63
Денег — ни хрена — с. 63
Да заткнись ты... Что ты как баба... Дину мне твою жалко — на панель ведь пойдет девка...— с. 63
Врешь ведь... Зачем врешь? — с. 65
Врешь ведь, наверное — с. 65
— Заткнись,— сказал Рэдрик.— Не мешай — с. 67
— Колени же мне загубишь, паскудник — с. 67
— Не пыли, Стервятник — с. 67
— Посмотрит твои копыта и конец — с. 68
— Заткнись! — прикрикнул на него Рэдрик.— Ноги мне загубишь, сволочь! — с. 69
Жрать охота — с. 71
Жрать, говорю, охота...— с. 71
и вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, черными, грязными словами, брызгая слюной...— с. 72
— Надевай зубы и пойдем — с. 72
Мясник выругался — с. 74
Сволочь ты... Стервятник — с. 74
гад — с. 76
жрать охота — сил нет! — с. 77
Мартышка безмятежно дрыхла — с. 77
грязен он был как черт — с. 78
Кой черт! — с. 82
бибикнул на какого-то африканца — с. 85
выругавшись про себя — с. 86
вид у тебя какой-то дохлый — с. 87
здесь в «Метрополе» за каждую котлету так дерут — с. 88
обширная старуха с плохо выбритым подбородком — с. 90
старуха его осадила и продолжала осаживать до пятого этажа, где она выкатилась — с. 90
дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь — с. 90
всей этой дешевкой, всей этой гнусной плесенью, которая выросла на Зоне, пила от Зоны, крала, хапала, жирела от Зоны,

и на все ей было наплевать, и в особенности на то, что будет после, когда она нажрется, напьется, нахапает всласть — с. 91

накрылся Барбридж,— сказал Рэдрик — с. 92

отслюни зелененьких — с. 93

— Темните, Шухарт,— сказал брезгливо Костлявый Фил.— А чего темнить, спрашивается? — с. 94

Барбридж вляпался в студень, и мне пришлось сразу же поворачивать оглобли — с. 95

Черт его знает — с. 96

Знал бы — содрал побольше — с. 96

полным-полно крепкозадых красоток — с. 96

в поисках зубодробительных приключений — с. 97

Вся она была атласная, пышнотелая, без единого изъяна, без единой лишней складки, полтораста фунтов двадцатилетней лакомой плоти...— с. 99

...солнце так и ходило по ней, переливаясь с плеч на живот и на бедро, оставляя тени между почти голыми грудями — с. 99

Пёр его, дурак, через всю Зону, на хребте пёр... Слюнтяй, такой случай упустил...— с. 101

загородив от него весь мир своим великолепным телом, пахнущим духами и сладким потом — с. 101

Вот так он всех вас, идиотиков, вокруг пальца... по костям вашим, по вашим башкам безмозглым...— с. 101

Болван, по роже твоей конопатой вижу, что обещал — с. 102

Дурак... рыжий...— с. 102

Что же ты, зараза — с. 104

— Гады,— сказал Рэдрик.— Зар-разы — с. 104

— Холуи твои подберут. Сам подберешь! — с. 105

— Не фыркай, ты! — сказал ему Рэдрик.— Сопля вылетит — с. 105

он всё выкрикивал и выкрикивал грязные ругательства, все, какие мог вспомнить, и еще те, которые придумывал на ходу — с. 106

задержали дурака — с. 108

обмениваются своими паршивыми мнениями, старые кочерыжки — с. 108

зараза — с. 109

Гады, сказал он про рабочих, грузивших телевизоры на автокар — с. 109

ерундистика всё это — с. 109

держи хвост трубой — с. 110

поерзав задом — с. 115

резало зад — с. 118

как и что я прошлепал — с. 119

что эти негодяи откололи еще — с. 119

приготовишка сопливый — с. 120

провалился бы ты с твоей манерой разговаривать — с. 120

скотина... старый черт — с. 121

сучья погремушка — с. 125

этакой шибздик — с. 126

Ах ты животное, безногая скотина — с. 126

Где тут мой бардак — с. 126

— Хо! — пробасила она.— Никак сам господин Нунан! По девочкам соскучились?..— Зачем мне девочки, когда передо мной настоящая женщина? — с. 127

Плевать ему было — с. 128

За девочек он нам платит — не то чтобы богато...— с. 132

Ну и каждый развлекается, как хочет. Офицеры больше с девочками — с. 132

Они там в основном насчет пожилых баб, неплохо зарабатывают. Прикатит какая-нибудь старуха из Европы...— с. 133

— Да поворачивайся, мозгами шевели, животное — с. 133

Видно, здесь сам черт ногу сломит — с. 140

Черт бы побрал вашу псевдонауку... Черт бы вас, ученых, подрал! — с. 141

Черт возьми — с. 143

это вообще свинство — с. 143

Эти идиоты...— с. 144

чертов бред — с. 149

черт бы вас подрал — с. 153

какого черта мы так крутимся — с. 156

А к твоей бабе, видать, кто-то заглянул,— шляпа — с. 159

Я в этом вшивом городишке сижу — с. 162

Но эти болваны-санитары — с. 163–164

болван-врач — с. 164

Так и надо паразитам, чтоб они сдохли — с. 165

полтора километра на карачках — с. 167

Черта я им отдам меньше чем за пятьсот тысяч. И черта я дам Стервятнику больше тридцати. А сопляку... а сопляку — ничего. Если старый гад хоть полуправду сказал, то сопляку — ничего — с. 168

этим чистоплюям достанется — с. 171

Псих, подумал он. Сумасшедший же. Ноги ему... гниде — с. 172

Что добро это жабам достанется, Хрипатым да Костлявым? — с. 172

кой черт — с. 183

Надо думать, и окорока не до кости прожгло... Он пощупал — нет, явно не до кости, даже штаны целы. Просто как кипятком ошпарило...— с. 187

дурак — с. 187

кой еще черт — с. 188

С чумой тебя пополам вместе с твоей болью — с. 188

Поганые холмики — стоят, гниды, торчат как чертовы макушки — с. 188

Ах, поганенькая лощинка, вот она-то самая погань и есть — с. 188

черт знает что — с. 189

сто тысяч разбитых тухлых яиц, вылитых на кучу из ста тысяч рыбьих голов и дохлых кошек, не могут смердеть так, как смердело здесь...— с. 190

Ниже, дурак — с. 190

всю жизнь так, сам в дряни... И откуда здесь эта дрянь? Сколько дряни... С ума сойти, сколько дряни в одном месте, здесь дрянь со всего света...— с. 191

оставил за собой всю эту дрянь — с. 191

всегда глотает дерьмо... И не осталось тебе ни одного чистого места, все загажено... Нунан — дурак ты...— с. 191

Стервятники проползают между ихними трупами, по ихним трупам, как черви, и гадят, и гадят, и гадят...— с. 192

А вы, все прочие, стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, квотерблады, паразиты, зелененькие, хрипатые, в галстуч-

ках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодательством, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с «комариными плешами», с разными обещаниями — хватит, поводили меня за нос, через всю мою жизнь волокли меня за нос, я всё, дурак, хвастался, что, мол, как хочу, так и делаю, а вы только поддакивали, а сами, гады, перемигивались и волокли меня за нос, тянули, тащили через тюрьмы, через кабаки... Хватит! — с. 193

пытаясь отодрать с лица прочно присохшую дрянь — с. 195

пыль садилась на ботинки, она воняла, вернее, это от Артура воняло, идти за ним следом было невозможно, и не сразу Рэдрик понял, что воняет-то больше всего от него самого. Запах был мерзкий, но какой-то знакомый — это в городе так воняло в те дни, когда северный ветер нес по улицам дымы от завода. И от отца так же воняло, когда он возвращался домой...— с. 196

и плевать на него — с. 197

хитер, а дурак — с. 198

всю жизнь с дураками дело имел — с. 198

захлебываясь в дряни — с. 199

молокососа, которого нещадно пороли, если по возвращении домой от него хоть чуть-чуть пахло спиртным — с. 201

ты вот что, рыжая морда, ты отсюда не уйдешь, пока не додумаешься до дела, сдохнешь здесь с этим шариком, изжаришься, сгниешь, падаль, но не уйдешь...— с. 202

...гады... Шпана. Как был шпаной, так шпаной и состарился...— с. 203

а они пускай все подохнут — с. 203

дурак — с. 203

изгильнуться — с. 203

эти гады — с. 204

А теперь — ответ АБС на предыдущее письмо и замечания от 25 июля 1977 года:

Тов. Медведев!

1. Учитывая пожелание ЦК ВЛКСМ «при окончательной доработке повести обратить внимание на необходимость уст-

ранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой», мы учли целый ряд Ваших «Замечаний по вульгаризмам и жаргонным выражениям» (См. прилагаемую рукопись).

2. Как известно, во время беседы с В. М. Синельниковым 22 ноября 1976 года было достигнуто соглашение о том, что возвращение по пункту о муляжах-покойниках к журнальному варианту полностью удовлетворит редакцию. О «феномене Золотого Шара» речи во время этой беседы не было вообще. Тем не менее, в целях прекращения бесконечной и бессмысленной переписки мы приняли решение удовлетворить Ваши требования, изложенные в письме от 21.06.1977, и дали «более или менее понятное обоснование появлению муляжей-покойников» и «научное обоснование феномена Золотого шара в целях снятия налета мистики». (См. стр. 148 и 151 прилагаемой рукописи).

3. По поводу Ваших «Замечаний, связанных с аморальным поведением героев» и «Замечаний, связанных с физическим насилием» напоминаем еще раз:

а) Литература воспитывает молодого читателя не только на положительных, но и на отрицательных примерах, не только учит его как надо поступать, но и показывает еще, как поступать НЕЛЬЗЯ.

б) Идеологическая цель повести «Пикник на обочине» есть разоблачение мира наживы и свободного предпринимательства, мира жесткого, отвратительного и аморального по своей сути. Мы всячески стремимся изобразить этот мир во всей его неприглядности, продемонстрировать молодому читателю истинное лицо капиталистической действительности. Вы же своими «Замечаниями» словно бы задались целью отлакировать эту действительность, сделать этот страшный мир менее жестоким и аморальным, превратить его чуть ли не в «землю обетованную», где нет ни насилия, ни жестокостей, ни злобы, ни ежечасного нарушения всех моральных норм. Следовать Вашим «Замечаниям» означает для нас — уменьшить идеологический заряд повести, лишить повесть ее политической остро-

ты. Мы не понимаем этой Вашей позиции и категорически не приемлем ее.

А. Стругацкий
Б. Стругацкий

Р. Т. Обращаем Ваше внимание на то, что последняя бандероль от Вашего имени была направлена А. Стругацкому по неверному адресу, в результате чего пришла с запозданием на две недели. Напоминаем, что адрес А. Стругацкого <...>

В папках содержится еще много документов: письма в инстанции («Писал жалобу в правительствующий сенат», по определению Феликса Сорокина из ХС) и ответы из этих инстанций, неоднократные попытки издательства расторгнуть договор и возвратить аванс, была статья Ю. Смелкова в «Правде» о «Пикнике на обочине», и Авторы приводили ее как аргумент, свидетельствующий о положительной оценке повести партийным издательством, и еще много переписки Авторов с издательством и Авторов между собой, посвященной многострадальному изданию «Неназначенных встреч»...

А в итоге можно привести опять же отрывок из «Комментариев» БНС:

Сборник «Неназначенные встречи» вышел в свет осенью 1980 года, изуродованный, замордованный и жалкий. От первоначального варианта остался в нем только «Малыш» — «Дело об убийстве» потерялось на полях сражений еще лет пять тому назад, а «Пикник» был так заредактирован, что ни читать его, ни даже просто перелистывать авторам не хотелось.

Авторы победили. Это был один из редчайших случаев в истории советского книгоиздательства: Издательство не хотело выпускать книгу, но Автор заставил его сделать это. Знатоки считали, что такое попросту невозможно. Оказалось — возможно. Восемь лет. Четырнадцать писем в «большой» и «малый» ЦК. Двести унизительных исправлений текста. Не поддающееся никакому учету количество на пустяки растраченной нервной энергии... Да, авторы победили, ничего не скажешь. Но это была Пиррова победа...

Всё же, как мне кажется, «История одного Одержания» будет опубликована. Если не отдельной книгой, то большим и нужным разделом в книге о ПНО, где будет всё: и как задумывалась повесть (с отрывками из писем и рабочего дневника Авторов), и как писалась, и как проходила через инстанции издательств (ведь публиковалась эта повесть не один раз и в каждом случае были какие-то интересные факты), и как ее после выхода оценила критика, и как оценивает ее критика сейчас, и какого мнения были о ней сами Авторы — сразу после опубликования и годы спустя... Конечно, по словам одного из «люденов», БНС своими «Комментариями к пройденному» «снял сливки» с любого исследования творчества АБС, но кроме «сливок» осталось еще много качественного и полезного «молока», которое будет интересно и полезно мыслящему читателю.

СЦЕНАРИИ «СТАЛКЕРА»

Насколько известно, сценарий по ПНО для Андрея Тарковского Авторы переписывали не менее шести раз. Повезло вариантам сценария и с изданием. Все сохранившиеся варианты «Сталкера» были опубликованы в разные годы. Перечислим их.

Одна из ранних версий под названием «Машина желаний» была опубликована в собрании сочинений АБС издательства «Текст» и в собрании сочинений АБС издательства «Сталкер».

Другая из ранних версий, более поздняя, чем предыдущая, также под названием «Машина желаний», была опубликована в сборнике научной фантастике «НФ. Выпуск 25» (М.: Знание, 1981) и в «Мирах братьев Стругацких».

Третья версия, почти последняя, под названием «Сталкер», была опубликована в сборнике избранных сценариев АБС «Пять ложек эликсира» (М.: Наука, 1990), в «Мирах братьев Стругацких» и в собрании сочинений «Сталкера».

А еще в собрании сочинений издательства «Текст» была опубликована литературная запись фильма — уже, собственно, тот текст, который реализован в самом фильме.

Ниже отмечены, как мне кажется, наиболее существенные моменты отличия вариантов сценария. Опять же — анализирует-

ся только текст, а не идейная составляющая или разница в характерах основных персонажей. Такой анализ пусть проводят литературоведы и киноведы.

Сначала об именах. В фильме и третьем варианте имена главных персонажей: Сталкер, Профессор, Писатель. Во втором — Проводник, Профессор (который иногда называется Ученым) и Писатель. В первом же варианте у каждого из персонажей есть имена. Сталкера зовут Виктор, Писателя — Антон, Профессор во всем тексте называется Профессором, хотя и его имя тоже известно: Филипп. Именно так называет его жена, Лола, с которой он разговаривает по телефону уже из Зоны. В архиве сохранились лишь разрозненные листочки, относящиеся к «Сталкеру». Там имя Сталкера — Алан.

Пройдемся по тексту по порядку.

Во втором и третьем варианте отсутствует приведенный в фильме отрывок «из интервью лауреата Нобелевской премии профессора Уоллеса корреспонденту RAI» о Посещении:

...Что это было? Падение метеорита? Посещение обитателей космической бездны? Так или иначе, в нашей маленькой стране возникло чудо из чудес — ЗОНА. Мы сразу же послали туда войска. Они не вернулись. Тогда мы окружили ЗОНУ полицейскими кордонами... И, наверное, правильно сделали... Впрочем, не знаю, не знаю...

В первом же варианте (не в самом начале, а после разговора Сталкера с женой) приводится длинный диалог ученых:

Д и к т о р. Два десятилетия прошло с тех пор, как наш маленький голубой шарик, несущийся по необъятным просторам Вселенной, впервые на памяти человечества стал объектом внимания могущественной сверхцивилизации, родина которой затеряна где-то в безбрежном Космосе. Кто они были? Зачем посетили нас? Куда ушли потом — так же внезапно, как появились? Об этом можно только догадываться. Были они добры или жестоки? Пришли к нам с миром или с войной? Видели в нас равноправных братьев по разуму, или пренебрегли нами, или вообще не заметили нас? В ту страшную ночь двадцать лет

назад тысячи людей поседели от ужаса, сотни стариков и детей были растоптаны в обезумевших толпах беженцев, некоторые навсегда лишились рассудка, некоторые временно потеряли зрение и слух, но! — ни один человек не погиб под развалинами, ни один не сгорел, не погиб от таинственных излучений, ни один человек не пострадал от чудовищных взрывов, сотрясавших окрестности. И могущественной боевой технике Земли, мгновенно изготовившейся к отражению инопланетного нашествия, так и не пришлось вступить в дело. Космические пришельцы посетили нас и ушли, и как след посещения — осталась Зона.

Зона! Неизгладимый шрам на лике нашей матери-Земли, вместилище жестоких чудес, могучее щупальце невероятно далекого будущего, запущенное в наш сегодняшний день!

Первый ученый. Мы — счастливые люди. Нам повезло увидеть своими глазами и пощупать своими руками образцы технологии нашего послезавтрашнего дня...

Второй ученый. Я лично не жду больше никаких открытий. Главное открытие уже сделано: человечество не одиноко во Вселенной...

Третий ученый. Пришельцы так невероятно далеко обогнали нас, что имеет смысл рассматривать Зону со всем ее содержимым не как дело чьих-то рук, а как явление природы, каковое надлежит тщательно изучить и поставить на службу земной науке и технике...

Диктор. Поставить на службу земной науке и технике! Этак — вечный аккумулятор. Никто не знает, как он устроен, но мы научились размножать его, и вот — двигатели на этаках, коренной переворот в малогабаритной технике, миллионы и миллиарды тонн сэкономленной драгоценной нефти... «Синяя Глина»! Никто не знает, как и почему она лечит, но уже теперь человечество навсегда забыло, что такое инфекционные заболевания... Но не так-то просто добраться до тайн и сокровищ Зоны. Всем памятны ужасные катастрофы, которыми закончились первые героические, но неумелые попытки проникнуть в глубину Зоны с земли и с воздуха. Погибли десятки энтузиастов. Взять Зону штурмом не удалось, и тогда человечество перешло к планомерной осаде.

Директор Международного института внеземных культур. Мы по-прежнему бесконечно далеки от победы над Зоной. Однако нам удалось организовать сравнительно безопасные и эффективные мероприятия, обеспечивающие непрерывный и достаточно обильный поток новой информации из Зоны... Во всяком случае, жертв больше нет, и земная наука не успевает изучать и обрабатывать доставляемые из Зоны материалы... Мне кажется, что проблема сейчас лежит в совсем другой плоскости, относящейся скорее к компетенции не науки, а политики. Я имею в виду прежде всего безответственную и в конечном счете античеловеческую деятельность агентуры военно-промышленных комплексов...

Диктор. Едва возникла Зона, как возникла новая профессия: космический браконьер, расхититель космической сокровищницы. У него нет никакого оборудования. Он знает, что идет на верную смерть. Он знает, что возвращается один из десяти. Один из пяти возвратившихся остается калекой на всю жизнь. У семи из десяти уцелевших рождаются дети-уроды. Он вне закона, он вне морали, но он снова и снова идет в Зону, потому что находятся люди, готовые заплатить огромные деньги за любой экспонат, неизвестный науке.

Ученый — директор военно-промышленного объединения «Альфа-Пегас». Наши лаборатории не имеют дело с космическими объектами, мы уважаем эмбарго ООН. Но лично я никогда не поддерживал этого эмбарго. Опыт показывает, что частные исследования сплошь и рядом оказываются более эффективными, нежели государственные или международные. Я признаю, конечно, что имеет место определенный риск, связанный с бесконтрольностью и прочими отрицательными факторами. Но не кажется ли вам, что ставка достаточно велика и оправдывает этот риск?

Диктор. Ставка невообразимо велика: счастье людей, населяющих нашу планету. Именно поэтому мы не можем, не имеем права рисковать. Человечество защищается. Вокруг Зоны сооружается стена. Полицейские силы ООН днем и ночью патрулируют подступы к Зоне. Никакие меры не могут считаться слишком жестокими, когда речь идет о том, чтобы пресечь утечку космических сокровищ в жадные и нечистые руки.

Зона принадлежит только человечеству в целом. Со всеми ее чудесами, жестокими и добрыми. Кто не знает легенды о Золотом Круге? Где-то в глубине Зоны, в мрачном ущелье, опутанном чудовищной паутиной, лежит огромный золотой диск. Тот счастливец и смельчак, которому удастся преодолеть тысячи смертельных опасностей и ступить ногой на этот диск, получит право на исполнение любого своего желания. Легенда? Сказка? Вот уникальные кадры, полученные искусственным спутником «Европа-711» с высоты сто двадцать километров. После получения этих кадров связь со спутником была утрачена... Но может быть, это и есть таинственный Золотой Круг? Машина, исполняющая желания...

Во всех вариантах и в фильме начинается действие с квартиры Сталкера и его прощания с женой. Во всех вариантах, кроме первого, жена старается не пустить Сталкера в Зону, устраивает скандал, причем если в двух последних вариантах истерика завершается просто плачем, то во втором варианте — проклятиями жены. Да и весь разговор (переругивание) Сталкера с женой построен на обсуждении реальных прегрешений Сталкера: браслет, мамину память, продал; деньги на скачках просадил; на такси собирался работать... В первом же варианте, как Гута Рэдрика, жена провожает Сталкера, предлагая приготовить кофе и помогая собираться в нелегкую дорогу.

В фильме и последнем варианте встреча Сталкера с попутчиками происходит сначала с Писателем около дома Сталкера, потом с Профессором в кафе. В первых двух вариантах Сталкер сначала встречается с Профессором, а затем уже они заезжают на виллу к Писателю. Причем во втором варианте встреча с Профессором происходит в кафе, а в первом — в лесу.

Пересечение границы с Зоной в первых двух вариантах происходит просто — машина на большой скорости пересекает заставу и углубляется в лес. В третьем варианте и в фильме — машина проскакивает за электровозом или тепловозом.

После путешествия на дрезине и небольшого отдыха начинается поход уже по Зоне. В первых двух вариантах описаний фантастических элементов в Зоне достаточно, но нет момента, когда искомое место можно увидеть недалеко. Прямой дорогой к нему

идти нельзя, причем в фильме просто сказано: нельзя, а когда Писатель все же пытается идти, его останавливает некий Голос. В третьем варианте прямой путь называется дорогой чистых душ, и когда Писатель пытается идти по ней, то сначала «почти бегом идет по склону к террраске, потом шаги его замедляются, ноги начинают заплетаться, он хватается обеими руками за голову, описывает замысловатую кривую и, шатаясь, как пьяный, возвращается обратно и садится на обломок бетона». И именно после этого он произносит свой знаменитый монолог: «Я весь изранен. Обругает какая-нибудь сволочь — рана...» В фильме он произносит это в споре с Профессором об эксперименте, здесь же ясно показано: самобичевание Писателя происходит из-за воздействия Зоны.

В третьем варианте Голос останавливает Профессора в другом месте — когда он первым вызывается идти через некий зал.

Вообще же третий вариант и уже собственно кинофильм не показывает ничего фантастического. По мнению кинорежиссера, это было правильно — не отвлекать зрителя необычайными зрелищами. Может быть, именно поэтому «Сталкер» так и остался непринятым широким зрителем и нашел понимание у высшей касты киноискусства.

В первых же двух вариантах фантастических элементов во время похода по Зоне хватает.

«Комариная плешь». В первом варианте есть не только ее изображение («Ниже по склону, метрах в тридцати-сорока лежит обширная проплешина, начисто лишенная растительности, гладкая и даже отсвечивающая на солнце, как мутное стекло. Посередине ее красуется что-то вроде большой металлической лепешки, в которой только по вдавленным в проплешину лопастям можно узнать остатки вертолета»), но можно и увидеть ее в действии, что весьма напоминает схожие события в повести:

Несколько первых метров гайка летит по обычной дуге, а потом словно кто-то невидимый срывает ее с траектории, и она вкось, со страшной скоростью уходит влево по прямой и врезается в почву в метре от края проплешины.

<...>

— Простите, Виктор. Могу я вас попросить...

— Ну?

— Разоритесь на одну гайку. Бросьте в самый центр.

— Зачем это тебе? — осведомляется Виктор подозрительно.

— Просто я хочу посмотреть. Никогда этого не видел. Только в кино.

— Хм... Что ж... Так ведь она до центра и не долетит, наверное...

— А вы киньте повыше.

Виктор выбирает гайку покрупнее и, размахнувшись, изо всех сил швыряет ее вверх в сторону проплешины. Им удается проследить полет гайки только до верхней точки траектории. Потом она исчезает, в то же мгновение раздается громовой удар, и они хватаются друг за друга, потому что земля сильно вздрагивает под ногами, а по проплешине и раздавленному вертолету словно бы проходит какая-то рябь.

Во втором варианте этого нет, но есть «намокание»:

Огромный ров, заполненный вздутой тушей полуспущенного аэростата воздушного заграждения. Они ступают на прогибающуюся поверхность, медленно идут, осторожно переставляя ноги, и вдруг Писатель издает странный каркающий звук и останавливается.

И начинает намокать. Влага проступает от его тела наружу сквозь одежду, влага струится по его лицу, струйки сбегают со скрюченных пальцев, волосы облепляют щеки и потом целыми прядями начинают сползать на грудь и на плечи.

<...>

Видно, как его тело сводит судорога.

А затем все так же неожиданно прекращается. Влага высыхает на глазах, и вот уже Писатель такой же сухой, как прежде, только на плечах и груди висят, колышась под ветерком, сухие пряди выпавших волос. Обессиленный, он валится на бок.

<...>

— Ничего, ничего,— говорит Проводник.— Сейчас он встанет... А действительно, везучий дьявол... У добрых людей здесь, бывало, глаза вытекали, а он одними волосьями отделался...

В первом варианте сценария появляются «пылевые чертики»:

Все замирают на месте. И вдруг слева, над кучками мусора возникает из ничего темный полупрозрачный вертящийся столб. Он похож на маленький смерч, но это не смерч. Он похож на «пылевого чертика», но это и не «чертик». Он неподвижно стоит, крутясь вокруг оси, над кучей битых бутылок, и от него исходит шуршащее металлическое стрекотание, как будто стрекочет гигантский кузнечик. Виктор, не шевелясь, только скосив глаза, наблюдает за ним. Призрачный столб вдруг сдвигается с места и, описывая замысловатую кривую, скатывается с кучи мусора и проходит между Антоном и Профессором.

— Стоять! Стоять! Не шевелиться! — хриплым шепотом кричит Виктор.

Крутящийся столбик на мгновение задерживается возле Профессора и легко уходит вправо в заросли пыльных лопухов, тая, рассеиваясь, распадаясь на ходу. Стрекотанье, достигнув нестерпимо высокой ноты, обрывается.

И в обоих (первом и втором) вариантах присутствует работающий грузовик:

...слышен звук работающего двигателя, и они проходят мимо стоящего у обочины совершенно новенького, как с конвейера, грузовика. Двигатель его работает на холостых оборотах, из глушителя вырывается и стелется по ветру синеватый дымок. Но колеса его по ступицы погружены в землю, сквозь приоткрытую дверцу и дно кабины проросла тоненькая березка.

В фильме показан подземный коридорчик с металлической дверью. Сталкер впоследствии называет это место «мясорубкой». И ничего там необычайного не происходит.

В третьем варианте — прямоугольное жерло коридора, черного, закопченного, там тоже не происходит ничего.

Во втором и первом варианте: «Когда-то, вероятно, в самый день Посещения, огромный грузовоз тащил по этой улице на специальном прицепе длинную, метрового диаметра трубу для газо-

провода. Грузовоз врезался в двухэтажный дом слева и обрушил его на себя, превратив в груду кирпичей. Труба скатилась с прицепа и легла слегка наискосок, перегородив улицу. Вероятно, тогда же сорвались и упали поперек улицы телеграфные и телефонные провода. Теперь они совершенно обросли рыжим мочалом. Мочало висит сплошным занавесом, перегородив проход. Пройти можно только сквозь трубу. Жерло трубы черное, закопченное какое-то, и дом справа, на который оно открыто, весь обуглен, словно он горел пожаром, и не один раз». Причем во втором варианте они проходят без всяких приключений, а в первом горение все-таки происходит: «Он стаскивает рюкзак, берет в руки сразу три кирпича и с натугой швыряет их в жерло. Грохот, лязг... и вдруг что-то глухо бухает в глубине трубы. Со свистящим воем из жерла вырывается длинный язык коптящего пламени и ударяет в многострадальный обуглившийся дом. Дом снова загорается».

Присутствует в первом варианте еще одна фантастическая реалия — «кино», возле которого и остается Писатель, предлагая Сталкеру и Профессору закончить поход вдвоем:

...между тем впереди, закрывая крайние дома поселка, возникает поперек улицы туманная дымка.

<...>

Туман впереди еще сгущается, и вдруг перед ними возникает, закрыв весь горизонт, необычайно яркая по краскам и глубине панорама.

Целый мир раскинулся перед ними, странный полузнакомый мир. У самых ног их — спокойная поверхность то ли озера, то ли пруда. На пологом берегу, на мягкой траве сидит, поджав под себя ноги, молодая женщина, голова ее опущена, длинные волосы, почти касающиеся воды, скрывают ее лицо. За ее спиной — зеленые округлые холмы под необычайно ярким лазоревым небом, вдали виднеется темно-зеленая стена леса. На верхушке ближайшего холма врыт покосившийся столб с бычьим черепом, надетым на верхушку. Под столбом сидит, вытянув по траве ноги в лаптях, седой как лунь, старец, лицо у него почти черное, как старый мореный дуб, глаза под белыми пушистыми бровями слепые, корявые руки покойно

сложены на коленях. А пониже старца сидит на камушке полуголый кудрявый мальчик и наигрывает на свирели. Видно, как надуваются и опадают его румяные щеки, как пальцы ловко бегают по отверстиям в дудочке, но ни одного звука не доносится из этого мира. У ног мальчика коричневым бугром дремлет огромный медведь, и еще один лениво вылизывает переднюю лапу, развалившись поодаль. Над тростником, окаймляющим часть пруда, трепещут синими крыльями стрекозы.

<...>

И тут Профессор, жалостливо наморщась, подбирает с мостовой камушек...

— Стой! — яростно кричит Виктор.

Но уже поздно. Камушек, описав дугу, падает в воду в двух шагах от девушки. Всплеск. Девушка поднимает голову, отводит волосы с прекрасного лица. По гладкой воде расходятся круги. Девушка, слегка сведя брови, с некоторым удивлением, но без всякого страха разглядывает грязных, оборванных, закопченных людей и снова опускает голову. Мир «по ту сторону» начинает таять, заволакиваться дымкой и исчезает. Впереди снова пустая унылая улица с мертвыми домами.

<...> улица заволакивается дымкой, <...> но тут в дымке возникают очертания чего-то совсем другого: гигантские многоэтажные здания, отсвечивающие стеклом, потоки машин, толпы спешащих пешеходов, вспыхивающие рекламы...

В первом же варианте описана еще временная петля, куда попала группа Милововановича:

Группа Милововановича идет на трех гусеничных машинах. Передняя машина — обычный военный бронетранспортер, остальные две — вездеходы, оборудованные под походные лаборатории. Людей не видно, только из командирского люка передней машины торчит, высунувшись по пояс, сам Милованович — сухощавый пожилой человек в рубашке цвета хаки с засученными рукавами, черный, горбоносый, с толстыми усами, которые, как у гайдука, опускаются ниже подбородка.

Передняя машина подкатывает к мосту, Милованович оборачивается и, подняв руку, подает водителю следующей маши-

ны какой-то знак пальцами. Бронетранспортер вкатывается на мост, проходит его на малой скорости, выбирается на противоположный берег оврага, и сейчас же на мост выкатывается вторая машина, несущая над кузовом матово отсвечивающий белый купол в несколько метров поперечником, а за ней следует третья машина с огромным вращающимся локатором... Все три машины одна за другой бодро бегут по дороге и словно растворяются в воздухе вместе с поднятой ими пылью, а через мгновение вновь одна за другой появляются на прежнем месте перед мостом. Горбоносый, черный, как ворон, Милованович оборачивается и, подняв руку, подает какой-то знак пальцами, машины, одна за другой, перекатываются через мост, исчезают, подобно призракам, и вновь появляются на прежнем месте перед мостом, и снова Милованович поднимает руку... и снова, и снова, и снова.

— В петлю, значит, угодили,— произносит Виктор.— На Красной Горке тоже такое местечко есть, Горлохват туда вляпался, так уже десяток лет вот так крутится... <...> Зато они всех нас переживут... Мы подохнем, дети наши помрут, а они так и будут крутиться, и хоть бы хны... Они же там ничего не понимают и знать ничего не знают... знай себе прутся через мост, и каждый раз это им в новинку...

Собственно «мясорубка», которая подробно описывается в повести, во втором варианте, как заявляет Сталкер, «сдохла». Туда он собирался послать Профессора. В первом варианте она цела, и там гибнет Профессор, освобождая путь Сталкеру к заветной цели.

О само́й заветной цели. В фильме это Комната. В третьем варианте — терраска. Во втором — То Самое Место. А вот в первом варианте — Золотой Круг. И именно в первом варианте единственный, кто доходит до него, Сталкер, решается все-таки пройти по нему. Это тоже описывается в фантастическом виде:

Увязая по щиколотку в белом песке, он бредет по дну карьера и подходит к краю огромного желто-сверкающего диска. Не задерживаясь, он ступает на него, и нога его проваливается, и он бредет по золотой пленке, оставляя за собой черные

рваные дыры, не переставая что-то беззвучно твердить, шевеля губами, полузакрыв глаза и откинув голову назад... И он сходит на песок и идет по песку, а в карьере сгущаются сумерки, а он все идет по песку, и карьер погружается во мрак, и слышится скрип, словно отворяется деревянная дверь, и шорох шагов по песку сменяется стуком каблуков по камню, и в сером свете Виктор поднимается по лестнице и вступает на лестничный пролет своего дома.

И последствие (исполнение заветного желания) показывает истинную мечту Сталкера: рюкзак, полный «золотых монет вперемешку с обандероленными пачками банкнот».

Атомная мина, которую приносит в Зону Профессор и, придя к заветной цели, разряжает и разбрасывает ее детали, в первом варианте все-таки срабатывает, но позже, когда Сталкер уже дома: «Свет за окнами меркнет, и страшный удар сотрясает дом. С лязгом и дребезгом вылетают стекла, распахиваются рамы, и в опустевших проемах видно, как над черными силуэтами домов вспухает, раздувается гнойным пузырем огненный гриб атомного взрыва».

Нет ни в одном из вариантов сценария, в отличие от кинофильма, стихов Арсения Тарковского и Тютчева, нет вообще конечной сцены с истерикой Сталкера и с Мартышкой и двигающимися сами по себе по столу предметами.

Точно так же можно проследить и наличие-отсутствие ключевых разговоров: как они появляются, изменяются или исчезают, обратить внимание на те, которые прошли от первого варианта до самого фильма... Но оставим это интересное занятие любознательным.

И хотелось бы сказать еще об одном. Никогда не считала «Сталкер» детищем Тарковского. В первую очередь — Стругацкие. С первого, памятного просмотра и до сих пор (а смотрела-то я его раз десять, не меньше) отношение к нему такое же, как к лучшим книгам Стругацких. Построение фильма я понимаю так: смотреть «Сталкер» нужно, настроившись на работу ума. Фильм поделен на куски. Диалог (или монолог) — участок ничего не происходящего — диалог — опять пауза... и т. д. То есть запомина-

ешь, о чем говорилось; а потом дается время на обдумывание этого. Тарковский талантливо иллюстрирует эти мысли (заложенные Стругацкими!) и помогает видеорядом во время пауз (они едут на дрезине, они идут, просто камера скользит по природе или по воде) мыслить.

И еще. Как мне кажется, кинофильм «Сталкер» отображает по крайней мере три повести АБС. Антураж в нем — от ПНО. Многие высказанные мысли — из рассуждений персонажей ГЛ.

«Мы просто выпьем. Как это делает сейчас половина нации. Другая половина — напивается, ну и бог с ней, а мы просто тихонько выпьем»,— говорит Банев в ГЛ. «Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина — да, напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил»,— говорит Писатель в «Сталкере».

«...В спорах рождается истина, пропади она пропадом»,— говорит опять же Банев. «В спорах рождается истина, будь она проклята»,— вторит ему Писатель.

«Как похвалит какая-нибудь сволочь — рана. Другая сволочь похвалит — другая рана»,— сетует Р. Квадрига. «Обругает какая-нибудь сволочь — рана. Другая сволочь похвалит — еще рана»,— сетует Писатель.

«...какой из меня, к черту, писатель, если я не терплю писать, если писать для меня — это мучение, стыдное, неприятное занятие, что-то вроде болезненного физиологического отправления, вроде поноса, вроде выдавливания гноя из чирья»,— говорит Банев. «Какой из меня, к черту, писатель, если я ненавижу писать. Если для меня это мука, болезненное, постыдное занятие, что-то вроде выдавливания геморроя»,— говорит Писатель.

«Да, милые мои, давно оно прошло, то время, когда будущее было повторением настоящего и все перемены маячили где-то за далекими горизонтами. Голем прав, нет на свете никакого будущего, оно слилось с настоящим, и теперь не разберешь, где что»,— рассуждает Банев. «Раньше будущее было только продолжением настоящего, а все перемены маячили где-то там, за горизонтами. А теперь будущее слилось с настоящим»,— говорит Писатель.

А вот образ Зоны похож не на Зону в ПНО, а скорее на Лес в УНС. Причем не реальный Лес, а тот, к которому обращается

Перец: «Погляди на меня хотя бы сейчас, когда мы одни, не беспокойся, они все спят. Неужели тебе никто из нас не нужен? Или ты, может быть, не понимаешь, что это такое — нужен? Это когда нельзя обойтись без. Это когда все время думаешь о. Это когда всю жизнь стремишься к. Я не знаю, какой ты. Этого не знают даже те, кто совершенно уверен в том, что знают. Ты такой, какой ты есть, но могу же я надеяться, что ты такой, каким я всю жизнь хотел тебя видеть: добрый и умный, снисходительный и помнящий, внимательный и, может быть, даже благодарный. Мы растеряли все это, у нас не хватает на это ни сил, ни времени, мы только строим памятники, все больше, все выше, все дешевле, а помнить — помнить мы уже не можем. Но ты-то ведь другой, потому-то я и пришел к тебе, издалека, не веря в то, что ты существуешь на самом деле. Так неужели я тебе не нужен? Нет, я буду говорить правду. Боюсь, что ты мне тоже не нужен. Мы увидели друг друга, но ближе мы не стали, а должно было случиться совсем не так. Может быть, это они стоят между нами? Их много, я один, но я — один из них, ты, наверное, не различаешь меня в толпе, а может быть, меня и различать не стоит. Может быть, я сам придумал те человеческие качества, которые должны нравиться тебе, но не тебе, какой ты есть, а тебе, каким я тебя придумал...»

Насколько это близко к сталкеровской Зоне: «Зона — это... очень сложная система ловушек, что ли, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности. Это — Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каждый момент она такова, какой мы ее сами сделали... своим состоянием. <...> Но все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас! <...> Мне-то кажется, что пропускает она тех, у кого... надежд больше никаких не осталось. Не плохих или хороших, а... несчастных?»

А ежели внимательно прочесть все варианты сценария, то можно найти отзвуки и других произведений. К примеру, в третьем варианте сценария, уже в финальной сцене в кафе Писатель произносит такой монолог:

— ...Я представляю себе это здание в виде гигантского храма. Все, что создало человеческое воображение, фантазия, дерзкая мысль,— все это кирпичи, из которых сложены стены этого храма: философия, книги, полотна, этические теории, трагедии, симфонии... даже, черт возьми, наиболее смелые, основополагающие научные идеи. Так уж и быть... А вот вся эта ваша технология, домны, урожаи, вся эта маята-суета для того, чтобы можно было меньше работать и больше жрать,— все это леса, стропила... Они, конечно, необходимы для построения храма, без них храм был бы совершенно невозможен, но они опадают, осыпаются, возводятся снова, сначала деревянные, потом каменные, стальные, пластмассовые, наконец, но всего-навсего стропила для построения великого храма культуры, этой великой и бесконечной цели человечества. Все умирает, все забывается, все исчезает, остается только этот храм...

«ПАРЕНЬ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

Воздействие литературы на читателя многолико. Можно читать, увлекшись сюжетом, и ожидать какой-то развязки; можно читать, размышляя, а прочтя — обдумывать поданные автором интересные выводы (или делать выводы самому, исходя из посылок в прочитанном тексте); можно во время чтения сопереживать герою или героям... Чрезвычайно редко бывает, когда проза воздействует на читателя подобно поэзии: приводит душу читателя в определенное состояние. Возможно, это частное наблюдение, но когда мне надо погрузиться в меланхолию, в некое отстраненное и снисходительное восприятие действительности, я открываю «Хромую судьбу». А вот когда жизнь требует действия, причем не просто любого действия, а с куражом, с энтузиазмом и веселым нетерпением, я читаю «Парня из преисподней» (первые главы) и проникаюсь молодеческим задором. Достаточно десятка страниц. Попробуйте!

СЦЕНАРИЙ «МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

Обычно АБС сначала писали повесть (или роман), а затем, спустя некоторое время, создавали на основе этого произведения сценарий кино- или телефильма. С двумя произведениями почему-то произошло наоборот. Сценарий мультфильма, написанный АБС, позже АНС самостоятельно переработал в повесть (С. Ярославцев «Экспедиция в преисподнюю»). Второе произведение — это ПИП. Но в данном случае повесть на основе сценария писали оба соавтора.

Окончательного сценария не сохранилось, в архиве содержатся только черновые записи по поводу его, а также полный текст, в котором рукописная его часть (правка) составляет больше половины.

Приведенный ниже текст «Мальчика из преисподней» является черновиком, сделанным правкой от руки по чистовику предыдущего варианта сценария.

Аркадий **СТРУГАЦКИЙ**

МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

(сценарий)

Пролог

Ночь, озаренная вспышками выстрелов и пожарами. Горят свайные хижины, рушатся тростниковые крыши, вздымая снопы искр, тяжелые клубы дыма то взвиваются к звездному небу, то жмутся к земле, заволакивая поле боя.

Ползут, переваливаясь с борта на борт, неуклюжие броневики, обшитые грубо склепанным и нелепо раскрашенным железом, их огнеметы с коротких остановок выплевывают длинные струи огня. За броневиками, низко пригибаясь, движутся пехотинцы в конусовидных касках и полосатых балахонах. Нечленораздельный рев наступающих покрывает остальные звуки боя.

Один из броневиков внезапно оседает на задние колеса, окутывается дымом и вспыхивает. Охваченные пламенем черные фигурки выбрасываются через люки и катаются по земле.

В полукруглом окопчике сбоку от дороги, у неуклюжего гранатомета суетятся двое в коротких широких штанах и зеленокоричневых маскировочных куртках. Один — старик со сморщенной физиономией, с длинной реденькой бородкой. Другой — мальчик лет пятнадцати. На правом рукаве его куртки эмблема: оранжевый треугольник с изображением черного кота, выгнувшего спину, с красными глазами и красной оскаленной пастью.

Обмениваясь непонятными возгласами со странной интонацией[1], старик и мальчик разворачивают гранатомет навстречу приближающемуся броневику. Над их головами проносится огненная струя, позади окопа вскипает озеро пламени, и в его отсветах отчетливо видна лобовая броня металлического чудовища.

Гранатомет стреляет. Промах.

Старик трясущимися руками поднимает новую гранату. Пулеметная очередь прошивает его грудь, и он оседает на дно окопа.

Визжа от ужаса и ненависти, мальчик выхватывает гранату из мертвых рук и швыряет навстречу броневику.

Взрыв. Броневик вваливается передними колесами в окоп, расплющив гранатомет, и останавливается. В щели между листами брони высовываются языки огня.

Оглушенный и ослепленный мальчик выбирается из-под броневика и шатающейся трусцой бежит к горящим хижинам.

Пулеметная очередь. Мальчик падает, несколько секунд лежит неподвижно, затем пытается ползти.

На него надвигается новый броневик. Обляпанные грязью шипастые колеса нависают над ним.

И в этот момент от горящих хижин отделяется стремительная черная тень. Высокий и очень гибкий человек, с ног до головы затянутый в черное, в три прыжка выскакивает на дорогу, выхватывает мальчика из-под колес броневика и откатывается в сторону.

Он вскакивает с мальчиком на руках. На том месте, где он только что лежал, земля вскипает от пулеметной очереди.

Сбоку набегает ревущий солдат в полосатом балахоне и взмахивает кривым мечом. Черный человек легко отбивает удар ребром ладони по его локтю. Меч сверкающей полосой улета-

[1] Здесь и дальше одному из героев придется не раз говорить и даже петь на своем языке, непонятном землянам. Наилучшим способом воспроизвести это в звуке будет пустить магнитофонную ленту с записью обычной речи задом наперед: такой способ имитации инопланетной речи представляется нам наиболее простым. — *АНС.*

ет в темноту, а полосатый, схватившись за руку, с воем валится навзничь.

Черный человек с мальчиком на плече сбегает в темноту и бежит по болоту, расплескивая воду и раздвигая тростники. И вот уже далеко позади остались огни и громы сражения. Черный человек с безжизненным телом на плече движется через болото легко и без всякого напряжения, словно бы скользя по воде и трясине.

Впереди на фоне звездного неба появляется силуэт черного холма удивительно правильных очертаний.

С мальчиком на руках черный человек приближается к стене этого холма-купола и ударяет в нее ногой. Что-то лопается с тихим чмокающим звуком , и в стене открывается ярко освещенный овал люка.

Черный человек просовывает тело мальчика в люк, затем шагает в люк сам. Яркий свет озаряет его суровое испачканное лицо.

— Старт,— хрипло произносит он.— Немедленно.

Овал люка гаснет.

Силуэт огромного купола — космического корабля — на фоне звездного неба над болотом начинает медленно таять. Не слышно грохота двигателей, не видно вспышек из дюз. Он просто исчезает без следа, как призрак.

Затемнение. На фоне его медленно загорается надпись:

МАЛЬЧИК ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Надпись гаснет. Тьма медленно рассеивается.

Мальчик раскрывает глаза. Над ним — рубчатый, матово-белый потолок, по потолку неспешно движутся бледные радужные тени.

Мальчик медленно поворачивает голову вправо. Шагах в десяти — стена бледно лилового оттенка. И еще виден матовый, коричневый, в темных разводах, пол.

Мальчик медленно поворачивает голову влево. Вздрагивает и замирает.

Три человека сидят в креслах лицом к нему. Немолодой жилистый мужчина с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в серые брюки, белый свитер и сандалии на босу ногу. Дородная старуха в глухом черном платье, совершенно седая, с высоченной прической, с двойным подбородком. И еще один мужчина, огромного роста, огненно-рыжий, с очень белым лицом, в потертых джинсах и пестрой рубашке навыпуск, босой. И все трое молча смотрят на мальчика — спокойно и доброжелательно.

Мальчик лежит на спине на низком широком ложе, покрытом белым покрывалом, почти нагой, если не считать черных плавок. В обширном помещении, кроме ложа и кресел, нет никакой мебели. И дверей нет, а вместо одной из стен — сплошное раскрытое окно, за которым видно только чистое синее небо.

Несколько секунд мальчик, приподняв голову, смотрит на человека в свитере, на старуху, на рыжего гиганта. Затем откидывает голову на подушку и хрипло шепчет:

— Кэм дэи...

— Корней,— негромко командует старуха.

Человек в свитере наклоняется вперед и, пристально глядя мальчику в глаза, прикладывает палец к своей переносице.

— Кэм дэи! — произносит мальчик.

Глаза его расширяются, он прикованно впивается взглядом в глаза человека в свитере.

Возникает и нарастает продолжительный звенящий звук. «Кэм дэи... Кэм дэи... Кэм дэи...» — раздается все громче и громче, лицо человека в свитере заволакивается розовым туманом, слова гремят, становятся неразборчивы, сливаются с пронзительным звоном, а затем звон идет на убыль, и из шума возникают слова: «Не понимаю... Не понимаю... Не понимаю...» Звенящий звук постепенно смолкает, и в наступившей тишине мальчик отчетливо произносит:

— Не понимаю...

Человек в свитере откидывается на спинку кресла.

— Ну вот,— добродушно говорит старуха.— Теперь мы можем побеседовать. Как тебя зовут?

— Гай,— хрипло отвечает мальчик.

— Кто ты такой, Гай?

— Бойцовый Кот его сиятельства герцога Алайского...

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать...

Гай вдруг садится на ложе и судорожно ощупывает себя. Пальцы его задерживаются на двух шрамах от пуль — на груди под левым соском.

— Не понимаю,— говорит он и глотает слюну.— Был бой...

— Теперь все прошло, Гай,— произносит старуха.— Боев больше не будет. Для тебя, по крайней мере.

Некоторое время Гай молчит.

— Почему? Я был ранен... Здесь госпиталь?

— Нет.

— Все равно. Я совершенно здоров и... и...

Он озирается, ища свою одежду.

— Не торопись, Гай,— останавливает его старуха. Она поворачивает лицо к рыжему гиганту.— Объясни ему, Эрик.

— Здесь не госпиталь, Гай,— мягко говорит рыжеволосый Эрик.— Ты на другой планете, в другом мире. И тебе придется некоторое время пожить с нами...

Гай втягивает голову в плечи. Глаза его стремительно перебегают с одного лица на другое.

— Вот этот человек,— продолжает Эрик, указывая на человека в свитере,— спас тебя во время боя и взял сюда...

Гай вскакивает на ноги.

— Вы сумасшедшие! — кричит он.— Сейчас же отдайте мою одежду! Вы не смеете задерживать Бойцового Кота!

Старуха морщится.

— Терпеть не могу этого этапа...— поизносит она.— Успокойся, ребенок. В свое оправдание мы можем сказать только, что это произошло совершенно случайно...

— Ты в самом деле на другой планете,— мягко увещевает Эрик.— Ты не на Тобе, ты на Земле...

— Ложь! — кричит Гай.— Такой планеты нет! Говорите прямо! Где я? В плену?

— А на каком языке ты говоришь с нами? — спокойным и даже сонным голосом произносит Корней.

— Я...

Гай замолкает. На лице его выражение ярости сменяется изумлением, затем испугом.

— Я...— бормочет он.— Кэр поттй... Я говорю... Пэт ворра́...

Он обессиленно опускается на ложе.

Старуха, сцепив на животе пухлые ручки, глядит на Корнея, затем на Эрика.

— Ну что? — осведомляется она.— Ваши впечатления, дети?

Эрик качает головой и хмурится.

— Случай не совсем обычный, тетушка.

Корней, в вольной позе полулежащий в кресле, сообщает сонным голосом:

— Я уже пять минут пытаюсь взять его в контакт и не могу...

— А ну-ка, перестаньте хныкать, дети,— говорит старуха.— Я хочу слышать конкретное решение.

Корней резко выпрямляется и садится прямо.

— Повременим с решением, тетушка,— говорит он.— Если разрешите, я возьму его к себе на день-другой... Ты согласен, Гай? — обращается он внезапно к Гаю.

Тот вздрагивает и не отвечает. Вид у него угнетенный и обалделый. Время от времени он трет глаза и украдкой щиплет себя за ногу.

— А если в какую-нибудь группу? — спрашивает неуверенно Эрик.

Старуха и Корней переглядываются.

— В поле? — произносит Корней.

— Это идея,— одобрительно говорит старуха.— В какую, сынок?

— Это надо посчитать...

— Хорошо...— говорит старуха и поднимается.— Посчитаем. Здесь есть связь с педавоксом?

— Есть где-то...

— Пойдемте, дети...

Корней и Эрик тоже встают. Корней говорит Гаю:

— Побудь один немного. Я сейчас вернусь.

И они все трое идут к глухой стене, и стена расступается и смыкается за ними. Гай переводит глаза на кресла и в страхе забирается на ложе с ногами: кресла медленно тают в воздухе и исчезают совсем.

Совершенно пустая комната. Гай в одних плавках стоит посередине лицом к окну. Он весь в напряжении — нахохлен, кулаки сжаты, волосы дыбом.

За окном только чистое синее небо. И словно из безмерной дали доносятся сюда звуки незнакомого мира. Женский смех. Детские голоса. Непонятное позвякивание. Возникает, нарастает и вновь стихает нежная мелодия.

Гай несмело идет к окну. Ноги его подгибаются, и он опускается на четвереньки. Осторожно заглядывает вниз, отшатывается и снова заглядывает. Вдруг мимо окна справа налево тенью проносится человеческая фигура с раскинутыми руками. Мальчик отскакивает назад и садится. Сейчас же на окно наползает прозрачная рама. Начинает шуршать невидимый вентилятор.

Гай отползает на середину комнаты, поднимается на ноги. Лицо его блестит от пота, глаза бегают. В стене справа возникает большое зеркало.

Гай медленно подходит, вглядывается в свое изображение. Снова рассматривает шрамы от пулевых ранений на груди, поворачивается, ищет что-то глазами.

Зеркало исчезает, на его месте на крошечном крючке висит одежда — синие шорты и белая рубашка. Гай надевает шорты, осматривает рубашку и с отвращением отбрасывает ее. Снова поворачивается к стене. На крючке висит старая военная куртка Гая — зелено-коричневая, с оранжево-черной эмблемой на правом рукаве. Лицо Гая расплывается в улыбке, он несмело протягивает к куртке руку, оглядывается через плечо и замирает.

Брошенная рубаха ползет через комнату к противоположной стене. Гай закрывает глаза. Рубашка, приблизившись к стене, исчезает. Гай переводит дыхание, снимает с крючка куртку и облачается в нее. Роется в карманах. На губах его снова появляется счастливая улыбка. Он извлекает из кармана автоматный патрон, гребешок со сломанными зубцами и амулет — грубую статуэтку оскаленного человечка, стоящего на коленях[1].

---

[1] Любопытный мостик к «Извне»: «Это была маленькая металлическая статуэтка — странный скорченный человечек в необычной позе. Он стоял на коленях, сильно наклонившись вперед, упираясь тонкими руками в пьедестал».— *В. Д.*

Гай садится на пол, раскладывает перед собой свои сокровища и любуется. И вот возникает грохот барабана. Сначала едва слышный, он нарастает, становится все громче.

По тропе среди развалин гуськом идут солдаты в зеленокоричневых куртках, в плоских, похожих на тарелки, шлемах, все с грузом оружия и боеприпасов. А барабан грохочет все громче, к нему присоединяются визгливые флейты, и солдаты хором запевают «Марш Бойцовых Котов». И Гай тоже печатает шаг вместе с ними, придерживая на боку странной формы автомат, и тоже поет, сияя от счастья.

Он сидит, скрестив ноги, на полу в пустой комнате и срывающимся голосом одиноко поет «Марш Бойцовых Котов». Глаза его закрыты, по щекам текут слезы. Потом он обрывает песню и раскрывает глаза.

На пороге комнаты стоит Корней. Секунду он и Гай молча смотрят друг на друга. Потом Гай быстро-быстро подползает к нему на коленях.

— Домой,— шепчет он.— Я хочу домой, господин...

Корней опускается перед ним на корточки. Гай весь дрожит, в глазах его слезы. Корней берет его голову в свои ладони, принимается медленными движениями больших пальцев поглаживать его виски. Постепенно Гай перестает дрожать, успокаивается. Судорожно вздыхает. Корней ласково спрашивает:

— Успокоился?

Гай кивает.

— Тогда пошли...

Корней и Гай спускаются по лестнице в круглый зал. Здесь ни окон, ни дверей. У стен кресла и столики. Посередине зала возвышается прозрачная кабина нуль-транспортера. У одного из столиков сидят несколько мужчин и женщин и о чем-то негромко беседуют.

Пока Корней и Гай пересекают зал, раздается медный звон, и в кабине нуль-транспортера возникает пожилой мужчина в светлом костюме. Гай останавливается. Корней тоже останавливается и терпеливо ждет. Мужчина, выйдя из кабины, направляется к группе у столика. Корнея и Гая обгоняют двое

девушек, входят в кабину, набирают номер на клавишном пульте, нажимают стартовую кнопку и исчезают.

Корней легонько тянет Гая за руку. Они подходят к кабине и входят в нее.

Корней закрывает дверь и набирает на клавишной панели восьмизначную комбинацию.

— Прикрой глаза,— говорит он.— У меня там сейчас полдень.

Гай послушно прикрывает глаза ладонями. Корней нажимает стартовую кнопку. Тихий медный звон, вестибюль исчезает, и вокруг кабины мгновенно возникает залитый солнцем сад. Гай отнимает ладони от лица и вскрикивает от изумления.

— Г-где это мы? — запинаясь, спрашивает он.

— Дома,— отвечает Корней и открывает дверь кабины.

Они выходят. Гай осторожно ступает на траву. Наклоняется, трогает цветок. Наступает на цветок ногой и вдавливает его в землю. Поднимает голову.

Вперед уходит песчаная дорожка и упирается в крыльцо бревенчатого коттеджа самого обычного вида.

— Это мой дом,— как-то задумчиво произносит Корней.— Нравится?

Гай слегка пожимает плечами и переступает с ноги на ногу.

— Я сам его построил,— продолжает Корней.— Своими собственными руками. Топор, пила, молоток... Три года назад. Понимаешь, тогда было модно строить дома своими руками. Не знаю, как сейчас... Я три года провел у вас на Тобе. Пойдем.

Они поднимаются на крыльцо. Корней толкает дверь и вводит Гая в прихожую — там сейчас же вспыхивают газосветные трубки под потолком,— затем в гостиную-столовую. Это просторное светлое помещение с голыми бревенчатыми стенами, простые деревянные стулья и деревянный стол. В широкие раскрытые окна просовываются зеленые ветки.

— Прежде всего — завтрак,— произносит Корней.

Гай осторожно присаживается за стол, а Корней извлекает из стенного шкафчика тарелки, большие фарфоровые кружки и плоскую коробку с набором гастрономических тюбиков.

— Вот как это у нас делается,— говорит Корней.

И Гай с вытаращенными от изумления глазами следит, как выдавленные из тюбиков на тарелки разноцветные колбаски концентратов вздуваются и застывают пенистой массой, превращаются в желе, коагулируют в сочные дымящиеся куски мяса, распадаются на аппетитные ломтики в озерцах соуса, а в кружках странным образом разбухают и льются через край струями молока и кофе.

— Приступай,— приглашает Корней и сам берется за вилку и нож.

Гай, повернувшись к нему спиной и поставив тарелку на колени, с робкой жадностью уписывает эти яства.

— Вкусно?

Гай кивает с набитым ртом.

— Возьми вот этого желе,— обычным своим ленивым голосом советует Корней.— Подбавь немного мясного соуса, размешай и положи кусочек пудинга...

Голос Корнея заглушается нарастающим грохотом барабана, тает и исчезает столовая, расплывается, словно в тумане, лицо Корнея, и вот Гай уже в жалкой заброшенной хижине, тускло озаренной самодельным светильником, среди солдат в зелено-коричневых маскировочных куртках, а снаружи льет дождь, течет вода сквозь дырявую крышу, и один из солдат, угрюмый бородатый детина, делит треугольный сухарь по числу товарищей...

Грохот барабана обрывается, видение исчезает. Гай обеими руками осторожно ставит тарелку на стол и встает.

— Если господину угодно, я больше не могу есть,— говорит он, опустив глаза.— Я очень сыт и благодарю господина.

Корней вводит Гая в соседнее помещение.

— Это мой кабинет,— говорит он.— Здесь я занимаюсь.

Такая же просторная, такая же светлая комната[1], те же бревенчатые стены. Но в одну стену встроен большой круглый эк-

[1] Это комната-слуга, комната-робот, совершенный механизм, не только действующий по определенной программе, не только выполняющий мысленные приказы обитателя, но и следующий его эмоциональным колебаниям.— *АНС.*

ран, стена напротив увешена «трофеями» хозяина — черепами и шкурами чудовищных животных, добытых на других мирах, а рядом с дверью тускло отсвечивает металлическая штора, запирающая нишу в полтора человеческих роста. Посередине комнаты стоит длинный низкий стол с серебристой поверхностью[1], по сторонам его — глубокие покойные кресла.

Гай во все глаза разглядывает «стену трофеев».

— Страшные звери, верно? — говорит Корней и валится в одно из кресел.— Вот этот клыкастый взят на Яйле... есть такая неуютная планетка. Хитрущее животное. Представь, глубокой ночью подкопался под барьер и проник в лагерь. Большой устроил переполох... А вон тот, с зубчатым бивнем, напал на мой вездеход. Это тоже было на Яйле...

— А это? — спрашивает Гай, указывая на широкий чехол, размалеванный причудливыми узорами, из которого торчит странно изогнутая рукоять.

— Это оружие,— отвечает Корней.

— Я могу посмотреть?

— Конечно.

Гай, придерживая одной рукой чехол, извлекает из него нож с извилистым лезвием.

— Хорошее оружие,— с видом знатока произносит Гай.— Только рукоять какая-то неудобная.

— А это потому, что у кентаврян рука устроена не так, как у нас.

— У кен... У кого?

— Нож этот мне подарил вождь одного племени, обитающего на планете Кентавр-три. Нам удалось спасти его племя от гибели.

— Война?

— Нет. Наводнение. Разлилась большая река.

Гай вкладывает нож обратно в ножны.

— Да, господин,— произносит он со вздохом.— Вы живете хорошо на вашей планете. Нет войны, нет голода. Все есть. Мно-

[1] Собственно, это не стол, а один из миллионов элементов всемирной системы информации и связи, управляемый биотоками.— *АНС.*

го еды, ничего не нужно делать. Можно даже ногами не ходить...

Корней нехотя смеется.

— Поэтому вы можете охотиться на других планетах,— продолжает Гай,— спасать племена на других планетах, потому что на вашей планете вам делать все равно нечего. А у нас война, и снова война, и опять война... Мы все время очень заняты.

Корней качает головой.

— Ошибаешься, Гай, дружок. И кроме того, было время, мы тоже воевали. И как воевали! Гораздо страшнее, чем вы. И самые свирепые войны у нас были как раз за то, чтобы прекратить войны навсегда.

Гай почтительно, но недоверчиво склоняет голову.

— Если господин так говорит...

— Повернись к экрану.

Гай послушно поворачивается лицом к круглому экрану на стене. Корней легким движением поводит ладонью по поверхности стола. Перед экраном, скрыв его, возникает изображение. Это должен быть батальный эпизод из кинохроники Великой Отечественной войны или из хорошего военного фильма: столкновение танковых армий, взятие Берлина, воздушный бой... Кабинет наполняется грохотом, лязгом брони, воем снарядов.

Гай смотрит, широко раскрыв глаза, ноздри его раздуваются, рот приоткрыт. Корней сбоку посматривает на него. Гай начинает трястись мелкой дрожью, он бормочет что-то на своем языке, сжимает кулаки. Изображение гаснет.

Некоторое время длится молчание. Потом Гай вдруг низко кланяется.

— Прошу господина меня извинить. Я позволил себе усомниться. Я был неразумен и несправедлив к господину. Тем более что господин спас меня...

— Пустяки,— рассеянно ответствует Корней.— Иногда мы спасаем целые народы... целые планеты...

Корней и Гай гуляют по саду. Вечереет. Корней вышагивает медленно, склонив голову и заложив руки за спину. Гай, стараясь ступать в ногу, неуклюже шагает рядом.

— Кто же победил? — спрашивает вдруг он.

— Где? — не сразу отзывается Корней.

— В этой великой войне... которую господин мне показал...

— Как видишь, мы.

— Да. Да, конечно,— говорит Гай и после паузы произносит торжественно: — Вы были великие бойцы.

— Мы и сейчас неплохие бойцы...

— Да. Да. Да. Вы могли бы раздавить Полосатых, как клопов. Стереть их в порошок. Вытравить, выжечь, развеять по ветру...

Корней молчит.

— Великий герцог выразил бы вам благоволение,— слегка дрожащим голосом произносит Гай.

— Неужели? — произносит Корней рассеянно.

Некоторое время они шагают молча.

— Великий герцог наградил бы вас высшими орденами! — уже почти исступленно произносит Гай.— Клянусь Черным Зверем,— он прикасается левой рукой к эмблеме на правом рукаве,— великий герцог возвысил бы вас над всеми! Он держал бы вас справа от своего сердца! Если бы вы помогли нам...

— Мы и так помогаем вам, дружок, честное слово. Война у вас скоро кончится, вот увидишь...

Гай молча переваривает это сообщение.

— Я могу задать вопрос? — спрашивает он.

— Задавай, дружок.

— Победим мы?

— Конечно, вы. Не великий герцог, не император, а именно вы: простые алайцы и краманцы. И наступит вечный мир.

— Господин говорит непонятное,— холодно возражает Гай.— Так не может быть.

— Почему?

— Мира не будет, пока жив хоть один краманец. Они все должны быть уничтожены.

Корней пожимает плечами, сворачивает с дорожки и идет через поляну. Мрачный Гай следует за ним. Они останавливаются у кабины нуль-транспортера.

— Ты меня прости,— говорит Корней.— Совершенно упустил из виду. Вот это устройство называется нуль-транспортер.

С его помощью можно почти мгновенно перенестись в любую точку мира... конечно, где установлены такие вот кабины. Ты сегодня утром уже перескочил таким образом из Виннипега сюда, в Заволжье.

Гай слушает с напряженным вниманием.

— Раньше мы передвигались и перемещали грузы по дорогам, на воздушном транспорте, на ракетах. Теперь надобность в этом отпала. Ты входишь в такую кабину, набираешь на пульте номер места назначения, нажимаешь на стартовую кнопку — миг! — и ты точно в такой же кабине на другом конце света. Понимаешь?

Гай трясет головой — то ли понимает, то ли нет.

— Ну, как бы тебе объяснить...— Корней оглядывается, затем, словно прямо из воздуха, извлекает полоску бумаги.— Вот, смотри. Предположим, ты находишься на этом конце полоски, и тебе нужно попасть на другой конец. Раньше приходилось проделывать весь путь вдоль полоски из конца в конец. А нуль-транспортер мгновенно складывает полоску концами вместе — вот так...

Корней показывает, но Гай уже не слушает его.

— И так можно попасть в любое место в мире? — спрашивает он сдавленным от волнения голосом.

— Да.

— Хоть на другой конец света?

— Правильно.

— И... и на другие планеты?

Корней смотрит на него, прищурившись.

— Совершенно верно. На Луну, на Марс, на Венеру. На крупные спутники. На астероиды. Куда угодно.

Ночь. Полная луна озаряет сад. Корней спит в гамаке. Шагах в десяти от него лежит на матрасике, закутавшись в одеяло, Гай. Он не спит — невидяще глядит в светлое от луны небо блестящими глазами.

Раннее утро. Сад оглашается разноголосым птичьим щебетом. Гай приподнимается, несколько секунд смотрит на спя-

щего Корнея. Тихонько встает, натягивает штаны и свою маскировочную куртку и на цыпочках идет к дому.

Входит в кабинет, снимает со стены кентаврийский нож, засовывает за пояс и возвращается в столовую. Секунду стоит в нерешительности, затем подходит к стенному шкафчику, берет несколько коробок с гастрономическими наборами, заворачивает в скатерть и со свертком под мышкой выходит из дома.

Корней безмятежно спит, покачиваясь в гамаке.

Гай, воровато оглядываясь, прокрадывается к кабине нультранспортера. Прощальным взглядом обводит сад и небо над головой, входит в кабину, кладет сверток на пол и закрывает дверь.

С неподвижным от внутреннего напряжения лицом он медленно нажимает наудачу клавишу за клавишей. Набрав восьмизначную комбинацию, он зажмуривается и надавливает пальцем на стартовую кнопку.

Сад и летнее утро вокруг кабины мгновенно сменяются черно-белой озаренной полярным сиянием арктической ночью[1]. Сугробы, нагромождение торосов. Метет поземка, протяжно завывает ледяной ветер. Гай озирается со страхом и недоумением. Возле кабины воткнуты в сугроб две пары лыж. И сквозь вой ветра то ли чудится ему, то ли действительно доносится откуда-то тихий голос:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять...

Гай снова наудачу щелкает клавишами и нажимает стартовую кнопку.

И снова вокруг все меняется. Он в кабине в каком-то тускло освещенном помещении. Это низкий тоннель с серыми бетонными стенами, вдоль которых тянутся какие-то трубы и толстые кабели. Тоннель освещен редкими лампами, концы его

[1] Слово «арктический» означает «находящийся в Арктике». А до этого Гай находился в Заволжье, и было лето. Так что в Арктике — полярный день.— *В. Д.*

скрываются в сумрачном тумане. Гай настороженно озирается, и вдруг на лице его появляется выражение крайнего удивления. Он слегка подпрыгивает, и это ничтожное усилие подбрасывает его под потолок кабины[1]. Ударившись головой, он начинает медленно падать, раскорячившись и испуганно хватая воздух руками. А давешний голос теперь уже внятно произносит в тишине:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять...

Раздается звонкое клацанье. К кабине приближается высокий парень в комбинезоне, жгучий брюнет со здоровенным горбатым носом и веселыми глазами. Клацают по металлическому полу магнитные подковки на его огромных башмаках. Гай, не глядя на пульт, торопливо набирает какой-то новый номер.

— Ты что, юноша, заблудился? — участливо спрашивает парень. Гай мотает головой. Большой палец его ложится на кнопку.

— Где это я? — спрашивает он.

— На Дионе,— отвечает парень, улыбаясь.

— На Дионе... Это что такое?

— Спутник Сатурна, малограмотный. Чему вас теперь учат? Тебе-то куда надо?

— На Тобу! — отвечает Гай со злостью.

— На Тобу! — Парень протяжно свистит.— А ну-ка, вылезай, поговорим...

Но Гай нажимает стартовую кнопку.

Медный звон, и снова все меняется. Вокруг туманная полутьма, в которой угадываются какие-то циклопические конструкции, а далеко внизу хлещут бесшумные водопады расплавленного металла и отчетливо видны черные фигурки людей,

---

[1] Так выглядит невесомость, если глядеть на космонавтов по телевизору. Но ведь невесомость — это состояние непрерывного падения. Какое там «выражение крайнего удивления»! Он почувствовал бы себя так, словно из-под него вышибли пол, и он летит в пропасть! — *В. Д.*

неторопливо и спокойно расхаживающие по этому прирученному аду.

Гай в тупом отчаянии закрывает глаза. Тихий голос произносит:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать...

Палец Гая послушно нажимает на клавиши: семь, три, ноль...

И вот Гай снова в саду, озаренном утренним солнцем. Разноголосо щебечут птицы. Безмятежно спит в своем гамаке Корней. Гай нагибается, чтобы поднять с пола сверток, и в это мгновение тихий голос произносит снова:

— Твой обратный номер: семьсот тридцать шестьдесят один триста девять.

Голос исходит из крошечного матового шарика, лежащего между свертком и стенкой кабины. Гай поднимает шарик, осматривает его и слегка сжимает пальцы. С легким треском шарик распадается в пыль. Несколько секунд Гай стоит неподвижно, глядя на пустые пальцы. Затем поворачивается и смотрит на Корнея.

Корней спит, покачиваясь в гамаке.

Корней и Гай в столовой заканчивают завтрак. Промакивая губы салфеткой, Корней говорит:

— Сегодня я буду занят, Гай. А чтобы тебе не было скучно, я хочу познакомить тебя с Драмбой. Он очень забавный, послушный, много знает. С ним можно гулять, играть, разговаривать. Хочешь?

— Как будет угодно господину,— покорно говорит Гай.

— Пойдем.

Они встают и проходят в кабинет, останавливаются перед металлической шторой. Корней нажимает защелку, и штора с легким треском сворачивается, открывая нишу в стене.

Гай вскрикивает от ужаса, хватает Корнея за руку и падает на колени. В нише, расставив косым крестом руки и ноги, стоит огромная неподвижная фигура. Корней смеется и поднимает Гая на ноги.

— Не бойся, дружок,— говорит он ласково.— Это всего лишь робот. Старый добрый Драмба[1].

— Робот...— повторяет Гай. Он все еще жмется к Корнею.— Слово знаю. Что значит — не знаю. Человек?

— Нет. Робот — это машина. Очень сильная, ловкая, выполняет все приказания людей. Но может и думать, запоминать, разговаривать...

— Робот — раб?

— Гм... В известном смысле. Но мы не любим это слово. Впрочем, в наше время роботов почти не осталось. В них теперь нет нужды. А вот лет пятьдесят назад мы брали их с собой в космос, они хорошо послужили нам, особенно на больших планетах... Вот этот Драмба ходил в экспедиции еще с моим дедом...— Корней ласково хлопает Драмбу по боку.— Старый добрый Драмба!

Гай тоже нерешительно дотрагивается до робота.

— Почему он не двигается?

— Выключен. Сейчас мы его включим.

Корней щелкает переключателем на металлическом поясе Драмбы, отступает назад и плавно проводит ладонью по воздуху на уровне одинокого «глаза» в круглой решетчатой голове. «Глаз» наливается зеленоватым светом. Гай судорожно вздыхает и пятится. Драмба опускает руки и сдвигает ноги. Голова его медленно поворачивается из стороны в сторону.

— Все в порядке, Драмба? — спрашивает Корней.

— Все в порядке, Корней,— отзывается робот монотонным басом.

— Выходи.

Драмба выступает из ниши и останавливается.

---

[1] Робот Драмба играет заметную роль в фильме. Следует, вероятно, подобрать высокого широкоплечего артиста и облачить его в цветной костюм для подводного плавания. На руки — трехпалые перчатки, на талию — широкий пояс из металлических пластин, на голову — глухой яйцевидный шлем с дырчатым узором для обзора и дыхания и с лампой во лбу, имитирующей «глаз». Костюму следует придать «подержанный» вид — обозначить на нем следы повреждений, шрамы, потертости и т. д.— *АБС.*

— Драмба, это Гай,— говорит Корней,— Он — мальчик с другой планеты. Он никогда не видел роботов и даже не знал, что это такое. Ты будешь с ним играть, гулять и разговаривать. Ты будешь его слушаться. Ты меня понял, Драмба?

— Я тебя понял, Корней,— произносит Драмба. Его «глаз» устремлен на Гая.— Очень хорошо, Гай. Мы будем с тобой играть, гулять и разговаривать. Я буду тебя слушаться.

Гай настороженно подходит к роботу и глядит на него снизу вверх.

— А если ты не будешь меня слушаться,— произносит он сдавленным от волнения голосом,— тебя снова выключат, клянусь Черным Зверем!

Жаркая заволжская степь — окраина огромного, кипучего, полного жизни и энергии мира. Далеко за горизонтом поднимаются в ясное небо серо-белые силуэты необыкновенных зданий, и гряда этих силуэтов, причудливая, вещественная и вместе с тем по-воздушному легкая, охватывает степь с запада чуть ли не в половину горизонта. Временами среди этих призрачных форм вспыхивают и мгновенно исчезают ослепительно-яркие точки, целые серии точек...

Гай и Драмба стоят на вершине плоского холма и смотрят на город.

— Город,— монотонным голосом говорит Драмба.— Волгоград. Он стал больше с тех пор, как я в последний раз видел его. Тебе не разглядеть, Гай, а мне видно, как текут людские потоки по висячим садам над Тракторным Музеем...

— Пойдем,— нетерпеливо прерывает его Гай и сбегает с холма, путаясь ногами в высокой траве.

Драмба спускается следом за ним. Они останавливаются перед широкой полосой великолепного шоссе, прямого как стрела, прорезающего степь от горизонта к горизонту. Видно, что шоссе этим никто давно не пользуется. Кое-где покрытие потрескалось, сквозь трещины пробивается трава, а местами желтеют на нем наносы песка.

— Дорога? — спрашивает Гай.

— Дорога,— отзывается Драмба.— Туда,— он показывает на запад,— она ведет на Волгоград, на Киев, на Варшаву... Туда,—

он показывает на восток,— она ведет на Караганду, на Улан-Удэ, на Мукден... Когда-то по ней днем и ночью неслись машины, миллионы машин, а теперь она стала не нужна, в целом мире никто больше не пользуется дорогами. Зачем они, когда есть нуль-транспорт!

Гай ступает на дорогу, стучит каблуком по покрытию. Вдруг с неба доносится веселый смех, женский голос звонко кричит:

— Орел, Ястреб, Коршун! Догоняйте, что же вы?

Мужские голоса откликаются:

— Мы спешим, Летучая Мышь! Не уйдешь! Бери правее, Наташка! Держись Волги!

Гай задирает голову и, прикрывшись ладонью от солнца, силится разглядеть в синеве летящих людей.

— Вот они,— говорит Драмба, указывая трехпалой рукой.

Но Гай так ничего и не разглядел. Голоса, перекликаясь, удаляются, и вскоре вновь наступает тишина.

— Летают,— произносит Драмба.— Раньше редко можно было видеть летающего человека. Все меняется. Времена меняются.

Гай вдруг испуганно восклицает:

— Что это?

В невообразимой дали, позади далеких силуэтов башен и эстакад Волгограда, медленно взмывает в небо странная серая фигура — нечто совершенно исполинских размеров — описывает гигантскую дугу в небе и снова скрывается за горизонтом. После недолгого молчания Драмба отвечает:

— Не знаю. Никогда не видел такого. Я говорю тебе: времена меняются. Люди не хотят успокаиваться.

Гай озирается, поеживаясь.

— Пойдем домой,— говорит он и, повернувшись, идет обратно.

Драмба послушно следует за ним, но Гай снова останавливается.

— Слушай, Драмба,— говорит он.— Какой номер я должен набрать в кабине, чтобы вернуться на Тобу?

— Нуль-транспортеры не годятся для перехода в другие планетные системы,— педантично отвечает Драмба.

— А что годится?

— Машины, именуемые звездолетами.

— Звездолеты... Тоже знакомое слово. Это корабли?

— Да.

— Где достать звездолет?

— Невозможно. Нужна специальная подготовка и санкция комитета[1].

Гай прищурившись глядит на робота.

— А ну! — говорит он резким неприятным голосом.— Разве ты не видишь, раб, что я устал? Возьми меня на плечи и неси домой!

Драмба поднимает Гая на плечи и трогается в обратный путь.

— Живее! — кричит Гай.— Пошевеливайся, раб!

Сад. Драмба стоит навытяжку. Гай в своей военной куртке расхаживает перед ним, заложив руки за спину.

— Ты должен вбить в свою железную башку,— говорит он,— что я, капрал Гай, являюсь твоим непосредственным командиром, а высшей и непререкаемой властью для нас с тобой является его сиятельство великий герцог Алайский. Понял, образина?

— Я тебя понял, Гай,— монотонно отвечает робот.

— Я тебе не Гай! — орет Гай.— Отвечай: так точно, господин капрал!

— Так точно, господин капрал.

— То-то же. Кто я?

— Капрал Гай.

— Господин! Господин капрал Гай! Повтори, скотина!

— Господин капрал Гай.

— А кто для нас высшая и непререкаемая власть?

— Его сиятельство герцог Алайский.

— Правильно. Хвалю. Отвечай: рад служить!

— Рад служить.

Гай останавливается перед роботом, набирает полную грудь воздуха и орет, надсаживаясь:

— Его сиятельству великому герцогу — четырежды ура!

— Ура. Ура. Ура. Ура,— монотонно произносит робот.

---

[1] Видимо, Комитета Галактической Безопасности.— *В. Д.*

— Громче, раб!

— Ура! Ура! Ура! Ура!

Гай невольно морщится, трясет головой и прочищает ухо пальцем. Затем отходит в сторону и командует:

— Слушай команду! Пр-рямо! Ш-шагом! Мар-рш!

Драмба, высоко вскидывая ноги и держа руки по швам, шагает через поляну.

— Р-раз! Р-раз! Р-раз, два, три! — командует Гай.

Слышится нарастающий грохот барабана. Гай вприпрыжку бежит рядом с Драмбой, стараясь не отставать.

— Р-раз! Р-раз!

И вдруг грохот барабана обрывается. Драмба останавливается перед стеной сада.

— Пр-рямо! — сипло кричит Гай.— Вперед!

Драмба одним толчком проламывает стену и продолжает маршировать по заросшему кустарником полю.

— Р-раз! Р-раз! — ликующе вопит Гай.— Р-раз, два, три!

Драмба шагает, топча и выворачивая кусты. И снова грохочет барабан, к нему присоединяются флейты, хор солдатских голосов затягивает «Марш Бойцовых Котов». Исчезает поле, заволакивается багровым дымом небо. Драмба марширует, гоня и избивая бегущих в панике врагов в конусовидных касках и полосатых балахонах. Навстречу ему выкатывается броневик, но Драмба опрокидывает его. Навстречу ему высовывается неуклюжая пушка на трех колесах, но Драмба растаптывает ее. Оглушительно грохочет барабан, оглушительно визжат флейты, оглушительно ревут солдатские глотки...

И вдруг громовой голос Корнея:

— Стой, Драмба!

И сразу все стихает, исчезает видение. Драмба словно врастает в растерзанный кустарник. Гай оборачивается. В проломе стены стоит Корней. Гай, тяжело дыша, сверкая глазами, подбегает к нему.

— Здесь командую я! — хрипит он.— Я!

Он шатается и трясет головой.

— Прошу прощения, господин,— виновато произносит он и силится улыбнуться.— Мы с Драмбой играем...

Корней спокойно говорит:

— Пора обедать, Гай. Ты заигрался. И между прочим: роботы не годятся в солдаты. Они устроены так, что не могут причинить вред человеческому существу.

Поздний вечер. Корней и Гай сидят на ступеньках крыльца. Рядом неподвижной глыбой застыл Драмба, его одинокий «глаз» слабо светится в темноте.

— Конечно, мне жаль расставаться с тобой, дружок, но так тебе будет лучше,— говорит негромко Корней.— Ребята они славные, и тебе не будет с ними так скучно...

— Как угодно господину,— почтительно-покорно произносит Гай и, помолчав, спрашивает: — Много их там?

— Трое или четверо. Все твои сверстники. Боевые ребята.

Гай оживляется.

— Боевые? Солдаты?

— Нет,— серьезно говорит Корней.— Они не солдаты. Не такие, как ты, во всяком случае. Но они смелые и много умеют. Им предстоит ходить на неведомые планеты, а там бывает очень опасно.

— Что они делают?

— Учатся.

— Школяры? — презрительно спрашивает Гай.

— Н-ну, что-то в этом роде.

— Только пусть не пробуют задираться. Бойцовые Коты никому не дают спуску, клянусь Черным Зверем!

— Ты с ними подружишься. К ним иногда приходит звездолет...

Гай вздрагивает.

— ...может быть, они возьмут тебя с собой на Луну, на Марс... посмотришь другие миры...

С минуту длится молчание.

— Да,— говорит Гай.— Я думаю, мне с ними и вправду не будет скучно. Только...

— Что?

— Нельзя ли мне взять с собой Драмбу?

— Бери. Дарю его тебе.— Корней поднимается.— Пора спать, дружок,— говорит он.

Солнечный день. Сад. Корней и Гай молча идут по песчаной дорожке к кабине нуль-транспортера. За ними неслышной походкой движется Драмба. Корней, не глядя, протягивает в сторону руку ладонью вверх, с ветки на ладонь падает яблоко. Корней протягивает яблоко Гаю.

— Хочешь?

Гай отрицательно мотает головой. Корней очень обычным для нас движением обтирает яблоко и откусывает от него. Они подходят к кабине. Первым в кабину входит Драмба. Гай задерживается на пороге и оборачивается к Корнею.

— Если они будут задираться,— предупреждает он,— я их так отделаю, что век будут помнить, клянусь Черным Зверем...

Корней успокоительно кивает ему с набитым ртом. Прожевав и проглотив, он произносит:

— Все-таки ты будь помягче с ними. В сущности, они неплохие ребята.

Гай входит в кабину. Корней, бегло взглянув на солнце, говорит:

— Через две минуты на их меридиане будет ровно полдень...

Он протягивает руку через плечо Гая и быстро щелкает клавишами на панели, затем отступает, закрывает дверцу и поднимает руку в прощальном приветствии.

Гай кланяется ему, поворачивается к нему спиной и нажимает стартовую кнопку.

Исчезает сад, исчезает Корней, исчезают стены кабины. Гай и Драмба стоят на блестящем металлическом диске в два метра диаметром в центре широкой полукруглой поляны на берегу реки, с трех сторон окруженной лесом. В десятке шагов от обрывистого берега разбита палатка и стоит длинное низкое здание без окон с плоской крышей и стенами из гофрированного металла. Слева от палатки натянут полосатый тент, под ним — обеденный стол, несколько табуреток, массивный кубический ящик с никелированными ручками. Слева у опушки возвышается приземистая шестигранная башня. Справа у опушки торчит высокая суставчатая мачта, на вершине которой медленно вращается дисковидное зеркало.

Перед палаткой, расставив ноги и уперев руки в бока, стоит русоволосый, могучего сложения парень лет пятнадцати-шестнадцати, босой, в распахнутой на груди голубой куртке и голубых же шортах. Над левым нагрудным карманом — белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР-211».

Гай ступает с диска в траву, делает несколько шагов и останавливается перед пареньком, уперев руку в бок и отставив правую ногу. Высокомерно оглядев паренька с головы до ног, он произносит:

— Привет. Меня зовут Гай. Я из Бойцовых Котов, второй легион.

Парень, обнажив в улыбке великолепные зубы, поднимает руку:

— Добро пожаловать, Гай. Меня зовут Володя. Я из школы Прогрессоров. Механик и вообще мастер на все руки. Группа «Гулливер — двести одиннадцать».

— Кто у вас здесь начальник? — высокомерно спрашивает Гай.

— Начальник? — удивляется Володя.— У нас нет начальников.

— Ну, не начальник, так командир...

— И командиров нет...

— Ты что, здесь один?

— Пока один.

— М-м... А где остальные?

— Сегодня прибудут.

Гай пожимает плечами.

— Ладно, это не мое дело. Короче, где я здесь буду жить?

— Где тебе угодно,— говорит Володя.— Хочешь со мной? Вон в палатке...

— С тобой так с тобой...— пренебрежительно произносит Гай и, пройдя плечом вперед мимо Володи, направляется к палатке. У входа в палатку он останавливается и, повернувшись, командует: — Рядовой Драмба! Пост номер один — здесь! На пост шагом мар-рш!

Драмба марширует мимо Володи к палатке и неподвижно застывает на «посту».

Гай огибает палатку и неторопливо выходит на обрыв. Под обрывом тянется неширокая полоса песчаного пляжа. Гай смотрит налево. Тихая глубокая река медленно течет между лесистыми берегами. Гай смотрит направо. Там река делает поворот и скрывается за деревьями. Насвистывая любимый марш и рассеянно озираясь, Гай мочится с обрыва, повернувшись спиной к зрителю.

Подходит Володя.

— Хочешь искупаться? — спрашивает он.

— Еще чего...— отзывается Гай, застегиваясь.

— Есть хочешь?

— Могу.

— Пошли.

Они возвращаются к палаткам. Володя на ходу показывает:

— Там склад и мастерская (гофрированное здание). Там энергостанция (шестигранная башня). Уборная вон там, за энергостанцией, в следующий раз не спутай...

Они подходят к тенту.

— Здесь столовая,— продолжает Володя.— Вот этот сундук — УБК, универсальный бытовой комбайн. Умеешь пользоваться?

Гай качает головой.

— Гм... Беда. Это полевая машина, анализатор здесь биоточный. Впрочем...— Володя сдвигает панель на крышке комбайна. Открывается овальное углубление с фарфорово-белой поверхностью.— Нужно прижать сюда кончики пальцев и отчетливо представить себе, что тебе нужно... Чего, например, тебе сейчас хочется?

— Ну, чего... Ну, мяса какого-нибудь, молока...

— Погоди. Мяса... Упрись сюда пальцами.

Гай с опаской протягивает руку и опускает пальцы в углубление.

— Теперь представь себе хороший кусок мяса... его вкус, запах... какое оно поджаристое... Представил?

Гай неуверенно кивает.

— Другой рукой нажми кнопку сбоку... Эту, эту, правильно.

Гай нажимает кнопку. Передняя стенка комбайна с легким звоном откидывается. В нише на полке стоит тарелка. Володя

берет ее, принюхивается и с сомнением смотрит на Гая. Гай заглядывает в тарелку. Безобразные осклизлые комья весьма злокачественного вида. От комьев поднимается пар. Володя и Гай смотрят друг на друга и снова смотрят в тарелку.

— М-да...— произносит Володя.— Что-то здесь... Впрочем, может быть, тебе это...

Гай энергично трясет головой и сплевывает в сторону.

— Сам ешь такое дерьмо,— злобно говорит он.

Володя со вздохом бросает тарелку в низкий бак рядом с комбайном.

— Это называется мусоросборник,— сообщает он.— Туда бросают грязную посуду, грязное белье... вообще все использованное. Ну, ладно. Не огорчайся, научишься. Немножко воспитать воображение... Так чего ты хотел? Мясо, молоко... хлеб, конечно...

Володя, с привычной механической ловкостью управляя комбайном, извлекает из ниши тарелку с мясом, кружку с молоком и хлеб в корзинке.

— Вот так я представляю себе мясо, молоко и хлеб,— объявляет он, выставляя все это на стол.— Ешь.

Гай садится за стол, но к еде не прикасается. Он исподлобья глядит на Володю.

— Да, извини,— спохватывается тот и поворачивается к Гаю спиной.

Гай принимается за еду.

— Таким же способом комбайн дает одежду и обувь,— говорит Володя, рассеяно озирая поляну.— Ты переодеваться будешь?

— Еще чего...— ворчит Гай, уплетая мясо с хлебом.

— Смотри, сейчас жарко.

— Не беспокойся.

Гай залпом отпивает полкружки и спрашивает:

— Слушай, а где остальные?

— Вот-вот должны быть...

— Что вы здесь делать собираетесь? Вас сюда сослали?

— Нет. Мы здесь учимся. Вернее, готовимся к экзаменам.

— Да,— произносит Гай пренебрежительно.— Я забыл. Вы же школяры...

— Вроде того. Сдадим вот экзамены, потом еще годик поучимся, еще раз сдадим экзамены, и выпустят нас Прогрессорами первой ступени. Знаешь, что такое Прогрессоры?

— Корней — Прогрессор,— уклончиво говорит Гай.

— Корней! Корней — знаменитый Прогрессор. Или Эрик, мой воспитатель... Таких на Земле немного. А чем занимаются Прогрессоры — знаешь? Мы ускоряем прогресс на обитаемых планетах. Помогаем местным цивилизациям преодолевать критические точки...

Гай перестает жевать.

— Что преодолевать?

Володя объясняет:

— Существуют цивилизации, хиреющие из-за опустошительных войн, из-за бедности природных ресурсов, из-за нестабильности космических условий. Тут появляемся мы, Прогрессоры. Мы прекращаем войны. Предотвращаем глобальные катастрофы. Утихомириваем слишком ретивых правителей... помогаем местным ученым, изобретателям. Если это у нас получается, целые народы проходят крупные повороты истории почти безболезненно...

Гай криво улыбается.

— И что вы с этого имеете? — спрашивает он.

Володя открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент над поляной раздается медный звон.

На металлическом диске посередине поляны возникает хорошенькая девушка тех же лет, что Володя и Гай, в легком белом платьице, с огромной алой розой в каштановых кудряшках. У ног ее стоит объемистый ящик, обтянутый серебристой тканью.

— Здравствуйте, мальчишки! — кричит она.

Гай, приоткрыв рот, растерянно таращится на нее. Володя подбегает в ней, легко подхватывает ящик за откидную ручку.

— Неси к столовой,— говорит она.— Ужасно проголодалась, и переодеться надо... Кстати, меня зовут Галка, и я — ваш координатор.

Они подходят к тенту. Володя ставит ящик, а Галка, остановившись перед Гаем, с дружелюбным любопытством разглядывает его. Гай багровеет, сердито хмыкает и отводит глаза. Хватает кружку и залпом допивает молоко.

— Это Гай,— поспешно говорит Володя.— Он тобианин...

— О! — восклицает Галка.— Мальчик из преисподней!

— Я тебе не мальчик,— хриплым баском произносит Гай.— Я солдат, а не мальчик...

— Правильно,— подтверждает Володя.— Он — Бойцовый Кот. А я — Володя, механик.

— Славно,— говорит Галка. Она извлекает из кудрей розу и кладет на стол, затем стягивает через голову платье, оставшись в трусиках и лифчике, и швыряет платье в мусоросборник.— Палатку мне поставь, пожалуйста, вон там, поближе к мачте...— Она с привычной легкостью сдвигает панель на крышке комбайна, кладет пальцы в овальное углубление и щелкает кнопкой. Передняя стенка комбайна откидывается, и Галка извлекает из ниши голубую куртку и голубые шорты, такие же, как на Володе.— Больше пока никого нет?

— Пока никого,— отвечает Володя.

Галка надевает куртку, застегивается и натягивает шорты. Над левым нагрудным карманом та же белая надпись полукругом: «ГУЛЛИВЕР-211». Оглядывает себя, смотрит на Володю.

— Все впору?

— Загляденье,— говорит Володя серьезно.

— А ты как считаешь? — Галка поворачивается к Гаю.

Тот, красный как рак, бормочет что-то неразборчивое.

— Он тоже в восторге,— говорит Володя.

— В таком случае с этой минуты я приступаю к исполнению своих обязанностей. Прежде всего я поем. Голодный координатор — стихийное бедствие.

Она в два счета добывает из комбайна тарелку каши и стакан молока и усаживается напротив Гая.

— Ты что сдаешь, Володя? — спрашивает она.

— Да я, собственно, задание свое уже выполнил,— отвечает Володя и обводит рукой вокруг себя.— Я ведь здесь уже месяц. Эрик попросил остаться до конца, лагерь у меня примут в последнюю очередь...

— У тебя тоже воспитатель Эрик?

— Угу... А ты что сдаешь?

Галка допивает молоко, собирает свою и Гаеву грязную посуду и бросает в мусоросборник.

— Штурманское дело мне сдавать,— говорит она со вздохом.— Практику.

— Сочувствую,— кивает Володя.— Если нужно будет, помогу.

— Еще как нужно будет... Ну, хорошо. С чего начнем? Да! Палатка. Поставь мне, пожалуйста, палатку. А я тут пока побеседую с Гаем. Ты ведь не против, Гай?

Гай все время глазеет на Галку, но когда она поворачивается к нему, отводит глаза.

— Можно и побеседовать...— хрипло бурчит он.

Володя уходит. Галка садится рядом с Гаем на стол, ставит ноги на табурет и наклоняется, рассматривая эмблему на правом рукаве маскировочной куртки.

— Это что у тебя? — спрашивает она.

— Черный Зверь...

— Очень зловещее животное.

Гай угрюмо молчит.

— Что ты собираешься делать?

Гай криво усмехается и молча пожимает плечами.

— А что ты умеешь?

Гай смотрит в сторону.

— А чего ты хочешь?

Гай искоса взглядывает на нее и отводит глаза. Галка вздыхает.

— Ты очень разговорчивый парень, Гай,— говорит она и спрыгивает со стола.— Ладно. Пойдем. Бери мой сундук.

Гай угрюмо встает и берется за ручку серебристого ящика. Замирает в недоумении. Напрягается и с трудом поднимает. Снова ставит.

— Тяжело? — сочувственно осведомляется Галка.— Тогда оставь. Потом Володя принесет.

— Кирпичей туда наложила, что ли? — хрипло ворчит Гай.

Он выходит из-под тента и кричит зычным командирским голосом:

— Рядовой Драмба, ко мне!

В мастерской Володи. Обширное помещение, уставленное машинерией в аккуратных футлярах размером от большого

сундука до маленького чемодана. Вдоль гофрированных стен тянутся стеллажи, занятые химической посудой, причудливыми приборами, картонными коробками с реактивами.

Володя сидит под яркой лампой перед небольшой чертежной доской и очень быстро и точно вычерчивает какую-то деталь на листе из прозрачного материала[1]. Гай сидит рядом на огромном футляре, болтает ногами и разглагольствует. Володя слушает внимательно, подает реплики.

— ...Ну, кончился штурм,— рассказывает Гай.— Взяли мы Аргараган. Как водится, пленных погнали тушить пожары, а нас выстроили на площади. Стоим, все ощетиненные от ярости, еще ищем глазами, кого бы пырнуть в брюхо, и вдруг по рядам шу-шу-шу... Герцог приехал!

— Ну-ну? — произносит Володя.

— Вот тебе и ну-ну. Выкатывает на площадь бронеход, выходит из него его высочество и кричит нам: «Слава вам, благодарю, мои Бойцовые Коты!» У меня так слезы и брызнули, клянусь Черным Зверем! — Гай истово хлопает левой рукой по эмблеме на правом рукаве.

— Верю,— серьезно говорит Володя.

— И пошел он вдоль строя, и каждому пожал руку. И мне тоже.

Гай замолкает. Глаза его полузакрыты, он улыбается сладостному воспоминанию. Володя с интересом следит за ним.

— Вот тогда герцог и произнес свои знаменитые слова,— говорит Гай, помолчав.— «Воздух Тобы ядовит, пока им дышит хоть один полосатый». И этим он призвал уничтожить всех краманцев до единого.

— И женщин тоже?

— Женщины врага — законная добыча солдата.

— И детей?

— Великий герцог сказал: дети врага будут рабами наших детей.

---

[1] Как следует из дальнейшего, он чертит рейсфедером, т. е. тушью. Это вместо того, чтобы подготовить чертеж на компьютере... Наверное, Володя для работы прогрессором обучается древней технологии (ну, вроде производства кремневых рубил или разведения огня палочками).— *В. Д.*

— М-да...

Володя заканчивает чертеж и снимает его с доски.

— Ну-ка, Гай, сойди на минутку...

Гай спрыгивает с футляра. Володя поднимает крышку, вкладывает чертеж в узкую щель и, отщелкав на клавишной панели комбинацию цифр, поворачивает рычажок. Раздается слабое гудение, свет лампы на несколько секунд меркнет. Володя сдвигает боковую стенку футляра и извлекает из него причудливую металлическую деталь. Гай восхищенно качает головой.

— Что это? — спрашивает он.

— Это? — Володя критически оглядывает деталь со всех сторон.— Это, брат, всего-навсего буфер отдачи. Есть такая штука в страхующих системах реакторов. В нашем реакторе она что-то зашалила, вот мы ее и заменим... А хороша игрушка, а? Чистый кадмий!

Но внимание Гая устремлено на машину.

— А, это? Это универсальный форматор. В снаряжении Прогрессоров все должно быть универсальным — и бытовые комбайны, и машины... Ты делаешь чертеж, вкладываешь сюда, в приемное окно, набираешь шифры... материал, масштаб и прочее... нажимаешь на пусковой рычажок, и все готово...

— Удобная машина,— задумчиво произносит Гай.— Эх, если бы...

— Что?

— Ничего. Это я так.

Поздний вечер. Над черной стеной леса всходит луна. Гулливеровцы и Гай сидят у костра. Галка и Володя молча глядят в огонь, Гай молча поглядывает на Галку. Вдруг Володя тихонько произносит:

Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж, не беда...

Он замолкает, сдвигает брови, ища рифму. Галка подхватывает:

Уходят из гавани Дети Тумана.
Уходят. Надолго? Куда?

Володя бросает очередное двустишье:

В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит...

Галка поет чистым звонким голосом:

Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли...

— Правильно,— говорит Володя и вскакивает.— Пусть это будет песня. Погоди, я сейчас. Готовь следующий куплет...

Он скрывается в темноте и сейчас же возвращается с «концертоном», музыкальным инструментом в виде блестящего стержня длиной в полметра. Он садится, упирает «концертон» левой ладонью в правое колено и начинает легонько водить мизинцем по поверхности «концертона». Звучит мелодия, сначала неуверенная, затем все более определенная .

— Давай,— командует Володя.

Галка поет:

Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал...

Володя подхватывает:

И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал...

Мелодия звучит громко, уверенно, и гулливеровцы поют уже в два голоса:

И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов...[1]

[1] Мы взяли эту песню, потому что она написана нами. Можно, конечно, подобрать и другую.— *АНС.*

Песня кончается. Володя еще раз проигрывает мелодию и откладывает «концертон».

— Неплохо получилось,— говорит он.

Галка поворачивается к Гаю.

— Тебе понравилось?

Гай отворачивается и пожимает плечами.

— У нас не такие песни,— говорит он.

— А ты спой нам что-нибудь свое,— предлагает Володя.— Как, споешь? — Он снова берет «концертон».

И вдруг раздается длинный шипящий звук и хлопок, словно откупорили бутылку шампанского. Володя оглядывается.

— Ага, звездолет...— произносит он.

Гай всматривается, заслонившись ладонью от света костра. Посередине поляны из ночного воздуха возникает силуэт звездолета — фосфоресцирующая конусовидная масса. Вспыхивает ярко освещенный овал люка, тоненькая фигурка спрыгивает на траву, раздается задорный юношеский голос:

— Спасибо! Не заблудитесь среди звезд!

Низкий мужской голос отзывается:

— Ни пуха ни пера, маленький Прогрессор!

Овал люка гаснет. Силуэт звездолета медленно тает и исчезает без следа, а в свете костра появляется маленький смуглый курчавый парнишка в глухом черном комбинезоне с капюшоном, откинутым на спину. Секунду он разглядывает сверстников, затем плашмя падает перед костром ничком и произносит, указывая пальцем:

— Я вас знаю. Ты — наш координатор по имени Галка. Ты — наш механик по имени Володя. Ты — тобианский Бойцовый Кот по имени Гай.

Володя смеется. Галка спрашивает:

— А ты?

— Я...— курчавый гибко и мгновенно переливается в сидячее положение.— Я очень несчастный человек. Зовут меня Жак. Можно звать Яшкой. Я буду сдавать контакт при невозможных обстоятельствах.

— Да,— говорит Володя, покачивая головой.— Тебе придется тяжело.

— А объект? — спрашивает Галка.

Жак поднимает растопыренную пятерню и медленно поворачивает ее над головой, словно антенну локатора. Совершив четверть оборота, пятерня замирает.

— Он уже здесь,— удовлетворенно произносит Жак.

— Он уже три дня здесь,— говорит Володя.

Жак живо поворачивается к нему.

— Ты его видел?

Володя отрицательно качает головой. Жак внимательно всматривается в его лицо.

— А,— говорит он.— Ты...

— Вот именно.

— Галка знает?

— Еще бы,— говорит Галка.— Это же сразу видно.

— А тобианина ты берешь?

— Я всех беру,— говорит Володя, улыбаясь.

— Так что у тебя за объект? — спрашивает Галка.

— Иноб.

— Впервые слышу.

— Иноб, о прекраснейшая из координаторов, есть не что иное как Инопланетный Оборотень.

Галка восхищенно хлопает в ладоши.

— Непременно покажешь мне!

— Непременно...— Жак замолкает и всматривается в темноту поверх ее головы.— Затем вскакивает.— Откуда здесь это старье? — спрашивает он.

В лунном свете стоит по стойке «смирно» гигантский силуэт Драмбы.

— Это мой раб,— сердито говорит Гай.— Он делает все, что я пожелаю!

— Да ну? — весело удивляется Жак.— А зачем? Почему ты сам не делаешь все, что пожелаешь?..

— Тебя не спросил,— огрызается Гай свирепо.

Жак с размаху плюхается на зад рядом с ним.

— Не обижайся, Бойцовый Кот. Это я так шучу. Если сердишься, задай мне трепку. Мне это полезно...

Гай для порядка бурчит что-то себе под нос и отворачивается. Галка грозит Жаку пальцем, Жак смиренно наклоняет голову и видит «концертон».

— О! — Он оживляется.— Идея! Мы устроим концерт в честь прибытия Жака для сдачи экзамена в лагерь «Гулливер — двести одиннадцать». Между прочим, больше никого не ждите. Я последний. Но меня вам за глаза хватит... Так как насчет концерта? Маленького концерта в два-три номера, а?

Володя, посмеиваясь, берет «концертон».

— Будешь петь, Гай? — спрашивает он.

— Не буду,— бурчит Гай.

— А если я попрошу? — вкрадчиво произносит Галка.

Гай отворачивается.

— Давай так,— предлагает Галка.— Я станцую, а ты споешь.

Гай искоса смотрит на нее.

— Соглашайся, Гай,— шепчет Жак.— Даю тебе слово, у нас в школах Прогрессоров все девчонки танцуют так, что... что... ну, сравнить не с кем. Это в программу обучения входит. На предмет очаровывания инопланетных аборигенов...

— Я очень хорошо танцую, Гай,— произносит Галка, придвигаясь к нему и заглядывая ему в глаза.— Соглашайся...

— Ладно,— ворчит Гай.— Идет. Посмотрим, как ты танцуешь...

Галка вскакивает.

— «Золотой вальс», Володя! — командует она.— Начинай.

Она убегает в темноту. Володя начинает играть. И вот над поляной медленно разливается голубое сияние. От мачты, крутясь в танце, на середину поляны выбегает Галка в бальном белом платье. Гай как зачарованный смотрит на нее и вдруг протирает глаза, снова смотрит, трясет головой... Нет, ему не померещилось. Ноги танцующей девушки отделяются от земли, и вот она уже несется, кружась по воздуху, а «концертон» звучит все громче, звуки наливаются силой, торжеством, а Галка уже несется высоко в звездном небе, на мгновение заслоняет луну... Затем движение ее замедляется, музыка успокаивается, затихает, слабеет, и в тот момент, когда Галкины ноги вновь касаются земли, стихает совсем. Галка делает реверанс.

Жак вскакивает, подбегает к ней и, взяв за кончики пальцев, церемонно подводит к костру.

— Несравненно,— произносит он, и Володя одобрительно кивает.

— Хорошо я танцую, Гай? — спрашивает Галка.

Гай гулко глотает и откашливается.

— Ничего не скажешь,— произносит он.— Сроду я такого не видел и не знал даже, что такое бывает.

— А теперь твоя очередь,— говорит Галка.— Пой. Спой какую-нибудь свой песню, все равно какую...

И Гай, закрыв глаза, заводит дикую тоскливую песню на своем языке. Мелодия странная, но Володя с поразительной быстротой подхватывает ее. И исчезает костер, исчезают гулливеровцы, возникает бескрайнее ковыльное поле под низким серым небом, и тихонько посвистывает сквозь музыку ветер. Гай в расстегнутой маскировочной куртке сидит посреди поля, а рядом, положив ему на колени растрепанную голову, лежит девушка в платье из грубой холстины — мешок с вырезами для рук и головы,— и Гай поет, а по запрокинутому лицу девушки катятся слезы. И тускло отсвечивает брошенный в ковыль автомат.

Гай замолкает. Гулливеровцы с серьезными лицами смотрят на него.

— Все,— мрачно произносит Гай, поднимается и уходит прочь.

Небольшая поляна в глухом лесу. Утро. Гай валяется в траве, покусывая веточку. Рядом с ним стоит навытяжку Драмба.

— Звездолет, звездолет,— бормочет Гай.— Единственный способ. А их трое. Ну, девчонка не в счет. Все равно, двое на одного. Правда, Жак этот — парень хлипкий, с ним-то я живо справлюсь. А вот Володя...

Он переворачивается на живот.

— Драмба!

— Слушаю, господин капрал!

— Давай музыку. Что-нибудь задумчивое.

Звучит «Танец маленьких лебедей».

— Как нам захватить звездолет?

— Не могу знать, господин капрал.

— Не могу знать, не могу знать... Дубина. Ты смог бы их перебить?

— Никак нет, господин капрал. Робот не может причинить вред человеку.

— Тоже мне солдат... Эх, оружие бы мне! Оружие!

Он поднимается, несколько секунд стоит, задумавшись, потом достает из кармана единственный автоматный патрон, подкидывает на ладони, снова прячет.

— Выключи музыку!

Музыка смолкает.

— Пойдем, колода. Ведь все равно управлять звездолетами ихними я не научен...

Лагерь гулливеровцев. Солнечный день. Неподалеку от лесной опушки расположились Жак и Гай. Жак, босой, в красных трусиках, работает с прибором, похожим не то на бинокулярный микроскоп, не то на стереокинокамеру. Гай в расстегнутой куртке валяется рядом на траве, заложив руки за голову. Над ним стоит Драмба и обмахивает его зеленой веткой.

— А потом? — с интересом спрашивает Жак.

— А потом меня выперли из школы.

Жак воздевает руки к небу.

— За что? — патетически восклицает он.

— Вот спроси их — за что,— говорит Гай.— Директор остался жив-здоров. Парня того, правда, отвезли в больницу, но ведь через неделю выпустили... А пожар — ну что пожар? Все равно в ту же зиму в первый же налет весь квартал в пыль разнесли гады полосатые...

— Да,— говорит Жак,— несправедливо с тобой поступили.

— Конечно, несправедливо! Ну, я потом нашел себе компанию, и мы этому полицейскому устроили веселую жизнь, будь здоров...

Слова Гая заглушаются нарастающим грохотом барабана. Звучит удалая расхлябанная музыка явно блатного пошиба.

Худые грязные руки двенадцатилетнего Гая проворно и ловко собирают нечто вроде самострела. В сопровождении десятка парней самого хулиганистого вида — опухшие от пьянства морды, прилипшие к нижней губе сигареты, мохнатые шарфы на шеях — он поднимается по осклизлой лестнице и выходит из подвала на улицу. Трущобы, всюду горы мусора, окна с выбитыми стеклами, рваное тряпье на оконных решетках. Гай устанавливает самострел в нише подвального окна, наклады-

вает толстую стрелу, обмотанную паклей, затем протягивает поперек улицы веревку.

По улице идет огромного роста полицейский в форме с многочисленными пуговицами, в квадратном головном уборе с плюмажем. Он угрожающе глядит на кучку хулиганов, столпившихся в подъезде, и помахивает дубинкой со зловещим крюком на конце. И вдруг задевает ногой за веревку. Самострел срабатывает. Стрела, выброшенная стальной тетивой, чиркает по огниву и, охваченная пламенем, втыкается в обтянутый зад полицейского. Полицейский с ревом крутится на месте, а стрела пылает, разбрасывает разноцветные искры, испускает черный дым.

Гогочущие парни хлопают Гая по плечам и спине, в жестяную кружку льется из бутылки мутная жидкость. Гай пьет, давится, кашляет и снова пьет...

Тишина. Видение пропадает.

— И ты пил? — спрашивает Жак.

— Хе!

— Разреши пожать твою руку. Я восхищен,— говорит Жак.

— Ладно, ладно,— самодовольно произносит Гай.— Ты держись за меня, со мной не пропадешь.— Он с хрустом потягивается.— Эх, жизнь солдатская! Слушай, а выпить у вас тут нету?

— Вина? — с готовностью осведомляется Жак.

— Вина... Покрепче чего-нибудь нету?

Жак воровато оглядывается и, понизив голос, говорит:

— Есть спирт!

Гай вскакивает.

— Что же ты раньше-то молчал? Пошли!

Жак прищурившись смотрит на солнце.

— Сейчас без пяти двенадцать...— говорит он.— Эх, грешить так грешить. Пошли.

Они быстрым шагом идут через поляну.

— Ты и вправду будешь пить спирт? — с интересом спрашивает Жак.

Гай хохочет.

— Не бойся, мимо рта не пронесу...

В мастерской полутемно. Жак и Гай расположились недалеко от входа на кубических футлярах, в руках у них стаканы.

Гай уже слегка на взводе, и Жак рассматривает его с наслаждением. Глаза его блестят.

— Прежде всего — дружба! — разглагольствует Гай.— Друг солдата — это, браток, такое дело... Вы этого здесь не понимаете. Когда мы штурмовали Аргараган, горящие бревна летали над нашими головами как пташки! Половина ребят полегло... Ты бы там полные штаны навалил... Но ты хороший парень, я вижу. Ты мой друг. Если кто тебя тронет, ты мне только скажи... Я быстро!

Он заглядывает в свой стакан, затем в стакан Жака.

— Давай еще выпьем...

Жак разводит руки.

— Нету больше, увы...

— Жаль. Тогда закурим.

— Этого тоже нету.

— Тьфу,— произносит Гай.— Ладно, перебьемся.— Он смотрит на Жака и толкает его в плечо.— А ты ничего, крепкий паренек. Хочешь в мое капральство? Драмба — правофланговый, а ты лево... левофланговый. Но! Боевые качества. Нет-нет, я не знаю твоих боевых качеств, поэтому не могу. Не могу! Извини.

— Ну как же так? — притворно-плачущим голосом канючит Жак.— Ты же обещал, это нечестно...

— Ну хорошо,— говорит Гай.— Ладно. Беру. Рукопашный бой. Ты как?

— Не знаю, что и сказать.

— Мозгляки вы здесь все. Пойдем, я тебе покажу. Разовью в тебе боевые качества. Сам. Пошли.

— А это не больно? — спрашивает Жак.

— Не бойсь, я так, вполсилы. Пойдем.

Едва они выходят на солнце, Гай наносит Жаку страшный удар под ложечку. То есть, нанес бы, если бы Жак не увернулся с непостижимой быстротой.

И начинается драка. Собственно, это не совсем драка, потому что Гаю никак не удается прикоснуться к противнику. Жак невероятно ловок и увертлив. Они наскакивают друг на друга, и каждый раз Жак в последний момент проскальзывает у Гая под рукой или прокатывается под ногами. Рассвирепев, Гай швыряет в Жака увесистым булыжником, но Жак ловко ловит

булыжник перед самым своим лицом и как мячик бросает его обратно Гаю. Гай не удерживает булыжник и роняет его себе на голую ногу. Это окончательно выводит его из себя. Лицо его залито потом, искажено ненавистью, он тяжело, с хрипом дышит и ругается на чем свет стоит. Жак же молчит, лицо его спокойно, и дышит он легко и свободно.

На вопли Гая из-за энергостанции выходят Володя и Галка. Увидев, что происходит, они сейчас же останавливаются. Не сделав ни единой попытки вмешаться, они с видимым интересом наблюдают за этой странной дракой. Галка даже садится на траву и, положив локоть на книгу, подпирает подбородок кулачком.

Гай снова и снова бросается на Жака, снова и снова промахивается и наконец спотыкается и падает. Галка звонко смеется, запрокидывая лицо.

— Это и есть рукопашный бой? — осведомляется Жак.— И ведь действительно ни капельки не больно...

Гай встает. Лицо его ощерено от ярости. Он наклоняется, словно готовясь к прыжку, выхватывает из-под куртки кентаврийский нож и точным отработанным движением швыряет в Жака. Все происходит в одно мгновение. Володя стрелой бросается между Гаем и Жаком, пытаясь поймать нож, но не успевает и плашмя падает на траву. Жак молниеносно поворачивается к Гаю боком, но уклониться все же не может. Нож вскользь чиркает его поперек груди. Льется кровь.

— Двойку нам с тобой по гимнастике, Володька,— со вздохом произносит Жак.

Гай уже опомнился. Он стоит, бессмысленно расставив руки, а Галка, подбежав к Жаку, деловито осматривает рану, поворачивает Жака лицом от солнца (и спиной к зрителям) и с сосредоточенным лицом принимается оказывать помощь — брови ее сдвинуты, на верхней губе выступила от напряжения легкая испарина. Володя, стряхивая с куртки приставшие травинки, подходит к Гаю и недовольно произносит:

— Действительно, распустились мы с этим экзаменом, я совершенно реакцию потерял. В мешок превратился...— Затем, покосившись в сторону Галки и Жака, тихо говорит Гаю: — А ведь ты всерьез хотел убить Жака. Зачем же так? Нехорошо...

Гай втягивает голову в плечи и робко подступает к Жаку.

— Ребята, я не нарочно...— заунывно тянет он, уставившись в его голую спину.— Вот что хотите делайте, не нарочно, клянусь Черным Зверем... Жак, тебе больно, а?

Жак, улыбаясь во весь рот, поворачивается к нему, и Гай застывает с открытым ртом: от кровавой раны на груди Жака осталась едва заметная царапина. Гай тычет в нее дрожащим пальцем:

— К-как это? Ч-что это? Г-где...

Жак обнимает его за плечи.

— Все это пустяки,— говорит он.— Я сам виноват. Растренировался. И потом, разве можно дразнить Бойцового Кота?

Гай сразу приосанивается.

— Ясно, нельзя! Я знаешь как разозлился?

— Ладно, пойдем, ты мне еще что-нибудь расскажешь...

А Галка оглядывает себя. Ее голубая курточка безнадежно заляпана пятнами крови.

Берег реки. Володя и Гай в плавках лежат на песчаном берегу и смотрят, как плещется в воде Жак.

— Не-ет,— говорит Гай.— Я эту воду не люблю. Я в ней, понимаешь, тону. Да у нас ее никто не любит. Помню, раз переправлялись мы...

— Дурачок,— ласково перебивает его Володя.— Смотри, как Яшка плавает. Чем ты хуже его? Давай, я тебя научу...

Гай мотает головой. Жак у противоположного берега ныряет. С минуту его не видно, и вдруг он выползает из воды рядом с Гаем и Володей, бросается ничком между ними и ложится щекой на песок.

— Сома видел на дне,— говорит он.— Отличный сом...

— А что с того, что я плавать не умею? — воинственно говорит Гай.— Зато вы, поди, оружия в руках сроду не держали, у пистолета дула от рукояти не отличите...

— Да,— соглашается Володя.— Тут ты нас уел. Насчет оружия у нас, знаешь, не очень...

Жак произносит, не поднимая головы:

— Да и зачем нам оружие? Мы же Прогрессоры...[1]

— Погоди...— Гай растерялся.— Тогда какого беса вы к нам суетесь, ежели вы без оружия? А если на вас нападут? Народ у нас сердитый...

— Что делать,— говорит Володя.— Нападут — будем защищаться. В крайнем случае, погибнем. Не мы будем первыми...

Гай хмурится.

— Этого я не понимаю,— решительно произносит он.— Я вот как солдат вам скажу...

— Мальчишки! — над ними голос Галки.

Они оборачиваются. Галка стоит на краю обрыва.

— Обедать, мальчишки! — командует она.

Лагерь гулливеровцев. Ранний вечер. Гай с меланхолическим видом бредет вдоль опушки по краю поляны, за ним бесшумно вышагивает могучий Драмба. Полная тишина, в лагере не видно ни души.

Вдруг в плечо Гая ударяет желудь. Он сейчас же отскакивает в кустарник, пригибается и настороженно оглядывается. Раздается смех. Над его головой на ветке огромного дуба сидит, свесив ноги, Галка.

— Ты чего? — неловко произносит он.

— Ничего... Испугался?

— Чего там — испугался... Ты что там делаешь?

— Как видишь, танцую и пою. Лезь сюда...

Гай с изрядной сноровкой карабкается на дуб и усаживается рядом с Галкой на ветке верхом.

— Смотри, какой закат...— тихо говорит Галка.

За рекой багряное солнце медленно опускается за зубчатую кромку леса. Некоторое время Галка молчит, затем спрашивает:

---

[1] Понятие «прогрессоры» в этом сценарии появляется впервые (следующий раз — в ЖВМ через полтора года), в исходном, чистом как слеза виде. Парень-механик, мастер на все руки, который не знает, как может использоваться «толстостенная короткая трубка с изогнутой нарезкой на внутренней поверхности»... Непонятно, как эти детишки сообразили в конце, что это на них такое наставили? Описать этих блаженных сколько-нибудь реалистично не получилось даже у Авторов.— *В. Д.*

— Тебе у нас хорошо?

Гай не отвечает.

— Грустишь по дому?

Гай судорожно вздыхает.

— Ты знаешь,— говорит он,— дома у меня была одна девушка...

— Да?

— Ага. Я ее очень любил. И она меня... тоже любила. Только...

— Что?

— Не знаю. Наверное, убили ее...

Галка поворачивается к Гаю и проводит ладонью по его волосам. Гай замирает.

— Ничего,— говорит Галка шепотом.— Скоро там все кончится, и ты вернешься...

Гай, осмелев, обнимает ее и пытается притянуть к себе. Она упирается локтем ему в грудь.

— Не надо, солдат. Это совсем не годится.

Гай произносит упавшим голосом:

— Я хотел только...

— Ты хотел целоваться, я понимаю. Но во-первых, ты мог бы и подождать несколько лет...

— А во-вторых?

— Во-вторых, увы, ты мне пока не нравишься.

И Галка, словно ртуть, соскальзывает с ветки и мягко, как кошка, спрыгивает в траву.

Лагерь гулливеровцев. Утро. Физическая разминка. Галка, Жак и Володя проделывают головоломные упражнения, какие в наше время можно увидеть разве что на арене цирка. Гай тоже делает зарядку — естественно, много более скромную, при этом физиономия его надутая и брюзгливая, словно его заставляют заниматься бог весть какими глупостями.

Берег реки. Гулливеровцы кувыркаются в воде, ныряют и плавают. Гай, поеживаясь и повизгивая, заходит в воду по пояс и, заткнув уши и нос пальцами, изо всех сил зажмурившись, окунается несколько раз и спешит обратно на берег.

Столовая под полосатым тентом. Завтрак. Вся четверка с мокрыми после купания волосами с аппетитом уписывает котлеты, кашу, сметану, запивая еду кофе из больших дымящихся кружек.

— Володя, ты мне до обеда будешь нужен,— произносит Галка между двумя глотками.— Никуда не уходи, пожалуйста...

— С удовольствием,— отзывается Володя.

— Жак, что у тебя. Опять пойдешь к Инобу?

— Угу...— Жак отпивает кофе.— Четвертый раз, прекраснейшая из координаторов. Четвертый раз за... а... э... за десять дней. Заметьте это себе, друзья мои, а потом донесите славу о великом Жаке до отдаленнейших миров обозримой Вселенной! Между прочим, Гай, сегодня ты идешь со мной.

Гай вздрагивает.

— Куда?

— К Инобу. К несравненному Инопланетному Оборотню. Тебе надлежит попрощаться с ним, скоро он отбывает.

Гай вытаращивает глаза.

— Чего прощаться-то? Я его сроду не видел...

— Странно, он о тебе так много лестного рассказывал... Так пойдешь?

— Ну... пойду...

— Только без Драмбы. Ты же знаешь, что Драмбу он не любит.

Гай осторожно ставит кружку на стол и обводит всех глазами. Володя ободряюще кивает ему, Галка равнодушно смотрит в сторону.

— Я его ни разу в глаза не видел, твоего Иноба,— говорит Гай.— Что ты мне голову морочишь?

— Там разберемся,— произносит Жак и встает.

— Хорошо координатору, когда в группе всего три человека...— говорит Галка.

Гай и Жак идут по лесу. Жак мелодично насвистывает, подражая птичьему щебету, Гай с сердитым лицом плетется следом за ним. Жак оглядывается на него.

— Ну? — произносит он, весело скаля зубы.— Что ты дуешься, как мышь на крупу, юный тобианин?

— Потому что мне кажется, что ты меня дурачишь,— отвечает откровенно Гай.

Лицо Жака становится серьезным.

— Вот уж нет,— говорит он.— Ты мог заметить, что я не прочь подурачиться и повеселиться при случае, но только не на работе...

— А кто тебя знает, когда у тебя работа, когда нет...

— Уверяю тебя, сейчас у меня работа.

Они молча идут дальше. Солнце, пробиваясь сквозь листву деревьев, пятнает их лица и полуголые тела золотыми зайчиками.

— Пришли,— едва слышно произносит Жак.

Они выходят на крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Посередине прогалины возвышается огромный, в половину человеческого роста, муравейник.

— Здравствуй, Оборотень! — громко говорит Жак.— Горячего тебе солнца и воды в достатке!

Скрипучий старческий голос отзывается словно бы из муравейника:

— Тебе тоже, милый Жак... О, я вижу, и Гай с тобой явился. Будь здоров, Бойцовый Кот Гай... Или как ты себя назвал? Бывший Бойцовый Кот Гай...

Гай растерянно смотрит на муравейник, потом озирается, потом смотрит на Жака. Тот едва заметно подмигивает.

— Э... а... Да. Бывший... это... Здравствуйте,— говорит Гай.— Я, собственно... просто так, попрощаться...

— Да. Да. Я помню.— Скрипучий голос на секунду смолкает.— Ты обещал зайти и попрощаться... зайти и попрощаться... А! Вспомнил. В прошлый раз я никак не мог вспомнить...

Гай, приоткрыв рот, глядит на муравейник. Жак пристально смотрит на него.

— Как трудно в вашей части Вселенной,— продолжает Оборотень.— Почему-то слабеет память... Да. Да. Что-то делается с памятью. Поэтому мы не можем долго...

— Вот и у меня тоже... что-то такое с памятью...— произносит Гай осипшим голосом.— Совершенно уже забыл, когда мы встретились впервые...

— Когда? Это было... это было... Если считать от этого дня, ты пришел впервые ко мне двадцать два дня назад...

Гай закрывает рот ладонью и оглядывается на Жака. Тот молчит.

— Это был последний день дождливого сезона,— продолжает Оборотень.— После этого дожди шли редко и коротко, поэтому я запомнил... Когда ты уходил, ты попрощался, и я думал, что ты больше не придешь...

— Я... я не знал,— говорит Гай.

— Но потом ты пришел еще...

— Угу...

— И сегодня ты пришел в третий раз...

— Отдохни, Оборотень,— быстро говорит Жак.— Ты стал быстро утомляться, а нам еще предстоит длинная беседа...

— Что ж, я рад... Ты уверен, что за мной прилетят через тринадцать дней?

— Совершенно уверен. И нам еще предстоит встретиться три раза.

— Нам с тобой... А Гай?

— А Гая прощается с тобой, ты его больше не увидишь.

— Что ж, рад был встретиться с тобой, Гай. Бывший Бойцовый Кот Гай. Прощай. Я и вправду устал и хочу отдохнуть...

Жак легонько толкает Гая в бок и кивком просит его уйти. Не сводя глаз с муравейника, Гай пятится за сосны.

Тяжело дыша, испуганный и рассерженный Гай продирается через кустарник и выбегает на поляну. Окидывает взглядом лагерь. Все, как прежде. Торчит у палаток парней невозмутимый Драмба. У входа в свою палатку сидит, скрестив ноги, перед столиком-информатором Галка, рядом сидит, обхватив колени, Володя. Оба смотрят на круглый экран, висящий в воздухе над столиком.

Гай решительно направляется к ним. Когда он подходит, Володя, не оглядываясь, предупреждающе поднимает ему навстречу ладонь. Гай останавливается. По экрану ползут, сменяя друг друга, странные формулы, записанные непонятными символами. Галка, закусив губу, легко скользит пальцами по зеркальной поверхности столика.

— Поправка на куб-сигму...— тихонько произносит Володя.

Галкины пальцы дрогнули, формулы на экране заплясали, спутались и исчезли. Экран пуст. Галка с огорченным вздохом откидывается назад, уперев руки в траву.

— Ничего,— утешает Володя,— Почти получилось... И это еще самый трудный случай...

Галка оглядывается и видит Гая.

— Это все солдат виноват! — произносит она, капризно выпятив губу.— Пришел, бросил на меня тень... Знает ведь, что я все время о нем думаю!

Володя легко вскакивает на ноги, расправляет затекшие плечи.

— Ты чем-то расстроен, Гай,— говорит он.— Что случилось?

Гай мрачно смотрит на них.

— Там эта... муравьиная куча...— сбивчиво говорит он.— Я ее в первый раз вижу... А она говорит — третий! И еще двадцать дней назад, а я здесь всего тринадцать...

Галка тоже поднимается, она и Володя внимательно слушают.

— И главное, говорит, будто я сказал...— так же сбивчиво продолжает Гай,— будто я — бывший Бойцовый Кот! Подлая дрянь!..

— Правда? — восклицает Галка.— Он так и сказал — «Бывший»?

— Подлая дрянь...— сердито повторяет Гай.

— Да ведь это чудесно!

Галка хватает Гая за руки и кружит его вокруг себя, пританцовывая на месте и во все горло распевая веселую песенку.

Володя, смеясь, смотрит на них и вдруг настораживается, словно бы прислушиваясь.

— Чу! — говорит он.— К нам гости...

На поляну из лесу выезжают верхом на конях двое: худенькая черноволосая девушка в коротком розовом хитоне и широких красных штанах до колен на белом коне и статный плечистый парень в индейских штанах с бахромой — на саврасом. Заметив гулливеровцев, девушка машет рукой и кричит:

— Эхой! Здравствуйте! Мы не помешали?

— Нет! — отзывается весело Галка.— Гостите!

Девушка и парень спешиваются, хлопком ладони по шее отправляют коней пастись и идут к гулливеровцам. (Кони без седел и без уздечек.)

— Здравствуйте,— повторяет девушка, подходя. В ее правом ухе сверкает сережка.— Меня зовут Ида, его Раджаб...

— Галка, Гай, Володя,— представляет и представляется Володя.— Будете отдыхать, обедать?

Раджаб отрицательно качает головой. Ида говорит:

— Нет, мы в походе...— Она с интересом осматривается.— О, да у вас здесь рабочий лагерь? Сдаете экзамены?

— Сдаем,— отзывается Галка.— мучаемся...

— А мы только вчера сдали. Мы Строители. Я из новотульской школы, Раджаб из бухарской...

— А мы Прогрессоры,— отвечает Володя.— Галка из центрального прометеума, я из минской школы. Гай...

— Садитесь,— поспешно приглашает Галка.

Все садятся в траву. Гай устраивается за широкой спиной Володи.

— Откуда и куда? — спрашивает Галка.

— Из Ржева в Псков,— отвечает Ида.— Такая была скачка! Отмахали сегодня сто с лишним километров... Так вы Прогрессоры? Интересно! У меня нет ни одного знакомого Прогрессора...

— Теперь есть,— говорит, улыбаясь, Володя.

Ида искоса глядит на него и снова обращается к Галке:

— Как у вас сдают экзамены? Как везде?

Галка всплескивает руками. Раджаб смеется:

— Ида, откуда Галке знать, как сдают везде?

— У меня штурманская практика,— объясняет Галка.— По роли я координатор и пилот группы. Через неделю сюда прибудет мой воспитатель и вручит мне запечатанный конверт с заданием. Затем прибудет звездолет...

Гай вытягивает шею, чтобы лучше слышать.

— Да,— говорит Ида.— У нас немножко не так... Задание нам вручают сразу... вернее, выдает стохастическая машина... И ты поведешь звездолет на ту звезду, которая указана в задании?

— На базу,— поправляет Галка.— Может быть, она в нашей системе, а может быть, в какой-нибудь другой...

— Понятно,— говорит Ида.— А ты? — обращается она к Володе.

Тот молчит, глядя на нее с улыбкой. У нее расширяются глаза, маленький рот приоткрывается.

— Так ты...— начинает она и замолкает. Затем она вновь окидывает лагерь взглядом.— Так мы почти коллеги,— говорит она со смехом.— Ты, оказывается, тоже Строитель...

Она опять замолкает. Они с Володей смотрят друг другу в глаза.

— Пожалуйста,— говорит она и отстегивает от мочки правого уха сережку.— Пусть будет на память...— Она бросает сережку Володе.— Сдублируй.

Тот подхватывает сережку на лету, вскакивает и идет к мастерской. Заинтригованный Гай, так ничего и не поняв, вприпрыжку бежит за ним.

В мастерской Володя склоняется над одним из футляров. Сдвигает боковую стенку. За ней оказывается выпуклая металлическая крышка.

Гай тихонько входит в мастерскую и останавливается за спиной Володи. Володя, полуобернувшись, показывает ему сережку. Это великолепный брильянт величиной с горошину.

— Нравится? — спрашивает Володя.

— Очень...

— И мне очень.

Володя поднимает выпуклую крышку и кладет сережку в неглубокий прямоугольный ящик. Закрывает крышку. Звонкий щелчок. Открывает крышку. В ящике лежат две сережки.

— Что это? — шепотом спрашивает Гай.

— А? — Володя берет обе сережки и оглядывает их.— Это мультипликатор.

Он выходит из мастерской. С поляны доносится смех, звонкие голоса. Гай выглядывает из двери. День померк, над поляной собираются тучи. Внезапно сверкает молния, с грохотом налетают раскаты грома. Слышится голос Галки:

— Пойдем в палатку или останемся?

И ответ Иды:

— Останемся. Я люблю грозу.

На лагерь обрушивается ливень. Гай оглядывается на мультипликатор. Крышка открыта. Гай сует руку в карман куртки.

Ослепительно сверкает молния. Гай в испуге отшатывается от дверей, затем подходит к мультипликатору. Извлекает из кармана свой единственный автоматный патрон. Кладет патрон в мультипликатор, решительным движением закрывает выпуклую крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. В мультипликаторе два патрона. Опускает крышку. Звонкий щелчок. Поднимает крышку. Четыре патрона.

Он сгребает патроны, прячет в карман и снова подходит к двери.

На поляне под проливным дождем сидят на траве Галка, Володя, Ида и Раджаб и о чем-то оживленно беседуют, то и дело закатываясь смехом. У опушки спокойно пасутся лоснящиеся от дождя кони.

Снова ослепительная молния и громовой раскат.

Гай заслоняет лицо локтем. На черно-оранжевую эмблему шлепаются тяжелые дождевые капли.

Гроза прошла. Снова сияет солнце, над мокрой поляной стелется пар. Галка, Володя и Гай прощаются с гостями.

Качается, сверкает сережка в ухе Иды. Качается, сверкает такая же сережка в ухе Володи.

Ида и Раджаб легко вскакивают на коней.

— До свидания! — кричит Ида.— До свидания, Володя!

Гулливеровцы машут им. Они скачут через поляну. На опушке Ида осаживает коня, оборачивается.

— Я все поняла, Володя! — весело кричит она.— Ты мне тоже! Встретимся через два года!

И она вслед за Раджабом скрывается в лесу.

Галка шлепает Володю по шее.

— Не смей заигрывать с девушками при своем координаторе! — строго говорит она.

Володя задумчиво улыбается, трогает сережку.

Поздний вечер. Гулливеровцы сидят у костра. Володя, полузакрыв глаза, наигрывает на «концертоне» пронзительно-печальную и очень простую мелодию, сережка покачивается и

вспыхивает чистым светом над его плечом. Галка сидит, обняв руками колени, и смотрит в огонь блестящими глазами. Справа от нее лежит и словно бы дремлет Жак. Слева сидит Гай и то и дело поглядывает на нее.

— Галка...— произносит он вдруг вполголоса, но так, чтобы слышали остальные.

— Да? — рассеянно отзывается она.

— А Володька-то... в эту... в Иду то есть... втюрился, как ты считаешь?

Галка медленно обращает к нему лицо. Открывает глаза Жак. Смотрит с интересом на Гая Володя, не переставая играть.

— Пожалуй...— медленно произносит Галка.— Странно только, что ты не втюрился...

Гай хихикает. Гулливеровцы украдкой переглядываются.

— Галка...— снова окликает громким шепотом Гай.

— Что, солдат? — ласково отзывается она.

— А у тебя есть сережка?

Галка достает из нагрудного кармана прекрасную перламутровую каплю.

— Подари...— произносит Гай и прямо-таки давится от смеха.— На память...

Рука Галки с сережкой на ладони замирает. Володя перестает играть. И вдруг Жак с размаху хлопает себя по лбу и вскакивает.

— Ребята! — кричит он.— Эх, вы, а еще Прогрессоры... Ты со своей женской интуицией. Ты со своей телепатией... Да неужели вы не видите?

Все, в том числе и Гай, непонимающе глядят на него, а он раздельно, вытаращив глаза, произносит:

— Гай шутит! Понимаете? Гай дразнится! Не брюзжит, не оскорбляется, не ужасается! Дразнится! В первый раз! Ура Гаю!

И он прыгает на Гая и принимается его тискать. Они катаются по траве, визжа и хохоча, как щенята. Володя и Галка тоже хохочут.

— Брэк,— говорит наконец Володя.— В костер попадете.

Жак оставляет Гая. Они сидят рядом, обнявшись. Гай отдувается, вытирает на глазах слезы. Жак бьет его по плечу.

— Да,— прочувствованно говорит он.— Бытие определяет сознание. Знаете, что сказал сегодня Оборотень? По его словам, Гай назвал себя б ы в ш и м Бойцовым Котом!

Гай сникает. Он стряхивает с плеча руку Жака и встает.

— Не знаю я вашего Оборотня,— хрипло говорит он.— И знать не хочу. И ничего такого я ему не говорил... И ты сам знаешь это! Думаешь, я не догадался, что ты умеешь мысли читать? — кричит он Володе, поворачивается и уходит от костра.

Володя смотрит на Жака и выразительно стучит себя пальцем по лбу. Жак смущенно разводит руками.

Ночь. Гай и Володя лежат в палатке. Володя как будто спит — лежит на боку, подтянув одну ногу коленом до груди, дышит ровно и глубоко, как великолепно отлаженная, могучая машина. Гай не спит — в полутьме блестят его глаза, губы шевелятся. Тишина. В траве на поляне сонно стрекочут ночные цикады.

Вдруг Володя произносит свежим голосом:

— Сорок восемь!

Гай вздрагивает.

— Что?

— Шестью восемь — сорок восемь, а не тридцать восемь...— Володя переворачивается на спину.— И вообще на трудись... думай, о чем тебе хочется. У нас не принято читать чужие мысли против желания...

— Ни о чем таком особенном я не думаю...— бормочет Гай.

Лужайка в лесу. Солнечный день. Сладостной грустью льется мелодия вальса «Осенние листья».

Робот Драмба связывает Гая по рукам и ногам тонким шнуром. Гай лежит в траве.

— Готово? — спрашивает он.

— Так точно, господин капрал,— ответствует робот.

Гай начинает извиваться, стараясь освободиться от пут. Высвобождает руку.

— Что же ты, дреколье стоеросовое? — рычит он.— Как связал? Разве так связывают? А ну, сделай как следует!

Драмба снова склоняется над ним, возится с узлами на шнуре.

— Больно! — кричит Гай.— Скотина слепая! Осторожно!

— Виноват, господин капрал...

Драмба снова выпрямляется. Гай дергается в путах, затем удовлетворенно произносит:

— Вот теперь хорошо. Хвалю.

— Рад служить, господин капрал!

— Развязывай.

Драмба освобождает Гая. Гай встает и, поглаживая натертые шнуром руки, некоторое время расхаживает по лужайке. Потом останавливается перед роботом.

— Скажи мне, рядовой Драмба,— произносит он значительным голосом,— ты чертить умеешь?

Лагерь гулливеровцев. Гай, небрежно посвистывая, подходит к мастерской, заглядывает в дверь. Володя сидит под яркой лампой перед чертежной доской и работает линейкой и рейсфедером. Рядом на крышке громадного футляра сложены стопкой готовые чертежи, лежит раскрытая готовальня.

Гай подходит, некоторое время смотрит, как Володя работает.

— Что, дружище? — произносит Володя, не оборачиваясь.— Тебе что-то потребовалось?

— Угу. Потребовалось.

— Выкладывай. Все, что в моих силах.

— Володь. Можно мне вот такую же бумагу и эти... чем чертить?

— Конечно, можно. Хочешь научиться?

— Да нет. Я умею. Я хочу кое-что начертить, а ты мне потом сработаешь. На форматоре. А?

— С удовольствием.

Володя поднимается, идет к стеллажам и извлекает готовальню и стопу листов из гибкого прозрачного материала.

— Хватит тебе?

— Хватит...— Гай жадно хватает готовальню и стопу.— Спасибо...

Он поворачивается и быстро идет к двери.

— Постой,— говорит Володя.— Ты куда? Где ты собираешься чертить?

— Там...— неопределенно произносит Гай и кивает на раскрытую дверь.

— Там же неудобно...

— Ничего. Зато будет этот... сюрприз.

— Ага,— понимающе говорит Володя.— Это интересно. Тогда возьми хотя бы доску с собой...

Он снова идет к стеллажам и снимает с полки небольшую чертежную доску.

В этот момент с поляны доносится густой медный звон.

Володя и Гай выходят из мастерской. Вскакивает со своего места от стола-информатора Галка. Выглядывает из своей палатки Жак.

На металлическом диске посередине поляны возникают трое: знакомая нам дородная старуха в глухом платье, на этот раз белом; огромный огненно-рыжий Эрик в своих поношенных джинсах и пестрой рубашке навыпуск, но теперь правую щеку его прорезает глубокий красный шрам; и Корней в белых брюках и голубой прогрессорской куртке, только над левым нагрудным карманом не надпись, а эмблема: стилизованное изображение земного шара с синими океанами и зелеными материками в узкой радужной кайме атмосферы на фоне эллипса галактической спирали.

Корней учтиво подает старухе руку и сводит ее в траву. Эрик следует за ними. Гулливеровцы с немного натянутыми улыбками идут навстречу старшим. Гай остается у дверей мастерской.

— Ну-ну-ну,— поизносит басом старуха.— «Гулливер — двести одиннадцать». Кто координатор?

Галка делает легкий книксен[1].

— Я,— тоненьким голоском произносит она.— Галина Комова.

— Девочка,— с сомнением говорит старуха и поджимает губы.— Впрочем, отчего же? Вы можете мне не поверить, дети, но я тоже когда-то была девочкой... Слушаю тебя, координатор.

---

[1] Старая мымра (наверное, великий прогрессор и член четырех-пяти Советов, очень уж нагло себя ведет) вместо «здрасьте» говорит «ну-ну-ну», а ей, значит, книксен. Чувствуется Высокая Теория Воспитания, воплощенная в практику. Тоже высокую.— *В. Д.*

— В группе трое... вернее, четверо. Ксенобиолог Жак, механик Володя и тобианин Гай.

— Тобианин...— Старуха снова поджимает губы.— Это что — его специальность?

Галка краснеет, беспомощно глядит на Эрика, на Корнея и опускает глаза. Корней и Эрик стоят справа и слева чуть позади старухи с каменными лицами.

— Объяснись же, координатор,— басит старуха.

Галка с отчаянной храбростью поднимает на нее глаза.

— Тобианин Гай, раненый солдат, переброшенный на Землю при чрезвычайных обстоятельствах, проходит в группе «Гулливер — двести одиннадцать» человеческую практику.

На несколько секунд воцаряется молчание. Затем старуха благосклонно кивает.

— Неплохо, координатор, неплохо. Несколько двусмысленно... однако по основной сути правильно. Человеческая практика... хм.

Она ерошит кудри на голове просиявшей Галки и манит Гая пальцем.

— Подойди сюда, тобианин Гай.

Гай неохотно приближается и останавливается перед нею, глядя на нее исподлобья.

— Ну-ка, Гай,— басит старуха и показывает на Эрика.— На кого похож этот человек?

В лице Эрика что-то мгновенно меняется, и сам он слегка ссутуливается, руки обвисают, как плети. Гай с изумлением глядит на него.

— Итак? — говорит старуха.— На кого он, по-твоему, похож?

— Этот человек...— запинаясь, говорит Гай.— Он был, когда меня... когда я очнулся...

— Я не спрашиваю, кто он такой,— терпеливо говорит старуха.— Я спрашиваю: на кого он, по-твоему, похож?

Гай глубоко вздыхает.

— Больше всего он похож на алайского солдата, инвалида войны.

Корней едва заметно улыбается и кивает Гаю. Старуха расплывается в улыбке.

— Молодчина, Бойцовый Кот,— произносит она.— И ты молодчина, Эрик.

Эрик распрямляется и становится прежним — статным, гибким, могучим Прогрессором. Только шрам на щеке остается от инвалида войны. Старуха обводит взглядом гулливеровцев.

— Ну что ж... Я довольна. Материал неплохой. Приступай к делу, Эрик, а я отдохну где-нибудь в тени... Пойдем, Корней.

Она подает Корнею руку и величественно плывет к тенту. Гулливеровцы бросаются было проводить, но она величественным жестом их останавливает.

— Здравствуйте, ребята,— улыбаясь, говорит Эрик.

— Здравствуйте, Эрик,— вразнобой и очень негромко отзываются гулливеровцы.

— Давайте посмотрим, что вы здесь сделали,— продолжает Эрик,— а потом поговорим. Начнем, пожалуй, с тебя, Володя. Не возражаешь?

— Гай! — доносится от тента голос Корнея.— Поди сюда, дружок, на несколько слов...

Под тентом старуха восседает на табурете, положив на стол пухлую руку. Рядом с ней высокий бокал с прохладным даже на вид напитком. Корней стоит рядом с нею, засунув руки в карманы брюк, покачиваясь на прямых ногах с носка на пятку. Гай сидит перед ними на траве, скрестив ноги.

— Значит, тебе здесь нравится...— говорит старуха.— И тебе нравятся ребята...

Гай утвердительно кивает, не поднимая глаз.

— И тем не менее тебе очень хотелось бы вернуться.

Гай снова кивает.

— На моей планете дерутся,— угрюмо произносит он.— А я здесь ем, пью, сплю и валяюсь на солнце. А я — Бойцовый Кот. Живой Бойцовый Кот, который не дерется,— это нуль. Меньше нуля.

— Вздор,— возражает старуха.— Ты, маленький эгоист, почему ты думаешь и твердишь только о себе? Подумай о нас, о Корнее! Ты хочешь, чтобы мы, здоровые взрослые люди, своими руками вернули тебя, мальчишку, в эту преисподнюю? Мы же умрем от стыда, ты об этом подумал?

Гай молчит.

— И еще,— продолжает старуха.— С чем ты вернешься домой? Что ты узнал, чему научился? Хорошо, вольно тебе оставаться Бойцовым Котом, его высочества герцога Алайского истребителем броневиков. Что можешь ты повергнуть к стопам его высочества, что вынесешь ты из этого приключения?

— Драмбу! — с вызовом отвечает Гай.— Корней подарил мне Драмбу...

Старуха презрительно свистит.

— Эту старую рухлядь! А что ты сможешь рассказать ему о нашем мире?

Гай краснеет. На лице его выступает пот.

— Ничего,— бормочет он хрипло.— Я никогда никому не скажу ни слова об этом вашем мире...

— Почему? — быстро спрашивает старуха.

— Это было бы... государственной изменой,— произносит Гай и опускает голову.

Старуха и Корней обмениваются быстрыми взглядами.

Там же у тента те же и Эрик с гулливеровцами. Старуха истово опустошает немалых размеров глиняный горшочек, наполненный аппетитной дымящейся снедью. Корней, полузакрыв глаза, потягивает через соломинку питье из стакана. Гулливеровцы расселись в траве перед старшими, Гай в стороне от них в прежней позе с угрюмо опущенной головой. Эрик негромко говорит:

— Могу сказать одно, группой я в общем доволен. По технической стороне у меня вообще нет замечаний. Лагерь поставлен образцово, будем считать, что механик экзамен сдал. Если не хочешь отдохнуть, Володя, приступай к отработке барьера...

Володя серьезно кивает.

— Жак,— продолжает Эрик.— Ход контакта, пожалуй, в норме. Есть интересные идеи, недурные мысли... Правда, системы еще не видно, а впрочем, время у тебя есть, продолжай работать. Положил бы полезным для тебя через неделю-другую основательно проконсультироваться с Корнеем...

Жак вздыхает, хлопает себя по коленям и улыбается Корнею.

— Координатор...— продолжает Эрик.— Координатор в этой группе поставлен в несколько необычные условия.— Он мельком взглядывает на Гая.— Пока я затрудняюсь сказать что-либо конкретное, оценочное... Подождем. Ну, а что касается штурманской практики...— Он извлекает из кармана джинсов цилиндрический футлярчик, похожий на кассету современного фотоаппарата, и подает Галке.— Вот задание. Правило тебе известно. В один прекрасный миг тебе подадут звездолет, ты немедленно вскрываешь конверт, на расчет перелета девяносто минут, затем — старт...

Гай прислушивается. Галка несколько раз кивает растрепанной головой и сует футлярчик в нагрудный карман. Эрик поворачивается к старухе.

— У меня все,— почтительно говорит он.

Старуха с тяжким вздохом поднимается, отправляет опустевший горшочек в мусоросборник и выходит перед гулливеровцами.

— Ну вот,— говорит она.— Собственно, у меня тоже все. За исключением одной маленькой частности. С сегодняшнего дня группой будет руководить Корней...

Гулливеровцы качнулись, переглянулись и снова замерли, уставясь на старуху.

— Эрик бросает все на полдороге,— продолжает та,— и переходит в распоряжение Штаба. Весьма возможно, что вы его долго не увидите. Прощайтесь, дети.

Гулливеровцы вскакивают на ноги и обступают Эрика. Видно, что они взволнованы, но все молчат. Затем Галка произносит слегка дрогнувшим голосом:

— До свидания, Эрик. Спасибо за все. Берегите себя.

Эрик с улыбкой наклоняет голову.

Лужайка в лесу. Утро. На середине лужайки расположился в нелепой, нечеловеческой позе робот Драмба с чертежной доской, стиснутой плашмя между могучими коленями. Его трехпалые руки с замечательной точностью и тонкостью орудуют чертежными инструментами.

Гай стоит рядом, нагнувшись, упершись ладонями в колени, и, склонив на бок голову, следит за работой Драмбы. На

листе прозрачного пластика возникает чертеж толстостенной короткой трубки с изогнутой нарезкой на внутренней поверхности.

Гай, похлопав робота по плечу, отходит в сторону и валится в траву.

— Ну-ка, включи какую-нибудь музыку... что-нибудь этакое,— командует он.

— Этакое — чувствительное? — монотонно осведомляется Драмба.— Или этакое — боевое?

— Чувствительное,— произносит Гай со вздохом.

Звучат первые такты «Полонеза» Огинского. Гай мечтательно смотрит в синее небо, зажав между зубами травинку.

Лагерь гулливеровцев. Ранний вечер, занятия окончены. Жак обучает Гая приемам современной борьбы. Галка и Володя сидят под тентом и наблюдают их возню, пересмеиваясь и попивая лимонад. Огромный Драмба неподвижно высится у палаток.

Жак и Гай, оба в одних трусах, сходятся, схватываются, секунда — и Гай кувырком летит в траву.

— А ну, еще раз! — азартно кричит он, вскакивая.

— Не напрягайся,— учит Жак.— Схватил за локти и сейчас же, в тот же миг соскальзывай ладонями до запястий...

— Понял, понял...— задыхаясь, говорит Гай.— Давай еще разок...

В разгар очередной схватки Володя вдруг встает и прислушивается. Затем поднимает руку.

— Тихо! — произносит он.

Жак мгновенно останавливается, и Гай, воспользовавшись случаем, опрокидывает его и наваливается сверху.

— Ага! — кричит он.

— Тихо! — сердито говорит Жак, не сопротивляясь.

Гай отпускает его, оглядывается на Володю. Тот стоит, словно бы прислушиваясь, губы его раздвигаются в радостную улыбку. Все смотрят на него.

— Ребята! — говорит он.— Война кончилась! Гай!

Гай и Жак вскакивают. Галка тоже встает.

— Какая война? — спрашивает она.— Где война?

— Война на Тобе!

Жак и Гай подбегают к нему, и он торопливо рассказывает:

— Парапси-передача из Штаба... Война на Тобе кончилась. Военные действия прекратились почти одновременно по всему фронту. Краманский император низложен. Великий герцог Алайский оставил ставку и скрылся в неизвестном направлении... Поздравляю, Гай!

Он обнимает ошеломленного Гая. Галка в восторге проходится вокруг них, кружась в вальсе. Жак трясет Гаю руку и восхищенно произносит:

— Вот это работа! Ай да Прогрессоры!

Гай вдруг вырывается.

— Погодите...— говорит он, задыхаясь.— Если война кончилась... И герцог бежал... А я? Как же я? Мне же надо туда! Мне немедленно надо туда!

Он вертится на месте, хватаясь то за Жака, то за Володю, то за Галку.

— Неужели вы не понимаете? Ведь герцог... Ему опасность грозит, его спасать надо... Я же Бойцовый Кот!

Все смущенно переглядываются. Гай замолкает. Тогда Володя, кашлянув, произносит:

— Ты же знаешь, Гай, это не от нас зависит. Распоряжается Штаб... Корней... Они ни за что не отпустят тебя сейчас. Там разруха, эпидемии, голод... Передают, что...

Гай, не дослушав, расталкивает ребят и убегает к лесу. Драмба широким бесшумным шагом следует за ним.

Почти нагой, в одних трусах бежит Гай по лесу, не обращая внимания на ветки, которые хлещут его по лицу, по груди, по рукам. Зубы его стиснуты, в глазах слезы.

— Не сдамся, не сдамся...— хрипит он.— Не будет по-вашему... Не сдамся...

И вдруг он выскакивает на знакомую крошечную прогалину, окруженную соснами, засыпанную слоем коричневой опавшей хвои. Только вместо муравейника посередине прогалины лежит на земле толстое трухлявое бревно. И знакомый скрипучий голос произносит:

— Будь здоров, Гай, бывший Бойцовый Кот. Что-то тебя давно не было видно...

Гай останавливается как вкопанный, глядит на бревно, затем растерянно обшаривает глазами прогалину.

— Э...— произносит он, с трудом переводя дух.— Это... Горячего солнца и воды... во множестве... Это вы?

— Конечно, это я...

— Понимаю... понимаю... В прошлый раз вы были муравьиной кучей, поэтому я не сразу...

— Ошибаешься. Пока я только подумываю о метаморфозе в муравейник. Как ты догадался?

Сбитый с толку, Гай молчит.

— А это что за чучело? — осведомляется Оборотень.

Гай оглядывается. За его спиной стоит Драмба.

— Это? Это робот.

— Терпеть не могу искусственных носителей разума. Зачем ты привел его?

— Уходи,— шепчет Гай Драмбе.— Подожди меня в лесу.

— Слушаюсь, господин капрал,— ответствует Драмба и скрывается за деревьями.

Гай опускается перед бревном на корточки.

— Все-таки я уверен,— вкрадчиво говорит он,— что в прошлую нашу встречу вы были в виде муравейника...

— Этого не может быть,— неуверенно отзывается Оборотень.— Я же говорю тебе, я только подумываю о том, чтобы перевоплотиться в муравейник...

— Нет,— твердо говорит Гай.

После паузы Оборотень произносит:

— Может быть... может быть. В вашей части Вселенной у нас часто слабеет память. Возможно, я забыл... Ведь ты приходил так давно...

— Всего четыре... нет, пять дней назад!

Оборотень смеется дребезжащим смехом.

— Ошибка! Ошибка! У тебя тоже никуда не годится память, бывший Бойцовый Кот... Ты был здесь не менее двадцати дней назад... Шел дождь, последний дождь в этом сезоне...

— Не было дождя! Нет, был, но потом... гроза...

— Лил дождь.

— Погодите...— Гай вытирает с лица пот.— Скажите мне, почему вы называете меня б ы в ш и м Бойцовым Котом?

— Я? Это не я тебя так называю. Ты сам назвал так себя в прошлую... в нашу первую встречу. Я спросил тебя, кто ты такой, и ты прямо так и сказал мне: бывший Бойцовый Кот...

— Я? Я сам себя так назвал? Неправда! Можно Жака спросить, он подтвердит...

— При чем здесь Жак? Ты ведь приходил один, без Жака... и без этого механического урода... Ты все путаешь, Гай. Ты пришел поздно вечером, и лил дождь, и ты был один, и по речи твоей я принял тебя за помешанного... Неужели не помнишь? И в руках у тебя было какое-то отвратительное железо... оно отвратительно пахло под дождем...

Гай медленно поднимается с застывшим лицом.

— Да...— бормочет он.— Да, я припоминаю... И до этого я никогда не приходил, так?

— Никогда,— отвечает Оборотень скрипучим голосом.

Гай со стопкой чертежей под мышкой входит в мастерскую. Володя под яркой лампой работает — собирает какую-то миниатюрную схему, время от времени «прозванивая» ее тонким игловидным инструментом с крошечной, в булавочную головку, лампочкой на конце. В распахнутые двери врывается обильное солнце, снаружи доносится рассеянное, но очень мелодичное пение Галки.

Володя отрывается от работы и внимательно глядит на Гая.

— Не помешал? — с нарочитой небрежностью, глядя в сторону, произносит Гай.

— Ничуть. Что, готовы чертежи?

— Не все. Ты мне поможешь?

— Давай посмотрим.

Гай подходит к нему, вручает чертежи. Володя разглядывает их, качает головой.

— Молодец,— говорит он.— Отчетливая работа.

— Чего там...— По-прежнему не глядя на него, Гай пожимает плечами.— Когда подопрет, так и рыбка запоет...

— Поющая рыбка — для нас не ошибка,— рассеянно откликается Володя.— Это что же у тебя такое? — спрашивает он, с

любопытством рассматривая чертежи короткой толстостенной трубки.

Лицо Гая заливается краской.

— Сюрприз, говорят тебе! — сердито ворчит он.— Потом узнаешь... Ты мне поможешь или нет?

— Еще бы...

Володя складывает чертежи, подходит к форматору и принимается за работу. Чертеж за чертежом исчезает в щели приемного окна, жужжит наборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд меркнет свет, и Гай извлекает и рассовывает по карманам своей маскировочной куртки деталь за деталью — всего пять штук.

— Все? — спрашивает Володя.

— Пока достаточно,— отвечает Гай.— Спасибо, одолжил ты меня...

Володя хлопает его по плечу и возвращается к своей работе.

Ночь. Володя и Гай не спят в своей палатке. Гай сидит на своей постели, понурившись. Володя лежит, заложив руки за голову, и смотрит в найлоновый потолок, сквозь который просвечивает луна.

— ...Это и у нас было когда-то,— негромко говорит Володя.— Здесь нужно понять, что все эти герцоги, императоры, диктаторы были очень скверные люди, мелочные, жестокие, просто-напросто хулиганы. От подданных они требовали и кровопролитием добивались беспрекословного повиновения. От соседей — тоже. Ну, тут уж кто кого... Вот как твой герцог Алайский и император...

— Герцог не такой,— хрипло шепчет Гай.

— Все они одним миром мазаны. Гай, дружище, пойми, мне очень неприятно говорить тебе это, ты оскорбляешься, обижаешься, но ведь это так! Вся туша твоего герцога, набитая алкоголем и нечистыми вожделениями, не стоит ногтя с твоего мизинца...

Гай молчит. Володя садится на постели, смотрит на него.

— Старая истина,— говорит он со вздохом.— Лучше раз показать, чем сто раз рассказать... Устал я немного сегодня, и Корней непременно свернет мне шею, но ничего не поделаю.

ешь... Ладно, я тебе покажу его высочество герцога Алайского, каким видел его сам. Смотри сюда! — Володя кладет палец себе на переносицу и впивается взглядом в глаза Гая.— Смотри внимательно... внимательно... внимательно...

Глаза Гая расширяются, он судорожно вздыхает, он не в силах оторваться от глаз Володи.

Возникает и нарастает пронзительный звенящий звук. Полутьма палатки заполняется розовым туманом, и сквозь этот туман начинают просвечивать движущиеся образы.

Герцог Алайский, толстый, плешивый, в окружении свиты стоит перед грудой трупов, хохочет, похлопывает по плечу рослого мужчину в маскировочном комбинезоне и плоском, как тарелка, шлеме...

Герцог Алайский пирует в тесном кругу блюдолизов и полураздетых дам, он вдребезги пьян и, пытаясь подняться, валится под стол; его извлекают и ставят на ноги, а он шатается и вдруг пьяным размахом сбивает со стола посуду...

Герцог Алайский в пыточной камере смотрит, как истязают полуголого человека, вздернутого на дыбу, и вдруг, подскочив, расталкивает палачей и принимается избивать жертву тростью; толстое лицо его искажено, из разинутой пасти летят брызги...

— Хватит! — гремит чей-то голос.

Звон обрывается, видение исчезает. Снова в сумраке палатки сидят друг против друга Гай и Володя.

— Хватит...— слабым голосом произносит Гай и боком валится на постель. Володя проводит ладонями себя по лицу.

— Герцог...— бормочет Гай.— Его высочество... Да что мне в нем теперь? Его, может, уже и в живых нет, если он бежал... Народ у нас сердитый...— Он вдруг снова садится.— Разве в герцоге дело? — кричит он исступленно.— Мне сейчас дома быть надо, дома! Там перемены, там все решается, а я здесь! Нет, не понять вам этого, никогда не понять... в вашем раю...

Речной пляж под обрывом. Жаркий полдень. На песке рядышком сидят Жак и Гай. Жак, весело насвистывая затейливый мотивчик, бросает в реку камешки, ловко делая «блинчики». Гай пригорюнился, обняв руками колени и положив на колени подбородок.

— Сыграем в четырехмерные шашки,— предлагает Жак.

Гай отрицательно качает головой.

— Ну, в трехмерные...

Гай отрицательно качает головой.

— Тогда поборемся?

— Неохота,— со вздохом произносит Гай.

— Жалко,— огорчается Жак.— А то бы я тебя в два счета положил...

Гай не реагирует.

— Слушай,— укоризненно-жалобно говорит Жак.— Перестань. Нос выше. Ну?

Гай бледно улыбается.

— Пойдем, я тебя хоть плавать поучу...

— Иди сам, Жак, иди с богом...

Жак крякает, поднимается, шумно входит в воду и ныряет. Гай рассеянно глядит на реку.

Солнце бьет из бездонной сини, на волнах ослепительно переливаются «зайчики».

Метрах в двадцати от берега реки из воды высовываются ноги Жака.

Гай рассеянно смотрит, вздыхает и отворачивается. Снова смотрит.

Голые ноги не то судорожно, не то азартно подергиваются.

Гай присматривается внимательнее, брови его поднимаются.

Дергаются торчащие из воды ноги, белые пятки сверкают на солнце.

Гай встает, не сводя с них глаз.

Пятки исчезают под водой и снова взбрыкивают, подняв столб брызг.

— Жак,— негромко говорит Гай и делает несколько шагов в воду.

— Жак! — вопит он в ужасе.— Драмба! Ребята! Жак!

И, расплескивая воду, он неуклюже бежит в реку, в глубину, на стремнину. Мелькают его растопыренные пальцы, он с головой погружается в воду, выныривает, бьет по воде руками и снова погружается.

Жак, отплевываясь, выволакивает Гая на песок и садится с ним у ног подбежавших Володи и Галки. Галка сейчас же опус-

кается на корточки и берет лицо Гая в свои ладони. Гай тяжело дышит, из носа у него течет вода, глаза закрыты.

— Что случилось? — спрашивает, хмурясь, Володя.

— Не знаю,— говорит Жак.— Просто понятия не имею. Я там на дне сома нашел, большой такой сом, импозантный... Ну, завел с ним беседу, щекочу его, ублажаю всячески... сам знаешь, как с большой рыбой... И вдруг шум, плеск, на меня налетают, сбивают на бок... Сом, конечно, наутек... Вынырнул я, гляжу — тобианин наш тонет, пузыри пускает... Как он там очутился, это же все-таки метров двадцать, а он плавать не умеет...

Гай открывает глаза, пристально смотрит во встревоженное лицо Галки. Нагибает голову, выплевывает воду.

— У-ух...— произносит он.— Испугался я... Думал, ты тонешь...

Наступает пауза. Все смотрят на Гая.

— Ты же... ты же плавать не умеешь,— каким-то вибрирующим голосом произносит Жак.

Гай отпихивает его, встает и ложится на песок лицом к воде.

— Я же говорю,— произносит он раздраженно.— Я испугался... Торчат, понимаешь, ноги... Думал, под корягу его завело или что...

Он замолкает на полуслове. Глаза его выкатываются, челюсть отвисает. Перед ним у кромки воды сидит большая лягушка.

Гай, не вставая, боком ползет от нее, затем вскакивает и с воплем бежит к обрыву. Пытается вскарабкаться, обрывается, падает в тучах обвалившейся сухой глины. Могучие руки Володи подхватывают его, и он замирает.

Ласковый голос Володи:

— Ты так вывалялся, дружище, что непременно придется опять окунуться...

И голос Галки:

— Я сама с ним пойду в реку...

Лагерь гулливеровцев. Столовая под полосатым тентом. Утро. Четверка заканчивает завтрак.

— Что у кого сегодня? — осведомляется Галка.

— Я иду к своему Инобу,— отзывается Жак.— Если не возражаешь, прекраснейшая, беру с собой Володю...

Галка вопросительно смотрит на Володю. Тот кивает.

— А ты? — обращается Галка к Гаю.

— Здесь пока останусь,— говорит Гай, не поднимая головы от тарелки.— У меня дела...

Жак встает, собирает грязную посуду и бросает в мусоросборник.

— Готов, Володька? Пошли...

Четверть часа спустя. Галка, напевая, идет через поляну к своей палатке. Гай догоняет ее.

— Гал!

Она останавливается.

— Что, солдат?

— Слушай, Гал. Это... Ты умеешь работать с этим... форматором?

— Конечно.

Гай протягивает ей стопку чертежей.

— Сделай, а?

Галка разглядывает чертежи.

— Что это такое? — спрашивает она с любопытством.

— Так... Потом узнаешь. Сделаешь?

— Конечно, солдат. Для тебя — все что угодно.

Они идут к мастерской, входят. Вспыхивает свет. Галка поднимает крышку форматора.

— А почему ты Володю не попросишь? — спрашивает она небрежно.— Вы не поссорились?

— Что ты! — с жаром говорит Гай.— Конечно, нет... Только... Он с Жаком ушел, и я...

— Все из стали? — прерывает его Галка.

— Да... Там я написал...

Галка принимается за работу. Четыре чертежа, один за другим, исчезают в щели приемного окна, жужжит наборный пульт, щелкает рычажок, под слабое гудение на несколько секунд меркнет свет, и Гай извлекает и рассовывает по карманам четыре детали.

— Всё? — спрашивает Галка.

— Всё...

Галка захлопывает крышку форматора и поворачивается к двери.

— Погоди, Галка...— вполголоса произносит Гай.

Галка останавливается и с интересом смотрит на него. Гай решается.

— Когда придет твой звездолет? — спрашивает он.

— Не знаю...

— Я знаю,— говорит Гай.— Через двадцать дней. В первый дождливый день.

Галка поднимает брови.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... Неважно откуда... Куда ты полетишь?

— Не знаю.— Галка похлопывает по нагрудному карману.— Задание опечатано... Но откуда ты все-таки...

— И ты улетишь... насовсем?

— Да. Сюда я, во всяком случае, уже не вернусь. Придется нам распрощаться, милый мой солдат.

Гай смотрит ей прямо в глаза.

— Гал... Отвези меня на Тобу.

Галка пятится и садится на крышку форматора.

— Тебя... на Тобу?

— На Тобу. Верни меня домой. Тебе ничего не стоит. Посчитаешь... нажмешь на кнопки, и я дома. А?

Галка медленно качает головой.

— Это невозможно, Гай.

Гай опускается перед ней на колени.

— Гал,— шепчет он лихорадочно.— Мне нужно домой. Я не могу здесь больше. Мой дом горит, неужели ты не понимаешь? Да, да, да, ваш мир прекрасен, вы здесь все чистые, добрые, прекрасные. Но ваш мир мне чужой, и вы мне чужие... Мой мир уродлив, у нас все грязные, злые, уродливые, но это — мое... Понимаешь? Мое! Вот я перед тобой...— Он хватает ее за руки.— Я, мальчик из преисподней, я никогда никого не видел прекраснее тебя, но я даже не смею любить тебя, такая ты чужая... Слушай, Гал, вы ведь свободны, вы все можете, верни меня домой!

Он прижимается лицом к ее рукам. Галка смотрит на его стриженую голову, закусив губу, глаза ее полны слез.

— Это невозможно, Гай,— также шепотом говорит она.— Нет, это невозможно...— Она зажмуривается и трясет головой.— Да, мы свободны, да, мы всемогущи... Но наша свобода и могущество держится на железной дисциплине... Не знаю, понимаю ли я тебя... Кажется, понимаю. Но это невозможно...

Она встает, высвобождает свои руки из рук Гая и выбегает из мастерской.

Гай одиноко стоит на коленях перед серым футляром форматора.

Лужайка в лесу. Горячий полдень. Жужжит шмель, перелетая с цветка на цветок. Паучок неторопливо плетет паутину. Заливаются-чирикают невидимые птицы в вершинах деревьев[1].

Кусты раздвигаются, и на поляну выходит Гай. Он хмур и мрачен. Следом гигантской тенью бесшумно появляется Драмба. Гай бросает в траву брезентовый сверток. Сверток падает с глухим звяканьем.

Негромко звучит глиеровская «Песня без слов». Гай как-то грузно, словно обессилев, садится в траву и медленно разворачивает сверток.

Десяток металлических деталей, тускло отсвечивающих на солнце.

Гай лезет в карман и высыпает на брезент пригоршню автоматных патронов. Медь отсвечивает на солнце ярко и радостно.

Россыпь патронов и десяток деталей: ствол, корпус, выдвижной приклад, затвор, пружина затвора, два магазина, две пружины к магазинам...

Гай механически, привычными движениями собирает автомат. Снаряжает магазины патронами. Со щелчком вбивает один магазин в патронник.

Некоторое время он сидит с автоматом на коленях, опустив голову. Затем медленно, с болезненным стоном поднимается на ноги. Поворачивается лицом к огромному старому дереву и поднимает автомат.

---

[1] «Мельчайшие капли росы мириадами радуг дрожат и переливаются подобно драгоценным камням на каждой травинке, на каждом листочке, на каждой паутинке, которую хлопотливый паучок протянул за ночь от своего домика к колыхающейся веточке».— *В. Д.*

Перед ним — улыбающаяся рожица Жака. Его голос:

— Я сам виноват. Растренировался. И потом, разве можно дразнить Бойцового Кота?

Умное, ласковое лицо Володи. Его голос:

— Вся туша твоего герцога, набитая алкоголем и нечистыми вожделениями, не стоит ногтя с твоего мизинца...

Милое лицо Галки. Ее голос:

— Ты мог бы и подождать несколько лет...

Гай опускает автомат. Затем зажмуривается, рывком вскидывает ствол и нажимает на спусковой крючок.

Оглушительная короткая очередь.

Мертвая тишина.

И снова, словно сквозь вату, проступают звуки. Негромкий женский голос, поющий «Песню без слов», чириканье птиц...

Гай с отчаянным лицом поворачивается к роботу:

— А что я еще могу сделать, Драмба? — шепчет он.— Что я могу сделать?

Робот молчит.

Лес. Серый дождливый день. Идет по лесу Гай в своей зелено-коричневой маскировочной куртке, с автоматом на ремне через плечо.

Выходит на знакомую прогалину, окруженную мокрыми соснами. Слой опавшей хвои тускло отсвечивает под серым небом. Нет ни муравейника, ни трухлявого бревна — посередине прогалины возвышается мокрый угловатый камень.

Гай останавливается перед камнем.

— Здравствуйте,— тихо говорит он.— Горячего солнца и воды в достатке...

Скрипучий голос отзывается:

— Здравствуй. Воды сегодня вполне достаточно, а вот солнца я не видел давно. Кто ты такой?

— Да, я забыл,— произносит Гай.— Зовут меня Гай, и я...— Он с горечью усмехается.— Я — мальчик из преисподней. Бывший Бойцовый Кот его высочества герцога Алайского.

— Очень длинно, Гай,— говорит скрипучий голос.— Лучше просто: бывший Бойцовый Кот, что бы это ни значило. Что это за железо ты таскаешь на себе?

— Ничего особенного... Сюрприз для друзей.

— Ужасно пахнет под дождем.

— Извините... Больше не повторится.

— Рад слышать. Итак?

— Ничего. Просто я пришел попрощаться. И поблагодарить.

— Очень рад, Гай. Но... я впервые вижу тебя. Что я сделал, чтобы заслужить твою благодарность?

— Неважно. Потом... Мы еще увидимся, впрочем. Очень скоро.

— Не понимаю. Ты пришел попрощаться и обещаешь, что скоро увидимся?

— Я не могу объяснить... Я прощаюсь, потому что сегодня — первый дождливый день.

— Глупости! Дожди идут уже много дней подряд, ты говоришь, как сумасшедший.

— Да, да, да. Простите меня. Да, для вас это последний дождливый день. Завтра для вас начнутся дни солнечные.

— Гм... Для меня. А для тебя?

— Не знаю... Прощайте.

Гай поправляет автомат на плече, поворачивается и уходит в лес.

Лагерь гулливеровцев. Поздний вечер, накрапывает дождь. Костер. Жак, мечтательно прикрыв глаза, наигрывает на «концертоне» печальную мелодию в латиноамериканском стиле. Володя сидит рядом, прихлебывая из кружки молоко. Галка сидит рядом и слушает. Угрюмый Гай тоже слушает, уставясь в огонь. В тени маячит громадный силуэт Драмбы, его округлая голова странно выделяется на фоне звездного неба.

И вдруг раздается длинный шипящий звук, закончившийся звонким хлопком, словно откупорили бутылку шампанского. Володя живо приподнимается на колени.

— Корабль, Галка!

В центре поляны из вечернего воздуха возникает силуэт корабля — фосфоресцирующая конусовидная масса.

— Ребята,— говорит Жак, откладывая «концертон».— Кажется, кто-то будет сдавать экзамен...

Галка пристально смотрит на Гая. Она бледна, губы ее дрожат. Гай молча поднимается и уходит в темноту.

Галка достает из нагрудного кармана футлярчик, распаковывает его, вынимает бумажную ленту и читает, наклонившись к огню.

— Ну? — нетерпеливо произносит Жак.

— Денеб — двадцать два, база «Саламандра»,— слегка дрожащим голосом читает Галка.

Жак издает длинный протяжный свист. Володя спокойно отхлебывает из кружки и говорит:

— Ну вот видишь, а ты боялась... Вполне приличный вариант. Тебе помочь?

Галка мотает головой.

— Он предлагает ей помощь! — произносит Жак, обращаясь в пустоту и тыча через плечо большим пальцем в сторону Володи.— Он предлагает помощь классной звездолетчице, прекраснейшей из координаторов!

— Замолчите, мальчишки,— говорит Галка.— Сейчас я пойду... Ну почему обязательно Денеб? — говорит она, с отчаяньем хлопнув себя по колену и не двигаясь с места.

И в этот момент перед костром появляется Гай.

Он в полной форме Бойцового Кота. Лицо его белое, даже светится в темноте. Губы сжаты в ниточку. Глаза бешено прищурены. Слегка согнув ноги в коленях — так положено по уставу — он держит перед собой автомат. Дуло направлено на Галку.

— Не двигаться! — напряженным голосом говорит он.

Возле костра — мгновенное неуловимое движение. И вот уже Галка заслонена с одной стороны Жаком, с другой — Володей, но она встает и выходит вперед.

Гай отступает на шаг.

— Еще движение, и я стреляю! — кричит он.

Из опрокинутой кружки у костра льется на землю струйка молока.

— Что ты задумал? — мягко спрашивает Галка.

— Рядовой Драмба! — рявкает Гай.— Действуй!

Гигант-робот выдвигается из сумрака в свет костра, на ходу разматывая моток тонкого блестящего шнура.

Он надвигается на гулливеровцев, огромный, несокрушимый, зловещий. Отблески костра кроваво переливаются на ре-

шетке его забрала. В мертвой тишине свистит разматываемый шнур.

Гай отступает еще на шаг.

Трехпалая лапа Драмбы тянется к Володе. И тут Володя небрежно, даже не глядя, протягивает руку к его металлическому поясу. Раздается щелчок, и робот застывает в нелепой позе. Шнурок сматывается с его лапы и кольцами укладывается в траву.

— Слушай, Гай,— говорит спокойно Володя.— Что за глупость ты затеял? Что тебе надо?

Лицо Гая страшно. Глаза вытаращены, на губах пена. Он отступает еще на шаг. Губы его беззвучно шевелятся.

— Все равно...— хрипит он.— Я вас всех перестреляю... Не двигаться! Галка, марш к звездолету!

— Вот это контакт! — весело произносит Жак.

— Да не будет он стрелять,— лениво говорит Володя.— Что вы, не знаете его, что ли?

— Это все из-за звездолета,— грустно говорит Галка.— Он хочет домой. Вы понимаете? Он хочет домой.

— А мы тут при чем? — говорит Жак.— Мы же не можем его...

— А почему все-таки не можем? — отзывается Володя.— Человек хочет домой. Война у него там кончилась...

— Но ведь Корней...

— Жак,— говорит Володя.— На Земле вот уже полтораста лет людей учат отвечать за свои поступки с десятилетнего возраста.

Гай глядит на них, дрожа всем телом. Ствол автомата давно уже смотрит в землю, но он не замечает этого.

— Гай,— ласково говорит Галка.— Не торчи там, как пугало. Иди сюда, садись.

Гай подходит к костру, держа автомат в опущенной руке. Садится, скрестив ноги и опустив голову.

— Ты и в самом деле так хочешь домой? — говорит Жак.— Или это была игра?

Гай молчит.

— Не знаю,— хрипло произносит он наконец.— Ничего я теперь не знаю...

Он отбрасывает автомат, хватает себя за волосы и раскачивается из стороны в сторону.

— Я ничего не знаю, ребята! Но ведь я должен быть там! Должен! Неужели вы этого не понимаете? Должен!

Серый осенний лес. Моросит унылый дождь. Черные корявые, словно обглоданные стволы деревьев. Чахлый кустарник между ними. Земля покрыта слоем мокрой прелой листвы.

Через лес идут четверо. Галка, Володя, Жак — в глухих черных комбинезонах с капюшонами. Гай — в своей зелено-коричневой маскировочной куртке и коротких широких штанах. С плеча на ремне свисает автомат. Лица у всех белые, напряженные.

В кустах у обочины дороги они останавливаются. Дорога неширокая, невероятно разбитая и грязная. Невдалеке, уткнувшись покатым лбом в дерево, стоит сгоревший броневик. Чуть подальше стоит другой, завалившийся правыми колесами в придорожную канаву. В тишине слышится шорох дождя и отдаленный невнятный шум, словно где-то проходит множество людей.

Гай поворачивается к гулливеровцам.

— Ну...— произносит он и замолкает.

Гулливеровцы молча смотрят на него. У Галки капюшон откинут на спину, лицо у нее мокрое — то ли от дождя, то ли от слез.

— Я пошел,— говорит Гай.— Спасибо за все. Прощайте.

Володя поднимает руку в прощальном жесте. Жак говорит:

— До свидания, Гай. Береги себя.

— До свидания, Гай,— повторяет Галка.

Гай поворачивается, поправляет автомат и идет по дороге. Гулливеровцы смотрят ему вслед, и вот он уже скрывается за поворотом.

Он идет, оскользаясь на грязных рытвинах, обходя глубокие лужи, перешагивая через стволы упавших деревьев. Пинком отбрасывает с дороги конусовидную каску, и она катится в канаву, расплескивая воду.

И вдруг впереди из леса выходят двое и останавливаются посередине дороги. Один — видимо, бывший солдат, высокий

плечистый мужик в военной форме с оборванными пуговицами, с мрачной заросшей физиономией. Другой — подросток, ровесник Гая, в такой же, как у Гая, но очень грязной и оборванной маскировочной куртке. Одной ноги у него нет, и он горбится, опираясь на самодельные костыли.

Гай подходит к ним и останавливается. Они хмуро и недоверчиво оглядывают друг друга. И Гай видит на правом рукаве у калеки знакомую нам эмблему: оранжевый треугольник с изображением черного кота, яростно выгнувшего спину.

Солдат спрашивает Гая по-алайски. Гай коротко отвечает. Тогда солдат, бешено оскалив зубы, молча срывает с Гая автомат и швыряет в кусты. Затем дает Гаю оглушительную затрещину. Гай падает, но сейчас же поднимается и стоит, медленно обтирая с лица грязь. Солдат сердито командует что-то и, повернувшись спиной, топает по дороге, разбрызгивая грязь огромными рваными башмаками. Гай покорно идет за ним, а следом за Гаем, мучительно переставляя костыли, плетется калека.

Так они выходят к шоссе, по которому медленно тянется поток беженцев, возвращающихся на родные места, откуда их согнала война. Шагают, плетутся, волочат ноги, тянут самодельные тележки, толкают перед собой тачки, несут детей, сгибаются под тяжестью тюков с жалким барахлом бывшие солдаты, инвалиды, женщины, подростки, старики и старухи, все оборванные, грязные, всклокоченные...

Солдат останавливается и молча указывает Гаю на изможденную женщину, которая с трудом толкает перед собой тележку на двух вихляющих колесах. На тележке, вцепившись в узлы замурзанными лапками, сидят двое карапузов лет трех-четырех. Гай кивает. Он подбегает к женщине и наваливается грудью на край тележки. А солдат, отобрав у какого-то старика сундук, обвязанный веревкой, взваливает груз на плечо и идет следом за Гаем[1]. И уже веселее скачет рядом с ним на своих самодельных костылях калека-подросток, бывший Бойцовый Кот великого герцога.

---

[1] Солдат явно поторопился: надо бы проверить, что там, в сундуке. Может, и отбирать не стоило.— *В. Д.*

Картина шествия беженцев отодвигается в глубину кадра. Она проецируется на большом, во всю стену, экране в небольшой пустой комнате.

Старуха и Корней сидят в креслах и смотрят на экран.

— Ну вот и конец всем хлопотам,— произносит старуха.— Наши гулливеровцы — молодцы, сынок. Мы хорошо воспитали их. Поздравляю.

Корней хмуро качает головой.

— Не знаю, мать...— говорит он.— Не знаю. Вернуть мальчишку в эту преисподнюю...

Старуха перегибается через подлокотник и похлопывает Корнея по руке.

— Вздор, вздор, сынок. Ты сам в это не веришь. Для нас это преисподняя, а для него — родина. Родина, сынок![1] Ему там жить, ему там бороться, ему там строить.

— Но ведь мы...

— А мы ему поможем. На то мы Прогрессоры.

Картина шествия беженцев снова надвигается и заполняет кадр. И вдруг среди тобиан появляется знакомое лицо. По грязному шоссе шагает рыжий скандинав Эрик со шрамом на щеке, обросший щетиной, в таком же рваном обмундировании, что и остальные бывшие солдаты, с внушительным тюком за спиной.

Словно почувствовав, что на него смотрят, он поднимает голову, встречается глазами со зрителем и делает рукой едва заметный приветственный жест. Затем, ускорив шаг, обгоняет одного беженца, другого, третьего... И вот он уже рядом с Гаем и упирается могучей рукой в край тележки.

И они идут, толкая тележку, дальше и дальше, мимо развороченного взрывом дома, мимо сгоревшего броневика, мимо ряда кольев с повисшими на них ржавыми касками...

КОНЕЦ

[1] Я, студент, прекрасно знал тогда этот анекдот (о двух глистах, отце и сыне). Почему АН думал, что его не знают «наверху»? Этот кукиш ни в каком кармане не поместится.— *В. Д.*

Кроме текста самого сценария в архиве находится письмо Юрия Борецкого, пробивавшего, но, к сожалению, так и не пробившего создание фильма (а может быть, это и к лучшему, иначе мы не имели бы возможности прочесть повесть ПИП[1]):

Трудно переоценить популярность замечательных писателей фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Их книги не залеживаются на прилавках магазинов, становясь библиографической редкостью.

Подлинная гражданственность в сочетании с крепкой «закрученностью» сюжета, с яркими полнокровными образами, живым, «разговорным» диалогом делают их произведения подлинно кинематографическими. Они просто просятся на экран.

Меня с братьями Стругацкими связывает многолетняя творческая и личная дружба. Нами делались неоднократные попытки экранизации отдельных произведений, однако, по целому ряду обстоятельств ни одна из этих попыток успеха не имела.

Ставя другие фильмы по другим сценариям я всегда был твердо уверен, что главное дело моей жизни — это все-таки кинофантастика. Какова же была моя радость, когда я узнал, что первый вариант оригинального сценария «Мальчик из преисподней» принят Центральной сценарной студией. В то время я заканчивал в Киргизии свой фильм «Водопад» и не мог ознакомиться с этим вариантом сценария. Прочесть его я смог лишь вернувшись в Москву. Ознакомился я также с заключением сценарно-редакционной коллегии по первому варианту сценария.

Мы с Аркадием Стругацким тщательно проанализировали сценарий, замечания участников обсуждения: Е. Григорьева, Б. Метальникова, А. Кончаловского и др. Аркадий Стругацкий вместе со мной наметил план переделки сценария. Сценарий, что называется, будет «прописан» заново от начала до конца. Вот как это будет выглядеть.

---

[1] Несложно представить себе реализацию всей этой фантастики на Одесской киностудии. Актеры-подростки, которые деревянными голосами произносят реплики, и робот Драмба — здоровенный дядя в цветном гидрокостюме и картонном шлеме с лампой во лбу... — *В. Д.*

После пролога, непосредственное действие фильма начнется с суда над Корнеем. Его судит трибунал прогрессоров. Корней обвиняется в тягчайшем преступлении, он вмешался в жизнь иной цивилизации, похитив оттуда Гая, он, тем самым, нарушил естественный ход развития этой цивилизации.

Тут я должен сделать некоторое отступление. Мы с автором пришли к выводу, что всевозможные «утопические» интерьеры, аксессуары и пр. должны быть категорически исключены из нашего фильма. Уровень цивилизации Земли таков, что людям, например, не нужны уже какие-либо летательные аппараты, они сами научились летать. Кстати, это тоже одно из немаловажных изменений, которое будет внесено в сценарий.

Итак, суд над Корнеем — острая, драматическая сцена. Корней яростно отстаивает свою правоту: «Не может человек равнодушно смотреть на страдания другого, пусть даже инопланетчика — иначе он перестает быть человеком». Однако, факт преступления налицо, и трибунал выносит суровое решение: «Приговорить к высшей мере наказания — к одиночеству».

В отношении Гая трибунал принимает несколько неожиданное решение — раз уж мальчик из преисподней оказался на Земле, то его следует послать к сверстникам, будущим прогрессорам. Пусть не только он поучится у ребят Земли, но и они у него поучатся. «Слишком они стерильны растут у нас. Мы оградили их от всех бед и несчастий, от горя и страданий, от ненависти и отчаяния. А ведь там, где им предстоит работать, они столкнутся со всем этим...»

И Гая направляют в лагерь прогрессоров... координатором, командиром.

Такой поворот дает возможность для ряда порой забавных, а порой и остродраматических ситуаций.

Так Гай с помощью ребят и, естественно, чудодейственной техники будущего (кстати, вся тема робота будет исключена из фильма) возвращает к жизни древний танк, вросший с землю после боев, которые гремели здесь когда-то, триста лет назад. Разъезжая на танке, он проводит с ребятами «учения».

Ребят посещает Корней. Это последний его день на Земле, с людьми. Корней ведет Гая к братской могиле среди древних, покрытых шрамами деревьев.

Эта земля, эта могила, эти деревья помнят, что происходило здесь триста лет тому назад. Не надо никаких теле- и киноэкранов, по приказу Корнея память земли и деревьев материализуется в зримые образы и перед потрясенным Гаем предстает яростная картина давнего боя. Гай поражен мужеством и отвагой людей. Он не может сдержать слез, видя, как на его глазах гибнут советские воины. Он пытается броситься к ним на помощь, но Корней удерживает его, изображение боя исчезает.

За всем происходящим наблюдает пожилая женщина, председатель трибунала. Отослав Гая, она остается наедине с Корнеем. Далее следует ключевая остро-психологическая сцена, в результате которой женщина признается Корнею, что ее, маленькую девчонку, спас из-под огня триста лет назад пришелец из будущего. Тогда был бой и это спасение стоило жизни многим нашим бойцам. Погиб здесь и дальний предок Корнея. Еще и еще раз она доказывает Корнею преступность его поступка. Однако, мы понимаем, что по-своему прав и Корней.

Этот разговор слышит Гай. Теперь он понимает, что именно он, его спасение из преисподней — причина беды Корнея. Гай принимает решение.

Именно отсюда начинается история с изготовлением автомата. Только Гаю помогает не робот, а сами ребята, словно не подозревающие о конечной цели своей работы.

Автомат готов. Гай приходит проститься с Оборотнем (этот образ кажется мне чрезвычайно интересным, его следует разработать более широко и подробно).

Далее следует эпизод «Бой Гая». Гай подводит свой танк к братской могиле, вызывает картину боя и бросается на своем танке в самую гущу схватки. Мотор глохнет. Гай вылезает из люка и начинает яростно строчить из автомата по бесплотным теням фашистов.

Встревоженные выстрелами бегут ребята. Изображение боя исчезает, перед Гаем растерянные ребята. Именно здесь происходит разговор, в котором Гай требует, чтобы его отправили обратно. Он должен быть снова там, в преисподней, чтобы быть вместе со своим народом, чтобы спасти Корнея.

Гай угрожает ребятам, наставив на них автомат.

Далее новый вариант сценария не будет иметь существенных расхождений с первым.

Окончательный вариант сценария будет представлен в Сценарную студию не позднее 5-го апреля.

Сценарий Стругацкого, я в этом убежден, будет настолько ярок и своеобразен, что поставленный по нему фильм послужит началом нового этапа развития советской кинофантастики.

С искренним уважением

Ю. Борецкий

РУКОПИСЬ

Черновик ПИП идет с рукописной правкой, есть и заметки на полях. К примеру, при первой встрече Гага и Корнея на полях значится: «Уточнить мотивировки Корнея. Гаг нужен ему (1) для реконструкции Гепарда, (2) как возможный будущий агент». Поэтому Авторы, описывая разговор Корнея и Гага в гостинице, исправляют слова Корнея («Во-вторых, было бы просто обидно не показать тебе наш мир, отправить тебя обратно, не заразив тебя нашим миром») на: «Во-вторых, для всех будет лучше, если ты увидишь наш мир... пусть даже только кусочек нашего мира. Ну, а в-третьих, я тебе честно скажу: ты мне можешь понадобиться». Еще запись на полях: «Впервые видит звездолет; двое ушли в дом, а звездолет исчез; Гаг идет в дом и снова останавливается перед надписью; добавляет: "Кто ты?"» Опять запись: «Видит в окно четверку людей в форме десантных войск. Хотел кинуться за ними, но что-то остановило». На полях текста, где рассказывается о знакомстве Гага с Драмбой замечание: «Расспрашивает о доме и "призраках"».

Размышляя о Корнее, в рукописи Гаг думает: «Но ведь и Корней вроде бы не крысоед! А может быть, как раз крысоед? Что я о нем знаю? Мягко стелет, сладко кормит... Больше, кажется, ничего. А если он на задании? А если ему сказано: любой ценой, мол...» В журнальном издании тон чуть-чуть меняется: «Но ведь и Корней вроде бы не крысоед! Я всяких крысоедов насмотрелся, и алайских наших, и имперских, а такого видеть не приходилось. А с другой стороны, что я о нем знаю? Мягко стелет, сладко кормит... больше ведь ничего». В книжных вариантах от этих размышлений осталось лишь одно предложение: «А если у него такое задание, сказано ему: любой, мол, ценой...»

ИНТЕРЕСНЫЕ ПОДРОБНОСТИ

В рукописи ПИП присутствует немало интересных деталей, позже Авторами убранных или измененных. К примеру, Данг, юноша-математик, значится в рукописи не южным, а северным алайцем; фамилия Гепарда — не Дигга, а Дидда; созвездие же Жука здесь называется созвездием Вопаллы.

Узнают Бойцовых Котов в рукописи не по форме (обмундированию), а по нашивкам.

В черновике Гаг, очутившись в больнице и похваляясь Корнею и доктору («Мне пожимал руку его высочество, лично!»), еще и грозит: «Если вы попытаетесь запихнуть меня куда-нибудь каптером, вы ответите!»

В изданиях Корней спрашивает Гага, когда тот спокойно воспринимает рассказ о чужой цивилизации и интересуется подробностями: «Ты, кажется, вообразил себя на занятиях по диверсионно-разведывательной подготовке...» В рукописи присутствует более подробный диалог:

— У вас в школе, вероятно, были занятия по диверсионно-разведывательной подготовке...

— Так точно.

— Ты, например, изображал диверсанта, а твой преподаватель — местного жителя. Было?

— Немножко не так, господин офицер. Я изображал диверсанта, который играет местного жителя.

Костлявый кивнул.

— Насколько я понимаю, ты воображаешь, что и сейчас мы занимаемся чем-то вроде этого...

После предложения Гагу одеваться и обещания кое-что показать Корней добавляет: «Будет страшно, но зато интересно. Не пожалеешь». О форменной одежде Корней в рукописи говорит не «Обойдешься без формы», а: «Форма тебе больше не понадобится», что противоречит как дальнейшим событиям, так и возможности использования Гага как агента.

Вместо описания, как неестественно воспринимали окружающие Корнея (отводили и опускали глаза, переставали улыбаться

и разговаривать), в черновике идет: «Несколько человек в ярких и, прямо скажем — легкомысленных нарядах о чем-то беседовали посреди зала, Корней махнул им рукой, кое-кто кивнул в ответ. Гаг поспешно отвел глаза от вызывающе красивой голоногой девицы не то в коротких штанах, не то в непозволительно короткой юбке, неторопливо проходившей мимо». Отсутствует в черновике и описание встречи Корнея с бывшей женой. О выздоровевшем инопланетянине — Гаг только позже замечает его странные уши, а сначала: «Гаг проводил его глазами. Обыкновенный человек в обтрепанных брюках и белой рубашке с короткими рукавами».

Уже находясь в доме Корнея, Гаг размышляет, не декорации ли это: «Может быть. <...> Во всяком случае, если это подготовка, то средств на меня не жалеют. Одна декорация сколько должна стоить, все эти степи, зеброжирафы, шишки на лысине у того типа в госпитале... А город? <...> Или, скажем, ночное небо. Ну пускай, астрономии я не знаю, Бойцовому Коту астрономия, прямо скажем, ни к чему — всякие там спектры, молекулы... Но уж звездное-то небо мы знаем, определиться с точностью до ста метров умеем, уж склонение Седьмой Вопаллы у нас от зубов отскакивает... А здесь небо незнакомое. Во всяком случае, ни одного знакомого созвездия нет».

И далее, еще в первых раздумьях Гага по поводу цели его пребывания здесь:

Все это, конечно, возможно. Но какое же это должно быть задание, чтобы таких сумасшедших средств не жалеть? И это ради одного диверсанта! Или я здесь не один? Или в этой спецлаборатории нас целая рота? Да нет, какая здесь к чертям декорация? Что я выдумываю? Все здесь настоящее. Деревья настоящие, еда настоящая, земля настоящая. Вот, пожалуйста, летит насекомое. Сроду я таких не видел. Тоже декорация? Зачем?

Как ни крути, а попал я, ребята, на другую планету. И с этого, ребята, все мои заботы начинаются. Первый вопрос: кто в этом случае есть Корней? Тут одно из двух. Или этот Корней на самом деле землянин, как он мне все время твердит, или? Вот то-то и оно. Наша разведка лучшая в мире, уж мы-то, Бой-

цовые Коты, кое-что об этом знаем. Тогда складывается у нас такая картина. Есть на белом свете эта самая разэтакая Земля. И сидит на ней резидентом офицер разведки, человек, сразу видно, большой, и шутки с ним плохи. И нужен ему для каких-то целей помощник. Он здесь уже кое-кого навербовал из местных, но ему свой человек понадобился, совсем свой. И вот подбирают на поле боя Бойцового Кота при последнем издыхании, объявляют его на родине геройски погибшим, а самого перебрасывают сюда. Потому что он хотя и котенок еще, но зарекомендовал себя, ребята, неплохо. Доверять ему можно, и толк из него будет. Но если это так, то я же должен быть на высоте! Я же... Я ведь... А, змеиное молоко, что же я должен? Чего от меня ждут? Должен я понимать то, что я понимаю, или нет? Если не понимаю, значит, дубина, не в разведке мне работать, а сапоги бэ-у в каптерке пересчитывать с дикобразами. А если понимаю, то как мне ему дать знать, что я понимаю, если он на каждое мое слово мне десять? Я ему этак осторожненько, намеком: какие будут приказания, какая предстоит задача? А он мне с улыбочкой, но нетерпеливо как-то: да брось ты, Гаг, какие там еще приказания и задачи? Учись, присматривайся, читай... Читай! Через три-четыре месяца, мол, домой вернешься, начнешь строить новую жизнь, то-се... И вообще, о войне он говорит с каким-то пренебрежением, словно это какая-то досадная пустяковина, а не главное дело всей жизни настоящего алайца; о его высочестве герцоге если когда и упомянет, то с какой-то раздражающей усмешечкой; от Пяти принципов просто ручищей отмахивается, как от мухи... Проверка? Кого же ты проверяешь? Бойцового Кота проверяешь? Правда, и об императоре крысином он раз так выразился крепко, что я сразу понял: наш человек, сорвалось у него по-видимому. Но это — единственный раз!

Тут ведь вот еще какая тонкость. Он утверждает, что через три-четыре месяца война окончится, что они, то есть земляне, приняли какие-то особые меры для окончания войны и прекращения кровопролития. Хорошо. А кто победит? А никто не победит, отвечает. Не будет, говорит, никакой победы. Просто будет мир. Ну что ты ему на это скажешь? Ну дико же! Или я это должен понимать так, что работать мне придется там же,

дома, но в совершенно других условиях? Сначала я было подумал, а не намекает ли он, что его высочество потерпел поражение? Сел на нас император, и там теперь придется драться в подполье... Змеиное молоко, у меня нервы не выдержали, убежал я куда-то и разревелся, как баба, теперь вспомнить стыдно. Но он меня нашел, успокоил, сказал, что остановили мы их на линии рокады, что фронт стабилизировался. Значит?.. Возможно, его высочеству благоугодно заключить временно мир из высоких стратегических соображений, и война теперь начнется тайная, небывалая, и к этой-то новой войне меня как раз и готовят? Нет. Никуда все это не годится. Не вяжутся здесь концы с концами. Эх, Гаг, безусый ты котенок. Гепард небось мигом бы разобрался, что к чему...

Гепард... Вспомнил я про Гепарда, и снова у меня ком в горле.

<...> А я, Гепард, влип. Ох и влип же я! Где ты там сейчас, вразуми, подскажи мне, кто такой Корней, как мне держаться...

Самый тяжелый вариант — это если Корней никакой не офицер, а настоящий чужак, житель этой планеты. Если все, что он говорит — это правда. Могучие они здесь, стервецы, могучие, простым глазом видно. И получается тогда, что против них, всей их мощи я здесь один. И никто, кроме меня, о них не знает. Они ходят по нашей планете, как у себя дома, и никто их не замечает. Они про нас знают все, а мы про них — ничего. С чем они к нам пришли? Что им у нас надо? Что им надо от нас? Что им надо от меня? Страшно...

Во время осмотра музея Гаг снова возвращается к мыслям о Корнее.

Ну, ходим мы вот так, ходим, Корней рассказывает, горячится, а мне уже даже немножко надоело, и стал я почему-то думать, с чего это Корней один живет, где у него жена, дети. Неужели же он этот самый ученый чудак, которому ничего в жизни не надо, только смотреть в микроскоп на козявок да ковыряться в лягушачьих кишках? Непохоже что-то... Но уж больно он страстно обо всей этой космозоологии излагал. Прямо бзик какой-то у человека. И стало мне вдруг окончательно понятно, что никакой он не наш офицер и никакая все это не

проверка. Да. Вот ходим мы, ходим, половину уже осмотрели. И начинают мне приходить в голову странные мысли. Вот жило все это зверье, поживало за тысячи световых лет от этого места.

После ответа на вопрос Корнея, как Гаг понимает свое положение («Всецело нахожусь в вашем распоряжении»), Корней не повторяет как в изданиях («В моем распоряжении...»), а замечает: «Это еще неизвестно, кто в чьем...»

Позже, когда Корней сообщает Гагу, что война на Гиганде окончилась, Гаг снова возвращается к сомнениям, кто же на самом деле Корней, и говорит ему: «Я не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете, Корней... Я вам не верю. И я не понимаю, чего вам от меня надо. И я больше не могу. Я — Бойцовый Кот. Если я на испытании, то я сдаюсь. Не годен. Отправьте меня в линейные части. А если я... А если вы... Тогда скажите, чего вам от меня надо».

Более подробно Корней рассуждает и после извинения Гага за слова «Только смотрите, как бы я ЗДЕСЬ не стал опасен»: «Старый дурень! Я вообразил, что тебе нужна правда! Ты мог заметить, что за все время нашего знакомства я не солгал тебе ни разу. Но в этом случае я должен был если не солгать, то хотя бы промолчать... Все-таки в моем возрасте и с моим опытом пора бы, кажется, знать, что есть люди, которые могут выдержать удар судьбы, а есть люди, которые от такого удара ломаются. Первым рассказывают правду, вторым рассказывают сказки. Так что ты тоже прости меня, Гаг. Я обязан был разобраться в тебе как следует, но...— Он развел руки.— Давай-ка постараемся забыть эту историю».

О недоверии к Драмбе. Гаг думает: «Лучше без него. Пусть только сделает то, что мне надо, а потом я его ВЫКЛЮЧУ К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ...» Выделенное изменено позже на ОТКОМАНДИРУЮ.

После подробностей о Данге, которые Гаг узнал из бумаг, брошенных ему в сердцах Корнеем, Гаг размышляет: «Там еще много чего было. Много похожих историй. И получалось, что эти земляне, и Корней, конечно, всяких бесполезных людишек, которых мы и за людей-то не держим, так, за мусор, поэтов всяких, писателей, головастиков одним словом, оберегают и как бы хра-

нят для нас же до лучших времен. Причем не то чтобы возят на Землю, нет, там же у нас и поддерживают, подкармливают, не дают загнуться под колесом истории... Вообще-то даже трогательно».

Более подробно в рукописи говорится и о зачастившем народе в дом Корнея: «Из подземелья прут, из будки стеклянной, что на лужайке, то и дело выскакивают, как пули из обоймы».

ИЗМЕНЕНИЯ В СЮЖЕТЕ

Различия черновика и окончательного варианта ПИП состоят не только в интересных подробностях или стилистической правке. Присутствуют в черновике и сюжетные линии, отсутствующие в публикациях.

В описании обеденного разговора Гага с Корнеем вместо упоминания о Луне дается такой диалог:

— Придумал, где бы тебе хотелось побывать?

— Нет. То есть да.

— Ну?

Эх, была не была, подумал я.

— Очень мне интересно узнать, как работают ваши звездолеты.

— Уточни. Хочешь увидеть — как? Или хочешь узнать — почему?

— Да нет, я для начала просто хотел бы посмотреть, как все это выглядит. Скажем, у нас для самолетов нужны взлетные площадки. А для звездолетов?

— Тут, брат, все зависит от того, куда тебе надо лететь. Для сверхдальних рейсов существуют огромные махины, они стартуют из космоса или с Луны. Для средних расстояний у нас используются так называемые «призраки». Это небольшие корабли, действующие на принципе нуль-транспортировки. Они могут стартовать откуда угодно, хоть из этой комнаты. А для постоянных, налаженных трасс можно пользоваться нуль-кабинами. Набираешь шифр — и через десятую секунды ты там. Чего не ешь?

Я спохватился и стал есть, не чувствуя вкуса. Нуль-кабины. У него ведь прямо в саду стоит нуль-кабина. Мы через нее сюда и явились.

— Существуют еще грузовые космодромы,— продолжал Корней.— Это для кораблей-автоматов. Здесь неподалеку тоже есть один. Снабжает инопланетной продукцией весь наш район. Там сообщение конвейерное, все это можно посмотреть.

— Да,— сказал я.— Обязательно посмотрю.

После эксперимента с Драмбой и обелиском и плохой ночи Гаг в окончательном варианте рано утром видит приземлившийся «призрак» и инопланетян с оружием. Первоначально же Авторы думали повести сюжет в другом направлении, написали даже две страницы, но позже отказались от них:

Ох, ребята, бедная моя голова. Хоть ложись на спину, и пусть несет, куда несет.

Только под самое утро голова моя наконец немного прояснилась. Может быть, потому, что я перестал думать о Корнее и об этой истории с обелиском. Приказал себе перестать. Будем считать, что первая операция решительного успеха не принесла, и примемся за вторую. Когда небо за окном стало светлеть, я тихонько оделся — натянул на себя все это сине-белое,— сунул в карман списочек с номерами и вылез в сад. Тишина стояла первобытная, даже птицы молчали. Роса была обильная, ноги мои моментально стали мокрыми выше колен, и продрал меня озноб, то ли от этой сырости, то ли опять же от нервов. Уже около самой будки я вспомнил, что собирался захватить с собой кое-какую жратву, с вечера свернул кулечек, да так и забыл его в тумбочке. Ну ладно, не сдохну. Не впервой.

Ступил я в темную будку — в ней, конечно, моментально сделалось светло,— достал свою шпаргалку и дрожащим пальцем нащелкал первый номер. Потом губу закусил и изо всех сил ткнул в красную стартовую клавишу. Фига тебе. Загорелся над пультом красный. Что-то не то, ребята. Что-то я напортачил. Либо номер неправильно набрал, либо вчера впопыхах списал что-нибудь не то. Ладно. Первый выстрел пристрелочный. Погасил я старый номер, набрал новый — медленно, над

каждой цифрой по часу думал. Проверил. Вроде бы все правильно. Нажимаю старт — опять фига. Так, думаю. Это уже хуже. Погасил я и этот номер, стою и думаю, что же делать дальше. И вдруг вижу — перед самым носом у меня приветливо этак светятся «Правила пользования». Надо понимать, для деревенских охламонов или для ребят из захолустья, вроде меня. Так... «Наберите шифр... Если красный свет...» Ага! «Пункт второй. Если шифр финиша Вам не известен, трижды нажмите клавишу 0 и получите справку...» Вот это другое дело. Нажал я клавишу ноль. Трижды. Клавиша ноль осветилась изнутри, и какая-то дамочка произнесла приятным голосом: «Справочная нуль-тэ». Я прокашлялся и говорю: «Арсенал». Дамочка пожужжала чего-то, потом говорит: «Повторите, пожалуйста, по буквам». Я разозлился, но деваться некуда: повторяю ей по буквам. И только последнюю букву произнес, как клавиша 0 погасла, в пульте затрещало и зацокало, и загорелся наконец родимый зеленый огонек. А под пультом — там такая черная шкала есть — появились светящиеся цифры. Я сразу понял, что это шифр арсенала, чтобы я этот шифр записал и больше дамочку в этот ранний час не тревожил. Шифр этот, конечно, на мой был и отдаленно не похож. Кроме всего прочего, был он восьмизначный. А в справочнике, из которого я шифры выписывал, все шифры были шестизначные. Век живи — век учись. Нажал я стартовую клавишу.

Гоп! Пол из-под ног ушел и вернулся. Готово. Арсенал. Приоткрыл я дверь и выглянул. Сейчас, думаю, часовой меня: «Предъяви пропуск!» Нет, не угадал. Не видать никакого часового. Кабина стоит посреди низкого такого круглого зальца, и от зальца этого по радиусам отходят коридоры или там тоннели, не знаю, как правильно. Шесть коридоров, и все совершенно одинаковые. И никаких надписей, ничего. Эх, думаю, была не была. Выбрал наугад один коридор, да и зашагал по нему. Дверей, конечно, видимых нет, так что получается скорее не коридор, а тоннель. Народу — ни души. Гудит где-то мерный такой, приглушенный гул. Вентиляторы, что ли, работают. Вообще похоже на бомбоубежище. Нутром чувствую, что нахожусь глубоко под землей. И хоть бы одна дверь! Хоть бы надпись какая-нибудь!

И только я это подумал, как упираюсь я в тупик, и глухая стена передо мною раздвигается, и даже не раздвигается, а я бы сказал, растаивает. И с разбегу влетаю я в еще один зал, на этот раз полукруглый.

Ну, что я ожидал? Что может нормальный человек ждать от арсенала? Так вот здесь ничего этого не было. Посередине зала за столом сидел спиной ко мне человек в пестрой куртке с надписью «АРСЕНАЛ» на лопатках. Чего-то он [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

Второй вариант продолжения идет уже в основной части черновика, после «призрака» и попытки Гага завладеть брошенным на ступеньках дома оружием инопланетян с помощью Драмбы, после того как он вспомнил самое светлое в своей жизни и снова уснул.

Корней разбудил меня, когда солнце вовсю уже лупило в мое окно.

— Завтракать!

Я вскочил, натянул на себя все это сине-белое, нашарил под койкой сандалии. Вспомнил про ушибленный палец и даже не очень удивился, когда обнаружил, что ноготь цел, палец как новенький, и никакой боли. Спасибо. Обошлись бы и без этого, но раз уж так, то спасибо. Проклятое окно, пока я спал, опять расширилось на полметра. Пришлось его водворять в положенные рамки. Заодно выглянул — арсенал на крыльце, натурально, исчез, а следы-ямы еще были видны, но уже зарастали молоденькой зеленой травкой. Лукавый мир...

Я спустился в столовую и бухнулся на скамью напротив Корнея. Я все ждал, что он спросит, почему я не умылся, чтобы ответить ему дерзко, но он не спросил. Он спокойно жевал свою траву, с аппетитом хрустя, и о чем-то размышлял, рассеянно поглядывая поверх моей головы. Много бы я дал, чтобы узнать, о чем он там размышляет, что ему на самом деле от меня надо, и что ему надо от всех нас. Странное дело: когда я смотрел на его лицо, все мои черные мысли пропадали куда-то. Было у него что-то в лице, то ли детское, то ли наоборот, очень мужественное — словом, лицо человека без всяких тайных умыс-

лов. И я все время должен был напоминать себе: осторожно, Кот, другом он тебе быть не может, не с чего ему быть твоим другом, а раз он не друг, значит враг... Так и сидели мы лицом к лицу. Я уплетал какую-то вроде бы рыбу, прихлебывал горячее пойло, а потом взял и сообщил ему осторожненько:

— Сон я сегодня один видел... диковинный такой...

— Что? — спросил он, будто очнувшись.

— Сон,— сказал я и рассказал ему про корабль, про человека с двумя лицами.

Он засмеялся.

— Не хитри, не хитри,— говорит.— Сон... Это один мой друг прилетел, он тоже не землянин, вроде тебя...— Он снова засмеялся.— Да, тебе, наверное, было довольно странно на него смотреть... Испугался?

— Да нет,— возразил я небрежно.— Только вот оружие у него... Я хотел посмотреть, так оно... как бы это сказать... в руки не дается, что ли...

Он кивнул с самым серьезным видом.

— Это у них так. Оружием может пользоваться только тот, кому оно вручено. А то были случаи...— Он помолчал.— Страшные случаи были.

— Что, даже вы не можете? — спрашиваю.

— Почему «даже»? Никто не может. Только тот, кто вручает, и тот, кому вручают. По-моему, это правильно.

По-моему, это тоже было правильно, но я об этом распространяться не стал, а спросил:

— А у вас на Земле с оружием тоже так?

Он медленно покачал головой.

— Не-ет. У нас на Земле не так. У нас, Гаг, оружия вообще нет. Разве что в музеях.

Я обалдел, а потом разозлился. Что он меня — за дурака считает? У меня даже охота разговаривать с ним пропала. Придумал я себе еще чашку пойла и уткнулся в нее. А он говорит:

— Не веришь, чудак... А ты подумай: зачем нам оружие?

Я только плечом дернул, а он пристал, не отстает:

— Нет, ты все-таки подумай. Друг с другом мы давно уже не воюем. Нападения из Космоса не предвидится. Некому нападать. Те, кто хотел бы напасть, не умеют. А кто умеет, тем на-

падать незачем, они наши друзья, мы работаем вместе... Так зачем нам нужно оружие?

— Так точно,— сказал я ему.— Незачем вам оружие. Действительно.

Это, значит, надо понимать, что того зеленого зверя он голыми руками добыл. И вообще все эти скелеты. Я уж не говорю про то, что на мою землю им без оружия лучше не соваться, мы — люди сердитые. У нас без оружия никто ничего не добивался. И нечего передо мной комедию разыгрывать, будто ты этого не понимаешь самым распрекрасным образом. Я понимаю, ты у меня все доверия добиваешься. Ну, так таким способом не добьешься. Не на того напал. Тут он допивает свой желтый сок, сбрасывает свою посуду в мусоросборник и спрашивает:

— А почему ты, Гаг, мне вопросов не задаешь?

Вот тебе и на — вопросов я ему не задаю... «Чтобы вранья поменьше слушать»,— хотелось мне сказать, но я ему другое ответил:

— Почему же не задаю? Задаю...

— Понимаешь,— говорит он, и тон у него такой, будто он передо мной извиняется.— Я ведь не могу тебе длинные лекции читать. Во-первых, у меня времени на это нет, ты уж извини... А во-вторых, это, по-моему, скучно... Посуди сам, какой интерес выслушивать ответы на вопросы, которые ты не задавал. Или ты иначе считаешь?

Я решил от греха промолчать. Мне эта тема не нравится. Вопросов я ему задавать не хочу: мне это ни к чему, чтобы он мои вопросы знал. Будь он пленный у меня, ну, тогда другое дело, а пока вроде бы наоборот все обстоит у нас с ним. Нет уж, лучше ты меня спрашивай, а я постараюсь как-нибудь без вопросов. Кое-что я уже и без всяких вопросов понял.

Корней подождал-подождал, вздохнул и поднялся.

— Ну, как хочешь,— говорит.— Тогда сам осматривайся. Все к твоим услугам. Как вы с Драмбой — поладили?

— Так точно,— говорю.

— Ну и хорошо. У него спрашивай, он тоже кое-что знает. Ах да! — спохватился он.— Он же отстал лет на пятьдесят... И к информаторию, наверное, не может подключиться, бедняга... М-м-м... Ну ладно, придумаем что-нибудь.

И ушел. А я остался сидеть, потому что из всей этой лукавой трепотни поразили меня вдруг его слова: «Все к твоим услугам». Это, значит, как надо понимать? Ходи, где хочешь, смотри, что хочешь, бери, что хочешь... Так. То есть, он-то, конечно, думает, что у него здесь все шито-крыто, и ничего полезного для себя я здесь не найду... Может быть. Может быть, он, конечно, и рассчитал на сто лет вперед. А может быть, и не всё! Во всяком случае, выбирать мне не из чего...

Вскочил я, побросал чашки-ложки в лючок, а сам вернулся к себе и первым делом натянул на себя форму. Я себя в ней человеком чувствую, понятно? Форма — это большое дело, ребята. Мне бы еще в руки что-нибудь... Хоть кинжальчик какой-нибудь самодельный. Нет ведь ничего... Взял я и для смеху положил себе в карман автоматный патрон.

Куда идти — мне было ясно. Прошел я на цыпочках в тот коридорчик, для начала, конечно, посмотрел, как там моя переписка. Честно говоря, ничего нового я не ожидал увидеть. Хо! Отозвался мой математик! Тем же парадным шрифтом под моим вопросом было выведено: «Твои друзья в аду». Вот тебе и на... Что же это получается? «Кто ты, друг?» «Твои друзья в аду». Значит, их тут несколько... Почему не пишут, кто они? Боятся? И почему в аду? Я посмотрел на дверь в конце коридора. Может быть, там тюрьма? Или что-нибудь похуже? Что же вы, ребята, толком ничего не сумели написать? Не-ет, этот коридорчик надо взять под наблюдение. Что же мне сейчас им написать? Чтобы они сразу все про меня поняли... Черт, математики я этой не знаю. Может быть, тут у них в этих формулах все зашифровано. Напишу-ка я им, кто я есть. Чтобы они знали, с кем имеют дело и на что я годен. Напишу я им... Я достал огрызок карандаша и нацарапал, уже без всякого парада: «Бойцовый Кот нигде не пропадет». Очень мне понравилось, как я это придумал. Любому ясно, что я — Кот, что я бодр и что готов к действиям. А если даже это ловушка — мне вдруг пришло в голову, что все это мог подстроить и Корней, уж что-что, а математику нашу, как и наш язык, он наверняка знает — что ж, пожалуйста, ничего такого я не написал...

Ладно. За коридорчиком этим мы понаблюдаем. А сейчас пришла пора посмотреть, что у них за этой дверью. Разреше-

ние у нас есть, все здесь в нашем распоряжении. Вот и займемся. Я подошел к овальной двери и осторожно потянул на себя. Она открылась легко и совершенно бесшумно, хотя оказалась массивной и толстой, как стена. Сразу за порогом начиналась лестница. Винтовая. Набрал я в грудь воздуху и стал по ней спускаться, придерживаясь за стенку, гладкую и теплую на ощупь. Где у них здесь лампы, змеиное молоко? Ни одной ведь лампы не видно, а светло, как на дворе. Да, ребята, эту загадку мне так, наверное, никогда и не разгадать. И не надо. Обойдемся. Ступени под ногами мягкие, пружинят, блестят, словно новенькие, словно по ним не ступал еще никто. Стал я было их считать, но тут они кончились, и оказался я посреди низкого такого, круглого зальца. От зальца этого по радиусам отходили коридоры или там тоннели, не знаю, как правильно. Шесть коридоров, и все совершенно одинаковые. И никаких надписей, ничего. Эх, думаю, была не была. Выбрал наугад один коридор, да и зашагал по нему. Дверей, конечно, видимых нет, так что получается скорее не коридор, а тоннель. Народу ни души. Гудит где-то — мерный такой, приглушенный гул. Вентиляторы, что ли, работают. Вообще похоже на бомбоубежище или, скажем, на арсенал. Нутром чувствую, что нахожусь глубоко под землей, хотя спустился я вроде бы всего-то на каких-нибудь пять-шесть метров, а значит, должен быть не глубже, чем в подвале, где-нибудь на уровне того музея со скелетами. И хоть бы одна дверь! Хоть бы надпись какая-нибудь!

И только я это подумал, как упираюсь я в тупик, и глухая стена передо мною вдруг раздвигается, и даже не раздвигается, а, я бы сказал, растаивает. И я с разбегу влетаю в еще один зал, на этот раз полукруглый. Уж не знаю, чего я ожидал увидеть в этих катакомбах, но уж во всяком случае не то, что увидел. Посредине зала стоит стол, длинный такой и выгнутый в виде дуги, а за столом сидит спиной ко мне человек в пестрой куртке с надписью «ГАДАНДА» на лопатках. Что еще за «Гаданда»? И тут до меня доходит. Братцы, да ведь так здесь называют мою родную планету! Вот так-так... Может быть, это я на земляка сразу выскочил? Нет, не похоже. Сроду мои земляки такими делами не занимались.

А этот пестрый вот чем занимается. Перед ним по всей вогнутой стене что-то вроде огромной цветной картины или, как я сначала подумал, географической карты. Пятна какие-то — серые, белые, оранжевые, зеленые... которые резкие, которые размытые, и не сразу я уловил, ребята, что они медленно так, все время меняют цвет: белые становятся цветными, цветные — белыми, а некоторые пятна и вовсе гаснут, на их месте вроде бы глубокие черные дыры получаются. А этот пестрый лоб все время чего-то на своем столе руками выделывает. Что именно — мне за его спиной не видно, но только локти и лопатки у него так и ходят, так и ходят. Он работает, я смотрю. Он работает, я смотрю. И тут со мной начинает происходить. Гипноз, что ли... Он двигается, и пятна двигаются, он вправо, и пятна вроде бы поползли вправо, он влево, и пятна влево... и в глазах у меня все влево, и сам я вроде бы тоже влево, я аж за стену ухватился, чтобы не упасть. И вот мы все так и качаемся, как в сатанинском каком-то танце, у меня в ушах уже какая-то музыка вроде бы звучать начала — хриплая, многострунная, как это бывает, когда в поезде едешь, и в голове сквозь стук колес начинает играть или петь. Чувствую, что пропал я совсем. Хочу попятиться — ноги не слушаются, и тут этот пестрый — а я уже вижу его вроде бы как сквозь туман — вдруг застывает и уставляется в верхний левый угол, и я, конечно, тоже туда уставляюсь, потому что иначе я не могу. А там посреди мешанины пляшущих пятен, в путанице линий и разводов разгорается яркий такой красный огонек. Все ярче, все ярче, уже глазам больно... И тут этот пестрый как повернется, как глянет на меня... Лица не помню, я только глаза его увидел, и глаз этих, ребята, я сроду не забуду. Весь гипноз с меня слетел, как я не знаю что... Это как бывало задремлешь на посту, сморит тебя, а Гепард как рявкнет над ухом, и ты как встрепанный... Слетел с меня гипноз, а сам я оказался в коридоре перед глухой стеной. Мокрый, как мышь. Да ну вас, думаю, к сатане с вашими штучками... И побрел обратно по этому же коридорчику, утираясь.

Дверей нет, надписей нет. Сейчас, думаю, опять в ту зальцу попаду. Иду, иду, иду, иду, нет зальцы. Коридор, поворот, новый коридор. Старый был кремового цвета, а новый зеленого с желтизной. И вдруг слышу я голоса. Разговаривает кто-то вда-

леке впереди. Я приостановился и думаю: а надо ли мне здесь с кем-нибудь встречаться? Не повернуть ли от греха назад? И пока я так думал, голоса эти приближались, и вывернул из-за угла какой-то человек с тележкой, с этакой платформой на колесиках. Глянул я на этого человека — змеиное молоко, черный! Мне даже на какую-то секунду показалось, что у него вообще головы нет. Но потом присмотрелся, вижу: есть голова. Только черная. То есть вся черная! Не только волосы, но и щеки, уши, а губы красные, толстые, белки глаз так и сверкают, и зубы тоже... Кого у них только нет здесь! Нет, это с какой же планеты его занесло сюда такого? Я прижался к стене, уступаю дорогу: проходи, мол, не задерживайся, только не трогай... Не тут-то было. Конечно же, он вместе со своей тележкой останавливается около меня, ослепляет меня своими белками и зубами и хриплым нутряным голосом произносит:

— По-моему, это типичный алаец...

Я сглотнул, киваю:

— Так точно,— говорю.— Алаец я.

И он начинает говорить со мной по-алайски, но уже не хриплым басом, а приятным таким нормальным голосом, тенором или, я не знаю там, баритоном.

— Ты,— говорит,— наверное, Гаг, Бойцовый Кот... Ну как, интересно тебе у нас?

— Так точно,— говорю.

Я уже разглядел его и вижу, что человек как человек. Ну, черный... ну и что? У нас на островах голубые живут, и никто им в нос не тычет. Одет нормально, как все здесь одеваются — рубашка навыпуск, короткие штаны. Только черный. Весь.

— Слушай,— говорит он.— А ты не заблудился?

Участливо так говорит. Совсем как Корней.

— Вид у тебя какой-то взъерошенный,— говорит.

— Да нет,— говорю я с досадой.— Это я вспотел просто, жарко тут у вас...

— А... Ты, главное, ничего здесь не бойся. Обидеть тебя здесь никто не обидит, а заблудиться здесь и вовсе нельзя, даже если захочешь.

Чисто так говорит по-алайски, между прочим, грамотно, и выговор у него такой столичный, с придыханием. Стильно

говорит. Ну, объясняет он мне что-то про этот коридор, куда он ведет, а я все поглядываю на его тележку и честно я вам скажу, ребята, ничего я не слышу, что он там мне говорит. Значит, так. Ну, тележка — она тележка и есть, не в тележке дело. А вот на этой тележке лежит у него громадный вроде бы кожаный мешок. Кожаный и вроде снаружи маслом облитый. Коричневый такой, вроде как куртка бронеходчика. Сверху он, значит, гладкий, без единой морщинки, а внизу весь какой-то смятый, весь в бороздах и складках. И вот там, в этих самых бороздах и складках я краем глаза еще в самом начале заприметил какое-то движение. Сначала думал — показалось. Потом... В общем, там был глаз. Оторвите мне руки-ноги — глаз. Какая-то складка там раздвинулась тихонько, и глянул на меня большой круглый темный глаз. Печальный такой и внимательный. Нет, ребята, я, наверное, зря сюда забрался. Оно конечно, Бойцовый Кот есть боевая единица сама в себе, и она способна справиться с любой мыслимой и немыслимой неожиданностью, но все-таки не о таких неожиданностях в уставе говорится...

Стою я, держусь за стенку и знай себе долблю: «Так точно... Так точно...» А сам думаю: увези ты это от меня, в самом деле, ну чего ты здесь встал? И понял мой черный, что надо мне передохнуть. Говорит хриплым басом:

— Привыкай, алаец, привыкай... Пойдемте, Джонатан.

А потом по-алайски нормальным голосом:

— Ну, будь здоров, брат-храбрец... Эк тебя скрутило... И не трусь, не трусь, Бойцовый Кот! Это ж тебе не джунгли...

— Так точно,— сказал я в сто сорок восьмой раз.

Блеснул он своими белками и зубами на прощание и двинулся со своей тележкой дальше по коридору. Поглядел я ему вслед — змеиное молоко! — тележка-то катится сама по себе, а он за ней вышагивает руки в карманы сам по себе, и уже раздаются опять голоса: один, значит, хриплый бас, другой нормальный, но говорят оба на каком-то неизвестном языке. А на лопатках у этого черного все та же надпись: «Гаданда». Хороша встреча, а? Еще одна такая встреча, и я в собственные сапоги прятаться начну. А может, и наоборот. Может, привыкну помаленьку... Привыкай, алаец, привыкай!

И двинулся я дальше, все время стараясь отгонять от себя воспоминание об этом глазе. И вдруг оказался ни с того ни с сего в том зальце с винтовой лестницей. Первая мысль у меня была: хватит, ребята, по домам пора. Но я себя, конечно, поборол. Рано еще по домам. Я пока, кроме страху, ничего здесь не набрался. А то, что главный гадюшник у них именно здесь, в этом я теперь был уверен. Достал я свой карандашик и аккуратненько крестиком пометил тоннель, из которого вышел. А затем сразу же перешел в соседний. Но теперь уже иду не дуриком, не вслепую. То есть, вслепую, конечно, но не дуриком, отступление себе обеспечил: держу карандашик в кулаке, иду вдоль стены и незаметно этак веду грифелем на уровне бедра. Раз оглянулся, два оглянулся — след хороший, на посторонний взгляд совсем не заметный, а для меня видный вполне отчетливо. Ну, иду. Попался мне один какой-то в белом халате, даже не остановился, только взглянул мельком, лоб сморщил, будто припоминая, да так и проспешил мимо. А в остальном — тихо, пусто, даже шагов собственных почти не слышу. Иду.

И тут случается такая вещь. То ли я на карандаш свой излишне нажал, то ли еще почему, но только объявляется сбоку от меня дверь, и я в нее вваливаюсь. Длинная комната, как кишка. Вдоль стен — железные полки. А на полках — чего только нет! И все непонятное. Какие-то стеклышки блестят, лакированные плоскости отсвечивают, вроде как в радиорубке на тральщике, когда нас в десант везли в устье Тары... Сколько там народу полегло, а нас так и не высадили... Ну ладно.

А в дальнем конце этой кишки стоят какие-то двое — один в белом халате, другой в рубашке и опять с надписью. Надпись: «ЛЕОНИДА». Не знаю, что это может значить. Наверное, тоже какая-нибудь планета, которую они терзают. Что они там делают, я, конечно, не понял. Один тянет прямо из стены полосу голубой бумаги, а другой смотрит и приговаривает: «Два квадрата... четыре квадрата... ромб... опять ромб...» Ну и так далее, всякую такую чепуху. А первый только такает: «Так... так... так...» Сначала я хотел уйти отсюда сразу же, ну их, однако тот, что в халате, вдруг заорал: «Есть!» и так рванул за эту бумагу, что она вовсе лопнула, и с этой бумагой, волоча ее за собой, понесся прямо ко мне. Я уж подумал — сшибет, отскочить при-

готовился, но он до меня не добежал, а остановился возле самых дверей и принялся ползать по этим железным полкам, приговаривая, как сумасшедший: «Двести шестнадцать триста два... Двести шестнадцать триста два...» И второй набежал, и тоже принялся ползать и бормотать. Сумасшедший дом, ей-богу, но интересно. Потом они вытянули откуда-то длинную тонкую штангу, блестящую, маслянистую, развинтили ее на две половинки и вынули изнутри какого-то розовенького червячка. С этим червячком они кинулись ко мне, отпихнули меня в сторону, как предмет какой-нибудь, а сами взялись за высокий, в рост человека узкий ящик или шкаф, один сдвинул какую-то шторку кверху, и образовалась в стенке ящика ярко освещенная ниша. В эту нишу они положили своего червячка — а червячок был и в самом деле как червячок, он то скручивался в колечко, то снова распрямлялся, совсем как живой, потом шторку задвинули, раздалось короткое гудение, вспыхнул на шкафе желтый глаз, этот, который «Леонида», снова поднял шторку и — смотри-ка! — в этой самой нише уже два червячка. Оба розовые, оба скручиваются и раскручиваются. «Леонида» опять опустил шторку, опять загудело, опять загорелся желтый глаз, опять поднял шторку — четыре червячка! И пошло у них, и пошло... Я только стою и глазами хлопаю, а они шторку вверх, шторку вниз, гудок, желтый глаз, шторку вверх, шторку вниз... Через минуту у них этих червячков набралась полная ниша. «Давай»,— сказал тот, что в халате, и «Леонида» сбегал и принес какой-то таз, вроде эмалированный. Выгребли они своих червячков в этот таз — меня чуть не стошнило от этой розовой шевелящейся кучи — и, не говоря ни слова, выскочили из комнаты и унеслись куда-то по коридору. Так.

Ничего я не понял, да здесь никакой нормальный человек бы не понял. Но одно я понял: это надо же, какая машина! Осмотрел я этот шкаф, даже попробовал сзади заглянуть, но голова не пролезла, только ухо прищемил. Ладно. А шторка поднята, и ниша эта так светом и сияет мне в глаза. Змеиное молоко! Я поглядел кругом, смотрю — бумага валяется. Оторвал клочок, смял, бросил в нишу — издали бросил на всякий случай, мало ли что. Нет, ничего, бумажка лежит себе, ничего ей не делается. Тогда я осторожненько взялся за эту шторку и потянул ее

вниз. Она легко двинулась, прямо-таки сама пошла. Щелк! И так же, как у них: загудело, и зажглась желтая лампа. Ну, Кот! Потянул я шторку вверх. Точно. Два клочка. Я их оттуда карандашиком осторожно выгреб, смотрю — одинаковые. То есть точь-в-точь! Отличить совершенно невозможно. Я их и так смотрел, и этак, и на просвет, даже, дурак, понюхал... Одинаковые.

Что же это получается? Золотой бы мне сейчас, я бы в миллионах ходил. Стал я рыться по карманам. Ну, не золотой, думаю, так хотя бы грош медный... Нет гроша. И тут нашариваю я свой единственный патрон. И ведь надо же: даже в этот момент я еще не понимал, что здесь к чему. Дай, думаю, раз уж денег нет, так хоть патронов наделаю, они тоже денег стоят. И только когда в нише передо мной шестнадцать штучек медью засверкали, только тогда меня как по башке стукнуло: шестнадцать патронов, да ведь это же обойма! Полный магазин, ребята!

Стою я перед этим шкафом, смотрю на свои патрончики, и такие интересные мыслишки у меня в голове бродят, что я даже спохватился и поглядел вокруг, не подслушивает ли кто... Хорошую машину они здесь себе придумали, ничего не скажешь. Полезная машина. Много я здесь у них всякого повидал, но вот полезную вещь всего второй раз вижу. Ну что ж, спасибо. Собрал я патрончики свои, рассовал по карманам и повернулся к двери. И конечно, носом в глухую стену. Никак я к этому привыкнуть не могу. Но я даже толком психануть не успел — ткнул ладонью в стену, она растаяла, и я пулей вылетел в коридор. Привыкай, алаец, привыкай! Деваться тебе некуда. Посмотрел я, как эта дверь затянулась снова, вывел возле нее крестик, обвел кружочком, потом, для верности, вторым. Эта комнатка нам еще пригодится.

Ну, настроение у меня, конечно, поднялось. Иду это я по коридору, перебираю в кармане патрончики, и сам не заметил, как замурлыкал родимый марш, и уже не иду я, а марширую. А как заметил, одернул себя: все-таки в разведке, нельзя. Но на душе все равно светло. То есть не то чтобы светло, но появилось в этой темной ночи хоть какая-то светлая звездочка. Хоть что-то я теперь уже имею, хоть чему-то я здесь теперь научил-

ся. И стал я на радостях кулаком в стены постукивать. Как я раньше до этого не додумался — не понимаю. Сейчас десять шагов сделаю — ткну. Еще десять шагов — опять ткну. Время от времени попадаю. То комнаты открываются, то каморки, а то и целые залы. Народу здесь, оказывается, полным-полно. Я даже сначала удивился: откуда их здесь столько, ведь их и в коридорах редко встретишь, а уж в доме наверху я их вовсе не видел, но потом допер: здесь, оказывается, почти в каждой комнате эта стеклянная будка, точь-в-точь такая же, как у Корнея в саду. Ну, для этой... для переброски с места на место. Так что нужды проходить через Корнеев дом им нет. И народ все молодой, здоровенный, гвардейцы, чепухой только какой-то занимаются. Ну, и не народ там встречается — только взглянешь, задрожишь и дальше. Короче говоря, настоящая это подземная крепость. И хоть на вид они здесь только с машинками какими-то возятся, да бумажки перебирают, да какое-то кино смотрят, но дело здесь, ребята, по всему видно, закручивается немалое. И конечно, не моя башка нужна, чтобы во всем этом разобраться и понять, как все это прекратить.

Надо сказать, внимания все они на меня почти что вовсе не обращали. Так, который-нибудь взглянет рассеянно, кивнет и снова носом в свои дела. Обидно даже, змеиное молоко. Все-таки я — Бойцовый Кот его высочества, не шпана какая-нибудь, передо мной такие шпаки с тротуара сходили и шляпу еще снимали... правда, не каждый день уступали, а только в дни тезоименитства, но все равно. Так и хотелось мне встать этак в дверях и гаркнуть по-гепардовски: «Смир-рна!» То-то забегали бы! Потом я запретил себе на эти темы думать. Я свое достоинство унижать права не имею. Даже в мыслях. Пусть все идет, как идет. Мне одному их всех по стойке смирно все равно не переставить. Да и нет передо мной такой задачи. Другая передо мной задача.

И вдруг — вижу: впереди, шагах этак в тридцати выходит из стены сам господин Корней собственной персоной. Приостановился, сказал что-то через плечо кому-то, пересек коридор наискосяк и скрылся в противоположной стене — я даже не успел сообразить, что мне лучше: обнаружить себя или, наоборот, затаиться. Сначала я хотел мимо этого места пройти на

цыпочках и продолжить свой поиск где-нибудь в другом месте, а потом думаю: по всему ведь видно, что Корней здесь не последний человек, может быть, он даже голова здесь всему, и если уж он здесь чем-то занимается, в этом подземелье, так уж наверное самым наиважнейшим делом. Не червячками какими-нибудь красненькими, не бумажками, а тем самым, ради чего вся эта крепость построена. Правильно я рассудил? И пошел я, ребята, к тому месту, куда Корней скрылся. Если честно, то было мне, ребята, не по себе. Конечно, вроде бы он мне и сам разрешил везде здесь ходить, и вопросиков я пару на всякий случай тут же заготовил — один насчет мешка с глазами, а другой про Леониду — что это, мол, такое, Корней, я вас тут случайно увидел, и очень мне захотелось у вас спросить... Но все равно робел, дело прошлое. Остановился я перед этим местом, куртку одернул, кашлянул и деликатно этак ткнул пальцем в стену. Не открывается, собака. Видимо, не рассчитал я. Глазомер меня, значит, подвел. Стал я пальцем тыкать в разные места, метр вправо, метр влево. Хожу, как дурак, и пальцем тычу в стену. Во, наверное, видик! Но в конце концов, конечно, попал куда надо. То есть открылась передо мною стена, но там почему-то темно. Я даже засомневался. Не было еще такого случая, чтобы я тут попадал в темное помещение. Может быть, это у них кладовка какая-нибудь? И вдруг оттуда, из темноты,— голос Корнея:

— Прогоните еще раз с самого начала...

После этого сюжет возвращается в свою обычную колею: Гаг слышит разговор Корнея с крысоедом, а затем Вольдемар случайно ударяет Гага в лоб.

Позже, когда Гаг осматривает позицию для мортиры, Авторы убрали и определение Гагом дома Корнея как «лукавую подземную крепость, набитую...», заменив его на «лукавый дом, набитый...», но оставили продолжение: «...невиданными и невозможными механизмами, невиданными и невозможными существами вперемешку с такими же, как Корней, людьми-ловушками, шумно кипящей беспорядочной деятельностью без всякой видимой разумной цели...»

ПРАВКА СТИЛЯ

Как это обычно бывает в черновиках АБС, в рукописи ПИП присутствует достаточное количество стилевой, мелкой правки. Возможно, читателю, интересующемуся сюжетными линиями или идейным содержанием творчества АБС, перечисление, порой нудноватое, примеров такой правки не интересно, а то и не нужно. Такой читатель может смело пропускать эти подглавки и переходить к следующим разделам. Но для любителей изучения стилистики художественных произведений, а особенно для молодых авторов, только начинающих свой путь в литературе, изложенный ниже материал будет не только интересен, но и весьма полезен. Ибо молодой автор на достойном примере убедится, что мало придумать и более-менее связно изложить интересный сюжет (такого рода рукописи десятками, если не сотнями бродят по разным издательствам и чаще всего отвергаются редакторами), нужно еще каждое слово в рукописи проверить на прочность, на правильность, на его нужность в тексте.

Один из членов семинара БНС, сам известный стилист, Святослав Логинов как-то говорил, что «проверку на крепость» лучше всего проводить так: автор должен прочитать вслух свое произведение, глядя на себя в зеркало и стараясь по возможности подсмеиваться над читаемым текстом. При чтении вслух лучше видятся стилевые погрешности и «слова-паразиты». Заметим, что АБС писали и правили (ибо у них никогда первонаписанный текст не отдавался в печать, он обязательно проходил две стадии — черновика и чистовика) именно так, только каждый из братьев был «зеркалом» по очереди: один читал, другой слушал и ловил огрехи.

Примеры такой правки черновика ПИП представлены ниже.

«На площади около фактории стояла полевая кухня». Авторы уточняют: не СТОЯЛА, а ДЫМИЛА. Дикобраз (повар) «выкатил глаза, облизнулся и просипел»... Авторы правят ОБЛИЗНУЛСЯ на ПОШЛЕПАЛ ГУБАМИ.

Гаг размышляет о слабости увиденной воинской части: «...из тыловой вши сколоченная, да еще наспех...» Позже Авторы добавляют: «...да еще кое-как...»

«Я сразу усек»,— описываются сначала мысли Гага, затем Авторы правят УСЕК на ПОНЯЛ.

«Двое других раненых лежали неподвижно — то ли они спали, то ли умерли уже». Авторы правят УМЕРЛИ УЖЕ на УЖЕ ОТОШЛИ.

Барон Трэгг «смотрел на него [Гепарда.— *С. Б.*] из-под ОПАЛЕННЫХ бровей». Позже — СГОРЕВШИХ. Он же обращается к Гепарду: «Слушай, храбрец...» Авторы добавляют — «брат-храбрец». Штаб-майора барон Трэгг называет сволочью, позже — старой рухлядью (получается более изысканно) и рассказывает о нем: «Прятался в деревне со своими дикобразами и смотрел, как мы гибли». Авторы изменяют МЫ ГИБЛИ на НАС ВЫЖИГАЮТ ОДНОГО ЗА ДРУГИМ. Далее он рассказывает: «Рация к черту...» К ЧЕРТУ заменяется на ВДРЕБЕЗГИ. Затем, когда он уже начал бредить, «скрюченные пальцы его беспокойно шарили вокруг, хватаясь то за края циновки, то за комбинезон». Последнее Авторы правят: «...вцепляясь то в края циновки, то в комбинезон».

Броневездеходы Авторы называют более кратко: бронеходы; ракетометатель — ракетомет.

«От самого Гагрида мы нашли только генеральскую фуражку, набитую мозгами...» НАБИТУЮ МОЗГАМИ, пожалуй, грубо даже для Бойцового Кота... вернее, не грубо, а недостойно генерала (вспомним его уважение к старшим по званию), и Авторы изменяют на ЗАСКОРУЗЛУЮ ОТ КРОВИ. Точно так же, когда Корнея Гаг поначалу считает офицером, его описание как КОСТЛЯВОГО Авторы исправляют на СУХОПАРОГО.

«От крысоеда остались только рыжие ботинки С ТОЛСТЫМИ ПОДОШВАМИ». Авторы добавляют деталь — НА ТРОЙНОЙ ПОДОШВЕ.

Описывая позицию, Гаг сначала замечает, что НЕКОТОРЫЕ дикобразы палили костры. Авторы находят более разговорный вариант: «ОДНИ, ЗНАЧИТ, собравшись кружками, палили костры...» О пожилом дикобразе, сидевшем на лафете: «...ПРОСТО СИДЕЛ и ковырял щепочкой в ухе». Исправлено на СИДЕЛ СЕБЕ. О двух ссорившихся дикобразах: «Не поделили они между собой ТАБУРЕТКУ — ДЕРЖАЛИ ЗА НОЖКИ, И каждый тянул к себе...» Выделенное исправлено на ДЕРЕВЯННОЕ КОРЫТО. Гаг сначала показывает им кивком головы в сторону Гепарда. Затем Авторы находят более точное и краткое описание: «...мотнул головой в сторону Гепарда».

О пленных крысоедах: «Белобрысый этот хромает. РАНЕНЫЙ, значит,— ногу В НУЖНИКЕ подвернул. Ничего, НЕДОЛГО ТЕБЕ ХРОМАТЬ ОСТАЛОСЬ». Авторы исправляют на ТЯЖЕЛО РАНЕННЫЙ, В БАНЕ и более коротко — ДОХРОМАЕШЬ. Клещу, старшекурснику, Гаг вначале ОБЪЯСНЯЕТ, откуда он взял пленных, затем — ДОКЛАДЫВАЕТ.

Вспоминая школу Бойцовых Котов, Гаг упоминает площадь, Авторы исправляют ее на плац. Кровать, на которой оказался Гаг после боя, Авторы исправляют на койку.

Размышляя о выбранной позиции, Гаг предполагает, что бронепехота оттуда может ПОДПОЛЗТИ — исправлено на СУНЕТСЯ.

О снарядах. ВЫБРОСИЛИ исправлено на более разговорное ПОВЫБРАСЫВАЛИ.

Картину боя Авторы описывают сначала так: «Над ухом оглушительно грохочет пулемет. У меня в руке нож. С ножа на руку течет. Кто-то дергается у ног... <...> Передышка. Как-то сразу наступили сумерки. Ракетомет цел, я тоже цел. Вокруг меня целая куча дикобразов, человек десять. Опять курят. Кто-то сует мне в рот горлышко фляги. Отталкиваю руку, вглядываюсь... Заяц?» Затем исправляют на рваную, обрывками сознания: «Над ухом у меня оглушительно грохотал пулемет, в руке был нож, а у ног моих кто-то дергался, поддавая мне под коленки... <...> Потом вдруг наступила передышка. Были уже сумерки. Оказалось, что ракетомет мой цел, и сам я тоже цел, вокруг меня собралась целая куча дикобразов, человек десять. Все они курили, и кто-то сунул мне в руку флягу. Кто? Заяц?»

О кино, которое Гаг смотрит у Корнея. Бой на мечах, в черновике: «Один рубанул мечом, так без обману, тот на две половинки так и развалился»; в изданиях: «Один там другого ткнул мечом, так уж без обману: лезвие из спины на три пальца вылезло и даже вроде дымится...»

О загадочном доме. Голоса, которые раздаются в доме, когда в нем никого нет, «потому что Корней либо в бассейне плещется, либо где-то летает». Позже исправлено на «потому что Корнея в доме нет, шляется где-то, беса тешит».

Когда Гаг подслушивает разговор Корнея с крысоедом, Корней разговаривает по-имперски и «таким тоном, какого я до сих пор не то что от Корнея — вообще на планете не слыхивал». Поз-

же исправлено — «на таких басах, каких я до сих пор не то что от Корнея — вообще на планете ни от кого не слыхивал». «Засветил» Гагу тогда (в темноте ведь стоял) этот самый Вольдемар не плечом («стоит, потирая плечо»), а локтем.

Убирается из эпизода, когда Гаг осматривает позицию для мортиры, первоначальное «луна, которая все еще пугала Гага».

Корней, говоря о том, что они ошиблись в сроках окончания войны на Гиганде, добавляет: «Но это, знаешь ли, хорошая ошибка. Согласись, что мы ошиблись в нужную сторону... Управились за месяц». Позже Авторы изменяют ХОРОШАЯ на ДОБРАЯ.

Увидев бронеходчика в кабинете Корнея, Гаг описывает свое состояние: «У меня по старой памяти МОРОЗ ПО КОЖЕ», позже заменено на КОЖА НА СПИНЕ СЪЕЖИЛАСЬ.

ИЗДАНИЯ

Первое, журнальное издание ПИП («Аврора», 1974) при изучении текста оказалось наиболее полным, то есть несокращенным вариантом. Второе издание (межавторский сборник «Незримый мост», 1976), третье (совместно с ПНВС, 1979) и все последующие оказались основательно сокращены, даже «подчищены» из расчета на детей; расчета, который предполагал, что дети не должны читать ни о грубости, ни о жестокости вообще.

Из-за этой «подгонки к детскому восприятию» очень сильно изменился сам образ Гага, Бойцового Кота. Если в рукописи восприятие мира Гагом (особенно это заметно в главах, написанных от первого лица) подано с солдатской точки зрения (грубо, местами жестоко, выпукло-неприглядно), а в журнальном варианте изложено с точки зрения скорее невоспитанного (вернее, воспитанного жестокой средой) мальчишки-подростка, то в книжных изданиях образ Гага становится менее видимым, более плоским, экранным.

К примеру, в рукописи и журнальном издании при описании повара военно-полевой кухни сказано: «...окорока поперек себя шире...», в дальнейших изданиях — просто: «...поперек себя шире...» Позже о нем же сказано: в рукописи — «Эта скотина даже не обернулась», в изданиях — «Это животное даже не обернулось».

В книжных изданиях Гаг называет недосолдат («все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писари, интенданты») «ходячее удобрение, смазка для штыка». В рукописи и журнальном варианте перечисление продолжается: «...все эти полковые пекари, бригадные сапожники, писари, интенданты, придурки, грыженосцы, слеподыры, орлы похоронных команд...»

Шоссе после ковровой бомбардировки бойцовые коты расчищали «от обломков машин», в рукописи и журнальном варианте добавка: «...и завалов уже холодеющего мяса».

«Дохлый крысоед» у бронехода не просто «валялся», а «валялся вниз хлебалом». И убрано выделенное: «Я выбрал лужу побольше, положил пленных ХЛЕБАЛЬНИКАМИ в грязь...»

Два «дикобраза», которые ссорились из-за деревянного корыта, после того, как Гаг погнал их к Гепарду, «трусцой подбежали к Гепарду». В журнальном варианте: «...бабьей трусцой подбежали к Гепарду»; в рукописи: «...трусцой, широко по-бабьи виляя задами, подбежали к Гепарду». И далее: «и застыли в двух шагах перед ним». В журнальном варианте дополнение: «неопрятными потными кучами», в рукописи: «двумя неопрятными кучами».

Штаб-майора после начала разговора с Гепардом Гаг описывает: «седенький такой старикашка». В рукописи и журнале дополнение: «среднего росточка».

Убрано в книжных изданиях и описание дикобразов и крысоедов у костра: «Покуривают, скоты, и лакают что-то из кружек. Морды у всех довольные, лоснятся. Надо же, мерзость какая... А этот, белобрысый, дикобраза по спине похлопывает, а дикобраз, дубина безмозглая, животное, рад-радехонек, ржет и головой мотает. Пьяные они, что ли?» Убрано описание дикобразов после появления Гага: «...только пасти раззявили». Еще убрано о солдатах: «Еле лапами шевелят, грыженосцы».

Убрано и замечание Гага о пленных: «Я пленных ненавижу. Что это, понимаешь, за слизь такая — на войну пошел и в плен угодил? Нет, я понимаю, конечно: что с них взять, с крысоедов, а все-таки омерзительно, как хотите... Ну вот, пожалуйста: один сопляк согнулся пополам, и рвет его. Вперед, вперед, з-змеиное молоко! Второй начал. Тьфу! И как они, эти крысы, близкую смерть чувствуют — ведь как настоящие крысы. И сейчас ведь они ну на все готовы — предать, продать, в рабство пойти...»

После заявления Гага («Про меня не забудь, Клещ,— говорю.— Все-таки я их сюда привел...») в книжных изданиях отсутствует такой диалог, как в журнале:

— Это ты насчет ошейника? — рассеянно спрашивает он, а сам озирается.

— Ну да! Привел-то их все-таки кто?

— Не вижу вот я — на чем. Не до леса же их вести...

— А на сваях?

— Можно, конечно, и на сваях...

— Так разрешишь? — спрашиваю я.

В рукописи:

— Это ты насчет ошейника,— рассеянно спрашивает он, а сам озирается.

— Ну да! Привел-то все-таки кто?

— Да нет, я не против,— говорит он.— Не вижу только — на чем. Не до леса же их вести...

— А на сваях,— предлагаю я.

— Можно, конечно, и на сваях... Только зачем? — Он посмотрел на меня.— А если без свай? Возьмешься?

Ну вот, так я и знал. Вечно мне не везет. Что я — виноват, что ли, что моего ведомого при штабе оставили? А одному — как? У меня и сил не хватит. Буду до вечера корячиться, да потом еще всю ночь отмывайся.

— Ты же знаешь,— сказал я Клещу.— У меня же ведомого нет.

— А один? — спрашивает он.— Шнурок у тебя с собой?

Тут меня азарт разобрал.

— А подержишь? — спрашиваю.

Он покачал головой.

— Котенок...— говорит.— Ты что, наставление забыл? Ладно, не горюй. Живы будем — случай еще представится.

Из начавшегося боя убрано: «...Ага! Влепил я ему! Прямо в тупое рыло. Бронеход пятится, оседает на корму и выбрасывает в черное небо сноп искр. Побежали, побежали!.. Кот, справа! Справа! А-а-а!.. Справа ничего не вижу, да и не смотрю. Разво-

рачиваю туда ствол, и вдруг оттуда, из алой мути, ливень жидкого огня», осталось лишь: «...И вдруг из черно-алой мути прямо в лицо ливень жидкого огня».

Убрано слово из размышлений о землянах: «Могучие они здесь, СТЕРВЕЦЫ, могучие...»

Убрана и часть диалога после слов Корнея «Пойдем кино посмотрим,— сказал он.— Один мой знакомый отличную ленту сделал. В старинном стиле, плоскую, черно-белую...»:

— Про что? — спросил я вяло. Никаких кино мне не хотелось. Не до кино мне было. И так вокруг сплошное кино. В бредовом стиле. Цветное и выпуклое.

— Про войну тоже есть,— сказал он.— Правда, действие там происходит в средние века.

Убрано предложение Корнея и оценка его Гагом перед посещением музея.

— Пойдем-ка,— говорит.— Я тебе кое-что покажу. А потом, может быть, и на Луну смотаемся.

Опять эта Луна! Она мне скоро плешь переест, наверное, эта Луна.

Размышляя о проверке Драмбы (повалить обелиск), Гаг думает: «Тут бы всякого замутило, если он, конечно, человек, а не мешок с навозом. Да только мало ли от чего солдата мутит? Кишки с дороги соскребать — тоже мутило... Нет, Кот, кишки — это другое дело. Здесь — символ! Честь».

Убрано одно слово, которое подчеркивает обращение Гага к самому себе, в раздумьях Гага о Корнее: «...осторожно, Кот, другом он тебе быть никак не может, не с чего ему быть ТВОИМ другом, а раз он не друг — значит, враг...»

Размышляя о родственниках Корнея, в книжных изданиях Гаг думает: «Такие вот дела. Насели на человека. Ладно, не мое это дело». В журнале: «Такие вот пироги! Насели на человека. И жена эта, и сын — оба хороши. И чего насели? Непонятно же, чего им от него надо. Ладно, не мое это дело».

Убраны слова, подчеркивающие разговорный стиль мыслей Гага (после случайного удара в лицо): «Я потрогал осторожно свою переносицу — есть у меня там ТЕПЕРЬ переносица или уже ВОВСЕ нету...»

Еще Гаг думает (выделенное убрано): «И разобрало меня любопытство, СИЛ НЕТ. <...> Но я был совершенно спокоен. НИКАКОГО МАНДРАЖА, НИЧЕГО».

И при описании врача уже на Гиганде вместо «заляпанных стекляшек своего пенсне» — просто «заляпанное пенсне».

Кроме сокращений, изменяющих образ Гага, в книжных изданиях отсутствуют многие факты, может, и мелкие, но создающие картину объемности повествования. К примеру, убраны подробности алайской астрономии (убранное выделено): «Говорилось только, что Айгон, ПИРРА... НУ И ДРУГИЕ... КАКГА, НАПРИМЕР... ТАКИЕ ЖЕ ПЛАНЕТЫ, КАК НАША». И далее, уже рассказывает Корней о Солнечной системе: «На одной из этих планет ИМЕЕТСЯ АТМОСФЕРА. МНОГО МИЛЛИАРДОВ ЛЕТ НАЗАД НА НЕЙ ВОЗНИКЛА ЖИЗНЬ. БОЛЕЕ ТОГО, НА НЕЙ существует цивилизация разумных существ...»

Убрана часть рассказа Корнея, когда он показывает Гагу музей с чучелами животных разных планет: «Сколько миров я повидал, и каждый мир новый, и в каждом новом мире полно диковинных тайн, и всей человеческой истории не хватит, наверное, чтобы эти тайны разгадать до конца». Убрано замечание Корнея, когда он рассказывает о загадке появления бранча двухордовых на Нистагме: «Пятьдесят лет с тех пор прошло — никто эту задачу так и не решил...»

Сокращен и разговор Гага с Драмбой о самодвижущихся дорогах. Первоначально он звучал так:

— А почему она сейчас не движется? — спросил Гаг.— Ты не можешь ее включить?

— Нет. Дороги управлялись из нескольких центров. Самый близкий довольно далеко отсюда. Но, наверное, этих центров больше нет. Стали не нужны.

И об исчезновении радиоимпульсов во всем диапазоне Драмба говорит: «Изменились средства связи, Гаг. Как и средства транспорта, наверное».

Убран из книжных изданий и диалог Гага с Драмбой после вопроса Гага, скучно ли было Драмбе стоять почти восемьдесят лет в нише у Корнея:

— Я не знаю, что такое «скучно», господин.
— Ну а что ты делал?
— Стоял, ждал приказаний, господин.
— Приказаний... Ну ты рад сейчас, что тебя выпустили?

После догадки Гага, что увиденный им «аристократ» — не начальник Корнея, а его сын, Гаг думает: «...они же даже похожи!»

Убрана подробность о Гаге, когда Драмба строил позицию: «Он взялся за край траншеи и одним движением перебросил тело на траву, потом поднялся, отряхнул колени и еще раз осмотрел позицию — ТЕПЕРЬ УЖЕ СВЕРХУ». Позиция, как обозначалось в рукописи и журнальном варианте, была не для просто мортиры, а для ТЯЖЕЛОЙ мортиры.

Убрана была подробность о гибели императора, осталось просто: «...императору тоже не повезло». Как сообщает Гагу Корней в рукописи: «Расстрелян в собственной спальне», в журнальном варианте: «Расстрелян в собственном дворце». В бумагах, которые Корней дал Гагу, сообщалось (выделенное — убрано): «Там еще много чего было. НО ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, КОНЕЧНО, О ВЛАСТЬ ИМУЩИХ. Было там и о герцоге, и об Одноглазом Лисе, и о господине фельдмаршале».

Убрано и возвращение Гага к рассуждениям о цели Корнея: «Вот тут-то все и начинается. Корней тоже у нас сидел, наверное, не один год. Уцелел. А мог бы и не уцелеть. Что ж, хорошо бы это было, а? Корней ведь... Я уж не говорю о том, что гнили бы мои кости сейчас в джунглях...»

Убрано после первого книжного издания (в сборнике «Незримый мост») замечание Гага после «А как его убедить, что я уже и так безопасен, когда я и сам не знаю этого?»: «Да и не узнаю, пока там не окажусь...»

Убрано из встречи Гага с Корнеем и Голубым Драконом утром перед «призраком» (убранное выделено): «В рассветных сумерках лица их были очень спокойны, И НИЧЕГО НА НИХ НЕ БЫЛО, КРОМЕ ВНИМАНИЯ И ОЖИДАНИЯ, ЧТО Я ЕЩЕ СКАЖУ».

И исчезли из текста отдельные уточнения, повторы, вообще — стилевые «приятности». К примеру, услышав смех за спиной, Гаг «вспыхнул». В рукописи и в журнальном варианте более детально: «...вспыхнул ушами». И более правильным было описание действия Корнея после выхода из нуль-кабинки: говоря «Проходи, проходи», он не просто «подтолкнул его в спину», а «МЯГКО подтолкнул его в спину». Убрано из описания врача то, что у него белые МЯГКИЕ руки.

Убрано продолжение высказывания Корнея о Гепарде, там, где он говорит, что «в этом человеке <...> погиб великий педагог»: «Здесь, говорит, ему бы цены не было... Ладно». И еще о Гепарде. Убран повтор, вставленный Авторами для усиления: «...рапорт выслушает, буркнет что-то, сунет в руку ломоть хлеба с кониной — свой ведь ломоть ХЛЕБА С КОНИНОЙ, по тыловой норме...»

Журнальный вариант, несмотря на то, что он включает более полный текст ПИП, также был несколько сокращен. Но сокращения эти были вызваны, вероятно, нехваткой места и не касались важных моментов повествования. К примеру, был убран абзац:

Некоторое время они шли молча. Кузнечики сухими брызгами разлетались из-под ног. Гаг искоса поглядывал на бесшумного колосса, который плавно покачивался рядом с ним. Он вдруг заметил, что около Драмбы, совсем как давеча около дороги, держится своя атмосфера — свежести и прохлады. Да и сделан был Драмба из чего-то похожего: такой же плотно-упругий, и так же матово отсвечивали кисти его рук, торчащие из рукавов синего комбинезона. И еще Гаг заметил, что Драмба все время держится так, чтобы быть между ним и солнцем.

Или часть диалога:

— Хе!.. А у людей какое назначение?

— У людей нет назначения, господин.

— Долдон ты, парень! Деревня. Что бы ты понимал в настоящих людях?

— Не понимаю вопроса, господин.

— А я тебя ни о чем и не спрашиваю пока.

Драмба промолчал.

Они шагали через степь, все больше уклоняясь от прямой дороги к дому, потому что Гагу стало вдруг интересно посмотреть, что за сооружение торчит на небольшом холме справа. Солнце было уже высоко, над степью дрожал раскаленный воздух, душный острый запах травы и земли все усиливался.

Как всегда, наличествует и стилистическая доработка Авторами повести при подготовке книжного издания.

Стул, который себе соорудил (вообразил) Гаг. В книжных изданиях «кожаная обшивка на сиденье продрана», в рукописи и в журнале не ОБШИВКА, а ОБИВКА. И при описании привычной обстановки, сделанной Гагом, убрано: «ПОД ПОТОЛКОМ лампу подвесил с жестяным абажуром...»

О подборе слов. Авторы в рукописи пишут: «...но не моя тумбочка, не Гепардова», затем в журнальном варианте ГЕПАРДОВА изменяется на ГЕПАРДОВСКАЯ, а позже — просто тумбочка ГЕПАРДА.

О написанных на стене коридора перед загадочной дверью математических формулах и по-алайски «значит» Гаг говорит: «...маленькими аккуратными буковками написано...» В рукописи и в журнале не МАЛЕНЬКИМИ, а МЕЛЕНЬКИМИ, что, как мне кажется, более живописно.

В журнале и первых книжных изданиях Гаг употребляет не «зал», а архаичную форму — «зала».

Приказ Гага, обращенный к Драмбе, в рукописи выглядит как «Смир-рна!», в журнальном варианте — «Смир-рно!», а в книжных изданиях — просто «Смирно!».

Есть, конечно, в книжных изданиях и ошибки. К сожалению, опять лидируют в этом «Миры братьев Стругацких». К примеру, там убрали одно слово из описания Корнея: «Лицо было острое, загорелое, с ласкающей СЕРДЦЕ твердостью в чертах...» Сооружение «из скрученного шипастого металла», которое видит Гаг — в «Мирах» металл не СКРУЧЕННЫЙ, а СКРЮЧЕННЫЙ. Как и в других произведениях, изданных в «Мирах», в издании ПИП есть и пропуски. К примеру, исчезло: «Синие эти громады, что на горизонте время от времени появляются,— декорация?», «Как я

коридора раньше не замечал — тоже не понимаю». И исчезла (как и в издании 1985 года) часть воспоминания Гага о герцоге: «...и каждому из нас он внимательно заглядывает в глаза и говорит негромко слова благодарности и одобрения». Это воспоминание Гаг считает самым светлым (в «Мирах» убрано — «и самым счастливым»). Там же убрано, что желтым было лицо герцога ОТ УСТАЛОСТИ, что герцог РАСТРОГАННО говорит: «О эти сопляки...»

В этих изданиях 1985 года и «Миров» слово ТОРИТЬСЯ («Наверное, я должен был там среди них ториться, подслушивать там, подсматривать, мотать на ус») исправлено на КРУТИТЬСЯ.

О фразе «Галоши вот только надену» Гаг думает : «Сам не знаю, откуда эта присловка у меня взялась». В «Мирах» ПРИСЛОВКА заменили на ФРАЗОЧКА.

Исчезло обстоятельное перечисление работы копировальной ниши (убранное в «Мирах» — выделено): «Я сижу и только глазами хлопаю, а он — шторку вверх, шторку вниз, ГУДОК, ЖЕЛТЫЙ ГЛАЗ, ШТОРКУ ВВЕРХ, ШТОРКУ ВНИЗ... И через минуту у него этих коробочек набралась полная ниша».

После рассказа Корнея о конце войны Гаг думает о герцоге Алайском, как его преследуют (выделенное убрано в издании 1985 года и «Мирах») «вонючие орды ОБМАНУТЫХ, КУПЛЕННЫХ, осатаневших от страха дикобразов».

В издании «Миров» (как и в издании собрания сочинений «Текста») почему-то сигарку, которую курит старший бронемастер, заменили на сигаретку и убрали из описания господина старшего бронемастера, что голова у него «с коричневыми пятнами от ожогов».

Эпиграф из «Приключений Вернера Хольта» Д. Нолля

Другой раз встретишь такого и подумаешь: вроде парень ничего. А он, глядишь, разинет рот да и пойдет сыпать трескучими словесами: господствующая раса, безоговорочная преданность, фанатическая воля, ну, в общем, крутит шарманку...

Я по профессии учитель, таких ребят, как вы, я готовлю к выпускным экзаменам и хочу делать это и впредь. Что же мне, преподавать в пустых классах? Постарайтесь продержаться! Когда с войной будет покончено, тогда-то и начнется тяжелая борьба...

появляется впервые в издании 1979 года, публикуется и в позднейших книжных изданиях, однако в канонический текст (собрание сочинений «Сталкера») БНС решил его не включать, что объяснил так: «Эпиграф к ПиП никогда мне не нравился, и еще при жизни АН я его убирал в каждом удобном случае, когда успевал «дотянуться». АН ворчал, но не очень спорил, он был согласен, что эпиграф этот тяжеловат, излишне длиннен и прямолинеен. Да и вообще — ПиП совсем простая повесть, она не нуждается в эпиграфе».

ТАГОРА — МАГОРА

В издании 1985 года и в собраниях сочинений «Миров братьев Стругацких» и «Сталкера» привычное название планеты Тагора (тагорцы, тагоряне) Авторы изменяют на Магору (магоряне). Можно предположить, что изменение названия планеты было вызвано тем, что разумные обитатели этой планеты сильно отличаются по описанию в предыдущих (и последующих) произведениях цикла Полудня от описания их Корнеем. Впрочем, «людены», специалисты по циклу Полудня, рассказывают об этом более обстоятельно (Е. Шкабарня-Богославский):

Несколько слов о «проблеме Тагоры-Магоры» в ПИП. Проблемы как таковой, с моей точки зрения, не существует вовсе. Следуя каноническим текстам, Тагора и Магора — две разные планеты. Теперь — подробнее.

1) Сначала в ПИП была Тагора и, следовательно, с Тагорой исследователи связывали и обнаруженную нечеловеческую цивилизацию (мощнейшую!), и псевдохомо, и т. п.

2) Потом АБС, начиная с 1985 г., по каким-то причинам заменили Тагору в ПИП на Магору. БН не помнит, почему они это сделали. Но факт остается фактом: далее во всех изданиях фигурирует только Магора: в «Мирах братьев Стругацких» — Магора, в «сталкеровском» ПСС — Магора, в «Энциклопедии Миров АБС» — Магора и т. д.

3) Почему произошла замена Тагоры на Магору?

Версия: наверное, АБС заметили (а может, кто подсказал), что при Тагоре в ПИП получается явный «перебор»: на Таго-

ре — псевдохомо (раз), открытая спустя двадцать лет нечеловеческая цивилизация (два) и, следовательно, открытая еще позже гуманоидная цивилизация (три)! С развитым, понимаешь, общественным транспортом! Что, троллейбусов с автобусами земляне не заметили на улицах и проспектах? В шею гнать таких Следопытов! Абсурд ведь... И тогда АБС развели (абсолютно правильно, как мне представляется) Тагору с Магорой, т. е.: Тагора (во всех предыдущих и последующих произведениях) — это гуманоидная ВЦ, дипотношения с Землей и т. д.; Магора (в ПИП) — негуманоидная ВЦ и неизвестно для чего созданные псевдохомо. По крайней мере, логично.

4) Замена в ПИП Тагоры на Магору имела довольно значительные последствия. Читатели разделились на три группы[1]:

— тех, кто читал ПИП еще с Тагорой и понятия не имеет о замене;

— тех, кто читал ПИП с Тагорой, но знает о замене ее на Магору (их, фактически, поставили перед выбором: или «остаться на Тагоре», или принять Магору, или попытаться совместить и то, и другое);

— тех, для кого ПИП — это Магора.

Вот где возникла проблема! Именно поэтому читатели из «третьей группы» с недоумением, мягко говоря, взирают на попытки представителей, например, «первой группы» соединить несоединимое — Тагору и Магору (см., например, дискуссии в сети).

Так что я бы не стал аргументировать Тагору в ПИП, Авторы свой выбор сделали. А вот пояснить, что была проведена такая замена, считаю, надо бы обязательно, слишком уж много всего наслоилось.

---

[1] Прямо-таки на три... Вот я, например, отношусь к четвертой группе. Я прочел ПИП в «Авроре» с Тагорой, а потом сразу в «сталкеровском» СС. Заметил, конечно, что там Магора. Ну и что? Да хоть Кагора! Книги АБС, даже книги цикла Полудня — это не сериал. Проблема Тагоры-Магоры — из той же оперы, что и «Как воскрес Горбовский?» Где (в книгах АБС) сказано, что Горбовский из ДР и из «Малыша» — одно лицо? Или Тагора из ПКБ и из ПИП — одна планета? — *В. Д.*

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ ТАГОРЫ
(о гуманоидной сущности некоторых цивилизаций)

Еще раз о «формуле Глумовой»

Попытки удовлетворительно решить т. н. «формулу Глумовой» из «Малыша» (9 (в т. ч. 3) + 3 = 12) предпринимались исследователями ПМ неоднократно и — на первый взгляд — достаточно успешно. Вот, например, что пишет Сергей Лифанов Вадиму Казакову в своем письме от 06.11.90:

«Ты разве забыл, что насчет тех 12 цивилизаций... Из них 9, напомню, гуманоидных и 3 согласились иметь дело с Землей.

Давай-ка посчитаем.

Согласились иметь дело с нами, надо полагать, тагоряне, леонидяне и голованы. Но голованы негуманоиды. Значит 3-я ВЦ — те же пантиане. У нас остается 6 кандидатов, из которых мы знаем: саульцев, «арканарцев» (?), саракшцев, гигандцев, собратьев Простяги. Один кандидат у нас «гуляет» (ты можешь начать оспорять Гиганду, но ведь уже в 63-м там начал работать Корней). Тут не может быть разговоров о Надежде (открытой позже), но могут быть «семи-гуманоиды»; с планеты Лу; гуманоид без лица и еще один тип, которого Гаг видел у зеброжирафа (мне почему-то кажется, что это тагорянин, но это из области ОШ-ШУ-ШШЕНИЙ). Других гуманоидов я лично не припоминаю».

(«Понедельник-Э 043» от 6 декабря 2004 г., приложение 6: «9/5 ВЦ или плач по Магоре».)

Аналогичные изыскания в свое время провел и автор (см. «Понедельник-Э 039» от 23 августа 2004 г., приложение 9: «Комментарии»); они сопровождаются довольно самоуверенным заявлением («задача, прямо скажем, не такая уж и сложная для человека, хоть немного знакомого с текстами») и вкратце могут быть представлены в следующем виде:

1) гуманоидные разумные расы в формуле — цивилизации Леониды, «Эстора», Тагоры, Пандоры, Саулы, Саракша, Гиганды, Панты, Лу (при этом «согласились иметь что-либо общее с землянами» цивилизации Леониды, Тагоры и Панты);

2) негуманоидные разумные расы — нечеловеческая цивилизация Магоры, разумные слизни Гарроты и голованы Саракша.

Вроде бы, данный вопрос более или менее успешно решен и закрыт. Но, оказывается, не все так просто. При попытке решить «формулу Глумовой» упомянутые исследователи почему-то игнорируют такой важнейший момент как *динамика поступления необходимой информации* (т. е. текстов) к этим самым исследователям! Иными словами: «формула Глумовой» «раскрывается» только начиная где-то с 90-го года прошлого века (и позже). Но — не раньше. Давайте попробуем себе представить, как бы процесс идентификации разумных рас в означенной формуле происходил после ее — формулы — обнародования в «Малыше» (1971).

По состоянию на 1971 г. вывод неутешительный: формула (пока) решения не имеет. Более того, в ней зияют четыре (!) пробоины: две — по гуманоидам (ведь о Гиганде мы узнаем только из ПИП (74), а о планете Лу — из ЖВМ (79)!) и две — по негуманоидам (о Магоре станет известно снова-таки из ПИП, но не в 74-м. В 74-м в ПИП вместо Магоры будет еще Тагора, АБС заменят Тагору на Магору позже, в 85-м, а «неправильная» Тагора в ПИП и по сегодняшний день сбивает с толку и вводит в заблуждение читателей (см., например, материалы дискуссии в «Понедельнике-Э 016» от 16 июня 2003 г., приложение 4: «Шкатулка Тагоры») и даже людоенов! О разумности же голованов в 71-м, после ОО, мы можем лишь догадываться, точно это станет известно, равно как и о контакте землян с ними, только после выхода ЖВМ).

Есть ли у нас в 71-м претенденты на замещение названных вакансий? Прямо скажем — не много. И только — по негуманоидам: уже упомянутые Голованы, Странники (как же без них!) и с огромной натяжкой — четвероруки (ЧР) трехпалые (но это вряд ли, факт «контакта» с ЧР неочевиден и явно сокрыт от широкой публики). Для гуманоидов и этого нет: о семи-гуманоидах станет известно позже (ПИП), а о «собратьях Простяги» — только в 89-м, после опубликования БЗЛ.

И лишь в 74-м, после выхода ПИП, у исследователей появляется, пожалуй, первый повод для ликования: Гиганда и семи-

гуманоиды (хоть что-то!) плюс все те же негуманоиды (см. выше) впервые позволяют разложить «формулу Глумовой» более-менее приемлемо.

(Кстати, кто такие семи-гуманоиды?

Версия: семи-гуманоид Кварр из информации Драмбы (ПИП) — один из «Чертовой Дюжины», как и Камилл (ДР, ВГВ).

По-моему, вполне логично будет назвать человека, сратившего себя с машиной, именно семи— (наполовину) гуманоидом — человек при этом (по крайней мере, внешне) остался человеком, в то время как машинная составляющая человеческих качеств ему уж точно не прибавила, скорее наоборот.

К тому же, Кварр был штурманом группы — вполне подходящая работа для человека-машины; во время неудачной попытки контакта он погиб, чем еще раз подтвердил трагическую участь, постигшую участников «Чертовой Дюжины»,— все они впоследствии погибли/саморазрушились.)

Дальше — больше: мы наконец-то узнаем о Лу (ЖВМ), контактах с Голованами, Магоре (ПИП) и т. д. Иными словами, к 90-м годам мы уже можем оперировать практически всеми данными о ВЦ (всеми ли?), содержащимися в текстах АБС. Напрашивается вывод:

1) либо у Авторов существовал долгосрочный (порядка двадцати лет) план обнародования ранее придуманных гуманоидных и негуманоидных цивилизаций, блестяще ими (Авторами) реализованный;

2) либо «формула Глумовой» имела еще тогда (а значит, и сейчас имеет) другое, известное АБС и, увы, неизвестное исследователям решение.

И до тех пор, пока не будет опровергнуто последнее, мы вынуждены констатировать, что ставить точку в решении этой, на первый взгляд, казалось бы, не очень сложной задачи пока преждевременно.

Вопрос: учитывал ли в своих построениях хоть один аналитик существование, например, «неканонических» гуманоидов-кентаврян АНС из «Мальчика из преисподней»? А сколько таких «кентаврян» есть еще в файлах АБС?

Круглый стол
(фрагмент стенограммы)

(Начало стенограммы отсутствует)

АБС: ...После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили...

БНС: Наши герои как раз неоднократно, по-моему, высказывались в том смысле, что договориться с негуманоидной цивилизацией скорее невозможно. Впрочем, с тагорянами они договорились, а тагоряне — что-то вроде наших тритонов.

Тагоряне НЕ гуманоиды. Они что-то вроде гигантских саламандр Карела Чапека.

Б. Фокин: ...начать следует, пожалуй, с вопроса чисто терминологического свойства. Что подразумевается у АБС под термином гуманоид? Только ли «человекоподобный»? Точно ли «гуманоиды» и «гоминиды» суть одно и то же?

И если да, то в чем гуманоиды подобны человеку? Только ли внешними признаками?

Л. Ашкинази: ГУМАНОИД, СЕМИГУМАНОИД, НЕГУМАНОИД — термины, указывающие на относительную близость к человеку представителей тех или иных цивилизаций; параметры, по которым надо рассматривать близость, относительный вес различий и суммарное расстояние в пространстве признаков, при котором можно выносить заключение о гуманоидности, является объектом дискуссий; некоторые из экстремальных точек зрения — внешняя неотличимость в быту, возможность получения потомства (в том числе — способного к размножению), удовлетворение «тесту Тьюринга» (поддержание беседы и невозможность отличить от человека по генерируемому тексту), подтвержденное другой стороной понимание мотивов действий и/или системы ценностей, возможность совместных действий с людьми...

(Лакуна)

А. Э. Брэм: ...По наружному виду и по степени организации земноводных разделяют на три отряда: бесхвостых, хвостатых и безногих.

Хвостатые амфибии по внешнему виду очень сходны с ящерицами и разделяются на 4 семейства, из которых наиболее важно семейство саламандр:

1 сем.— саламандровые (Salamandridae), главнейшие 4 рода: саламандры (Salamandra), тритоны (Molge), очковые саламандры (Salamandrina), амблистомы (Amblystoma);

2 сем.— рыбообразные саламандры (Amphiumidae), 2 рода: скрытножаберник и укол угревидный;

3 сем.— протейные (Proteidae), род — протей;

4 сем.— сиреновые (Sirenidae), род — сирена.

...Душевные способности у земноводных развиты не более, чем у пресмыкающихся. По мнению некоторых исследователей, в общем их следует причислить к самым глупым из всех позвоночных...

Б. Фокин: ...но такой авторитетный источник как БНС, казалось бы, исключает возможность дискуссии...

Paul (Австралия): Оспорить точку зрения творца тагорян — странно звучит, да? Но я, вполне доверяя Борису Натановичу в том, что касается замысла или общей идеи цивилизации Тагоры, все же склонен считать, что в тексте зафиксировано нечто другое.

(Далее следуют цитаты из текстов АБС о гуманоидах Тагоры. Все внимательно слушают.)

(Лакуна)

АБС: ...полтораста земных лет назад при закладке фундамента Третьей Большой Машины тагорские строители обнаружили в базальтовой толще приполярного континента поразительное устройство, которое в терминах землян можно было бы назвать хитроумно сконструированным садком, содержащим двести три личинки тагорян в латентном состоянии. Возраст находки сколько-нибудь точно установить не удалось, однако

ясно было, что этот садок был заложен задолго до Великой Генетической Революции, то есть еще в те времена, когда каждый тагорянин в своем развитии проходил стадию личинки...

Paul (Австралия): Вот такие примерно пироги. Не то гуманоиды, не то личинки...

(Лакуна)

А. Э. Брэм: ...Земноводные, или амфибии, сильно отличаются от всех вышеописанных позвоночных. В жизни их нужно различать два периода: в молодости они сходны с рыбами и дышат жабрами, а затем постепенно превращаются в животных с легочным дыханием. Таким образом, в цикле развития земноводных имеет место превращение, которое почти не встречается у других позвоночных, и, наоборот, широко распространено у низших, беспозвоночных животных.

По образу жизни и по наружному виду земноводные имеют большое сходство, с одной стороны, с пресмыкающимися, а с другой, еще больше — с рыбами; личиночная стадия их составляет как бы переход между этими двумя классами. В конце личиночной стадии жаберное дыхание мало-помалу заменяется легочным...

...Детеныши (огненной саламандры.— Е. Ш.-Б.) рождаются живыми. Головастики, снабженные жабрами, живут в воде, но осенью теряют жабры и поселяются на земле. На зиму впадают в спячку...

(Лакуна)

Paul (Австралия): ...Не вижу смысла скрывать далее свою теорию. Заключается она в том, что тагоряне — паразиты, вероятно, насекомообразные, вроде клещей. Способны устанавливать контроль над нервной системой высших животных, более того, фактически обретают разум, только «оседлав» такое животное. Внешний вид, способ «оседлания» или что-то еще, вероятно, весьма омерзительны...

(Далее следует смешение реалий Тагоры и Магоры.)

...Теория, в сущности, достаточно незамысловатая (во всяком случае неоднократно в той или иной форме описанная в литературе), и вроде бы при этом практически все объясняет.

(Лакуна)

С. Лем: ...Одним словом, если в скромной попытке Уэллса местожительством марсиан был, в соответствии с данными современной ему науки, реальный Космос, то научная фантастика своих Иных поселила в тотально фальсифицированном Космосе, в котором не действуют законы астрономии, физики, социологии и даже психологии. Она развивала хищническое хозяйство, рыская в поисках вдохновения по различным историческим справочникам так же успешно, как и по таблице Линнея, чтобы наделить разумом ящеров, каракатиц со щупальцами, ракообразных, насекомых и т. д.

(Лакуна)

Л. Ашкинази: ...парадоксальность ситуации состоит в том, что трудно построить определение, охватывающее всех людей...

Б. Фокин: ...Мне кажется вполне разумным предположить, что под «гуманоидной цивилизацией» у АБС следует подразумевать не столько органический (физиологический) смысл, сколько ее психотип. Т. е. гуманоиды у АБС — это вовсе не обязательно стопроцентные хомо сапиенсы (Гиганда, «Эстор», Саракш, Саула, Надежда, Панта и т. п.), но и сапиенсы не совсем на хомо похожие, более близкие, например, к «человеку по Платону» («собратья Простяги», леонидяне), и даже вовсе, может быть, не двуногие прямоходящие (голованы вот), и отличающиеся от хомо метаболизмом, как «разумные саламандры по Чапеку» (Тагора, она же Магора). Причем наличие определенных признаков, близких к признакам платоновского человека, на мой взгляд, для «гуманоида АБС» обязательны. Только этим признаком, скорее всего, является не столько наличие или отсутствие перьев, когтей или иных чисто технических деталей, сколько устройство мозга. Я бы классифициро-

вал гуманоида АБС скорее как *существо черепно-мозговое, хордовое и инструментированное.*

...Во всяком случае, уверен, что тагорянину-саламандре, киноиду-головану, непонятно от кого произошедшему леонидянину и человеку-млекопитающему понять друг друга несравнимо легче, чем принять даже возможность существования вышеозначенных носителей разума какому-нибудь разумному слизню Гарроты или аборигену (аборигенам?) Ковчега...

...Возможно, я несколько усугубил с голованами, но здесь, напомню, особый случай: резкая мутация и искусственное развитие разума в контакте с чистыми гуманоидами — контакте очевидном, хотя и не явном по крайней мере для одной из сторон...

(Далее неразборчиво)[1]

***

Никоим образом не пытаясь оспорить мнения уважаемых участников дискуссии, не могу, тем не менее, не высказать свою точку зрения по затронутому вопросу. Она не блещет оригинальностью и заключается в следующем.

Тагоряне — обычные гуманоиды, «стопроцентные» хомо сапиенсы, если и отличаются от землян, то незначительно (например, нестандартная реакция на применение йода), может, еще что-то.

---

[1] Источники:

Архив КОМКОНа.

Тексты АБС.

БНС, онлайн-интервью (август, ноябрь 2000).

Б. Фокин (С. Лифанов), «9/5 ВЦ, или плач по Магоре» («Понедельник-Э» 043 от 6 декабря 2004 г., приложение 6).

Л. Ашкинази, «Стругацкие: комментарий для генерации NEXT».

Paul (Австралия), «Шкатулка Тагоры» («Понедельник-Э» 016 от 16 июня 2003 г., приложение 4).

А. Э. Брэм, «Жизнь животных», М., 1992.

С. Лем, «Послесловие к «Пикнику на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких» (перевод В. Борисова, приложение к «Понедельнику-Э» 046 от 21 марта 2005 г.).

Эта версия, как мне кажется, впрямую следует из текстов Авторов, ее подтверждает и такой авторитет в данных вопросах как Геннадий Комов: «...аборигены способны проникать в корабль. Корабль их впускает. Для сравнения напомню, что ни тагорцу, ни даже пантианину, при всем их огромном сходстве с человеком, люковую перепонку не преодолеть».

Итак, **тагорцы имеют огромное сходство с человеком!**

Что здесь можно еще добавить?

Буквально два слова о пресловутой «стадии личинки» (фактически — стадии развития земноводных, стадии жаберного дыхания), которую тагоряне когда-то проходили в своем развитии. Одним из итогов Великой Генетической Революции на Тагоре, очевидно, стала в т. ч. и трансформация этой стадии в процесс обычного внутриутробного развития плода. Интересно, что человеческий эмбрион где-то на 4-й — 5-й неделе (пусть меня поправят специалисты, если ошибаюсь в деталях и терминологии) своего развития тоже проходит стадию земноводного (с жабрами, хвостом) — вам это ничего не напоминает? Тем не менее в итоге рождается все-таки человек, а не тритон или саламандра... Думаю, что-то подобное происходило и у тагорян.

«ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА»

ЗМЛДКС — повесть, в которой АБС тему выбора, который они описывают в практически каждом произведении, ставят теперь не только открыто (что выбрать данному герою), но и заставляют читателя задуматься над самой этой темой. Авторы подробно разбирают теорию выбора. Что есть выбор? Как выбирать, учитывая все последствия того или иного пути? Что теряешь при том или ином решении? Почему она вообще появляется, проблема выбора?

ЧЕРНОВИК

В архиве АБС, помимо черновика, сохранилось несколько страниц, повествующих о подготовке Авторов к созданию текста ЗМЛДКС.

Есть две страницы с описанием фабулы и основных героев повести:

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА
Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном.
Вечеровский Филипп Павлович, математик.
Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог.
Губарь Захар Захарович, инженер-самоучка.
Глухов Владлен Семенович, японист.
Снеговой Арнольд Павлович, секретник, мертвец.

Время 0: момент, когда все сели писать отчеты. 15 июля 19.. года.

Первое совещание, оптимистическое — 14 июля.

События до момента 0 с точки зрения Малянова:

13 июля.

Уже три дня он в отпуске, мучается со статьей. В обед 11-го его осеняет. Начинаются помехи сейчас же: телефонные звонки, в т. ч. Вайнгартен — вокруг да около, «Доставка на дом». Появление бабы. Вечером чаек. Странное появление соседа — Снегового.

14 июля.

Садится было за работу, но появляется следователь. Узнает, что Снеговой убит. Звонит Вайнгартен. Почему-то спрашивает о Губаре. К вечеру Малянов идет к Вечеровскому. Отпечатки копыт на подоконнике. Малянов с ужасом замечает, что ведет себя, как вчера сосед Снеговой: мнется и вокруг да около. Возвращается домой, застает там Вайнгартена и Губаря, пьющих водку. Губарь с мальчиком. Обмениваются информацией о помехах. Малянов зовет Вечеровского, а Губарь зовет Глухова. Военный совет.

Варианты объяснений:

Диверсанты (Снеговой).

Пришельцы (Вайнгартен).

Союз Девяти.

Дьявол (Вечеровский).

Самозащита Вселенной.

Спруты Спиридоны (иной разум на Земле).

Судьбы остальных:

Вечеровский: напустили дьявола (его данных в повести не будет, но Малянов в конце начинает подозревать, что он и есть таинственный агент неведомой силы).

Вайнгартен: пользуются его коллекционерством-тиффози, а когда это не помогает (ящик монет на чердаке у тетки), пытаются купить (предлагают пост директора, академик Сидоренко убеждает его бросить бесперспективную тему и взяться за более важную для нар. хоз.), а когда это не помогает — грубый, как пришелец из плохого романа, нажим: появление агента, кот. угрожает и шантажирует, утверждает, что Малянов и Гу-

барь тоже на крючке и удаляется, бросив ему на колени конверт с золотыми античными монетами. Мистификация? Но золотые монеты? И в КГБ идти нельзя из-за фантастических деталей: вошел и вышел сквозь стену и т. д. Это — последняя капля, и он звонит Малянову. А когда слышит странный голос Малянова (у того в это время следователь), да еще является Губарь с выпученными глазами и мальчиком, то кидается к Малянову.

Губарь: нашествие баб (все женщины, с которыми он когда-либо имел дело, вдруг ринулись к нему), подкинутый мальчишка. Но впоследствии — крупный выигрыш, путевка за рубеж, давно желанная женщина. На этом кончается его работа. Сам не знает, какое именно его изобретение им мешает.

Глухов: он уже сломлен: месяца два назад у него начинались страшные головные боли, едва принимался за свою любимую работу. Его ввели в поле зрения наших героев замечания Вечеровского о том, что к ним применяются слишком громоздкие меры — проще было бы заражать головной болью при попытке работать. Тогда Губарь вспоминает Глухова, с которым лежал в больнице. Непонятно, совпадение ли это, или психическое заболевание, имеет ли Глухов отношение к делу. Впрочем, какая-то тайна у него есть, что-то с ним было — раскалывает Вечеровский. Говорить и думать о теме он может, но писать и читать нет, начинаются головные боли. Увлекается литературой ужасов, читает Эдогаву.

Сохранилась придуманная Авторами биография одного из персонажей ЗМЛДКС — Губаря. Он не является главным героем, но можно видеть, как тщательно АБС продумывали жизненные подробности даже второстепенных персонажей.

ГУБАРЬ ЗАХАР ЗАХАРОВИЧ

Родился в 1932 году, в Котовске. Отец — кадровый офицер, тогда — капитан; впоследствии погиб под Секешфехерваром. Мать — домохозяйка, овдовев, вышла замуж вторично, снова за офицера, интенданта. Теперь оба на покое.

Губарь не кончил школы, был большой лентяй, прогульщик и с детства сексуально озабочен. Ушел из девятого класса, в 1950 году, поступил работать в больницу санитаром, потом получил автоправа, стал шоферить на скорой помощи. Работал также в Университете, на химфаке, лаборантом; окончил курсы конструкторов [Эта фраза, о курсах, позже вычеркнута.— *С. Б.*]; теперь работает в ящике, связанном с электроникой и радиотехникой. Страстный радиолюбитель, увлекается стереофонией, золотые руки. Не знает ни одного языка, но читает спецжурналы на всех и понимает почти все радиопередачи (если речь идет о музыке и о певцах и исполнителях). По натуре сибарит и ужасный эгоист. Любит и умеет очаровывать. Действует так: на первом этапе знакомства всячески (но тонко!) расхваливает партнера, дает ему понять его — партнера — превосходство над собой, а затем начинает обнаруживать перед партнером свои золотые кладовые — какой он умелый шофер, как он здорово работает руками, как он много знает о литературе при своей кажущейся неинтеллигентности, что он неплохой спортсмен и вообще весьма силен физически и т. д. Причем действует отнюдь не сознательно и поэтому его шарм оказывается особенно неотразимым. Гедонист. Никогда ни в чем себе не отказывает, из всего старается извлечь максимум приятного — ест с огромным вкусом и умением, одевается изысканно и всегда по моде, транзистор у него — новейший, комната его отделана (собственными руками) в соответствии с последними идеями дизайна и т. д. Поэтому — всегда в долгах, это его привычное состояние, к которому он, впрочем, никак не привыкнет: долги его тяготят, он человек совестливый. Просто его желания — первый закон для него, прочее — второстепенно. Бабник фантастический. Любит говорить о женщинах, смотреть на них, знакомится при каждом удобном и неудобном случае. (Однажды в тесно набитом автобусе он оказался рядом с приятной девушкой. Простите, сказал он. Нет ли у вас листочка бумаги и карандаша. Да, пожалуйста, сказала она, извлекая просимое из сумочки. Спасибо, сказал он. А теперь напишите, ради бога, ваш телефон и как вас зовут. Свидание состоялось.) К любовницам, впрочем, весьма требователен — внешность, манеры, гигиена, зубы и пр. Разборчивый бабник.

Был женат, прожил полтора года с женой — развелся. С тех пор ужасно боится детей и принимает строжайшие меры безопасности.

Физически безукоризненно здоров. Внешность имеет хотя и не блестящую, но чем-то привлекательную. Есть что-то симпатичное в его облике. С женщинами говорлив и блестящ, равно как и в тех случаях вообще, когда хочет понравиться. В остальное время его манера говорить, как у Ревича.

Сейчас работает над каким-то грандиозным проектом (гигантский радиотелескоп для военных целей). Дело пахнет лауреатством. В процессе работы натолкнулся на изобретение, о котором говорит смутно — что-то связанное с полезным использованием феддингов. С этого изобретения и начались его неприятности.

Очень хлопочет о своем физическом здоровье. По поводу малейшей болячки бежит к врачу — европейское отношение к болезням. Однажды у него обнаружилось что-то с кровью, он срочно лег в академическую больницу и там познакомился с Глуховым, лежавшим по поводу предынфарктного состояния. (У обоих, впрочем, все кончилось благополучно.) С Вайнгартеном знаком давно и близко, потому что долгое время работал в ИЗРАНе лаборантом в середине и конце 50-х годов.

Политических убеждений у него по сути нет. Инстинктивно придерживается тех убеждений, которые наиболее безопасны в данный момент. Политикой интересуется только в аспекте слухов и анекдотов. Любит ругать безалаберность, бесхозяйственность, восхищается западным образом жизни и тамошней организацией исследований и производства, но всегда помнит, что нигде и никогда у него не было бы таких возможностей сачковать, когда ему хочется сачковать.

Неприятности у него начались, во-первых, с того, что пошла по ногам сыпь, а во-вторых, с нашествия баб. Кончилось появлением мальчика-сына, очень странного пятилетнего существа, время от времени произносящего речи о высоких материях, заканчивающиеся словами типа: «Писить хочу».

На полях этой биографии есть рукописные пометки-добавления: «Обеспеченное детство; Германия; увлечение автомото.

С детства страшно интересуется конструированием», «Человек, который бережно и обстоятельно относится к своим желаниям».

Кроме полного черновика, о котором ниже, в архиве АБС присутствует сохранившаяся страница из более раннего варианта, а скорее, начала варианта: Авторы написали три страницы, но затем решили не использовать в ЗМЛДКС стиль ПНО и переписали их заново. Фамилия главного персонажа в нем — еще не Малянов, а Малявин. Сохранилась, к сожалению, только третья страница:

...рядком — ведя арьергардные бои — отступаю я по коридору в кухню. Я, помнится, решил, что это водопроводчик, наконец, явился — чинить кран в ванной. «Вы из ЖЭКа?» — спрашиваю. Он опять бурчит, ставит коробку на табурет и вытаскивает из нагрудного кармана пачку каких-то квитанций. Отслюнивает одну и сипит: «Распишитесь...» Я беру эту квитанцию и тут же вижу, что это бланк стола заказов. Коньяк — две бутылки. Водка — одна бутылка. Колбаса краковская... осетрина... Я обалдел. А когда увидел сумму, то прямо-таки душевно заметался. Мое охваченное паникой воображение моментально построило удручающую последовательность всевозможных сложностей: оправдываться, извиняться, одеваться, тащиться в сберкассу... там душно, вентиляция никогда не работает... и вообще закрыто на обед... Но тут я обнаружил в углу квитанции фиолетовый штамп «Оплачено». Это меня, конечно, сильно подбодрило. Взял я у мужичка огрызок карандаша и расписался, куда он тыкал своим корявым траурным ногтем.

В общем, он ушел. Остались от него ящик да пыльные следы на линолеуме в прихожей. Конечно, никакой высокой науки, никаких там «полостей Малявина» и «конформных отображений» в голове у меня уже не осталось. Я, сами понимаете, изучал копию квитанции и копался в коробке. Все было правильно. Адрес мой, фамилия заказчика — Малявина И. Е., подпись ее же... Но объяснить все это было невозможно.

Полный черновик ЗМЛДКС содержит рукописную правку, но даже с учетом ее еще далек от опубликованного варианта.

Повествование, подаваемое в окончательном варианте сначала от третьего лица («он», «Малянов») и постепенно переходящее к рассказу от первого лица («я»), в рукописи написано от первого лица. Как объясняет БНС в офлайн-интервью, задумка Авторов, появившаяся уже после написания черновика, была такова: «Малянов сначала пытается рассказывать свою историю как бы отстраненно, пытается писать о себе, как о постороннем человеке... потом срывается, переходит на первое лицо... спохватывается, возвращается к третьему, но ненадолго, и потом уж до самого конца, отказавшись от отстраненности, пишет, без затей, от первого лица».

Нет в черновике подзаголовка «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах» и, соответственно, нет как бы обрывков повествования, начинающихся и оканчивающихся многоточием и обрывающимися предложениями. Текст идет последовательно, без купюр, поэтому начала и окончания отрывков, убранные Авторами из окончательного текста, в черновике еще присутствуют.

Ниже даны эти информационные убранные переходы:

Может быть, у них в отделе какой-нибудь банкет должен быть? Только чего ради за десять дней все заказывать? Да и не может быть у них никакого банкета, все они сейчас разъехались...

Калям ужасно заорал. Что-то он там учуял в этой коробке. Так. Колбаса краковская... Лосось в собственном поту — это я люблю. Ого! Икра! Ну, ребята... Ага, вот оно что — филе хека...

— Ладно, ладно, не ори на меня,— сказал я Каляму.— Сейчас.

Я быстренько сполоснул кастрюлю, положил в нее филе, залил водой и поставил на газ. Калям неистовствовал.

— Кушать хочет Калямушка бедненький...— бормотал я совершенно машинально, потому что думал, естественно, совершенно о другом.— Рыбочки захотел Калямушка...

Пока мне ясно было только одно: в магазин можно не ходить. Все остальное представлялось как бы в тумане. День рождения? Нет. Годовщина свадьбы? Вроде бы тоже нет. Точно — нет. День рождения Барбоса? Зимой. Ах ты, Иришка-животишка, ну и загадочку мне загадала!

Я переложил продукты в холодильник, поставил туда же водку, а коньяк и красное вино отнес в бар. Пустую коробку я выставил на балкон. Ладно, икру я пока трогать не буду, и этот обалдительный коньяк — тем более. А вот баночку лосося я, пожалуй, сейчас опростаю. Из Калямовой кастрюли потекло, зашипело на огне, завоняло рыбой. Я торопливо выключил газ и сказал Каляму:

— Придется потерпеть. Придется Калямушке еще немножко пострадать, пока остынет.

Я съел банку лосося с лежалой горбушкой и принялся мыть посуду.

<...>

Чистое белье у меня к счастью нашлось, а вот за хлебом и за сахаром пришлось-таки смотаться, а потом она подробно рассказала про Ирку и про Бобку и заодно об Одессе вообще. В восемь часов сели ужинать. Солнце ушло за двенадцатиэтажник, но легче не стало. Отсиживались на кухне, пили чай. Мне пришлось облачиться в джинсы и рубашку, а она сменила свой мини-сарафан на мини-юбочку и мини-кофточку.

<...>

Заодно я рассказал ей, что на Кубе из-под мини-юбки должны быть видны трусики, а если трусики не видны, то это уже не мини-юбки, и у кого трусики не видны, та считается монахиней и старой девой. При всем при том, добавил я, мораль там, как ни странно, очень строгая. Ни-ни! Революция.

— А какие там пьют коктейли? — спросила она.

— Хайбол,— ответил я гордо.— Ром, лимонад и лед.

— Лед,— сказала она мечтательно.— Димочка, я хочу хайбол.

Тут я вспомнил. Я кинулся к холодильнику и с торжеством извлек бутылку ледяного рислинга[1].

— А? — сказал я.

— О! — отозвалась она.

---

[1] Интересно, как это он вспомнил то, чего не было? («Я переложил продукты в холодильник, поставил туда же водку, а коньяк и красное вино отнес в бар».) Или рислинг относится просто к продуктам? Видимо, это перманентное воздействие Гомеопатического Мироздания.— *В. Д.*

Я мигом притащил фужеры, и мы выпили за встречу и знакомство. Стало хорошо. Мы поговорили о Монне Лизе, потом о предстоящем солнечном затмении, потом я налил еще по фужеру.

<...>

— Теперь вот что, Дмитрий Алексеевич. Я завтра опять уезжаю, утречком занесу ключ. Не возражаете?

Я только плечами пожал. Он проводил меня до двери и, уже пожимая мне руку, сказал, понизив голос:

— А с этой женщиной вы все-таки поосторожней, Дмитрий Алексеевич. Как говорится, впредь до выяснения... Черт ее знает, что это за женщина...

Глава третья

Как это ни странно, но спал я в эту ночь самым мертвецким образом. Часов в восемь проснулся было, хотел встать, но башка так трещала, что я махнул на все рукой, повернулся на другой бок и заснул снова.

В двенадцать часов дня башка моя уже не трещала. Некоторое время я полежал на спине, не спеша очухиваясь.

<...>

Вдруг входная дверь распахнулась, и в прихожую ворвался еще один тонтон-макут, только не в черной рубашке, а в цветастой, очень потный и рассерженный.

— Петрович! — гаркнул он возбужденно.— Ты долго будешь тут копаться?

— А что? — испугался Игорь Петрович.

— Видали? — сказал цветастый тонтон-макут, обращаясь ко мне.— Он еще спрашивает, разгильдяй! — Он снова повернулся к Игорю Петровичу и заорал: — Василий Иванович икру мечет! Девки же уедут, и всё!

— Так позвонить же надо было! — отчаянно вскричал Игорь Петрович.— Телефон же есть в доме... Сейчас, подожди, папку только возьму!

Он кинулся в большую комнату.

— Давай, я лифт пока вызову! — крикнул ему вслед цветастый тонтон-макут и исчез.

Через несколько секунд следом за ним промчался, не обратив на меня никакого внимания, Игорь Петрович. В одной руке он сжимал папку, в другой — початую бутылку коньяка. На площадке грохнула дверь лифта, загудел мотор. Я остался один.

Потом, вероятно, Авторы по-другому представили себе убранный отрывок, потому что в поздней версии после ухода следователей на столе остались не «две синие рюмки на столе — одна пустая, другая наполовину полная», а три рюмки («две пустые и одна наполовину полная»).

Этот тонтон-макут все намекал насчет Ирки и Снегового... Я бы вот что хотел понять. Насчет пятнадцати лет. Это он в плане, так сказать, технической революции или на самом деле? Да нет, чушь все это собачья... Параша... Ушел, не попрощался и бутылку унес... Даже не ушел, а попросту удрал. Вот возьму сейчас и позвоню... туда... к ним. И я двинулся из прихожей, но свернул не налево, в большую комнату, а направо, на кухню.

Наверное, все-таки надо было сказать ему, что Снеговой явно чего-то опасался вчера. И пистолет у него был в пижаме наготове. Да когда мне было говорить-то? Он же мне слова не давал сказать, все выпендривался... Нет, они меня теперь затаскают. Они мне теперь жить не дадут... А почему левша не может застрелиться правой рукой? Вот я, например, правша, в правой руке у меня телефонная трубка. Занята у меня правая рука. А в левой пистолет... Вполне! Кому это он звонил, вот что интересно бы узнать... Звонил он кому-то, что-то хотел сказать, объяснить... Меня передернуло. Я поставил грязный стакан в мойку — эмбрион будущей кучи грязной посуды. Здорово Лидочка кухню убрала, все так и сверкает... Она, по-моему, даже тарелки пастой перемыла... Точно! А вы говорите. Вы подумайте, на кой ляд убийце мыть посуду?.. Да, я же Вальке обещал позвонить!

Телефон у Вальки был занят.

<...>

— Слушай, Фил,— сказал я.— Какие тут к чертовой матери функции Гартвига? У меня голова винтом, а ты — функции Гартвига!

— Да, мне показалось сразу, что ты сегодня сам не свой. Что случилось?

И я ему все рассказал: про Лидочку, про Снегового с пистолетом и про нашествие тонтон-макутов. Пока я говорил, он дважды подливал мне кофе, но не задал ни одного вопроса и никак не показал, что все это его хоть сколько-нибудь интригует. Когда я кончил, он помолчал минуту, поглаживая двумя пальцами гладко выбритую скулу, а затем продекламировал:

<...>

В квартире кто-то был. Бубнил незнакомый мужской голос, и что-то отвечал ему незнакомый детский голос. И потом вдруг раздалось ржание в два мужских голоса, а затем что-то с дребезгом разбилось.

Я стиснул зубы и шагнул через порог.

Глава пятая

Не помню, да, наверное, и не знаю, что или кого я ожидал увидеть у себя в доме. Оказалось, слава богу, ничего страшного. На кухне за столом восседал сияющий, как блин, Валька Вайнгартен, а рядом с ним сидел на корточках незнакомый мужчина и подбирал осколки разбитой рюмки.

<...>

И тут мальчик сказал:

— Подумаешь! Это ничего не значит.

Мы опять вздрогнули, а Захар распрямился и стал смотреть на сына с какой-то надеждой, что ли...

— Слушай, малыш,— сказал я.— Тебе тут, наверное, скучно... Ты пойди в ту комнату...

— Это просто случайность,— сказал мальчик, не обращая на меня никакого внимания.— Вы телефонную книгу посмотрите, там этих Губарей штук восемь...

У меня волосы зашевелились на макушке, но я посмотрел на Губаря и обнаружил, что тот снова ожил: и лицо порозовело, и даже какая-никакая улыбка наметилась. Он протянул красивую, истинно мужскую руку и неуверенно потрепал мальчишку по затылку. Вайнгартен снова крякнул и сказал:

— Ну ладно, поехали...

Мы поехали. Мальчик проследил взглядом за тем, как мы это сделали, и причмокнул. Вайнгартен закусил рольмопсом, облизал палец и спросил меня:

— А почему у вас разговор о Захаре зашел?

— Я не помню — почему... Да и разговора никакого не было. Просто он спросил, знаю я такого или нет...

— Может, действительно, совпадение...— робко произнес Захар.

Вайнгартен посмотрел на него с жалостью.

— Может быть,— сказал он.— Тут, отец, все может быть... Ну, ладно. Значит, теперь моя очередь...

<...>

...Смотрю, у нее бром стоит. Я брому хватил. Вроде стало легче...

— Подожди,— сказал я с раздражением.— Хватит трепаться. Ей-богу, мне сейчас не до трепа... Что было на самом деле? Только пожалуйста, без этих рыжих пришельцев!

— Отец,— сказал Вайнгартен, выкатывая глаза до последнего предела.— Отец, вот те крест, честное пионерское! — Он неумело перекрестился с явно выраженным католическим акцентом.— Мне самому было не до шуток... Это я сейчас отошел немножко... А тогда сел в кресло, глаза закрыл, вспоминаю его слова, а у самого все дрожит внутри мелкой дрожью, как поросячий хвост. Совсем было решил, что это виденьица у меня от жары, открываю глаза — пакет передо мной на столе. А когда глянул на эти марочки, понял я, отцы: нет, не виденьица это. Там, понимаешь, оба «маврикия», чистые... можешь себе это представить или нет? И еще пара на конверте...— Он махнул рукой.— Эх, отцы, если бы вы в этом понимали! Но ведь Губарь вообще дубина, а ты...

Он вдруг полез в задний карман джинсов и извлек свою огромную записную книжку.

— Гляди, только руками не лапай...

Я поглядел. Между страницами книжки, уже упакованные в аккуратные клемметаши, лежали марки. Я когда-то собирал марки, и довольно энергично. Остатки моей юношеской коллекции Вайнгартен когда-то отобрал у меня с довольным ур-

чанием. Так что кое-что в марках я понимал. И на какое-то время я лишился языка.

Да, конечно, в королевской коллекции все это было. У господина Стулова в Нью-Йорке кое-что из этого было тоже. Но если, скажем, взять нашу госколлекцию... и я не говорю уже о простых коллекционерах...

— Фальшивки...— сказал я, наконец.

<...>

— Надо бы нам все-таки в этом деле разобраться, отцы,— вяло закончил он.— Захар, ты расскажи, только покороче, пожалуйста. А то ты всегда тянешь...

Глава шестая

Рассказывать коротко Захар Захарович Губарь явно не умел. Мало того, что он тянул, мямлил, повторялся, экал и мекал, он еще вдобавок то и дело отвлекался в пространные экскурсы по своей биографии. Причем оказалось, что большинство событий в его жизни так или иначе связано с любовью в ее самом примитивном смысле. Так что я почувствовал необходимость постучать ногтем по столу и сказать укоризненно: «Деван лезанфан!..»

Не знаю, понял ли мой французский Захар Захарович, но Губарь-младший понял и заявил неожиданно: «Чего там деван, мне эти его сексуальные упражнения давно известны...» После этих его слов нас постигло уже привычное остолбенение, а затем Захар, сказавши сыну неуверенно: «Тише, тише...», продолжил свой рассказ.

Среди всего прочего я узнал о Губаре, что он с детства был большой лентяй и прогульщик и с тех же пор был сексуально озабочен.

<...>

К восьми часам вечера положение у нас сложилось таким образом.

Мы перебрались в большую комнату, потому что в кухне стало невыносимо тесно. И еще потому, что мне было как-то неловко перед Вечеровским за тот свинарник, который мы там развели до него. В большой комнате я расставил раскладной

стол и, поскольку решено было больше не пить, заварил чаю. Чай пили в молчании. То есть не совсем, конечно, в молчании. Малолетний сын Захара, устроившись на тахте в углу, время от времени принимался услаждать наш слух чтением избранных мест из ПМЭ, который я сунул ему второпях по ошибке.

<...>

И я вдруг вспомнил, что года три назад Вечеровского положили в больницу, но ненадолго, скоро выписали, и все стало по-прежнему, я даже внимания не обратил, и только потом, много спустя, мне рассказали, что у Вечеровского нашли рак и положение казалось безнадежным, и даже уже самому Вечеровскому сказали, что рак и что безнадежно, и отпустили его домой умирать, и только через год оказалось, что это, слава богу, была ошибка, какая-то совершенно неизвестная ранее форма доброкачественной опухоли.

<...>

— Господи, да что же он, подшутил надо мной так? — сказала Ирка беспомощно.— Что он — с ума сошел?

— Какие шутки...— пробормотал я, изо всех сил борясь с новой волной этого отвратительного черного ужаса.— Какие шутки? — заорал я.— Он же застрелился вчера ночью! Какие могут быть девять часов с минутами?

— Это какое-то ужасное недоразумение,— сказал Вечеровский.

Я спохватился. Ирке-то зачем все это знать... Совершенно незачем все это знать! Вот от этого я должен ее избавить.

— Застрелился? — проговорила Ирка, снова опускаясь на табуретку.— Снеговой?

— Да нет, это слух только...— забормотал я.— В общем-то, он умер, это правда... чистил оружие, наверное... неосторожность...

— Кто же телеграмму послал? — бесцветным голосом спросила Ирка.— Какая шутка жестокая...

— Да ну, идиоты какие-нибудь,— сказал я.

Она встала и принялась стягивать с себя пыльник.

— А на самом деле у тебя все в порядке? — спросила она устало.

— Ну, конечно! — сказал я.— Все в полном порядке...

Глава девятая

Ирка быстро уснула. День у нее был действительно сумасшедший, почище, чем у меня.

<...>

Уронив табуретку, я выскочил на балкон. И обмер.

Прямо посередине двора на детской площадке, среди всех этих качелей, турников и песочницы стояло огромное дерево — дуб или там ясень, не знаю, я в этом ничего не смыслю, но здоровенное такое дерево лет под пятьдесят или, может быть, под сто, с обширной густой кроной аж до третьего этажа. Двор был полон народу, на балконах тоже торчали, и все разом галдели, и в общем хоре, как водится, раздавались возгласы: «Хулиганство!» и «Милицию вызвать!» Под деревом решительно расхаживал наш домоуправ по прозвищу Кефир в сопровождении дворничихи, которая отчаянно махала руками — очевидно, оправдывалась. И еще я заметил сквозь крону вал свежевывороченной земли вокруг ствола, не выкопанной, не набросанной лопатами, а именно вывороченной, словно дерево выперло из-под почвы в одночасье, как шампиньон сквозь асфальт. Во дворе галдели, и Ирка что-то вскрикивала над ухом, а я смотрел на это дерево и повторял про себя: «На этот раз мимо... На этот раз промазали...»

— Да не знаю я ничего,— сказал я наконец Ирке.— Ничего я не слышал. Я работал!

Мы вернулись на кухню, я поспешно собрал свои бумаги, черновики сунул в тетрадь, тетрадь сунул под мышку и стал думать, куда все это девать или, может быть, прямо сразу выбросить, сжечь, например, а Ирка тем временем хлопотала насчет кофе, с веселым негодованием излагая мне, как все это могло произойти: как подрядчики не поладили с субподрядчиками, перепутали накладные, выкопали дерево в одном месте, где выкапывать было не надо, и посадили в другом месте, где не надо было сажать, а теперь, вот увидишь, они его снова выкопают, и пока они его будут выкапывать и снова сажать, оно умрет, а у нас во дворе, вот увидишь, еще лет пять посередине детской площадки будет красоваться безобразная яма...

Во дворе зазвучали милицейские свистки, и я закрыл балкон. Мы сели пить кофе.

<...>

— А у меня все кончилось! — радостно выкрикнул он, шагнул через порог и захлопнул дверь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ирка вернулась в начале восьмого, мы поужинали и Ирка попыталась подвигнуть меня на генеральную уборку «этого свинарника».

Много работают Авторы и над правкой стиля. Солнце не РАССТРЕЛИВАЕТ квартиру Малянова навылет, а ПРОСТРЕЛИВАЕТ. Сначала о заминке в разговоре с Лидочкой Авторы пишут: «Имела место неловкость». Затем правят: «Словно заело что-то». И далее, Малянов продумывает, чем продолжить разговор, называя их сначала «никчемные темы для возобновления разговора», затем «бездарные начала новых разговоров». Когда разбивается кувшин, звук описывается сначала как «глиняный дребезг», затем — «длинный дребезг».

Добавляют Авторы и образности в повествование. Добиваются они этого иногда большей детализацией (вместо «Это не фигура С. инструмента» — «Это, брат, тебе, не "фигура цапф большого пассажного инструмента"»).

Вспоминая об Игоре Петровиче и его вопросе, на кого он похож, Малянов в сердцах думает: «На свинью ты похож очкастую, а не на человека-невидимку!» Позже СВИНЬЮ Авторы изменяют на ГЛИСТУ.

Когда Вечеровский проверяет, есть ли такой следователь — Зыков, звоня по телефону, в ранней рукописи он говорит металлическим голосом. Позже Авторы правят на «вялый начальственный» голос.

На риторический вопрос Малянова «Что будет?» Вечеровский отвечает стихотворением. Авторы описывают это так: сначала — «Вечеровский вдруг разразился», затем — «Вечеровский вдруг оживился», позже — «Вечеровский тотчас откликнулся».

Отношение сотрудников Вайнгартена к его открытию описывается сначала как «было наплевать», затем — «было до лампочки».

Часто правка касается отдельных слов: вместо «еще» — «вдобавок», вместо «припечь» — «прожечь», вместо «опустится» —

«снизойдет»; вместо «злит» — «бесит»; вместо «медленно» — «неторопливо»; вместо «запретить» — «воспретить», вместо «смешной» — «юмористический»; вместо «собиралась» — «намеревалась». Звук же, издаваемый Калямом, Авторы в раннем варианте передавали несуществующим, но более точным словом: не «мявкнул», а «мрякнул».

«...И никакая сила на свете не заставит их проваляться, скажем, до полудня»,— размышляет Малянов о «жаворонках». Позже Авторы изменяют обычное слово «сила» на более изысканное, чеховское — «мерихлюндия».

Присутствуют в черновике и интересные подробности, позже Авторами убранные.

Когда Малянов в мыслях обращается к воображаемым собеседникам, он называет их не «голубчики мои», а «товарищи». И Глухов, обращаясь к компании, говорит не «друзья», а «товарищи».

Рассказ Вайнгартену о своей работе Малянов предваряет словами: «У меня секретов нет, слушайте детишки». Далее он рассказывает менее наукообразно, чем в окончательном варианте: «Оказалось, что все мои уравнения можно очень изящно записать в векторной форме. Тогда все интегрирования по объему проводятся моментально, и получается очень изящная штука...»

В разговоре о предсказании цыганки Малянов шутя говорит не только о крупном открытии в астрофизике, но и о том, что он первым высадится на Марсе.

Из-за перехода в позднем варианте с первого на третье лицо исчезли некоторые мысли Малянова по разным поводам. К примеру, когда следователь начинает задавать вопросы Малянову, после вопроса о Снеговом Малянов думает: «Хотите верьте, хотите — нет, но этот вопрос я предчувствовал. Насчет предчувствий я вообще силен. Еще глаза не продрав, я уже предчувствовал, что будут у меня сегодня неприятности, и вот сейчас, когда я еще ничего, ну абсолютно ничего не понимал, я уже ожидал, что спрашивать меня будут либо про Вальку Вайнгартена, либо про Арнольда Павловича». Рассказ Вайнгартена о произошедших с ним странностях Малянов мысленно комментирует так: «История, которую он мне рассказал, до такой степени не лезла ни в какие ворота, что я поначалу испугался, а потом вдруг с огромным об-

легчением понял: врет ведь все. От первого до последнего слова все врет сукин сын. Это само по себе было непонятно, зачем ему понадобилось врать, но к непонятным поступкам людей я как-то уже привык за последние сутки... <...> Именно в этот момент мне пришло в голову, что Валька все врет, и интересовал меня с этого момента только один вопрос: зачем это ему понадобилось». А когда Вайнгартен делает эффектную паузу, говоря, что сделал рыжий пришелец, окончив речь, Малянов предполагает: в первоначальном варианте — «Ушел сквозь стену,— сказал я, насколько мог, саркастически»; в окончательном — «Вылетел в окно...— сказал Малянов сквозь зубы».

В первоначальном варианте не планировалось, что следователь на минуту очнется от запланированных действий («И тут легкий сквознячок потянул по комнате, шевельнул сдвинутую штору, и яростное пополуденное солнце, ворвавшись в окно, ударило Игоря Петровича прямо по лицу. Он зажмурился, заслонился растопыренной пятерней, подвинулся в кресле и торопливо поставил рюмку на стол. Что-то с ним случилось. Глаза часто замигали, на щеки набежала краска, подбородок дрогнул. "Простите...— прошептал он с совершенно человеческой интонацией.— Простите, Дмитрий Алексеевич... Может быть, вы... Как-то здесь..."»). Вместо этого в рукописи идет: «Ну разве это кошмар? — сказал Игорь Петрович.— Вот, я помню, был случай...»

Когда Малянов приходит домой и видит там Вайнгартена и Губаря, он отмечает на столе наполовину опорожненную бутылку экспортной «Столичной» и «всякие яства из стола заказов». Первоначально Авторы были более детальны: «...красовалась розовая ветчина из стола заказов и благоухала вскрытая банка рольмопсов оттуда же».

Вайнгартен в рукописи более вульгарен. Лидочку он называет не «девицей», а «девкой», говорит Малянову вместо «Тьфу, болван! Да я не об этом!..», а: «Идиот! Всё об ёй!» Рассказывая же об исчезновении рыжего карлика, он говорит: «Я, отцы, скрывать не буду: штаны у меня были полные...»

Мальчика Губаря Малянов часто называет в своем повествовании «дитя», а однажды вместо «кошмарный ребенок» определяет его как «ужасный младенец».

«Экскременты» в первоначальном варианте называются просто — «дерьмо», а Женька, который привез для коллекции китовьи экскременты, в первоначальном варианте имел фамилию Сиверцев, в окончательном — Сидорцев.

Женщины, которые приходили к Губарю домой, расколотили не голубую японскую мойку, как в окончательном варианте, а унитаз.

Малянов, комментируя гипотезу Вайнгартена, называет ее сказочкой для детей старшего возраста и далее: в окончательном варианте — «Чтобы в конце пионер Вася все эти происки разоблачил и всех бы победил»; в первоначальном — «Чтобы в конце пионер Вася или Петя происки разоблачил и водрузил над Землею что-нибудь славное».

Ребенок Захара читал отрывки из медицинской энциклопедии о: в рукописи — «болезнях мочеполовых органов»; в окончательном варианте — «болезнях разных деликатных органов».

Когда Малянов представляет себе, как инопланетяне планируют тратить энергию на пресечение разных исследований на Земле, он вместо «проталкивания какого-то проекта» упоминает «проталкивание очередного романа Шевцова».

Обстановку в квартире Вечеровского Малянов описывает так, будто в ней: черновик — «здесь жгли дымовую шашку», позже — «здесь взорвался картуз черного пороха»[1].

Пытаясь отговорить Вечеровского, Малянов напоминает ему пословицу: «Повадился кувшин по воду ходить...» А представляя, как Вечеровского на Памире будут атаковать привидения, альпинистки и шаровые молнии, Малянов к шаровым молниям добавляет: «...то-то удивятся метеорологи...»

Много в рукописи карандашных заметок на полях. Часть из них позже вошла в окончательный текст, часть же так и не была востребована. К примеру, там, где описывается содержимое холодильника Малянова, на полях пометка: «Молоко задумалось».

---

[1] Картуз — здесь: мера пороха, упакованная в мешок из быстро сгорающей ткани. Используется в артиллерии при раздельном заряжании. Изменяя количество картузов, возможно варьировать траекторию и дальность стрельбы. Термин упоминается во многих произведениях, любимых АБС: «Петр Первый» А. Толстого, «Цусима» А. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А. Степанова.— *В. Курильский.*

ИЗДАНИЯ

ЗМЛДКС впервые была опубликована в 76—77 годах в журнале «Знание — сила» (№№ 9—12; окончание — № 1/77). Затем издавалась в авторских сборниках АБС: 1984, 1985 — одноименный сборник (с ПНО, ТББ); 1988 — «Повести» (Лениздат, с ПНО, ДР); 1989, 1990 — в двухтомнике и трехтомнике «Избранного». Книжные издания содержат один и тот же текст, журнальный же вариант имеет много отличий.

Как это часто бывало у АБС, журнальное издание еще содержит некоторые черновые варианты слов, предложений, которые Авторами дорабатывались и изменялись при подготовке книжного издания. Тщательность стилистической правки Авторов поражает своей масштабностью; перебирая отдельные примеры для публикации в этом исследовании, порой восклицаешь: «Эх, если бы и ныне пишущие авторы так же тщательно относились к каждому написанному ими слову...»

Много в журнальном варианте и сокращений. Почти все они, практически, служат только одной цели — уменьшению объема повести. Но есть и особенные — вероятно, из-за принадлежности журнала к так называемым «молодежным». Как пропагандировалось когда-то в специальной литературе о воспитании советской молодежи, ее (молодежь) надо отвлекать от проблемы отношения полов, тем более — анатомической и физиологической ее части, а направлять на построение коммунизма и учебу. Поэтому из повести полностью изымается упоминание о лифчике Лиды, а там, где невозможно просто вычеркивание (когда его находит Ирка Малянова), лифчик заменяется на патрон губной помады.

Вообще в журнальном варианте много правки, связанной с облагораживанием текста. Сортир заменяется кладовкой, дерьмовоз — мусоровозом, «клеит» — на «кадрит», убирается фраза «насосался как зюзя».

Убрано из повести сравнение людей в солнцезащитных очках с тонтон-макутами. Вероятно, слово показалось редактору слишком трудным и неизвестным для молодежи.

Наведен порядок со следователями: из прокуратуры, а не из милиции или уголовного розыска.

«Полковничьи погоны» — то ли прилагательное показалось редактору некрасивым, то ли он потребовал развернуть описание, но в журнальном варианте погоны Снегового описываются как «серебряные погоны инженер-полковника»[1].

Сложное, вероятно, для понимания молодежи «Гомеостатическое Мироздание» из текста тщательно вымарывается, гомеостазис заменяется равновесием, мироздание — природой, суть его называется «законом Вечеровского».

Пессимистичный финал повести тоже, вероятно, вызвал неприятие в журнале, поэтому Авторам пришлось дописать монолог Вечеровского для придания доли оптимизма:

Мы привыкли, что Мироздание предельно неантропоморфно. Что нет ничего менее похожего на человека, чем Мироздание. И мы не привыкли, чтобы законы природы проявлялись таким странным образом. Природа умеет бить током, сжигать огнем, заваливать камнями, морить чумой. Мироздание проявляет себя полями и силами, полями сил. Мы не привыкли видеть среди орудий природы рыжих карликов и одурманенных красавиц. Когда появляются рыжие карлики, нам сразу начинает казаться, что действуют уже не силы природы, а некий Разум, социум, цивилизация. И мы уже готовы усомниться в том, что бог природы коварен, но не злонамерен. И нам уже кажется, что скрытые тайны природы — это сокровища в сейфах банка, оборудованного по последнему слову ворозащитной техники, а не глубоко зарытые тихие клады, как мы думали всегда. И все это только потому, что мы никогда прежде не слыхивали о полях, имеющих своим квантом рыжего карлика в похоронном костюме. А такие поля, оказывается, существуют. Это придется принять и понять. Может быть, в том и причина, что мы, какие мы есть... Мы все искали «достаточно безумную теорию». Мы ее получили...— Он вздохнул и посмотрел на меня.— То, что происходит с нами, похоже на трагедию. Но это ведь не только трагедия, это — открытие. Это возмож-

[1] К моменту этой журнальной публикации такого звания уже два года не существовало: В 1975 г. оно было переименовано в «полковник-инженер».— *В. Д.*

ность взглянуть на Мироздание с совершенно новой точки зрения. Постарайся, пожалуйста, понять это.

Есть в журнале и редакционная правка, которая временами похожа на опечатки (или на исправление их, с точки зрения правящего). К примеру, «лосося в собственном поту» — этакая авторская шутка — правят на «лосося в собственном соку» (так правильней!). Лежалая горбушка (именно горбушка хлеба, как выясняется из черновика), вероятно, из-за предшествующих в тексте лосося и ветчины воспринимается редактором опять-таки как авторское своеволие (нежно: горбушка) и правится на лежалую горбушу. Скорее всего, опечатку наборщика (ибо в черновике и чистовике — правильно: «прохладному») в фразе «...а ноги уже несли его по коридорчику, по ПРОХОДНОМУ, липнущему к пяткам линолеуму, в густой желтый жар...» редактор отнес к предыдущему слову («коридорчику») и не стал править.

Любимое Авторами слово «брюзгливо» во многих произведениях АБС воспринимается разными редакторами как опечатка и правится на «брезгливо», не избежало оно этого и здесь. Слово, сказанное неправильно Глуховым,— «междузвездный» исправляется на правильное: «межзвездный». А «деревенящий ужас» становится деревянным.

Несколько по-другому описывалось мимолетное прояснение мысли у следователя. Если в черновике этого не было вообще, а в окончательном варианте следователь выглядит испуганно-недоумевающим, то в журнале он более собран: «Простите...— проговорил он, озираясь с выражением какого-то мучительного недоумения на лице.— Дмитрий Алексеевич! Да что же это такое? Где я?..— Он взглянул на рюмки, глаза его расширились.— Послушайте, что вы здесь?..»

КИНОСЦЕНАРИЙ «ДЕНЬ ЗАТМЕНИЯ»

О вариантах киносценария БН рассказывает так: «Первый вариант целиком написан Петром Кадочниковым — для срочного представления текста в Ленфильм: сроки поджимали, БН лежал в инфаркте, а АН был занят еще какими-то делами. Впоследствии

вариант этот был существенно переделан (уже выздоровевшим) БНом в одиночку».

Первый вариант сценария еще основательно отличается от окончательного, опубликованного. В нем еще присутствует большое количество фантастических (невероятных) эпизодов, которые, будь фильм снят по этому сценарию, были бы достаточно зрелищны. В связи с большими отличиями от окончательного этот вариант сценария приводится ниже полностью.

Беспощадно ослепительное солнце расплавило блеклую поверхность унылого мелкого моря. Вода сомлела. Вялые прозрачные волны бесшумно наплывали на светлый песчаный берег. Никакого прибоя. Никакого шума. Только иногда гудел одуревший от жары густой и влажный воздух. Он гнетуще висел тяжким киселем над бледно-желтыми сейсмостойкими домами, раскиданными островами низкорослых микрорайонов среди пологих голых скал-сопок... Прямые улицы с размягченным асфальтом жирной сеткой прорезали кварталы и переходили в пустынные обрубки дорог, соединяющих районы города между собой... Высохший, выгоревший шифер крыш... Хрупкие пористые куски шифера, расколотые ногами телевизионных антенн... Временами шифер потрескивал, пытаясь, как губка, впитать в себя влагу из воздуха, но она сразу же испарялась, стоило ей коснуться его раскаленной поверхности. Внизу все тоже было раскалено. Редкие колючие деревья с коричневыми листьями торчали в растрескавшейся почве, как вызов всему мягкому, слабому, сочно-податливому.

На панель выбежал еж — большой, ушастый. Злобно поджался и кинулся куда-то, оставляя на асфальте дорожку вдавленных птичьих следов...

Безлюдье, тишь. Лишь тихо выли торчащие из окон мелкоребристые ящики кондиционеров, испускающие из себя тонкие струйки водяного конденсата... Одним словом — ж а р а ...

...В конце концов, не так уж важно, что произошло: может быть, кто-то выпалил из дробовика или даже из пистолета, а может быть, это был просто резкий выхлоп автомобиля, у которого из-за жары перелило карбюратор, но тем не менее си-

девший в одних трусах за письменным столом Малянов оторвал взгляд от вороха исписанных листков и уставился в распахнутое настежь окно... Резкий звук повторился. Малянов недовольно засопел, отшвырнул в сторону изгрызенный карандаш и начал нервно заталкивать свою громадную босую ступню в дрянной разъехавшийся тапок. Стрельнуло в третий раз. Малянов с резвостью, никак не соответствующей его далеко не стройной фигуре, выскочил из-за стола и, с силой громыхнув шпингалетами, захлопнул обе рамы. Потом рванул тяжелые желтые шторы и наглухо их задернул. Сразу стало темно. Подсмыкнув трусы, Малянов прошлепал Г-образным коридорчиком на кухню, отдернул занавески и отворил балконную дверь...

Раскаленные солнечные лучи остервенело ударили в грязно-серый пластик стандартной кухонной мебели, навылет пробили кривую раковину с горой грязной посуды, впились в размягченный щербатый линолеум пола, и горячие злобные зайчики задрожали на несвежей штукатурке стен...

Черной тенью вылез откуда-то совершенно одуревший от жары кот Калям, глянул на Малянова и проследовал под плиту к своей тарелке. Ничего, кроме сохлых рыбьих костей, в этой тарелке не было.

— Жрать хочешь...— сказал Малянов с неудовольствием, опускаясь на корточки перед холодильником. Отдуваясь, Малянов выволок из холодильника мятую алюминиевую кастрюлю. По всей видимости, кастрюля оказалась пуста, потому что, заглянув в нее, Малянов тотчас же засунул ее на место и заглянул в морозильник — там в сугробах инея устроился на зимовку крошечный кусочек сала на блюдце... Малянов простер волосатую пятерню в морозильник и извлек заветный кусочек. Калям замурлыкал и стал тереться усами о голое маляновское колено в том смысле, что да, неплохо бы наконец...

— А черт с тобой,— понюхав сало, сказал Малянов. Кусочек тут же полетел под плиту, и Калям с благостным урчанием бросился за ним... В прихожей задребезжал телефон. Малянов с трудом поднялся и поплелся на его настойчивый зов.

— Да! — сказал Малянов, взяв трубку.— Да! Я вас слушаю!

— Это база? — гнусавым голосом спросила трубка.

— Нет! — разозлился Малянов.— Это частная квартира, вы уже четвертый раз сегодня звоните!

— А как же мне позвонить на базу? — поинтересовался голос.

— Не знаю,— сказал Малянов.— Восемь восемь пятнадцать девяносто четыре.

— Как-как? — поинтересовались на том конце провода.

Но Малянов не стал повторять, а просто шваркнул трубку на рычаг. Телефон снова зазвонил.

— Это комиссионный? — спросили из трубки с затаенной надеждой.

— Да! — рявкнул Малянов.

— Скажите, а моя вещь продана?

— Продана. Можете получать деньги,— злорадно сказал Малянов.

— Благодарю вас,— вежливо ответили из трубки и послышались короткие гудки...

— Идиёт! — в тон звонившему сказал Малянов и бросил трубку на рычаг.

Малянов стоял в ванной, открыв смеситель, и ждал. Из смесителя вырвался хриплый звук. Смеситель затрясся, содрогаясь от неистовой силы, бурлящей во чреве трубы и начал выплевывать ржавые шматки пара и горячих брызг. Ванна была полна воды, и в том месте, куда смеситель плевал содержимое озверевшего водопровода, образовалась глубокая лунка. Малянов закрутил кран, стараясь не обжечься. Водопровод угрожающе зарычал и заткнулся...

Малянов ополоснул потное лицо, пошлепал мокрыми руками по волосатому внушительному животу, поразмыслил и сунул голову в воду по самые плечи. Распрямившись, он удовлетворенно отфыркнулся, собираясь повторить процедуру. В этот момент послышалось слабое телефонное треньканье.

— О черт! — прошипел Малянов, склоняя голову набок и прислушиваясь. Треньканье повторилось. Малянов схватил полотенце и, путаясь в шлепанцах, неуклюже заковылял в комнату, схватив по дороге трезвонящий телефон.

— Да!

— Коля? — спросил энергичный женский голос.

— Какой вам номер нужен?

— Это комбинат?

— Нет, это квартира!

Малянов бросил трубку и, отдуваясь, уселся на тахту. Вытерев мокрое ухо и отшвырнув полотенце в сторону, он подошел к стеллажу и достал небольшой томик, на котором значилось: «Теория функций комплексного переменного». Малянов задумчиво полистал книжку, потом подошел к столу и, встав одним коленом на стул, начал что-то рисовать на листе бумаги, подглядывая в текст книги... Стул скрипел, шатался, и Малянову пришлось отбросить его в сторону... Теперь заскрипел и зашатался стол, просевший под стокилограммовым маляновским телом... Но Малянову было на все наплевать. Он сопел, пыхтел, умиротворенно рычал, грыз карандаш и, по всей видимости, был очень доволен...

Снова зазвонил телефон. Малянов как ошпаренный сорвался с места, схватил трубку и гаркнул:

— Да!

— Митька? — поинтересовался искаженный телефоном скрипучий мужской голос.

— Ну...

— Не узнаёшь, собака... Это я, Вечеровский...

— А, это ты... Тебе чего?.. Голос у тебя какой-то противный.

— Тут, понимаешь, кроссворд с фрагментами...

— С чего это ты начал кроссворды решать? — недовольно спросил Малянов.

— Слушай... «Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город». Дальше... «В тот час, когда уж кажется и сил не было дышать, когда солнце, раскалив...» чего-то там... И вот такая фразочка «В жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавились старухи на скамеечках у подъездов...»

— Тут и так парная, а ты со своими фразочками,— буркнул Малянов.

— Слушай, а тебе такой прибор «поездограф» не знаком?

— Иди ты к дьяволу! — наконец освирепел Малянов и так громыхнул трубкой, что Калям, сидевший до того под тахтой, пулей высадил в коридор и там затих.

— Калям! — нетерпеливо позвал Малянов, но того и след простыл. Малянов взял полотенце, подошел к столу и начал вытирать голову, скосив глаза в разбросанные на столе бумаги. Волосы сбились в колтун, и Малянов стал похож на большую толстую ведьму. Не отрывая взгляда от бумаг, Малянов дотянулся до мебельной стенки, нашарил щетку и начал причесываться, но тут снова раздался звонок, на этот раз в дверь. Малянов положил щетку и полотенце на стул, взял карандаш и наскреб на бумаге какую-то закорючку. Позвонили во второй раз.

— У-у-у... Чтоб вас! — зарычал Малянов и бросился к шкафу, горестно взглянув на оставленный лист бумаги. Кое-как набросив на себя засаленный, невероятных размеров, какой-то обломовский шлафрок, Малянов рванулся в прихожую...

Зазвенел телефон.

— Да что вы все!!! — взвыл Малянов в голос, в ярости хватая трубку.— Подождите, я сейчас дверь открою!

— Митька? — раздался из трубки знакомый голос Вечеровского.

— Ну что Митька?!

— Ты что там делаешь?

— Работаю,— сказал Малянов злобно. В дверь снова позвонили.— Подожди, звонят...

— Постой, дурак!..— испуганно зашипела трубка, но Малянов уже не слышал: бросив трубку на тахту, он скрылся в прихожей.

Вылетевший из-за угла Калям запутался в ногах, и Малянов чуть не грохнулся.

— Постой! — сказал Вечеровский из трубки очень серьезно.— Слышишь, не ходи никуда!

Малянов стоял на кухне в распахнутом шлафроке, упираясь мощными руками в кухонный стол, и пытался смотреть перед собой. Но это ему не очень удавалось, так как глаза его испуганно бегали, выдавая некое серьезное беспокойство. Похоже было, что Малянов чувствовал себя загнанным в угол. Все дело в том, что на столе перед Маляновым стояла внушительная картонная коробка, обклеенная тонкими полосками липкой ленты, на которой постоянно повторялась отпечатанная

красным одна и та же часть какой-то фразы «NOWHERE ELSE BUT» («Нигде, кроме как...»)... Кое-где куски ленты перекрещивались и от этого фраза меняла смысл... Из-за коробки выглядывал плюгавый мужчина в кургузом пиджачке неопределенного цвета, небритый и потный. В правой руке мужчина держал две квитанции, переложенные фиолетовой копиркой...

Но не коробка, не сам плюгавый мужчина, а именно эти квитанции не давали Малянову покоя, потому что стоило странному визитеру встряхнуть их в воздухе, как Малянов неожиданно громко завопил:

— Да чушь это какая-то! Вы что, не понимаете, что я ничего не заказывал! Я буду жаловаться, наконец!

Мужчина не дал маляновскому воображению развиться до степени болезненности и, ловко вынырнув из-за коробки, шлепнул квитанции и огрызок карандаша на стол рядом с маляновской ладонью.

— Распишитесь вот здесь,— сказал мужчина сиплым голосом и ткнул траурным ногтем в квитанцию, наискосок которой стоял фиолетовый штемпель «ОПЛАЧЕНО».

— Где, где? — спросил внезапно повеселевший Малянов, явно разглядевший спасительный штемпель.

— Где получатель, где птичка стоит,— ответствовал плюгавый мужчина.

— Чушь какая-то,— снова сказал, но уже вполне миролюбиво, Малянов.— Кому это в голову пришло такие подарочки делать! — Он повертел бумажку, оставил на ней автограф и протянул плюгавому оба листка.

— Нет, мне только этот! — быстро сказал плюгавый, пряча копию квитанции в нагрудный карман и укладывая маляновский экземпляр на коробку. Лицо плюгавого стало выражать какую-то растерянность, он несколько раз оглядел кухню, будто видел перед собой нечто совершенно невероятное и почему-то с ужасом попятился к двери, но не ушел, а стал смотреть на Малянова.

Малянов вдруг очнулся, захлопал себя по бокам в поисках несуществующего кармана с несуществующей мелочью. Последние хлопки Малянов сделал так неуверенно, что наступила неловкая пауза.

— Ну, я пошел...— затравленным голосом сказал плюгавый и начал отступать в коридор, но тут в кухню вбежал Калям и ужасно заорал. Что-то он там учуял в этой коробке. Плюгавый шарахнулся к выходу, Малянов за ним. В узком коридорчике они застряли. Калям снова по-дурному заорал на этот раз в сторону плюгавого. Тот вывернулся и метнулся в прихожую.

— Спасибо, отец, большое тебе спасибо! — закричал Малянов в спину кургузому пиджачку и совсем уже не к месту брякнул: — До новых встреч в эфире!

Когда несколько запыхавшийся от переживаний Малянов ввалился на кухню, Калям прыгал вокруг стола, наскакивал на него боком, курлыкал, топорщил шерсть, фырчал и вообще проявлял признаки крайнего возбуждения... Малянов посмотрел на коробку и застыл в некоторой растерянности — за время его отсутствия коробка ухитрилась покрыться слоем инея. Иней неестественно сверкал на ярком солнце, над коробкой клубился пар. Малянов решительно подошел к столу, с хрустом разорвал картон и выволок на свет громадный полиэтиленовый пакет с напрочь замороженным, пламенеющим на солнце красно-коричневым панцирем, сваренным омаром.

Калям выгнул спину и зашипел.

Малянов грохнул окаменелого членистоногого на стол, схватил квитанцию и впился в нее глазами... Корявые буквы складывались таким образом, что сверху оказывалась написанная от руки надпись «Спецмагазин "Внешпосылторга"», чуть ниже — в графе «фамилия заказчика» — «И. Е. Малянова», а совсем внизу, в графе «Итого» было написано «756 рублей 39 копеек (в чеках)»... Малянов задумался и медленно опустился на табурет, табурет хрустнул, и Малянов чуть не загремел на пол...

А день потихоньку катился на убыль, но солнце стояло еще высоко... Воздух над городом раскалился до предела. Все живое замерло, расползлось, попряталось...

По кривым узким улочкам старого города, мимо одноэтажных раздражающе белых глинобитных домов, пыля брезенто-

вым верхом, мчался грязно-зеленый УАЗ-469, в просторечье именуемый «газиком».

Иногда улочка выводила на довольно широкую дорогу, и тогда попадались здания, построенные в период так называемых архитектурных излишеств, и странные дома, чем-то напоминающие восточно-арабскую архитектуру, рядом с ними особенно нелепо выглядели серые корпуса производственных зданий с блеклыми разводами на глухих бетонных стенах...

Коротко стриженный лопоухий мальчишка-шофер переключил скорость, и газик, завывая коробкой передач, резво покатил в гору. Выскочив на холм,— город сверху казался совершенно покинутым — шофер лихо заложил вираж, и машина на хорошей скорости понеслась под уклон... Въехав в новый квартал, газик плавно вписался в поворот и понесся дальше мимо однообразных аккуратных пятиэтажных домов...

Внезапно из-за угла выскочил странного вида огненно-рыжий мальчишка и рывком бросился под колеса. Шофер бешено вывернул руль, одновременно ударив по тормозам. Дико завыли на сухом бетоне покрышки. Машина накренилась. Ее развернуло. Резкий удар пробил рессоры до упора, и газик, выпрыгнув на панель, заглох...

Шофер в ярости распахнул дверь — на другой стороне улицы стоял маленький горбатый человек с огненно-рыжей бородой и такой же лохматой огненно-рыжей шевелюрой и укоризненно грозил шоферу сухоньким указательным пальцем...

Когда открылась вторая дверь и на асфальт тяжело спрыгнул пассажир — седой крупный мужчина,— горбун был уже далеко, он быстро поднимался по шоссе на холм, уходя в сторону старого города. Один раз рыжий обернулся и внимательно посмотрел в сторону газика. Казалось, что седой заметил этот взгляд, потому что лицо его сразу стало злым и напряженным, а руки беспомощно сжались в кулаки. Он постоял еще некоторое время, потом вытер лицо большим белым платком и пошел к машине...

Малянов сидел на подоконнике, загородив своим могучим телом все окно. В одной руке он держал телефонную трубку,— в другой гигантский, наполовину съеденный бутерброд с чем-

то напоминающим красную рыбу. Из бутерброда в разные стороны торчала зелень. Малянов благодушно жевал. Взгляд его полузакрытых глаз умиротворенно покоился на матовой зеленого цвета бутылке. Бутылка была совершенно замечательной, с висящей на горлышке сургучной печатью и золотым вдавленным клеймом. Бутылка стояла тут же на подоконнике рядом с притащенным сюда телефонным аппаратом. По округлым шероховатым бокам бутылки стекали хрустальные росинки, оставляя на крутых боках сосуда сверкающие глазурованные следы и собираясь под обтекаемым донышком в круговую лужицу...

— Да,— с достоинством сказал Малянов в трубку.— Моам, муам... Работаю. Ну, что тебе?

За окном заурчал автомобиль и к подъезду маляновской лестницы подкатил уже знакомый читателю грязно-зеленый газик.

— Нетленку лепишь? — констатировал голос Вечеровского.— Интересно бы знать тему твоего замечательного исследования, господин Пантагрюэль...

Стриженый шофер выскочил из машины и помог выбраться седому пассажиру. Теперь можно было разглядеть, что и шофер, и пассажир были одеты в одинаковые черные мешковатые штаны и белые старомодные бобочки с отложными воротниками. Седой подхватил объемистый кожаный портфель и, что-то сказав шоферу, двинулся к подъезду...

— Интересуешься, значит,— в свою очередь констатировал Малянов и, бросив плотоядный взгляд на соблазнительно потеющую бутылку, снова уставился в окно...

Шофер посмотрел на часы, достал тряпку и начал отряхивать от пыли брезентовый кузов машины.

— Ну конечно,— продолжал Малянов, разглядывая, как шофер орудует сухой и пыльной тряпкой.— Тебе, как корифею биологической науки, моя тема будет особенно близка... Название приблизительно такое... «Уравнения взаимодействия

звездного вещества с диффузной материей наблюдаемой вселенной». Ты меня слушаешь?

— Да-да. Очень внимательно, давай дальше.

Шофер перестал отряхивать пыль, положил тряпку на крыло и снова посмотрел на часы.

— Так вот...— продолжал Малянов, не спуская глаз с шофера, который теперь вытирал капот.— Оказывается при самых общих предположениях,— подошедший Калям коротко мяукнул и взгромоздился Малянову на колени,— относительно потенциальной функции, мои уравнения имеют еще один интеграл, кроме интегралов моментов и энергии... Поэтому, если все это хозяйство записать в векторной форме...— Калям с благостным урчанием начал обнюхивать бутерброд.— Пошел вон, подлец!

— А?

— Нет, это я Каляму, взял привычку все из рук рвать, скотина! Пошел вон, маньяк! Так вот если применить преобразование Гартвига, то интегрирование по объему проводится до конца и вся задача сводится к интегро-дифференциальным уравнениям типа Колмогорова-Феллера. Надеюсь, ты меня понимаешь? — В последнюю фразу Малянов вложил всю иронию, на которую был способен.

— Секу помаленьку,— бодро ответил Вечеровский.— Дальше.

— Ты что, сбрендил? — спросил Малянов и откусил от бутерброда большой кусок.— На кой тебе это хрен?

Шофер вдруг бросил свое пыльное занятие, затолкал тряпку за противотуманную фару и подбежал к дому. У машины снова оказался седой пассажир. Он принес толстую зеленую папку, которую шофер бережно взял у него из рук и осторожно положил на переднее сиденье. Седой слегка хлопнул шофера ладонью по спине, повернулся и пошел в парадную...

Голос Вечеровского вывел Малянова из состояния созерцательной задумчивости:

— Слушай, Митька... Снеговой — такая фамилия тебе ничего не говорит?

— Да это сосед у меня, внизу живет, вон только что с работы приехал... Арнольд Палыч...

Шофер тем временем обежал вокруг машины, открыл дверь и сел за руль. Заскрежетал стартер, мотор отчаянно взревел, захрустела коробка передач, и газик, вякнув на прощание прокрутившимися на асфальте колесами, рывком выкатился из поля зрения...

— Слушай, случилось что-нибудь? — спросил Малянов.

— Где? — помедлив отозвался голос Вечеровского.

— Где... у тебя естественно! Тебе чего надо, ты давай прямо, а то намеки, намеки...

— Да нет, так... Ерунда. Звони, если что...— Из трубки послышались короткие гудки. Малянов пожал плечами, затолкал в пасть остатки бутерброда, вытер пальцы о халат и ткнул трубку на рычаг. И в это время в прихожей раздался очередной настойчивый звонок в дверь...

— Хм...— выдавил наконец Малянов.— Все правильно. Ее почерк. Стилистика, пожалуй, тоже не заимствована...

Малянов стоял в прихожей у раскрытой на лестничную площадку двери и вертел в руках мятую записку. Безобразный свой халат он не переодел, но, как видно, он его совершенно не шокировал. Его явно шокировало другое — и это другое понуро стояло на лестничной площадке, словно отбывая неведомое наказание и с испугом глядело на Малянова сквозь толстые стекла некрасивых очков. Это другое было нескладной двадцатипятилетней девицей в длинной унылой юбке и затрапезной неопределенного цвета и формы кофте. За тонкими бледными ногами девицы прятался коричневый чемодан, обвязанный белой бечевкой...

Малянов еще раз взглянул на гостью, потом снова на записку, будто сличая некую копию и оригинал, и несколько раздраженно продолжил:

— Подруга, значит... из Житомира... Лариосик...

— Нет. Мы в Свердловске вместе учились. Только Ира на четвертом, а я на первом...

Девушка немного помолчала и сказала с оттенком просительности в голосе:

— Вы меня простите, Дмитрий Андреевич...

— Алексеевич...— поправил Малянов, не сдвинувшись с места, хотя по любым правилам этикета гостью давно было пора пустить в дом.

— Конечно, простите... Алексеевич... Я понимаю... Лариосик... Я, конечно, некстати, но я сама не знала...— Лицо девушки выражало полнейшую растерянность.— Меня послали... И вот Ира...— Здесь девушка замялась.— Ира тоже...

— Ладно, чего там...— перебил Малянов.— Давайте чемодан... Лидочка?

— Нет, не надо,— девушка испугалась.— Я сама.

— Чего у вас там, золото? — грубо спросил Малянов.— Вон туда идите, к Педро...

— Куда? — растерянно переспросила Лидочка, остановившись в узкой прихожей и удерживая двумя руками тяжелый чемодан за неудобную ручку.

— Вон в ту дверь, говорю! — Малянов протолкнулся между чемоданом и стеной и почти втолкнул Лидочку в детскую...

Лидочка потерянно остановилась среди игрушек и детской мебели.

— Замечательно! — сказал Малянов, обводя рукой комнату.— Вы весьма гармонируете. Белье в шкафу.

— Зачем... белье?

— Чтоб в ём спать. Ясно? Пра-а-а-шу! — Малянов энергично запахнул халат и отошел в угол. Лидочка неловко примостилась на детский стульчик, расставила острые коленки и стала с нескрываемым любопытством разглядывать комнату... Малянов поморщился, но тоже уставился туда, куда смотрела Лидочка. Там, на стене, прикнопленный к желтым обоям висел детский рисунок. В центре его помещался отвратительно черный блин, окруженный странным красным ореолом, из которого плавно исходили ярко-красные извивающиеся щупальца. В нескольких местах картинки были изображены красные существа, похожие на головастиков, но, впрочем, может

быть, это были просто капли с белыми глазами. И еще на картине было много разноцветных спиралей и разных завитушек, напоминающих по форме улиток, пружины и даже спиралевидные Галактики...

Подул откуда-то проникший слабый ветерок, картинка закачалась и ожила... Зашевелились щупальца, пополз по бумаге черный блин.

Внезапно стоящий в углу Лидочкин чемодан несколько раз тихо подпрыгнул, медленно развернулся на сто восемьдесят градусов и замер. Загудел за окном воздух. Что-то загромыхало. Малянову показалось, будто его кто-то толкнул — он пошатнулся, оторвал взгляд от рисунка и посмотрел на Лидочку. Лидочка, успевшая перебраться на Петькин маленький диванчик, уже спала, поджав под себя острые колени и подсунув под щеки тонкие ладошки...

Малянов сидел, скрестив на груди руки, и злобно смотрел на лежащий перед ним на пустом письменном столе чистый лист бумаги.

Сколько продолжалось это сидение, сказать трудно, но за окном уже стало совсем темно и мощная лампа над столом была включена. Малянов почесал указательным пальцем левую щеку и снова застыл в прежней позе. На кухне сильно загрохотало, зарычал водопровод. Малянов не шелохнулся. Он не пошелохнулся и потом, полминуты спустя, когда послышалась какая-то возня и взвыл ошалевший за день Калям — похоже было, что ему отдавили лапу. Когда же раздался звон разбитой посуды, Малянов только надул щеки и засопел, продолжая с прежним героическим упорством глядеть на чистый лист бумаги. Механически он достал из ящика мятую пачку «Беломора» и спички. Закурил. Выпустил из волосатых ноздрей клуб дыма. Клуб плавно поплыл по комнате, медленно вспухая и образовывая в воздухе деформированный полый эллипсоид. Распухание вдруг стало дискретным, интервалы между скачками всё увеличивались, пока наконец картинка не застыла, как фотография...

Малянов тряхнул головой — видение пропало, а Малянов вскочил и, не выпуская папиросы из толстых губ, начал рыться на книжных полках. Достав большой потрепанный том, задум-

чиво пошел к столу. Уселся за стол. Вынув из ящика пачку разноцветных фломастеров, извлек красный и нарисовал на листе замкнутый контур. Вытащил коричневый фломастер и нарисовал на контуре стрелку. Так же, не спеша, достал фломастер зеленого цвета и написал рядом со стрелкой «Q_1». Удовлетворенно откинулся в кресле, чиркнул спичкой и прикурил погасшую папиросу, разглядывая при этом свою картинку так, словно только что изобразил Мону Лизу...

Полюбовавшись своим творением, Малянов вынул из ящика золотой паркер и осторожно начал свинчивать изящный колпачок.

— Дмитрий Андр... Алексеевич,— раздался за его спиной голос виновато стоящей в дверях Лидочки.— Вы меня извините, но вода снова не идет, и я... и я... доску расколола... Вот...

— Какую доску? — спросил Малянов, не оборачиваясь.

— Деревянную... для хлеба...

— И что?..

— Я не поняла... Простите? — Пухлые Лидочкины губы по-детски задрожали.

Малянов обернулся и наконец понял, что ведет себя каким-то неподобающим данному случаю образом.

— Эта... Да черт с ней, в конце концов, с доской с этой... Бери всё из холодильника... и абзац. Просекла?

— Я еще...— Она помолчала.— Вашу бутылку разбила, зеленую... Такую... С печатями.— Нелепые Лидочкины очки съехали к переносице, глаза покраснели, Лидочка готова была разрыдаться.— Она... она почти пустая была...

Малянов склонил голову набок и очень медленно начал наворачивать колпачок на ручку.

— Сейчас,— сказал он исключительно спокойным голосом.— Я сейчас приду...

Лидочка попятилась к двери, но не ушла. Малянов тем временем отодвинул ящик и осторожно положил туда авторучку.

— Что исчо?

Это «исчо» что-то сломало в Лидочке, она вдруг бросилась к Малянову и вцепилась руками в замечательный халат...

— Я не знаю! — закричала она, разрыдавшись.— Дмитрий Алексеевич, миленький!.. Я ничего не знаю, но мне кажется,

что происходит что-то страшное... Я вам мешаю работать, я понимаю... Но так случилось! Поверьте мне, я не виновата! Так случилось! Я понимаю! О-о-о!

Лидочка заломила руки и бросилась вон... Из кухни донеслись ее сдавленные рыдания...

— Охренеть можно! — отдуваясь, сказал Малянов.— Дура чертова. О, Лида! Лидочка! — пропел-проорал он в сторону кухни.— Куда, куда, куда-а-а же вы так быстро! — И, подумав, добавил: — Фу. Бред какой-то. Верно, Калям?

Лидочка сидела за кухонным столом, уронив голову на руки, отрицательно качала головой и безутешно плакала...

Малянов же молчал и тупо смотрел на пламенеющий на бумаге контур. Из кухни доносились рыдания. Малянов засопел. Калям, вытянув хвост трубой, терся о голую маляновскую ногу. Каляму было хорошо. Внезапно Малянов смял рисунок, выскочил из-за стола. Калям издал дикий вой — все-таки неприятно, когда тебе целый день отдавливают лапы... Малянов шарахнулся, потерял тапок и, не обратив на это прискорбное обстоятельство никакого внимания, величественно выплыл из комнаты...

Малянов и Лидочка сидели на кухне и, что называется, ужинали. На столе среди громоздящихся бутылок, мятой фольги, целлофана и пенопластовой «океановской» упаковки лежали вперемешку с бананами, финиками и кокосами бело-красные нежные куски омаровой плоти. У самой стены покоился ржавый молоток с прилипшими осколками хитинового панциря...

Кроме возникшего на столе кавардака на кухне ничего не изменилось. Всё так же в кривой раковине возвышались горы грязной посуды, всё так же висело на согнутом гвозде несвежее кухонное полотенце, а в углу, рядом с помойным ведром, пряталась за метлой убогая кучка вчерашнего мусора... Правда, к нему добавились осколки бутылки и сломанная хлебная доска, но это было уже несущественно...

Раскрасневшаяся Лидочка держала граненый стакан с жидкостью подозрительно коньячного цвета. В другой руке у нее

был зажатый большим и указательным пальцем варварски неуклюжий холостяцкий бутерброд, хотя с какой-то весьма соблазнительной начинкой...

Малянов, на этот раз в рубахе со съехавшим галстуком, казался уже порядком подвыпившим человеком.

— Не бери в голову! — говорил он покровительственно, покручивая на столе свой наполовину опорожненный стакан.— Бывает, так сказать, ложная память... Будто уже было, а на самом деле и не было... Будто у меня грязно, будто у меня тараканы... Вот так...

— Все равно это как-то плохо... Понимаете?

— Ну что плохо? — заорал Малянов.— Плохо, что тараканы. Это верно. А тут чего? Ирка тебе чего сказала? Живи, сказала, и всё... Вот заказ... прислала...— Малянов неуверенно посмотрел на Лидочку и неожиданно для себя смутился.— М-да. Ну будем здоровы.

Он отвел глаза в сторону и быстро опрокинул стакан в свое необъятное чрево, быстро схватил со стола кусок семги и с невероятной скоростью отправил вслед за содержимым стакана.

— Моам? — спросил Малянов, поглощая очередной деликатес.— Моам муам?

Лидочка молчала и не пила. Глаза ее тревожно бегали за толстыми стеклами очков.

— Ну а какие же у вас, милая девушка, планы в нашем замечательном городе? — поинтересовался Малянов.

Милая девушка не ответила. Она вдруг вздохнула и залпом отхватила из стакана большой глоток. Закашлялась. Поспешно схватила со стола отколотый от клешни кусок омара и на длинном вздохе его понюхала, глядя при этом на Малянова круглыми, как бы от крайнего удивления, глазами. Потом откусила маленький кусочек, отложила омара, отвела взгляд, сморщила лоб, закусила губу...

— Что? — спросила она сиплым простуженным голосом.

— Я говорю, какие великие дела привели вас в наш замечательный город?

— Великие? Дела?

— Дела и планы?! — Малянов запрокинул голову, вытягивая из кокосового ореха его содержимое...— Планы и дела.

Малянов вытер губы и посмотрел на Лидочку.

Простой вопрос оказался прекрасной Лидочке решительно не под силу.

— Планы? — пробормотала она наконец.— Н-ну... конечно... А как же! — Она вдруг словно бы вспомнила.— Ну море, ну эта, электростанция... Обсерватория... Старый город... И вообще...

— Ай-яй-яй! — сказал Малянов укоризненно.— Мы что-то скрываем! Или нет?

— Да... То есть нет...— запуталась Лидочка и, видимо желая изменить тему чем-то неприятного для нее разговора, с вызовом сказала, указывая пальцем на одну из бутылок.— А мне это вино понравилось. А где вы его взяли?

— Это? — спросил Малянов и взглянул на Лидочку. За ее спиной на стене качалась огромная черная бесформенная тень. На улице снова загудел нагретый воздух. Малянов несколько обеспокоенно обернулся — что-то в этой тени и в этом звуке ему не понравилось, но когда он посмотрел на Лидочку снова — тень пропала.

— Счас,— сказал Малянов.— Тут квитанция была.— Он приподнялся со стула и начал рыться в обертках.— Счас.

В прихожей зазвонил телефон. Малянов прислушался. Телефон звенел.

— Пардон,— сказал Малянов. Он вылез из-за стола и тяжелым шагом пошел из кухни. В дверях он обернулся:

— Где взял, где взял... в магазине купил!

— Ну ты еще раз подумай, Дмитрий,— уговаривал Малянова басовитый женский голос.

— Ах нет, Тамара Ивановна,— отвечал Малянов в трубку.— Любовь, как говорится, нечаянно нагрянет...

— Ты что, пьян? Я всегда говорила, что ваши бесконечные гулянки до добра не доведут! — прервала маляновские излияния невидимая миру Тамара Ивановна.— Подумай о ребенке! У Петра будет отец алкоголик! А замдиректора есть замдиректора. Это тебе не пивом торговать!

— Тамара Ивановна! — вежливо сказал Малянов.— Вы заблуждаетесь. Пиво — это поэзия. Пивной кран — это экстаз. Я

бы вам на одной пене две дачи построил... Калям, скотина, перестань гадить на любимый коврик Тамары Ивановны!

— Прекрати валять дурака! — взревела трубка.— Если Ирина это терпит, то я этого не потерплю! Подумай о своей жене!

— А я об ей завсегда думаю, Тамара Ивановна! — вставил Малянов, выковыривая спичкой застрявший в зубах кусочек балыка.

— Конформист! — выкрикнула трубка в ухо Малянову. Он поморщился и отвел трубку в сторону.— Мещанин!!! — издалека проорала трубка и дала отбой.

Малянов пожал плечами, выплюнул спичку и, совершенно неожиданно показав трубке язык, положил ее на рычаг.

— Кто это звонил, Дмитрий Алексеевич? — обеспокоенно спросила появившаяся в коридоре Лидочка. Малянов взглянул на нее: без очков, с растрепавшимися волосами, раскрасневшаяся Лидочка потеряла свой синечулочный вид и выглядела если не красавицей, то, по крайней мере, чертовски привлекательной.

— Гхрм...— сказал Малянов, заинтересованно разглядывая Лидочкино лицо и фигуру.— По всей видимости, не бывает некрасивых баб, а бывает мало водки?..

— Что-что?! — агрессивно сощурила близорукие глаза Лидочка.

— Вот что, мать,— быстро сменил тон Малянов.— Пойдемка лучше на кухню...

Ужин, как можно было это видеть, проходил в теплой дружественной и даже где-то товарищеской и сердечной атмосфере полного взаимопонимания сторон.

— Поступило предложение выпить за духовную, подчеркиваю, д у х о в н у ю близость и новейшие методы родовспоможения! — провозгласил Малянов.

— Но без поцелуев! — предупредила Лидочка.— Какие могут быть поцелуи между интеллигентными людьми. А-а-а?

Это самое «А-а-а» Лидочка произнесла открытым театральным басом. Это уже была совсем другая Лидочка, вовсе не та запуганная провинциальная дурнушка, которую несколько ча-

сов тому назад Малянов столь неприветливо встречал на пороге своей квартиры...

— Они мне говорят, я на Проклову похожа,— продолжала «другая» Лидочка.— Похожа! Ха! Похожа я на Проклову?!

— Дура! — неожиданно сказал в пространство Малянов.

— Дмитрий Алексеевич!!!

— Конформист! Она слова-то такого не знает! Вобла варена! Кавторанг хренов! На черта мне этот институт?! Замдиректора, замдиректора! Не желаю на побегушках!.. Оклад ей, видите ли! Положение! Дура! Ненавижу!

— Это вы о ком? — развязно спросила Лидочка.

— Теща — сволочь! — зашипел задетый за больное Малянов.— Карга старая! У ней и на языке волосы растут! Ведьма! Кстати, о ведьмах...— Малянов неслабо отхлебнул из стакана...

Лидочка неуверенно поднялась и, держась рукой за стенку, щелкнула ручкой громкоговорителя...

— ...величиной два-три балла по шкале Рихтера,— сообщил динамик.— Жители нашего города могли ощутить этот толчок сегодня в 18 часов 19 минут по местному времени...

Лидочка лихо шлепнулась на стул, одновременно зацепив рукой шнур громкоговорителя и выдернув его из розетки.

— Это когда я к вам приехала,— сообщила она Малянову.

— Начхать...— сказал Малянов.

— Ну ты! — сказала ему Лидочка.— Не очень!

— А что? — поинтересовался Малянов.

— А ничего! Лучше подумай!

— О чем это я должен думать?

— А тебе давно этот пост предложили? — спросила Лидочка каким-то странным чужим и трезвым голосом.

— Замдиректора?

— Да, замдиректора...

— Три дня тому назад, когда я этот свой интегральчик нащупал... Представляешь, дурочка, «полости Малянова»? Звучит?

— Слушай, что я тебе скажу! — зашептала Лидочка.— Бросай ты их на фиг... И соглашайся... И соглашайся на замдиректора... А иначе будет нехорошо...

— Что-о? — Глаза у Малянова налились кровью.

В эту секунду в дверь позвонили.

— Это еще какого дьявола? — удивился Малянов, поглядев на часы.— По-моему у нас все дома. А?

Малянов встал и, снова сказав:

— По-моему у нас все дома! — пошел открывать дверь.

В прихожей он, конечно, наступил на Каляма. Калям вякнул.

— А провались ты, сатана! — крикнул ему Малянов и начал ковыряться в замке...

Лидочка прислушалась: из прихожей доносились возбужденные мужские голоса.

— Да какой кран, Арнольд Палыч! — отчетливо сказал Малянов.— Я этих прокладок и в глаза не видел.

В прихожей заспорили.

Лидочка встала из-за стола и, прислушиваясь к разговору, двинулась в коридор... Неожиданно перед ней возник Малянов. Он буквально выдавил ее назад на кухню и, положив ручищи на плечи бедной девушке, усадил ее на стул.

— Снегурушка! Дитя мое! — обратился Малянов к Лидочке.— Сиди и не чирикай! Доешь балык, допей свое вино, без Димы не скучай!

Лидочка посмотрела на Малянова с живым интересом. А Малянов отошел к дверям и возгласил:

— Пришел сюда ко мне сосед с потекшим краном. Исправлю этот кран и вновь сюда вернусь...

Малянов, пританцовывая как Изнуренков, подскочил к столу, опустошил стакан и закусил консервированным ананасом:

— А ты сиди и тихо дожидайся!

— Дмитрий Алексеевич! — прогудел из прихожей далекий голос.— Я же вам книгу, книгу обещал!

— Еще и книгу, видишь, как бывает, какую-то отдаст мне Снеговой!

— Кто?! — выкрикнула Лидочка, будто дело касалось жизни и смерти, но Малянова уже и след простыл: в черном проеме двери зловещим желтым светом засветились глаза пришедшего Каляма...

Выходя из маляновской квартиры, Снеговой неожиданно прижал толстый палец к губам, заглянул в пролет лестницы и стал на цыпочках спускаться, таща Малянова за руку, как покорную овечку. Было что-то противоестественное в том, как эти солидные мужчины крались вдоль стены — те балетные па, которые они выделывали, крайне не шли их большим мощным фигурам...

Когда Снеговой открыл дверь, в глаза Малянова ударил яркий электрический свет. Все двери в квартире были распахнуты и всюду горел свет — и в прихожей, и в обеих комнатах, и на кухне, и даже в ванной...

Кабинет Снегового, а это был, по всей видимости, его рабочий кабинет, производил странное впечатление — везде: на книжных полках, на стенах, на дверях, на подоконниках стояли, висели и покоились десятки всевозможных изображений улиток, завитых раковин, спиралей, винтов и самых разных спиралевидных образований.

— Какую это книгу вы мне собирались дать? — вальяжно спросил Малянов, оглядывая кабинет.

— Погодите,— сказал Снеговой нетерпеливо.— Сейчас.

Он прошелся по комнате и взял со стола толстый увесистый том в кожаном переплете. На переплете что-то было выдавлено латинскими буквами. Буквы тускло отсвечивали золотом...

— Держите!

Малянов хотел было заглянуть внутрь, но Снеговой молча схватил его под локоть и усадил в большое кресло возле стола, а сам сел за стол.

— Какого черта! — открыл было рот Малянов.

— Успеете, Дмитрий Алексеевич! — неизвестно что имея в виду, сказал Снеговой.— У вас будет сколько угодно свободного времени, а сейчас его нет.— Снеговой криво усмехнулся, достал из нагрудного кармана своей необъятной пижамы простенький металлический портсигар с папиросами и закурил. На Малянова он не глядел.

— Значит так... Значит так... Прежде всего, что это за женщина?

— Лидуха? Подруга жены, я же вам говорил. А что?

— Вы ее хорошо знаете?

— Да нет... Сегодня с письмом от Ирины приехала... Ни к селу, ни к городу...

— Как, как вы говорите?

— А...— отмахнулся Малянов.— Лишь бы теща не приперлась, а остальное...

— А что, Дмитрий Алексеевич,— еще больше насторожился Снеговой,— Тамара Ивановна могла бы, скажем, помешать вашей работе?

— Да какая там работа,— зевнул Малянов.— Она же у меня кавторанг...

— Это что, капитан второго ранга? — поинтересовался Снеговой.

— Да ну ее к бесу! — взорвался Малянов.— Вы что, меня сюда из-за тещи притащили?

Снеговой поморщился и сказал:

— Спрашивать буду я. Понятно? Над чем вы сейчас работаете, Дима?

— Что-то сегодня все интересуются, над чем я работаю...

— А кто еще? — ввернул Снеговой, буравя Малянова взглядом.— Теща или эта... ваша... знакомая?

— Да нет...— лениво отмахнулся Малянов.— Вечеровский.

— Как вы сказали?

— Филипп Вечеровский... Вы его что, знаете?

— Я его не знаю,— сказал Снеговой сухо и быстро продолжил, как на допросе: — Он ваш друг? Он приходил к вам сегодня? Что он говорил вам по телефону? Быстро!

— Да вы что! — взъелся Малянов.— Я не понимаю...

— Я тоже! — сказал Снеговой.— И очень хочу понять... А теперь выслушайте меня, Дима... У вас что, закрытая работа?

— Кой черт закрытая! — раздраженно сказал Малянов, поглядывая на дверь.— Обыкновенная астрофизика и звездная динамика...

— Значит, звездная динамика... А пространственной четностью вы никогда не занимались?

— Нет,— сказал Малянов,— не занимался.

— Никогда?

— Никогда.

— Ну, на нет и суда нет. У меня к вам всё, Дмитрий Алексеевич.

— А у меня не всё! — сказал Малянов сварливо.— Я бы все-таки хотел понять...

Снеговой резко встал из-за стола, раздавил папиросу в пепельнице.

— Не имею права,— сказал он как отрезал.— Что еще?

И тут Малянов увидел, что левый карман гигантской пижамы Снегового оттопыривается, а из него торчит рукоятка какого-то пистолета. Большого какого-то пистолета. Армейского или даже гангстерского...

— Ничего...— сказал Малянов.— Больше — ничего.

Снеговой стоял над ним — огромный, сгорбившийся, страшный — и ждал...

Когда Малянов вернулся домой, в его комнате горел свет. Малянов почесал затылок и решительно открыл дверь... Лидочка стояла у книжных стеллажей, внимательно разглядывая толстую книгу, которую она держала в руках. Книга была как две капли воды похожа на ту, что дал Малянову Снеговой.

Малянов заинтересованно осмотрел себя — книгу он забыл, конечно, у Снегового.

— Грм,— кашлянул в кулак Малянов.

Лидочка смешалась. Она захлопнула книгу и стала поспешно заталкивать ее на полку...

— Да-а-а...— сказал Малянов.— Книг никому не даю, потому что сам приобрел их подобным образом. Где вы ее взяли?

Он подошел к Лидочке, взял у нее том, полистал, удивленно вскинул брови:

— И кто бы мог подумать?! Вас, оказывается, тоже увлекают диффузные газы? Так где ты ее взяла...

— Здесь, на полке.— Лидочка не знала, куда деваться...

— И что же синьору там заинтересовало?

— Уравнения взаимодействия...— пролепетала Лидочка...— с этим, с веществом... Ой, что это? — вскрикнула она.

Комната затряслась, полки закачались, сверху посыпались какие-то фотографии. Это были снимки спиралевидных галак-

тик. Их было много: больших и маленьких, матовых и глянцевых, цветных и черно-белых.

— Опять трясет,— говорил Малянов, сгребая в кучу фотографии.— Не нравимся мы кому-то...

— Да,— вскинула голову Лидочка.— Мне почему-то кажется...

— Тебе ничего не может казаться,— сказал Малянов грубо.— Пошли на кухню. Надо включить трансляцию.

— Подождите, Дмитрий Алексеевич! А что вам сказал Снеговой?

Но Малянов не слушал. Он схватил Лидочку за руку и ворвался на кухню. Сунул вилку в штепсель.

— ...уже знаете, полное затмение Солнца произойдет тридцатого июля. Это уникальное явление природы...

Малянов выдернул вилку.

— Странно,— сказал он, поразмыслив.— Вроде бы трясло...

Малянов открыл глаза и огляделся: он лежал на тахте в своей комнате, и эта комната, судя по всему, не должна была внушать Малянову никаких тревожных мыслей. Малянов посмотрел на письменный стол, на стеллажи с книгами, на раскрытое настежь окно — все было на месте, все было спокойно. И вдруг в наступившей темноте послышались чьи-то тяжелые шаги и низкий, густой, как у Снегового, голос сообщил:

— И точка...

Грохнул выстрел. Малянов винтом вылетел из постели и подскочил к окну. Внизу творилось нечто непонятное. Толпился народ. У подъезда стояло сразу несколько машин: милицейская ПМГ, две «скорые», газик Снегового и четыре «Волги». Три пропыленные, пожеванные, черные и одна новенькая ослепительно белая. Белая «Волга» газанула, из выхлопной трубы выскочил клуб белого дыма, труба бабахнула, «Волга» заглохла...

Раздались голоса, но не снизу, а откуда-то со спины, с лестничной площадки. Малянов прислушался и начал быстро натягивать брюки...

Открыв дверь, Малянов вышел на площадку. На лестнице какое-то движение, раздавались приглушенные голоса, шаги,

негромкое покашливание. Малянов навалился животом на перила и посмотрел вниз: около квартиры Снегового толпились какие-то люди, среди которых было двое врачей в белых халатах, милицейский майор и дворничиха. Малянов быстро скатился по ступеням и сунулся к майору:

— Что за шум, а драки нет? Что стоим, почему не снимаем?

Майор поморщился и сказал в пространство:

— Проходите, проходите...

— Как это проходите! — завопил Малянов возмущенно.— На родной лестнице безобразия, а мне тут...— Но кто-то с силой увлек его в сторону. Малянов оглянулся: рядом стояла жилистая старуха — соседка:

— Что вы! — сказала она шепотом.— Тут такое горе, а вы...— Старуха попыталась всхлипнуть. Малянов оглянулся на милиционера, потом посмотрел на старуху:

— Какое еще горе? — недовольно проворчал он.

— Ах, вы не знаете?.. Ученый наш застрелился... Снеговой. Арнольд Палыч.

— Что? — не поверил Малянов.— Как это... Снеговой?

— Вот, миленький, как бывает. И чего не живется, спрашивается... Его уже вниз понесли.

Малянов заглянул в пролет. В самом низу намечалось какое-то движение. Не взглянув на старуху, Малянов заторопился вниз. Тяжело перепрыгивая через две ступеньки, он наконец добежал до парадной.

В дверях толклись трое. Первым, кого увидел Малянов, был молоденький шофер Снегового. Придерживая двери, он пытался помочь коренастому человеку в белом халате, по-видимому, санитару, вытащить из парадной какой-то большой и неуклюжий предмет.

— Давай назад! — сказал санитар хриплым голосом и попятился. Из дверей показались носилки, накрытые белой простыней.

— Откинь, откинь шпингалет! — выкрикнул санитар.

Малянов протиснулся к дверям.

— Сейчас, подождите...— Он достал из кармана связку ключей и, присев на корточки, начал ковырять большим ключом торец наружной створки...

— Правильно, нижний, нижний давай,— одобрил санитар.— А ты бы отошел, Василий, свет заслоняешь...

Шофер испуганно метнулся в сторону, дверь захлопнулась, ударив Малянова по спине...

— Ну куда! Дверь-то! — не успел закончить фразу Малянов, как створка распахнулась, и он чуть не вывалился на асфальт...

Санитары двинулись вперед, и мимо лица Малянова проплыли носилки, покрытые мятой белой простыней. У конца носилок простыня была продрана, и сквозь дыру на Малянова посмотрел широко открытый, но мертвый глаз.

Малянов вытер лоб и выпрямился.

Санитары ловко задвинули носилки в раскрытое чрево санитарного фургона, прыгнули внутрь и захлопнули дверцы. Микроавтобус заурчал, пустил клуб черного дыма и, присев на задние колеса, взял с места...

Стриженый шофер стоял у своего газика, уперевшись рукой в пыльное крыло, и смотрел туда, куда только что увезли того, кто был Арнольдом Павловичем Снеговым.

— Так, так...— отчетливо сказал низкий мужской голос за спиной Малянова. Малянов вздрогнул и обернулся, но за ним никого не оказалось.

Малянов, задыхаясь, ввалился в квартиру и уже с порога раздраженно закричал:

— Лида! Лидуха! Черт тебя дери! Слушай!

Ему никто не ответил, и Малянов нервно забарабанил в дверь Петькиной комнаты:

— Эй! Подымайся, слышишь!

Снова тишина. Малянов распахнул дверь. В комнате никого не было. Не было и никаких следов спальных принадлежностей на Петькином диванчике. Малянов зачем-то рванул дверцу шкафа: на полках ровными стопками лежали детские вещи, полотенца и постельное белье. Было похоже, что бельем никто не пользовался. Малянов захлопнул шкаф и посмотрел в угол, где раньше стоял Лидочкин чемодан: угол был пуст. Малянов выскочил из детской и сунулся к себе — кабинет был тоже пуст.

— Эй! — сказал Малянов неуверенно.

Ответа не последовало. Тогда Малянов грузно зашагал по коридорчику на кухню, заглянув по дороге в ванную и сортир. Как теперь и следовало ожидать, и в этих помещениях Лидочки не оказалось. Зато на кухне Малянова ждал сюрприз: за кухонным столом сидел, разглядывая длинные полированные ногти, рыжий горбун, не так давно повстречавшийся Снеговому.

Малянов мгновенно раздулся до угрожающих размеров и выдохнул:

— Та-а-а-ак! Здравствуйте! Значит, явление десятое... А где Лидочка?

— Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич! — вежливо ответил горбун из-за стола.— Я несколько недопонял ваш вопрос.

— Я спрашиваю, где милейшая подруга моей жены и кем, если не секрет, вы ей доводитесь?

— Никем,— совершенно спокойно сказал рыжий и, закатив глаза, начал расчесывать пятерней косматую бороду. Наступила неловкая пауза.

Малянов бессмысленно побродил по кухне, достал из кармана мятую пачку «Беломора» и закурил. Рыжий возился со своей бородой.

— Тогда очень бы хотелось знать,— сказал наконец Малянов,— кого моя дорогая постоялица умудрилась впустить в мою квартиру?

— Меня никто не пускал,— сообщил посетитель.

— Что значит — не пускал?! — заорал Малянов.— Вы соображаете, что говорите? Вас что — по воздуху сюда занесло?

— Успокойтесь, Дмитрий Алексеевич,— все таким же вежливо-предупредительным тоном ответил рыжий.— Пусть вас не волнует, как я сюда попал. Ну, предположим, по воздуху. Вас, надеюсь, не это интересует?

— Не понимаю... Пришли без спроса...

— Вот-вот! — подхватил рыжий.— В том-то и дело! Мы-то надеялись, что вы уже всё поняли, но, оказывается, увы, этого не случилось!

— Что это я должен был такое понять и кто это такие «мы»? — нервно спросил Малянов, стряхивая пепел в раковину.

Рыжий помолчал, пожевал ус и спросил:

— Чем вы сейчас занимаетесь, достопочтенный Дмитрий Алексеевич?

— В каком смысле? — насторожился Малянов.

— Над чем работаете?

Малянов преобразился: нарастающее в нем раздражение перешло в открытую ярость. Он отбросил папиросу, подлетел к столу и, схватив рыжего за грудки, сдернул со стула. Рыжий по-кошачьи вякнул. Малянов зарычал, вздернул горбуна на воздух и стремительно поволок в коридор. У входной двери он бросил свою жертву, рывком распахнул дверь и вышвырнул горбуна на площадку.

— Я тебе покажу, над чем я работаю, хамлюга! — загремел Малянов вслед кувыркающемуся по лестнице рыжему.— Аферист! Ты у меня сейчас на «воронке» протрясешься!

Захлопнув дверь, Малянов схватил телефонную трубку и уже было сунул толстый палец в номеронабиратель.

— Постой, дурак! — раздался из трубки искаженный бас.— Не звони никуда.

Малянов в каком-то обалдении отставил трубку и вперился взглядом в микрофон, стукнул по нему кулаком, потом забарабанил ладонью по рычагу. Трубка безмолвствовала. Малянов положил ее рядом с телефоном и, перебирая руками спутанный длинный шнур, пошел, согнувшись, к розетке.

— Ничего не выйдет! — сказала трубка очень громко.— Там всё в порядке!

Малянов бросился назад, схватил трубку:

— Перестаньте валять дурака! Что за шутки в самом деле!

Трубка молчала.

— Ну ладно! — выкрикнул Малянов.— Я вам сейчас покажу, с-с-сукины дети!

Он бросил трубку рядом с аппаратом и пошел открывать дверь. Замок как назло заело. Малянов рванул дверь, но она не подалась. Малянов осатанел, двинул дверь плечом, ударил ногой в филенку. Удар был страшен, но дверь, как это ни странно, не пошелохнулась.

— Зря вы так, Дмитрий Алексеевич! — сказал за его спиной рыжий горбун. Малянов развернулся и, не раздумывая, врезал прямой правой, целясь горбатому в голову. Тот ловко увернул-

ся, успев при этом нагло подмигнуть. Малянов врезал еще раз и снова мимо. Тогда он бросился вперед головой и, как разъяренный бык в барьер, врезался в стену, хотя, казалось, на этот раз горбатому не уйти. Раздался хруст. Малянов «поплыл» и сел...

Придя в себя он вытер ладонью окровавленное лицо и сплюнул.

— Сволочь,— сказал он сорванным голосом.— Бандит. Гнида.

Потом он медленно поднялся, держась руками за стену, и пошел на рыжего. Тот отступил в комнату. Малянов сделал обманный финт, но, вместо того чтобы ударить горбуна, неожиданно подскочил к входной двери и вцепился в замок. Замок не поддавался. Горбун стоял в маляновской комнате и сквозь распахнутую дверь, улыбаясь, наблюдал, как Малянов пытается разобраться с замком. Малянов оглянулся. Рыжий радостно осклабился и поманил Малянова пальцем. И тогда, отступив на три шага, Малянов бросился снова на дверь, пытаясь сокрушить ее всей тяжестью своего стокилограммового тела...

Удар был столь силен, что с потолка посыпалась штукатурка, но тонкая дверь и жалкий замок выдержали... Малянов завыл от боли, но в его могучем теле еще хватало энергии. Издав оглушительный рев, Малянов ворвался в кабинет и, схватив стул, с силой метнул его в улыбающегося рыжего. Рыжий даже не моргнул. Стул пропахал стеллажи, посыпались стекла, и стул распался на составляющие. Рыжий почему-то оказался у дверей. Малянов повернулся и, тяжело дыша, снова пошел на своего противника.

— Да перестаньте же наконец,— сказал рыжий миролюбиво.— Подумайте, что я вам сделал?

— Подумать, говоришь?!

Резко повернувшись, Малянов схватил тяжелое кресло и запустил его в окно. Малянову показалось, что неуклюжее рогатое кресло летело к окну сто лет, целую вечность, и целую вечность это массивное сооружение с центральной стальной трубой-вертушкой отскакивало от тонкого оконного стекла... Малянов медленно и плавно подпрыгнул, пролетел метра три в воздухе и ударился лбом в оконное стекло...

Когда Малянов открыл глаза, перед ним на табуретке сидел рыжий горбун и улыбался...

— Ну, слава богу! — сказал он ласково.— Как же так можно, Дмитрий Алексеевич! Хорошо, все так обошлось, а то вот сосед ваш, Арнольд Павлович...

Малянов подскочил на тахте, большой тряпичный тампон, который покоился у него на лбу, упал на брюки, и Малянов с ненавистью отбросил его в сторону.

— Да лежите вы! — уже с некоторым раздражением сказал горбатый.— Никто же его не хотел, ей-богу... Вы вот тоже, чуть из окна не высигнули... А потом бы началось... Эх, нервы, нервы...

— Ты откуда взялся? — мрачно спросил Малянов, укладываясь на подушку и придерживая ладонью разбитый лоб.

— Я?

— Да, ты! — прохрипел Малянов и стал смотреть в сторону.

— Вот с этого и надо было начинать, а не драться... А вы подумайте...

— Не знаю...— произнес Малянов с трудом.— Либо из-за бугра, либо из тюряги.

— А вы не можете себе представить, что вашей работой может интересоваться еще кто-то?

— При чем тут моя работа? — буркнул Малянов.— Денег у меня нет, золота тоже. Выпивка вот есть... В холодильнике. Так что давай и проваливай.

Малянов взглянул на рыжего и вдруг снова разозлился:

— Вот дерьмо! — сказал он и повернулся к стене.

— Послушайте! — снова сказал рыжий миролюбиво.— Я ведь не шпион и не жулик и, если говорить серьезно, в некотором роде даже и не человек...

Помолчали. Малянов медленно повернулся на боку и уставился на рыжего...

Малянов с перевязанной головой ходил по разгромленной комнате, а рыжий сидел на тахте и смотрел, как Малянов ходит...

— Статистический выброс! — выкрикнул Малянов.— Им... видите ли, не нравится. Энтропия их, видите ли, не устраивает! Обеспокоены они! — Малянов сделал неприличный жест рукой.— Вот вам! Просек?!

Он замолчал. Молчал и рыжий, разглядывая, как Малянов меряет шагами комнату.

— Значит, как я понял, мне нужно бросить свою работу, материалы сжечь...

— Почему сжечь? — спросил рыжий.— Можете не сжигать. Они в таком виде все равно никому не нужны. К счастью, еще время не настало. Просто не работать, и всё.

— Значит, не будет ни дурацких телефонных звонков, ни землетрясений, ни баб этих...— Малянов кивнул в сторону Петькиной комнаты.— А будет, значит, благодать и пост директора?

— В ближайшей перспективе, в ближайшей перспективе,— предостерегающе поднял палец рыжий.

— А если я буду работать дальше...— продолжал Малянов,— то тогда...

— Тогда мы будем вынуждены применить меры третьей ступени.

— Как к соседу, так? — быстро спросил Малянов.

— Н-нет...— впервые поморщился рыжий.— Это, так сказать, упущение, потеря контроля... Мы этим не пользуемся.

— Не пользуетесь! — всплеснул руками Малянов.— Вот спасибочки! Дай я тебя за это поцелую, котик мой! Чтоб ты сдох! Холера!

— Мы не умираем,— сказал рыжий обиженно.— Поэтому ваша ирония неуместна...

— А что уместно? — завопил Малянов.— Ну что вы можете еще придумать?! Ну, еще одну бабу прислать? Дверь заклинить? Кран испортить? А то, над чем я пятый год сижу, значит, побоку?! Это мои-то интегральчики, полости мои — побоку?! Да что ты мне предлагаешь, гнида? — Малянов был страшен.— Да тебя собственными руками...

В дверь позвонили.

— Идите, откройте,— сказал рыжий.— Идите, идите... Это наше, так сказать, последнее предупреждение, а там уж пеняйте на себя...

— А вот это видал? — Малянов сложил огромный кукиш и покрутил его перед носом рыжего.— Видал, говорю?

Рыжий укоризненно поглядел на Малянова и разлегся навзничь на тахте, подложив под голову руки.

В дверь снова позвонили.

— Трусите, милейший? — поинтересовался рыжий.

— Вот сволочь,— сказал Малянов и вышел в прихожую.

Звонок зазвонил снова настойчиво и требовательно. Малянов подумал, огляделся, потом решительно распахнул дверь кладовой и с грохотом выволок оттуда тяжелый деревянный ящик. Звонок трезвонил, не умолкая. Малянов тем временем извлек из ящика здоровенную «шведку», взвесил ее на руке и подошел к двери. Едва он дотронулся до замка, как дверь с треском распахнулась.

Малянов отступил на шаг и замахнулся шведкой.

Длинные рычаги ключа лязгнули, шведка застыла в воздухе.

Лицо Малянова вытянулось. Он откашлялся и опустил руку — перед ним на площадке стоял мальчик лет пяти.

На мальчике были трогательные короткие штанишки с поперечной лямочкой на груди, как носили в сороковые или пятидесятые годы... И в принципе мальчишка производил впечатление какого-то «довоенного» или «сразу послевоенного» ребенка... Стрижка наголо только дополняла это впечатление. А в остальном это был мальчик, как мальчик...

— Что тебе? — спросил Малянов.

— Я к тебе,— ответил мальчик.— Я теперь буду у тебя жить.

— Так,— сказал Малянов.— Значит, жить.

— Да,— сказал мальчик растерянно, оглянулся и вдруг, словно чего-то испугавшись, бросился к Малянову.

— Дядя! Дядя! — истерически закричал он.— Миленький, мне страшно! Боюсь! Боюсь!

Малянов выпустил шведку, которая с лязгом грохнулась в прихожей и подхватил мальчишку на руки.

Мальчишка рыдал.

— Тихо! Тихо! — бормотал Малянов, неловко прижимая малого к себе.— Все хорошо! Я здесь, понял? Все будет... хорошо...— Говоря это, Малянов судорожно озирался, будто искал выход.— Подожди! Сейчас все будет...— Он, видимо, хотел добавить слово «хорошо», но вместо этого крякнул и выпрыгнул из квартиры на площадку.

Дикий вой потряс весь дом, казалось, до основания. Мальчишка буквально взбесился. Он лупил Малянова коленками, локтями, кулачками, царапал лицо, лягал в живот, норовил прихватить зубами щеку, нос или ухо и при этом дико выл и верещал.

В первые секунды Малянов пытался только увертываться, потом начал отбиваться, пытаясь сбросить мальчишку с себя. Но тот вцепился в Малянова как клещ, с силой совершенно не соответствующей пятилетнему ребенку... Вой на секунду прервался, и тут Малянов отчетливо услышал, как лязгают замки в соседней квартире. Малянов замер, мальчишка тоже перестал бесноваться и посмотрел на соседскую дверь. Запоры залязгали и внизу, захлопали двери.

— Мария Ивановна! — крикнул женский голос.— Кто это кричал так страшно? Ребенок, что ли?

Замок на соседской двери издал заключительный разрешающий лязг, и зацепленная на цепочку дверь стала медленно отворяться...

Малянов попятился, ввалился в прихожую и захлопнул дверь...

— Вот так бы давно,— сказал мальчишка, несколько неожиданно оказавшийся стоящим на полу.— Сиди и не рыпайся.— Он поковырял носком простеньких сандалий брошенную «шведку».— А то начал тут... выставляться. Бегун.

Малянов ничего не ответил и заглянул в комнату. Рыжего не было. Тогда Малянов прошел в детскую — там тоже никого не было.

— Да шут с ним! — сказал мальчик басом.— Нету и баста.— Он помолчал и объявил: — Кушинькать!

— Так! — В который раз за день сказал Малянов.— Как тебя зовут, детка?

— Кушать хочу-у-у! — завопил мальчишка, плача, и затопал ногами.— Кушать хочу-у-у!

Малянов молча схватил его за руку и поволок на кухню.

Мальчик сидел на кухне, уплетал банановый конфитюр, залезая в яркую банку липкими пальцами, и философствовал:

— Ты что думаешь? Всё это зря? Если все должны страдать, чтобы страданиями купить вечную гармонию... Ты ведь тоже стремишься к вечной гармонии?

— Ни к чему я уже не стремлюсь,— мрачно сказал Малянов, наблюдая за странным своим собеседником.

— Стремишься, стремишься... Ты уже жену на эту гармонию променял, и сына тоже...

— Ты можешь замолчать, а? Наказание господне...

— Может, и наказание,— согласился мальчик.— Так вот, если ты своим страданием хочешь купить вечную гармонию, то страдай. Но при чем здесь дети? Зачем м ы должны попадать в материал и унавозить чью-то гармонию?

— Да замолчишь ты или нет! — Малянов ахнул кулаком по столу. Мальчик поперхнулся, закашлялся, лицо его покраснело. Мальчик попытался вдохнуть воздуха, но от этого еще сильнее зашелся в кашле, лицо его сделалось лиловым, потом посинело, он задыхался. Малянов выскочил из-за стола, начал неловко бить его ладонью по спине, трясти, бестолково разводить ему руки, пытаясь изобразить некое подобие искусственного дыхания. Мальчик засипел, закатил глаза, его хрупкое тельце стала бить мелкая дрожь... Малянов подхватил его на руки и помчался в свою комнату. Уложив ребенка на тахту, он бросился к телефону, схватил трубку и в это время взглянул на мальчика.

Тот сидел на тахте, по-турецки подложив под себя ноги и показывал Малянову двойной нос.

Малянова передернуло. Он положил трубку на рычаг и стал смотреть на мальчишку, который не удовлетворившись показыванием носа, начал строить мерзкие рожи, пускать пузыри, бебекать, как дебил, и гадко подхихикивать, видимо, с целью довести Малянова до белого каления.

Малянов, насупившись, смотрел на все эти безобразия и молчал. Мальчишка, почувствовав, что эти трюки пока еще на Малянова не действуют, резво соскочил с тахты и подбежал к своей жертве. Расставив ноги и чудовищно вытянув вперед шею, он завертел пальцами обеих рук у стриженых висков, раздул щеки и издал губами отвратительный звук, испустив при

этом такое количество слюней, что в них воистину можно было запутаться.

— Дядя дурак! — сообщил мальчишка картаво.

Малянов отвернулся. Взгляд его пополз по книжным полкам, изредка цепляясь за корешки потрепанных книг. Малянов подошел к полкам и протянул руку, чтобы взять один из приглянувшихся ему томов.

— Стой! — сказал мальчишка отчетливо. Малянов не обратил на него никакого внимания, достал книгу и пошел с нею к столу. Уселся. Отодвинул ящик и положил на стол давешний лист бумаги с нарисованным на ней красным контуром. Потом вынул паркер и стал свинчивать с него колпачок. Подумал. Достал еще один лист бумаги, на этот раз совершенно чистый, и попытался расписать на нем перо. Паркер не писал. Малянов встал из-за стола и подошел к стеллажам, разыскивая там пузырек с чернилами.

— Так,— сказал он.— Так-так. Сейчас мы, значит, найдем чернила...

Странный шум привлек его внимание. Малянов обернулся: мальчик аккуратно заливал невесть откуда взявшимися чернилами маляновский контур. Делал он это сосредоточенно и в некотором роде виртуозно, одной рукой выливая из пузырька содержимое, а другой — размазывая чернила по листу.

Малянов пискнул и твердыми шагами пошел к противному шалуну, но тот, быстро сообразив, в чем тут дело, показал Малянову уже вымазанный синими чернилами язык и ловко юркнул под стол. Малянов зарычал, рванулся за мальчишкой, перелетел через стул и грохнулся на пол...

Мальчик, оказавшийся у тахты, торжествующе фырчал, визжал, свистел, плевал и улюлюкал, шлепая грязными ладошками по обоям, отчего на стенах, естественно, образовывались жирные чернильные пятна, изображающие его маленькие пятерни...

— Дядька дурень! Дядька дурень! Бегемотик! Бегемотик! Ляля-ля! — Мальчишка начал прыгать на одной ноге, показывая Малянову рожки и корча самые разнообразные физиономии.

— Бегемотик, бегемот, у тебя болит живот! Дядька дурень, дядька дуб, из какашек любит суп! Бе-бе-бе! Бе-е-е-е!

Малянов с трудом встал, отряхнулся, сел на стул у письменного стола и вяло попросил:

— Прекрати. Кому говорят, прекрати... Иди умойся! Слышишь! Да посмотри на свои руки, чучело!

Мальчик вдруг перестал бесноваться и повертел руками, разглядывая ладошки. Лицо его приобрело растерянное выражение, он зашмыгал носом и горько разрыдался, расставив в стороны руки и растопырив пальцы... Под мальчиком образовалась лужица...

Разорвав руками неподатливый сатин, Малянов достал наконец из трусов резинку, вытащил ее, сужая, таким образом, трусы в поясе, и завязал резинку узлом. Оглядел свою работу и вышел из детской в прихожую. Из ванной доносились слабые всхлипывания. Мальчишка стоял в ванной без штанов и исподлобья смотрел на Малянова.

— Давай ногу,— сказал Малянов, присаживаясь и помогая мальчику надеть трусы.— Другую. Вот и в норме. А ты расстраиваешься...

Открыв смеситель, Малянов выдоил из крана несколько капель, которые с мягким бульканьем упали в порыжевшую от долгого стояния воду, которой была наполнена ванна. Смеситель затрясся, зарычали трубы, кран начал чихать грязно-бурой смесью, от которой в ванне стали расходиться масляные пятна. Малянов поспешил закрыть смеситель, вытащил из-под раковины полиэтиленовый тазик и, зачерпнув воды, водрузил тазик на облупленную табуретку.

— Давай руки,— сказал Малянов.

— Нет,— твердо сказал мальчик, пряча ладони за спиной.— Не буду в тазу, хочу водопровод.

— Кран испорчен, видишь? Воды нет,— терпеливо объяснил Малянов.— Давай руки!

— Не дам!

— Как хочешь,— сказал Малянов и пошел из ванной.

— Руки! — заорал мальчик.— Руки мыть! Хочу руки мыть! — Он навалился на таз...

Вода окатила мальчишку с ног до головы и ухнулась на пол. Мальчишка завизжал, пнул тазик и ухватил Малянова за брю-

ки, оставляя на светлой материи синие чернильные следы. Малянов изловчился и ухватил мальчишку поперек спины. Адский вой оскорбленного в лучших чувствах младенца заставил Малянова отвернуть голову в сторону. Мальчик сучил ногами и несколько раз укусил своего обидчика.

Малянов выволок беснующееся чадо в прихожую, забросил в комнату и закрыл дверь на швабру. Мальчишка затих. Малянов повернулся к входной двери и начал открывать замок. Замок, как и следовало ожидать, не поддавался. Малянов рванул дверь на себя, потом толкнул, рванул еще раз.

— Дядя! Дяденька! — крикнул мальчик из комнаты.— Открой! Мне страшно! Тут кто-то ходит! Я боюсь!

Малянов бросил неподатливую дверь и вошел в комнату. Перемазанный чернилами мальчик стоял у окна в громадных маляновских трусах со свисающей до полу резинкой и округлившимися от ужаса глазами смотрел в противоположный угол. Там на стене качалось бесформенное черное пятно, похожее на тень, но только значительно более плотное... Малянов поморгал, и странная тень пропала. Мальчик сел на корточки и тихо заплакал.

— Так! — сказал Малянов преувеличенно громко.— Так.— Он потер руки.— Значит, так.

Он подошел к телефону и стал набирать номер. На последней цифре его палец задержался. Малянов взглянул на мальчика. Тот плакал и исподлобья наблюдал за Маляновым.

— Ну что? — спросил Малянов.— Звонить разрешишь?

Мальчик встал, растопырив чернильные руки и, заливаясь слезами, заковылял в прихожую...

Малянов вытер ладонью вспотевшее лицо, зажмурился, крякнул и начал набирать номер заново.

— Вечеровский? Ты? Слушай, Фил, у меня к тебе дело...

Провалившись в глубокое ушастое кресло, Малянов равнодушно созерцал хоромы, в которых в данный момент пребывал...

Большая, если не сказать гигантская, комната была средоточием комфорта и благополучия. Изящная люстра мелкого хрусталя, строгая финская стенка, блеклый вьетнамский ковер

изумительной ручной работы, круглый светящийся аквариум с сонмом величественных скалярий, кое-какой антиквариат, ультрасовременная ХАЙ-ФАЙ-звукоаппаратура, тугие пачки пластинок, блоки компакт-кассет — все говорило об определенном вкусе и полном отсутствии финансовых затруднений...

Вошел хозяин. Безукоризненная крупноклетчатая тройка, башмаки; в зубах хорошо уравновешенный «Бриар»...

— Работаешь? — спросил Малянов.

— Как всегда,— сорванным тонким голосом ответил хозяин.

— Ну, я ненадолго.

— Конечно. Кофе?

— Подожди,— сказал Малянов.— А впрочем, давай.

Малянов сидел на кухне, исполненной в стиле «А ля рюс» и наблюдал за хозяином, который колдовал с кофейным оборудованием.

— Я сделаю по-венски.

— Валяй,— отозвался Малянов.— Сливки есть?

Хозяин не ответил. Малянов смотрел, как под тонкой клетчатой тканью энергично работают лопатки хозяина.

— Слушай, Вечеровский! Тебе когда-нибудь мешали работать?

Лопатки на мгновение застыли.

— В каком смысле?

— Ну, к примеру, ты возишься с какой-нибудь там своей ревертазой, а тебе говорят: сворачивай к черту тему, а не то... как мошку...

— Кто говорит? — осведомился Вечеровский.

— Н-ну... кто-то... Собственно не в этом дело...

— А в чем?

— Слушай, а ты Снегового знал?

— Какого Снегового? А Пе?

— Ну да, физика, он у меня внизу жил, ты у меня сам по телефону спрашивал!

— Ах этот! Нет, старичок, как ни странно, нет. Мне его какая-то работа по статистике была нужна, а в библиотеке не было...

— Он застрелился.

Раздался мелодичный звон.

— Прости...— сказал Вечеровский и элегантно снял трубку с ониксового аппарата стоимостью этак в тысячи полторы франков...

— Это тебя,— сказал Вечеровский, протягивая трубку Малянову.

Малянов проглотил слюну и нерешительно протянул руку к трубке...

Белая тридцать вторая «Волга» с белыми «мишленовскими» шинами на магниевых литых дисках, нашпигованная изнутри синтезаторами, магнитофонами, антирадарами и еще черт знает чем, подкатила к маляновскому дому.

— А как велосипед? — забеспокоился Малянов.

— Он что, тебе нужен? Пусть пока в багажнике.

Вечеровский ловко набрал на панели синтезатора какую-то комбинацию, и из-под капота раздалось громкое лошадиное ржание...

— Ты что, рехнулся?! Совсем оборзел? — подскочил Малянов.

— Еще не вечер... Это я в Андорре купил. Слушай, а что там у тебя в окне?

Малянов посмотрел наверх. Окно светилось неестественно ярким светом, словно в комнате был установлен дуговой прожектор, каким пограничники освещают море...

— Фил...— сказал Малянов, щурясь от яркого света.— Я хотел бы тебе кое-что сказать... Видишь ли... Я влип в очень странную историю...

— Это и так ясно,— сказал Вечеровский.— И что ты мне предлагаешь? Не ходить сейчас с тобой? Я правильно тебя понял?

Малянов и Вечеровский сидели в полумраке вокруг журнального столика с остатками экзотических яств, ели, закусывали, изредка прихлебывали алкоголь, смешанный с «джусами» и смотрели телевизор. Приволоченный из прихожей телевизор нелепо торчал посередине комнаты. Помалкивали. Мальчик си-

дел на тахте, смотрел телевизор и тоже помалкивал. Помалкивал и телевизор... В его мерцающем окошке беззвучно возникали изможденные люди со скорбными лицами. Люди что-то раскапывали, переносили, вытаскивали. Вокруг расстилалось бескрайнее холмистое плато. То там, то здесь можно было видеть глубокие ямы и горы не то истлевших тряпок, не то больших свертков из этих тряпок... Люди ходили медленно, печально, и никто не улыбался. Сосредоточенность, неотвратимость, опустошение... Странная и какая-то жуткая работа...

Малянов, скосив глаза на телевизор, поднес полную рюмку ко рту, залпом выпил. Схватил толстенный бутерброд с семгой и начал с остервенением его поедать.

— Митька трус! — произнес вдруг мальчик отчетливо и впился зубами в мягкую шоколадную плитку.

— Забавно,— сказал Вечеровский.— Ты не находишь, что в этом что-то есть?

— Почему это я трус? — оживился Малянов.— Зачем ты меня обижаешь?

— Я тебя не обижаю,— возразил мальчик, разглядывая Малянова, как некое редкостное животное.— Просто трусость, несомненно, один из самых страшных пороков...

— Нет, философ, я тебе возражаю, это самый страшный порок...— Вечеровский встал и зажег свет.

— Опять Федор Михайлович? — иронично спросил Малянов.

— Да нет... Другой кто-то... Вернемся к нашим баранам, если они тебя интересуют, конечно...— предложил Вечеровский, скользя взглядом по стеллажам.

— Ну, в общем, этот рыжий объяснил приблизительно так.— Малянов с опаской поглядел на мальчика.— Дело здесь в локальном нарушении статистических закономерностей... Причины этих нарушений, как выразилась эта образина, во мне, то есть в моей работе, поскольку моя, видишь ли, высоконаучная работа выбивается за некий общий уровень и представляет определенную опасность.

— Для кого? — перебил вопросом Вечеровский.

— Для этой... сверхцивилизации...

— И что?

— Что, что? Потребовал, скотина, чтобы я свернулся. Полный бред!

— Чего там,— сказал мальчик.— Он ему там вогнал ума, куда следует!

— Да замолчишь ты или нет? — вскипел Малянов.— Прибью ведь!

— Опять за свое,— сказал мальчик.— Прибью, прибью. Болтун.

Малянов побагровел и посмотрел на мальчишку весьма грозно:

— Я те покажу болтуна! Я тя ей-богу прибью!

— Да ну,— сказал мальчишка даже с некоторым сожалением.— Не можешь ты меня прибить.

— Это почему не может? — ухмыльнулся Вечеровский и както очень внимательно посмотрел на Малянова.— Он у нас такой... Ух, какой...

Вечеровский показал, какой с его точки зрения Малянов.

— Да брось ты,— сказал мальчик.— Ну вот если б ты создавал мир, создал бы ты на слезинке ребенка с целью в финале осчастливить людей, дать им мир и покой?

— Госссподи...— сказал Малянов замученно.

Вечеровский снова ухмыльнулся и стал закручивать ус.

— Ну что смотришь? Тебя спрашивают,— рассердился мальчик.— И для этого необходимо непременно было замучить лишь всего-то одно крохотное существо, вот то самое... Било себя кулачонками в грудь и плакало к богу...

Мальчишка разжалобил сам себя, заревел белугой, уткнулся носом в угол тахты. Худенькая его спина вздрагивала от рыданий.

— Слушай,— спросил Малянов, обращаясь к Вечеровскому,— а может, в милицию заявить? Мальчишка-то, наверное, все-таки чей-то?

— Тридцатого затмение,— сказал Вечеровский в пространство.— Полное.

— Затмение солнца есть обычное явление природы, которому невежественные люди придают мистический смысл,— сообщил мальчик сквозь рыдания.

— А ты уверен, что твоя работа на нобелевку тянет? — неожиданно изменил тему разговора Вечеровский.

— Тянет,— убежденно сказал Малянов.— Как пить дать — тянет...

— М-да,— сказал Вечеровский, расхаживая по комнате.— Очень даже м-да...

— Слушай! — Малянов почесал затылок.— Странно, конечно. Но я вот о чем тут думал. Ну если они все из себя такие всемогущие, ну чего бы им просто не отравить меня тухлыми консервами, а? Съел ложечку, и каюк.

— Видишь ли, Дмитрий, это исключено.

— Почему исключено,— выпятил губу Малянов.— Как раз наоборот... Съел ложечку, и каюк.

— Ты просто не можешь ложечку, ты сожрал бы всю банку!

Малянов утробно захохотал. Вечеровский ухмыльнулся, потом посмотрел на Малянова и тоже захохотал, его тоже разобрал этот глупый беспричинный смех. Хохотали от души, до слез, до колик. И только мальчик сидел на тахте и хмуро ковырял вилкой в открытой консервной банке. По всей видимости, первым эту злосчастную банку увидел Вечеровский, потому что он быстро подошел к мальчику и вырвал ее у него из рук. Смех как-то сам собой стих.

Малянов повертел банку пальцами. Откашлялся и продолжил:

— А они, видишь, сентимонии развели... Снегового им жалко... Ах, извините, так вышло! Дурь, ей-богу, глупость какая-то! Зачем все эти смертоубийства, фокусы? Да внушили бы нам чем-нибудь этаким, мы бы не только диффузные газы или твою ревертазу — мы бы родную мать забыли! Или, скажем, выработали бы у нас условный рефлекс: как мы сядем за работу, так у нас грипп, радикулит, головная боль... Экзема... Мало ли что. Никто бы ничего и не заметил...

— Но ведь ты же заметил! — улыбнулся Вечеровский.

— Я??? — возмутился Малянов.— Пока не пришел этот тип и не сказал, что все эти телефонные звонки, и предложение директорства, и эта Лидочка, и этот вот! — Малянов с раздражением ткнул пальцем в сторону мальчика.— Я бы и...

— Значит, если б не знал, все было бы хорошо? Так?

— Что так?

— Ну так надо что-то делать.

— Делать, делать! Землю жрать! А выкину все к чертовой матери и уеду... на Кавказ... А если они меня таким сделают? — Малянов весь перекривился, высунул язык, закатил глаза.— Бе-бе-бе! Или будет... все время башка болеть!

— Башка, говоришь? — спросил Вечеровский подозрительно.— Подожди-ка подожди...

— Писить хочу,— ясным голосом объявил мальчик.

Малянов издал стонущий звук, выкарабкался из кресла, взял мальчика за руку и вышел в коридор.

Вечеровский достал из сумки-педерастки записную книжку, порылся в ней, подошел к телефону и начал медленно набирать номер...

— Ты что, с ума сошел? — шипел Малянов, зажав Вечеровского в темный угол.— Зачем ты его притащил? Ты что, не понимаешь? Всем что-то мешает: семья, начальник, дети, редактор, квартира, соседи, здоровье, погода и еще черт знает что и кто! Можно подумать, что ни Курчатову, ни Эйнштейну никто не мешал! Люди во время войны работали: музыку писали, фильмы снимали, открытия делали! А лоботрясам и дуракам всегда кто-нибудь мешал! Я вон бабу выгнал, а что толку?

— Ну, положим, не ты ее...— пожал плечами Вечеровский.— Ты что, недоволен, что я притащил Глухова? Я могу его назад отправить.

— Да черт с ним, с Глуховым... Просто противно...

И вот все они сидели и молчали. Прихлебывали остывший чай: Малянов, Вечеровский и Глухов. На тахте, укрытый пледом, спал мальчик. Глухов, удивительно уютный, маленький, тощенький, курносый, с красноватыми глазками за толстыми стеклами старомодных очков, отставил чашку и потер руки.

— Нет,— сказал он,— нет-нет. Ничего подобного со мной не было, да и не могло быть! Помилуйте, я даже представить себе такого не могу! По-моему, вам все-таки надо заявить в милицию...

Глухов отхлебнул из чашки и опять потер руки.

— Владлен Семенович! А может быть, ваша тема? — спросил Малянов.

— Да нет, ну что вы...— замялся Глухов.— К вам это не имеет никакого отношения... И к этому вашему... соседу тоже... «Культурное влияние Японии на Микронезию». Опыт, так сказать, количественного и качественного анализа.

— Но ведь, насколько я помню, ваша странная болезнь...— вставил Вечеровский вежливо.

— Нет, товарищи, вы это зря,— заулыбался Глухов.— У меня никаких выбросов быть не может. Я ведь человек, так сказать, обыкновенный. Детективы в автобусе, цейлонский чай, стопочка водки, но в меру, заметьте, в меру...

— Я, знаете, тоже не алкоголик,— надулся Малянов.

— Ну что вы! Я ничего подобного... Была, конечно, аллергия. Но аллергия, знаете ли, нынче болезнь века. А от вас, Филипп Павлович, я этого просто не ожидал! Мне, конечно, было интересно, но как-то это всё... Так что, извините, могу только посочувствовать... к счастью...

Все молчали. В стоящих через дорогу домах горело расплавленное золото окон, серпик молодой луны висел в темно-синем небе, с улицы доносилось отчетливое сухое потрескивание — должно быть, остывал раскалившийся за день шифер...

Малянов встал и подошел к окну.

— Извините, Владлен Семенович! Удивляюсь я тебе, Фил...

Глухов кашлянул и позвенел ложечкой в стакане.

Малянов посмотрел на Вечеровского. Тот, как всегда до отвращения элегантный, сидел в кресле и внимательно изучал ногти на правой руке.

И Глухов тоже посмотрел на Вечеровского напряженно, выжидающе.

— Я полагаю,— после некоторого раздумья произнес Вечеровский,— что гипотеза внеземной цивилизации или сверхцивилизации, несмотря на всю ее неправдоподобность, вполне логична, тем более, что ее посланцы налицо.— Вечеровский посмотрел на мирно спящего мальчика.— Другой вопрос, почему уж так им не понравились наши исследования, то есть твои

и Снегового... Не знаю. Может быть, вы им наступили на любимую мозоль. Но дело не в этом.

— Фил, ты же умный человек, биофизик, мать твою!.. Мировая величина, из-за границы не вылазишь...— Малянов запнулся. Нависла неловкая пауза, и только тихо посапывал на тахте спящий мальчик.

— Ну что ты хочешь этим сказать? — спокойно спросил Вечеровский.

— Что сказать? — пожал плечами Малянов.— Что сказать... Да я не о том... Просто какая это сверхцивилизация с бабами, звонками, посылками... Снегового допекли... Тут одной банки тухлых консервов хватит, а я вот жру, как удав, и ничего...

— Логично,— тихо сказал Вечеровский.— Хотя измерять внечеловеческую целесообразность человеческими мерилами трудно и глупо... Ну, например, с точки зрения комара? Ты ведь его убиваешь с такой силой, которой хватило бы, чтобы убить всех комаров в округе. Или вспомни сказочку про медведя, который хотел перебить рой пчел...

Вечеровский подошел к телевизору и механически повернул ручку, потом уселся в кресло и, наклонившись вперед, стал смотреть в экран.

Экран телевизора засветился, и на нем возникло тусклое, словно телевизор принимал побочный канал, изображение: по футбольному полю бегали молодые люди, пытаясь сорвать со своих сотоварищей одежду. Судя по нелепым костюмам и коротким прическам, события эти относились к концу тридцатых или началу сороковых годов. Звука, конечно, не было.

То и дело на экране возникали перекошенные лица соревнующихся или, скорее, играющих — все-таки, похоже, это была какая-то дурацкая жестокая игра,— иногда кому-то удавалось оторвать от соперника рукав или клок рубахи, но происходило такое редко, и потому вся затея выглядела вялой, бессмысленной и глупой — ни улыбок, ни азарта.

— Да выключи ты его к чертовой матери! — истерически завизжал Малянов.— Господи! Ну что это за чушь такая!

— Видимо, от соседей залетело,— сказал Глухов равнодушно.— У меня тоже часто какую-то галиматью берет, без звука, так, одно изображение.

Вечеровский медленно поднялся и, выдернув шнур из розетки, снова уселся.

— Я тут вспомнил одну болгарскую картину... «Дракон», кажется, называется, телевизионный такой фильм, короткометражный... Инопланетянин, так сказать, в роли дракона, кино, собственно, не очень, но вот речь там тоже шла о достоинстве, о достоинстве человечества, то есть конкретно о нашем с вами достоинстве.— Он помедлил.— Либо он отдаст дракону невесту, либо человечеству придет конец... Такая вот проверка...

— Да-а-а... Хороша проверочка! — покачал головой Глухов.— А сосед-то ваш застрелился... Правда, может быть...

— Вы думаете, у него была нечиста совесть? — вмешался Вечеровский.

— Да при чем здесь совесть! — заорал Малянов.— Кому какое дело, что у него там было с совестью! Я бы тебе, дураку, сказал, что такое совесть! Ты же, гнида, никогда не застрелишься?! Ты же сам хвастал, как Курбатова какого-то прибрал!

— Курбатов был сволочь,— твердо сказал Вечеровский.— И не ори.

— Ах — сволочь?! Ах, не ори! — Малянов был настолько разъярен, что уже был почти готов вцепиться Вечеровскому в глотку. Но в это время раздался неестественно бодрый голос Глухова:

— Чаёк какой! Просто прелесть! Умелец вы, Дмитрий Алексеевич, давно такого не пил... Да-да... Конечно, это всё трудно, неясно... А с другой стороны — небо, месяц, смотрите, какой... Чаёк, сигаретка... Хорошая погода, красивая женщина... Как там дальше? И немного свободных денег... Ну, правда, что еще нужно для мужчины? — Глухов довольно подмигнул и продолжил: — Вот вы, Дмитрий Алексеевич, что-то там насчет звезд, насчет межзвездного... или, простите, диффузного газа... А какое вам, собственно, до этого дело? Если подумать, а? У вас что, других дел нет? Ведь есть же, в той же астрономии... А так что? Подглядывание какое-то, а? Вот вам и по рукам — не

подглядывай. Пей чаёк, смотри детективчик... Небо не для того, чтобы подглядывать. Небо, ведь оно, чтобы любоваться...

И тут мальчик звонко и торжественно объявил:

— Ты хитрец!

Глухов резко повернулся, но оказалось, что мальчик смотрел на Вечеровского и грозил ему измазанным в шоколаде пальцем.

— Ну что ж,— сказал Вечеровский, развалился в кресле, вытянул и скрестил длинные ноги.— Мальчик прав. Мы все время уходим от главного вопроса. И только вот Владлен Семенович вернул все на круги своя. Итак, что ты собираешься делать?

— Приехали! — заявил Малянов, встал со стула, церемонно раскланялся и снова сел, закинув с гордым видом ногу на ногу.

— По-моему, вы уже решили,— осторожно сказал Глухов,— что придание этого дела гласности абсолютно бессмысленно. Я так думаю, вам никто не поверит.

— Почему это не поверят? — завопил Малянов.— Не в лесу живем!

— Прекрати! — твердо сказал Вечеровский.— Конечно, употребить все возможные способы необходимо. Но не забывай, пока разберутся и поверят, пока найдут возможные способы помочь, пройдут, может быть, годы, поскольку, сами понимаете, способов борьбы с комарами много, а со сверхцивилизацией ни одного... А вот что ты будешь в это время делать: писать письма, жаловаться на горбунов и пришельцев, которые мешают тебе работать, или работать? Вот что самое главное, по крайней мере для тебя...

Вечеровский поднялся, налил себе чаю и снова вернулся в кресло — невыносимо уверенный, подтянутый, элегантно-небрежный, как на дипломатическом приеме. Он и чашку-то держал, словно какой-нибудь там занюханный пэр на файв-о-клоке у королевы.

— Ничего интересного с тобой не произошло.— Вечеровский отпил чай.— Ну пришли, ну попросили, ну пригрозили, наконец...

— Если больной пренебрегает советами врачей,— сообщил на весь дом мальчик,— неаккуратно лечится, злоупотребляет

алкоголем, то примерно через пять-шесть лет вторичный период сменяется третичным периодом — последним...

— Вот тебе и первый контакт,— сказал Малянов.— Большое вам мерси, господа гуманоиды!

— Вообще, конечно, странно,— заключил Глухов.— Почему именно так, почему именно с на... с вами.

— Потому что век наш весь в черном,— объяснил Вечеровский, промакивая серовато-розовые, как у лошади, губы белоснежным платочком.— Он носит цилиндр высокий, и все-таки мы продолжаем бежать, а затем, когда бьет на часах бездействия час и час отстраненья от дел повседневных, тогда приходит к нам раздвоенье, и мы ни о чем не мечтаем...

— Тьфу на тебя! — сказал Малянов, а Вечеровский вместо смеха разразился каким-то довольным сытым с о в и н ы м уханьем...

Малянов выкопал из переполненной пепельницы чинарик подлиннее, сунул его в толстые губы, чиркнул спичкой и некоторое время сидел так, совершенно скосив глаза на огонек.

— Действительно...— произнес он.— Не все ли равно, какая именно сила, если она заведомо превышает человеческую.— Он закурил.— Тля, на которую упал кирпич, или тля, на которую упал двугривенный. Только я не тля. Я могу выбирать.

Глухов перестал прихлебывать чай и с нескрываемым интересом уставился на Малянова. Вечеровский тоже перестал рассматривать ногти и тоже уставился на Малянова. Интереса в его глазах не было. Была надежда.

— И что же ты думаешь выбирать? — спросил он.

Малянов вздохнул и придавил хабарик в пепельнице.

— Да ясно же! — вдруг подал голос Глухов.— Неужели не ясно, что выбирать? Жизнь надо выбирать! Что же еще? Не телескопы же ваши, не пробирки же...— Он говорил с необычайной проникновенностью.— Да пусть они подавятся телескопами вашими! Диффузными газами! Жить надо, любить надо, природу ощущать надо — ощущать, а не ковыряться в ней! Когда я сейчас смотрю на дерево, на куст, я чувствую, я знаю, это мой друг, мы существуем друг для друга, мы друг другу нужны...

— Сейчас? — громко спросил Вечеровский.

— Простите? — пробормотал Глухов.

— Просто я о том, что когда-то была Эстония, школа матлингвистики, «Мюнди-бар», зеленая сауна, помните?

— Да-да,— сказал Глухов, опустив глаза.— Да. Бароны, знаете ли, стареют.

— Бароны также и воюют,— сказал Вечеровский.— Не так уж давно это было.

— А Снегового-то больше нет! Вам, Филипп Павлович, легко рассуждать, они вас за горло не взяли! — эти слова Глухов выпалил с необычайной резкостью, почти со злобой, как человек, которому нанесли незаслуженное и тяжкое оскорбление.

— Да, мне хорошо,— кивнул Вечеровский.— Но вы-то чего, собственно, испугались? Двух-трех телефонных звонков не к месту? Явления какой-то авантюристки? Что с вами произошло, милейший Владлен Семенович, что вы тут комедию разводите?

— Прекратите наконец! — завизжал Глухов.— Вам что?! Этого всего мало?! Вам нужно, чтобы весь город перерезали? Этого вы хотите?

— Да перестаньте вы,— спокойно возразил Вечеровский.— Ничего я не хочу. Но, с другой стороны, вас что, пытали, били, грозили вам смертью? Откуда эти полные штаны, простите? От рыжего клоуна из цирка? От гемикрании, от которой болит полголовы? У Малянова вот вода из крана не идет, а тридцатого — затмение... Ну давайте валить всё в кучу, бояться кошек, сатаны, дурного глаза! Окропите всё святой водой, свечки поставьте! Их за горло взяли! Бабы!!!

— Вы! Вы!.. Вы не имеете права! — Глухов вскочил совершенно разъяренный.— Вы... вы провокатор! И, может быть, вы с ними заодно! — Глухов ткнул вверх сухоньким пальцем.

— Да поступайте, как знаете! — отмахнулся Вечеровский.— Это пока ваши дела. Можете ваше так называемое исследование хоть мне отдать, а я его буду знакомым показывать, был, мол, такой самородок, товарищ Глухов, а теперь пивом торгует...

Глухов весь напрягся и сухо выдавил:

— Прошу прощения, друзья, но мне пора идти. Уже поздно.

Вечеровский и Малянов сидели в прибранной комнате и молчали. Несмотря на поздний час и бурно проведенный день, Вечеровский был так же элегантен и подтянут. На костюме ни пятнышка. Галстук так же туго завязан. А вот Малянов подустал. На щеках вылезла щетина, под глазами круги...

В доме напротив одно за другим гасли окна.

Появился Калям. Тихонько мяукнув, вскочил Вечеровскому на колени, устроился поудобнее и заурчал. Вечеровский погладил его длинной узкой ладонью и, не отрывая глаз от гаснущих за окном огней, спросил:

— Может быть, хочешь переночевать у меня?

— Он линяет,— предупредил Малянов.

— Неважно,— отозвался Вечеровский тихо.

— Слушай,— сказал Малянов.— Неужели они Снегового убили?

— Кто? — не сразу ответил Вечеровский.

— Н-ну...— начал Малянов и замолчал.

— Снеговой застрелился.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, как ты сам понимаешь, существуют такие ситуации, когда честный человек может сделать только один честный выбор. И Снеговой его сделал. Но, впрочем, всегда есть другой, как у Глухова...

Вечеровский вытащил из кармана кисет и начал набивать свой «Бриар».

— Я помню, как он прибежал ко мне. Он ругался, как последний сапожник. По-черному... Стоял такой мат...

— Это скорей похоже на меня...

— Да-а-а... Он кричал, что дураков нынче нет. Что в наше просвещенное время большинство совершенно справедливо считает, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Что двадцатый век — это расчет и никаких эмоций. Что гордость, честь, потомки — все это дворянский лепет. Атос, Портос и Арамис. Что вся проблема ценностей сводится к его пупу. Самое ценное в мире — это его личность, его семья, его друзья. Остальное пусть все катится к чертовой матери... Что сила солому ломит... Что не стоит плевать против ветра и что когда на тебя прет тяжелый танк, а у тебя, кроме головы на пле-

чах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить... До этого он был такой живчик — энергичный, крикливый, ядовитый... А теперь... Теперь он просто раздавлен. Сначала я его пожалел, но когда он принялся рекламировать свое новое мировоззрение... Он и сегодня, как видишь, этим занимался. Он думает, что ему станет легче. Может быть, но меня такая позиция бесит...

Вечеровский чиркнул спичку и принялся раскуривать трубку. Желто-красный огонек заплясал в его сосредоточенно скошенных глазах. Потянуло сизым дымком. Вечеровский пыхтел трубкой и думал.

— М-да-а-а-а,— протянул Малянов и нервно засмеялся.— Как представишь себе... Вот собираются они там... допустим на Юпитере... и начинают считать: на исследования кольчатых червей мы бросим сто мегаватт, на такой-то проект — семьдесят пять, скажем, гигаватт, а на разведенного кандидата наук Митьку Малянова хватит и десяти. Но кто-то там возражает: десятка-де мало. Надо его телефонными звонками заморочить — раз. Фирменной выпивки подсунуть — два. Теплое место для него организовать — три. Потенциальную невесту сварганить — четыре. Мальчишку этого как следует задурить, чтобы напугал — это пять... Смех, да и только!

— Смех,— согласился Вечеровский,— но не большой. Воображение у тебя, Дмитрий, прости... убогое. Даже странно, как ты до своих интегралов и полостей додумался.

— Убогое...— сказал Малянов.— А у тебя его и вовсе нет. Айда на кухню.

Они пришли на кухню, и Малянов начал выставлять на стол все для чая.

— Так вот, насчет воображения...— продолжил Вечеровский.— Я, например, никогда не верил во флогистон. И никогда не верил в сверхцивилизации. Вылей старую воду, лентяй!

— А где я тебе новую возьму? — огрызнулся Малянов.— А на кой черт ты поддерживал эту идею? Что, по-твоему, рыжий наврал?

— Ну почему наврал. Не совсем. Просто сверхцивилизация — это современная мифология, не более... Попытка с че-

ловеческих позиций объяснить нечеловеческое, искать мораль в законах природы... Думаю, что рыжему было просто лень объяснять, вот он и брякнул, что понятнее... Ты что-нибудь слышал об отторжении тканей?

— Трансплантация, там, пересадки сердца, тканей, доктор Барнард?

— Да... И вот мне кажется иногда, что с тобой и с Глуховым происходит нечто подобное. Вы работаете, а природа это отторгает. Мироздание защищается. Своего рода закон сохранения равновесия между убыванием энтропии и развитием разума... Природа слепа. Она может только сопротивляться...

— И ты считаешь, что...

— Выключи чайник — кипит. Да, я считаю, что в каком-то смысле у вас нет врагов. Идет обыкновенное отторжение тканей. И вам нужно только решить, продолжать эксперимент дальше или остановиться...

— Природа не дура...— с сомнением покачал головой Малянов.— Если это так, то тогда...

— Я не закончил. Как мне кажется, Эйнштейн, Резерфорд, Коперник, Курчатов, Галилей — каждый из них по-своему сталкивался с отторжением. Но думаю, правда, что они прекратили бы исследования только в одном случае: если бы им сказали, что из-за этого может погибнуть человек. Не всё человечество, не Вселенная, а конкретный человек. И не в принципе, когда-нибудь, а сию минуту, сейчас... Понимаешь?

— Уговариваешь, гад?

— Ну зачем же... Философствую просто. Они шли до конца не потому, что не понимали опасности, а потому, что верили в разум... Это звучит напыщенно, но это так... Они боялись не за себя, как Глухов или даже ты, а за любого, живущего на земле человека. Эйнштейн знал, что такое атомная бомба, но все-таки работал. Парадокс? Операции на сердце погубили десятки людей, но их продолжали делать, если хочешь, против природы, против этих чертовых законов... Их делали, неся на плечах, на совести души обреченных, но тем не менее погибших от эксперимента... Может быть, это уже новая мораль. Мораль людей, отдавших науке самое дорогое, что у них есть — доброе

имя... Вы же в ответе только за себя. Меня поражает ваша трусость...

— Трусость, несомненно...— усмехнулся Малянов.— А ты моралист, а?

— Ну, я пошел,— сказал Вечеровский.— Тебе, как я понимаю, работать надо.

Они вышли в прихожую. Малянов легко открыл замок.

— Ишь,— сказал он,— подлец. Открывается...

— «Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти,— весело процитировал Вечеровский.— И я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мной кривые, глухие, окольные пути...»

Он помахал рукой и вышел. Малянов задумчиво закрыл дверь...

Малянов сидел в своей прокуренной насквозь комнате и смолил хабарик. В комнате вспухали, переливались, летали маляновские пузыри и полости из табачного дыма. На полу, на столе валялись груды книг, листы бумаги, тетради, а на книжных полках, всюду, где хватало места, были приляпаны, приклеены, прикноплены фотографии спиралевидных галактик...

Скрипнула дверь. Вошел мальчик. Он постоял в комнате, сумрачно озираясь, подошел к одной из фотографий и, склонив голову набок, начал ее разглядывать. Сморщил старческое свое личико и повернулся к Малянову. Некоторое время смотрел, как Малянов грызет карандаш и разглядывает потолок. Шмыгнул носом и, сухо кашлянув, сказал:

— Дядь, а дядь! Слышь, наверное, мы с тобой больше не встретимся...

Малянов оторвался от созерцания потолка и дымных картин:

— Ты что несешь, а?

— Слышу я, уже идут.

— Кто это идет, чего ты там слышишь?

— А ты зачем эти картинки разложил?

— Я работаю, видишь... Нечего мне бояться, брат. Как это там... А-а-а... Я один в мире.

— А Петька?

— Я думаю, они не посмеют.

— Да,— сказал мальчик,— они не посмеют... Это некорректно.

— Недозволенный прием,— подтвердил Малянов.— Так?

— Так. А вот со мной дозволенный?

— Чего-то я не понял,— сказал Малянов.

В это время в дверь позвонили.

— Это что? — спросил Малянов обеспокоенно.— А?

— Иди, открывай,— сказал мальчик.

— Зачем? — спросил Малянов.

— А так. Ты посмотри, что на улице делается.

Малянов вскочил и раздернул шторы. Природа взбесилась. Окно дрожало. В него то и дело били мощные порывы ветра. Стекла жалобно дребезжали. Сверкнула молния. Вдали загрохотало. А через секунду оглушительный треск заставил Малянова вжать голову в плечи... Свет замигал. Малянов подбежал к телефону, сорвал трубку, дунул в микрофон, постучал по рычагу. Телефон безмолствовал... В дверь снова позвонили...

На лестнице перед Маляновым стоял крупный человек и смущенно улыбался.

— Простите,— сказал он.— Дмитрий Андреевич?

Вдалеке прогремел раскат грома.

— Алексеевич,— недовольно сказал насторожившийся Малянов.

— Да, да, простите, мне говорили, Алексеевич...

— Кто говорил?

— Э-э-э... В жакте,— быстро сказал посетитель и заглянул через маляновское плечо.— А-а-а-а! Вот и он! Видите ли, сын у меня потерялся. Валерка, иди сюда!

Малянов оглянулся. Мальчик стоял в прихожей и насупившись глядел на пришедшего.

— Мать все глаза проплакала, все участки, все морги и больницы обзвонила, а ты вот где! Уши-то надеру! Ради бога, извините нас пожалуйста!

— А документы у вас есть? — спросил Малянов безнадежным голосом.

— Господи! — сказал пришедший.— Ради бога! Вы к нам приходите! Он у нас такой, ей-богу... Сейчас!

Гость начал ковыряться в заднем кармане брюк, достал оттуда мятый паспорт и зеленую корочку метрики:

— Вот, пожалуйста! Валерка, ты чего стоишь, пошли!

— Не надо,— сказал Малянов потерянно.— Я... в-в-вам верю...

— Вот.— Гость спрятал документы и протянул Малянову маленькую белую картонку: — Вот моя визитка. Я и моя жена... Короче, если что нужно, я всегда и жена тоже... Я вам, надеюсь, пригожусь... Пошли, Валерка, пошли, не будем дяденьке мешать, он у нас работает... До свидания.

Малянов поспешно протянул руку гостю, и они расстались. На улице снова загрохотал гром.

— Да,— сказал Малянов.— Конечно. До свидания...

Гость взял мальчика за руку и они медленно начали спускаться вниз по лестнице. Малянов захлопнул дверь и повертел визитную карточку: белая картонка была абсолютно чиста с обеих сторон.

Малянова осенило. В один прыжок он оказался на лестнице и помчался вниз... Когда он, как пробка, вылетел на улицу, она была абсолютно пуста и тиха. И в это время где-то далеко закричал ребенок. Малянов бросился на крик, завернул за угол и остановился: на небольшой площади было полно народа. Все смотрели вверх, прикрывая лица ладонями, черными очками и специально закопченными осколками стекол. На солнце наползала черная тень луны...

Это было затмение...

Было отвратительно тихо. Адский лик луны дышал смертью. И только где-то далеко, чуть слышно, кричали дети...

Малянов попятился.

Малянов задыхаясь и придерживая локтем большую белую папку, с лету брал один лестничный марш за другим. Где-то приблизительно на уровне восьмого этажа на ступеньках, скорчившись, сидел маленький жалкий человечек, положив перед собой серую старомодную шляпу. Малянов обошел его и стал подниматься дальше.

— Не ходите туда, Дмитрий Алексеевич,— вдруг сказал человечек. Малянов остановился и посмотрел на него. Это был Глухов. Он встал, подобрал шляпу, с трудом распрямился, держась за поясницу. Лицо Глухова было вымазано чем-то черным. Глухов поправил очки и сказал, едва шевеля губами:

— Еще одна папка, белая. Еще один флаг капитуляции.

Малянов молчал и ждал, что он еще скажет.

— Понимаете,— проговорил наконец Глухов, слабо похлопывая шляпой по колену.— Капитулировать всегда неприятно... В прошлом веке, даже, говорят, стрелялись, чтобы не капитулировать.

— В нашем — тоже случалось.

— Да, конечно, конечно. Но в нашем веке стреляются, потому что стыдятся других, а в прошлом стыдились себя. Теперь мы почему-то считаем, что человек всегда может договориться сам с собой.

— Не знаю. Может быть.

— Я тоже не знаю,— сказал Глухов тихо.— Я столько времени думал об этом... И столько еще предстоит... Так всегда было, во все века.

— Я понимаю,— сказал Малянов.— Просто иногда чужие раны больнее.

— Ради бога! — прошептал Глухов, вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот. Он попытался улыбнуться.— Я бы никогда не осмелился. Как я могу вас отговаривать или советовать? Но вы знаете, что я все думаю? Почему мы так мучаемся? Я не могу разобраться.

Малянов молчал. За стенами отчаянно завывал ветер, гремели громовые раскаты. Глухов зашевелился, вялым расслабленным движением нахлобучил свою смешную шляпу и сказал:

— Ну что ж, прощайте, Дмитрий Алексеевич. Мы, наверное, никогда больше с вами не увидимся, но все равно очень приятно было с вами познакомиться. И чай вы отлично умеете заваривать.

Глухов опустил глаза и начал медленно спускаться. Малянов постоял немного и, твердо ступая, пошел дальше... Когда Малянов подошел к двери, далеко внизу, перекрывая шум этой

странной вновь обрушившейся бури, заскрипела и глухо бухнула дверь... Малянов надавил кнопку звонка, но за дверью было тихо. Малянов подождал и не отпускал кнопку, пока не послышались шаги и голос Вечеровского не спросил:

— Кто там?

— Это я. Открой.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. На пороге появился Вечеровский. Его трудно было узнать: чудесный клетчатый костюм был продран, на левой стороне пиджака зияла большая жженая дыра. Вечеровский был неимоверно грязен.

— Заходи,— сказал он хрипло, ворочая на закопченном лице белками глаз.

Некогда шикарная комната была полностью разгромлена... Посредине ковра красовалась обугленная дыра, из которой торчали горелые планки паркета... Пятна черной копоти на стенах. Тонкие черные нитки сажи, плавающие в воздухе... Сплющенные, раздавленные, разбитые детали звукоаппаратуры, осколки аквариума... Изъеденные кислотой занавески... Горы растрепанных книг... В одном из углов валялась куча опаленного каким-то адским огнем тряпья — это были костюмы Вечеровского...

Вечеровский молча взял у Малянова папку и прошел в соседнюю комнату. Малянов как сомнамбула последовал за ним. Комната была абсолютно пуста и лишь по центру стоял старинный несгораемый шкаф с двумя отделениями.

— Здесь всё? — спросил Вечеровский.

— Всё,— сдавленным голосом подтвердил Малянов.

Вечеровский вытащил из кармана связку ключей и загромыхал запорами. Весь сейф был забит разноцветными толстыми папками. На корешках пламенели написанные красным фломастером фамилии: З. З. Губарь, В. С. Глухов, А. П. Снеговой, В. А. Вайнгартен и какие-то еще.

Малянов обалдел. Потом потрогал кончиками пальцев корешки.

— Едрысь тя в койку...— сказал он тоскливо.— Нафинкендулили... Они ж тебя убьют.

— Не думаю,— сказал Вечеровский.— Промахнутся. Пошли.

Они пришли на кухню. Она не пострадала. Все в ней было в порядке. Даже кофейная аппаратура, с которой возился Вечеровский. Он поставил на стол кузнецовскую чашку и граненый стакан, в которых дымился черный кофе. Вечеровский вытер руки о полотенце, сел за стол, пододвинул к себе стакан и отхлебнул горячий напиток... Руки у Вечеровского были в копоти и машинном масле.

— Ну и глупо,— сказал Малянов.

— Что именно?

— Ты же уникальный специалист. Ты же первый в Европе, задница!

Вечеровский промолчал.

— У тебя же есть твоя работа! Работай! Работай, черт тебя подери! Зачем тебе понадобилось связываться со мной?.. С нами...

— Значит, ты ничего не понял? Моя работа. За мою работу оно лупит меня уже полгода... Раньше, правда, как выяснилось, покупало...

Вечеровский помолчал и выразительно обвел глазами свою шикарную кухню...

— Пижон,— сказал Малянов.— Есть в тебе что-то от этого, как его...

— Есть,— согласился Вечеровский.— От всех. Больше всего от Глухова. Жажда спокойной жизни, жажда безответственности. Станем травой и кустами, станем землей и цветами... Я тебя раздражаю?

— Да пошел ты...

— Я хочу все-таки объяснить тебе, что происходит. Мы ведь имеем дело с законом природы. Так?

— Так.

— Так вот, воевать против законов природы — глупо. Капитулировать — стыдно. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Это банально. Но в этом тысячелетний опыт всего человечества... Мы не привыкли к тому, что природа проявляет себя так, как она проявила себя в отношении нас...

За окном сверкнула молния, громыхнул железными перекатами гром.

— Мальчик! — вдруг опомнился Малянов.— Слушай, старик, надо что-то этого... как его... надо что-то делать!

— Сядь! Ничего не надо делать. Ты последний из тех, кого я знал.

— А Глухов?

— Он перечитывал рукопись. Он ведь давно решил. Просто не мог расстаться. Не в этом дело. Природа умеет бить током, сжигать огнем, заваливать камнями, морить чумой. Мы не привыкли к рыжим горбунам и одурманенным девицам. То, что происходит с нами,— это не только трагедия — это открытие. Это возможность взглянуть на Мироздание с совершенно новой точки зрения.

— На кой ляд ты мне это излагаешь?

— Не знаю. Просто это не на один день и не на один год. Я думаю, даже не на одно столетие. Торопиться некуда. Впереди еще миллиард лет...

— Угробят они тебя... Здесь...— сказал Малянов безнадежно.

— Не обязательно,— ответил Вечеровский.— И потом, ведь я здесь буду не один... И не только здесь... И не только я...

Вечеровский улыбнулся и отхлебнул кофе.

Пыльная буря и гроза ушли. Над морем и городом еще висела серая липкая мгла. Воздух дрожал. Вдали гремели громы. Но небо стало проясняться... Бесцветное море было спокойно, и его вялые волны нежно ласкали песок. Их ленивые языки лизали руки, тело и лицо лежащего на берегу мальчика, шутя перекатывали его по песку...

Неожиданно мальчик открыл глаза, медленно встал, одернул штанишки, отряхнул их и запрыгал на одной ноге вдоль берега, весело распевая какую-то странную песенку...

Вскоре вышло солнце...

8–9.07.81

Всего в архиве сохранилось три варианта сценария по ЗМЛДКС. И если первый (вышеприведенный) отличается от окончательного (опубликованного) значительно, а третий практически от окончательного не отличается, то второй черновик сцена-

рия по ЗМЛДКС отличается от окончательного только стилистической правкой, мелкой, но частой. Одно перечисление ее способно показать, как тщательно работали Авторы даже над сценарием, предназначенье которого, собственно, быть прочитанным только кинематографическими работниками.

Правятся неуклюжие обороты: «дома, чем-то напоминающие восточно-арабскую архитектуру» на «дома в восточном стиле»... Правятся объекты-субъекты повествования: «пациент» на «клиент», «мужчина» на «мужичонка», «веревочка» (на которой в ванной сушится белье Лидочки) правится сначала на «жердочку», затем — на «бельевую веревку», «бедняжка» на «бедолагу»... Правятся определения: «толстая» (папка) на «толстенькую», «овечьи глаза» (у Лидочки) на «овечий взгляд», «печальная» на «грустная», «синеватый» (свет от ночного фонаря) на «мертвенно-синий», «неожиданный» (вопрос) на «неуместный»... Правятся описания действий: «осведомился» на «поинтересовался», «бросаешь» на «покидаешь», «зарычал» (водопроводный кран) на «заворчал», «засунул» на «упрятал», «мчался» на «катился», «прекращая» на «переставая», «произнес» на «провозгласил», «мидий ловили» на «мидий собирали», «ринулся» на «метнулся», «понимаю» на «осознаю», «уронивши» на «повалив», «переступая» на «переминаясь», «грохнул» на «ахнул», «спрыгнул» на «соскользнул»... Правятся обстоятельства: «немедленно» на «вкрадчиво», «клубился пар» на «дымился парок», «красиво» (Малянов пишет формулы) на «как по линеечке», «красиво» (сказано о том, что «дети и книги делаются из одного материала») на «элегантно», «хрипение» (водопровода) на «ворчание»... Правятся и слова в речи героев: «понимаешь» на «сечешь», «кофе» на «кофейку»... и многое, многое другое.

Кроме черновиков сценария в архиве АБС содержатся заметки по поводу сценария, некоторые из которых так и не реализовались ни в одном из текстов:

Теща-кавторанг живет в квартире (входит-выходит).

Диалог на тему: подумай о семье.

Вечеровский звонит, чтобы узнать: а) как самочувствие; б) над чем работает.

Лидочка п р я м о говорит: «Я должна вам мешать!»

Работа Малянова:
1. График (перенос на чистовик)
2. Рассматривание колец дыма.
3. Книги по ТФКП.
4. Перепечатка текста на машинке.
«Легко видеть...» «Ясно, что неясно...»

Мальчик — противный, капризный, непослушный, дерзкий, неприятный.

Теща
Лидочка
Снеговой
(ночь)
Карлик
мальчик
— — — — — —
Вечеровский и Глухов
Малянов работает ночью
Приходит папа мальчика
Лестница — Глухов
Вечеровский
Финал.

Галилей задрипанный

Ч. I. Телефонные звонки
1) «База» («— А вам какую? У нас тут военно-морская база».— «Чего?»)
2) Директор (не директор, а сослуживец: «Правда, что...» — «Слушай, дайте поработать. Вчера жену отправил с тещей (?)»).
3) «Комиссионный».
3а) Пустой звонок: послал к черту.
4) Вечеровский.
5) «Доставка на дом».
6) Снеговой в окне.
7) Второй звонок Вечеровского.

В разговоре с Вечеровским: «Помнишь мои сингулярности? Так вот, они устойчивы...»

II разговор с Вечеровским: Снеговой.

«Ты все равно стоишь...»

М. б., Карлик сначала выдает себя за человека? Фамилия, работа и т. д. Снеговым запугать — потом бить на жалость (легче сдастся).

Присутствует в архиве и заявка Авторов:

А. и Б. Стругацкие

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА

Заявка на литературный сценарий полнометражного художественного научно-фантастического фильма по мотивам одноименной повести

Ленинград, 1980.

В конце концов, не так уж важно, что произошло: может быть, кто-то выпалил из дробовика или даже из пистолета, а может быть, это был просто резкий выхлоп грузовика — верный признак слишком позднего зажигания и, следовательно, перерасхода топлива... Но тем не менее сидевший в одних трусах за письменным столом Малянов оторвал взгляд от вороха исписанных листков и уставился в распахнутое настежь окно. Резкий звук повторился. Малянов сморщился, отложил аккуратно отточенный на машинке для точки карандашей «Кохинор» и начал нервно нащупывать босой ногой спрятавшийся куда-то разболтанный тапок. Стрельнуло в третий раз. Малянов выскочил из-за стола и с силой захлопнул обе рамы, громыхнул шпингалетами и наглухо задернул тяжелую желтую штору. Потом, подсмыкнув трусы, прошлепал на кухню, отдернул занавески и отворил балконную дверь... Раскаленные

солнечные лучи остервенело ударили в кроваво-красный пластик кухонной мебели, навылет пробили стальное корыто мойки, впились в податливый мягкий линолеум пола, и горячие злобные зайчики задрожали на белом кафеле стен. Малянов зажмурился и вышел из кухни...

Открыв смеситель, Малянов, склонившийся над ванной, блаженствовал под холодной струей. Сквозь шум воды послышалось слабое телефонное треньканье.

— О черт! — прошипел Малянов, склоняя набок голову и прислушиваясь. Треньканье повторилось. Малянов схватил полотенце и, путаясь в шлепанцах, неуклюже заковылял в комнату.

— Да!

— Витя? — спросил энергичный женский голос.

— Какой вам номер нужен?

— Это «Интурист»?

— Нет, это квартира...

Малянов бросил трубку и, отдуваясь, уселся на тахте. Вытерев мокрое ухо и отшвырнув полотенце в сторону, он подошел к стеллажу и достал небольшой томик, на котором значилось: «Теория функций комплексного переменного». Малянов задумчиво полистал книжку, потом подошел к столу и, встав одним коленом на стул, начал что-то рисовать на листе бумаги, поглядывая в текст книги...

Снова зазвонил телефон. Малянов как ошпаренный сорвался с места, схватил трубку и гаркнул:

— Да!

— Митька? — поинтересовался сильно искаженный телефоном скрипучий мужской голос.

— Ну...

— Не узнаешь, собака...

— Да нет, кто это?

— Это я, Вайнгартен.

— А, Валька... Чего тебе?... Голос у тебя какой-то противный. Ну что?

— Тут, понимаешь, кроссворд с фрагментами... Я тебе прочитаю, а ты слушай.

— С каких это пор ты стал кроссворды решать? — недовольно спросил Малянов.

— Ну, в общем, слушай... «Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город». Дальше... «В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо...» И вот такая фразочка: «В жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавились старухи на скамеечках у подъездов»...

— Чушь какая-то...— буркнул Малянов.— Тут и так парная, а ты со своими фразочками.

— Так не знаешь, а?

— Иди ты к дьяволу! — вконец освирепел Малянов и так громыхнул трубкой, что большой черный кот, видно, отсиживающийся до этого под тахтой, пулей высадил в коридор и там затих.

— Калям! — тоскливо позвал Малянов, но кота и след простыл. Малянов взял полотенце, подошел к столу и начал вытирать голову, скосив глаза на разбросанные на столе бумаги. Волосы сбились в колтун и Малянов стал похож на ведьму из детской книжки. Не отрывая взгляда от бумаг, Малянов повесил полотенце на спинку стула, изогнулся, дотянулся до секретера, нашарил лежащую там щетку и начал было причесываться, но тут снова раздался звонок, на этот раз в дверь... Малянов переложил щетку в другую руку, взял карандаш и наскреб на бумаге какую-то закорючку. Позвонили во второй раз...

— У-у-у-у! Чтоб вас! — зарычал Малянов и бросился к шкафу, горестно взглянув на оставленную закорючку. Кое-как нацепив на себя куцый среднеазиатский халат с продранными локтями и легкомысленными разрезами по бокам, Малянов рванулся в прихожую. Зазвенел телефон...

— Да что вы все!!! — взвыл Малянов в голос, в ярости хватая трубку.— Подождите, сейчас я открою!!!

— Митька? — раздался из трубки голос Вайнгартена.

— Ну что Митька?!

— Ты что там делаешь?

— Работаю,— сказал Малянов злобно. В дверь снова позвонили.— Подожди, я дверь открою.

— Постой, дурак!..— испуганно зашипела трубка, но Малянов уже не слушал: бросив трубку на тахту, он скрылся в прихожей.

Вылетевший из-за угла Калям запутался у него в ногах, и Малянов чуть не грохнулся...

— Постой! — сказал Вайнгартен из трубки очень серьезно.— Слышишь, не ходи никуда!

Открывая дверь, Малянов сейчас же отступил на шаг. На пороге стояла молодая женщина в вызывающе белом «фирменном» сарафане, очень загорелая, с выгоревшими на солнце короткими волосами. Красивая. Загадочная. И растерянная. У невероятно стройных ног ее стоял огромный клетчатый чемодан на колесиках и большая картонная коробка, тщательно перевязанная тонким капроновым шнурком.

— Дмитрий Андреевич? — спросила женщина стесненно.

— Д-да...— проговорил Малянов, делая руками бессмысленные извиняющие движения, одновременно прижимая локтями полы распахивающегося халата, а ногами отбиваясь от совершенно распоясавшегося Каляма, явно решившего рвануть в пампасы...

— Вы простите, Дмитрий Алексеевич... Наверное, я некстати... Вот.— Она протянула конверт. Малянов молча вытащил из него лист бумаги. На сложенной вдвое половинке ученической тетради крупными буквами, видимо второпях, вкривь и вкось было написано:

«Димкин! Это Лидка Пономарева, моя любимая школьная подруга. Я тебе про нее расск. Прими ее хорошенько, она ненадолг. Не хами. У нас всё хор. Она расск. Целую, И.»

Малянов, вероятно, должен был издать протяжный, неслышный миру вопль, но почему-то произнес, улыбаясь, как швейцар от полученной на чай десятки:

— Очень приятно...— И тут же дружески-развязным тоном добавил: — Не знаю уж, чего она там думала, но, надеюсь, вам у нас будет удобно...

* * *

Он еще очень многого не знал, этот тридцатипятилетний кандидат физико-математических или каких-то других, не менее умных наук... Не знал о том, что у него не зря стреляли за окном, не зря звонил телефон, не зря приехала Лида Пономарева, и не зря рядом с ней стояла большая картонная коробка...

И, разумеется, он не знал, что станет одним из тех, кому суждено быть участником невероятных, абсолютно фантастических, загадочных, забавных, страшных и вместе с тем совершенно земных событий. Нелепые телефонные звонки от Вайнгартена и появление прекрасной незнакомки окажутся лишь прелюдией к действительно трагическому происшествию — смерти Арнольда Павловича Снегового — соседа Малянова по лестничной площадке, крупного специалиста в области теории упругости... Окажется, что Малянов и его друзья не только каким-то образом будут знать об угрозе, нависшей над Снеговым, но сами окажутся перед лицом реальной опасности, исходящей от какой-то неведомой и злонамеренной силы. Со временем выяснится, что эта сила действует лишь в отношении тех людей, которые стоят на пороге блестящих и необходимых миру научных открытий.

Много сил и времени отдадут Малянов и его товарищи, чтобы открыть природу этой таинственной силы, пока не поймут наконец, что дело, собственно, не в ней, хотя она и существует, а в них самих.

Проблема нравственного выбора, проблема ответственности ученого перед самим собой, перед наукой, перед всем человечеством — вот то основное, что станет содержанием целого отрезка жизни молодых и талантливых героев нашего рассказа...

Вечная неуспокоенность творчества, отчаянные попытки проникнуть в непознаваемое, ощутить нематериальное, разглядеть неразличимое... Бескорыстное и страстное желание добиться, доказать, открыть, подарить миру то, что может сделать людей счастливыми, небо безоблачным, а жизнь прекрасной... Не это ли было тем главным, что заставляло, преодолевая все препятствия, трудиться Менделеева и Курчатова, Жолио-Кюри и Келдыша, Эйнштейна и Королева, Бора и Семенова, Пастера

и Дарвина... Не это ли есть главное и сегодня, что движет помыслами и делами сотен тысяч безвестных тружеников науки во всех областях знаний?

И вместе с тем... Благополучная тихая жизнь, высокий оклад, заметная должность, спокойная заводь мещанского прекраснодушия... Как часто мы слышим в последнее время: «Он мог бы стать большим ученым, но... семья, дети, неурядицы быта... Он мог бы быть замечательным поэтом, но... это ужасное окружение — друзья, компании, бесконечные развлечения...» Как часто мы валим все свои неудачи на обстоятельства, непонимание, глупые случайности, трудности быта... Тогда как даже в осажденном Ленинграде игрались спектакли, создавались поэмы и великие музыкальные произведения... В голоде, в холоде работали ученые, инженеры, техники, делались открытия...

Испугаться, отступить, спрятаться за спасительной философией «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным» или... Или идти на риск, не досыпать ночей, не съедать лишней порции икры, «бороться и искать, найти и не сдаваться»?

Мы сами... Вот она та сила, которую безуспешно пытаются и долго не могут найти Дмитрий Малянов и его друзья. Мы сами. И только мы, а не какая-нибудь сверхцивилизация, вознамерившаяся по каким-то своим, может быть, нечеловеческим причинам остановить прогресс на Земле, способны ответить на те вопросы, перед которыми стоят герои нашего рассказа.

— Я хочу сказать,— говорит один из тех, кто уже сделал свой выбор,— что ничего и н т е р е с н о г о с вами не произошло... Все ваши поиски причин есть просто праздное любопытство. Вам надо думать о том, как теперь вести себя. А думать об этом — гораздо сложнее, чем фантазировать насчет царя Ашоки. Никто вам не поможет. Никто вам ничего не посоветует. Никто за вас ничего не решит. Ни друзья, ни Академия, ни даже все прогрессивное человечество...

Ему, Вечеровскому, сделавшему свой выбор, будет не легко, но, по крайней мере, совесть его будет спокойна. Но будет ли спокойна совесть у других?

«— Легко сказать — выбирать! — начал было Захар, но тут заговорил Глухов, и Захар с надеждой уставился на него.

— Да ясно же! — сказал Глухов с необычайной проникновенностью.— Неужели не ясно, что выбирать. Что же еще? Не телескопы же ваши, не пробирки же... Да пусть они подавятся телескопами вашими! Диффузными газами!.. Жить надо, любить надо, природу ощущать надо, а не ковыряться в ней...»

Будет ли спокойна совесть у Вайнгартена, решившего променять свое открытие на внезапно возникшую перспективу незакатной административной карьеры? Будет ли она спокойна у человека, который, приняв свое решение, кричит в истерике:

«Двадцатый век — это расчет и никаких эмоций. Гордость, честь, потомки — все это дворянский лепет. Атос, Портос и Арамис. Я так не могу. Я так не умею, мать вашу в колокольчики! Проблема ценностей? Пожалуйста. Самое ценное, что есть в мире, это моя личность, моя семья, мои друзья. Остальное пусть все катится к чертовой матери!.. Ничего себе выбор! Или тебя раздавят в лепешку, или тебе дадут новенький институт, из-за которого два членкора уже друг друга до смерти загрызли! Ты с этим своим научным любопытством всю жизнь можешь просидеть в лабораториях, колбы перетирать. Институт — это тебе не чечевичная похлебка! Я там заложу десять идей, двадцать... Сила солому ломит! Давай не будем плевать против ветра, когда на тебя прет тяжелый танк, а у тебя, кроме башки на плечах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить...»

Фантастика... Обостренное до предела видение мира, катализатор, прием, позволяющий вскрыть глубинные процессы человеческой психологии, человеческого «Я»... А в принципе — психологический, острый детектив, но который, тем не менее, позволяет исследовать истоки творчества, научного подвига, истоки человеческого возвышения и бессмертия, истоки трусости и капитулянтства, истоки слабости и силы человеческого духа...

Не есть ли это в конечном итоге та история, которую все-таки следует рассказать?

Вообще же, те, кто смотрел фильм «Дни затмения», могут со мной согласиться: многие из возможностей, предоставленных

АБС в повести и в вариантах сценария, не были использованы. Фильм мог бы получиться более зрелищным и напряженным. Хотя... может быть, в этом и состояла задумка кинорежиссера: сделать его обыденным и ненасыщенным?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди еще по-прежнему много интересного: пролог о гибели Тристана на Саракше («Жук в муравейнике»), мнение самого Той-во Глумова о Максиме Каммерере («Волны гасят ветер»), отрывки из неизвестных и так и ненаписанных произведений («Повесть о Горбовском», исторический роман) и многое, многое другое.

Я по-прежнему завидую Вам, Читатель!

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА С АНС 26 августа 1990 г.

Аркадий Натанович Стругацкий
Светлана Бондаренко
Игорь Евсеев
Вадим Казаков
Сергей Лифанов
Юрий Флейшман
Михаил Шавшин

<...>

Ю. Ф.: Допустили ли вы ошибку, или это было сознательно? Вы же вывели себя в «Экспедиции в преисподнюю». Я могу это доказать. Толчком к этому делу послужил вот этот рисунок Стерлиговой. [*Показывает иллюстрацию к ЭВП из «Уральского следопыта»*.]

А. Н.: Ага...

Ю. Ф.: Вот. Это, естественно, Гансовский. Это Булычев. Но, когда узнавал всех, я себе задал вопрос: это случайно получилось? Стерлигова, так сказать, нарисовала то, что ей хочется, или она отразила реально существующие тенденции? И оказалось, что вы все-таки себя вывели. Если помните, в третьей части, когда идет заседание Мирового Совета...

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: ...вот этой комиссии по чрезвычайным происшествиям: «У нас есть шизофреники, Магда?» — «Да, у нас есть ши-

зофреники, Петр. Они нетипичны так же, как ваши нетипичные ученики». Это во-первых. «Ваши», значит, Председатель Совета — педагог. Это раз.

А. Н.: Вам быть учениками Мирера.

Ю. Ф.: Сейчас. Разрешите, я еще два тезиса скажу, на которых я основывался. Второе: когда задают слово «Итай-Итай», председатель говорит: «На старояпонском — это обозначает "доктор Айболит"». А то, что вы занимаетесь старояпонским, это ясно всем. И третье: «У меня есть правнук, которого зовут Тошка»... А Борис Натанович мне сказал, что Антон — это было ваше в шестидесятые годы любимое имя. Отсюда я сделал вывод...

А. Н.: Кто это сказал? Борис Натанович?

Ю. Ф.: Борис Натанович сказал, что Антон — это...

А. Н.: Это он... э-э-э... преувеличил. Дело в том, что, когда мы писали «Попытку к бегству», я предложил имя «Антон». У меня вообще туго с именами, все время попадаются «Петр», «Сергей»...

М. Ш.: А Румата тоже Антон был.

А. Н.: А это было практически неизвестно.

Ю. Ф.: На основании этого мы сделали вывод...

А. Н.: Нет, ни в коем случае не делайте таких выводов. Вы как Мирер, я повторяю. Вы Мирера знаете?

В. К., Ю. Ф.: Конечно.

А. Н.: Он до того докопал «Мастера и Маргариту»... Даже собирался недавно писать целую книгу «Нож в "Мастере и Маргарите"». Вот как он копает. Где нож есть в наличии... Вы помните там: как убийца, любовь выскочила с финкой, и так далее, и так далее. И там, где, по его мнению, якобы нож подразумевается... И так далее.

В. К.: Ну, частично он это провел...

А. Н.: Нет, я ничего не имею против таких поисков. В конце концов, это очень полезные логические упражнения. Тем более на живом материале. И тем более без вреда для живого материала. Но... это слишком далеко идущие, так сказать...

Ю. Ф.: Вот этот человек (*показывает на В. К.*) так же докопался с «Отягощенными Злом».

В. К.: Ну, это довольно экзотическая вещь...

А. Н.: А что там такое?

Ю. Ф.: Ну, он много чего там обнаружил. Потом мы эти тезисы говорили Борису Натановичу, а Борис Натанович, когда ознакомился, сказал такую фразу: «Мы этого не планировали, но если вещь вытекает из текста, она имеет право на существование». Ну, Вадик, скажи...

А. Н.: Это идея вытекает?

Ю. Ф.: Идея или какой-то вывод вытекает. Вот он нашел там с 33-м годом, например... Аллюзии с 33-м годом. 33-й год — Иешуа, Иисус; 633 — ислам...

В. К.: Йемамские все эти события...

Ю. Ф.: 1933 — Шикльгрубер... И 2033 — это этот самый Та́шлинск.

А. Н.: Ташли́нск.

С. Б.: Аркадий Натанович! А вы знаете, как интересно копаться, находить что-то...

А. Н.: Да нет, что вы, я это отлично знаю, я же все-таки филолог.

В. К.: Тут как раз собралась именно публика, которая любит копаться.

Ю. Ф.: Да. Очень причем.

А. Н.: Я вот, например, когда переводил рыцарский роман японский, «Ёсицунэ»... Я там сделал несколько открытий, чем очень горжусь. Причем — маленькие открытия, но все-таки я японское ёсицуноведение... кое-где обогнал.

В. К.: Аркадий Натанович! А вы что-то переводили со старояпонского после «Ёсицунэ»?

А. Н.: Нет. Я хотел «Гэндзи моногатари» переводить, но сначала, значит, по известным причинам со мной разговаривать не хотели, потом я взял этот «Ёсицунэ», ничего не поделаешь. А пока, значит, я возился с «Ёсицунэ», «Гэндзи моногатари» передали какой-то третьестепенной переводчице.

В. К.: Это вот тот самый перевод... Вы тогда говорили, лет пять назад, что этот перевод вообще не с японского, а с английского.

А. Н.: Да. Это тем более плохо, потому что у нас ведь в России школа перевода лучшая в мире. А англичане, скажем, фран-

цузы... как я знаю, особенно американцы — они не столько переводят, сколько пересказывают. Работают над фразами. И если по-английски он затрудняется перевести, так сказать, точь-в-точь, а это часто бывает с экзотическими языками... он просто ломится...

В. К.: Приближенно передает текст.

А. Н.: Чтобы читателю было интересно и понятно. Тогда читателей будет больше, и это тоже, конечно, имеет смысл. Больше чем, так сказать, у классики. Вот у нас, смотрите, сколько существует переводов Шекспира! Один другого красивее, один другого лучше, один другого прекраснее. А возьмите, например, переводы Шекспира на немецкий или на французский...

В. К.: Кстати, совсем не так давно я как раз сталкивался с Шекспиром применительно к стругацковедению. Когда мы искали в «Дне затмения»... Там Глухов у вас воспроизводит цитатку, как потом мы выяснили... Ну, «зима тревоги нашей позади» и так далее.

А. Н.: Ребятки! Так ведь это же... А, ну, вы просто моложе... В мое-то время и во время Бориса Натановича эта «Зима тревоги нашей», эта стейнбековская вещь, она была у всех на зубах.

В. К.: Так вот я-то ее и вычислил по Стейнбеку.

А. Н.: Ну, а ее не нужно было вычислять по нашим-то расчетам, потому что мы думали, что вы тоже Стейнбека читали.

В. К.: Вот из всех присутствующих у единственного, у кого Стейнбек оказался, только поэтому и вычислил.

А. Н.: Нет, вы много не потеряли, конечно. Он с философской точки зрения писатель, так сказать, второго класса по сравнению с классиками Америки. Но у нас он просто у всех на зубах навяз. Тогда очень мало издавали иностранную литературу. Так, старье. И он оказался одним из первых переводов...

В. К.: Аркадий Натанович! Такой вопрос применительно к переводам. Тут у нас возникли некоторые сомнения с атрибутацией. Дело в чем: есть три текста, под которыми не стоит ваша подпись, но, тем не менее, мы очень подозреваем, что писали вы. Значит, первое — перевод Джекобса «Старые капитаны»...

А. Н.: Да.

В. К.: В «Мире приключений». Там есть предисловие. Ваше?

А. Н.: Да.

В. К.: Так. Второе — Акутагава, 70-й год издания, «В стране водяных». На клапанах суперобложки...

А. Н.: Это вряд ли. Может быть, там взяты выдержки из предисловия моего...

В. К.: Нет-нет. Предисловие у вас — 74-й, а это еще за четыре года до того. Или, может быть, уже был... Может, были уже какие-то разработки... Вот. И третье — это гребневская книга в рамочке. Там, где от редакции идет вводка. «Пропавшее сокровище», «Мир иной».

А. Н.: Понятно.

В. К.: Тоже ваша?

А. Н.: Ну конечно. Некому же больше было. Покойного Исаака Марковича Касселя, который фантастикой вместе со мной занимался, разве что оглоблей можно было загнать на какую-нибудь работу.

В. К.: То есть такие вещи пишет, как правило, ответственный редактор? То есть, если вы были ответственным редактором...

А. Н.: Это может кто угодно написать. Можно заказать и так далее, но какому фантасту в те времена можно было заказать?

В. К.: Понятно. То есть мы смело можем включать это в библиографию.

Ю. Ф.: Это речь идет о библиографии. Потому что у нас сейчас библиография творчества Стругацких подходит к 1300 позициям, и мы попытаемся издать небольшим тиражом первую и вторую части, то есть список художественных произведений и список статей, интервью, выступлений. Во второй части у нас есть несколько белых пятен... И такой вот вопрос, если можно. Вы работали в «Детской литературе», редактировали серию «Библиотеки приключений и научной фантастики» и некоторые книги... Мы знаем: Гребнев. Мы знаем: «Шаги в неизвестное»...

В. К.: «Экипаж Меконга». «В стране дремучих трав»...

А. Н.: Вот это я не помню, чтобы я...

В. К.: Кассель первое редактировал, а вы — второе.

Ю. Ф.: Вы там стоите.

А. Н.: А, это просто Кассель уже не работал тогда, а нужно было поставить.

Ю. Ф.: Девятый «Мир приключений»...

А. Н.: Так что «В стране дремучих трав» брагинскую... Это вы из меня... Я не являюсь редактором.

Ю. Ф.: Так там написано.

А. Н.: Это ничего не значит. Я же говорю: она была один к одному сделана с...

В. К.: Она не отличается практически ничем.

А. Н.: Мне даже раскрывать ее не пришлось, потому что расклейка была просто в типографии. И все. Но! Гораздо важнее для начальства было... Если была бы подпись Касселя, а начальство бы заглянуло, а Кассель уже два года не работает в издательстве. Могли быть неприятности.

Ю. Ф.: Понятно. А еще вы не помните, что вы редактировали?

А. Н.: Вот что я вам могу сказать. Ведь Гребнев... Вы правильно, конечно... Хотя я не знаю, откуда вы это узнали...

В. К., Ю. Ф.: От Бориса Натановича.

А. Н.: От Бориса Натановича... Да, это я ему жаловался в свое время. Дело в том, что когда я поступил в Детгиз, перешел просто из Гослитиздата из восточной редакции переводом. Тогда еще очень строго было, чтобы сохранялся непрерывный стаж. Нужно было добиваться перевода. Не просто уволиться из Гослитиздата и поступить в Детгиз. Надо, значит, перевод из Гослитиздата в Детгиз, приказ начальства, в трудовой книжке и так далее, и так далее. Меня встретили там довольно неприветливо. Но за меня Исаак Маркович Кассель поручился. А паче всего поручился за меня Иван Антонович Ефремов. И старуха наша, Калакуцкая Мария Михайловна, заведующая редакцией, она дала мне в качестве предмета на засыпку совершенно невыполнимое задание для редактора. Наброски Гребнева к «Миру иному». Гребнев в конце своей жизни впал в тяжкий алкоголизм, болел много. А поскольку, как вам, наверное, известно, все-таки он считался классиком фантастики...

В. К.: «Арктания»?

А. Н.: «Арктания». И Детгиз издал еще эту «Арктанию» под другим названием... Я уже не помню...

В. К., Ю. Ф.: «Тайна подводной скалы».

А. Н.: «Тайна подводной скалы». Вот. Поэтому с ним заключили договор. Потом пришла его жена и начала плакать, что двадцать пять процентов проедено и пропито, значит. Ему даже выписали одобрение, хотя он написал несколько страниц. Потом опять его жена пришла и сказала, что они нищенствуют и пропадают. И тогда им выплатили все сто процентов. И тут он умер. И тут появляюсь я. И Калакуцкая говорит: «Вот, отредактируйте». Пачечка — пятьдесят страничек разрозненных...

М. Ш.: Значит, вы заново написали?

А. Н.: Вот это я написал заново.

В. К.: И «Пропавшее сокровище» тоже?

А. Н.: Нет, «Пропавшее сокровище» — это он раньше написал. Оно про библиотеку Ивана Грозного, да?

С. Л.: Да. В одной книжке выпущено.

А. Н.: Она была задолго до того опубликована. Это очень удачная и интересная вещь, мне показалось. Она была опубликована в одном из первых выпусков «Мира приключений». А потом получилась еще одна вещь... Простите, я пройду туда... (*Идет к книжному шкафу, достает книгу.*) Ах, вот... Эту книгу знает кто-нибудь?

В. К.: Чижевский.

Ю. Ф.: Знаем.

И. Е.: Читали в детстве.

<...>

А. Н.: ...начинается направление. Под это дело заключили с ним договор, с Чижевским. Рисунки его тоже здесь очень неплохие. А писать он отказался. И мне опять пришлось половину этой книги дописывать. Вот еще один случай, когда я принимал активное участие в чужих делах. А что касается «Экипажа Меконга»... Это история гораздо интересней. Ну что, скажем, написать книгу, такую простодушную, как «Мир иной», или такую научпоповскую вещь, как «В дебрях времени». Войскунский и Лукодьянов, бакинцы замечательные, прислали в Детгиз свой «Экипаж Меконга». Ну, а психология редактора совершенно однозначна в отношении толстых рукописей. Если рукопись неохватна, значит, заведомо, почти наверняка,— это

халтура или... э-э-э... графоманство. Лев Николаевич Толстой не имел бы на свою «Войну и мир» никаких шансов сейчас. (Смех.) Если бы не удостоился, например, что его прочитает, скажем, Солженицын или даст свой отзыв Гроссман... А эта рукопись провалялась года два уже. И в один прекрасный день вызывает меня заведующая, я уже был там персона весьма и весьма грата, и говорит: «Вот здесь рукопись валяется у нас уже два года, нужно написать разгромную рецензию и отослать обратно. Чего она тут валяется?»

М. Ш.: Заранее установка была.

А. Н.: А Калакуцкая дружила очень с некой Морозовой, которая была директором Дома детской книги, и подкармливала ее рецензиями этими. Это есть способ подкармливания, неприличный, отвратительный... Я вас вызываю к себе, например, и: «Слушай,— говорю,— у тебя, я слышал, неприятности, на квартиру тебе не хватает. Ну, давай, я тебе дам несколько десятков рукописей. Пиши быстренько рецензии, отрицательные, так, чтоб мы имели право отослать их обратно. Ну, и получишь там, естественно, тысячу». Была такая практика, и есть она, конечно. Хотя сейчас в кооперативных издательствах ничего подобного быть не может, потому что кооперативные издатели не станут тратить деньги на отрицательные рецензии. И она говорит: «Вот нужно сделать такое дело». Ну, ладно. Что еще остается? Есть такой первый редакторский прием чтения — читать наискосок, читать через страницу. Второй, который воспитывает очень хорошего редактора,— это читать все подряд. Я потерял все навыки быстрого чтения, пока работал шесть лет редактором. Три года внутри. Пока в Гослитиздате работал, потом в Детгизе, я потерял навыки быстрого чтения. Да, и сел я... А это было, наверное, часа за два до конца рабочего дня. Сел и пропал. Я, значит, читал. Рукопись-то огромная. Не могу оторваться. Схватил ее, перевязал бечевкой — и домой. Сидел, всю ночь читал. Утром прихожу... «Я прочитал эту рукопись». И Марья Михайловна говорит: «Ну и что? Отправляем?» А я говорю: «Нет, никуда не отправляем, эту рукопись нужно издавать и немедленно».— «Как так?» — «Да вот так». Ну, получился небольшой скандальчик, потому что на редакцию... Там на

редакцию у нас распределялись бумажные объемы. Естественно, значит, пионерская литература получала больше всего. Дошкольная литература получала меньше, чем пионерская, но все-таки тоже много. Потом историческая литература. А мы уж совсем получали мало. Ну, я взял грех на душу. Выкинул несколько переизданий фантастики. И мне удалось ее просунуть к директору и к главному редактору. Они, ошеломленные таким натиском, дали добро... Вот так вы и прочитали «Экипаж Меконга». Так он и вышел...

В. К.: Аркадий Натанович! Насколько верны слухи, что вы редактировали какую-то книгу Казанцева?

А. Н.: Пробовал. «Дети Марса».

С. Л.: «Внуки Марса»?

А. Н.: Да, «Внуки Марса». Значит, получил я рукопись. Вызывает меня заведующая редакцией, Казанцев сидит, надутый, как клоп. (Смех.) Поздоровались. «Вот, Александр Петрович принес свою новую рукопись. Называется "Внуки Марса"».— «Ну,— я говорю,— страшно рад. (Смех.) Страшно горд». Вот вы хохочете. Вам хорошо, ребятушки, смеяться, а тогда же Казанцев был, так сказать, вождем фантастики нашей, бог и царь. Папа Римский... Ну, взял я... Язык, вы сами понимаете... Идея — черт с ней, в конце концов. Правда, она содрана. Я читал интересный очень роман, в 20-х годах был, «Последний рейс Лунного Колумба». Там, где исходной идеей является происхождение людей от селенитов... Я уже не помню. Так что на идею я особого внимания не обращал. Но уж очень плохо было написано... И я так аккуратно карандашиком поверх стал писать свой вариант. Тут как раз полетел Гагарин... Я написал Казанцеву, что я первую главу отредактировал, надо бы показать, согласны ли встретиться. «Ну, приезжайте». Я поехал туда. Гремела музыка. Там где-то Гагарин с Хрущевым пьянствовал. А я, значит, пришел к Казанцеву. Он сидит на телефоне и диктует на тему: «О чем еще мечтать фантастам?» Или: «Что еще осталось фантастического?»

С. Б.: Мечтать больше не о чем.

В. К.: Это «Советская культура». Была эта подборочка как раз.

А. Н.: Да. Он увидал, значит, мою карандашную вязь: «Нет,— он говорит,— я ни одного слова не приемлю. Извольте стереть и сдавать в производство». Я говорю: «А вам не кажется, что, вот...» Он: «Нет, мне кажется, что я сказал лучше, чем вы написали...» Я поехал к заведующей и говорю: «Вот, так и так. Казанцев требует, чтоб пустили в производство безо всякой редактуры».— «Старый дурак! — сказала Калакуцкая.— Ну, и сдавайте, Аркадий Натанович, пусть он сам за себя отвечает хоть раз в жизни». Вот так оно и пошло.

В. К.: То есть оно вообще пошло без ответственного редактора?

А. Н.: Да, безо всякого. Ну, а числюсь там я, по-моему.

Ю. Ф.: Все-таки числитесь, да?

А. Н.: Я уже не помню, чем это закончилось.

В. К.: Аркадий Натанович! Слышали мы, что вы очень короткий период, где-то в начале 70-х еще, занимались редакторской работой где-то. Профессионально. В Худлите, по-моему.

Ю. Ф.: Аркадий Натанович, извините, я еще дополню вопрос. Дело в том, что детлитовская ваша работа более-менее известна, а вот нам не совсем известен вопрос с литиздатовской вашей работой после армии и работа в Худлите, когда вот эта история была с «Неназначенными встречами». То есть не могли бы вы немножко более подробно рассказать и, если можно, какие-нибудь книги вспомнить, что вы редактировали. Потому что мы не можем найти эти книги и восточные...

В. К.: Кроме Акутагавы и Ихары Сайкаку...

Ю. Ф.: ...которые вы редактировали в то время... после 53-го года и в начале 70-х.

А. Н.: Ой, ребята, вспоминать — это... мучительно.

Ю. Ф.: Жалко, конечно. Потому что мы несколько знакомы с историей с «Неназначенными встречами» и знаем, что вам пришлось пойти работать тогда из-за этого, потому что вас не печатали в то время.

А. Н.: Да? Это вы путаете насчет 70-х годов, что тогда я занимался редакционной работой. Я как раз тогда занимался переводом и аннотированием японских патентов электроматериалов.

Ю. Ф.: Когда мы брали у Бориса Натановича интервью, то зашла речь об этом вопросе, и он сказал так: «Я помню эту ситуацию, когда у нас оставалось на сберкнижке сто рублей, и мне пришлось продать коллекцию марок, а у Аркадия Натановича коллекции марок не было, и ему пришлось поступить на работу».

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: И мы решили, что вы поступили именно в «Художественную литературу».

А. Н.: Нет. Я поступил в институт, вернее, филиал загородный... филиал института...

В. К.: Это не электроугольных изделий?

А. Н.: Вот-вот-вот. Электроугольных изделий.

Ю. Ф.: Так, значит, в редакции вы работали два раза — в Гослитиздате и в Детлите?

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: А потом уже стали профессиональным писателем и больше не...

А. Н.: Ну, когда в 64-м году приняли в Союз Писателей,— можно было, чтоб участковый не привязывался.

В. К.: Аркадий Натанович! Тут зашла речь о «Неназначенных встречах»... Мы с благословения Бориса Натановича... получили материалы по этому делу. Мы сейчас готовим в «АБС-панораме» со следующего выпуска подборочку наиболее ударных документов, связанных с перепиской Стругацких с Медведевым. Вот у меня два вопроса по этому поводу. Там есть два документа, очень принципиальных, которыми мы не располагаем. Вернее, даже три. Первое — это рецензия Казанцева на «Пикник на обочине». Борис Натанович говорил, что она утеряна. Но, может быть, как-нибудь...

А. Н.: А когда вы с Борисом Натановичем по этому поводу говорили?

В. К.: По этому поводу мы говорили в начале года.

А. Н.: А вы знаете что? Вы обратитесь к нему опять. Он, конечно, забыл, о чем вы говорили. Дело в том, что какой-то пакет этих документов я передал Борису Натановичу не то в апреле, не то в мае.

Ю. Ф.: И еще. Дело в том, что в свое время он мне дал часть для копирования, которая была у него. Потом он съездил в Москву, забрал материалы, которые... Переписку вашу, которая шла на ваше имя, и документы, которые шли на ваше имя. Потому что в Москве, он сказал, вы в основном занимались с Медведевым...

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: Так что, еще что-то было?

А. Н.: Нет.

В. К.: Значит, это то же самое.

А. Н.: Нет, просто каким-то образом, не помню уже сейчас... Каким-то образом разделились папки с этой перепиской. Не то Борис Натанович счел, что тяжело ему везти. Или он здесь их просмотрел и сказал, что пока отложим и начнем... Мы эти папки для чего ведь собирали? Мы хотели написать что-то вроде автобиографической, так сказать, повести. Наши приключения в мире литературы. Ну, это, конечно, идея дурацкая, и мы ее оставили... Но, во всяком случае, одна папка, по-видимому, осталась непросмотренной, и я ее отдал Борису Натановичу не то в апреле, не то в мае.

В. К.: Понятно. Так вот, Аркадий Натанович, я продолжаю. Это первый документ. Второй документ — это стенограмма широко известного заседания по поводу Медведева 28 ноября...

Ю. Ф.: Разгром, когда вскрыли историю с Фабищенко...

А. Н.: Да-да.

В. К.: С Железновым...

Ю. Ф.: ...историю с Железновым и рецензией товарища этого... так сказать, инородческие...

В. К.: Ну, эти маргиналии...

Ю. Ф.: Да, эти, медведевские. Вот эту стенограмму, где-нибудь ее можно достать?

А. Н.: Вот этого я не знаю. То есть она несомненно есть, но дадут ли вам ее?

В. К.: В том-то и дело. Потому что мне называли несколько человек. Там фигурировал покойный Подольный. Но мы не успели к нему.

А. Н.: При чем здесь Подольный?

В. К.: Ну, потому что говорили, что у него это было.

А. Н.: Ах, нет. Есть официальная стенограмма. Должна быть в архивах Союза Писателей.

Ю. Ф.: Ну, я думаю, что они для нас закрыты. Поэтому мы искали у людей...

А. Н.: Да... Ну, может, тогда сгоряча кое-кто и вел стенограмму просто сам...

В. К.: Мне Беркову еще называли.

А. Н.: Вот, Беркову. Но... Беркова сейчас мало котируется, и она вряд ли сейчас... Если б лет пять назад, я бы из нее выжал эту стенограмму.

В. К.: Нам Александр Исаакович то же самое сказал.

А. Н.: А сейчас она там по вольному найму работает.

В. К.: Понятно. И третье. Вот по этому поводу Борис Натанович сказал, что у вас определенно должно быть и, в общем, предложил нам именно к вам обращаться. Это постановление или заключение, не знаю, как оно там называлось, коллегии Госкомиздата от 83-го года, то самое, знаменитое, по поводу сосредоточения фантастики в трех издательствах, где давалась разгромная оценка «Неназначенным встречам», в частности, «Пикника на обочине»...

Ю. Ф.: ...как худшего произведения, изданного в последние годы «Молодой гвардией», а лучшее — это Щербаков, Казанцев...

В. К.: Ну, мы всё это в пересказе Щербакова и Казанцева знаем, а подлинника, так сказать, мы никогда, естественно, не видели.

А. Н.: Да... Может, оно... Может, я его засунул в ту папку, которую я Борису Натановичу...

Ю. Ф.: Нет, ее там нет. Потому что я просматривал ее. Эту папку.

А. Н.: Я спрашиваю: когда вы ее просматривали?

Ю. Ф.: Ну, когда он приехал, он мне ее дал.

А. Н.: Когда?!

Ю. Ф.: В начале года.

А. Н.: А я вам говорю, что еще одну папку я отдал Борису Натановичу...

Ю. Ф.: Хорошо. Выяснили этот вопрос. Аркадий Натанович, тогда вопрос. Если, конечно, он вам не неприятен. Борис Натанович нам всю эту историю рассказал... Но хотелось бы и с вашей стороны... Вот, Медведев. Фигура, конечно, соответствующая. Возникло это еще с 67-го года, с этого идиотского интервью, или раньше? Или во время этих «Неназначенных встреч»? Этот вот хвост оттуда тянется или это события последних лет? Почему вдруг он? Если можно, расскажите об этом.

А. Н.: Значит, Медведев... Это система такая была. «Молодая гвардия» была одним из самых лучших издательств в Советском Союзе. Квалифицированнейшие работники. Квалифицированный редактор. Квалифицированная заведующая. Ну, были отдельные прохвосты, но их было мало.

М. Ш.: Это когда еще Жемайтис был?

Ю. Ф.: Жемайтис, Клюева?

А. Н.: Да-да. Жемайтис, Клюева... Я познакомился с этой редакцией в 61–62-м году. Тогда еще была хорошая обстановка в «Молодой гвардии». Я тогда познакомился через них и с редакторами других редакций: «Жизнь замечательных людей», молодежной редакцией. И это всегда в ЦК ВЛКСМ вызывало страшное раздражение. Потому что эти вонючие инструктаришки, которые наполняли ЦК ВЛКСМ... Ну, из этих, которые, значит, до десятого класса были комсоргами, тащились с «тройки» на «пятерку». Потом их сразу же брали в райком комсомола. Потом путем естественного отбора они переходили в горком комсомола, а там путем естественного отбора они, значит, уже поднимались до...

М. Ш.: Выходили в люди, которые ничего не умели делать.

А. Н.: Ничего не умели делать, но которые все время очень хотели кушать. А даже в ЦК ВЛКСМ у инструкторов, насколько я помню, было всего девяносто рублей зарплаты. Тогда как у редактора «Молодой гвардии» зарплата была сто пятьдесят, а то и двести. И началось давление на редакторов, из которых там было в достаточном количестве и беспартийных. Что якобы «Молодая гвардия» не выполняет своих функций. И начали вытеснять понемножечку их и замещать этими самыми господами.

М. Ш.: Это, видимо, повсеместно было, не только в «Молодой гвардии»?

А. Н.: Я рассказываю только о «Молодой гвардии». Нет, повсеместно этого не было, вообще-то говоря. В Госкомиздате этого не было.

М. Ш.: Ах да, это ЦК ВЛКСМ...

А. Н.: Да. А Медведев еще раньше пристроился... Я не знаю, работал ли он в ЦК ВЛКСМ, во всяком случае, он был активный комсомольский работник... Он устроился в «Технике — молодежи»... Не знаю, какую роль он играл в разгроме редакции, но во всяком случае его поставили во главе этой редакции фантастики. Да, ходили слухи, что от него хотел Захарченко избавиться, потому что он начал давить на Захарченко — чтобы выжить Захарченко из «Техники — молодежи» и взять всю «Технику — молодежи» себе. И Захарченко его сплавил туда. Ну и все. Остальное известно.

Ю. Ф.: Да, события нам известны, а вот Борис Натанович сказал, что он долго думал над тем, почему Медведев так долбал «Пикник на обочине», и он пришел к выводу, что это не тупость... а просто способ мышления такой. То есть он искренне считал, что так писать, как пишут Стругацкие, нельзя, а можно писать, как пишут Казанцев, Щербаков и так далее и тому подобное.

М. Ш.: Нет. Это защитная реакция.

А. Н.: Нет, я не исключаю такого.

Ю. Ф.: Почему он к вам прицепился так?

А. Н.: Почему — «к нам»? Он прицепился ко многим. Савченко плюнул Медведеву в рожу, забрал рукопись и ушел. Они хотели Кира Булычева приспособить к себе. Кир Булычев сказал: «Атанде!», тоже забрал рукопись и ушел. Так что это не только мы...

Ю. Ф.: Тогда вопрос наоборот: а почему вы все-таки восемь лет потратили на то, чтобы это пробить?

А. Н.: Назовите мне издательство в Москве, где можно было еще издать «Пикник».

Ю. Ф.: Нет, я понимаю...

А. Н.: Ну, вот и все. Кроме того мы сохраняли какие-то иллюзии. Мы же привыкли к благожелательному отношению со

стороны этой редакции. Мы были, пожалуй, уже и старейшими, если не считать Ефремова, авторами этой редакции.

В. К.: Аркадий Натанович, такой вопрос. Это, собственно, нам для разработки по истории с «Неназначенными встречами». Речь идет о так называемом «письме Стругацких» в 76-м году перед очередным писательским съездом, где была потом эта разбираловка с госбезопасностью.

А. Н.: А-а... Это была очень смешная история. А что, Борис Натанович рассказал вам?

В. К.: Борис Натанович нам вкратце рассказывал, но поскольку непосредственно на вас выходили с этим делом...

А. Н.: Пошел я раз к Гише Гуревичу. Сказал Елене Ильиничне, моей супруге, что, значит, я буду у Гиши Гуревича, и если я ей понадоблюсь, пусть звонит. Ну, сидим, выпиваем, закусываем. Вдруг — звонок. Вот и говорят мне, так и так, дескать, звонили только что из «Комсомольской правды», сказали, чтоб немедленно позвонил вот по такому-то телефону. Говорят, очень серьезное дело. Ну, ладно — я позвонил. Звоню, отвечает женский голосок очень встревоженный: «Аркадий Натанович, не можете ли вы приехать немедленно в «Комсомольскую правду»?» Я говорю: «Что? Очень срочное дело?», потому что я слегка был под газами. «Да,— говорит,— это очень срочное и серьезное дело. И может иметь очень серьезные для вас последствия»... Да! Надо вам сказать, что, по-моему, на следующий день съезд писателей должен был быть... Я туда поехал. Сидит, значит, компания: две девочки, два мальчика. И они протягивают мне бумагу, написанную от нашего имени. Странно, что меня больше всего возмутило то, что нашими именами подписано совершенно невозможное стилистически и изобилующее орфографическими ошибками...

С. Л.: Даже так?

А. Н.: Да! Это ребята из отдела почты «Комсомольской правды».

С. Л.: Это в «Комсомолку» пришло?

А. Н.: Да. Ну, а там написано еще: копия в «Правду», копия в ЦК, копия в Союз Писателей, копия еще куда-то. Я говорю: «А можно это взять, снять копию?» — «Нет, к сожалению нель-

зя. Мы же за то... что мы вам показали — это уже является преступлением». И кстати, они были правы. Через неделю их поувольняли всех. Именно из-за этого дела. Ну, тем не менее я пошел к знающим людям. В данном случае знающим человеком была Беркова Нина Матвеевна. Она подала хороший совет: «Немедленно напиши два письма. Одно письмо в Союз Писателей, в Президиум съезда, а другое письмо в КГБ». Я так и сделал, поехал в Союз Писателей. Там Верченко заседал, меня там не пускали. Я наорал на секретутку, стерва поганая. Вот, подбирают же там кадры!

С. Л.: Умеют.

А. Н.: Да. И она, оскорбленная, побежала, вызвала Верченко. Я Верченко дал эту бумагу и говорю: прочтите, мол. Он прочел, вытаращил глаза. А написал я вот что: меня мало задевают эти дела. Но вот интересно, что здесь же фактически наши подписи, так? Подписи наши. А во-вторых, значит, съезд завтра, и вы здесь впопыхах возьмете да и исключите меня... нас из Союза Писателей. И возможны провокации всяческие. Тут предмет такой... Он сказал: «Правильно, правильно, спасибо, что это сделали очень своевременно... Пока еще мы не получили эту копию. А, может, уже и получили, но сейчас не до этого. Значит, вперед будем знать». Ну и прекрасно. Ну, как вы знаете, на съезде ничего ни слова об этом не говорилось, и никто не обратил внимания. А я поехал в приемную ГБ. Приехал в приемную ГБ, мне там толстый прапорщик какой-то говорит: «А вы опустите ваше письмо...»

С. Л.: В долгий ящик.

А. Н.: В дубовый сундук. «Хорошо,— сказал я,— товарищ прапорщик, но имейте в виду, что если случится несчастье, вы будете отвечать».— «А,— говорит,— тогда другое дело». (Смех.) Углубился в какой-то коридор, поманил меня пальцем — зайдите. Сидит какой-то хмырь... Как это у Яна сказано: «С физиономией, забывшей улыбку». Я ему подал эту бумагу, он прочитал и спросил лениво: «Чего же вы хотите?» — «Как, чего я хочу? Вы кто? Вы — государственная безопасность, то есть вы охраняете и нас тоже. Так ведь?» — «Ну, так».— «Ну,— я говорю,— храните. Вот выясните, кто это сделал».— «Это ваша подпись?»

Я говорю: «Подписи наши, а письмо писали не мы».— «Ну, ладно, оставьте. Разберемся». С тем я и удалился. Я уже и забыл об этой истории, но тут, значит, приходят двое молодцов оттуда. Озабоченно меня стали спрашивать... И тут я вспомнил, в чем дело, что мне показалось в этих подписях интересного. Дело в том, что в Москве все договоры подписываю я и за себя, и за Бориса. В Ленинграде — Борис подписывает. А здесь договор подписан, значит, моей рукой — и за Бориса, и за меня. Они, дураки эти самые, не учли этого обстоятельства. Уж такое письмо, конечно, должен был Борис сам подписать. Вот я им вспомнил это дело. «А,— говорят,— это интересно, это интересно. А что, у вас ваша подпись есть?» Я говорю: «Мы заключали шесть или восемь договоров с «Молодой гвардией». На каждом договоре...»

М. Ш.: Все нити ведут в «Молодую гвардию».

А. Н.: Да. Ну, это нетрудно было... Больше некому. Вот так оно примерно и кончилось. Потом мне позвонили и сказали, чтоб я успокоился, все расследовано. Я говорю: «А кто это все-таки сделал?» — «Аркадий Натанович! Вы о чем просили нас? Вы просили нас разобраться. Мы разобрались». (Смех.)

Ю. Ф.: Так и не выяснили потом? Может быть...

А. Н.: Сейчас бы запрос, конечно, интересно послать.

В. К.: Аркадий Натанович, а вы не знаете, куда потом разбежалась вся эта публика из «Молодой гвардии»? Ну, за исключением Медведева, про него мы знаем... Которая непосредственно занималась курированием этого сборника: Авраменко, Синельников...

А. Н.: Синельников... А Синельников, он, собственно говоря, не курировал сборник. Он просто по поручению дирекции «Молодой гвардии» и по поручению ЦК ВЛКСМ защищал интересы. Он же в ЦК тогда был. Защищал интересы «Молодой гвардии». Авраменко — не знаю, куда девалась. Ну, времена еще такие, что даже эта дура еще найдет себе работу. По-моему, она нашла себе пристанище в Госкомитете по печати Российской федерации.

Ю. Ф.: У Полторанина, получается?

А. Н.: А?

В. К.: По-моему, это было до Полторанина.

Ю. Ф.: А-а, это до Полторанина было. Слава богу, я думал, сейчас, в новом...

А. Н.: Да, они тогда все свалились, наши неприятели. И Синельников там, и еще кое-кто.

Ю. Ф.: Аркадий Натанович! Когда мы брали интервью, Борис Натанович рассказал то, что он обычно никогда не рассказывал. Это о деле Хейфеца, о КГБ, его два контакта таких, угрожающих, потому что речь шла о том, что... не собирались ли вы выезжать. У вас подобных контактов с КГБ не было? Таких, которые могли бы представлять угрозу для... ну, я не знаю, как сказать... для жизни... не для жизни, но для...

В. К.: Для нахождения на свободе.

Ю. Ф.: То есть, никогда вас не вызывали на допросы... Потому что его-то вызывали, он подробно об этом рассказал.

А. Н.: Нет. Меня, значит, вызывал на допросы наш дорогой Ильин.

Ю. Ф.: Куратор Московской писательской организации?

А. Н.: Да. Секретарь по оргвопросам. Два раза. Значит, первый раз, когда опубликована была в «Посеве» «Улитка на склоне», а второй раз, когда «Гадкие лебеди». Здорово там...

<...>

С. Б.: И вообще, товарищи, я понимаю, это все очень интересно и нужно, но у человека скоро юбилей, ему нужно вспоминать что-нибудь радостное, а мы...

В. К.: Сейчас мы радостное вспоминаем.

С. Б.: А мы постоянно что-то такое...

В. К.: Ну, почему? У нас сейчас тонус оптимизма будет все повышаться и повышаться.

С. Б.: Можно мне вопрос?

В. К.: Можно.

С. Б.: Аркадий Натанович, какой день рождения вам запомнился как лучший?

А. Н.: Все они худшие.

С. Б.: Ну, хоть какой-нибудь был радостный?

А. Н.: Я очень не люблю этих праздников.

С. Л.: Вообще всех?

А. Н.: Единственный праздник, который мне нравится,— это Новый Год.

С. Б.: Ну, а тогда... первый день рождения, который вы вообще помните. Самый первый.

А. Н.: А-а... Это мне было, значит, двенадцать лет. Я его запомнил вот почему. Отец наш покойный очень любил заниматься спортом, в частности боксом. Была замечательная такая штука — мяч, вроде волейбольного, растянутый... В пол была резинка вделана и в потолок. Ко мне пришла группа — четверо моих одноклассников. И мы начали, значит... И вдруг — о ужас! — одна из резинок пополам перервалась. (Смех.) Они, конечно, смылись, а я остался.

С. Л.: Отвечать.

А. Н.: Да. И тут, значит, было мне... плюходействие устроили. На день рождения.

М. Ш.: Поэтому и запомнилось.

А. Н.: Правда, еще, конечно, пришел папин приятель, какой-то издательский работник, принес мне «Республику ШКИД», роскошное совершенно издание «Барона Мюнхгаузена» и какую-то еще очень интересную, забавную книжку про... журналист какой-то написал... про одно из первых кругосветных путешествий советских моряков в наше время. Такие книжки. И я, утирая сопли и слезы, значит... (Смех.)

Ю. Ф.: Аркадий Натанович! Вот я в своей статье о вас как о переводчике написал, что если б вы не стали профессиональным писателем... Конечно, было бы горе для миллионов читателей...

С. Л.: Для «люденов» особенно.

Ю. Ф.: Да. Что вы стали бы профессиональным переводчиком. А вот сейчас, так сказать, с высоты вашей,... Кем вы себя видели и жалеете ли вы о том, что вы не стали тем, кем вы хотели?

А. Н.: Я совершенно убежден, что я лично (я говорю за себя, а не за Бориса Натановича), кем бы я ни стал, и тот, кем я стал,— не профессионал, а дилетант.

М. Ш.: А кто тогда профессионал?

А. Н.: А это уж не знаю. Пусть каждый за себя говорит.

С. Л.: А что же тогда, по-вашему, профессионал?

А. Н.: Я говорю о своих ощущениях.

М. Ш.: А, ну...

А. Н.: Старик был прав, между прочим. Чем дальше живешь, тем меньше знаешь.

М. Ш.: А можно еще один вопрос? Аркадий Натанович, вы начинали писать в общем-то на взлете оттепели. Ну, судя по хронологии...

А. Н.: Да.

М. Ш.: Если читать первые произведения, там изрядная доля оптимизма, то есть... вы верили в светлое будущее. Глазами очевидца вот сейчас: как вы оцениваете ту ситуацию — могло что-то быть другое или...

А. Н.: Тогда?

М. Ш.: Да.

А. Н.: Дело в том, что, несмотря на то, что очень много статей появляется по этому поводу, я все это очень плохо представляю себе — то, что происходило. Ведь это же на наших глазах все рушилось. Сначала мы были удивлены всеми этими эскападами Хрущева, потом огорчены, а потом начали горько хохотать.

М. Ш.: То есть, система уже была выстроена и другого ничего не могло получиться?

А. Н.: Но некоторое время по инерции мы, конечно, шли стадом. Ну, а потом, значит, по мере того, как постепенно появлялась наша главная тема — ситуация морального выбора,— нас уже, так сказать, эта социология как таковая стала интересовать меньше и меньше. Все больше и больше нам стал интересен человек.

С. Л.: Психология личности, психология перехода от одного этапа к другому?

А. Н.: Да... Как человек на лыжах летит. Перед ним — сосна, одна лыжина туда, а другая сюда. И такая вот ситуация — это и есть интереснее всего.

С. Б.: Аркадий Натанович! Мне кажется, что последние ваши вещи уже не столько относятся к психологии, сколько к философским проблемам. «Отягощенные Злом», «Хромая судь-

ба»... Вы чуть-чуть отошли уже от психологии и уже, так сказать...

А. Н.: Светланочка дорогая! Здесь дело в том, что когда мы говорим о философии, мы очень часто забываем, что такое философия.

С. Л.: В широком смысле.

С. Б.: Проблемы философского плана.

А. Н.: Вот что такое «проблемы философского плана»?

М. Ш.: Это человек и...

А. Н.: Нет, не в этом дело. Самые общие проблемы развития...

С. Б.: Да-да-да...

А. Н.: ...материи, общества и человека.

С. Б.: Да.

А. Н.: Так что говорить, что мы отошли от человека, нельзя.

С. Б.: Нет-нет, не отошли, вы просто уже перешли...

А. Н.: Вот в том-то и дело, что нас интересуют самые общие проблемы нравственности. Даже не вся психология, не любая психология, не вся! А именно нравственная сторона.

С. Л.: То есть даже психология не личности...

А. Н.: Общие закономерности развития...

Ю. Ф.: Развития общества?

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: Психология общественных масс.

А. Н.: Нет, это нас не интересует. Общество можно любое выдумать. Можно выдумать арканарское общество, можно выдумать Ташлинск... Или можно выдумать, понимаете ли, любые причины завязки вроде этого гомеостазиса вонючего из «За миллиард лет до конца света». Не имеет значения. Имеет значение поведение человека.

С. Б.: Ну да, личность.

А. Н.: Каким образом ситуации влияют на нравственность человека. Вот что интересно!

Ю. Ф.: То есть по-прежнему проблема выбора.

А. Н.: По-прежнему проблема выбора. Даже, я бы сказал, больше еще. Все острее и острее проблема выбора.

С. Л.: То есть уже выбор какой-то более конкретный и более жесткий, да?

А. Н.: Да.

С. Л.: Вот именно в плане — две лыжины в разные стороны вокруг одной сосны?

А. Н.: Вот-вот.

Ю. Ф.: Аркадий Натанович, вы сказали «Арканар», я сразу вспомнил. Борис Натанович сказал, что вы придумали Арканар в детстве.

А. Н.: Да. Это от моего имени название.

С. Л.: Ну, да! Это похоже.

А. Н.: Вроде Швамбрании.

Ю. Ф.: Ну, а Румата, например. Это что? Это по-японски что-то обозначает?

А. Н.: Нет. Это действительно японское слово. Это обозначение одного из иероглифических элементов. Часто встречающегося.

В. К.: А какого именно?

А. Н.: Могу нарисовать, пожалуйста.

В. К.: Аркадий Натанович, и заодно, если можно: как точно пишется иероглиф «сандзю»? (Общее оживление.)

А. Н.: Ради бога! «Сандзю» очень просто пишется. Это... (*Пишет.*)

М. Ш.: А Румата?

А. Н.: А «румата» — это вот такой знак. (*Пишет.*) Вот он в древнем написании... Вот это «рука» в нижней части — «мата». Но «мата» не значит «рука», нет. Это потом уже бывший когда-то элемент «рука» обратился в слово «мата» — «опять», «снова» и так далее... Сверху — «ру». Это буква из японской азбуки. Это элемент звуковой. Здесь он читается как «то», а здесь смысловой элемент. Вот, например, если вы сюда прибавите так... (*пишет*) будет слово обозначать «бросать», скажем. Если такое вот, это будет обозначать... (*пишет*) Не знаю, какое-то экзотическое дерево, в Японии которое растет.

Ю. Ф.: А вот имя — «Биг-Баг».

А. Н.: Биг-Баг — это в переводе обозначает «большая шишка», «великий человек». Это американский сленг.

В. К.: Аркадий Натанович, а операция «Белый ферзь» — это, так сказать, чистая придумка или все-таки у вас были какие-то заделы, из которых вы...

А. Н.: Да, это были заделы, мы хотели писать.

Ю. Ф.: Я скажу больше. Поскольку я в свое время брал интервью у Бориса Натановича и задавал ему вопросы насчет того, что среди фэнов циркулируют упорные слухи... И он сказал, что роман продуман и... «Но вряд ли мы его когда-нибудь напишем». Но по опыту нашего изучения ваших интервью мы знаем, что о ненаписанных вещах вы ничего не говорите. Отсюда мы сделали очень такой далеко идущий вывод, что роман у вас написан....

А. Н.: Нет-нет-нет. Он только задуман.

М. Ш.: А жалко.

А. Н.: Ребятушки, нет.

Ю. Ф.: И не напишете вы его?

А. Н.: Вряд ли. Сейчас мы другую думаем...

Ю. Ф.: Этот вопрос был после того, как я Борису Натановичу в течение долгого часа, не отрываясь, пересказывал «Тайну белой субмарины», которую мне удалось прочитать. И он очень заинтересованно... И вот из-за этой заинтересованности я подумал, что все-таки что-то есть.

С. Б.: Аркадий Натанович, вопрос такой. Я знаю, вы не любите говорить, о чем вы пишете. Но скажите, вообще — вы сейчас пишете?

А. Н.: Да. Пишем. А что еще делать? Алкоголем не будет человек заниматься все двадцать четыре часа в сутки.

В. К.: Вы цикл «Полдня» собираетесь продолжать каким-то образом? Или уже...

А. Н.: Не вижу никаких оснований для этого.

В. К.: И «Волны» — это уже эпилог и все?

А. Н.: Да.

<...>

А. Н.: Да, кстати, кто из вас в Ленинград поедет?

Ю. Ф.: Я.

А. Н.: Один?

М. Ш.: Нет, я еще.

Ю. Ф.: Вдвоем. У меня рюкзак. Значит, если вы насчет книг...

А. Н.: Мне вас жалко.

Ю. Ф.: Ничего, сколько дадите, столько и заберем.

А. Н.: Вон они лежат.

Ю. Ф.: Вот эти? И всего-то?

<...>

С. Б.: Аркадий Натанович! А вообще-то, на сколько лет вы себя сейчас чувствуете?

А. Н.: На девяносто.

С. Б.: Нет, я имею в виду не физическое состояние, естественно. А моральное.

А. Н.: А я не знаю, как чувствуют себя морально. У меня уникальный опыт, свой собственный. Другого у меня нет.

С. Б.: Ну, как вы себя чувствуете? Вы молоды душой?

А. Н.: Нет, конечно. Нет. Я и стар, и я устал. Энергии осталось только-только работать. Шестьдесят пять лет — это не шуточки, Светланочка. Поэтому никогда не задавайте таких вопросов людям в таком возрасте.

С. Б.: Извините.

В. К.: Аркадий Натанович! Я понимаю, что вопрос о вашей работе не совсем приличен, но, по крайней мере, что у вас будет опубликовано в ближайшее время? Ведь есть какие-то ближайшие заделы.

С. Л.: Хотя бы в периодике.

В. К.: В условиях нашей безобразной подписки мы хоть какой-то контроль установим.

А. Н.: Ну, в ближайшее... Борис Натанович вам, наверное, говорил,— наша пьеса пойдет.

Ю. Ф.: Это в «Неве», да?

А. Н.: Да.

В. К.: А как называется пьеса?

А. Н.: Хорошо называется — «Жиды города Питера».

Ю. Ф.: И «Нева» рискнула такое название напечатать?

А. Н.: Рискнула.

М. Ш.: Да-а.

Ю. Ф.: Она в одном номере?

А. Н.: Да.

<...>

Ю. Ф.: «Пилигрим» стартовал в 234 году...

А. Н.: Угу.

Ю. Ф.: Если судить прямо, что это 2234 год, то «Малыш» выпадает, потому что все произведения у вас происходят в XXII веке, за исключением «Волны гасят ветер». Мы долго думали, как же нам это обойти, и пришли к выводу, что там у вас почему-то вдруг тот же прием, который вы использовали в «Экспедиции в преисподнюю» — «от Великой революции год 234».

А. Н.: Можно так считать, а можно, вообще-то говоря, вам возразить. Нет доказательств, что все наши произведения, кроме, скажем... начиная с «Жука в муравейнике» и даже, может, «Обитаемого острова», происходят в 22-м веке. Если вас смущает возраст Горбовского...

Ю. Ф.: Нет. Не возраст Горбовского.

Ю. Ф.: Этот самый Славин, когда Кондратьев спрашивает Славина: «Какой год?» — говорит: «2119. Они называют его просто девятнадцатый». Каммерер в 38-м году родился.

С. Л.: В 37-м.

Ю. Ф.: Подкидыши — в 38-м. Майя через три года после Абалкина — в 41-м. Значит, что получается? Майе Глумовой в «Малыше» 20 лет, поскольку Попов говорит: «Кибертехник 20-ти лет от роду, и она — моя ровесница». Значит, получается, что «Малыш» происходит в 61-м году. В 2161.

С. Л.: А «Обитаемый остров» в 57-м.

Ю. Ф.: Значит, если брать, что «Пилигрим» пропал в 234 году от Великой революции, получается 2151 год. Не беря возраст Малыша...

С. Л.: Возраст Малыша надо учитывать...

Ю. Ф.: Не беря возраст Малыша, потому что неизвестно, сколько ему лет. Там есть у вас такая фраза, когда Майка про корабль говорит: «Лет десять-пятнадцать». Если к 2151 году прибавить десять лет, получается как раз 2161 год. Именно тогда, когда происходит действие...

В. К.: «Жук» с «Малышом» монтируются как раз.

Ю. Ф.: Да, дело вот в чем. Я это Борису Натановичу сказал. А он мне сказал: «Мы не ведем строгой хронологии». Я сказал: «Но у вас все сходится год в год». Поэтому надо взять две версии, которые вы запросто всегда отвергаете. Первая версия, что вы — пришельцы из будущего, которые, значит, пишут мемуа-

ры. А вторая версия, что вам помогает (*жест в небо*)... Вот. Потому что, понимаете, Аркадий Натанович, у вас все схо-дится. Все. Абсолютно. За двумя исключениями. Первое исключение — это «Малыш». Борис Натанович сказал, что... «Я посмотрю и, может быть, мы все-таки рискнем это изменить». В смысле, изменим дату. Отчего вдруг появился 234 год? Непонятно.

А. Н.: А я откуда знаю?

Ю. Ф.: Вот. Если б еще 134 год, мы бы как-нибудь это дело натянули. И вторая ошибка...

А. Н.: Ну, здесь может всякое...

М. Ш.: Нет, кстати, на следующей страничке в «Малыше», там, когда они разговаривают, они просто упоминают 34-й год.

С. Л.: 34-й год! Да я по этому...

Ю. Ф.: И потом, когда этот самый Комов разговаривает с Горбовским, там вспоминают Мбогу, вспоминают Странников, вспоминают...

М. Ш.: Островную Империю.

Ю. Ф.: То есть, это все происходит... Тут вы нас не убедите, что это происходит в 23-м веке. Тут мы абсолютно уверены.

А. Н.: Я тогда могу защититься другим приемом.

Ю. Ф.: Так, это уже интересно.

А. Н.: Скажем, где-то в середине всех этих самых событий изменилась хронология. Отсчет времени стал...

С. Л.: А-а, то есть, от какого-то другого определенного события, да?

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: После какого тогда?

А. Н.: Объявили, например... Объявление коммунизма. (Смех.)

С. Л.: Аркадий Натанович, а тогда как быть с «Попыткой к бегству», где Саула нарекается Саулой в юлианский день такой-то.

А. Н.: А это, скажем, было еще до, скажем, или после...

<...>

Ю. Ф.: И вторая нестыковка, которую пока не можем объяснить... Это то, что в «Попытке к бегству», во-первых, существу-

ет нуль-Т, существуют «Призраки», но еще готовятся штурмовать «Слепое Пятно». А в «Радуге» он встречает Пишту, Горбовский, с которым двадцать пять лет назад это Слепое Пятно штурмовал.

М. Ш.: А нуль-Т еще нет.

Ю. Ф.: А нуль-Т еще нет, поскольку проводятся первые опыты. То есть, вот здесь второй, на наш взгляд, грубый прокол, который...

В. К.: На твой взгляд, грубый прокол.

Ю. Ф.: Что?

В. К.: На твой взгляд.

Ю. Ф.: Да, на мой взгляд. Да.

А. Н.: Ха-ха-ха-ха.

И. Е.: Знали бы вы, что все так будет раздуто...

А. Н.: Виноват, виноват, извиняюсь. Но что делать?

Ю. Ф.: Нет, Аркадий Натанович, вы просто скажите нам, в правильном направлении мы ведем эти наши поиски или...

А. Н.: Всякое направление поисков всегда правильно по определению. Поиск всегда правильный.

М. Ш.: Отрицательный результат — тоже результат.

С. Л.: Мы написали, а вы ищите, да?

А. Н.: Да? Нет... Это мы не написали.

Ю. Ф.: Ну, будущее можно составить единое какое-то?

А. Н.: Ну, по идее, у нас будущее единое. Но не с точностью до десятилетий, может быть, даже не с точностью до двадцатилетий...

М. Ш.: Ну, ребята, это уж мы сами определим.

А. Н.: А эти несовпадения... Ну, что делать?

С. Л.: Не для того писалось, да?

А. Н.: Нет, не для этого писалось... Конечно, страшно лестно, что вы читаете эти вещи, изучаете их и т. д. и т. д.

М. Ш.: Мы не просто их читаем.

А. Н.: Но ведь пишем мы не для вас.

Ю. Ф.: А для читателей?

А. Н.: Для читателей, которым совершенно наплевать на эти описания. Он прочел, что там 234-й год и всё, и забыл.

Ю. Ф.: Я тогда опять приведу пример. Казаков обнаружил, что 16–17 июля 2033 года — это суббота-воскресенье, и в ре-

зультате в Ташлинске ни одно присутственное учреждение работать не может. (Смех.)

А. Н.: А откуда, между прочим, он взял, что там будет, скажем, семидневка, а не пятидневка?

В. К.: Юра с точностью до наоборот извращает мою позицию. Дело заключалось в следующем. Это как раз Борис Натанович сказал, что когда речь шла о сценарии по «Отягощенным Злом», то в прометеевском издании 33-й год был заменен на 30-е годы. После чего как раз я доказывал Борису Натановичу, что присутственные места в XXI веке могут работать в субботу и воскресенье. Прошу прощения! Все было наоборот.

Ю. Ф.: В общем... Аркадий Натанович, вот еще один вопрос с хронологией — это Горбовский. Как он попал в XXII век? Ведь он существовал в начале XXI, одновременно с Валей Петровым, одновременно с ребятами, которые уходили с Ляховым... Это не тот Горбовский? Или тот же Горбовский все-таки?

А. Н.: Откуда мы знаем?

С. Л.: Аркадий Натанович, вкратце, в двух словах,— ваше мнение о фильме «Трудно быть богом».

А. Н.: Мне фильм, честно говоря, понравился.

С. Л.: Понравился?

А. Н.: Да. Мало того. По размышлению сейчас он гораздо более глубокий фильм, чем...

С. Л.: Чем кажется с первого раза? Да?

А. Н.: Чем книга.

С. Л.: А, чем книга даже!

Ю. Ф.: Чем книга?

А. Н.: Да.

М. Ш.: Так там же гуманизма ни на грош, по-моему...

А. Н.: Вот, дорогой мой! Там не «гуманизма ни на грош», там... За это время, к моменту действия фильма, гуманизм страшно преобразился. Он перестал быть тем, что мы называем сейчас гуманизмом. Это как раз мне очень нравится там.

С. Л.: Это гуманизм с их точки...

А. Н.: В этом гуманизме нет места ни жалости, ни милосердию, потому что это уже отмерло за ненадобностью.

М. Ш.: Да. Правда, так.

Ю. Ф.: Разве может существовать мир, построенный на таких принципах?

С. Л.: А бог его знает.

А. Н.: Мы же создали мир, по крайней мере в нашем общежитии, в котором нельзя прийти к товарищу и вспороть ему живот.

М. Ш.: Аркадий Натанович, но это же не ваша мысль. Вот эта. В фильме.

А. Н.: Конечно, нет, об этом я и говорю, что Фляйшман это сделал. Но, к сожалению... Но, к моему глупому изумлению, Фляйшман этого не понял сам.

Ю. Ф.: Вопрос: почему все-таки при вашей нелюбви... при ваших, насколько мы знаем, очень тяжелых отношениях с Далем Орловым, что вам зарубил «Бойцового Кота» в свое время...

А. Н.: Да.

Ю. Ф.: ...все-таки сценарий Даля Орлова?

А. Н.: В титрах есть Даль Орлов?!

М. Ш.: Да.

А. Н.: Ничего, вот сейчас пойдет это дело... Мы сразу же подаем в суд. Я их предупреждал, что подам в суд... Ну, ладно.

В. К.: Извините, что мы вам такую новость преподнесли напоследок.

А. Н.: Нет, я же думал... Там эта сволочь копала здорово.

С. Б.: Аркадий Натанович! Последняя просьба, и я думаю, ко мне присоединятся все «людены». Ну, давайте все-таки «Страну багровых туч» опубликуем? (Смех.) Ну, первая, понимаете, самая...

А. Н.: Светланочка! Хотите я встану на голову, а за ноги меня будут держать? Вот, но в эти дела не вмешивайтесь.

С. Б.: Нет, я не говорю, чтоб вы мне сейчас сказали «да», я говорю: мы вас просим.

С. Л.: Оставьте надежду.

А. Н.: Нет. Ни сейчас, ни после мы ее включать не будем.

Ю. Ф.: А есть какие-нибудь еще произведения, которые вы никогда не будете переиздавать?

А. Н.: Ну, пока не видим.

В. К.: И «Повесть о дружбе и недружбе» будет тоже опубликована?

А. Н.: Да, по-моему.

Ю. Ф.: И «Подробности жизни Никиты Воронцова»?

А. Н.: Это нет. Нет.

В. К.: А вы вообще собираетесь раскрывать псевдоним как-то?

А. Н.: А зачем? Кто знает, тот знает.

В. К.: Аркадий Натанович! И еще тут такой мелкий вопрос. Как называлось это заведение в Канске, где вы преподавали? Точно.

А. Н.: Школа военных переводчиков.

В. К.: Понятно. Она под чьей эгидой находилась?

А. Н.: Министерства обороны.

<...>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБС — Аркадий и Борис Стругацкие
АНС (АН) — Аркадий Натанович Стругацкий
БНС (БН) — Борис Натанович Стругацкий
ВГВ — «Волны гасят ветер»
ВНМ — «Второе нашествие марсиан»
ГЛ — «Гадкие лебеди»
ГО — «Град обреченный»
ДР — «Далекая Радуга»
ДСЛ — «Дьявол среди людей»
ЖВМ — «Жук в муравейнике»
ЖГП — «Жиды города Питера»
ЗМЛДКС — «За миллиард лет до конца света»
ОЗ — «Отягощенные злом»
ОО — «Обитаемый остров»
ОУПА — «Дело об убийстве, или Отель "У погибшего альпиниста"»
ПИП — «Парень из преисподней»
ПКБ — «Попытка к бегству»
ПНА — «Путь на Амальтею»
ПНВС — «Понедельник начинается в субботу»
ПНО — «Пикник на обочине»
ПОДИН — «Повесть о дружбе и недружбе»
ПП — «Поиск предназначения»
СБТ — «Страна багровых туч»
СОТ — «Сказка о Тройке»
ТББ — «Трудно быть богом»
УНС — «Улитка на склоне»
ХВВ — «Хищные вещи века»
ХС — «Хромая судьба»
ЭВП — «Экспедиция в преисподнюю»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
Одна встреча и одно прощание (Об Аркадии Натановиче Стругацком и группе «Людены») 5
«Отель “У погибшего альпиниста”» 9
«Малыш» 208
«Пикник на обочине» 291
«Парень из преисподней» 389
«За миллиард лет до конца света» 515
Продолжение следует 606
Приложение 607
Список сокращений 638

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ
От «Отеля...»
до «За миллиард лет...»
Черновики, рукописи, варианты

Составитель Бондаренко Светлана Петровна

Редактор *В. Дьяконов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *С. Шумилин*
Компьютерная верстка *Л. Спичковой*
Технический редактор *А. Кушелев*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер»
83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108а
E-mail: publish@stalker.donetsk.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

вится плоским, серым и неразличимо сливается с серым фоном будней.

- Вы - поэт, господин Сневар, - заметил я еще рассеяннее.

Я смотрел на Кайсу и, при всей всей [illegible] к такого рода похождениям, понимал: Эгута, Пышечка-кубышечка, набивавшая подушечки, выглядела [illegible] обычайно заманчиво - было [illegible]

А как же

Ну вот вы и дома.

- [illegible], - сказал хозяин. - Располагайтесь, отдыхайте, делайте, что хотите. Лыжи, мази, снаряжение - все к вашим услугам, вниау, обращайтесь при необходимости прямо ко мне. Обед в шесть, а если вздумаете перекусить сейчас или освежиться - я имею в виду напитки - обращайтесь к Кайсе. Приветствую вас.

И он ушел.

Кайса все трудилась над постелью, доводя ее до немыслимого совершенства, а я достал сигарету, закурил и подошел к окну. Я был один. Благословенное небо, всеблагий господи, наконец-то я был один! Я знаю - нехорошо так говорить и даже думать, но до чего же в наше время сложно устроиться таким образом, чтобы хоть на неделю, хоть на сутки, хоть на несколько часов остаться в одиночестве! Нет, я люблю своих детей, я люблю свою жену, у меня нет никаких злых чувств к моим родственникам, и большинство моих друзей и знакомых - вполне тактичные и приятные в общении люди. Но когда изо дня в день, из часа в час они непрерывно толкутся около меня, сменяя друг друга, и нет никакой, ни малейшей возможности прекратить эту толчею, отделить себя от всех, запереться, отключиться... Сам я этого не читал, но вот сын утверждает, будто главный бич человека в современном мире - это одиночество и отчужденность. Не знаю, не уверен. Либо все это - поэтические выдумки, либо такой уж я невезучий человек. Во всяком

Правка черновика ОУПА

как развеселившийся шимпанзе.

- Спасен! - бормотал он с идиотской улыбкой. - Ура! Снова живу! Не таюсь, не прячусь! Ура!..

Потом он положил руки на край стола, уставился на меня круглыми глазами и произнес шепотом:

- Но ведь она была мертва, Петер! Клянусь вам! Она была убита, и мало того...

- Ерунда, - сказал я холодно. - Вы были (смертельно) пьяны, [illegible] возлюбленной обняли хладный труп [illegible]

- Нет-нет, - возразил Симона, мотая головой. - Я был пьян, это верно, но тут что-то нечисто, тут что-то не так... Скорее уж это был кошмар, бред. Может быть, я на самом деле немножко того, а, Петер?

- Может быть, - согласился я.

- Не знаю, просто не знаю... Я глаз не сомкнул все это время, то раздевался, то одевался... хотел даже бежать... особенно когда услышал, как вы там ходите и говорите придушенными голосами...

- Где вы находились в это время?

- Я находился... В какое, собственно, время?

- Пока мы говорили придушенными голосами.

- У себя. Я не выходил из номера.

- В какой именно комнате вашего номера вы находились?

- То в одной, то в другой... Честно говоря, пока вы допрашивали Олафа, я пытался подслушивать и сидел в спальне... - Глаза его вдруг снова выкатились. - Постойте-ка, - сказал он. - Но если она жива... тогда из-за чего вся эта суета? Что случилось? Заболел кто-нибудь?

- Отвечайте на мои вопросы, - сказал я. - Что вы делали после того, как я ушел из бильярдной?

Некоторое время он молчал, глядя на меня круглыми глазами

Правка черновика ОУПА

но опишите все ваши действия с того момента, как вы вышли из-за стола и до того момента, когда вы с Олафом удалились в коридор.

- Подробно? - спросило чадо.

- Да, со всеми подробностями.

- Ладно, - согласилось чадо, показав мелкие, острые, до голубизны белые зубы. - Значит, доедаю я десерт. Тут подсаживается ко мне пёзный инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь и насчет немедленного обручения. При этом он то и дело пихает меня в плечо своей лапищей и приговаривает: "А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой..."

Я скушал эту тираду, не моргнув глазом. Надеюсь, лицо у меня было достаточно каменное.

- Тут на мое счастье, - продолжало чадо злорадно, - подплывает Мозесиха и хищно тащит инспектора танцевать. Они пляшут, а я смотрю, и все это похоже на портовый кабак в Гамбурге. Потом он [illegible] Мозесиху повыше спины и [illegible] ру, и это уже похоже на совсем другое заведение в том же Гамбурге. Смотрю я на эту портьеру и [illegible] [illegible] А стало мне инспектора жалко, потому что парень он, в общем, неплохой, просто пить не умеет, а старый Мозес тоже уже хищно поглядывает на ту же портьеру. Тогда я встаю и приглашаю Мозесиху на пляс, причем инспектор рад-радешенек - видно, что за портьерой он протрезвел. [illegible]

- Кто в это время был в зале? - сухо спросил я.

- Все были. Олафа не было, Кайсы не было, а Симона наяривал в бильярд. С горя, что его инспектор отшил.

- Так, продолжайте, - сказал я.

- Ну, пляшу я с Мозесихой, она ко мне хищно прижимается -

Правка черновика ОУПА

~~То ездун решил он заблоать. Почему - не знаю, говорят, поцапался он с самим Чемпионом. Так ли, нет-так ли, но Вельзевул~~ ~~так рванул когти. И нас комчили, кого куда, ему наперехват.~~

Засечь его, взять на мушку и свистнуть Чемпиону... Ну, а в крайнем случае было велено кончить Вельзевула на месте. Вот я его и засек, и тут все мое чистосердечное признание.

- Так, - сказал я. - Ну, а кто у нас здесь в отеле Вельзевул?

- Тут я, как вы правильно сказали, дал маху, шеф. Это вы мне глаза открыли, а я-то грешил на этого фокусника, на барнстокра. Во-первых, вижу - магические штучки, разные фокусы. ~~Вельзевул на них был мастер~~ А во-вторых, подумал: если Вельзевул захочет под кого-нибудь замаскироваться, то под кого? Чтобы без лишнего шума... Ясно - под фокусника!

- Что-то ты тут путаешь, - сказал я. - Фокусы ладно. Но ведь Барнстокр и Мозес - это небо и земля. Один - тощий, длинный, другой - толстый, приземистый...

Хинкус махнул рукой.

- Я его в разных видах видел, и толстым, и тонким. Никто не знает, какой вид у него натуральный... Это бы вам надо понять, шеф. Вельзевул - он ведь не простой человек. ~~Вельзевул - это не просто Вельзевул, не зря его так прозвали.~~ Колдун, оборотень! У него власть над нечистой силой...

- Понес, понес, - сказал я предостерегающе.

- Правильно, - согласился Хинкус. - Конечно, никто не поверит, кто сам не видел... А вот, например, баба его, с которой он разъезжает - кто это, по-вашему, шеф? Я ведь своими глазами видел, как она сейф в две тонны весом выворотила и несла по карнизу. Под мышкой несла. Была она тогда маленькая, щупленькая, ни дать, ни взять - ребенок, подросточек, вроде Барнстокровой этой девчонки... а ручищи - во, метра два... да

–А что вы скажете, – продолжал он, – на такое сообщение. Малыш удивительные слова, как "куры-просушить", "кварц-переход", "курвиметр" и так далее. Смысла их он, конечно, не знает, но произносит точно и без запинки.

Мы молчали.

– И, конечно, самое главное. Что вы скажете, если я вам сообщу, что Малыш в совершенстве неправильно употребляет, будто он является единственным обитателем этой планеты.

– Малыш решительно требует, чтобы мы немедленно ушли. Когда мы уйдем?

– Когда врей, – сухо прервал Вандерхуф.

1. Малыш знает слов и легко усваивает новые.
2. Малыш убежден, что на планете он единственный обитатель.

Теперь мне трудно удивить. Я сообщу вам только самые важные. Во-первых, Малыш ~~изучает~~... Да! Он называет себя Малыш. Его зовут Малыш. Это не первое его имя, не слишком точно соответствующее. Он так и назвал себя: Малыш. Так вот, Малыш ~~изучает~~ ~~очень~~ ~~много~~ ~~слов~~ ~~его~~ ~~языка~~ ~~Это~~ ~~удивительно~~ ~~много~~ ~~слов~~, в том числе такие слова, как "куры-~~несушки~~ просушить", "кварц-переход", "курвиметр" и так далее. Конечно, смысла их он не понимает, да и ~~сейчас~~ не понимает, но ~~удивительно~~ ~~что~~ ~~он~~ ~~не~~ ~~было~~ ~~и~~ ~~безошибочно~~.

Наш космический Маугли, который очутился в своей социальной жизни сказочно в новейшей глуши, говорит уже почти бегло, понимает все, что говорят ему.

Второй день молчание.

– Что значит – бегло? – недоверчиво спросил Мейер. – Это после четырех часов обучения?

– В том-то и дело, что ~~нет~~.

Теперь мне трудно удивить. За эти четыре часа я наслушался много... Кое-что нуждается в проверке. Но вот вам два фундаментальных факта, в которые, ~~так сказать~~, ~~уже~~ сейчас глядят на поверхности. Во-первых, Малыш его зовут Малыш... ~~Теперь~~ до сих пор не обращался с людьми, ~~которые~~ бегло ~~уже~~ научил бегло говорить и понимать произношение все, что говорят ему...

– Это значит – бегло? – недоверчиво спросили Мейер. – Это после четырех часов обучения?

– Да, после четырех часов обучения, – ~~произнесут~~ ~~сказал~~ Вандерхуф. – И во-вторых... Малыш ~~любит~~ в совершенстве убежденности, что он – единственный

Рукописные дополнения к черновику «Малыша»

– Приятного аппетита, – сказал я и на негнущихся ногах направился в коридор. Теперь я был совершенно уверен, что Ник самолично это дело еще тогда, когда надевал обручи на Малыша. Сердце у меня колотилось, губы отвратительно дрожали. Я заперся у себя в каюте, повалился на постель и уткнулся носом в подушку. В голове у меня, в горькой и бездонной пустоте кружились, жужжали, сталкивались и рассыпались невысказанные слова. Горько. Горько! Ну ладно, ну не нравится тебе эта затея. Мало ли кому что не нравится! В конце-концов тебя сюда не приглашали, случайно ты здесь оказался, так уж веди себя, как полагается! Ведь не понимаешь же ничего в контактах, квартирьер ты несчастный...снимай свои парниковые кроки и делай то, что тебе говорят! Ну хорошо, ну не нравится тебе! Ну отказались! Ведь так все или хорошо, только–только с Малышом сошлись, такой парень чудесный, умница, с ним горы можно было бы своротить! Эх, ты, квартирьер! Друг, называется...А теперь вот ни Малыша, ни друга...И Тендер тоже хорош: ломится, как вездеход, напролом...ни посоветуется, ни об"яснит ничего толком...Не–ет, чтобы я еще когда–нибудь контактами занимался – дудки! Я – кибертехник, мое дело – мои ребятишки, мои безотказные, мои послушные...Я вспомнил о своих ребятишках, и мне стало легче. Горечь постепенно уходила на второй план, и я вдруг поймал себя на том, что думаю, как бы усложнить систему сигнализации у Тома. Язык у него бедный. У бедняги, холуйский какой–то язык, лакейский, чего наберется. Кончится вся эта кутерьма, немедленно подам заявление в проект "Ковчег–2". Я стал представлять себе, какая это будет работа в проекте "Ковчег–2", и незаметно заснул.

Разбудил меня Вандерхузе перед самой вахтой.

– А Ник? – спросил я спросонок, но тут же спохватился. Впрочем, Вандерхузе сделал вид, что не расслышал.

Я принял душ, оделся и пошел в рубку. Давешние неприятные ощущения вновь овладели мной. Не хотелось ни с кем разговаривать, не хотелось никого видеть. Вандерхузе сдал вахту и ушел, сообщив, что вахта теперь шесть часов и следующий – Тендер. Было ровно двадцать два по бортовому времени. На экране играли спокойно над горами, дул сильный ветер с океана и рвал в клочья туманную пелену над горячей трясиной, приникал к промерзшему песку огородные кусты, кипятил на плях клочья мгновенно замерзающей пены. На ближней полосе, слег-

Правка черновика «Малыша»

у Тома.

– Здравствуй, Стась, – говорит он. – Ты уже поспал?

– Да, – отвечаю я. Мне смешно, хотя спать хочется ужасно.

– ~~Давай опять побеседуем, – предлагает Малыш бодро. – Давай?~~

– Конечно, – говорю я. – Давай.

К О Н Е Ц

13.09.70 Комарово.

– А хорошо было бы сейчас поспать, Стась. Верно?
– Да, – говорю я. – Было бы неплохо.
– Сверток на печи, – говорит он и некоторое время молчит.
Я жду.
– Ладно, – бодро говорит Малыш. – Тогда давай опять побеседуем. Давай?

Окончание черновика «Малыша»

Гуманоиды → антропол.
→ физиолог.
→ психолог.

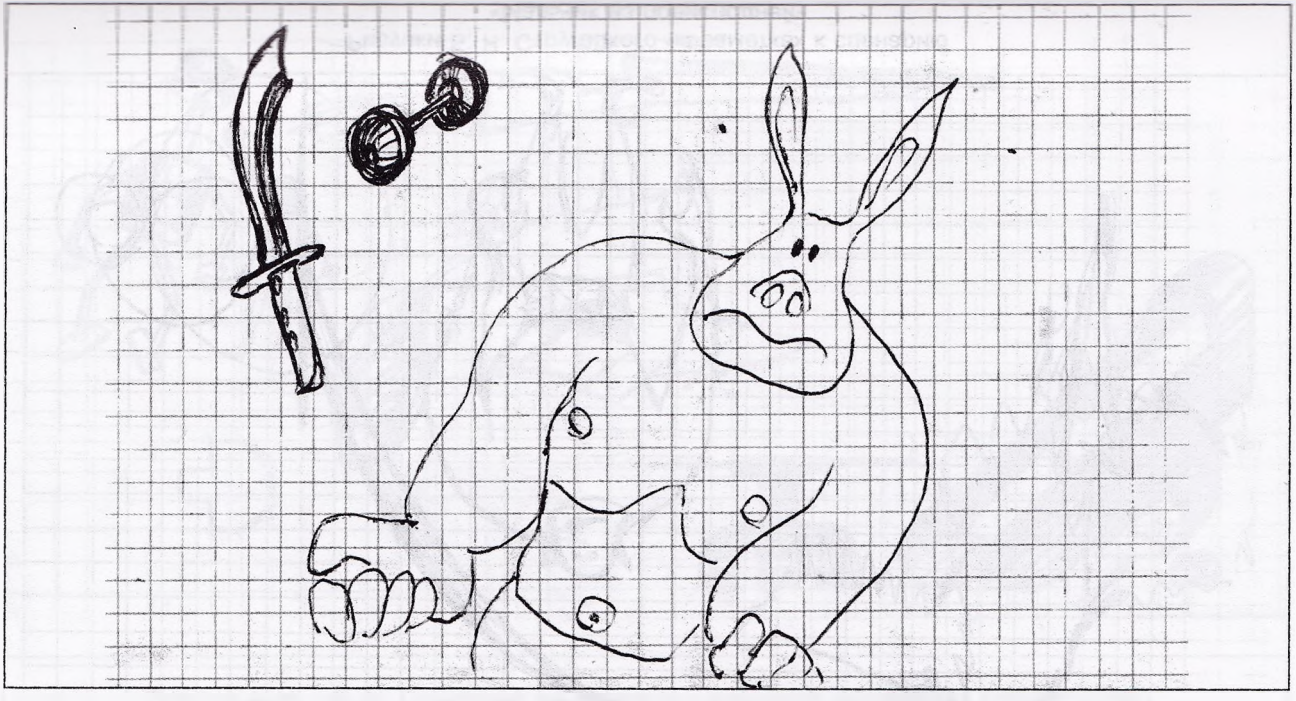
Овладение природой = технологич. ур.
Сознат.-произвольн. и прир. = биолог. ур.
"Ультим." природа, скрытая инициатор. = сверхтайн. ур. (?)

Потребности: т, без чего = существо гаснет и умирает
т, без чего существо скучает и тоскует
т, без чего существо деятельностно, не находит себе места. } пассивная и активно-страд.

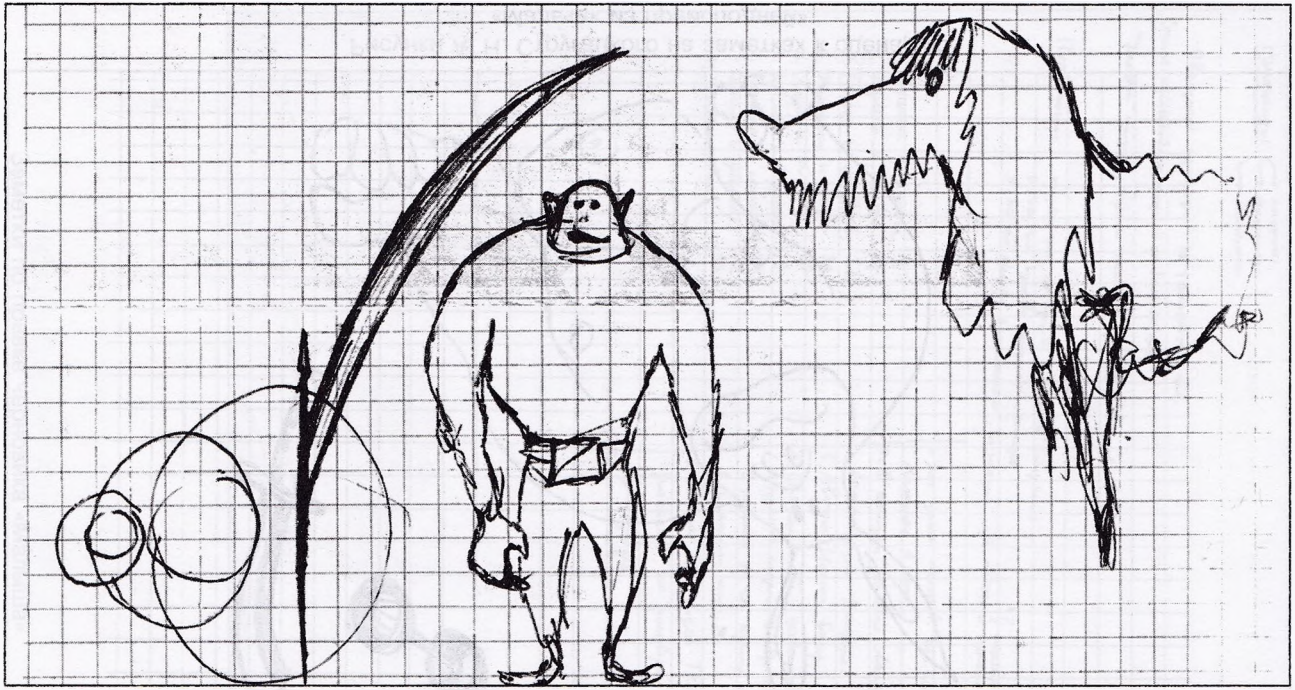
1. Тишина и пустота 1
2. Пустота и голоса 10
3. Голоса и призраки 21
4. Призраки и люди 39
5. Люди и не люди 60
6. Не люди и вопросы 79
7. Вопросы и сомнения 99
8. Сомнения и решения 112
9. Заключение 132

1. Эпиграфы прологов: вера разговор с Максимом в конце.
2. В каждом разговоре Малыша — о дальнейшем Кандеры.
3. Автору помогал Бадер.
4. Сверхтайная цивилизация — изучение людей. Возвращение домой с легкостью т, не нужно долго жить в реальном мире.
5. Может быть идея Тендера рассеяна по разговорам Дик-я — Кандеру-ду.

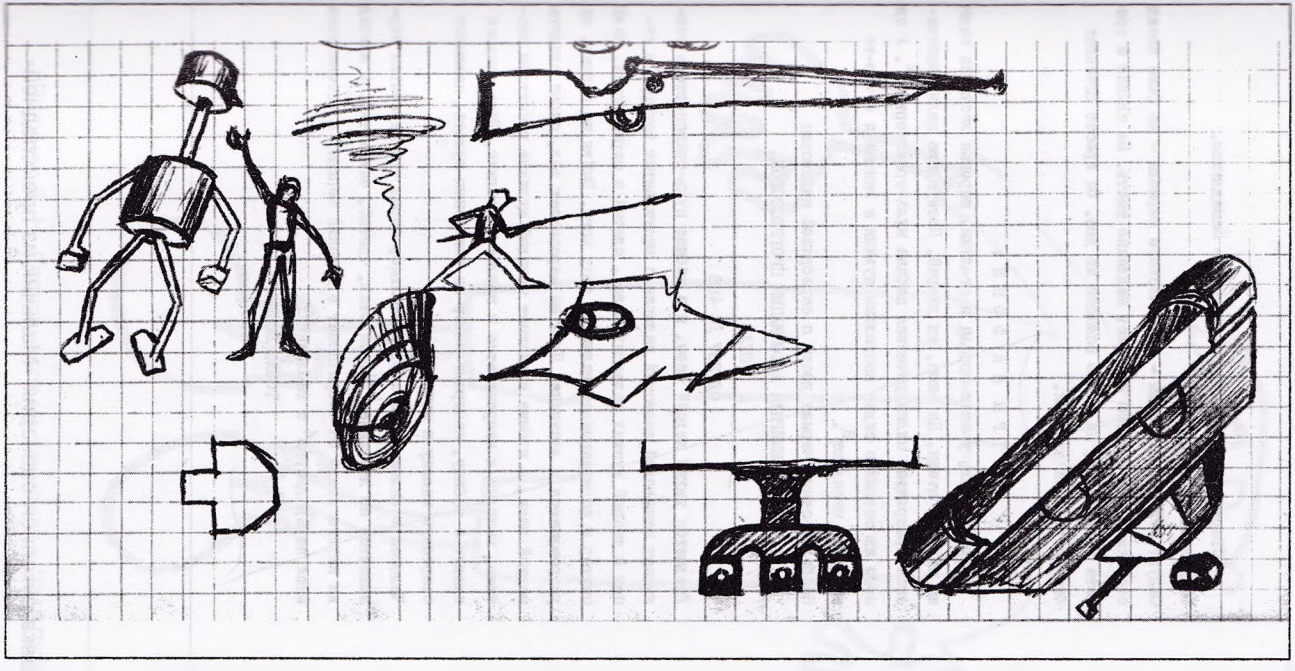
Заметки по правке черновика «Малыша»

Рисунки А. Н. Стругацкого на заметках к сценарию
«Мальчик из преисподней»

Рисунки Б. Н. Стругацкого на заметках к сценарию
«Мальчик из преисподней»

Рисунки А. Н. и Б. Н. Стругацких на заметках к сценарию «Мальчик из преисподней»

– Старт, – хрипло произносит он. – Немедленно.

Овал люка гаснет.

Силуэт огромного купола – космического корабля – на фоне звездного неба над болотом начинает медленно таять. Не слышно и грохота двигателей, не видно вспышек из дюз. Он просто исчезает без следа, как призрак.

Т И Т Р Ы Н А Ф О Н Е :

Круглый зал, у стен кресла и столики, широкая лестница ведет на верхние этажи. Ни окон, ни дверей. Посередине зала возвышается прозрачная цилиндрическая кабина нуль-транспортера[2]. У одного из столиков сидят несколько мужчин и женщин и о чем-то негромко беседуют[3].

На белой стене черная доска с серебряной надписью:

ВСЕМИРНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРОГРЕССОРОВ

ШТАБ

ОД 387 I6 488

Раздается тихий медный звон, и в кабине нуль-транспортера возникает немолодой жилистый человек с жестковатым загорелым лицом и шапкой густых седеющих волос, одетый в серые брюки, белый свитер и коричневые сандалии на босу ногу. Выйдя из кабины, он устремляется к лестнице. Пока он пересекает зал, снова слышится медный звон, в кабине возникает немолодой мужчина в светлом костюме, выходит и направляется к группе у столика. Двое девушек входят в кабину, набирают номер на клавишном пульте, нажимают стартовую кнопку и исчезают.

Человек в белом свитере стремительно, через три ступеньки поднимается по лестнице. Второй этаж, третий, четвертый. С площадки пятого этажа он сворачивает в широкий коридор и останавливается перед дверью[4] с табличкой:

ТОБА. ВОЙНА.

Правка рукописи сценария «Мальчик из преисподней»

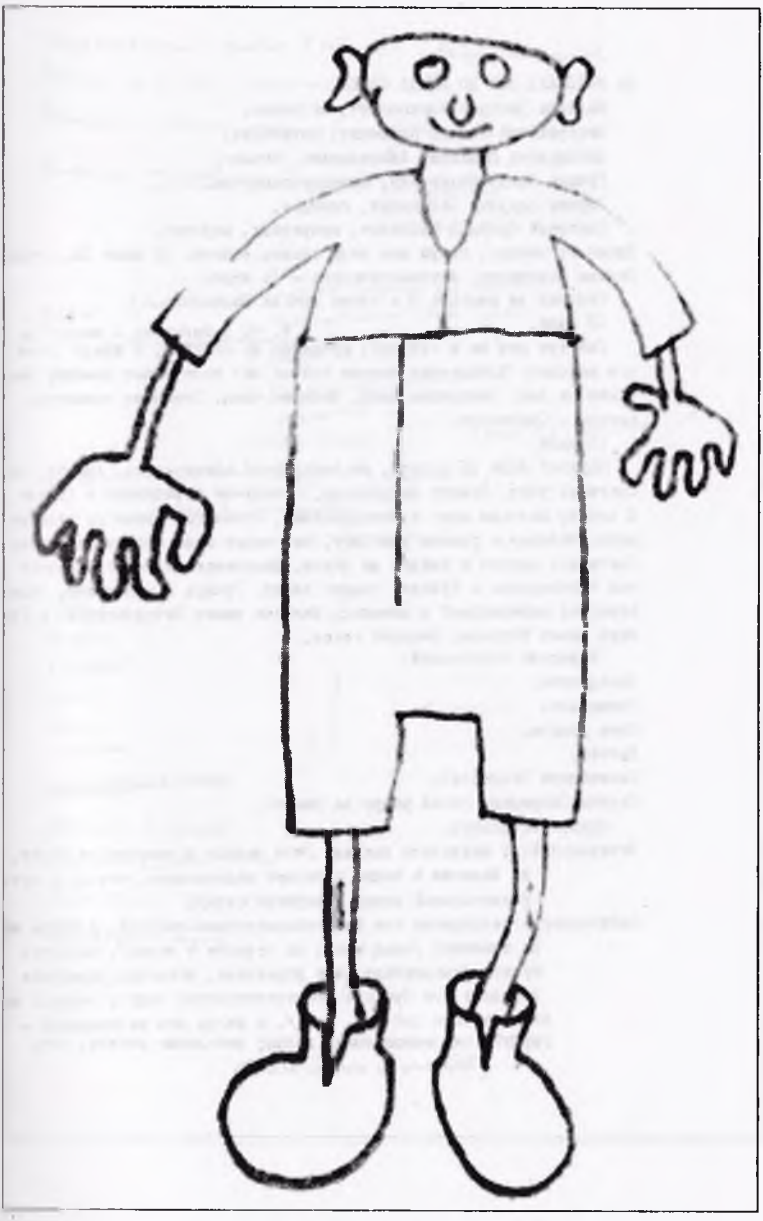

Рисунок Б. Н. Стругацкого на заметках к ЗМЛДКС

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА.

Малинов Дмитрий Алексеевич, астроном.

Вечеровский Филипп Павлович, математик.

Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог.

Губарь Захар Захарович, инженер-самоучка.

Глухов Владлен Семенович, японист.

Снеговой Арнольд Павлович, секретник, мертвец.

Время 0: момент, когда все сели писать отчеты. 15 июля 19...года

Первое совещание, оптимистическое – 14 июля.

События до момента 0 с точки зрения Малинова:

12 июля. в т. ч. Вайнгартен – вокруг да

Уже три дня он в отпуске, мучается со статьей. К обеду 11-го его осеняет. Начинаются помехи сейчас же: телефонные звонки, доставка на дом. Появление бабы. Вечером чаек. Странное появление соседа – Снегового.

13 июля.

Садится было за работу, не появляется следователь. Узнает, что Снеговой убит. Звонит Вайнгартен. Почему-то спрашивает о Губаре. К вечеру Малинов идет к Вечеровскому. Отпечатки копыт на подоконнике. Малинов с ужасом замечает, что ведет себя, как вчера сосед Снеговой: мнется и вокруг да около. Возвращается домой, застает там Вайнгартена и Губаря, пьющих водку. Губарь с мальчиком. Обмениваются информацией о помехах. Малинов зовет Вечеровского, а Губарь зовет Глухова. Военный совет.

Варианты объяснений:

Диверсанты.

Пришельцы.

Союз Девяти.

Дьявол.

Самозащита Вселенной.

Спруты Спиридоны /иной разум на Земле/.

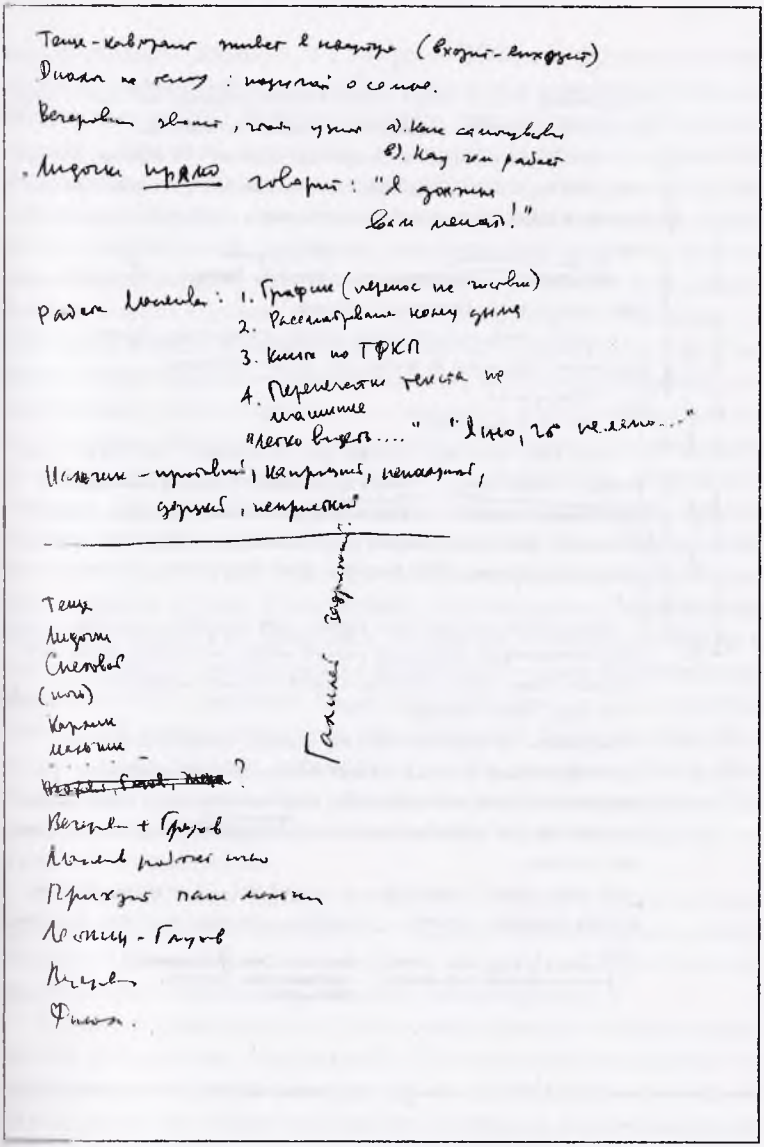
Судьбы остальных:

Вечеровский::: напустили дьявола /его данных в повести не будет, но Малинов в конце начинает подозревать, что он и есть таинственный агент неведомой силы/.

Вайнгартен:::пользуется его коллекционерством-тиффози, а когда это не помогает /ящик монет на чердаке у тетки/, пытаются купить /предлагают пост директора, академик Сидоренко убеждает его бросить перспективную тему и взяться за более важную для нар. хоз./, а когда это не помогает – грубый, как ~~[illegible]~~, нажим: появление агента, кот.

(пришелец из плохого романа)

Заметки по сюжету ЗМЛДКС

Заметки по сценарию «День затмения»

бесформенная тень. И омар в тонких пальцах шевелился как живой и словно пытался вырваться, освободиться, уползти куда-нибудь.

В легком разговоре возник неприятный перебой. Оба молчали. Оба искали, что сказать и не находили. Малянов несколько судорожно схватил бутылку и начал старательно подливать вино в стаканы, и без того полные.

- ~~Ну что, прими-таки~~... - промямлил он. - С-с-скушай! ~~Хорошее, Хорошо~~, а ~~и~~ вине, мать, у тебя планы в нашем прекрасном городишке?

- У меня? - этот простой вопрос привел, по-видимому, Лидочку в полное недоумение. Она ясно не знала, что на него ответить.

- У тебя, у тебя.

- А что тут у вас есть?

- Н-ну, как - что? Море. Пустыня вон, за сопками... Все есть. Обсерватория... Старый город... Мечеть одиннадцатого века. ~~Ты можешь себе представить, старуха... и разговор входил снова в привычную колею,~~ и Малянов, оживившись принялся рассказывать про мечеть и про обсерваторию, ~~надеясь~~ ~~[illegible]~~.

Потом, когда со стола было убрано, сели пить чай с вареньем. Малянов попытался-было рассказать о своей работе, но Лидочку это не интересовало. Более того, разговоры о работе странно нервировали ее.

- Не надо, Митя! Не хочу!

- Нет, мать. Ты представь себе эту картину: жуткая черная бездна, пустота, ледяной холод... никакой человек не может вообразить себе эту пустоту и этот холод...и вдруг - словно судорога... вдруг, - беззвучный! там нет звуков! - само пространство сминается, сжимается и как пластилиновая лепешка...

- Не надо, Митя! Я прошу вас, ну пожалуйста... Я не могу, когда вы об этом говорите, думаете... Я не шучу... Вы ведь так ничего и не поняли...

- Старуха! Ведь мы с тобой ~~[illegible]~~ на Дрездентафт! ~~Ты же должен был понять?~~ - ~~настороженно~~ Малянов.

Правка черновика сценария «День затмения»